

Совѣтика/ Soviética

Часть 1

Дублин

Ирина Маленко

This book is a publication of Commissar Books, Great Britain.

©2009 by Irina Malenko

All rights reserved

No part of this book may be reproduced or utilised in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying and recording, or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the author.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ирина Маленко

Зеленый мир Ирины Маленко	4
Пролог. Беженка от перестройки	15
Глава 1. Свитер, пахнувший овцой	29
Глава 2. Исповедь капитана звездолета	53
Глава 3. «Зачем Вы к нам приехали?»	112
Глава 4. «Каждый день слышать язык Бобби!»	171
Глава 5. Остров моей мечты	229
Глава 6. «У вас же теперь есть свобода!»	321
Глава 7. Когда падают бомбы	429
Глава 8. В краю непуганых мракобесов	486
Глава 9. Развязанный веник	569

Зеленый мир Ирины Маленко

(<http://www.comunist.ru>)

Комментарий КомРу:

После серии публикаций Ирины Маленко редакция КомРу получила множество писем с разнообразными вопросами об этой журналистке, в статьях которой очень удачно сочетается умение заинтриговать читателя необычностью фабулы статей, предоставить ему возможность насладиться уже изрядно подзабытым богатством русского литературного языка, с очень последовательной и бескомпромиссно отстаиваемой политической и гражданской позицией.

Мы попросили поделиться своими мыслями от прочитанных статей Ирины Маленко друга нашей редакции, члена редколлегии Русской редакции международного Интернет-журнала «Сопротивление» и автора сайта о Че Геваре товарища Муравлева.

Свои заметки товарищ Муравлев сопроводил снимками из личного архива Ирины и назвал: «Зеленый мир Ирины Маленко».

Притягательность публицистики Ирины Маленко основывается, на мой взгляд, на том, что Ирина очень умело разрушает в глазах своих читателей целый комплекс стереотипов, умело возводимых как отечественной, так и зарубежной либерально-буржуазными пропагандистскими машинами с целью оболванивания граждан, ибо как говаривал еще Наполеон Бонапарт: «Если бы солдаты научились думать - моя бы армия разбежалась». При этом Ирина как бы говорит своим читателям: «Поглядите, у меня получилось! Мой взгляд на окружающее, мои поступки, мое мировоззрение не зависят от мановения рук дирижеров нынешнего мира. Попробуйте, и у Вас тоже так получится. Это же так просто! Нужно только научиться самостоятельно мыслить».

Первый из навязываемых нам стереотипов, которые безжалостно ломает Ирина, заключается в том, что образованные люди якобы избегают левых убеждений, которые являются уделом

ностальгирующей по социализму пожилой части общества и маргинализованной молодежи, которая не смогла «достойно» устроиться в волчьей стае навязанного нам социума, а поэтому бредит призраком коммунизма, как волшебником, который «нахаляву» одарит ее всеми мыслимыми благами.

Ирина с отличием окончила Московский государственный историко-архивный институт по специальности «архивоведение», затем училась сразу в двух аспирантурах - родного института, а также института Африки АН СССР. Затем пришел черед окончания Лейденского университета Нидерландов по отделению славянских языков. Является дипломированным переводчиком с голландского. Свободно говорит по-русски, английски, французски, а также на папиаменто, амхарском и немного на ирландском. Профессионально владеет навыками технической поддержки компьютерных систем.

Я вспоминаю недавние публикации демократически ориентированных журналистов на перманентно актуальную тему о Че Геваре. С ужасом для себя узнавал о том, что, оказывается, Че был комендантом крепости «Ла Кабака». Очевидно, в церковно-приходской школе, которую окончил журналист известного издания, не проходят азов географии, иностранных языков и компьютерной грамотности, иначе «писатель» представлял бы, что крепость на самом деле называется «Ла Кабанья», но испанская буква «энье» при блуждании по русскоязычным сетям вследствие перекодировок частенько превращается в «С», которую наши «знатоки» и читают как «ка». Или вот, перевод с французского книги Жана Кормье «Че Гевара», в котором нас уверяют, что контрреволюционное вторжение на Кубу осуществлялось в заливе «Кошон». Дорогой господин переводчик! Да почитайте вы учебники по истории и географии. Мы же пока еще пользуемся не русскоязычным, а русским языком, в котором данный топоним либо транслитерируется с испанского как «бухта Кочинос», либо подлежит переводу в качестве «залива Свиной».

Так вот, можете быть уверены, что Ирина не допустит подобных «ляпов», и читатель совершенно справедливо чувствует эту профессиональную точность, как проявление уважения к его, читательской, персоне, платя автору ответной монетой.

Следующим стереотипом, безжалостно изгоняемым Ириной, является мнение о том, что современный человек, вкушивший благ

цивилизации, приобретает чувство брезгливости по отношению к своей советской Родине как этакое запоздалое диссидентство. В качестве иллюстраций я приведу нигде ранее не цитировавшиеся фрагменты публичного обмена мнениями Ирины со своими читателями.

«У меня тоже было отличное от официального мировоззрение. Оно и сейчас - отличное. Но оно мне не мешало быть гражданином своей страны. И любить её, при всей критике. И поэтому меня никто не арестовывал, не депортировал и даже не увольнял с работы. Высоцкого вот тоже на Западе, зная его взгляды, пытались «подоить» - выступить с критикой против своей страны, а он им сказал: «Это моя страна - и я имею право её критиковать, а вы не лезьте!» Очень правильно сказал».

«Если бы моя страна ещё существовала, я бы вернулась и жила в ней. Но её нет».

«Вы знаете, когда Вы пишете о советских диссидентах, - я представляю себе Валерию Новодворскую или Анатолия (пардон, Натана!) Щаранского и тоже понимаю, почему у меня не было неприятностей при Советской власти. Не потому, что я жила в провинции, а потому, что я никогда не была настоящим врагом своей страны. Я не ненавидела её, давшую мне все, - патологически, как эти люди. Я не была антисоветчиком - и не являюсь им и по сей день. Я знаю, какими сказкам Вас там сейчас кормит пресса о западной жизни - как здесь все замечательно, цивилизованно и хорошо, но Вы же не жили здесь, даже если и бывали проездом».

«Кстати, насчёт Солженицына: он ведь и против того, что сейчас творится, тоже выступает - да только его за это объявили практически «выжившим из ума стариком». Вот Вам и Юрьев день свободы и демократии! Александра Зиновьева что-то Вы не вспоминаете? А вот он хотя бы не захотел быть пешкой в руках Запада для разрушения нашей страны. В отличие от многих перечисленных «диссидентов». Стало большинству народа лучше жить от их диссидентства?»

«В 1971 году я жила замечательно, и меняться местами с Леонидом Ильичем мне было вовсе незачем. Но как это объяснить вам, тем, кто все измеряет в количестве, а не в качестве? Вы же как в «Кин-дза-дза»: «Чего хотел? Бассейн с Пе-Же? Малиновые штаны?» Только такими категориями и мыслите».

Здорово сказано, не так ли, уважаемые читатели?!

Далее, человек, вырвавшийся на запад, приобретший западное образование и рекомендательные письма известнейших компьютерных фирм, уж наверняка попытается устроить свое счастье где-нибудь в изобильных Соединенных Штатах Америки, может быть, в спокойной Германии, подойдут также Великобритания, Франция, Канада, сгодятся Италия и Испания, и уж конечно - Голландия, коль скоро именно она выдала университетский диплом.

Чем обусловлен выбор места жительства Ирины? Предоставим вновь слово ей самой:

«Очарованный Западом обыватель сейчас, конечно, начнет личные нападки: мол, это у Вас там не сложилось, а сложилось бы - Вы бы не жаловались.

Да сложилось у меня все. Нормальная работа, хорошие друзья.

Но я никогда не буду считать нормальной такую жизнь, при которой все эти «блага цивилизации» - не для всех. Не надо мне такой жизни, когда мне хорошо за счёт других. Не хочу я жить как Билл Гейтс.

И не стоит строительство такого «светлого» будущего (не для всех) таких страданий, которым подвергаются сейчас наши люди. Такая жизнь, как на Западе, вообще недостойна называться цивилизованной - в начале XXI века. А уж если бы Вы видели, какое дремучее бескультурье царит здесь в массах!

Люди университеты кончают - а не знают, где в мире различные страны находятся. Может, это в России теперь тоже стало нормой? Ну а я училась в такое время и в такой образовательной системе, что до сих пор каждый день ощущаю: как же мне страшно повезло, что я родилась в этой стране (СССР) и в это время (1967)».

«Напрасно, между прочим, не верили советской прессе, голубчик. Я вот тоже к ней относилась со здоровым скептицизмом, а сейчас, чем дольше здесь живу, тем больше убеждаюсь с каждым днём, что 90% того, что нам говорили о Западе, - правда. Может быть, немного однобокая, согласна с Вами, но уж то, что сейчас пишут и показывают наши СМИ, - это вообще не однобокость, а неисправимая хирургическим путем кособокость. Поворот на 180 градусов: «у нас все плохо, а у них все хорошо».

«Я прожила в разных странах Европы и Карибского бассейна (уже почти 20) лет - и думаю, что имею моральное право сравнивать обе

Советика Часть 1

системы после этого. И моё сравнение - не в пользу капитализма! Вы же и сами признаете, что «вся остальная массовка была вольна жить как могла, в своё удовольствие». Вот именно!

Не было ни страха перед завтрашним днём, ни бессилия обеспечить своему ребёнку хотя бы просто нормальное необходимое лечение - потому что у вас нет 10.000 долларов, ни унижения женщин, которое западные женщины (и наши после 90-х годов!) с детства привыкли считать нормой жизни.

В России тоже ведь рубли - официальная денежная единица, а все долларами измеряют? Я привела эту цифру, как самый дешёвый пример того, сколько надо иметь хотя бы для того, чтобы вашему ребёнку провели полное неврологическое обследование. Это даже ещё не включает лечения. Бесплатное лечение в Британии? Да, если у Вас легкая простуда. А если что серьёзное - выпутывайтесь как хотите. Нет денег? Пусть ребёнок остается инвалидом на всю жизнь. Кому до него дело-то, до бедного?

Это у нас девочку из Литвы с отрезанной ножкой - сразу на самолет и в Москву, и операцию: у диких, понимаешь ли, коммунистов, при военной диктатуре. А тут - свобода!..

Многолетние очереди на операции даже самые элементарные - Вам об этом не рассказывали? Или о том, как люди здесь в реанимации по 10-12 часов лежат в коридоре прежде, чем к ним врач подойдёт?..»

«На Западе есть «выбор»? не нравится работать на Билла, а больше никакой работы нет? Выпутывайся как знаешь! В СССР был выбор. Не хочешь «работать на партию», как Вы выражаетесь, - будь беспартийным. Моего дядю, например, так и не убедили в неё вступить. Ну и что, он от этого по миру пошёл? Нет, так и остался работать главным экономистом завода».

Вы, вероятно, уже заметили, дорогой товарищ, что вежливая Ирина ведет речь о России как бы со стороны, иногда называя ее «Ваша Россия», ибо того требует чувство такта при ведении с россиянами непростого разговора о буднях их родной России при условии, что собеседник длительное время находится вне ее. Однако нормальному человеку невозможно говорить о глубоко личном, как о «Вашем». Вот и сменяют друг друга в очереди различных цитат «Ваша Россия» и «моя страна». И дело здесь вовсе не в том, что своей для Ирины страной

был Советский Союз, а вовсе не «бездомная оцыганенная Россия». Дело в том, что Советский Союз никуда не девался с проложением новых, идиотских рубежей. Просто он переместился с карт продажных политиков в наши сердца. Так надежнее.

Ирина, коренная тулячка, некоторое время пожив на острове Кюрасао, что в цепи Нидерландских Антилл, обосновывается на Зеленом Острове, в Ирландии, выбрав для себя отнюдь не спокойную южную часть, а мятежный север, более известный у нас как Ольстер. Свой сайт Ирина так и назвала - окно в Зеленый Мир, правда, заставка сайта, выполненная ее подругой Ли Мак-Мей, не оставляет сомнения, что Ирина прибыла в Северную Ирландию отнюдь не для занятий экологией. На заставке мы видим наглухо забитое зеленое окно, опутанное колючей проволокой.

Любопытно, что Че Гевара в первые послереволюционные месяцы свободы вот так же определил цвет кубинской революции как зеленый, как цвет незрелых оливок. Не следует думать, что на этот выбор повлияли гастрономические пристрастия Че. Просто в оливковую униформу были одеты бойцы возглавлявшейся им Восьмой колонны «Сиро Редондо», триумфально прошествовавшей с боями через всю Кубу от гор Сьерра-Маэстра до Гаваны. Кроме того, название «Зеленая олива» имела одна из революционных газет, в которой Че публиковал свои пламенные статьи.

Но вернемся к тому, что зеленый мир Северной Ирландии стал миром Ирины, ибо «могу сказать, что моей мечтой с детства было бороться за лучшую жизнь - для всех людей.».

«А пишут о Северной Ирландии наши журналисты из Лондона так: взял британскую газету и перевел, что полегче. А чтобы самому куда-то ехать, разговаривать с людьми, вникать в то, что происходит? Ну извините, зачем им такой каторжный труд? Поэтому все, что Вы читаете/видите в российских СМИ, это даже не наш собственный, российский взгляд на мир...»

«Чего они воют? - спрашиваете Вы. Возьмите в библиотеке какую-нибудь книгу по истории Ирландии - и перестаньте на недельку хотя бы смотреть и слушать Би-Би-Си. Это будет первым шагом к тому, чтобы начинать понимать.

Придется, видимо, излагать на вульгарных примерах.

Советика Часть 1

Представьте себе, что в 40-е годы нашу страну захватили бы немцы. Представьте себе, что они выселили бы всех оставшихся в живых русских за Урал, а на европейской территории России поселили бы немецких колонистов. После этого, когда Вы, наконец, добились бы через много лет независимости, они заявили бы Вам, что немецкое «большинство» желает, чтобы Европейская Россия оставалась за Германией - ведь оно же «большинство»! Как, нравится Вам такая перспектива для России? Так почему же ирландцы должны с этим мириться? Почему объединение двух Германий считается таким благом, а объединение двух Ирландий пугает россиян? Логика нет никакой. Кроме ложных аналогий с Чечней, где идет грязная война за нефть между двумя «элитами» - русской и чеченской, ни в чем не похожая на то, что происходит здесь.

Если хотите понять Северную Ирландию - смотрите на Южную Африку до недавнего прошлого: приезжие колонисты проводят политику апартеида и дискриминации в отношении коренного населения. Или на Израиль посмотрите: люди, которые оказались там без году неделя (я даже не говорю про коренных израильтян, а про наших с вами бывших соотечественников, приехавших туда пару лет назад!), ведут себя совершенно возмутительно по отношению к тем, кто живет там уже много поколений.

Описание Ирландии, какой её себе представляете Вы, действительно не соответствует действительности. Вы хотя бы знаете о Мирном договоре Страстной Пятницы? О том, что Ирландская Республиканская Армия уже с середины 90-х держит перемирие, и что как раз этим-то пользуются противники справедливого решения ольстерской проблемы, противники проведения референдума, которым в будущем и будет решаться судьба Северной Ирландии? О том, что протестантское «большинство» составляет всего 20% в масштабах всего острова Ирландия? И что даже в самой Северной Ирландии соотношение двух общин - примерно 60 на 40, и далеко не все из протестантов хотят оставаться, как Вы изволили выразиться, «под флагом её Величества»?..»

«...Зачем навязывать свой образ жизни, свою культуру, свои законы другому народу, у которого есть свои? На его, заметьте, земле. Даже если Вы уверены в том, что Ваши - лучше. Ведь, как говорил ещё

Аркадий Гайдар, «что такое счастье - это каждый понимал по-своему...»

«Насчет пистолета, который применяют для решения вопросов; да ведь именно оружие и применяют колонизаторы, когда захватывают чужую землю - Ирландию, Зимбабве. А потом начинают плакать и кричать про права человека, когда это оружие начинают применять против них: «Что можно чемпиону, того нельзя быку»? А Вы что предлагаете в качестве альтернативы? Сидеть сложа ручки, подставлять другую щеку в ответ на пощечины, вести бесконечные переговоры с тем, кто все равно постоянно нарушает своё слово? Даже сама «сага» нашего с американцами разоружения (мы разоружились, а они продолжают вооружаться - и уже ни во что нас не ставят без оружия, а если бы у нас не было и того, что мы успели в своё время сделать, нас давно уже бомбили бы как Югославию - а причину «свободные демократы» всегда найдут!) показывает: хищники уважают только силу».

«...настоящие колониальные хозяева здесь не живут. Они живут за морем, в Лондоне. Те, кто живут здесь, - это, в лучшем случае, их прислужники. А для того, чтобы перестать быть колонизаторами, достаточно научиться уважать коренных жителей, их культуру, их язык, их историю - и почувствовать себя жителем этой страны, а не той, которая подбрасывает тебе оружие и подначивает пойти и застрелить своего соседа. Я знаю многих протестантов, которые, будучи родом из Шотландии (их предки приехали сюда лет 400 назад) и оставаясь протестантами, со своей культурой и традициями, считают себя ирландцами - ведь они родились и выросли здесь, в Ирландии, и понимают, что это - и их страна. Как показывает опыт Ирландской республики, где до сих пор проживают значительные группы протестантов - в Корке, Каване, Монагане, в объединенной Ирландии им ничто не грозит, ни этнические чистки, ни религиозная дискриминация.

Как только «добренькие дяденьки» из Лондона перестанут натравливать одну группу населения на другую, предоставив одной из них исключительные права над другой, «проблема» Ольстера решится сама собой. Ну а уж что именно надо сделать для того, чтобы они это делать перестали, - здесь я бы оставила за собой свободу действий в зависимости от конкретных обстоятельств.

«Добро должно быть с кулаками, добро суровым быть должно!»

К сказанному лишь добавлю, что свою журналистскую деятельность Ирина начала с участия в антивоенной кампании против бомбардировок Югославии, о которой есть кратенькое упоминание в этом отрывке.

Читая фрагменты этой статьи своим коллегам - университетским преподавателям, я пришел в замешательство от первой же ответной реакции: «Ваша знакомая - идиотка?» Воспитывающие молодежь «ученые» «мужи», и (о ужас!) «дамы», вслед за Адольфом Гитлером, пребывают в полной уверенности, что удел женщины сводится к трем «К» - «киндер, кухне, кирхе» - то есть, «дети, кухня, церковь». Ирине частенько приходится разъяснять своим оппонентам, что любой человек, как мужчина, так и женщина, должен быть наделен прежде всего личностными чертами, причем личность - это вовсе не отдельно взятый индивид, который привык драть глотку в защиту своего права прожигать собственную жизнь, занимаясь потреблением, размножением и выделением, а нечто большее, что так трудно описать тому, кто отдает предпочтение преимущественно лишь перечисленному.

«Но я пожила достаточно лет в обществе, которое считает, что у женщины - только два «места» жизни: или супружеская кухня, или стрип-бар, - и поверьте мне, чувство было такое, что при «Домострое», наверное, было легче, чем в современных Нидерландах. По крайней мере, тебя не унижали, а на кухне, может быть, даже и уважали. Может быть жену Вашего знакомого/родственника такое и устраивает, а я - не кусок мяса для удовлетворения чьей-то похоти и не рабыня, живущая за чужой счёт, а современный, образованный, трудящийся человек».

И вот тут-то мы сталкиваемся с тем, что современная образованная, одаренная, духовно богатая личность не может замыкаться в мирок собственного «я», не может не занимать социально активной позиции. Как это отличается от убогого либерального мироощущения, мещанский мирок которого включает лишь «себя любимого», ближайших родственников да, может быть, еще горячо обожаемого босса, от расположения которого зависит «толщина питательной трубки»!

«А зачем нам вообще нужно государство, если оно ни о ком не заботится, все должны, как в диком лесу, заботиться о себе сами и добывать себе на жизнь разбоем на дорогах и обманом тех, кто послабее и подоверчивее? Можете Вы мне сказать, зачем вообще нужно государство, если оно не заботится о людях и не защищает слабых? Это же обыкновенный фашизм - «выживает сильнейший».

Я думаю, что мы, люди, - все-таки существа более развитые интеллектуально и социально, чем дикие звери. А ваша сегодняшняя «свобода» свела людей именно к такому, животному существованию. Одна забота - чего бы пожрать и как бы выжить. Замечательная перспектива для подрастающих поколений!

Так зачем же оно нужно, такое Ваше государство, которое не может людям обеспечить достойной жизни, позволяющей им иметь силы, время и средства на интеллектуальное развитие? Чтобы «держат и не пущать» тех, кто осмелится покуситься на «святыню» - награбленное у того, кто пахал всю жизнь, «деловыми и предприимчивыми»?»

При этом Ирина не скрывает своей коммунистической ориентации. Правда, в отличие от многих наших кондовых красных агитаторов (а я с болью выдавливаю из себя такие слова!), ориентация Ирины не сводится к набору цитат из Маркса, Ленина и ныне здравствующего вождя той или иной компартии, а вырастает как бы исподволь, снизу, из гущи народной жизни:

«Хорошо, что наш президент имеет патриотичные взгляды. Но только голодным, бездомным детям, безработным, тем, кого бомбят, от этого не легче.

А при коммунистах - как бы Вы их не ненавидели - этого не было».

«Так что не надо рассказывать страшные сказки об ужасах социализма тому, кто прожил при нем сам 22 года своей жизни. Не действует. Особенно когда сравниваешь это с сегодняшним днём в России - соловья баснями не кормят!

При капитализме нет монополии на власть? Вы имеете в виду - одной политической партии? А какая принципиальная разница между этими партиями, чем народу принципиально по-другому становится жить, когда одна из них сменяется другой, - Вы можете сказать? Это как если бы наша КПСС разделилась на две партии: хотите - голосуйте за одну, хотите - за другую! Вот и вся Вам здешняя «свобода».

Совьетика Часть 1

«А говорю я о том, что такая животное-потребительская жизнь, без идеалов, без принципов, без надежды на достойное будущее для всех, а не только для самых наглых, - недостойна она современности. Это - возврат к полупещерному-полуфеодальному состоянию, деградация. Вот о чем я говорю!»

Завершая свой рассказ, я хочу вспомнить девиз Ирины, который она приводит на своем сайте: «Я поклялся, что как только увижу какую-то несправедливость, то тут же, как ястреб, кинусь на неё». Эти слова, как известно, Астрид Линдгрэн вложила в уста Карлсону, который живет на крыше. Они показались мне удивительно знакомыми. И вот, перечитывая книгу Пако Игнасио Тайбо II «Гевара по прозвищу Че», я натолкнулся на такое вот изречение незабвенного революционера: «Я не знаю, к каким местам относятся мои родственные испанские корни. Мои предки эмигрировали в Америку, когда никаких учетных записей не велось. Но если Ваши перья встают дыбом при виде любой несправедливости, происходящей в каком бы то ни было уголке земного шара, то мы - единомышленники, а это - гораздо важнее».

А значит, оливковый мир Че Гевары наполняется зеленым миром Ирины Маленко алыми красками восхода! Товарищ Муравлев
russianche@narod.ru

Пролог. Беженка от перестройки

«Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок»...

(А.С. Грибоедов «Горе от ума»)

...Сквозь ставни и занавески пробиваются утренние солнечные зайчики. На лужайке перед домом зайчики эти прыгают по первым одуванчикам, отскакивая от их золотых тарелок. Трава зеленая, яркая. Пахнет только недавно подсохшей после весенних разливов землей и - яблоневым цветом. Вокруг домика нашего все бушует в цвету: яблони, груши, вишни, сирень...

Самые замечательные утра - в начале лета, когда уже не надо ходить в школу. Когда медленно просыпаешься и можешь позволить себе лежать в постели и смотреть на эти солнечные зайчики на занавесках - в предвкушении долгого, кажущегося бесконечным, жаркого, полного интересных событий дня. Но до этого, к сожалению, еще надо подождать несколько недель. А в июне уже не будет яблоневого и сиреневого цвета, перестанут петь соловьи, а на дорогах появится пыль...

В мае мною всегда одолевает странное, щемящее чувство: такая красота кругом, что от нее сжимается сердце. В эти дни по-настоящему веришь в чудо (и совсем по-другому, чем под Новый год!) - причем чувствуешь, что оно не за горами. И так жалко тратить эти удивительные дни на страх перед годовыми контрольными или подготовку к экзаменам, но ничего не поделаешь... «Еще немного, еще чуть-чуть, последний бой, он трудный самый...»

Май начинается с *Первомая*. Под Первомай повсюду укладывают новый асфальт, закатывают выбоины на дорогах, и приторно пахнет горячей смолой. Белят стволы деревьев на улицах, и от одной этой картины на душе делается празднично.

Почему-то на Первое мая, как правило, всегда хорошая погода, а дождь и холод бывают на следующий день. *Первомай* - резкая граница

Совьетика Часть 1

между еще не совсем настоящей весной, как в апреле (когда тропинки то подсыхают, так, что почти можно уже надеть летние туфли, то снова становятся непролазными, и приходится снова доставать так надоевшие уже демисезонные сапоги) и временем, когда «идет - гудит зеленый шум». Кажется, буквально за один день начинают распускаться молодые листочки на деревьях (как они пахнут!), одуванчики на дорогах и, если повезет, можно будет пойти на демонстрацию в одном свитере, без плаща.

Демонстрация была большим событием, радостным - как для детей, так и для взрослых. На нее наряжались в самое лучшее, шли всей семьей. На Октябрьскую я не всегда ходила - из-за погоды, и если оставалась дома, то не было для меня большего удовольствия, чем смотреть по телевизору праздничный парад! Но ни одного Первояма я не пропустила. С утра на улицах играла бодрая, жизнерадостная музыка. Улицы были выметены, деревья - выбелены, дедушка и все соседи рано утром вывешивали на дома красные флаги. Никто не заставлял нас это делать - сама подобная мысль была бы для нас смешна. В городе не ходил транспорт, и люди шли отовсюду пешком, под звуки музыки - к месту, где собирались их колонны, веселые и оживленные.

Мы, дети, с нетерпением ждали, когда для нас надуют праздничные шары, которые привязывали к весенним веточкам с чуть распутившейся листвой. Шары и ситро были неразрывно связаны с Первоямом и с *Октябрьской*, как ее называл дедушка, так же, как елка и мандарины - с Новым годом, черешня и клубника - с июнем а арбузы - с августом. И это было так здорово! Никак не понять этого тому, кто жрет в январе красивую, но *пластиковую* клубнику из голландской теплицы или в декабре- привезенный из другого полушария виноград и кто круглый год напролет ежедневно литрами пьет кока-колу, а шарики для детей получает бесплатно с «хэппи мил» в «МакДональдсе». Нам, детям советского времени, было чего ждать и чему радоваться, когда наступало тому время. Дело было не в вещах - вещи не представляли для нас собой абсолютную и всепоглощающую ценность. Если у кого-то был велосипед, а у кого-то не было, катались на нем все, по очереди. Если кто-то ходил в театр, а кто-то не ходил, ему покупали билеты и приглашали его с собой. Нам хотелось

поделиться своей радостью, а не чванливо совать ее другим под нос, чтобы позавидовали.

Родители могли купить нам и ситро, и шарики в любое время, но никто этого не делал, потому что они были предназначены для *празднования*. Возможно, этого «поколению, выбравшему пепси» уже тоже не понять. Мы умели то, чего не умеют они - *и ждать, и радоваться!*

Мы умели *радоваться ожиданию*. Рекламное «I want it all and I want it now» было нам не просто чуждо, как что-то инопланетное - было глубоко противно и вызывало неизменные ассоциации с образом Мальчиша-Плохиша, сидящего на бочке варенья... «Вот наступит ноговодняя ночь - и будет елка (а не за месяц до нее, с выбрасыванием ее на следующий же день после праздника), «Голубой огонек» и «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». «Вот настанет лето - и в саду поспеют яблоки» (свои, свежие, натуральные!) «Вот придет октябрь, начнем топить печку - и будем печь в ней картошку» (а не в микроволновке в любой момент; к слову, вкус у нее отсюда совершенно не тот).. «Вот наступит март, растает снег, и я буду пускать в ручьях кораблики» (а не в ванной или в бассейне круглый год). Понимаете, о чем я? Или уже тоже нет?

Но вернемся к Первомаю. На улицах играли духовые оркестры. Люди радостно приветствовали знакомых по пути к месту построения своей колонны, поздравляли с праздником. Потом с нетерпением ждали, когда же мы двинемся в путь. Если мы, дети, уставали, нас подсаживали сзади на каталки с портретами членов Политбюро. Мы с интересом рассматривали по дороге праздничные плакаты и читали транспаранты. Люди, которые только недавно приехали из деревни в город, приходили на демонстрацию со своим баяном, лихо отплясывали и пели частушки. Никто их, естественно, не заставлял этого делать. Чувство праздника было искренним и всеохватывающим. Так же, как и *Октябрьская*, это был **наш** праздник – не ельциновский *день независимости от Горбачева* и не путинский *день «жизни за царя»*. Не был он и просто «праздником весны и труда». Мы хорошо знали, что такое международная солидарность трудящихся!

Чем ближе мы подходили к центральной трубуне возле памятника Ленину, тем громче становилась музыка и праздничные призывы,

Совьетика Часть 1

выкрикиваемые торжественными голосами в мегафон. Торжественность эта передавалась нам. Наше «ура» выражало нашу радость - радость жизни, радость от этого прекрасного, теплого дня, от приближения лета и от того, что мы здесь- все вместе! А уж когда в мегафон произносилось «Да здравствуют славные труженики (такого-то) завода!», проходящие в это время мимо трибуны вышеупомянутые труженики отвечали таким громовым «ура!», что дрожала мостовая...

После демонстрации по домам расходились медленно. Транспорт все еще не работал, и мы неспешно шли прямо по рельсам. Дома бабуля еще с вечера приготовила пироги и другие вкусности. Дедушка готовился выпить стопочку вместе с дядей Сережей (два раза в год, на 1 мая и на 7 ноября, к нам обязательно приходила дедушкина племянница с мужем и сыном, который был старше меня на 8 лет и мой большой кумир и пример для подражания. Мне импонировало, что он всегда говорил и играл со мной на равных, а не как с малышом-несмышленишем). Мы их всегда очень ждали! Дедушка – ветеран войны, но не коммунист и никогда коммунистом не бывший и достаточный циник по жизни - произносил праздничные тосты и первым кричал «ура!». Мы подхватывали.

А вечером... вечером был салют! Или фейерверк; я, собственно, не знала в чем разница. Небо разукрашивалось разноцветными огнями, и мы все от мала до велика высыпали на улицу. При каждом залпе раздавались крики «ура!» -тоже совершенно искренние. Тот, кто не понимает этого, просто не имеет понятия, что такое радоваться жизни, и «с чем его едят»...

И не надо мне тут «вы радовались этому потому, что больше ничего не знали!» **Чего мы не знали из того, что было бы стоящим, чтобы знать?** Стрип-бары, бордели, наркотики? Журнал «Плейбой»? Игру на бирже? «Одноруких бандитов»? Охранников в каждом магазине и каждой школе? Слов «рэкет» и «разборки»? То, как звучат в реальной жизни взрывы и выстрелы? 64 позиции из «Камасутры»? Как чувствует себя безработный? Того, как выглядят бездомные – и беспризорные дети? Того, как можно умереть только потому, что нечем заплатить за операцию? Отдыха на Мальдивах – в то время как бывшая соседка ваша роется в мусорных бачках?

Позицию менеджера по продажам «Гербалайфа»? Западные барахло?
Вот велика радость-то!

... После 1 мая быстро наступало 9-е... Дедушкин день. Он никогда много не рассказывал о войне. Только когда выпьет на 9 мая, восклицал, что не дай нам бог узнать, какая это мясорубка... «Мясорубка была. Человек - самое жестокое животное на земле.» Дедушка чудом выжил в боях под Ленинградом. Его тяжело ранило в ногу, и его вынесли с поля боя. Осколки в ноге у него остались до конца его жизни, и дедушка говорил, что в плохую погоду он чувствует, как осколки в ноге движутся, а я смотрела на его ногу, пытаюсь себе представить эту картину. Воображение рисовало что-то серое, живое - и злое.

Ненависти к немцам как к таковым мы (включая дедушку) не испытывали. Немец и «фриц» - это были две совершенно разные вещи. Правда, при звуке немецкого языка я еще много лет непроизвольно сжималась: он автоматически ассоциировался с криками «halt!», «hende hoch» и «Russische schwein» и автоматными очередями. Совершенно такие же ассоциации у меня вызывает теперь американский английский с его омерзительно квакающим «г». А вот к немецкому языку все негативные чувства исчезли. Не время для них – сегодня у человечества другой главный враг...

...Фильмы о войне начинали показывать за несколько дней до Дня Победы. Когда мне было 5 лет, на экраны вышел «А зори здесь тихие...» Хорошо помню, как фильм этот потряс меня, когда мы посмотрели его в первый раз. Правда, тогда я не плакала после него - это сейчас я реву в три ручья каждый раз, когда этот фильм вижу. И над судьбами девочек-зенитчиц, и над судьбой моей страны.... А тогда я просто встала на следующее утро - и соорудила у нас во дворе, под рябиной, мемориал в честь Риты, Жени, Лизы, Сони и Гали. С возложением венка. Потом пошла к дедушке и сказала: «Дедушка, купи мне автомат!»

Дедушка не удивился, удивились в магазине игрушек, куда мы пошли - маленьком, похожем на коробочку домике рядом с аптекой, где продавали игрушки и канцтовары: «Автомат? Девочке?» Но спорить не стали. И уже после полудня я и моя лучшая подруга Маруся, которая тоже, оказывается, смотрела этот фильм, вместе с ее братом Андрюшкой играли в войну в густых зарослях лопухов у них за

огородом. Лопухи были выше наших голов. В их тени было полутемно даже в самый солнечный летний день, и мы воображали себя партизанами в лесу. Мы прокладывали там свои тропинки, устроили «землянку». Мой новый автомат тарыхтел совсем как настоящий. Маруся была задорной Женькой Комельковой, и из лопухов под автоматный треск громко раздавалось ее «Он говорил мне...». Я была лиричной Лизой Бричкиной, но я не тонула в болоте, а приводила подмогу.

Наверно, с того самого времени я никогда не хотела быть слабой романтической героиней, которую спасает благородный герой: я сама хотела спасать других и быть героем! В мечтах я была отважным капитаном звездолета, спасавшим членов своей команды из различных переделок. Команда пополнялась за счет пришедшихся мне по душе реальных людей и выдуманных героев. В ней состояли Яносик, Зорро и Черный Тюльпан, а также отважные латыши, боровшиеся со шведами из фильма «Слуги дьявола» и Зоя Космодемьянская.

Я представляла себя соратником Зорро - полноправным, а не Ортензией из фильма. Когда один из маминых коллег пытался научить меня старой житейской еврейской мудрости *«Дают - бери, а бьют - беги!»*, я искренне возмутилась и начала доказывать ему, убежденному сединами, что когда тебя бьют, надо не убежать, а бить в ответ!... Таким был мой собственный дедуля - не убежать, а бить в ответ! Сам он не побежал бы даже когда не было никаких шансов на победу. Это о таких, как он, мечтают сейчас наши женщины – «чтоб не убежал»...

... В 6 часов 9 Мая была минута молчания - от торжественной тишины щемило сердце. В 9 вечера - салют... После салюта я залезала на крышу и долго сидела там на корточках, смотря в бесконечную, пронзительную даль цветущих садов. Моим единственным спутником на крыше был огромный паук, сплетший паутину на трубе нашего дома. Он был такой огромный, что я прозвала его «паук-ткач-троглодит», как в книге у Булычева про Алису. Он молча висел в своей паутине и на меня поглядывал, а я, которая обычно до ужаса пауков боится, его почему-то не боялась ни капельки. Наверно, потому что он никогда не пытался ко мне подползти. Он сидел себе в своей паутине и занимался своим прямым делом.

Когда опускались сумерки, начинали свой вечерний концерт соловьи и лягушки. Лягушек было намного больше, и они бесстыдно заглушали соловьев. Но было в этом странном хоре даже что-то особенно, неувовимо привлекательное.

На чердаке под крышей глухо ворковали сонные дедушкины голуби - его любовь и гордость. Я знала все их породы, что почему-то неизменно вызывало смущение у моей мамы, если я упоминала о своих познаниях в школе. Моим любимцем был *ленистый* голубь по кличке Глухарь, прозванный так за наросты, которые появились у него на глазах от возраста и которые делали его похожим на глухаря. Глухарь был не только долгожителем среди голубей, он был еще и необыкновенно умным: когда его, уже плохо летавшего, поймал и утащил к себе другой голубятник, через неделю он... прибежал к нам по заборам! Голубятник бежал за ним вдоль заборов и ругался, но ничего поделать не мог. Когда Глухарь умер, я похоронила его на том самом месте, где был когда-то мой обелиск в память о девушках из «А зори здесь тихие...» и сделала надгробие со словами «Глухарь. 1960-1977»...

Кражи голубей были единственным встречающимся у нас в квартале видом преступлений, да и они уже шли на убыль, я застала на своем веку только одну такую попытку. Как-то вышла ночью в сени «по ночным делам» и увидела тонкую руку, протянувшуюся через чердачное окошко. Я тихонько вернулась в дом, разбудила дедушку, но он, вместо того, чтобы схватить вора за руку (тогда бы тот оказался прочно пойманным- сам на крыше, а рука внутри!), закричал во весь голос: «Ты что делаешь, елки-зеленые?!» - и вор убежал... «Елки зеленые и ексель-боксель» были самыми крепкими словами в дедушкином лексиконе. Бабушка у нас не ругалась вообще, даже вместо «черт» она просто говорила «черное слово». И до 15 лет я никогда не только не слышала мата, а даже и не знала, что такие слова существуют, а уж тем более - что они значат. От своего соседа по парте я подхватила словечко «блин» - вполне невинное, как мне казалось. Мама разъяснила мне, что лучше этого слова не произносить «Почему?» - недоумевала я. «Потому, что его говорят, когда на самом деле имеют в виду другое слово, очень нехорошее». Естественно, я захотела узнать, какое. Мама долго от меня отмахивалась, но наконец сказала мне то слово - шепотом, на ухо. Оно

мне совершенно ничего не говорило, я его никогда и нигде не слышала. «А что оно значит?»- так же невинно поинтересовалась я. Мама покраснела и попробовала объяснить, но я мало что поняла. Только что это значит «какая-то нехорошая женщина». И на этом забыла о нем. Никакого желания его употреблять у меня не возникало.

...За все 20 с лишним лет, что я прожила в Советском Союзе, на моей памяти в полумиллионном городе нашем случились только 2 убийства. Убийство было чем-то совершенно из ряда вон выходящим. Чем-то из фильмов. Почти таким же «марсианским», как безработица, бездомные и голод. (Все эти вещи существовали где-то там, *на другой планете*, которую мы наблюдали по телевизору.) Огнестрельного оружия на руках ни у кого не было, и нам казалась дикой сама такая мысль. В первом случае душевнобольная мама Марусиной одноклассницы Оли убила свою дочку (я была так потрясена этим, хотя совсем не знала эту девочку, что посвятила ей стихотворение); во втором - у нас за линией (наш дом был крайним, у железной дороги) зимой зарезали женатого человека, который был в лесу на свидании со своей любовницей... Видимо, кто-то знакомый (ее муж?), потому что женщину он не тронул, только сказал ей перед тем, как убежать: «Не ори, дура!» . Помню, как я залезла дома под стол от страха, пока взрослые выбежали на улицу; раненого положили на снег под свет уличного фонаря, а мужики наши побежали за убийцей (да, такие тогда были времена, что люди не стояли в стороне!), но он ушел от них по речному льду на другой берег....

А сейчас... что там говорить! Мой одноклассник Антон, работавший после медучилища в морге, не выдержал («каждую ночь по 7-10 трупов к нам привозят, и все- молодые люди!»), ударился в религию и зарылся где-то в землянке. Эх!...

Когда мне было лет 6, мама повезла меня в Москву – достала билеты на американский балет на льду «Холидэй он айс». Обрато мы возвращались ночной электричкой. Электричка была пустая, я почти всю дорогу спала у мамы на коленях. А потом мы шли домой одни пешком по городу в 4 часа утра! Летняя ночь была замечательная – теплая и тихая. Было так здорово, и в голову не приходило чего-то бояться. Иногда нам встречались редкие прохожие, влюбленные парочки или рабочие, возвращавшиеся из ночной смены, и никому не

приходило в голову наброситься друг на друга с какими-то гнусными целями. Это сейчас «освободившиеся» бандар-логи искренне не понимают: как это можно взять да и упустить такой шанс- не изнасиловать и не ограбить женщину или ребенка, если они попались им на дороге вечером одни? Как на полном серьезе выразился один кинокритик, «произошел переход от советского менталитета к норме»!...

Ой, да почему же это я все никак не засну? Откуда лезут в голову все эти гадости? Надо подумать о чем-нибудь приятном... 9 Мая, День Победы, соловьи... Мое вечернее сидение на крыше... то, как постепенно холодает с наступлением сумерек... первые комары... нет, о комарах лучше не надо!... Дом... Да, наш дом! Маленький, деревянный, всего в одну комнату и кухню, а такой родной, такой любимый. В сенях летом прохладно, в чулане иногда шуршат мыши, готовит бабуля летом на керосинке, а зимой- в печке, теплой, настоящей русской печке... Какая из нее картошка печеная выходит, с дымком и привкусом золы! У лежанки на бабушкиной кушетке зимой так хорошо погреть бока...

Единственное место на планете, которое я считаю своим настоящим домом!

По молодости лет я морщилась при словах «любовь к Родине» и «патриотизм». Думала, что это всего лишь официальная показуха. Какая же я была тогда дурочка! Когда я уехала, дом снился мне несколько лет подряд, почти каждую ночь. Это были мучительные сны. Особенно часто повторялся один из них: где я превращалась в листочек бумаги (не спрашивайте, как - на то это был и сон!), чтобы добраться до дома хотя бы в конверте, вместе с письмом... Просыпалась и плакала, пока никто не видел....

Я переворачиваюсь на другой бок, закрываю глаза и пытаюсь его себе представить. На улице меня звали Женя Угловая - потому что дом стоял на углу. Два окна с улицы и три со двора, сарай, яблоневогрушевый сад, две яблони перед домом, огород рядом с ним...

Помню *все листочки щавеля на вкус* на этом огороде, помню смолистый запах качелей, которые соорудил для меня дедушка из железнодорожных шпал, их пронзительный скрип, по которому бабушка точно знала, что я на огороде (веревки были привязаны к заржавелым металлическим подковкам, подвешенным на железную

трубу вместо перекладины), каждую выбоинку на деревянном сиденьи качелей, которое я уносила вечером с огорода домой, чтоб не размокло от дождя или росы; то, как я раскачивалась чуть ли не выше перекладины и прыгала с самого верха, пролетая по воздуху через пол-огорода и приземляясь на грядке с картошкой. Помню, как надо плести венки из одуванчиков. Как пачкают они твою одежду своим белым соком, за что тебя журит бабушка – потому что он никакими силами не отстирывается. И как надо правильно оборачивать стебель крапивы лопухом, чтоб не обжечь руки, когда вступаешь в *крапивную битву*. Крапива использовалась в наших играх в войну, когда надо было *идти в штыковую атаку* ... Помню то, как мама в жаркий день собирала на огороде колорадских жуков в баночку - я даже помню, когда они у нас впервые появились. Свой дубок, который я сама посадила в конце огорода, когда была первоклассницей - из проросшего желудя, найденного мной в парке, когда мы там были с классом на экскурсии....

За огородом - канава, в которой весной клокочет талая вода, за ней – насыпь, а по насыпи тянется железная дорога. В детстве я ужасно боялась паровозных гудков, не знаю, почему. Один раз вышла погулять зимой, а по линии идет паровоз, да как загудит! Я с воплем не глядя нырнула головой в сугроб... Потом мои родные вышли на крик, а из сугроба только валенки торчат! Томочка (да будет земля ей пухом!) придумала даже присказку такую для меня – «Машинист, не гуди, и Женюшку не буди!», что мне ужасно нравилось.... А поездов я побаивалась всю жизнь - потому что хорошо знаю, какие они огромные, если встать с ними рядом. Одни колеса- выше тебя ростом! Б-р-р-р... Когда живешь рядом с железной дорогой, привыкаешь к их грохоту. Даже спишь под него, не замечая. В 1976 году, когда в Румынии было сильное землетрясение, докатились его отголоски и до нас, но мы этого даже не заметили: с такой силой у нас дома все тряслось регулярно!

Один раз подружка уговорила меня пойти на линию: за ней якобы остановился цыганский табор, который оттуда можно было увидеть. Мне было 5, ей- 4. Поездов мы не боялись, я была уверена, что если пойдет поезд, мы успеем его заметить и с рельсов уйдем. Мы сидели на рельсах на корточках и пытались разглядеть табор за деревьями. В это время мама моя возвращалась с работы и издалека, с горы еще

нас увидела... По ее словам, она сама не помнит, как она до нас добежала! Поезда не было, но это был единственный в моей жизни случай, когда она меня отшлепала. Было очень обидно: неужели она действительно думает, что я поезда бы не заметила? Но к линии я больше в жизни никогда без взрослых не подходила.

За линией- свалка и лес, не нормальный русский лес из березок, а лесопосадка хрущевских времен (Никите Сергеевичу не по душе было, что народ самовольно сажал для себя на берегу реки картошку, и поле засадили страшнейшим деревом - американским кленом, размножающимся быстро как джунгли). Когда-то мы ходили туда с дедушкой, потом я перестала, а он ходил по-прежнему: за дровами. За лесопосадкой - наша река, медленная, средней широты, спокойная, которая когда-то, еще до моего рождения, была чистой. При мне уже купались в ней только самые отчаянные! Весной она мощно разливалась, и мы (обязательно с взрослыми!) ходили на линию бросать в талую воду камешки. Один раз, когда мне было года три, она разлилась так, что у нас дома воды было по колено. Мы все ушли ночевать к Тamarочке, и поэтому я воспринимала происходящее как одно большое приключение! Дедушке, конечно, было не до смеха...

Зимой за линией катались на лыжах и санях с дамбы. Летом ее склоны народ засевал картошкой, и очень редко когда (только в неурожайный год) ее кто-то чужой воровал. А так – каждый просто *знал*, где его участок, и никто другой его не трогал. Никакой тебе охраны, колючей проволоки, никаких собак. Охранников в магазинах я впервые в жизни увидела лет 15 назад, на Антилах. Вот до какой цивилизации наконец доросли теперь и мы! Ой, куда это меня опять понесло?... Так я никогда не засну! А на работу вставать рано...

Просыпаться с чувством счастья. С ожиданием чуда. Вот чего я лишена с тех пор, как не стало Советского Союза. Неужели я так многого хочу от жизни? И кому это так помешало, что я и миллионы других людей просыпалась с тихим и умиротворенным чувством счастья?...

С чувством счастья мне больше не проснуться никогда. С тех пор, как заболела Лиза. Последние несколько месяцев были сплошным кошмаром *из мыльной оперы*. Я только сейчас отхожу от него. Но как от такого отойдешь?

Совьетика Часть 1

.. Весна, весна... май... после 9 мая недалеко уже и до годовых контрольных, от которых, хотя я хорошо училась, у меня всегда уходил в пятки желудок . А в конце мая вдруг холодает - начинает цвести черемуха... Я крепко зажмуриваюсь и почти чувствую ее приторно-сладкий запах. И сон, вместе с ароматом черемухи, нарисованным моим воображением, наконец окутывает меня...

... А это что? Почему я опять в Роттердаме? Откуда он взялся, этот треклятый Роттердам? Вот он, Сонни, со злым красивым лицом, ищет нас с Лизой... я прячусь вместе с ней в магазине и про себя молюсь, чтобы он в него не зашел! Вот он разворачивается и медленно, как это бывает только во сне, направляется к магазинной двери. А-а-а-а!

Я просыпаюсь от собственного крика, в холодном поту.

Долго не могу понять, кто я? Где я? *Что я здесь делаю?*

Где осталась моя лужайка и мои солнечные зайчики, пахнувшие яблоневым цветом?

Я – советский человек. Не просто русская, не «новая голландка» и уж тем более не «человек мира».

Из окна приятно тянет дымком горящего в печках торфа Я - в Ирландии. Я прекрасно помню теперь, как я здесь оказалась и почему. Меня охватывает моментальное короткое облегчение: по крайней мере, это не Роттердам! Но облегчение длится недолго.

.Что случилось? Где свернула не одна я, а все мы с дороги? Почему история пошла «альтернативным путем»?

Это не моя жизнь, а чья-то еще. Вот в чем проблема. Это все происходит не со мной. А я скоро проснусь и заживу нормальной, *не пластиковой* жизнью. Хлеб будет пахнуть хлебом и будет засыхать на третий день, как ему полагается, а не становиться плесневым и влажным. Розы будут пахнуть розами, а не голландскими химикатами. Шоколад будет вкуса шоколада, а не замазки цвета детской неожиданности. Молодые девушки будут мечтать о первой любви и о прогулках при луне, а не о том, как победить на конкурсе «Мисс Топлесс». Люди не будут испуганно втягивать головы в плечи при виде хулиганства и хамства - и делать вид, что они ничего не заметили. Не будет беспризорных детей и охотящихся на них извращенцев, называющихся красивым модным словечком «педофил». Врач не будет спрашивать тебя , когда ты его вызовешь к тяжело больному

ребенку и счет жизни этого ребенка будет идти на минуты: «А кто за это будет платить?»...

Это чувство преследует меня вот уже почти 8 лет. Вот еще немножко потерпеть - и я проснусь и все вернется на круги своя. И я живу все эти годы *на чемоданах* .

Но я просыпаюсь – и все остается как было вчера вечером. Чужим, не моим, для меня глубоко ненормальным....

Смешно это или грустно- что все то, за что борются люди на Земле, у нас уже было? А мы по глупости думали, что все это было не завоевания социализма, а какой-то общечеловеческий прогресс, что-то настолько само собой разумеющееся, что этого у нас никто и никогда не отнимет... Как воздух. А им здесь и до сих пор все это кажется почти недостижимым...

Я переворачиваюсь на другой бок и пытаюсь представить себе бескрайнее колхозное поле с цветущей гречихой, пахнущей медом - свободное, не огороженное колючей проволокой, без надписей «Частная собственность! Не влезай - убьет!»... То самое поле, которое теперь застроено коттеджами...

Может быть, смогу поспать еще немного? Ведь еще только 4 часа утра...

Посвящается моей Родине - СССР,

**Алисе, у которой была бы совсем
другая жизнь, если бы она родилась
и выросла в СССР;**

**Антонио Герреро и его товарищам
и Ше (Se).**

Что имеем — не храним; потерявши — плачем.

(Козьма Прутков)

**Думайте хорошенько над тем, что говорится, что утверждается,
чтобы не делать позорных уступок.**

(Фидель Кастро Рус)

**Два чувства вдохновляют политическое действие – надежда и
негодование. Эта книга, главным образом, порождена вторым
чувством, но ее цель – поддержать первое. .**

(Жан Брикмон, «Гуманитарный империализм: права человека как
предлог для войны»)

Пусть наш путь труден, но пройдем его, улыбаясь!

(девиз народа КНДР)

Глава 1. Свитер, пахнувший овцой

*«Drank a pint of beer, My grief and tears to smother,
Then off to reap the corn, And leave where I was born,
I cut a stout blackthorn, To banish ghost and goblin,
In a brand new pair of brogues, I rattled o'er the bogs,
And frightened all the dogs, On the rocky road to Dublin»
(«Rocky Road to Dublin», ирландская народная песня)*

Я просыпаюсь все-таки достаточно рано и потягиваюсь. Вылезать из постели не хочется, но надо. Хорошо, что я живу теперь так недалеко от места работы! А уж какое счастье, что у меня вообще работа есть!

Я живу, по выражению моей мамы, «в чужом подвале», но мне он кажется дворцом. После других жилищ, в которых я провела первые несколько месяцев в Ирландии. У меня своя комната, и кухня и душ - с собственным входом и даже с собственным маленьким заасфальтированным двориком. Дворик выходит под окна хозяйской кухни. Хозяин – отставной английский морской волк – робко выразил надежду, что я захочу там когда-нибудь позагорать...Мечтать не вредно.

Делить с кем-то комнату, когда тебе уже стукнуло 30 лет - занятие не из приятных. Даже если эта комната была и в новом, красивом доме. Моя первая квартирная хозяйка понапихала нас в свои комнаты как сельдь в бочку: не от корысти, просто иначе ей бы не потянуть было ипотеку. Она работала стюардессой, дома бывала наездами и зарезервировала для себя самую большую комнату. А остальные три сдавала студенткам. Я тоже поначалу приехала сюда как студентка; наверно, потому что боялась начать жить реальной жизнью. В Нидерландах была жестокая безработица, и я долгое время попросту боялась заканчивать университет и оказаться на пособии. Но в Ирландии, слава богу, совсем другая жизнь. Все молодые европейцы тянутся в Дублин, потому что здесь столько рабочих мест - особенно для людей со знанием языков...

Сразу оставаться жить в Дублине я, честно говоря, побоялась - уж слишком сильной моей мечтой это было. Может быть, вы поймете

меня лучше, если я скажу, что в Ирландию я приехала в таком душевном состоянии, что некоторое время даже не могла сама выбрать для себя продукты в супермаркете: не решалась. Сонни приучил меня к тому, что весь выбор всегда делал он. Началось с того времени, когда нам приходилось жить вдвоем на 50 гульденов в неделю: тут особо не повыбираешь, а мне все хотелось, по советской привычке, чем-нибудь полакомиться (в СССР еда не стоила таких бешеных денег!). А потом уже так и покатило, и на мои вопросы о том, почему это всегда он все решает за нас обоих, он с латиноамериканской горячностью потрясал передо мной передом своих джинсов: «Потому что у меня вот это есть, вот почему!» . Как советский человек, я не видела ни малейшей связи между наличием данных органов тела и правом единолично принимать все решения, так что брак наш был в какой-то степени обречен с самого начала...

Я поступила на годовой пост-университетский курс в деревне Майнут¹ под Дублином, за который не надо было платить. Майнут – деревня маленькая, уютная, насквозь пропитанная вкусным дымком от торфа, которым здесь топили печки. Главная улица, как и во многих ирландских деревнях, так и именуется Главной. На Главной улице – 4 паба, в 3 из которых обычно пьют студенты, а в одном – местное старшее поколение. Студенты здесь начинают «праздновать» выходные еще с четверга и успокаиваются только к воскресенью ближе к вечеру. В Майнуте 2 главные достопримечательности – развалины замка Фитцджеральдов и Национальный Университет Ирландии – разбросанный по таинственным старинным зданиям, раскинувшимся посреди парка с огромными вековыми деревьями. Там же находится Колледж Святого Патрика – католическая семинария. Еще пара магазинчиков, отель, в который, по ирландскому обычаю, к моему удивлению, часто ходили обедать и выпивать и местные жители – и все.

Сначала я делила комнату с молодой голландкой из Гронингена по имени Анита, которая приехала в университет Майнута на несколько месяцев по обмену. Видимо, нас решили поселить вместе потому, что

¹ Майнут (Maynooth) – деревня под Дублином, где находится один из старейших в стране университетов.

я приехала тоже из Нидерландов. Ирландцы захотели обрадовать мою соседку - они, очевидно не знали, что для голландцев существует такое понятие, как аллохтон².

Впрочем, к чести Аниты, она ко мне хорошо относилась. И вообще была приятная девушка. С большими влажными добрыми глазами. Сразу видно, что Рыба по гороскопу. Немного прямолинейная, как все голландцы, но такова уж их природа. Как-то пришла домой со слезами на глазах: решила начать с молодыми ирландцами, ее же возраста (она моложе меня лет на 10) дискуссию на весьма чувствительную здесь тему абортов.... Есть вещи, о которых с ирландцами лучше не говорить (как есть такие вещи, впрочем, и для голландцев - только список предметов у разных народов разный!). Почему обязательно надо лезть в бутылку? Попробуйте-ка поговорить с голландцем о том, как они предали своих евреев в годы войны - кто там выдал фашистам Анну Франк? Или на тему паранджи и головных платков (хотя, казалось бы, уж это совершенно не их дело!). Мало не покажется!...

Неужели она не знала, как относятся к этому вопросу в Ирландии до того, как она сюда приехала? Но вот этого она как раз и никак понять не могла: почему же нельзя подискутировать? Да можно, голубушка, можно, только потом не плачься...

Дело в том, что согласно голландском менталитету дискуссии проводятся не для того, чтобы изменить мнение оппонента, переубедить его, а просто ради самого процесса дискутирования. Человек упражняется в подборе логических аргументов, своего рода мысленная гимнастика. Результата чаще всего никакого не бывает, но для голландцев он и не важен. Им, как поручику Ржевскому, приятен сам процесс. А ирландцы, как и мы, воспринимают саму попытку завязать обсуждение такой животрепещущей для них темы как попытку

² Allochtoon (голл.) – житель Нидерландов, хотя бы один из родителей или даже бабушек и дедушек которого родился не в Нидерландах. На практике в основном применяется к мигрантам из стран Третьего Мира и Восточной Европы

изменить их взгляды, их убеждения, как покушение на них. «Nos ta katoliko, no sigui insisti³!» – как сказала бы Май⁴.

Анита плакалась мне в жилетку, а я сделала для себя открытие. Оказывается, я понимаю и ее, и ирландцев! Больше того, у меня была еще и третья, своя точка зрения.

Я даже и не подозревала, что я успела настолько оголландиться за эти годы. Хотя моя школьная подруга в России, Алла, заметила, что со мной что-то не в порядке – когда хотела по нашему давнему обычаю взять меня под руку, чтобы вместе пройтись по улице, а я чуть не подпрыгнула под потолок и отдернула руку. Это была какая-то непроизвольная, механическая реакция. Самое глупое, что я и сама не могу объяснить, почему я это сделала! (Условный рефлекс, как по академику Павлову?). Зато голландцы вам объяснят. С подробностями⁵! Так же подробно, как рассказывают вам ваши голландские коллеги, выходя в уборную, чем именно они там собираются заниматься.

Ну, до такой степени оголландиться я, слава богу, не успела, но мне понадобилось недели две, чтобы «переключиться на ирландскую волну» и настроиться на ирландское чувство юмора. Проиллюстрировать ментальную пропасть между голландцами и ирландцами, преодолеть которую мне удалось за такой сравнительно короткий отрезок времени, можно на примере. В Голландии я видела по телевидению сделанный голландскими журналистами репортаж о жизни на Изумрудном острове. Одним из героев репортажа был ирландский фермер, подрабатывавший на досуге изготовлением на продажу местной самогонки - roitín, которую он прятал от стражей закона в укромных уголках своей фермы. «И вы не боитесь, что за вами придут, арестуют вас?» - в ужасе спросили его законопослушные

Мы католики, не пытайтесь нас изменить (дословно: не настаивайте!) (папиаменто) – табличка в окнах многих домов на Кюрасао, адресованная проходящим свидетелям Иеговы.

⁴ Бабушка (папиаменто)

⁵ Две девушки, идущие по улице под руку в Нидерландах, как правило, лесбиянки.

kaaskoppen⁶. «Как же не боюсь? Еще как боюсь! Вот уже 20 лет боюсь! Уже в сторонку и деньги отложил на штраф, который мне нужно будет заплатить, когда меня поймают», - с совершенно серьезным лицом ответил он. И голландцы, естественно, приняли все это за чистую монету.

Так и я - когда только что приехала в Ирландию, некоторое время воспринимала все сказанное мне буквально и из-за этого нередко попадала впросак. (О, речь об этом у нас еще пойдет!) Пока не поняла: если не хочешь, чтобы ирландцы потеряли для тебя свое очарование, научись не воспринимать их фантазии всерьез. А еще лучше - отвечай им той же монетой – они это оценят!-, благо фантазировать тебя, в отличие от голландцев, учить не надо. «Slagging» согласно словарю на русский переводится как «оскорбить, оклеветать, опорочить», но в Ирландии это своего рода народный спорт, заключающийся в обмене незлобными насмешками друг над другом. Чем быстрее ты освоишь его, тем быстрее ирландцы примут тебя в свою компанию – мало что ценится здесь так, как хорошее чувство юмора. Но как, к примеру, ты сможешь его освоить, если привык воспринимать все как есть дословно?

Именно поэтому я так пожалела Аниту. Мне все-таки было немного легче, я лишь возвращалась в состояние, которое для меня по натуре было более естественным, чем нажитое в Голландии как геморрой прямолинейничание...

Потом я взяла и рассказала ей про то, что случилось с Лизой (а вот этого не надо было делать, если честно! Ну, кто меня тянул за язык?). Анита посочувствовала - вполне искренне, тем более, что у нее самой был аутичный братишка-инвалид. «Мама ухаживала за ним до 16 лет, а потом сдала его в приют. Наконец-то вышла замуж, и я рада за нее, она так заслуживает хоть немного счастья!» .

Я попробовала представить себя «заслужившей счастье» с каким-нибудь обормотом, сдав Лизочку - каким бы ни были наши с ней трудности!- в приют, и мне стало почти физически дурно. Может быть, теперь вы поймете, почему дружбы между мной и Анитой не получилось. Не могу я дружить – по крайней мере, по-настоящему, по-

⁶ Kaaskop (мн.ч. kaaskoppen) – сырная голова, насмешливое прозвище голландцев.

нашему - с людьми, которые считают, что возможно и даже желаемо какое-то счастье после отказа от собственного ребенка.

Но Аните в Ирландии было явно одиноко (это было первое в ее жизни самостоятельное длительное пребывание за границей!), и она по-прежнему считала меня своей. И когда она, называя кому-то из своих родных по телефону, представила им меня как «эту другую голландскую девушку» (*dat andere Nederlandse meisje*), я поняла, что удостоилась высшей похвалы! За все 8 лет жизни в Нидерландах я этого ни разу ни от кого не услышала. Я никогда не была «*dat Nederlandse meisje*», когда жила среди голландцев – для них я стала ею только за границей... Было смешно и странно. Вот только «признание» это было мне больше не нужно. Опоздало лет эдак на 7....

...Я приехала в Ирландию сразу после развода. Точнее, даже еще не до конца его оформив. Хорошо помню тот холодный январский день. Я вышла из маленького, уютного дублинского аэропорта, вдохнула свежего, с печным дымком от горящего торфа воздуха - и чуть не разрыдалась. Минут 10 я буквально не могла стронуться с места, у меня дрожали колени. Для того, чтобы это понять, надо понять, чем для меня была Ирландия.

Позади осталась идиотская мыльная опера, в которую какие-то неведомые мне высшие силы превратили мою жизнь в последние 5 лет. Я чувствовала себя как после удачного побега из тюрьмы самого строгого режима, все еще опасаясь при этом преследования (ни одна душа в Нидерландах, даже мои немногочисленные подруги, не знала, что я здесь). Из тюрьмы, в которой мне не полагалось не только работать, но и иметь какие-то свои увлечения, свой круг друзей, даже свои мысли. Где что бы я ни начинала говорить, мне тут же затыкали рот: «Заткнись, это меня не интересует!» , «Не знаю и не хочу об этом знать!»

Но дело было не только в Сонни или скорее, не столько в Сонни. Сонни мне было жалко – даже несмотря на все, что произошло. Сонни, по сути своей, как и я, был человеком с традиционными ценностями – хотя и зачастую отличными от моих. Голландские же ценности были глубоко чужды нам обоим.

К тому моменту, когда моя нога впервые ступила на ирландский берег, я буквально задыхалась в голландском обществе, где нельзя было сделать замечание человеку, если он курил тебе в лицо там, где висел знак, что курить запрещается или клал ноги в грязных, со свисающим с подметок собачьим говном ботинки на сиденье в поезде (замечание же будет нарушением его свободы!). Где хозяева наряжали собачек в попонки и выбирали для них из 20 сортов корма в магазинах, а в это время на улицах побирались бездомные, которым те же хозяева собачек не дали бы и гильдена.. Где под словом «дружба» понималось совместное хождение по магазинам и питье кофе – исключительно по заблаговременной договоренности за 2 недели вперед, записанной, чтобы не забыть, в ежедневнике. Где календари с днями рождения близких людей висели на туалетных дверях, так, чтобы ты, справляя нужду, вспомнил, что надо отправить им открытку. Где обращение с женщиной как с вещью для удовлетворения мужской похоти было настолько устоявшейся нормой, что сами голландки этого даже не замечали, а, дымя сигаретами, всерьез считали себя свободными, думая, что несвобода женщин может выражаться только в ношении головного платка или чадры, а не в низких зарплатах, в практическом отсутствии в обществе женщин среди врачей, инженеров и профессоров. В ожидании от тебя твоими коллегами мужского пола, просто не воспринимающими тебя всерьез в профессиональном плане, даже если ты знаешь больше их, что ты непременно будешь подносить им всем кофе и ходишь на работу исключительно для этого (было широко распространено пренебрежительно-уничижительное «mevrouwtje⁷» в адрес женщин - с легкой усмешкой и взглядом сверху вниз).

Свобода здесь была весьма однобокая. Это было общество «прогрессивных до отвращения», в котором аятоллы от либерализма и социал-демократии запрещали иметь хоть немного менее «прогрессивные» взгляды.

«А теперь поговорим о сексе!»- непременно торжественно провозглашал каждый вечер кто-нибудь по телевидению с таким видом, словно речь шла о чем-то новом, хотя об этом уже «говорили» - и вчера, и позавчера, и месяц, и полгода назад. Зануднее, чем

⁷ Бабочка, дамочка (голл.)

Совьетика Часть 1

партийные съезды и конференции! Господи, ну сколько можно, а? Ну о чем там говорить? Неужели еще не выговорились? Лучше бы молча занялись им, теоретики несчастные!

Больше всего меня убивали в голландцах их отсутствие воображения и умение мыслить только по прямой линии, выражающиеся на практике в том, что они совершенно не знали, как поступать в случаях, не предписанных законом (а ведь жизнь настолько разнообразна, что под все ситуации законы не напишешь!), а вещей, выходящих за рамки их понимания, для них просто-напросто не существовало - как для зашоренной лошади нет ничего за пределами рамок ее обзора. Если на дверях нет замков, то это не потому, что люди честные, а потому, что « у них нечего красть». Ходить на демонстрацию можно, конечно, только по принуждению, а как только люди становятся «свободными», то сразу все с удовольствием бросаются на пополнение рядов проституток или «открывают свои дела» (что «своего» в «деле», которое заключается просто в перепродаже по десятикратным ценам производимого другими, и какой такой для этого нужен особенный ум или талант? – такие вопросы приводят их в ступор).

Их цинизм. Казалось, они физически неспособны поверить ни во что хорошее в человеке. Зато увидеть во всем грязь – это пожалуйста! «Кто это тебя столько фотографировал?»- с ехидно-сальной улыбочкой говорит моя голландская подруга при виде кучи моих фотографий – совершенно пристойных-, которые сделал по моей просьбе мой дядя, когда мне исполнилось 13, и на день рождения я получила в подарок свой первый фотоаппарат.

«Твой дядя? Он тебя, наверно, хе-хе, очень любил...»

И никакое не «хе-хе», Петра, он меня и сейчас любит. И я его – тоже. Только совсем не в том смысле, который ты подразумеваешь. Впрочем, как известно, о других мы судим по себе... От такого видения мира, постоянно тебе навязываемого, просто руки опускались.

Их вопиющая предсказуемость, являющаяся логическим следствием вышеупомянутого, приводила к ситуациям, в которых ты порой просто не знала, смеяться тебе или плакать. Каждый раз, когда

я знакомилась с новым голландцем или голландкой, я уже абсолютно точно знала, какой разговор за этим последует. Вплоть до отдельных реплик. Вот он:

- Mag ik iets vragen?
- Ja, dat mag.
- U bent zeker geen Nederlandse? Waar komt u vandaan?
- Rusland.
- Gaat u nog terug?
- Ik zou wel willen, maar er is geen werk daar voor mij.
- Jullie hadden vroeger geen vrijheid, maar nu hebben jullie die vrijheid wel.
- Welke vrijheid hadden wij vroeger niet, meneer/mevrouw?
- Nou, bijvoorbeeld (и тут все они, клянусь мамой, все как один, говорили одну и ту же фразу!), ik kan hier op straat gaan en hardop zeggen dat onze Koningin een stomme koe is. Jullie mochten dat niet over jullie regering zeggen.⁸

Nou en?

Als u dit echt kunt zeggen, waarom doet u het niet?

En waarom denkt u dat ik de behoefte had om dit over onze regering te zeggen?⁹

Hierop hadden ze geen antwoord¹⁰.

⁸ - Можно вас спросить что-то?- Да, можно- Вы ведь не голландка, а? Откуда вы родом?- Из России- Вы еще собираетесь вернуться?- Хотела бы, но там для меня нет работы- У вас раньше не было свободы, зато теперь есть.- Какой же это свободы у нас раньше не было, господин/госпожа?- Ну, например, я у нас тут могу выйти на улицу и прокричать, что наша королева- глупая корова. А вы такое о своем правительстве не могли сказать. .(голл.)

⁹ Ну и что? Если вы действительно можете это сказать, тогда почему вы этого не делаете?И почему вы думаете, что у меня была потребность говорить такое о нашем правительстве? (голл.)

¹⁰ На это у них ответа не находилось. (голл.)

Поразительнее всего было, что люди, никогда в моей стране не бывавшие, начинали мне на полном серьезе рассказывать, как ужасно мы жили. Сейчас, научившись у ирландцев другому отношению к жизни, я бы просто высмеяла их. Но в то время мне было по-настоящему больно слушать их капиталистические бредни. Если ты пыталась объяснить им, что женщины могут работать потому, что они сами этого хотят, а не потому, что «зарплаты мужа на семью не хватает» или что у нас были профсоюзы (без разрешения которых, кстати, работников запрещалось увольнять!), или что религия у нас не была запрещена, они впадали в такой гнев, что только что не начинали топтать ногами. «Неправда! Неправда! Вы жили при военной диктатуре! При культе личности! Ваше КГБ...»

Сначала я пыталась им еще что-то объяснить. Года через два махнула на это занятие рукой. Есть вещи, которые им понять не дано. «Рожденный ползать...» - и далее по тексту. Рожденный потреблять – то же самое. Но горький осадок в душе не исчез. Когда вы оперируете совершенно на других волнах, чем окружающие, и у вас нет с ними ни малейшего взаимопонимания, даже по самым мелким вопросам, есть от чего прийти в отчаяние. Мое поведение стало неадекватным. Порой меня переполняла жгучая ненависть к ним, порой мне просто хотелось закрыться в четырех стенах и никого не видеть. Неудивительно, что наши отношения с Сонни стали ухудшаться. Он просто не понимал, что я переживаю процесс траура по собственной стране и по своему образу жизни.

После СССР я чувствовала себя в Голландии так, словно оказалась в мракобесных средних веках. То, что продавая порно-журналы и «толерирую» зону красных фонарей, общество унижает достоинство всех женщин, было слишком сложно для их прямолинейного и плоского мировосприятия, в котором форма и упаковка непременно были намного важнее, чем содержание. Голландские женщины считали это унижение делом нормальным, не представляли себе другой жизни и чуть ли не гордились, когда их оценивали по размеру их бюста и форме ягодиц, словно породистых лошадей на рынке. («Мои груди за 20 лет стали только на 4 сантиметра длиннее!») - вопит на всю страну образец «успешной голландской бизнес- женщины» телеведущая Линда де Мол. Остается только посочувствовать человеку, если ему

больше нечем похвалиться). Они искренне считали, что выставить свои сиськи и зады на всеобщее обозрение на пляже есть признак женской освобожденности и их личный свободный выбор, отказывая почему-то в настолько же свободном выборе носить головной платок турецким и марокканским иммигранткам.

Даже в знаменитой голландской толерантности – а именно внешне толерантное отношение к многокультурному обществу и это многообразие культур и языков так поначалу привлекло меня в этой стране!- было что-то невероятно фальшивое. Иностранному туристу голландцы с гордостью показывали, как на равных пьют на кухне кофе с домработницей-марокканкой. Но будучи иммигрантом, ты буквально чувствовал, что люди относятся к тебе с неприязнью, смешанной со страхом - хотя вслух ничего такого говорить им не полагалось (так же, как тебе не полагалось вслух возмущаться проституцией). И то, и другое было «*mauvais ton*¹¹». Парадокс в том, что голландцы по своей натуре очень прямые люди, и как раз за прямоту я их уважаю, хотя первое время она шокировала меня и казалась мне, как и многим не привыкшим к голландскому образу мышления, просто грубостью. Их девиз – «*doe gewoon, dan doe jij al gek genoeg*¹²». Можно только догадываться, каких нечеловеческих усилий стоило им заставлять себя не ляпать вслух свои негативные мысли в адрес мигрантов так долго.

Самое нелепое было в том, что Сонни ненавидел все это не меньше меня, и оно было ему настолько же чуждым, как и мне. Больше того, его голландцы недолюбливали и боялись больше, чем меня, потому что хотя он и был голландским гражданином от рождения, но темнокожим. Сонни был самбо - смесь африканцев с латиноамериканскими индейцами, родом с острова Кюрасао¹³..

«*Maakamba kens*¹⁴!»- говорил он с презрением, когда они его уж чересчур донимали. Но стоило мне только чем-то возмутиться или начать спрашивать его, уедем ли мы отсюда хоть когда-нибудь (а мне просто необходимо было видеть свет в конце туннеля, даже хотя бы

¹¹ Плохой тон (фр.)

¹² «Не валяй дурака, ты и без того дурак " (голл. поговорка)

¹³ Кюрасао – остров в Карибском море, автономная колония Нидерландов.

¹⁴ Чокнутый голландец (папиаменто)

лишь вообразить его!), как он непременно начинал на меня нападать: «Никто тебя сюда не звал! Сама выбрала. Вот и живи теперь».

Разве не честнее было бы уехать из общества, которое никогда тебе не будет своим, и с чьими жизненными установками ты никогда не согласишься? Как будто бы человек не имеет права на ошибку... И я в очередной раз плакала украдкой злыми слезами – и клялась себе, что жить здесь, а уж тем более растить здесь детей я ни за что не буду и обязательно найду возможность отсюда уехать, с Сонни или без него.

Ирландия была для меня все это время как недосягаемая сказка, как земля обетованная, которая ждала меня как награда за все терновые заросли, через которые пришлось продираться на жизненном пути. Каждый раз, когда жить становилось невмоготу, я растирала виски руками и говорила себе: «Вот уеду в Ирландию – и настанет светлая жизнь¹⁵!»

...В первый раз я попала в Ирландию, можно сказать, случайно. Сонни послали сюда на неделю в командировку, а мне захотелось на нее посмотреть потому, что во-первых, я много читала о ней в детстве, а во-вторых, из-за того, что антрополог, ехавший как-то в одном купе с моей мамой, на полном серьезе уверял ее, что она непременно должна быть кельтского происхождения, и рассказывал ей о том, как часть кельтов в свое время ушла из Центральной Европы на запад - в Ирландию, а другая часть - на восток, как раз в наши края. Захотелось увидеть, действительно ли ирландцы похожи на моих близких. В Голландии, хоть я и была белой, люди по лицу моему сразу чувствовали, что я была нездешней и часто задавали глупые вопросы, типа не турчанка ли я наполовину (русских там тогда еще практически не было).

Мне надоело это чувство - быть чужой. Никто, конечно, не думает, что иммигрант может стать в новом обществе на 100% своим. Но хотя бы чувствовать, что ты людям не мешаешь и что они видят в тебе человека, а не просто «выходца из...», было бы желательно! Меня теперь не удивляет, что именно потомки голландцев - изобретатели апартеида, т.к. сколько бы ты ни старался «ассимилироваться», как бы ты хорошо ни говорил на голландском языке, все равно, и ты сам, и

¹⁵ Перефраз из «Чапаева».

даже твои дети и внуки останутся для них аллохтонами. И когда наконец понимаешь это, пропадает всякое желание становиться частью такого общества вообще. Да, можно отличаться от других людей (я и в родной стране по своим наклонностям и интересам всегда отличалась от большинства ровесников), но чувствовать, что тебя постоянно оценивают не по твоим личным качествам, а чисто на основе твоего этнического происхождения, причем подгоняют свои оценки под заранее аккуратно разложенные по полочкам стереотипы - это уже из совсем другой оперы.

...Голландец, который продавал билеты на европейские автобусы, не дал мне даже рта раскрыть, когда я вошла в его офис.

-Вы едете в Белград, - тоном, не допускающим возражения, заявил он мне.

-Нет, я...

-Тогда значит, в Варшаву, - не сдавался он.

- Helemaal niet¹⁶! - возмутилась я, - Ничего подобного, в Дублин!

... С первой же минуты, когда я оказалась среди ирландцев - пересев в Лондоне из голландского автобуса в ирландский, с бегущей собакой, нарисованной на борту - я почувствовала себя как дома. В отличие от голландского автобуса, где каждый сидит сам по себе, как мышь на крупе, и разговаривать с соседями не принято, в ирландском автобусе, загрузились мы в который в 6 часов утра, сразу начался шум и гам. А еще через час все люди в нем уже перезнакомились друг с другом, а к концу поездки - точно так же, как бывает у нас дома в поездках!- многие уже знали всю биографию своих попутчиков. Люди рассказывали друг другу анекдоты и делились личными драмами, ели и пели песни. Нет, они вовсе не были совершенно такими, как русские, эти маленькие, веснушчатые весельчаки и балагуры с невероятным

¹⁶ Вовсе нет! (голл.)

даром речи – они просто умели дать тебе почувствовать, что ты дома! И за это я полюбила их раз и навсегда, окончательно и бесповоротно.

Когда я вышла из автобуса на автовокзале «Бусарас» в незнакомом мне Дублине, было уже темно. Накапывал дождик, а я, как назло не взяла с собой зонтик (a big mistake¹⁷!). Я еще не знала, что этот темный октябрьский вечер окажется для меня таким судьбоносным.

...Для начала меня до полусмерти перепугал со свистом проехавший прямо у меня над ухом двухэтажный зеленый (здесь очень многое было зеленым!) автобус - я-то и забыла, что здесь левостороннее движение!

У меня с собой был план города, и я пошла по нему искать отель в котором остановился Сонни - шикарный «Берлингтон». Говорят, там останавливалась Пугачева во время своего позорного выступления на «Евровидении». До него было 2 мили - под дождем и без зонта. Когда я наконец ввалилась в роскошное лобби, вода с меня текла ручьями.

-Are you OK? – сочувственно, как мне показалось, спросил меня работник отеля. – С вами все в порядке?

«Неужели я так жутко выгляжу, что он думает, что мне плохо? Какие заботливые люди!»- подумала я. Я еще не знала тогда, что « are you OK?»-это ирландский эквивалент «may I help you?»¹⁸ «

Мои чувства были оглушены увиденным и услышанным по дороге. Тем, что школьники ходили по улице, держась за руки. Тем, что вокруг не было порнографии. Улицы не завалены собачьими экскрементами. Что люди щедро подают милостыню тем, кто ее просит. Что они сами говорят тебе «Извините!», когда ты случайно наступаешь им на ногу! Что церкви полны народу (не скажу, хорошо это или нет, но какой контраст с Голландией, где они открывались только по выходным, да и то в основном для иностранцев). Темно-зелеными и коричневыми тонами города и его щемящей душу провинциальностью. Тем, что он оказался таким невысоким и уютным. Веселым хаосом на его улицах –

¹⁷ большая ошибка (англ.)

¹⁸ Чем могу служить? (Что Вам угодно?) (англ.)

вместо постно-кислого голландского «порядка». Когда я увидела, как дублинцы резво перебегают дорогу на красный свет около Тринити Колледж, я чуть не завопила в умилении. «Ура! Я снова среди живых людей, а не роботов!»

Правда, иногда хаос этот принимал крайние формы. По выходным дублинцы напивались до полусмерти, и подворотни вокруг О'Коннелл стрит были заполнены блюющей молодежью, напоминая наш старый анекдот «Смотри-ка, люди уже празднуют!». В прејскурантах дублинских такси была даже специальная такса – «за заблеванное сиденье». 20 фунтов.

Ирландия оказалась полной противоположностью Нидерландам. Непредсказуемая как ее погода, зеленая, полная свободного пространства, таинственная, живая. Бунтарская и артистичная. Я оживала на глазах.

Сонни не был от нее под впечатлением. Я сидела и ждала его после работы - под обделанным голубыми памятником О'Коннеллу, а проходивший мимо народ с каким-то странным пониманием на меня поглядывал. (Минут через 10 я обнаружила, почему: на земле возле меня стояла огромная полупустая бутылка коньяка!) Сонни приходил злой и ругался - на дорожные дублинские пробки (на работу и с работы его возили на такси через весь город), на то, что никто не был готов к его приходу, на то, что людям на работе все приходилось объяснять по нескольку раз, что ничто не начиналось вовремя. На то, что когда просишь чаю, тебе добавляют в него молока, не спрашивая!

- Они глупые фермеры и расисты, - заявил он мне.

- Ну, Сонни, тебе хоть что-нибудь в Ирландии нравится?

- Что-нибудь - да. Что здесь нет турок....

Пока он работал, я целый день бродила по городу и по капле ббирала его в себя.

Мне была по душе консервативность здешних нравов и то, что Ирландия не была космополитичной «страной мира» - у нее был резкий отличительный национальный колорит, окутывавший ее насквозь, как здешние туманы. Я была потрясена тем, что ирландская

молодежь любит свою народную музыку и танцы. Я еще не видела ни одной европейской страны, где бы молодежь массово увлекалась своей народной музыкой! И где люди были бы такими музыкальными как здесь. Строители на стройках выводили такие трели народных песен во время работы, что у нас бы их давно уже пригласили бы в какой-нибудь профессиональный вокальный коллектив!

Еда была простой и аппетитной. Никаких тебе бутербродов с бананами и ананасов вперемешку с ветчиной. Картошка и мясо! Меня поразило, что наш дедушка, никогда в Ирландии не бывавший и даже не интересовавшийся ею, ел на завтрак все то же самое, что ирландцы, и даже чай любил с молоком. Может, у нас действительно были общие предки?

Дул продувной ветер. Такой, как у Блока – «ветер, ветер на всем белом свете...» Бледные, не знающие, что такое загар, дети играли на улицах Дублина – в прятки, в догонялки, во все то, во что мы играли в детстве. (Голландские дети не играют на улицах вообще.) На стенах были написаны только политические лозунги и невинно-детское «Падди + Фиона = ♥.Никакого тебе мата или графической порнографии.

Видимо, правду говорят, когда говорят, что все мы родом из детства. Мне захотелось переехать сюда еще и потому, что Ирландия напоминала мне мое детство.

... Далеко за пределами Дублина зеленели таинственные горы. Не такие, конечно, как где-нибудь в Австрии, но для меня, прожившей столько времени в Нидерландах, и они были достаточно впечатляющими. Я решила увидеть хоть краешком глаза, какова Ирландия за пределами Дублина и купила себе билет на автобусный тур в горы Уиклоу.

Это был совсем другой мир. На дворе стоял конец октября. С неба то лил дождь, то светило солнышко, то - и то, и другое одновременно. И все эти перемены - за какие-нибудь полчаса. Особенно хороши были зеленые горы во время грибного дождя, который у нас бывал только летом, да и то очень редко. Они переливались всеми существующими в природе оттенками зелени. Особую прелесть им придавали легкие, быстрые тени от набегавших облаков. Кругом расстилались бескрайние просторы, полные дикости и естественности, которой по

натуре своей не бывает и не может быть в зализанной и выстриженной насквозь Голландии. Вдоль дороги из земли торчали деревянные, как в моем детстве на нашей маленькой улице, электрические столбы (где еще в Европе увидишь такое?!). В лесу действительно росли грибы, которых я не видела уже лет 7! Дедушки и бабушки в деревнях были одеты почти как наши – в кепочки с телогрейками и в длинные в цветочек платья с платочками. А когда передо мной открылся величавый вид на Киллайни Бэй, мое воображение просто отказывалось поверить, что такая красота на самом деле бывает в природе.

Наш шофер, балагур и певец, всю дорогу, не переставая, пел, шутил и рассказывал разные прибаутки. «Видите вон тот мост? Три года назад в него врезалась головой английская туристка. The bridge has never been the same since¹⁹». Или «Дождь в Ирландии идет только два раза в год: в первый раз - на полгода, а второй раз - на 6 месяцев». Он показывал нам «единственную в Ирландии церковь, где принимают пожертвования по кредиткам» - а мы, развесив уши, верили каждому его слову. Получалось это у него так естественно, что казалось, он импровизирует на ходу. И только когда спустя год, снова оказалась в Дублине, снова поехала тем же автобусом и услышала все те же самые шутки, я поняла, как «надувают» простофиль-туристов. «Не верь улыбкам королей - останешься без головы!»- говаривал герой Кира Булычева. Это про ирландцев! С голландской прямоотой я тогда испортила ему настроение, улыбнувшись, сказав ему, что уже была раньше на этом туре. После этого шутки его поблекли и стали вымученными. Мне понадобилось прожить в Ирландии некоторое время прежде, чем я поняла, что здесь иногда лучше притвориться, что чего-то не видишь или не понимаешь. В этом - искусство межирландских человеческих отношений.

Сами ирландцы в основной своей массе внешне были далеко не красавцами, но от них веяло человечностью, лукавством и юмором в сочетании с душевным теплом. И это делало их невероятно привлекательными. Мне никогда не нравились белые мужчины (за исключением самого раннего детства!), но тут сердце мое дрогнуло. Я почувствовала, что к женщинам здесь совсем другое отношение, чем в

¹⁹ С тех пор мост уже никогда не был прежним (англ.)

Нидерландах. Ирландец без каких либо натяжек может относиться к женщине как к другу, видит в ней равную, не считает себя значительнее ее на основании полового признака. Его самолюбие не обижено, если его начальник на работе – женщина. Для него само по себе это просто несущественно, в то время как для голландца это было бы первое, на что он обратил бы внимание (так и вспомнишь немцев и Зою Космодемьянскую с их «Фрау партизан! Фрау партизан!»☺). А еще я поняла, чем ирландцы покоряют женщин - не внешностью, не цветами, а... умением говорить. Таких красивых комплиментов и таких сказок о своих собственных жизнях мне еще нигде не доводилось слышать! В отличие от замороженных как хек на прилавке голландцев, для которых недавно даже начали открывать специальные курсы, где их учат выражению собственных эмоций, ирландцы своих эмоций не стесняются. Как не стесняются петь. Может быть, потому что они просто талантливы? Да откуда они вообще взялись такие на этой планете?!

Но совершенно сразили меня три вещи: запах дыма из печных труб, совсем такой как у нас дома зимой, печеная картошка – такая, как пекла ее мне дома бабушка, и отношение людей к жизни!

Даже за эти несколько дней я почувствовала, насколько люди в Ирландии счастливее голландцев, да и нас самих - просто потому, что они по-другому относятся к жизни. Дело не только в самой жизни, а и в твоём отношении к ней, поняла я. «Если хочешь быть счастливым, будь им». Ирландцы не приносят каждый вечер с собой с работы домой весь стресс. Они не переживают понапрасну по поводу того, что все равно не справишь. Они относятся к жизни легче и проще, не принимают все плохое в ней так близко к сердцу и не воспринимают все так буквально, как голландцы. Они умеют смеяться над тем, над чем другие бы только плакали.

У нас многие даже называли бы ирландцев пофигистами. Но это не так. Они просто не чешут жизнь против шерсти. И потому они душевно намного здоровее.

Мне вдруг ужасно захотелось научиться у них этому. В Нидерландах меня годами мучала жестокая депрессия, немного отступавшая летом и всякий раз с новой силой обрушивающаяся на меня с наступлением сентября (до эмиграции я не знала, что это такое!), и я поняла, что

единственное доступное мне средство избавиться от нее - это перенять ирландское отношение к жизни. Если я ему не выучусь, то еще пару лет – и я просто погибну.

Но для того, чтобы это сделать, надо было в Ирландию переехать и поближе узнать ее людей. Судя по комментариям Сонни, рассчитывать на это мне не приходилось. Я предлагала ему поехать за город на выходные, чтобы он оценил Ирландию не только по дорожным пробкам, но его больше интересовали магазины, и он отказался.

...Когда мы вернулись в Амстердам, я была почти в трауре. Мы ждали в аэропорту Схипхол наши чемоданы. Рыжий молодой человек растерянно озирался, словно искал кого-то в толпе. Потом выбрал изо всей массы людей, меня, подошел ко мне и спросил:

- Простите, Вы ирландка ?

И это окончательно решило мою судьбу. В тот момент я решила, что свяжу с этой страной свою жизнь, во что бы то ни стало.

...Подобно Принцессе из «Обыкновенного чуда», читавшей только о медведях, я отныне читала только об ирландцах. Я повсюду искала ирландский свитер. Я не знала еще, что в Ирландии по этим свитерам отличают туристов, ибо местные жители их носят редко. Когда я наконец нашла такой свитер – серо-бурый, противно воняющий овцой - я не снимала его с себя ни днем, ни ночью. Я записалась в голландский клуб любителей Ирландии, который выпускал ежеквартальный журнал. В нем члены клуба делились впечатлениями от своих поездок в Ирландию, считали дни до следующего отпуска, когда они снова смогут поехать туда и нудно жаловались на голландскую жизнь. Но ни один из них почему-то не встал с места и не сказал себе: »Позвольте, ребята, раз нам там так хорошо, а здесь все так плохо, то за чем же дело стало? «... Я слушала не отрываясь душераздирающие заунывные ирландские баллады – и это было так непохоже на меня, любительницу диско, рэггея и bubbling. Сонни только посмеивался моим «чужачествам». А когда я посмотрела фильм «Майкл Коллинз» в маленьком кинотеатре в Амстердаме (в больших его не показывали: по голландским понятиям, это был некассовый фильм!), он оказался до такой степени советским, что я, живущая там, где даже слово «революция» воспринималось как что-то

очень неприличное, буквально вылетела из кинотеатра как на крыльях...

У меня есть тайна! Как в детстве, когда я была влюблена в делоноковского Зорро.

У меня в жизни появилась цель, которой так долго не было! В конце туннеля показался свет. Бывают еще до сих пор люди, которые снимают – и смотрят! – такие фильмы. Бывает и другая жизнь, кроме shop-till-you-drop²⁰. Я воспрянула духом....

... В Майноте я прожила недолго. Всего через месяц после начала своих курсов я устроилась в Дублине на работу. Меня поразила та легкость, с которой ее можно было найти. Агенства по найму чуть ли не дрались за кандидатов со знанием иностранных языков. Я первоначально намеревалась только подрабатывать - устроиться где-нибудь на полставки, но агенства сказали мне, что фирмам позарез нужны люди на полный рабочий день. Я на первых порах еще намеревалась как-то совмещать работу с учебой, но, как это со мной бывает, «перебрала сена на вилы»²¹. Анита морщилась, когда я невольно мешала ей спать по утрам, собираясь на работу в Дублин к 8 часам (с учетом всех транспортных пробок из дома надо было выходить чуть ли не в шесть!). «Зачем тебе это нужно?» -спросила брезгливо она, как будто работа была чем-то ниже ее достоинства (хотя сама она подрабатывала 2 вечера в неделю в местном пабе и соответственно мешала мне спать по вечерам).

А затем, что я хотела как можно скорее перевезти в Ирландию свою дочку! Найти ей хороших врачей, чтобы продолжить ее реабилитацию. Я верила, что Лиза еще восстановится - что это зависит только от меня. Медлить было нельзя. Я приехала в Ирландию с 2000 фунтов в кармане - всеми моими сбережениями, полученными от одного случайного крупного заказа на перевод в Голландии незадолго до моего отъезда. Эти деньги потихоньку «съедались» - счетами и транспортом. А жить на студенческие деньги, да еще делая жилье с другими людьми...

²⁰ покупай до упаду (англ.)

²¹ Голландская поговорка – “te veel hooi op zijn vork nemen”.

На работу я ездила на поезде. Маленький зеленый поезд с труднооткрывающимися дверями, вкусно пахнущий дымом, был забит по утрам так, что даже стоять в нем было непросто. Иногда я выбирала автобус, но на автобусе ехать было дольше. Я ужасно гордилась своей первой должностью - агента отдела услуг клиентам в крупной сети отелей, а проще говоря, телефонистки, через которую можно было забронировать в них место. Я даже не понимала еще тогда, что я просто телефонистка. Коллеги все были сплошь молодые, выпускники разных университетов - для них, как и для меня это была их первая должность, и все мы казались себе достигшими чего-то очень важного. Возможно, еще и потому, что во время тренинга нам с важными лицами постоянно говорили о том, как мы будем лицом этой фирмы и прочую обычную корпоративную чушь.

Я не понимала, почему при приеме на работу нас попросили обещать, что мы продержимся на ней по крайней мере 6 месяцев. Из-за зарплаты. Что 10.000 фунтов в год - это очень мало для жизни в Дублине. Мне эта сумма казалась огромной. Я была на седьмом небе от счастья. Коллеги мои были очень приятными и дружелюбными, офис - уютным и комфортабельным, в двух шагах от знаменитого парка Сэнт Стивенс Грин. Я ощущала себя в полном смысле слова «young professional²²». И когда я морозным утром выходила из поезда на Коннолли стейшн, я гордо шла до офиса пешком, любуясь Дублином и все еще не веря своему счастью: прошло всего полгода с самого ужасного кошмара в моей жизни, а я уже добилась осуществления своей заветной мечты: я - в Ирландии! Я работаю в Дублине, рядом с Сэнт Стивенс Грин, где когда-то Сонни ругался на ирландские порядки. Да знал бы он только...!

Но Сонни не знал, и слава богу. В конце января я наконец получила по почте извещение о том, что мой развод оформлен окончательно. И несмотря на все мои чувства к Сонни (а я вовсе не ненавидела его, к удивлению тех, кто нашу историю знал - мне было просто очень больно и очень жаль, что все так обернулось), это был один из самых счастливых дней в моей жизни!

Вскоре я нашла себе комнату в Дублине: слишком надоело тратить столько сил, денег и времени на поездки на работу из Майнута. Найти

²² Молодым профессионалом (англ.)

ее оказалось непросто: более-менее доступное с моей зарплатой дублинское жилье по объявлениям разлеталось после выхода в свет очередного номера местной газеты как горячие булочки с прилавка²³.

Комнатка в старом георгианском доме в Ранеле²⁴ была на первом этаже, с окном на улицу, задрипанная, обставленная обшарпанной мебелью и пахла плесенью. И даже за такую комнату пришлось чуть ли не драться: к назначенному времени на ее просмотр пришли человек 5. Трое не дождались хозяина, который как истинный ирландец опоздал почти на час, а четвертый, американец, который, вероятно, мог позволить себе что-нибудь более приличное, пожалел меня и сказал, что уступает ее мне.

В доме из 3 этажей и чердака жили еще по меньшей мере человек десять, которых я видела только краем глаза: у нас были общими входная дверь и телефон-автомат на лестнице. Каждую неделю по понедельникам к нам приходил хозяин – пожилой задрипанный мужичонка - и обходил все комнаты, собирая дань (квартплату). За неделю он получал с нас больше, чем была средняя месячная зарплата хорошего компьютерщика. При этом он мог выставить любого из нас на улицу в любой момент, дав месячный срок на то, чтобы убраться. По сравнению с Голландией, где права квартиросъемщика тогда были достаточно серьезно защищены, здесь был настоящий Клондайк. Дикий Запад. Но у нового жилья были три основные преимущества по сравнению с моей половиной комнаты в шикарном новом доме в Майноте: то, что у меня был свой кухонный уголок, который ни с кем не надо было делить и свой душ; близость к месту работы - и сам приятный, старинный дублинский квартал, как раз в моем вкусе. До моей работы было минут 20 от силы – пешком!

Надо было говорить прежней хозяйке-стюардессе, что я от нее съезжаю. И вот тут-то я обнаружила, что за время разводного процесса со всеми его перепитериями во мне что-то сломалось - я любой ценой хотела избежать любой, даже самой невинной конфронтации с кем бы то ни было. Мне было просто эмоционально не под силу в нее

²³ Голландское выражение “als warme broodjes over de toonbank gaan” означающее «хорошо продаваться, расходиться».

²⁴ Ранела (Ranelagh) - район Южного Дублина, где живет много студентов.

вступать. И я сделала то, что делала потом в Дублине несколько раз, меняя работу - просто «испарилась». Я вывезла свои вещи из Майнута под покровом ночи (точнее, вечером, когда Анита работала в пабе, а остальных девушек тоже дома не было) - чтобы избежать их расспросов. Хозяйке я оставила записку с извинениями (естественно, месячный залог за комнату тоже остался у нее). Мне было ужасно стыдно, я сама себе не могла объяснить, почему я так поступаю, но при одной только мысли о том, что придется с нею говорить с глазу на глаз у меня начиналась паническая атака...

Что же это все-таки со мной происходит, а?

На новом месте я тоже прожила недолго, около месяца. Через месяц мне позвонили в ответ на размещенное мною самой объявление о том, что молодая женщина - professional ищет хорошую небольшую квартиру....

...При виде роскошного «дворца» в Ратмайнс²⁵ за забором, с огромной зеленой лужайкой перед самым домом и автоматически включающимся при твоём приближении фонарем над входом я сначала подумала, что ошиблась адресом. Жить в таком месте мне явно будет не по карману! Но оказалось, все правильно. Хозяева-отставной английский капитан торгового флота, похожий на героя стихотворения Маршака («По Бобкин-стрит, по Бобкин-стрит шагает быстро мистер Смит в почтовой синей кепке, а сам он вроде щепки») и его полная, но симпатичная жена, содержащая в основном доме В&В²⁶, были само радушие. Квартира (по здешним понятиям, это была именно квартира, а не «чей-то подвал») стоила всего на 70 фунтов в месяц больше моей халупы в Ранеле.

Вход в нее был отдельный, сбоку от хозяйского дома, защищенный решетчатой калиткой, запирающейся на ключ, за которой каменные ступени вели вниз к входной двери. На окнах везде были - элегантные, правда, но тем не менее - решетки. Комната была обставлена скромно и старомодно, но уютно. Здесь царила абсолютная тишина и покой, а единственное окно выходило в мой же закрытый с 4 сторон дворик, о

²⁵ Ратмайнс (Rathmines) – фешенебельный район Южного Дублина.

²⁶ В&В (Bed and Breakfast) – маленькая частная гостиница на дому.

котором я уже упоминала. Стоит ли говорить, что я недолго раздумывала! И что с прежним своим квартирным хозяином я поступила так же, как и с хозяйкой из Майнута. Только его мне вовсе не было жалко: старый Плюшкин моментально найдет мне замену.

Впервые за многие годы в моей жизни я была довольна собой. Я здесь только три месяца, никого здесь не знала, когда приехала, а уже нашла в Дублине нормальное жилье, которое мне по карману, работу, которая мне по душе и вообще, оказывается, могу кое-что и сама, без джинсов с их содержимым рядом!

Я очень боялась разочароваться в Ирландии, но она оказалась действительно такой, как я мечтала. Я ни разу еще не пожалела о том, что сюда приехала.

И ирландскому отношению к жизни я быстро выучилась, даже с лихвой. Так, что родная мама теперь, негодуя, называет меня пофигисткой - ее выводит из себя то, что я не завожусь с полуоборота по любому поводу. Я стала как товарищ Сухов, который в ответ на издевки врага: «Тебя как, сразу кончить, или желаешь помучиться?» невозмутимо отвечает: «Лучше, конечно, помучиться.». Вот истинно ирландское чувство юмора!

И действительно, я теперь стала счастливее. Была бы совсем счастливой, если бы не Лизина болезнь...

К апрелю я перешла на третье за три месяца место работы. Никогда в жизни не думала, что стану летуном, но существующие возможности легко поменять работу на более высокооплачиваемую были слишком соблазнительны. Не потому, что я была жадной - мне предстояло стать в семье кормильцем. Я каждые выходные звонила домой и справлялась, как там Лиза... Прогресс был, но недостаточный для того, чтобы радоваться. И я, чтобы выжить и выдержать, в будни старалась совершенно отключить мысли об этом, отдавала все силы работе и старалась чувствовать себя young, free and single professional, которой море по колено.

Так что я давно уже перестала быть здесь туристом. И свитер, пахнущий невытой ирландской овцой, теперь пылится в моем шкафу....

Глава 2. Исповедь капитана звездолета

*«Мне приснился шум дождя,
И шаги твои в тумане.
Все я помню, в небо уходя,
И сказал всему - «До свиданья!»
(песня «Мне приснился шум дождя», Е.Дога – В.Лазарев)*

...Мое первое воспоминание о детстве (только не смейтесь, я серьезно!) - бледно-зеленые стены роддома и чувство связанности по рукам и по ногам. Оно периодически сменялось свободой движения - когда меня перепеленывали - но всякий раз это длилось недолго, и не успевала я как следует расправить руки и ноги, как меня снова заворачивали в кулек, обвязанный лентами - под мой громкий рев. Если бы на моем месте была бы какая-нибудь диссидентка-демократка, она бы тут же заявила вам, что с самого младенчества была лишена свободы и видит в этом глубокий символизм «коммунистической диктатуры». Чушь собачья, ничего ни с каким коммунизмом общего не имеющая. Тесно спеленывать младенцев - старинная русская традиция! Говорят, что это делается для того, чтобы у детей не были кривые ноги.

Еще помню необъяснимое смутное чувство тревоги, нарастающее каждый вечер по мере того, как спускались сумерки (видимо, это было именно то время суток, когда младенцы обычно плачут).

Следующее воспоминание - запах разгоряченного от кипяченой воды цинкового корыта, в котором меня купала бабушка. Кто-нибудь из вас знает, как пахнет разогретый цинк? Думаю, что мало кто...

От бабушки Симы всегда веяло спокойствием и теплом. Она никогда не то что никого не шлепала - даже не повышала голоса, и тем не менее ее все слушались, даже дедушка. Самой страшной оценкой в ее устах было «Я этого человека презираю!» Если я себя плохо вела, она просто обиженно на меня смотрела. Этого было достаточно. «У бабушки на сердце от твоего поведения вырос камень» - с укоризной

говорила она, и я стремилась сделать все, что было в моих детских силах, чтобы камень этот поскорее с бабушкиного сердца снять. Каждые полчаса я спрашивала: «Ну как, бабуля, он уже меньше?» - пока, наконец, не удостоверивалась, что «камень» до конца рассосался.

У бабушки десятилетиями не было ни выходных, ни отпусков, но она никогда не жаловалась. Ей некогда было сидеть и жалеть себя подобно утонченным «цивилизованным» дамочкам: *«Для такой ли жизни я Смольный институт кончала?»²⁷* «Глаза боятся, а руки делают» была ее любимая поговорка. А если кто-нибудь начинал кричать – оправдываясь при этом, что у него «нервы», - бабушка спокойно говорила: *«Не нервы, а распущенность!»*

И мы привыкли считать ее материнскую заботу о нас само собой разумеющейся. Настолько же само собой разумеющейся, как советский строй.

Под праздники она пекла пироги и варила студень по ночам, когда мы все уже спали. Летом солила огурцы и помидоры и варила разные варенья. Я пыталась ей помогать; иногда мне это удавалось, чаще – нет, и я со стыдом вспоминаю, как быстро я сдавалась, когда мне говорили: «Женечка, ты еще маленькая; иди поиграй, еще успеешь наработаться» или «Иди лучше делай уроки, это пока твое дело, а мы тут как-нибудь сами управимся!»... Но до сих пор помню, какие травы нужны для соленья огурцов (в Европе они почему-то всегда только маринованные, как будто европейцы и не представляют себе, что их можно солить без уксуса!)

Летом бабушка ходила на рынок и приходила оттуда с одышкой: от жары и от быстрой ходьбы у нее начинались приступы астмы. Она сидела и пыталась отдышаться, а воздух с тяжелым свистом вырывался у нее из груди. Мне было ее очень жалко и так хотелось сделать хоть что-нибудь, чтобы облегчить ее мучения!

А еще очень врезалось в память наше послеполуденное зимнее спанье у теплой печки – часа в 4, когда обед уже был готов, а мама с Шуреком еще не пришли с работы. Бабушка укладывала меня на свою кушетку, сама ложилась рядом и рассказывала мне сказку, чтобы я

²⁷ "Горничная Маша" Е. Верейской

заснула. За окном медленно сгущались сиреневые зимние сумерки, теплая печка грела бок, было хорошо и спокойно....

Бабушка родилась в семье потомственного рабочего-металлурга. Ее отец был не только хорошим рабочим, но и известным у себя в квартале весельчаком и исполнителем частушек. Его даже прозвали «Васька-граммофон». В выходные он выходил на улицу погулять с дочерьями Симой и Тamarочкой и начинал экспромтом петь: «Эх, яблоня, да с листочками, идет Васька-граммофон с двумя дочками!» А в будни приходил с работы со страшным радикулитом и лечился от него «народным средством»- ложился на пол и просил своих детей побегать у него по спине... Бабушкина мама, Вера, была наполовину полькой. До замужества она лет с 13 работала горничной у богатых господ. Они даже не могли себе представить, что их внуки через 50 лет будут инженерами.

С моей мамой у бабушки Симы отношения были сложные – наверно, потому что мама по своей натуре ее полная противоположность. Бабушка – сама скромность, не пользовалась косметикой, не следила особенно за модой (хотя прекрасно умела шить) и была очень строгих нравов в личной жизни (даже ее собственные дети называли ее на «Вы»). Мама же моя соответственно – яркая, модная и с юных лет пользующаяся большим успехом у противоположного пола. При этом у нее был сильный характер, мужской склад ума – и редкий талант легко и артистично сбросить некоторые свои обязанности, если те ей были не по душе (например, по уходу за мной) на других, с таким видом, что это дело естественное («бабушка твоя все равно дома сидит и ничего не делает!»). А во всем, что не удалось, обвинять кого-то еще. «Это твоя бабушка меня учила, что все хорошие!» -воскликнула она, когда речь заходила об ее с моим отцом брачным *фиаско*. Это от мамы я переняла убеждение, что все домохозяйки – лентяйки. Хотя сейчас, со своим жизненным опытом скажу, что лучше уж работать по 6 дней в неделю, чем «отдохнуть» так, как бабушка! А еще она считала, что мой дядя Шурек – бабушкин любимчик, нисколько не задумываясь над тем, что если и так, то любимчик-то он потому, что с ним так легко и просто, и он не доставляет окружающим таких хлопот своими приключениями!

Нет, мама очень любила меня, везде возила с собой в отпуск; и с ней, в отличие от бабушки, можно было обсуждать все проблемы

Совьетика Часть 1

своей личной жизни, когда я подросла; но она была еще совсем молодая, и кроме меня, у нее еще была своя жизнь. Она приходила с работы с кульком конфет (у нее была дедушкина привычка тратиться с зарплаты на подарки!), совала мне весь кулек сразу под негодующее бабушкино «Сразу все, а потом ничего?» – и снова исчезала.

Но я рада, что меня воспитывала в основном бабушка. Кто знает, какой бы была я сейчас и каким бы было мое детство без нее? Бабушка вносила в нее главное, что нужно ребенку: спокойствие и стабильность. Я часто завидую ей – эх, мне бы хоть одну треть ее терпения! Нетерпеливость – одна из самых мешающих мне жить вещей в моем характере.

Я слишком долго в своей жизни пыталась походить на маму и «оправдать ее ожидания» - хотя по натуре своей я к бабушке-то, оказывается намного ближе! Парадокс- многие бабушкины нормы и ценности вели свое происхождение из библии, но ни я, ни она сама этого не знали. Просто так воспитали ее ее собственные родители. Я думала, что все крылатые изречения, которые я от нее слышала – это народные пословицы и поговорки. Сама же бабушка в юности была членом «Лиги воинствующих безбожников». И свои жизненные ценности считала просто нормой поведения нормальных, порядочных людей.

...Еще одно воспоминание - колыбельные...

На языке цивилизованных наций убаюкивание ребенка именуется «*comforting techniques*» (приемы успокоения). Как насчёт того, чтобы просто-напросто спеть ему колыбельную? Слабо? Когда я была не желающей засыпать малышкой, колыбельные мне пели дома по очереди. Мама и бабушка, дедушка и дядя. Когда один уставал, меня передавали другому. У каждого из них был свой репертуар.

*«Я- Земля,
Я своих провожаю питомцев,
Сыновей, дочерей.
Долетайте до самого Солнца
И домой возвращайтесь скорей!»*

- басил вернувшийся из вечерней смены в заводе дедушка.

Свои первые уроки отечественной истории я тоже почерпнула из колыбельных.

*«Шел отряд по берегу,
Шел издалека,
Шел под красным знаменем
Командир полка»,*
- негромко пел мне дядя Шурек.

Это была единственная песня в его репертуаре, но пел он её так, что с того самого времени и до настоящих пор я помню весь текст наизусть. Мое детское воображение рисовало заросший лебедой берег нашей речки, по которому шагал вооруженный саблями и алыми знаменами отряд. Тогда я ещё не знала толком, что такое «сыны батрацкие», но уже чувствовала по песне, что это - наши!

Из колыбельных же почерпнула я и первые уроки отечественной географии.

Мама пела мне песни союзных республик. Я требовала, чтобы обязательно всех 15-и - и очень расстраивалась от того, что она никак не могла припомнить ни одной киргизской песни. Зато она знала хотя бы по одной песне из всех остальных советских республик, названия которых я заучила тогда же. От «Ночью в узких улочках Риги» и «Там смуглянка-молдованка собирала виноград» - и до белорусской «из мешка бери картошку и питайся понемножку». От грузинской «Сулико» и до «Ты моя любовь, Азербайджан». Некоторые песни она даже пыталась спеть мне на языках народов республик, воспроизводя их на слух, после услышанного по радио.

Когда мне говорят сейчас, что «СССР был империей», я пытаюсь представить себе британскую маму, поющую своим детям в качестве колыбельных индийские, африканские или хотя бы уж на худой конец ирландские песни - и не могу. Для этого не хватит даже воображения писателя-фантаста. Отношение рядовых англичан (и соответственно, воспитываемых ими их детей) к (бывшим) подданным британской империи - и знание их об этих народах, за чей счёт они жили и продолжают жить - и сегодня, в XXI веке, по-прежнему определяется

Совьетика Часть 1

словами героя старой пьесы о бразильской тетке Чарлея: *«Так фамилия твоей тети – Д'Альвадорес? Она что у тебя ирландка, что ли?»*

Любимой песней в мамином исполнении для меня был «Тихий рабочий поселок». Но когда я упорно отказывалась спать, пока мне не споют песен всех республик СССР, на помощь маме приходила бабушка. В её репертуаре была одна старая и такая жалостная колыбельная, что я засыпала только для того, чтобы не слышать, чем она кончится.

Начиналась она так:

*«Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал,
Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал...
Боже, говорит малютка,
Я озяб и есть хочу...»*

Дальше шли слова о том, что некому приютить и пригреть сироту, и что ему придется замерзнуть на улице. И даже перспектива того, что, возможно, кто-нибудь все-таки пожалеет малютку и «накормит и обогреет» его, меня не успокаивала. Я представляла себе этого малютку, закутанного, правда, в кроличью черную шубку, какая была у меня самой (что такое лохмотья, я представить себе не могла), бродящего по темной, заснеженной улице, когда все люди укрылись у теплых печек – и буквально все мое существо начинало рыдать.

«Мама, зачем Вы такое ребенку поете?» - не выдерживала моя мама. Но бабушка была мудрее. Так она воспитывала во мне чувство сострадания к людям, с самых ранних дней моей жизни. Уже тогда я четко усвоила, что то, о чем пела бабушка, - страшное, гадкое, доисторическое прошлое. *Древность*. В наше время малютки не замерзают на улицах. У каждого из них есть теплая постелька, есть любящие их близкие люди. И до самого недавнего времени я не могла себе представить, что это гадкое, доисторическое прошлое вернется - да ещё не просто вернется, а будет преподноситься нам, как свобода, демократия и невиданный прогресс в наших жизнях. Что, оказывается,

это мы теперь вернулись в лоно цивилизации, из которого временно выпали, когда наши малютки - какой непорядок! - на улицах на 70 с лишним лет замерзать перестали.

...На цивилизованном Западе средние родители детям колыбельных не поют. Помните «Эту веселую планету» и куплеты инопланетян? *«Там песням уделяют ноль внимания, чтоб голос не расходовался зря»*. Средний цивилизованный родитель и представить себе не может, чтобы он тратил часы на сидение с ребенком каждый вечер. Тем более, что пособия по эксплуатации - извините, руководства по воспитанию!- детей ничего не говорят о том, что последних можно усыпить колыбельными. Ребенка положено запирают в отдельной комнате - проверив, не голоден ли он, сменены ли у него памперсы, какова температура в комнате, оставив включенным, на худой конец, ночник - и уходить. Родителям необходимо провести вместе, без него, «some quality time» - то есть, за чашкой чая и у телевизора, созерцая очередной выпуск мыльной оперы или захватывающего ток-шоу, в котором одна женщина рассказывает, как вытаскала «трехдюймовое птичье перо» из своего собственного соска, а доктор просвещает свою многомиллионную аудиторию насчет того, «что о вас говорит цвет вашей мочи» (я не шучу, оба примера взяты из популярной британской телепрограммы). Разве ж от такого можно оторваться ради какого-то там маленького крикуна? И вообще, пусть привыкает, что, как любил говорить Сонни, «you were born alone and you will die alone»²⁸

Если ребенок, запертый в отдельной комнате, продолжает надрываться, учат западные эксперты, «можно подойти к двери и проверить, все ли с ним в порядке. Но ни в коем случае не вынимайте его из кровати и не вступайте с ним в контакт взглядом. Иначе он не замолчит никогда. Он должен с ранних пор понять, что за плач он не получит никакого вознаграждения»

!????

Может, поэтому и вырастают из этих детишек такие, кто с поистине садистской радостью пытается сегодня пленных в Ираке? От того, что их родители считали простое выражение своей любви к ребенку - взять его на руки, прижать к себе, погладить, поцеловать, успокоить - не

²⁸ ты в одиночку родился и в одиночку помрешь (англ.)

Совьетика Часть 1

просто тратой собственного драгоценного времени, а делом даже «вредным», «вознаграждением за плач»? От того, что они с детства не знали, что такое любовь - не количество купленных им родителями кроссовок «Nike» и игр «Nintendo», а именно то чувство тепла и защищенности, которое так хорошо помню я, когда меня качала в одеяле не думающая о мыльных операх и цвете мочи и о том, как бы оставить себе побольше свободного времени, разогнав нас всех куда подальше, моя бабушка?

Может быть, именно поэтому матери наших солдат страдали при виде всех человеческих страданий, где бы то ни было в мире. («Я сама - мать, и не хочу, чтоб страдали другие матери и их дети»), а матери солдат американских - гордятся своими сынками на службе у современного фашизма и начинают задумываться о том, чем же, собственно, занимались в других странах их «замечательные мальчики» только уже после того, как их тела присылают домой в цинковых гробах? Этим матерям, видно, тоже не пели в детстве колыбельных о замерзающей малютке. Они, как и их собственные дети, выросли, засыпая под монотонные звуки подвешенных к колыбелькам заводных музыкальных игрушек, призванных облегчить «каторжную родительскую участь»...

...С каждой новой спетой моими родными мне песней расширялся мой детский кругозор. Вскоре я узнала о существовании других стран, о таком явлении, как дружба народов:

*«Вышла болгарка на берег Дуная,
Бросила в воду цветков...
Этот цветок увидели словаки
Со своего бережка
Стали бросать они алые маки,
Их принимала река.
Дунай, Дунай, а ну, узнай,
Где чей подарок?
К цветку цветок сплети венок,
Пусть будет красив он и ярок»*

«За правду сражается наш народ,

*Мы знаем, в бою нас победа ждет
За счастье цветущей страны родной,
За мир и свободу идем мы на бой.
Шагайте, кубинцы!
Нам будет счастье
Родины наградой
Народа любимцы,
Мы солнечной республики сыны,
Нам рабства не надо,
Мы веры и решимости полны,
Мы против власти беспощадной
И чужеземной своры жадной
Подняли знамя священной войны.»*

Ещё до школы я знала наизусть стихотворение:

*«Если скажут слово Родина,
Сразу в памяти встает
Старый дом, в саду смородина,
Тонкий тополь у ворот...»*

Я тогда не знала ещё, до какой же мне степени повезло. Повезло, что мы были «нецивилизованными». Там, где я выросла, все дышало связью поколений, связью прошлого и настоящего - и дедушка донашивал ещё свою телогрейку фасона конца 20-х, такую, какие показывают теперь в фильме «Собачье сердце», - и стоял на столе стеклянный графинчик с водой, и висели часы на стене, которые принадлежали ещё дедушкиным родителям, и каждое утро мимо окон проходила с ведрами на коромысле к колонке за водой мать моей подружки Кати.... А высоко над нашим домом, на «горе», как назывался местный пригорок, под сенью огромных тополей, скрипели до поздней ночи на повороте новенькие чешские трамваи, за 20 минут довозившие нас до центра города...

Сегодня, как нас уверяют, ещё совсем немножко, ещё один рывок - и моя Родина с её смородиной в саду, запах которой я до сих пор помню, наконец «цивилизуется». Войдет, наконец, в мир, где у детей фактически нет бабушек и дедушек, нет сказок перед сном, нет подвижных игр на улицах - и вероятно, поэтому нет и сострадания к

малюткам на улице или к кому бы то ни было ещё. «Burn, motherfucker, burn!» - вопит под звуки рок-музыки в наушниках выросший с джойстиком в руке американский солдат в своем танке в Ираке, расстреливая в упор мирных жителей....

Хотим ли мы этого? Мира, где дома не варят варенья («мы отучим российских женщин варить варенье!» - хвастались ещё в самом начале «демократии» немецкие консервные фирмы, как будто бы это - действительное мерило нашего прогресса), мира, где меняют свои привязанности как перчатки, любя не то, что по душе, а то, что «в моде» (это только в «нецивилизованной» России ещё до сих пор помнят, кто такие «Смоки», Африк Симон и «Бони М» - и любят их!), где кладут ноги на сиденье в транспорте прямо рядом со специальным знаком, что это делать запрещается (в СССР в самом таком знаке нужды не было - никому из нас не пришло бы такое в голову. Видимо, из-за «несвободы» и «тоталитаризма»!), где никто, кроме иностранцев из стран Восточной Европы (по привычке ещё) и Третьего Мира, не знает, что в транспорте вообще-то хорошо бы уступать места старикам, беременным женщинам и маленьким детям... Мира, в котором вещи нельзя называть своими именами. Мир, в котором нельзя расиста назвать расистом, если у него толстый кошелек (это *дефамация!*) . Мира, где нельзя иметь свое собственное мнение, отличающееся от того, что «полагается» думать (или уж, по крайней мере, выражать это отличное мнение вслух)?

В этом мире нет места и детским колыбельным, с которых начиналось мое познание мира. Потому что чем. меньше знает и чем. меньше учится думать и чувствовать будущий потребитель и будущее пушечное мясо, тем лучше. Колыбельные остались для него чем.-то аномальным, ассоциирующимся с «недоразвитыми» (нехорошими) странами: недавно на Западе здешними «антиглобалистами» выпущен даже диск с колыбельными из Сирии, Ирака, Ирана, Афганистана, Кубы и Северной Кореи под названием «Колыбельные из «осей зла»!

Колыбельные мне все дома пели по очереди, и я спала в постели со всеми родными по очереди, и никому из нас просто в голову не могло бы прийти, что в этом могло быть что-то неприличное. И я и по сей день помню запах каждого из моих близких людей. И то чувство

покоя и уверенности в завтрашнем дне, которое исходило от каждого из них.

...В отличие от спокойной бабушки, дедушка Илья, наоборот, был человеком с взрывным темпераментом, но зато очень отходчивым. Он мог наговорить тебе гадостей (в рамках приличий: нецензурных слов он не употреблял, но был очень категоричен и резок в своих оценках окружающих - и прям, почти как голландцы!), а потом ходить вокруг с виноватым видом и пытаться загладить свои слова. Бабушку он глубоко уважал. Хотя ей приходилось с ним несладко из-за его ершистого характера (дома дедушка никогда не скандалил: вместо этого у него была привычка выходить на улицу и заводить «дискуссии» с соседями!), бабушка в такие моменты героически грудью преграждала ему путь, а он потом отлеживался на топчане, служившем ему кроватью на кухне около печи, пил огуречный рассол и стонал: «Ой, какой же я дурак! Ой, мне плохо! Больше никогда пить не буду!»

Как и большинство наших мужчин, дедушка Илья был не прочь выпить, - а из-за того, что на работе у него был свободный доступ к спирту, проблема эта одно время приобрела почти катастрофические размеры. В те времена за выпивку на работе карали строго, вплоть до тюремного заключения - и Илья «принимал» буквально за 5 минут до конца рабочего дня, а потом галопом бежал к проходным, «пока не развезло». К дому он подходил уже *на полусогнутых*...

Бабушка и дедушка и познакомились на заводе, где они вместе работали в химической лаборатории. Дедушка был гальваником по профессии. Закончив всего 7 классов, он не всегда мог четко и ясно изложить свои светлые мысли на бумаге, - и вот тут-то ему на помощь приходила бабушка. После её редактирования мысли обретали читаемую форму, и дедушка внес не одно рацпредложение и получил не одну премию за это на своем заводе.

С годами дедушка остепенился. Перед выходом на пенсию выпивал он уже только по большим праздникам и только в хорошей компании. И я его в самые «буйные» годы уже не застала. Мне было 3 годика, когда дедушка вышел на пенсию. Помню даже, как мы вместе ходили к нему на завод его пенсию оформлять.

В трезвом же состоянии он был просто замечательным: работал дома и на огороде не покладая рук ни летом, ни зимой. Он все время находил себе занятие: таскал из леса дрова, что-то чинил, копал

огород, окучивал картошку, бегал по утрам с бидончиком за молоком... Он рассказывал мне придуманные им самим истории о 16 девочках, которые жили сами по себе, без родителей в доме на улице Металлургов (я потом долго искала там их дом!). С девочками случались всякие невероятные приключения, чаще всего –к ним залезали в рюкзаки разные зверюшки, зайчики или белочки, когда они ходили в лес за грибами.

«Аленка сидит в электричке, вдруг рюкзак ее к-а-а-к толкнет в бок!»- рассказывал в сотый раз дедушка, к моему такому же как в первый раз полному восторгу. А еще он рассказывал мне правдивые истории – о своей кошке, которой он носил с работы из заводской столовой блины в голодные годы, и которая точно знала, во сколько он приходит с работы и ждала его на углу; и о другом своем котекрысолове. И о поросенке, который танцевал вальс, когда на улице играли на баяне, и сбивал пяточком с ног соседа, которого он за что-то недолюбливал.

Дедушка пел мне собственную версию песни «Во поле березка стояла», в которой были странные таинственные слова *«чувиль на чувиль, чувиль на виль-виль-виль-виль»* (мы так никогда и не узнали, что это такое!), возил меня с собой за грибами и на рыбалку, сделал мне на огороде качели, ходил со мной вместе за родниковой водой по железной дороге и купаться на речку. А зимой катал меня на санках. От дедушки я ещё до школы научилась названиям различных деревьев и растений, что не переставало поражать моих западных знакомых («откуда ты знаешь, как все деревья называются?»), научилась, какие грибы съедобные, а какие – нет (Сонни приводило в ужас когда я приносила из голландского леса *белые грибы* и пыталась их зажарить!), и как надо копать картошку (чего дедушка, впрочем, все равно никому из нас не доверял!). Мы так и жили по-прежнему в доме его родителей, в старинной городской слободе - совсем близко от городского центра, но почти как в деревне. Все мы здесь друг друга знали и лицо, - однако со временем начало появляться все больше и больше переселенцев из деревень, которых дедушка, коренной горожанин, не выносил на дух (другой образ жизни, другое поведение: лузгание семечек перед домом на лавочке, мещанская, мелкобуржуазная любовь к вещам и деньгам, желание «жить так,

чтобы Манька с Танькой завидовали» были ему глубоко противны) - и он всегда в открытую об этом говорил. А ещё, как и многие наши коренные горожане его поколения, он был заядлым голубятником.

Когда дома было что-то особенно вкусное, дедушка никогда это вкусное не ел – «берег для ребят» (для нас); зато когда еда уже портилась, он съедал ее – «чтобы не выбрасывать». Ни крошки у него не пропадало. Весь черствый хлеб шел голубям, для остального тоже находилось использование. Я еще была воспитана в таких традициях, что даже сейчас, почти 20 лет спустя, прихожу в ужас, когда вижу, как *тоннами* выбрасывают еще хорошие продукты зажавшиеся Westerlingen²⁹...

Дедушка Илья родился и вырос тоже в потомственной рабочей семье Ильичевых. Прабабушка Марфа, его мать, была очень строгой женщиной. Прадедушка Семен, его отец, ветеран Первой мировой (собственно, его не должны были брать в армию, как многодетного отца, но какой-то купеческий сын откупился от неё, и вместо него на фронт послали Семена), умер молодым, всего в 46 лет, - от дизентерии, и Марфа одна растила 6 детей (ещё несколько умерло в раннем детстве). Дедушка говорил о ней с неизменным уважением - и только посмеивался над тем, как во время Февральской революции «мать ходила на демонстрации и кричала: «Свободу!» Свободу!» (он очень комично тоненьким голосом демонстрировал, как она это делала). Видел он один раз в детстве и «святого» Николая Романова, о котором вспоминал с презрением («Такой задрипанный, на курицу общипанную похож, в шинельке на лошади сидел. На фоне губернатора его и не заметишь!»). Он был единственным из моих родных, кто достаточно сознательно еще помнил «старый мир» (во время Революции ему было 10) – и ничего хорошего о нем он сказать не мог.

Два года Илья ходил в гимназию и ещё помнил такой доисторический для нас предмет, как «закон божий». Впрочем, в церковь дедушка не ходил и к религии относился равнодушно. Попов не любил. В годы Гражданской войны Илья, как старший из мужчин в семье, ездил в отчаянно-опасные поездки на Украину: менять вещи на

²⁹ Westerlingen - жители Запада (голл.).

хлеб. Он рассказывал о том, как путешествовал под вагонами, и как один раз во время такой поездки его отхлестал плеткой батька Махно.

Дедушка был видным и красивым парнем, но мало кто из девушек мог выдержать его характер: прямой, резкий, насмешливый. Он не был из тех, кто умеет красиво ухаживать. Наоборот, он мог, например, принести с собой на танцы в пробирке *сероводород* с работы, спрятать пробирку в кармане и потихоньку открыть ее во время самого романтического танца с девушкой...

Не был дедушка и коммунистом. Он так никогда и не вступил в партию. Зато в комсомоле и в партии активно была занята практически вся семья его будущей жены: сама бабушка и её сестра были комсомольскими активистками, а их два брата, старший из которых, тоже Илья, начавший работать на металлургическом заводе с 9 (!) лет, вступил в партию в 1917 году в возрасте 17 лет, вообще стали профессиональными партийными работниками. Что и привело семью Поздняковых к испытаниям в 30-е годы. Илья и его брат Владимир были арестованы как «враги народа». Илья работал к тому времени в Ленинграде с С. М. Кировым. Тамарочка (о ней речь еще пойдет) тоже была на какое-то время арестована, а моя бабушка Сима, потеряла работу. Она рассказывала как-то о том, как шла в то утро на работу, намереваясь пойти в партком, чтобы рассказать об аресте брата (так тогда полагалось) - и по пути поведала об этом одной своей коллеге. Каково же было её удивление, когда её вызвали в партком раньше, чем она успела туда дойти! «Я сочла своим долгом пойти и рассказать товарищам об этом,» - без тени смущения заявила ей коллега, которой она доверилась со своими планами. Впрочем, в те годы (как и теперь) такое поведение не было исключением. Подлость человеческая к коммунизму сама по себе не имеет никакого отношения. И это знали и Тамарочка, и бабушка, и их братья.

Бабушкин брат навсегда остался убежденным коммунистом. Он осел на Урале, стал там почетным гражданином своего маленького городка и несколько раз приезжал к нам в гости. Помню, как он, уже пожилой и совершенно лысый, замечательно пел - молодым, сильным голосом. И как, смеясь, вспоминал о своем заключении: «За что боролись, на то и напоролись!» Никакой злобы, никакой обиды «на Сталина» не было в нем. (Интересно, а кто-нибудь когда-нибудь

собирал воспоминания людей, живших во времена реформ Петра Первого? Уверена, что там «обиженных» было не меньше, а то и поболее, чем в сталинские времена!)

...Поздняковы отделались легко: братьев сослали на Урал на 20 лет, а сестры нашли-таки другую работу. Тамарочка, проработавшая после этого почти 40 лет в областном спорткомитете секретарем, любит вспоминать не об аресте, а о том, как она написала письмо Сталину, пожаловавшись на несправедливость, а Сталин во всем разобрался и «дал ей путевку на курорт». На Черное море. А Симе помог устроиться на новое место её будущий супруг, знавший её по старой работе. Он потом всю жизнь посмеивался над ней и сестрой: «Комсомолки, в красных косынках!» Когда дедушке хотелось подразнить их, он делал глубокомысленное лицо и начинал так: «Лев Давыдыч был большой умница... А уж какой оратор³⁰!» - и хитро краем глаза на них поглядывал.

В 1941-м Илью отправили на фронт. Перед отправкой на фронт попросил бабушку его ждать. Бои под Ленинградом были такими ожесточенными, что дедушка остался в живых только потому что был ранен, и его вовремя вынесли с поля боя. По его словам, из всего взвода больше никого в живых не осталось. Помню, он рассказывал, что наркоз, под которым ему делали операцию, сокращает жизнь на 7 лет. Если бы дедушка прожил ещё 7 лет, он дожил бы до развала СССР, до чубайсовско-гайдаровского ограбления народа, до всей горьковско-гоголевской нашей сегодняшней действительности. Зная его характер, можно с уверенностью сказать: молчать и терпеть все это он бы не стал. А значит, недолго бы прожил... Может, и к лучшему, что не увидел он всего этого?

Сима была девушкой с теми качествами, которые так ценились в те годы в женщине: очень скромная, умная («у матери ума палата»- всегда с гордостью говорил Илья о ней) , спокойная, терпеливая, работящая. Оба товарища по работе были уже не юными когда познакомились, а когда поженились в 1944-м, Илье было 37, а Симе - 30.

После войны у них родились двое детей – мама и мой дядя Шурек. («У нас было удивительно счастливое детство!» - вспоминает моя

³⁰ Имеется в виду Троцкий.

мама. «Такое интересное, такое насыщенное!»). А ещё он взял на себя воспитание племянницы, 15-летней дочери его сестры, оставшейся сиротой. Она прожила вместе с Ильей и Симой ещё 15 лет, до самого своего замужества. И всю жизнь поминала его добром.

...Когда я уже была студенткой, у дедушки случилось кровоизлияние в мозг. Потому что он слишком волновался за бабушку, попавшую в больницу. С бабушкой-то все оказалось в порядке, а вот дедушку парализовало. Мы с трудом вытащили его из подвала, где это с ним случилось. Позвонили в «скорую»: найти работающий телефон-автомат заняло где-то минут 40, а потом ещё 3 или 4 часа ждали врачей. «Перестроившиеся» уже врачи приехали, посмотрели на него и сказали нам: «Ну чего вы хотите? Старый же человек...» - и уехали.

Дедушка прожил ещё почти 2 года, не вставая с постели. Разум у него был в полном порядке, и ему было очень неудобно, что он доставляет нам такие хлопоты - за ним ухаживать. В редкие минуты затемнения он спросил однажды у бабушки: «Ты замужем?» От неожиданности она даже села: «Илюша, ты о чем спрашиваешь? Конечно, замужем!» «Жалко», - сказал он. «Почему?» «Хотел тебя пригласить в кино...»

Мама пыталась поднять его на ноги - различными лекарствами, массажами, терапиями, - и ей это почти удалось. Если бы не лечащий врач, которая пришла однажды к нам на дом, обнаружила его сидящим на постели и удивленно воскликнула, не думая: «Надо же, Илья Семеныч! Вы сами садитесь! А я уж думала, что Вы и не встанете...» После этого он слег окончательно. В ноябре 1990 года дедушка умер во сне. Беспартийный, критичный, но глубоко советский по своему характеру человек, он не дожил до краха нашей страны всего чуть больше месяца. Можно сказать, что ему в этом отношении повезло...

Сам того не подозревая, дедушка ушёл из жизни вместе с целой эпохой. Во многом трагической, но еще более - героической и славной, в отличие от пришедшей ей на смену ещё более трагической, но карикатурно-тупой, безнадежно-беспросветной и нелепой по бессмысленности, с которой люди ежедневно теряют в ней свои честь, достоинство, здоровье и жизнь... Эпохи потеряннного времени....

Меня зовут Евгения. Женя Калашникова. Фамилия досталась мне от другой бабушки- кубанской казачки, а назвали меня в честь

двоюродной тети – той самой дедушкиной племянницы, которую он вырастил. Я родилась в год 50-летия Великого Октября, и не только я сама, но уже и мои родители не знали никакой другой жизни, кроме советской. В то время, как я уже сказала, мы еще не понимали, до какой степени нам повезло. Родиться именно в этой стране и именно в этот исторический промежуток времени на фоне мировой истории человечества было удачей куда большей, чем выиграть какой-то жалкий миллион долларов или евро в лотерею. Окружающая жизнь – спокойная, размеренная, без страхов и стресса, без унижений и слез – казалась нам естественной, как весенний свежий ветер. Казалось, что другой жизни просто и быть не может.

Я родом из среднего по размерам города в средней полосе России. Когда я была маленькой, я искренне не понимала, почему Москва – столица и СССР, и России. «Пусть Москва остается столицей СССР, а столицей России пусть сделают наш город!» – говорила я на полном серьезе своим родным. (Так же как с детским эгоцентризмом я удивлялась, когда встречала детей моложе себя: как, ведь я-то уже родилась! Зачем же людям еще дети?) Москва была недалеко географически, но в то же время далеко: она ассоциировалась с чем-то величавым, торжественным и светлым. Впервые я побывала в Москве, когда мне было года два. Естественно, ничего об этом не помню. Мама рассказывает, что я заснула у памятника первопечатнику Ивану Федорову – и потом уже спала чуть ли не до самого дома. Наш городок – зеленый летом и занесенный снегом зимой, с широким разливом реки весной и вкусными яблоками осенью – состоял из старинного двухэтажного городского центра, пары кварталов с новостройками-пятиэтажками и девятиэтажками (для нас они были в такую новинку, что мы с подружками иногда ходили туда – покататься на лифте!) и остального – двух старинных городских рабочих слобод с одноэтажными домиками, крытыми железом и окруженными садами и огородами. Кое-где еще не было асфальта, а мостовая была вымощена булыжниками. Когда я подросла, мне доставляло огромное удовольствие объезжать наш квартал по кругу на велосипеде. Я знала все выбоинки на дороге и воображала себя смелым всадником на горячем коне – борцом за народное дело...

Мои родители рано разошлись. Разошлись, когда мне было года два, официально развелись, когда мне было 4. Разводы тогда еще

были достаточной редкостью, но мама была очень эмансипированная женщина (она первой в нашем городе надела брюки), и раз что-то было не по ее, ее было не остановить. Иногда мне кажется, что лучше бы было, если бы она с ее характером родилась мужчиной, а отец (насколько я могу составить себе картину его характера по рассказам о нем) - женщиной. Тогда, может быть, у их союза был бы шанс.

Собственно говоря, я совершенно не помню, каким был отец (кроме его фотографий), но ни разу за все годы своего детства не чувствовала себя ничем обделенной. У нас дома были два замечательных мужчины: дедушка и дядя Шурек, младший мамин брат, которого я даже перестала звать дядей годам к 5: он стал просто моим лучшим другом. А глядя на некоторых отцов своих одноклассников, я в те годы иногда просто радовалась, что мои родители разошлись! Так что жалеть меня было бы совершенно не к месту.

Мама работала на заводе инженером (когда я родилась, она была еще студенткой, а отец – аспирантом), к моим 15 годам стала начальником большого отдела, работа ей нравилась, зарабатывала она хорошо (и чем дальше, тем лучше!), папа исправно платил алименты и не показывался - я была даже благодарна ему за то, что он этого не делал. Не только потому что совсем не знала бы, как себя с ним вести и о чем говорить, но и потому, что он не нарушал покой моего детства. Никто не таскал меня в принудительном порядке по разным домам в выходные, как это делается с детьми разведенных родителей на Западе, хотя бы того или нет - потому что «у отца тоже есть его права». Я считаю, что все эти судебные решения принимаются не столько в интересах ребенка, сколько в интересах другого родителя, а для самого ребенка они могут быть даже вредны. Я очень благодарна своему отцу за то, что он не был таким эгоистом и не мешал моему счастливому детству!

...Отец пришел один раз ко мне в школу после уроков, когда мне уже стукнуло 15. Я даже не узнала его сначала. Просто посмотрела на него и подумала: «Ой, какие наглые глаза! Прямо как у меня, когда я себя плохо веду...» - и только по этой мысли догадалась, что это был он. Он пришел поздравить меня с 15-летием и тоже чувствовал себя неловко. Мы оба, как и ожидалось, не знали, что сказать. Он сунул мне

в руки какую-то техническую книжку: «Ты тут, конечно, ничего не поймешь, но это одна из моих научных публикаций». Он был прав: *сопротивление материалов* меня не слишком-то интересовало, хотя я и была отличницей по всем предметам, кроме физкультуры (опять-таки не в него: он у нас в молодости был чемпионом области по бегу на короткие дистанции!) «Ну, а характер у тебя какой?» - спросил он. Я пожала плечами. Как можно в двух словах описать незнакомому человеку собственный характер? «Настроение меняется часто. То мне так хорошо, а то просто плакать хочется -и без каких бы то ни было очевидных причин» Он кивнул: «Это мне знакомо...»

Сейчас у меня нормальные, хорошие отношения и с ним, и с его новой семьей.

...Иногда навестить меня приезжала на машине вместе со вторым моим дедушкой моя вторая бабушка- казачка, говорившая с сильным, сладким до приторности южным акцентом. И употреблявшая украинское ласкательное слово «рыбка». Еще когда родители жили вместе, бабушка-казачка получила от меня прозвище «Стенка», потому что мы с ней так играли: я колотила ногами в высокую белую кафельную стенку ее печи (единственное, что я хорошо помню из всего ее дома!), а она на печку за это ругалась: «Стенка, не бей Женечку!» Потом уже после меня ее стала называть так и вся мамина семья: «Женя, иди, твоя бабка Стенка в гости приехала!» . И мне каждый раз становилось как-то неловко: от мамы я слышала пару нелицеприятных историй об этой бабушке (две женщины, видимо, просто не сошлись характерами, но в детстве, конечно, веришь только своей маме и только ее версии!). «Твоя бабка заворачивала тебя вместо пеленки в старую ветошь из дедовского гаража», «твоя бабка – патологическая врунья – она пыталась подсунуть мне на обед кролика вместо курицы,зная, что кроликов я не ем!»...Если она действительно такая, то зачем же мне тогда с ней встречаться? «Надо, Федя, надо!»- вздыхали мои родные и высылали меня ей навстречу.

От бабушки Стенки сильно пахло духами (она была из тех бабушек, которым «всегда только 45»), и она привозила мне всякую вкуснятину, вроде твердокопченной колбасы (она работала кассиром в магазине). А еще - экзотические вещи: грузинские сладости (чурчхелу) и

разноцветные длинноухие абхазские вязаные шапки из овечьей шерсти. Ее мама, моя прабабушка, тоже казачка, была замужем за грузином, и жили они в Абхазии на берегу моря. Говорят, что у прабабки Насти был такой крутой нрав, что ее побаивалась вся деревня, несмотря на то, какая она была маленькая и худенькая. Муж-грузин за глаза посмеивался: «Знаете, как я стал у себя дома хозяином? Я ей никогда не перечу, но потом всегда все делаю по-своему! И вот так и стал настоящим хозяином в доме...» Глуховатая бабка Настя услышит, бывало, только последнюю фразу: «Это кто в доме хозяин? Это ты в доме хозяин?!» «Все-все, молчу, я ничего не говорил...» - ретировался дед Вахтанг... Ее невестка-грузинка рассказывала, что когда бабка Настя идет к ним в гости, их собака чует ее с другого конца деревни, воеет и прячется!

Я с удовольствием уплетала копченую колбасу, а дедушка - второй бабушкин муж (за которого она вышла замуж после того, как на войне погиб отец моего отца, красивый молодой советский офицер родом с Поволжья) - высокий как жердь, худой украинец катал нас на своей белой «Волге» вокруг квартала, к восторгу всех моих уличных подружек. Он тоже был фронтовиком – фронтовым шофером и привез с войны пару красивых венгерских ручных вышивок (которые, по словам моей мамы, бабушка Стенка выдала на каком-то конкурсе за собственное рукоделие. Если даже и так, то что с того?) и смешной разговорник, в котором наших солдат учили, как говорить венгерским девушкам изысканные комплименты. Изданный, к слову, конечно, не советским командованием, а самими венграми. Мы дома хохотали до слез, когда читали его!

Дедушка увлекался охотой и иногда привозил мне в подарок мягкие заячьи хвостики, которые так смешно падали на пол, кружась, если их бросить с высоты. Говорил он мало, зато очень много курил. Бабушка называла его по отчеству – «Порфирыч». Никого совершенно не коробило, что дедушка был украинец, а прадедушка - грузин. Как не коробило никого, что моя пра-прабабушка с другой стороны была полькой. Или что лучший друг моего троюродного брата был корейцем (больше того – этого друга буквально обожал весь город! Только что на руках его не носили). В национальном вопросе люди были невинны и неискушенны: их интересовали только личные качества человека.

«Изя, а ты кто, татарин?» - на полном серьезе спрашивала своего однокурсника по имени *Израиль* одна из маминых подруг. «Дура! Еврей я!» «Ой, правда? Настоящий?» - с восторгом восклицала она. «Ну конечно, а какой же, игрушечный, что ли?» «И в паспорте написано «еврей»? «Ну да». «Слушай, дай посмотреть, а? Никогда не видела!»...

Один раз бабушка и дедушка привезли с собой сопливого черноглазого пухленького мальчика, про которого мне сказали, что это мой младший брат. Мальчика звали, как дедушку - Петр. Петруша. Он был моложе меня лет на 5. Нас попросили держаться за руки, и нам обоим было от этого очень неловко - ведь мы друг друга фактически не знали. Хотя я всегда хотела иметь братьев и сестер – но у меня это как-то автоматически ассоциировалось с мамой.... А мама не хотела больше детей. «Смотри, как хорошо – тебе ничего ни с кем делить не надо!» . Потом уже и я сама привыкла к этой идее. И стала порядочной эгоисткой, как и многие в моем поколении...

Вскоре дедушка Петро заболел и умер, машину продали, и бабушка больше не смогла ко мне приезжать. Не то, чтобы это было совершенно невозможно: жила она хоть и далековато, но за час на автобусе и на трамвае вполне добраться. Но, видимо, это было ей уже трудно. А я только вздохнула с облегчением и больше не видела ее – и Петрушу тоже- до того, как мне исполнилось 27...

Я пытаюсь вспомнить хоть что-то о том, как мы жили до развода родителей - но в памяти не всплывает ничего, кроме подсудного чувства какого-то беспокойства. Помню только, что меня все время возили - из одного дома в другой, от одной бабушки в общежитие, где жили родители, а от них - к другой бабушке и обратно. Я очень не любила общежитие, у меня просто в животе начинало болеть, когда трамвай только еще подъезжал к нему. И когда мама разошлась наконец с отцом и вернулась к своим родителям, я была этому только рада, потому что у меня наконец-то появилось *чувство дома*. Больше не надо было никуда уходить. Это великая штука, ребята - чувство дома!! Вы даже не знаете, насколько великая. Это такая вещь, даже одни воспоминания о которой делают вас счастливым - вне зависимости от размера вашего дома и его обстановки....

Я не помню никаких родительских ссор или скандалов. Только со слов своей бабушки Симы знаю я, что один раз мама пришла домой с фингалом под глазом и горько плакала, но когда бабушка начала было

ее утешать, она гордо сказала: «Это я плачу потому, что мне Гагарина жалко!» В тот день как раз разбился наш первый космонавт Юрий Гагарин...

...И вот так стали мы жить-поживать: я, мама, дедушка, бабушка и Шурек. Еще одним, приходящим членом семьи была бабушкина сестра, Тamarочка. «Тамара-санитара», как я ее звала, после стихов «Мы с Тамарой ходим парой, санитары мы с Тамарой». Тamarочка и Шурек были моими лучшими друзьями. О Шуреке речь у нас еще пойдет.

Тamarочка была большая чудачка – с ангельским характером. Она могла спокойно выйти на улицу в двух разных носках - если не нашла пары. Думаю, что она за всю свою жизнь не обидела и мухи. Мне она казалась человеком без возраста, хотя на самом деле она была старше бабушки на 3 года. Маленькая, худенькая, с прической в стиле 30-х годов, она умела выполнять всю мужскую работу по дому сама и часто делала что-нибудь эксцентрическое, вроде саморучной «реставрации» старой иконы, которая была у нее дома: «Я тут икону подновила!»- рассказывала она нам, показывая *ярко раскрашенную* деву Марию: «А то она стала какая-то блеклая!»

Я всегда с нетерпением ждала выходных: на оба выходных Тamarочка приходила к нам почти на весь день. В отпуске - каждый день. Но ночевать у нас она оставалась только на Новый год. А уж как здорово было ходить к ней в гости, в ее старый дом на другом конце города, где стояло кое-что из маминой мебели, полученной ею при разводе (у нас дома просто не было для нее места), где росли старые вишни и сливы во дворе и жила еще соседка Тоня - в отдельном доме (с Тamarочкой у них был общий двор)! Тamarочка пекла вкуснющие, просто *воздушные* блины (у бабушки они такими почему-то не получались) и играла со мной в прятки. Она, конечно, прекрасно знала, где мое любимое местечко: у ее за шкафом, но каждый раз делала вид, что не может меня найти... Дома у нее была куча интересных безделушек, от которых нет никакой пользы, но в которые так любят играть дети: по субботам она развлекалась тем, что искала всякие забавные сувениры в уцененных магазинах. А еще мы с ней ходили вокруг квартала, наблюдая за разными проезжающими мимо машинами (пытаясь угадать, какого цвета будет следующая!) и классифицируя печные трубы встречных домов по их форме (в нашей

классификации насчитывалось около 20 разных их видов: от «свечного огарка на ветру» до моего любимого «теремка»), и катались по городу на трамваях. Трамвайный билет стоил всего 3 копейки (цена стакана воды с сиропом из автомата – вкуснящей, обжигающей язык: никакую паршивую отдающую мылом «Колу» не сравнить с ней!), и с ним можно было кататься по кругу на данном трамвае хоть весь день! Только при пересадке на другой надо было покупать новый. У меня были свои любимые места, которые я с большим удовольствием объезжала именно на трамвае. Например, кольцо вокруг одного деревянного жилого дома в Заречье – трамвай ехал так близко от него, что почти задевал его забор, и совершал вокруг него полный круг! Мне было очень интересно, как живется людям в том доме. У нас в квартале тоже был один такой необычный дом: двухэтажный, кирпичный, он стоял буквально впритык к железной дороге, да еще на ее повороте. Дом этот со всех остальных сторон зарос гигантскими деревьями, я никогда не видела никого ни входящим в него, ни выходящим оттуда, и это делало его еще более таинственным. Но люди в нем, безусловно, жили: на окнах зеленели домашние цветы, занавески были чистыми, и время от времени их меняли... Интересно, было ли в нем страшно по ночам? Потом уже как-то мама рассказала мне, что до войны там жила девушка, которой когда-то увлекался мой дедушка – со странным именем Руфа...

Еще Тamarочка водила меня в парк на аттракционы. Парк был далеко, и я бывала там не каждую неделю. Каждый поход туда был своего рода праздником. К походу туда на меня, как на всех девочек моего поколения, надевали огромные банты. Моим любимым аттракционом были качели, а самым нелюбимым – «колесо обозрения», потому что я, как и отец, ужасно боялась высоты. Еще в парке можно было покататься на взятом напрокат педальном автомобильчике, которые я страшно любила. Там играла веселая музыка, бегали дети с воздушными шарами, под детский восторженный визг кормили орехами и печеньем нахальных симпатичных рыжих белочек. А потом мы ели вкуснящее фруктовое мороженое в вафельном «рожке» за 7 копеек и ехали на трамвае домой...

Мама тоже водила меня в парк - по выходным и иногда по вечерам, когда она с коллегами после работы выходили туда на ДНД – в добровольные народные дружины. «Дружинники», как их называли, ходили обычно тройками, медленной прогулочной походкой, с красными повязками на руке. У них был при себе свисток - на случай необходимости вызова милиции. Они должны были следить за порядком и пресекать всякое хулиганство. Но пресекать было почти что нечего. За все то время, что я была с мамой на дежурстве помню только один раз, когда понадобилось их вмешательство: в отношении пьяного гражданина, который разлегся спать на газоне. Это было серьезным по тем временам «ЧП»! А еще был в нашей будничной жизни *участковый милиционер*, которого все знали по имени-отчеству, и который тоже знал всех на своем участке и часто просто приходил к людям - побеседовать, узнать, не жалуются ли они на что. Милиционер был человеком уважаемым - не *ментом*, как сейчас. Он был авторитетом даже для непослушных детей: припугнуть их милиционером было мерой крайней, если не помогали другие меры.

И когда много лет спустя, уже в годы перестройки, я впервые увидела в Москве милиционера с *дубинкой на боку*, я сначала не поверила своим глазам. Это кого же он бить собрался? Какая в этом нужда? Тогда еще не было ни никаких массовых беспорядков, ни хулиганства, ни такого бандитизма, как теперь. Картина эта показалась мне настолько нелепой, что я просто давилась со смеху. Милиционер меня не видел - я шла позади его и не преминула сфотографировать его фотоаппаратом, который был у меня под рукой: показать дома, а то не поверят. Прохожие заметили, что я делаю, посморели на милиционера и тоже начали смеяться, а он так ничего и не понял.

А смеяться-то было не над чем... Дело в том, что это был уже *не наш милиционер*, не советский – и ему уже *было кого защищать дубинками от народа*. Только мы этого еще не знали. Но задуматься-то надо бы было. Выходит, для того, чтобы «вернуться в лоно мировой цивилизации», перейти на «новое мышление» и перенять «общечеловеческие ценности», необходимо прежде всего вооружить милиционеров дубинками? Хороши же «ценности», что и говорить...

...Как и бабушка, Тамарочка рассказывала мне придуманные ею самой истории. Ее истории были про Вику: озорную рыжую девчонку,

от проказ которой никому не было спасения. Вика была дочкой «вдовы Тамары» (это я придумала, что Тамара вдова: ведь откуда-то же взялась у нее Вика!) и младшей сестрой разумной серьезной девочки по имени Тома. Вика проделывала все то, что сама бы я проделывать не решилась: ела сметану туфлями, тайком оставалась в кинотеатре на следующий сеанс и боролась со *шведами* (шведы тогда временно стали у меня вымышленным врагом номер один, благодаря латышскому фильму «Слуги дьявола на чертовой мельнице»).

Никакой вдовой Тamarочка, конечно, не была. У нее не было своей семьи. В молодости ее звали на улице «Тамара-модница», и она, в отличие от своей сестры Симы, имела множество ухажеров. Особенно военных. Но именно поэтому она так и не вышла замуж: выйти за военного означало бы необходимость переезжать вместе с ним по стране, а тут заболела раком ее мама... И Тamarочка, которая к тому времени осталась единственной из ее детей, кто еще жил дома, осталась за ней ухаживать....

Говорят, что «старые девы» - какие-то злые, фрустрированные, обиженные на жизнь создания, не знающие, как обращаться с детьми. Те, кто так говорит, никогда не встречался с нашей Тamarочкой. В ней не было и тени обиды на то, что так сложилась жизнь. Она со смехом рассказывала про своих давних «ухажеров». Она считала мою маму и Шурика своими детьми, а меня - своей внучкой. Мама и Шурик называли ее «крестная» (их еще, по привычке, в детстве крестили), а я - единственная некрещеная в нашей семье- просто Тамарой. Томочка была единственной из нашей семьи кто знал, когда в этом году Пасха. И единственной, кто раз в год заходил в церковь - под Пасху же, *освятить пасху и кулич*. Несмотря на то, что семья наша была абсолютно нерелигиозная, Пасху дома отмечали - приготовлением этих специальных пасхальных кушаний и крашеных вареных вкрутую яиц. Мне нравились в Пасхе две вещи: сама пасха, белая, сладкая, с изюмом (ее можно было попробовать только раз в году!) и то, что в этот день, оказывается, можно было поцеловать кого угодно - со словами «Христос воскрес!» (я мысленно представляла себе, как с этими словами целую *похищенного с Земли в состав моей команды звездолета* Гойко Митича!). Ответить полагалось «Воистину воскрес!» Кто такой Христос и почему он воскрес, я знала смутно. Наверно, тот

дяденька, что был нарисован на старой иконе, висевшей у нас дома (на самом деле на иконе был изображен не он, а Николай-Угодник).

А еще семьей Тamarочки были все спортсмены нашей области! Все они знали ее по работе. Ее уважали, и с ней советовались по разным вопросам, даже о своей личной жизни.

Ходить к ней на работу было захватывающе интересно: и не только потому, что там запросто можно было встретить всяких местных спортивных знаменитостей, но и потому, что это было единственное место, где я могла попечатать на настоящей машинке! Конечно, печатала я всякую ерунду, вроде распорядка дня команды *на моем звездолете*, но самой мне это казалось очень важным и интересным занятием. Сама Тamarочка провела за пишущей машинкой 45 лет....

Тamarочка доставала нам билеты *на трек*. Велоспорт с незапамятных времен был для нашего города тем, чем футбол - для какого-нибудь Манчестера. На нем провели все выходные своей молодости дедушка и бабушка. На нем провели свои детство и юность мама и Шурек. На нем фактически выросла и я. Хотя никто из нас самих велогонщиками не был (один только Шурек ездил на велосипеде по шоссе летом – для удовольствия!). Мы были болельщиками!

На крупные соревнования купить билет было практически невозможно. Народ сидел даже на деревьях вокруг трека - высоких тополях. Люди приходили на трек целыми семьями, в лучших праздничных нарядах - как ходят в театр. Если во время соревнований начинался дождь, народ не расходился, а прятался от него, надеясь его переждать. И потом сидел и терпеливо ждал, пока полотно трека не просохнет...

Финалы обычно начинались в воскресенье ближе к вечеру. Моим любимым видом программы был спринт. Как сейчас помню застывших в сюрпьясе на крутом вираже, под *восхищенное молчание* трибун спринтеров. Легкий летний вечерний ветерок проносится по рядам, холодит кожу. Спринтеры все стоят, только перекатываются под загорелой кожей их икр накачанные мышцы. Наконец у кого-то одного из них сдают нервы, и он срывается с места... Помню звон колокола, возвещавшего последний круг (в будни этот самый колокол лежал на работе у Томочки в кладовке!). Спринтеры показывали такие чудеса бесшабашной храбрости на виражах, что просто дух захватывало!

Естественно, они были нашими героями. Награждение часто проходило уже в сумерках, а домой мы шли, когда уже зажигались фонари.

Тамарочка и мама лично знали всех наших чемпионов. С Тамарочкой можно было запросто пройти под трибуны в полутемные боксы. И местная вело-знаменитость – белобрысый красный от загара дядя Вова с эстонской фамилией, к моей гордости, представлял меня всем как свою «невесту». Мне было 3, «дяде Вове» – лет 20. Я любила перекидываться с ним шутками. Но моим любимцем был смуглый и отважный недоступный для болельщиков спринтер с экзотическим именем Омар Пхакадзе, которого Тамарочка ласково величала «Омариком». Велосипедисты, особенно трековики, и по сей день представляются мне какими-то необыкновенными людьми.

Еще в детстве я очень любила ходить... в поликлинику. Моей любимицей была патронажная сестра Лидочка. «Пойду с врачами поразговариваю!»- важно говорила я, собираясь туда. Я вообще в детстве очень любила поговорить с незнакомыми людьми. Например, в очереди в баню, куда мы ходили мыться потому что дома не было ванной. (Мытье в бане - совсем иное, чем в ванной дома. Ты выходишь на улицу пропаренный буквально до костей, и как же хорошо потом спится! Вот только ужасно неприятно было выходить из банника в холод раздевалки.) Я здорово сконфузила как-то свою маму, когда начала пересказывать женщинам в банной очереди один ее сон: «Мама бежит по улице, а за ней - грузины, а она как закричит: «Миша! Ножкин!» Бедные женщины восприняли мой рассказ всерьез и долго еще неодобрительно косились на мою маму.

Говорить с незнакомыми людьми для советского ребенка не несло в себе какой-то опасности. Детские сады и школы не было нужды охранять от террористов и всяких психов. Мы твердо знали, что мы дети, и что взрослые глядят на нас соответственно. Детей в советском обществе любили и берегли. И хотя меня предупреждали, что не надо брать конфеты у посторонних – на всякий случай, никаких «всяких случаев» на моей памяти ни со мной, ни с кем из моих знакомых не случилось. Под маминым присмотром я даже «кокетничала с грузинами» на базаре (это по моим собственным словам, а на самом деле просто обыкновенно по-детски с ними разговаривала.). Люди были в основной своей массе добрые, хотя иногда и ворчливые: часто

подавали тебе советы на улице, не будучи даже с тобой знакомыми-вплоть до того, как лучше одеваться. Но делали они это не со зла, а потому что беспокоились о других людях. Им было не все равно. Социальный контроль был развит очень сильно, и я вам скажу, не такая уж это плохая вещь! Если кто-нибудь попадал в беду, люди не отворачивались и не делали вид, что этого не заметили, а спешили на помощь. Нас так учили – не проходить мимо. Если напал хулиган – оказывать сопротивление, а не отдавать ему кошелек, как учат тебя на Западе, где государство обладает монополией на использование силы и не хочет, чтобы люди верили в себя и защищали свое достоинство. Ведь большинство хулиганов – трусы, и часто достаточно дать им отпор.

Самое главное - что в СССР у тебя никогда не было чувства, что ты - один. Что никто не придет на помощь, если что-то случится. (Именно потому мне всегда были так непонятны и несимпатичны герои американских фильмов - герои-одиночки.) Это окрыляющее чувство вселяло в человека небывалые силы. Со злом важно не мириться, а все, что мне пытаются вдолбить в голову в этом «цивилизованном обществе» - это именно необходимость *смириться с ним!*

Мы, дошколята, бегали по улице в очень коротких платьицах, из-под которых иногда мелькали штанишки. Никто не обращал на это внимания. Никого из окружающих это не «возбуждало», никто не считал, что это «сексуально». Разговоры с детьми о «женихах» и «невестах», и то были в нашей среде просто чем-то для интеллектуально недоразвитых. «Деревня-матушка!»- презрительно говорили таким.

Когда меня спрашивали, кем я стану, когда вырасту (а это было для нас самым важным вопросом, а не идиотское в отношении ребенка «heb jij een vriendje/ een vriendinnetje³¹?»), я сначала отвечала «балериной»! В 5 лет мама впервые отвела меня в театр на «Лебединое озеро». Балет покорило мое воображение, и в течение всего лета мы с подружками (с моих рассказов) играли в «Лебединое озеро» на улице: бегали вокруг квартала, размахивая руками, как

³¹ «У тебя есть дружок/ подружка?» (голл.).

крыльями, а Марусин братишка Андрюша преследовал нас в качестве Злого Волшебника!

А еще я была без ума от фигурного катания. Каждый раз, когда начиналась зима, и начинались трансляции чемпионатов по телевидению - от турнира на приз «Московских новостей» и чемпионата СССР до чемпионатов Европы и мира - я доставала специальную тетрадочку и сама выставляла в ней оценки выступавшим спортсменам. Мои результаты не всегда совпадали с официальными. У меня были свои любимцы. Например, немка из ГДР Соня Моргенштерн (до такой степени, что я потом долго и всерьез требовала от мамы переименовать меня в Соню!). И, конечно же, все мы любили нашу Ирочку Роднину и дружно осуждали ее партнера Алексея Уланова, когда он ее оставил, и радовались за нее, когда она вновь победила уже с новеньким Сашей Зайцевым. Фигурное катание, как и хоккей, мы смотрели всей семьей. Помню матчи наших с канадскими профессионалами – лохматого игрока по имени Фил Эспозито, затеваемые канадцами драки на льду и возмущенный голос Николая Озерова: «Нет, такой хоккей нам не нужен!». Я пыталась научиться кататься на коньках, но это оказалось не так легко. Дело было в ботинках: меня сначала поставили на хоккейные, с короткими голенищами, ноги в которых были неустойчивыми и разъезжались у меня, как у *коровы на льду!* Потом, когда мне купили настоящие «фигурки» дело пошло уже легче. А еще дядя зимой строил для меня возле дома горку из снега и заливал ее водой, а потом мы вместе с ним и все соседские ребята со свистом катались с нее!

В 5 лет я твердо решила, что стану *знаменитой писательницей* (именно так, а не просто писательницей! Тогда же я написала свою первую книжку: печатными буквами. Называлась она «Приключения Вики» (да-да, той самой, из Тamarочкиных рассказов!). Правил правописания я еще не знала (дело было до школы!) , писала как слышу, и поэтому сейчас мне ее особенно забавно читать. Читать я научилась годам к 4, и первой моей книгой была..ни за что не угадаете! «Хижина дяди Тома». Не вся книга, конечно - она была слишком толста для четырехлетней, но тем не менее, факт остается фактом. (Сейчас я вижу в этом глубокий символизм.) Меня учили читать по кубикам, но родные еще не знали, что я наконец-то выучилась, когда в один прекрасный день бабушка вдруг услышала

захлебные рыдания, доносившиеся из-под стола. Она в панике заглянула под стол, думая, что со мной что-то случилось «Женечка, ты что?» «Еву жалко³²!» «Какую Еву?» «А вот из книжки...»- и я протянула ей томик со смятыми промокшими от слез страницами.

Так уж получилось, что общалась я в раннем детстве больше со взрослыми.

В 3 года я ходила в детский сад, но недолго. Детсад был заводской, далеко от дома. Мама завозила меня туда по дороге на работу и забирала после работы. Вставать приходилось страшно рано. У входа я подолгу не отпускала ее: «Мамочка, ну еще минуточку подожди, пожалуйста!» Меня пугала перспектива идти за стол и завтракать всякими вещами, которые я не любила (в детском саду было трехразовое горячее питание, включенное в стоимость месячной платы за него. Размер платы зависел от зарплаты родителя. Моя мама платила за меня 12 рублей (при зарплате в 140). На меня наводило уныние то, что дети там были какие-то недоразвитые: я просто не понимала, ну что забавного в давании друг другу каких-то глупых прозвищ. Это было *ниже моего интеллектуального уровня*. Я опережала многих из других детей в своем развитии, и мне было неприятно, что воспитательницы пытаются учить меня тому, что я уже и так без них знала. Что после обеда надо спать – не когда захочется, а в принудительном порядке. Хотя сама маленькая скрипящая раскладушка мне нравилась. Я лежала с закрытыми глазами, притворяясь спящей, и слушала, как наши воспитательницы сплетничают и обсуждают новую моду. Потом я пересказывала их разговоры дома. Иногда бабушка хваталась за голову...

К вечеру я каждый день становилась в детсаду у окна – одна, без игрушек, не обращая внимания на других ребят – и начинала мечтать. Именно тогда я впервые вообразила себя капитаном звездолета. Звездолет был огромный, напоминавший по форме 8-этажный дом. Он уносил меня и мою отважную команду к далеким планетам.... И самое яркое воспоминание от детского сада – весьма тривиальное: единственный день, когда я не спешила оттуда уходить, потому что на

³² Ева Сен-Клер – маленькая героиня «Хижины дяди Тома», умирающая в книге от туберкулеза.

ужин был мой любимый пудинг с горячим киселем, а тут как раз мама пришла за мной с работы пораньше и пришлось уходить, не доев его...

Именно со времен посещения детского сада я начала болеть обычными детскими болезнями. Помню, как в первый раз я бредила от высокой температуры. Я отчетливо понимала, что несу ерунду, но язык не слушался меня и словно сам выводил фразы. До сих пор помню и одну из них: «Мама, а Карандаш был за мороз?»- и мои собственные мысли «ой, что же это я горожу?!» Карандаш был одним из героев детского журнала «Веселые картинки», который я очень любила.

На большой маминой постели лежали многочисленные узлы со старой одеждой и кусками материи, из которой бабушка время от времени что-нибудь шила. Каждый раз, когда постель стелили, узлы надо было с нее снимать и куда-нибудь перегружать на ночь. Когда я болела, мне разрешалось выстроить из них себе на постели высокую «стену», и я лежала за ней и воображала, что я страдаю от жажды в осажденной крепости....В то время воображением моим завладели советские «истерны», и я изо всех сил пыталась заплести из своих жиденьких еще волос много косичек и хотела, чтобы меня называли Зульфией.

В период посещения детсада я болела так часто, что дедушке стало меня жалко, и однажды он сказал бабушке: «Слушай, мать, мы с тобой все равно дома весь день. Пусть Надя (это моя мама) забирает Женьку из детского сада насовсем, хватит ребенка мучать» . Бабушка пробовала было сказать ему, что в детском саду меня могут научить чему-нибудь полезному. «Ерунда!»- дедушка, как всегда, был категоричен. —»Чему она там научится? Тому, что «Мирон-сопливый долдон»? (Это была одна из услышанных мною в детсаду дразнилок). И больше я туда не ходила, чему была очень рада. К теперешнему моему стыду, я была слишком большой индивидуалисткой для того, чтобы вписаться в коллектив – и в то же время мне всю жизнь не хотелось ничего больше, чем быть частью хорошего, нормального, здорового коллектива!

Друзья - ровесники появились у меня позже. В 1972 году лето было страшно жаркое. Такого лета я не припомню ни до, ни после того. Земля перед домом у нас потрескалась от зноя на квадратики. Когда ты бежала по улице, тебе в лицо дул не освежающий, а горячий ветер. Стояла засуха, где-то в окрестностях города горели леса. В

соседский дом на нашей улице приехали новые жильцы. У них была дочка - моя тетка, на 2 года постарше меня, смуглолицая девочка с суровым лицом, низким голосом и какими-то необыкновенными, продолговатыми узкими глазами (новые соседи были чуваша с Волги). Она подошла ко мне на улице первая и сказала: «Давай вместе играть!» С этого все и началось. Через день она уже собрала вокруг себя всех соседских девчонок. Женя Николаева была прирожденным уличным лидером и заводилой. Мы все были от нее без ума. Женя была душой любой компании! Она знала кучу игр и умела нами руководить. Мы играли в классические прятки и догонялки, в «съедобное-несъедобное» (моя любимая игра!), в «цепи кованые», в «глухие телефончики», в «бояре, а мы к вам пришли...», в жмурки, салочки и в горелки. В городки. И, конечно же, в «дочки-матери» и в магазин – с нашими куклами. Больше всего мне нравилось делать «фруктовые соки», разводя в воде разного цвета акварельные краски.

Так мы продружили где-то год, когда я заметила неладное. Женя уехала на месяц в деревню, и в ее отсутствие мы с девчонками, с Марусей и с Люсей прекрасно играли без нее и ни разу не поссорились. Ни одного-единственного! Между нами царил такая гармония, что я невольно вспомнила, как мы постоянно ругались - то из-за одного, то из-за другого, а в общем-то, из-за всякой ерунды когда Женя была с нами вместе. И меня осенило: я вспомнила, как она настраивала нас друг против друга, по очереди, исподтишка, настойчиво! Зачем она это делала, я не знаю и по сей день. Но факт остается фактом. Я рассказала Марусе и Люсе о своем открытии, и они тоже поразились, что раньше этого сами не замечали. Мы дружно постановили: с Женей больше не играть, а того, кто наше совместное решение нарушит, считать предательницей. И я ни разу не пожалела об этом решении. Мы с Марусей остались друзьями на всю жизнь, больше никогда не ссорились, и по сути дела, нам больше никто не был нужен. Люся была «нашим-вашим, давай спляшем» и периодически все-таки играла с Женей, но мы ее, пожуриив, так же периодически прощали. А я нажила себе – в лице Жени - первого в своей жизни врага... Но меня это не пугало. Зато с тех самых пор я больше никому не позволяла собой манипулировать!

...Через несколько лет, когда все мы уже учились в школе, я случайно нашла у себя на огороде старую Женину школьную тетрадку с отметками. У нашей заводилы и уличного авторитета были сплошные «тройки» по русскому языку! И она окончательно перестала быть для меня авторитетом, а стала просто жалкой и смешной в своих попытках важничать. Для меня стало таким открытием, что лидер по жизни может быть троечником в школе! А чему тут удивляться, посмотрите только на тех, кто сейчас руководит нашей страной и объявил себя нашей «элитой»! *Троечник на троечнике сидит и троечником погоняет*. И все - как Женя - с апломбом. Пытающиеся нами манипулировать. Вот потому мы так по-свински и живем, что не поставили их в свое время на место.

...Поколение моих бабушки и дедушки – удивительное. Все выпавшие на их долю в жизни трудности они воспринимали как должное, как часть жизни, не скуля от неудач и никого в них не обвиняя – и никогда не задавались вопросом, хочется им что-то делать или нет, если делать это было необходимо. «Не можешь – научим, не хочешь – заставим, позорить отряд не дадим!» . Для них не существовало в жизни ничего невозможного. И поэтому они оказались способными творить чудеса! Мое избалованное поколение, выросшее под девизом «если нельзя, но очень хочется, то можно» просто уже неспособно представить себе, что такое радость созидания, радость построения нового общества, без «а что мне за это будет?»

А я так завидую бабушке и дедушке! Я слишком поздно родилась. Если бы мне только можно было поменяться местами во времени с каким-нибудь репрессированным в 30-е годы спекулянтом или другим аферистом! Он бы в наше время стал «уважаемым бизнесменом», может, даже олигархом, а я получила бы возможность *жить не только для себя*.

Как вам это объяснить? Никакая благотворительная деятельность этого не заменит. Благотворительность унизительна по своей сути и служит не столько помощи в ней нуждающимся, сколько успокоению совести того, кто ею занимается. А я хочу жить в мире, в котором «единица – ноль»! В котором, если в газете рассказывается о каком-то зле, тут же принимаются меры, а не просто все поохали и разошлись, как в «свободном» мире! И, в отличие от тех, кому сейчас по 20 и кто вырос, напичканный страшилками о Сталине и о коммунизме- вплоть

до полного блокирования умственной способности задавать какие-то вопросы на эту тему, я-то хорошо помню, что такой мир возможен....Я застала его только немножко. Но он был таким ярким, таким по-человечески прекрасным, что никакой искусственный неоновый свет реклам «Кока-Колы» никогда не будет в силах его затмить. Я- человек, а не жвачное животное и не грызун. И я хочу жить для людей, а не для таскания орехов в свою норку!

...От мыслей о детстве меня отвлек телефонный звонок. Я быстро посмотрела на дисплей служебного телефона. Слава богу, это не клиент! Сегодня вообще не в меру спокойно: глупая фирма! Мы работали на голландский рынок, но закрывались на ирландские праздники, а в голландские праздники работали. Сегодня был как раз один из них - День Королевы³³. Ну, какой дурак станет звонить нам из Голландии в такой день? Клиенты не знали, что звонят за границу. Они набирали местный номер - и бывали неприятно поражены, когда, например, 17 марта³⁴ телеответчик сообщал им, что фирма закрыта «по случаю национального праздника»!

...Когда я только что начала работать на телефоне, я была постоянно в состоянии эмоционального напряжения. Не только из-за того, что разговаривать приходилось с незнакомыми людьми, а я только что наконец-то осмелилась сама выбирать для себя продукты в супермаркете (см. выше). Телефон показывал, сколько звонков еще в очереди (в зависимости от фирмы - от 1-2 до 15!), и это очень меня нервировало. Хотелось поскорее решить проблему клиента и закончить разговор, *чтобы остальным людям не пришлось так долго ждать*. Наверно, в этом тоже сказывалось мое советское воспитание. Я привыкла автоматически *считаться с другими людьми*. Я так воспитана. Что бы я в жизни ни делала, прежде всего я думаю, а как это скажется на окружающих. Это доведено у меня с детства до такого автоматизма, что я не только не включаю громко музыку в квартире, но

³³ Koninginnedag – 30 апреля. Национальный праздник в Нидерландах

³⁴ День Св. Патрика – национальный праздник в Ирландии.

и в очереди в магазине стараюсь подсчитать сумму, которую мне надо будет заплатить, заранее и подобрать деньги без сдачи - еще до подхода к кассе. Чтобы не задерживать других. И ничто не раздражает меня так, как то, когда с людьми не считаются! Иногда создается такое ощущение, что в Ирландии ходят на почту, в магазины и в банки исключительно для того, чтобы пообщаться с тамошними служащими. Поделиться новостями и сплетнями. За спиной у них выстраивается очередь, всем людям надо куда-то спешить, а они преспокойненько разводят себе «ай-люли малину» минут на 10 - о погоде, о том, как себя чувствует старая Мэри Дохерти, у которой радикулит и о том, а стоит ли открывать новый сберегательный счет, или лучше пока подождать. Конечно, у нас дома их давно бы уже поставили на место, и, возможно, не в самой вежливой форме («женщина, давайте побыстрее, *Вы здесь не одна!*»), но в Ирландии это не принято. В Ирландии не принято огорчать собеседника, не принято в открытую говорить «нет» (лучше наобещать с три короба, а потом ничего не сделать!). Это и именуется «культурные различия».

Но дело в том, что и у нас-то это качество - умение считаться с окружающими - является вымирающим. Потому что это была *советская*, а не просто русская общественная ценность.

Когда меня не было дома 5 лет, и я вернулась в перенявшую «общечеловеческие ценности» Россию, меня глубоко потрясла сценка в магазине: мальчик лет 10 грубо расталкивал всех локтями, а его отец, вместо того, чтобы осадить его, только его подначивал: «Давай-давай, толкай их! Так и надо по жизни!» *И все молчали, словно набрали в рот воды.* Что же это случилось с нашими людьми? Где наши храбрые, вездесущие бабушки - хранительницы общественного порядка?

Сама я молчать не собиралась. Когда какой-то наглый тип схватил меня на улице за коленку, тут же с хрустом дала ему по башке зонтиком. И увидела *ужас в глазах прохожих* - не от его хамства, а от того, что я *осмелилась* дать ему отпор. Люди, да вы что? Кто вас зомбирова? Сам хам несказанно удивился: «Что ты, что это ты?...» - и поспешно ретировался. Вот так. И чего было бояться как кролика?

Что это за жизнь такая? Кто это там до посинения кричит на русскоязычных форумах в интернете о «*достойной жизни*»- получая по 3000 долларов в Америке за мойку чьих-то машин вместо 1500,

которые он получал в России будучи пилотом? В чем заключается *человеческое достоинство*, и как можно вообще жить «достойной жизнью», если всего приходится унижительно бояться - сколько бы тебе ни платили?...

Я схватила трубку.

.- Пойдем пообедаем вместе?- предложил мне коллега Кун – маленький, почти на голову ниже меня курчавый забавный фламандец-полиглот, которого на работе за его знание языков очень ценили.

Кун был похож на меня – своим отношением к Ирландии. («Я - бельгийский ирландец!»)- на полном серьезе говорил он о себе. – «Зовите меня Шеймус³⁵!»). И тем, что тоже был разведенным. О бывшей жене он почти не рассказывал (а я, естественно, не спрашивала), но в его тоне чувствовалась саркастическая горечь. А еще он был таким эмоциональным - просто вулкан страстей! Если ему что-то или кто-то были не по душе, вокруг только пух и перья летели!

Фламандцы – совсем другие, чем голландцы, хотя и говорят на одном с ними (с большой натяжкой!) языке. У них искрометное чувство юмора. Я его ощутила еще по фламандским фильмам. Описать это чувство юмора *словами* не получится: оно утонченное и *рафинированное*. А слушая фламандскую речь - с ее мягким приятным на слух акцентом (моя мама сказала как-то, что голландский язык в устах самих голландцев звучит так, словно человек постоянно жует сырой капустный лист), с подлинно голландскими словами там, где голландцы уже давно употребляют вместо них английские и с отдельными французскими словами, которые, по моему ощущению, употребляются фламандцами не ради «красного словца» («посмотрите, я знаю французский!»), а когда люди хотят передать *определенное отношение* к предмету разговора, я часто жалела, что учила голландский язык в Твенте, а не в Лимбурге. Голландцы часто принимали меня по моему акценту за бельгийку, но сами бельгийцы, естественно, за версту слышали, что это не так.

³⁵ Seamus - ирландская версия имени Джеймс.

Один раз Кун и я дежурили в офисе в субботу. Нам позвонил весьма рассерженный голландский клиент. То есть, довольные-то клиенты нам, конечно, никогда не звонили, но я заметила, что голландские клиенты по телефону намного нетерпеливее и грубее бельгийских в выражении своего недовольства. Когда я начала говорить с ним, он меня недовольно перебил:

- Мефрау³⁶, у вас там что, одни бельгийцы работают? Я только что говорил с бельгийцем, и вот теперь Вы...

- Извините, mijnheer³⁷, но я не бельгийка. Я русская.

На том конце провода воцарилось напряженное молчание; затем клиент резко сказал:

- Простите, мефрау, Вы, вероятно, очень умная, но для меня это уже слишком...

И бросил трубку.

...»Groe(-n)-tjes» (les petits legumes)³⁸« – смешно подписывал Кун свои электронные письма мне.

- Пойдем!- согласилась я. Обедали мы на первом этаже в *курилке*, прихватив что-нибудь горячее из передвижной палатки на улице. На этот раз я выбрала печеную картошку. Plain³⁹. Кун взял себе тоже картошку и ирландское рагу.

С Куном было легко и просто общаться. Он не заигрывал и был самим собой. Он был полон интересных рассказов. Он был из тех иностранцев, которые *никогда не перестают носить в Ирландии*

³⁶ Mevrouw - госпожа (голл.).

³⁷ Mijnheer/meneer - господин (голл.).

³⁸ Игра слов: groetjes –приветлики (голл.), groentjes – досл. «маленькие овощи» (голл.).

³⁹ Безо всего (обычно в Ирландии подают печеный картофель начиненным – например, плавленным сыром).

Советика Часть 1

аранские свитера. Он был вполне доволен жизнью здесь, возвращаться домой не хотел, но очень мечтал перевезти в Дублин свою пожилую маму, а на такую зарплату, какая была у нас с ним, не только было не потянуть ирландскую ипотеку, но даже и приличную квартиру больше чем в одну комнату снять было невозможно. Я ему сочувствовала. В Бельгии у них с мамой был собственный дом, но мама, естественно, не хотела продавать его и «сжигать все мосты». Такие вещи делаешь только по молодости, а даже сам Кун был старше меня лет на 6. Глядя сейчас на то, как я в свое время оказалась в Голландии, я не уверена, что решилась бы это повторить в более зрелом возрасте. Такие приключения мне сейчас уже не по нутру. Тогда мне было только 23 года.

-Ну как, звонков много?- спросил Кун, откашляваясь и с отвращением отмахиваясь обеими руками от густого дыма, окутывавшего *курулку*. Такой же дым постоянно висел во всех ирландских пабах, так что заходя в них, я перед дверями набирала в грудь побольше свежего воздуха, как перед нырянием в бассейн. Одежда после такого посещения потом тоже целую неделю воняла табаком. Отдельной столовой в офисе предусмотрено не было. В курилке было душно, за столами набилось человек 20, не меньше. Мы едва нашли себе местечко. Люди не замечали друг друга, каждый был занят собой: здесь вообще мало кто друг друга знал. В офисе была страшная *текучка кадров*.

- Да нет, совсем тихо. День Королевы же. И слава богу. Шурд⁴⁰ в отпуске на две недели, а люди постоянно звонят мне по поводу программы, которую один только он у нас поддерживает. Что я им должна говорить? «Это мы не проходили, это нам не задавали?» Слушай, я так больше не могу, Кун. Они же нас совсем не готовили. Обещали такой тренинг, когда нанимали, а сами... Меня вообще бросили на телефон на третий день и сказали, что я «сама на ходу всему научусь» Ну, нельзя же так, а? Народ просто в ярости. У меня

⁴⁰ Sjoerd- голландское имя.

уже выработался иммунитет на их ругань. Но голова от нее болит. Утром на работу вставать противно.

- Ага, зато вчера была корпоративная вечеринка – на это у них есть и время, и деньги. Ты не ходила? Что-то я там тебя не видел...

- Нет, такие мероприятия не по мне.

- И правильно, ты ничего не потеряла. Там стриптограмма была. И женская, и мужская.

- В Ирландии?!

-Ага. Мне самому это свинство и дома-то надоело.

- Ну, это уже последняя капля! Лучше бы наняли специалиста по тренингу, идиоты! На следующей неделе у меня 2 интервью в других фирмах. Уйду отсюда, и весь сказ.

- А может, пока останешься, а? Без тебя жизнь здесь станет совсем невыносимой. Поговорить и то будет не с кем. А с кем я буду картошку есть?

- Да уж, «стриптограммы» картошку, наверно, не едят...

Мы оба представили себе одетого в полицейского красного от искусственного загара (ирландцы, как и моя мама, от загара становятся не смуглыми, а красными как рак!) стриптизера, жадно поедающего разваливающуюся у него в руках горячую картофелину и фыркнули. *Космополитичный* офисный народ покосился на нас. Здесь работали итальянцы и португальцы, немцы и французы, испанцы и голландцы. И даже одна девушка с Арубы. Когда я сказала ей «Konta bai, dushi⁴¹?», она обрадовалась мне как родной. Она оказалась в Ирландии из-за своего ирландского друга. До этого они долго жили в

⁴¹ Как дела, милочка? (папиаменто)

Совьетика Часть 1

Германии, где немцы принимали его за местного, а ее - за турчанку. Именно это и вынудило их в конце концов отсюда уехать...

Русских, кроме меня, не было (а уж советских - и тем паче...).

...В первый же месяц своего пребывания в Ирландии я как-то заметила, что одна из девушек, работавших в местной деревенской пиццерии, в жуткой глуши - явно не ирландка. Мигрантов здесь тогда было так мало, что этого просто нельзя было не заметить.

- Where are you from? - спросила я ее из интереса.

- I am from Turkey - ответила она.

- Oh, we are neighbours then!. I am from Russia⁴². - воскликнула я.

И тут глаза ее округлились, и она перешла на чистый русский язык:

-Глазам своим не верю!! Надо же! Я из Баку!

- А чего ж Вы говорите, что Вы из Турции?

- А это потому что люди здесь не знают, что такое Азербайджан...

Общение с соотечественниками за границей никогда не вызывало у меня особого энтузиазма. Может быть, потому, что эмигрировать в основном стремится определенный и весьма мне несимпатичный тип людей. (Из всех правил бывают исключения, но в данном случае они настолько редки, что игра вряд ли стоит свеч.) Больше того, если честно, то я стремилась их общества избежать. Ирландцы не понимают этого: у них самих принято радоваться если встретишь в другой стране даже человека, у которого, как у Че Гевары, только бабушка была ирландкой. Как им объяснить, что когда мы встречаемся с соотечественником за границей, то у нас так или иначе речь почему-то быстро заходит о политике, и люди чуть не вцепляются друг другу в горло, если их политические взгляды не совпадают? И что мне не

⁴² -Откуда Вы? – Я из Турции. – А, мы, выходит, соседи! Я из России (англ.)

доставляет никакого удовольствия общаться с аферистами, скрывающимися от мафии, с женами иностранцев, все свои фразы начинающими со слов «а вот мой муж...», с ритуальным раздуванием щек от собственного «достижения» - как будто сами по себе они вообще людьми не являются - и с перебежчиками, готовыми выдать кому угодно любые секреты и вознести на родную страну любой поклеп, лишь бы им выдали заветный вид на жительство (в Дублине был один такой - бывший офицер ВМФ). Помните, как в стихах у Михалкова:

«Третий товарищ не выдержал,

Третий язык развязал.

«Не о чем нам разговаривать!»-

Он перед смертью сказал»

Перед смертью или нет, но разговаривать нам действительно **не о чем**. Я заметила, что в эмигрантских кругах «наших» знакомясь с новым человеком, прежде всего прикидывают «А можно ли будет из этого извлечь какую-то пользу?» Польза может пониматься каждым из них по-разному: от желания женить на тебе своего младшего брата, чтобы он смог выехать за границу («Гена у меня симпатичный; врач!») до желания начать «совместный бизнес по поставке в Голландию наших девиц легкого поведения», как предлагал мне еще в середине 90-х один не в меру предприимчивый бывший комсомольский работник из Москвы по имени Валентин. Но неизменно одно: как только они понимают, что никакой выгоды не предвидится, их бурное желание с тобой общаться (которого у меня не возникало с самого начала) быстренько сходит на нет. И слава, если честно говорить, богу.

Я сама вовсе не собиралась эмигрировать. А браки с иностранцами, когда я выходила замуж за Сонни, у нас еще были если не табу, то во всяком случае явлением весьма и весьма не приветствующимся. «Я не скажу, что это подвиг, но вообще что-то героическое в этом есть» . В мое время люди сторонились иностранцев как черт - ладана. Сейчас, наверно, уже мало кто помнит такое время, но «выйти замуж за иностранца» стало символом «статуса» среди наших женщин, сегодня

так массово и бесстыдно преедлагающих себя «to the highest bidder»⁴³, только спустя года 4 после нашего с Сонни романтического знакомства. Сказать этим женщинам, что ты выходила замуж не просто по любви, а еще и для того, чтобы вместе строить лучшую жизнь для угнетенной колониализмом родины супруга, что ты вовсе не хотела жить на Западе, и тебя не интересовало наличие у мужа недвижимости и машин - и у них в мозгах произойдет короткое замыкание. Дым пойдет от перенапряжения.

А еще я хотела просто *посмотреть мир*. Но в мое отсутствие «враги сожгли родную хату», и возвращаться оказалось некуда....

В офисе моего нового работодателя царил полный хаос. Я перешла в эту фирму не столько потому, что они платили на 1000 фунтов в год больше, сколько потому, что они обещали сделать из нас, лингвистов, специалистов по технической поддержке (technical support). Но какое там... Люди приходили на рабочие места и уходили с них с такой скоростью, что им позавидовал бы сам Абебе Бикила⁴⁴. Из-за такой текучки у фирмы не было времени как следует готовить новых работников к работе на телефоне- ознакомить их как подобает с продуктами, и пр. Вместо этого их бросали на телефон как на амбразуру дзота. Мало чья психика выдержит такую изощренную психическую атаку: когда по 8 часов в день 5 дней в неделю совершенно незнакомые тебе люди гневно обвиняют тебя по телефону в полной некомпетенции, а ты даже не имеешь права им рассказать, что происходит на самом деле! И народ – *как раз именно поэтому!* - бежал.... Бежал в другие фирмы, иногда – массово, чуть ли не целыми отделами! Получался своего рода замкнутый круг: фирма была снова вынуждена набрать новичков, у которых не было даже и тех небольших навыков, которые с грехом пополам собстаенными усилиями успели приобрести убежавшие. И все повторялось по новой! Кто это там у нас в годы перестройки вопил об «эффективности частных компаний»?...

⁴³ Тому, кто больше предложит (англ.).

⁴⁴ Абебе Бикила – знаменитый эфиопский бегун, чемпион Олимпиады в Риме (1960).

Я выдержала там месяца два. Но и моему терпению пришел конец. Общество Куна было мне приятно, но не настолько, чтобы терпеть ради него то, что у меня каждое утро начинало нехорошо ныть в животе при одном только виде нашего офисного здания. Да и в конце концов, разве я его больше не увижу? Ведь в одном городе живем...

Сегодня была пятница, а в понедельник я намеревалась позвонить в офис и сказать, что я заболела. На 10 часов в понедельник у меня было назначено интервью в агенстве, нанимающем «специалистов по поддержке клиентов» для крупной компьютерной фирмы, а на 12- в телефонном центре тоже очень известной авиакомпании.... Я с трудом дождалась конца рабочего дня!

Кун уже ждал меня на автобусной остановке. Наша была конечной. От центра города – минут 45. Никакой тебе даже крыши над головой – один только столбик в поле. Автобусы- зеленые, двухэтажные. Обычно по пути домой я сразу забиралась наверх и выбирала местечко поудобнее: подремать до самого города. Но на этот раз Кун был рядом, и спать было как-то невежливо. Мы забрались наверх и сели на самые передние сиденья, откуда был замечательный обзор окрестностей.

Автобус тронулся. Мы ехали и смотрели, как возвращаются люди с работы. Многие прямо с работы заворачивали в паб. Ирландские женщины в строгих офисных костюмах при выходе с работы привычно меняли свои модельные туфельки на грязные кроссовки и шлепали в них вдоль улиц весьма неприятной на вид походкой, отдаленно напоминающей спортивную ходьбу- с раскачиванием локтей по большому радиусу. В отличие от ирландских мужчин, среди ирландских женщин очень много хорошеньких и даже красивых: до тех пор, пока они не откроют рот. Помню, как глубоко меня поразила в первый раз одна такая *кельтская красавица*: миниатюрная брюнетка с тиарой на голове, в вечернем платье, с густо намазанным загарной пудрой красивым лицом, из-под которого виднелась белая как мел шея, она стояла на остановке, вытряхивая из туфля камень и материлась так, что просто уши трещали. Казалось, что в ее лексиконе не осталось других человеческих слов, кроме различных вариаций слова «F***» . При этом она даже не ругалась, а просто *нежно беседовала* со своим *бойфрендом* (который был намного сдержаннее ее в выражениях). А уж когда я увидела, как они играючи выпивают по

Совьетика Часть 1

5-7 пинт за вечер... (У меня при всем желании не получилось бы больше двух, и после этого мне было бы плохо!). Ирландки были работящими, независимыми, сильными и не терпели, когда им пытались вешать на уши лапшу (преимущественно ирландские же мужчины!) , но в чем-в чем, а в обилии женственности ирландских барышень обвинить было трудно. Интересно, как же это наши девушки умудряются ее сохранять, даже несмотря на постперестроечную искусственно культивируемую в них вульгарность и на широко известную еще с дореволюционных времен репутацию русских женщин: » Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»?

Я заметила, что Кун тоже посматривает на них в окно автобуса и смеется.

-Да... амазонки, да и только! Слушай, а у тебя много знакомых ирландцев было до того, как ты сюда приехала?

-Вообще не было, Кун. Одни пен-френды⁴⁵. Я начала с ними знакомиться лично уже здесь, на месте - и после первого месяца в Ирландии чуть не пришла к выводу, что здесь все или невероятные эксцентрики, или просто немножко сумасшедшие!

-Почему? Ну-ка, ну-ка , расскажи подробнее, это интересно!

-Да ну тебя, Кун, ты смеяться будешь!

-Когда это я над тобой смеялся? Я смеюсь исключительно над *кааскопами*! У меня на это патент.

-Ну ладно... смотри сам, потом не жалуйся, я тебя предупреждала! Например, первый из моих друзей по переписке был бывшим монахом, школьным учителем, *христианским братом*⁴⁶, который почти 40 лет провел *в лоне церкви*, а потом как-то вдруг понял, что эта жизнь не для

⁴⁵ Друзья по переписке (англ.).

⁴⁶ Christian Brothers - религиозный орден, созданный в Ирландии. Занимается в основном образованием молодежи.

него, и ушел в мирскую. Но церковь, естественно, от него по-прежнему веяло за версту! Второй в 50 лет все еще жил с мамой, посвятил всю свою жизнь одному индейскому племени в Мексике, куда он два раза в год отвозил им кастрюли и теплые одеяла. «Надо же, какой благородный, бескорыстный человек!» подумала я, когда в первый раз услышала его историю. А на следующий раз он мне намекнул, что на днях снова отправляется в одну из своих опасных экспедиций по доставке одеял страждущим красноликим братьям, что не знает, вернется ли он оттуда живым, и что ему хотелось бы перед отъездом *хоть в первый раз в жизни* изведать немного женской ласки.... Мне стоило большого труда не оборжать его в голос! Потом был выпивоха из Корка с романтическим именем Пирс, который уверял, что его до безумия хотела женить на себе местная миллионерша, но он стоически ей не поддался. Он подарил мне ирландскую брошку за 5 фунтов, а потом нализался в пабе так, что у него не осталось денег на обратную дорогу до Корка. После того, как я за его билет заплатила отказалась, он через несколько дней прислал мне по почте письмо, гневно требуя возвращения своей 5-фунтовой брошки! Не иначе как собрался понести ее в ломбард... Потом еще был булочник из Донегала, который писал мне о том, какая он у себя в деревне важная персона. Когда я сообщила ему, что приехала в Ирландию, и дала свой телефон, он не соблаговолил мне даже позвонить, а просто прислал открытку:»В субботу я за тобой приеду!» Я, естественно, возмутилась: мало ли какие у меня могут быть другие планы, а он меня даже не спросил!- и нарочно уехала на целый день. Бедняга тащился на своем пикапе из такой дали, а остался не солоно хлебавши!

-Ого, а ты, оказывается, коварная женщина! - Кун еле сдерживался, чтобы не расхохотаться. Говорили мы друг с другом по-голландски, поэтому окружающие в автобусе нас не понимали.

- О ирландские мужчины, таинственные и непонятные существа! – продолжала я иронически. - Они могут поцеловать тебя в первый же вечер знакомства безо всякого к тому повода, ни с того, ни с сего, а потом так же ни с того, ни с сего начать бросать трубку, когда ты им звонишь, уверяя, что через день они уезжают в Испанию на два года

(мужчина другой национальности хотя бы сначала попытался добиться чего-то более существенного!) А фермер, который простодушно поведал, что начал переписываться потому, что его мама хочет, чтобы он наконец женился?. А охранник аэропорта, который леденящим кровью голосом говорил, что должен сообщить тебе что-то ужасное? Ты мысленно готовилась по крайней услышать, что перед тобой - маньяк-убийца или больной неизлечимой болезнью, которому осталось жить считанные дни, а он трагически поведывал тебе: «Дело в том, что я женат!» - хотя непонятно, с чего он вообще взял, что для тебя это должно стать трагедией. А хозяин отеля в Керри, от которого сбежала его польская жена - и он самонадеянно полагал, что ты очень хочешь поскорее занять ее место? «Чего ты там прозябаешь, в этом Дублине? Что ты там забыла? У нас тут знаешь как здорово!»... А не имеющий никакого образования банковский клерк, который будучи чуть помоложе, был большим лоботрясом и постоянно прогуливал занятия в школе - пока, наконец, его папа, которому это не надоело, не взял его за руку и не привел к своему знакомому в банк:»Все, кончай свои закидоны. Будешь здесь работать!»- и так началась его карьера? А краснокожий садовник из Голуэя, искренне полагавший, что красный цвет кожи, полученный в солярии, сделает его более привлекательным, невзирая на все страдания от полученных ожогов, и предлагавший тебе руку и сердце - вместе со своей оранжереей - на первом же свидании? Еще был один студент - кажется, Брендан. Я думала, что ирландцы по своей натуре народ разговорчивый, а этот молчал весь вечер как партизан. Я думаю: ну, начну сама говорить, глядишь, и он разговорится. И знаешь что, Кун? Я развлекала его весь вечер историями из своей жизни как заправский клоун! А он все сидел и только время от времени бубнил себе под нос: «Yes, that's right...yes, that's right⁴⁷». Я подумала, что ему моя компания не по душе, а сказать прямо об этом он не решается, и наконец начала прощаться. И вот тут он открыл рот и выпалил: «А может, зайдем ко мне домой выпить кофе?» Сказать, что у меня отвисла челюсть при этих словах - значит ничего не сказать... Были еще два англичанина: один пресный как недосоленая рыба, упорно называвший ирландскую деревню Авока

⁴⁷ Да, это так.... да, это так... (англ.)

«Балликиссэнджел⁴⁸», а другой- менеджер по продажам в Восточной Европе, который считал себя невероятным экспертом по России, не зная ни слова по-русски.

Помню его рассказ о первом его выезде за пределы наших двух столиц- кажется, в Челябинск. В конце ноября. Наш «эксперт» поехал туда в своей зимней британской одежде. Приезжает, а в Челябинске – 23 С... Никто не ждет его на вокзале, никто не говорит по- английски и ни один телефон-автомат не работает! Почаще бы таких *диверсантов* забрасывали к нам в глубинку - учить их надо, что умом Россию не понять! Добрался он-таки кое-как до гостиницы, умирает, хочет есть. Пошел в ресторан. В ресторане одна-единственная официантка пересчитывает зачем-то яйца. С таким скучным лицом. Он ждал-ждал, когда к нему побегут его обслуживать - на него ноль внимания. Минут через десять он не выдержал, с разговорником в руках на пальцах объясняет, что хотел бы покушать. Женщина окинула его ледяным взглядом: «У нас вообще закрыто!» Приехал оттуда от ангины чуть живой, вроде поутих ненадолго. А потом опять начал вопить: «У вас раньше была военная диктатура! Зато теперь у вас свобода личности!» Ну, пошла эта «свободная личность» как-то в Москве вечером через парк - захотелось сократить дорогу.... Очнулся в сугробе, без кошелька, без паспорта и без вставной челюсти. Слава богу, какая-то наша бабулька его на себе оттуда вытянула и доволокла до своей квартиры, а то совсем бы конец продажам мобильных его фирмы на Москве... Бабуля, видно, сознательная попалась, пережиток времен «военной диктатуры». Я бы это дерьмо так и оставила в сугробе лежать - может, хоть немножко поумнеет! Я ему говорю: «Может, у нас и диктатура была, но зато в то время зубы у тебя остались бы целы!» В Ирландии он корчил недовольные рожи всякий раз, когда в пабе играли « A nation once again⁴⁹» - и умудрился при этом остаться неизбитым! Дело в том, что в этот момент он всегда рожу свою поворачивал в темноту: чтобы никто не видел. Вот вам и вся «свобода»! А врал напропалую как сивый мерин - даже по таким мелочам, как свой возраст. Убавлял себе 2 года - ну что такое два года, и какой в этом смысл? Он был патологический лгун, и я так

⁴⁸ Название сериала ВВС, который снимался в деревне Авока в Ирландии.

⁴⁹ «Снова (свободная) нация!» - ирл. песня времен борьбы за независимость

никогда и не узнала, было ли это потому, что он менеджер, или потому, что он англичанин, или же и из-за того, и из-за другого. Скорее всего, последнее! Посмотри только на Тони Блэра, это же диагноз. Клиника. Я маме своей на них всех пожаловалась: чего это они такие? Там вообще нормальные люди еще есть? А мама сказала мне одну вещь, над которой я никогда раньше не задумывалась. «Что же ты хочешь? **Нормальные мужики писем не пишут!**»

-Все, все, ты была права, хватит, не могу больше! – Кун согнулся на сиденьи пополам от хохота. Мы уже подъезжали к Сэнт-Стивенс Грин.

... А еще был француз - убежавший работать в Ирландию от несчастной любви дома, некрасивый, длинноносый и ужасно галатный. Он единственным из всех моих новых знакомых поцеловал мне руку на прощание (я все норовила ее пожать, как героиня рассказа Жванецкого!) *и не начал намекать*, что он не прочь бы зайти ко мне на чай...

Был ирландский военный - пузатый капрал по имени Пол, страдающий приступами разговорчивости; был черноглазый и пустоголовый трепач-брокер по имени Фрэнк, строящий из себя «успешного профессионала», которого через месяц выбросил из сдаваемого ему дома его собственный друг, чьи 20.000 фунтов он профыкал на бирже....

Был продавец краски из Кавана по имени Шеймус – веселый, с легким характером, внешне напоминавший мне Адриано Челентано, очень почему-то стеснявшийся собственной волосатости. Периодически он уверял меня, что уходит от матери своего ребенка (у них были сложные отношения и *смешанный брак* :он католик, она протестантка). Впервые мы встретились, когда в Дублине проходил матч между Ирландией и Шотландией по регби, и город наводнили шотландские болельщики. Почему-то не только сами они все были в юбках, но и все сопровождавшие их женщины носили брюки! Ирландия выиграла, но никто из шотланцев не стал из-за этого с ирландцами драться. Вместо того они вместе пошли по барам, где, напившись., вдруг начали дружно скандировать: «We hate the English! We hate the

English⁵⁰!». Один из шотландцев – здоровый как шкаф детина в синей тартановой юбке – все тянул меня за руку: с ним потанцевать! Шеймус в красках рассказывал мне о том, как в юности был звездой регби местного масштаба, а я недоверчиво поглядывала на его тонкие ножки, хоть они и были в сочетании с широкими плечами....

Был курносый и бородатый парень из местного многоэтажного *эетто* под названием Баллимун, пригласивший меня полюбоваться шикарным видом с балкона его квартиры на 16 этаже (по дублинским понятиям, большая редкость - Дублин город очень низкой застройки). И мы действительно занимались в его квартире только этим – несколько часов любовались видом на самолеты, взлетающие из дублинского аэропорта, и на бухту (ее было видно аж до самого Дан Лири⁵¹). Потом он угостил меня самоприготовленным ужином и культурно отвез домой на мотоцикле! А через несколько дней прислал мне трогательное письмо, которое я храню и по сей день. *«Я совсем не был уверен, что это была ты - на улице возле паба, но решил все-таки испытать судьбу и подойти. И я так рад, что сделал это! Женщина, которую я встретил у паба, была намного красивее фотографии, которую ты мне присылала по электронке- во всех отношениях. Вы - два совершенно разных человека. Немногие в наши дни несут в себе все качества истинной леди, а у тебя этих качеств в избытке.»*

И по сей день, когда мне становится особенно плохо, я перечитываю эти строчки. Я специально отпечатала их на работе на принтере. Спасибо, Крис. Человеку с таким ущербным самонимением, какое было у меня после 7-летнего брака с моим латинским мачо, твои слова были просто необходимы...

Но если рассказать обо всем этом Куну, он может сделать неправильные обо мне выводы. Как скоропалительно сделала их в свое время совсем не знающая еще *некнижной* жизни Анита. «Тебе все время какие-то мужики звонят»- неодобрительно хмыкала она, намекая, что в моем положении - матери больного ребенка - это неприлично и несерьезно. Но ребенка-то рядом со мной, несмотря на

⁵⁰ Мы ненавидим англичан! (англ.)

⁵¹ Dun Laoghaire - южный пригород Дублина.

все мои старания, по-прежнему все не было и не было, и я не знала точно, когда наконец будет... А выходные накатывали стремительно, и каждый раз к вечеру пятницы, когда делать становилось наконец нечего, на меня находила девятым валом такая могучая тоска, что мне хотелось только рыдать всю ночь и весь день напролет в подушку. Но рыдать не получалось, единственный способ заплакать заключался в употреблении по меньшей мере половины бутылки красного вина. После чего я начинала в голос причитать «Сонни, Сонни, зачем, почему, ну почему так получилось?» - и слезы лили уже градом, без остановки. Естественно, я не могла позволить себе такое, живя в одном доме с посторонними людьми. И поэтому на выходные я по возможности бежала от них - бежала в город, бежала на встречи с незнакомыми мне пен-френдами. Это было и бегством от самой себя. Мне хотелось почувствовать, что я еще живая, когда внутри меня все омертвело. Впервые в жизни я по-настоящему поняла свою тезку Женьку Комелькову. «А как же полковник, Женя? Как же ты могла?» ...»А вот могла! Могла. Сейчас начнешь воспитывать или после отбоя?»⁵²«.

Да, раньше я не понимала Женьку Комелькову. Теперь понимаю.

Мне здорово повезло, что ни один из моих друзей по переписке не оказался ни маньяком, ни извращенцем. Мое ощущение - что статистически вообще в Ирландии гораздо больше нормальных порядочных людей, чем в Нидерландах или чем стало сейчас у нас дома. По крайней мере, так было, когда я в Ирландию приехала. Сейчас и она неумолимо рвется к «общеевропейскому прогрессу»... Но все равно, по сути дела, я здорово рисковала, встречаясь с этими совершенно незнакомыми мне людьми, только я тогда об этом не думала. У меня был другая забота: *забыть звериную боль. Почувствовать, что ты не одна. Хоть ненадолго.* Так же, как у Женьки...

Мне было элементарно страшно по выходным. В будни просто не было времени и сил над этим задумываться. Страшно оттого, что я совсем одна в этой, хотя и такой замечательной стране. От осознания ответственности за будущее больной дочки, которую не с кем было

⁵² «А зори здесь тихие...» Б. Васильева.

разделить. Оттого, что никому до нас нет дела. И потому что если все время оставаться наедине со всеми этими своими мыслями и со своей тоской, можно просто свихнуться. А я не имею на это права. Я должна выжить. Не ради себя – за себя я теперь совершенно бояться перестала. После того, что уже было, мне хуже уже никогда не будет. Ради Лизы - потому что кому, кроме меня, она теперь будет нужна? Все это не объяснишь человеку, который сам в подобной ситуации не был. И еще я поняла впервые в жизни, что нельзя легковесно судить других, потому что даже на похожие стрессовые ситуации *разные люди реагируют по-разному!*

...Да, у меня началась совсем другая жизнь, чем была в Голландии – независимая, интересная. Я перестала бояться выбирать продукты в супермаркете и с наслаждением окунулась в новый мир – мир общения с людьми! Ко мне словно вернулись годы юности. Хотя нет, сравнивать нельзя, потому что в юности я была слишком для нее серьезной. «У тебя такое выражение лица, словно ты все время готова принести себя в жертву!»- презрительно сказала мне как-то, когда мне было лет 18, одна моя однокурсница, примерным поведением не отличавшаяся... Я постепенно переставала бояться людей и после такого долгого перерыва наконец-то становилась сама собой. Такой, как я была в дошкольное еще советское время. Карлсон сказал бы – «веселой и игривой, как молодой морской лев»!

Ни о какой «новой любви» или даже о поисках ее речь, боже упаси, вовсе не шла. Я не из тех, кто бросает карибских мужей в поисках «британских джентльменов» - я просто заново училась общению и одновременно узнавала много нового для себя о человеческой натуре. Сонни всегда повторял мне, что он только защищает меня от зла этого мира, и я решила убедиться, было ли ему действительно от чего меня **так** защищать. И еще - может быть, я что-нибудь потеряла в жизни, будучи все эти годы такой тихой, такой замкнутой и такой примерной? Может быть, я действительно чего-то была лишена, как нас теперь пытаются убедить? Мне не понадобилось много времени для того, чтобы прийти к однозначному выводу: конечно же, нет! Been there, done that, got that T-shirt⁵³ - и теперь знаю точно, что все те «свободы»

⁵³ Была там, прошла через это, получила вот эту футболку (англ.) – это часто пишут на футболках для туристов.

Совьетика Часть 1

поведения, которыми пытаются соблазнить наших молодых людей, не стоят и сухой дохлой мухи!

...Пора было выходить из автобуса.

- Хочешь, съездим на выходные вместе на Аранские острова?- предложил на прощание Кун.

- Спасибо, как-нибудь в другой раз – обязательно!

Я еще не знала этого, но с тех пор я больше его ни разу не увидела. В понедельник сразу обе фирмы предложили мне немедленно начать работу на новом месте.....

И ни разу за все время, что я знала Куна, не пришло мне в голову, что он, оказывается, был в меня молча влюблен! Ну, молча – это слишком громко сказано. Не молчал-то он как раз ни секунды. Но ни разу даже намеком не говорил мне о своих чувствах. Потом признался по электронной почте – уже когда уехал обратно в Бельгию (из-за мамы). Через 3 с половиной года!

Мне было очень неловко, хотя и лестно. Я ничего не ответила ему – что я могла ответить?-, а про себя не переставала поражаться: как же так? Думаешь, что знаешь человека, а таких элементарных вещей не замечаешь... Но он действительно не подавал никаких того признаков.

... Был еще один друг по переписке, о котором я не рассказала тогда Куну. «Австралиец» Конор из Портобелло⁵⁴. Потому что я сама не знала точно, плакать мне в отношении него или смеяться.

Конор был уроженцем дублинского рабочего квартала Риалто. О своем детстве он вспоминать не любил: вечно пьяный безработный отец, сестра, угодившая в психиатрическую больницу, девушка, на которой он был вынужден жениться в 16 лет потому, что сделал ее беременной (ха, как будто его кто-то заставлял это делать!)... Одним словом, «на дне». Вскоре молодые уехали в Австралию, и там Конор провел большую часть своей жизни. Что случилось с их ребенком, я не знаю, но было однозначно ясно, что в живых его больше нет: когда я

⁵⁴ Квартал в Дублине.

рассказала Конору о Лизе, в глазах у него заблестели слезы, и он отвернулся. После этого они с женой развелись, благо в Австралии, в отличие от Ирландии, это было возможно, и он зажил сам по себе. Стал инженером по холодильным установкам, со своим, как это теперь принято у нас говорить, «делом». И лет через 20 потянуло его опять на родину. Захотелось сменить карьеру. «Компьютеры - это будущее!»- любил говаривать он. Конор купил себе маленький домик в уютном Портобелло и целыми днями сидел в нем, самостоятельно осваивая премудрости компьютерной графики по книжкам. Идти на курсы он не хотел из принципа, а то, что самостоятельное обучение занимает столько времени (по его подсчетам, оно должно было занять еще по меньшей мере полгода), его не смущало: на него, как в дурацкой рекламе, которую показывают у нас по телевизору, «работали его деньги»: где-то он сдавал дом, кто-то руководил в его отсутствие его маленькой фирмой в Сиднее...

Конор был, как большинство дублинцев, маленького роста, который он компенсировал при помощи ковбойских сапог на каблуках а-ля Крокодил Данди, не снимаемых им даже дома. С большой белобрысой головой и с тонкими чертами лица, указывающими на гены викингов. Физиономия у него была кирпичного цвета, как у большинства имевших несчастье загореть ирландцев, только это был загар не из солярия, а результат 20-летнего пребывания в Сиднее, и потому был Конор в каком-то смысле как елка в нашей детской загадке – «зимой и летом одним цветом».

Как и многие ирландцы, Конор считал себя философом, особенно когда выпьет.

Его любимым пабом был «The Barge Inn» на Шарлемонт –стрит. Пьяным он не выглядел никогда - просто начинал долго рассуждать на абстрактные темы. Очень любил похвастаться тем, как он поразил американских ирландцев во время своей поездки в Америку тем, что указал им на параллели между борьбой ИРА (которую так многие из них поддерживали) и борьбой палестинцев (которых те же самые *янки кельтских кровей* считали террористами!) с израильской оккупацией. Это какими же дуболомами надо в первую очередь быть, чтобы понадобился аж австралиец для того, чтобы им на эти параллели указать!

Конор удивил меня прежде всего тем, что он сам настойчиво начал предлагать мне свою помощь - стоило мне только заикнуться, например, что мне надо куда-то доехать, как он тут же предлагал мне туда меня подвезти (я тогда еще жила в Майнуге). Или что-то починить, когда оно ломалось. Удивленная, я соглашалась - кто бы отказался, если человек, судя по всему, так искренне это предлагает? Взамен он тоже ничего не требовал. Но через некоторое время в него словно вселялся какой-то бес, и он начинал вопить, что все пользуются его добротой, сели ему на шею, потому что он такой безотказный (не только я, его родственники, например, тоже!), а ему надо заниматься своим компьютером, а мы все ему мешаем... Я обижалась – позвольте, сударь, но я вовсе не просила Вас о помощи, Вы сами изо всех сил ко мне с нею набивались!- и уходила. А через некоторое время он звонил мне, и все продолжалось по-старому. С ним было очень интересно разговаривать - он был такой умудренный жизненным опытом, какой-то меланхоличный и даже несчастный, а мне было одиноко, и мы снова собирались вместе и шли в его «The Varge»... «Ты там еще, чего доброго, сопьешься, в этой своей Ирландии!»- выразила мне беспокойство мама по телефону.

Things have derailed⁵⁵ когда к Аните приехал на 5 дней ее бойфренд из Голландии. Она попросила меня на это время «куда-нибудь съехать» из комнаты... «У тебя же так много здесь друзей!» - был ее аргумент. Друзей?! Ни одного из них, естественно, я о таком попросить не могла. Кроме Конора. У него было 3 спальни в доме, жил он один и обращался со мной ровно, по-дружески, плюс я обещала не отвлекать его от компьютера. «Я буду только ходить отсюда на работу и после работы - сразу спать - и все.»

Благие намерения... Конору и самому не хотелось, чтобы я просто сразу шла спать после работы. Ему хотелось оторваться от компьютера и поболтать!

Одно за другим, бутылочка красного вина... пара ирландских песен (он обожал петь «Only our rivers run free⁵⁶» и делал это, несмотря на

⁵⁵ Все пошло под откос (англ.).

⁵⁶ «Только наши реки текут свободно» - грустная баллада о колониальной зависимости Ирландии

весьма небольшой голос, очень музыкально и задушевно)... как-то ненароком речь зашла о Голландии, и я, не стесняясь особенно в выражениях, высказала ему, что я о ней думаю, и почему мне так захотелось уехать оттуда именно в Ирландию. Но, как известно, «opposites attract»⁵⁷, и Конор до хрипоты принялся доказывать мне, почему Голландия, по его мнению, прогрессивнее - потому что там в таком случае, какой приключился с ним в молодости, можно бы было сделать его подруге аборт! Естественно, его аргументы были безрезультатны.

- Штаны свои тебе надо было держать застегнутыми, а не аборты делать!- разозлилась я. I can be pretty bad tempered if a conversation comes close to some sensitive subjects⁵⁸. - Не думаю, что твоя бывшая жена в 16 лет сама на тебя бросилась!

Он покраснел и с жаром принялся мне доказывать почему-то, как важно быть раскрепощенным в этой области. *Ну, сейчас, Конор, я сделаю из тебя отбивную!*

- О да? – насмешливо протянула я. - Есть вещи, которые мне просто совершенно не нравятся, хотя ваши раскрепощенные «гламурные» журнальчики уверяют, что все женщины ну обязаны быть от них без ума. И никто не заставит меня поверить, что я ненормальная только потому, что мне не нравится то, что так настойчиво «рекомендует» какой-то там идиотский журнал!

- А давай попробуем? - неожиданно предложил он. - Спорим, что ты просто еще не встретила человека, умеющего гм...

От такой наглости я просто онемела. А потом разозлилась до чертиков. Он что, надеется, что я сейчас в ужасе убегу от него, на ходу отрещиваясь? На это и рассчитывает?

⁵⁷ Противоположности притягивают (англ.).

⁵⁸ Я могу быть достаточно вспыльчивой, если разговор затрагивает некоторые чувствительные темы (англ.).

Совьетика Часть 1

- А давай. Тоже мне, эксперт нашелся!

И вот так и произошло то, чего не должно было произойти...

- Ну, и как тебе? - спрашивал Конор каждые пять минут.

- Да так себе. Ничего такого особенного, - честно отвечала я.-
Лучше бы не надо, а? Зря стараешься, ей-богу.

- Как же так? – искренне удивлялся он, словно была задета его *профессиональная гордость*. А я еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться. Мне было ужасно щекотно. - А если вот так?...

- Да все так же....Слушай, скоро это уже кончится?

Надо сказать, что Конор был мне *не противен* - иначе бы я, наверно, действительно убежала, отрешиваясь. И что хотя я осталась при своем мнении на данную конкретную тему, несмотря на все его старания, мое отношение к нему после этого несколько изменилось – я была не против того, чтобы наши отношения оставались такими, как есть, и не видела причин для него быть против этого. В конце концов, разве не он сам постоянно повторял, что не хочет себя ни с кем связывать?

Я совершенно отчетливо понимала, что в моем положении я не имею права на к чему-то обязывающие – то есть, полноценные - отношения с каким бы то ни было мужчиной. Это было бы с моей стороны верхом эгоизма - прежде всего, по отношению к Лизе. Не говоря уже о том, что я была эмоционально на такие отношения на данном этапе своей жизни не способна. Мне просто хотелось, чтобы был – и главное, не под одной со мной крышей!- человек, с которым можно быть самой собой: время от времени говорить обо всем и иногда быть немного близкой.

Однако Конор то ли не понимал этого, то ли сам запаниковал: у него начались навязчивые идеи, что я хочу с ним отношений именно серьезных. Я слушала сущий бред, который он нес - и не переставала удивляться: то ли он самому себе выдавал желаемое за

действительное, то ли он таким образом обычно самоутверждался в собственных глазах: сначала «приручив» женщин навязываемой им помощью (и всем остальным), а потом, когда они действительно захотят чего-то большего (а чего греха таить, мы, женщины, к мужчине легко привыкаем!...), гордо их отвергать. А я дала ему понять, что меня устраивает все, как было - и сорвала этим его проработанный до деталей маленький план по достижению *состояния нирваны* за счет очередного унижения еще одной жертвы... И вот он пытался убедить – причем не столько себя, сколько меня!- что я на самом-то деле, конечно же, хотела бы более серьезных с ним отношений, да только боюсь в этом честно признаться!

Да у него что, белая горячка?

Я почувствовала себя глубоко оскорбленной. Скольким еще жертвам распевал свои «Only Our Rivers Run Free» этот фрустрированный сын алкоголика с кучей неведомых мне комплексов неполноценности, вымещаемых им на противоположном поле? И так что же мне было делать с ним - плакать или смеяться?

...Сегодня была пятница, но я никуда не пошла. Хватит с меня. «Тебе нужна передышка, а сундуку – чтобы закрылась крышка» - как говорилось в туркменской сказке. Наконец-то у меня было отдельное жилье, и теперь я вполне имела право в выходные напитки и реветь дома всласть, никому не мешая. Два стакана ликера сделали свое дело...Оставалось только надеяться, что у хозяев в подвальчике, куда выходила стена моей комнаты, были звуконепроницаемые стенки. Часам к 10 я забылась в тяжелом сне.

А около полуночи неожиданно раздался телефонный звонок. Я перепугалась – уж не случилось ли чего дома с Лизой? Вскочила и, ничего не видя спросонья, стремглав сбивая на ходу мебель, рванула к телефону. Но в трубке молчали, потом я услышала какой-то далекий звук, похожий на всхлип. И трубку повесили. Пока я соображала, что же происходит, и кто же это может быть, позвонили снова. Женский голос с приятным французским акцентом после некоторого колебания попросил меня к трубке. Я была совершенно сбита с толку: кто же это может быть, и зачем я понадобилась ей в выходной в 12 ночи?

- Вы знаете Вилла? - неожиданно спросила меня незнакомка.

Совьетика Часть 1

- Какого Вилла?

-Вилла Шарки из Роскоммона.

Будучи все еще полусонной (и не совсем трезвой), я соображала очень медленно.

- Ах, да. Это мой друг по переписке.

- Вы с ним встречаетесь?

Бог миловал, с ним я встретиться даже еще ни одного раза не успела. Вилл Шарки из Роскоммона писал стихи, играл, по его словам, на гитаре и был романтической натурой. Несостоявшийся поэт в 40 с лишним лет – каких, наверно, половина Ирландии!

-Нет, конечно. Я даже еще ни разу его живьем не видела. Только на фото.

- Правда?

- Девушка, извините, не знаю Вашего имени, ну зачем я Вам буду лгать?

И тут на том конце провода *прорвало*. Незнакомая француженка зарыдала, сказала, что ее зовут Амандина и начала рассказывать мне, как безумно она любит Вилла Шарки, и как до недавнего времени она и не подозревала, что он, кроме нее, пишет еще и другим женщинам, причем письма почти одинаковые - чуть ли не под копирку. Она случайно обнаружила в его бумагах и одно из моих писем с моим номером телефона и решила мне позвонить, чтобы вывести ирландского мерзавца на чистую воду. Мерзавца или нет, но она, судя по всему, была действительно по уши влюблена в этого типа, ибо через секунду после гневных обвинений в его адрес уже начинала доказывать мне, какой он замечательный. Я не спорила и вообще больше слушала, чем говорила. Мне стало ее очень жалко.

-Что я могу сделать для Вас, Амандина? Ну хотите, я вообще перестану ему писать, а все его письма мне отдам Вам?

- Правда? - она всхлипнула еще раз и почти успокоилась.

Вот таким странным образом познакомилась я с моей первой в Ирландии подругой женского пола. К концу разговора мы договорились, что в воскресенье Амандина приедет в Дублин, и мы вместе пойдем в зоопарк! Как две школьницы.

...Я вздохнула. Спать больше не хотелось. Я встала, оделась и под покровом темной ночи пошла к дому Конора: вывесить на его дверях огромный (каждая чашечка – чуть не с мою голову величиной!) купленный в благотворительном магазине за 50 пенсов бюстгальтер. Пусть знают эти ирландцы, как разбивать сердца бедным иностранным девушкам!

Как говаривал мой бывший супруг Сонни Зомерберг, «don't mess with me⁵⁹!»

⁵⁹ Со мной лучше не связывайся! (англ.)

Глава 3. «Зачем Вы к нам приехали?»

«Я мечтала о морях и кораллах,

Я поесть хотела суп черепаший,

Я шагнула на корабль, а кораблик

Оказался из газеты вчерашней»

(Песня о кораблике)

...Суббота. Самое главное - не проснуться посреди ночи. Потому что тогда опять часами будут лезть в голову разные мысли - и воспоминания, от которых нет спасу, и в которые хочется нырнуть, чтобы никогда больше не выныривать. Такое же чувство у меня бывает, когда я смотрю старые советские фильмы - болезненно-сладкое. Меня часто разбирают непонятные для несоветского человека слезы в конце даже самых легких и светлых из них - именно потому, что они кончились, и меня, совсем как Ивана Васильевича, пронзает мысль: «Господи, да ведь я же забыл где я! Забыл!». И вместе с тем я счастлива - оттого, что я сама, неопаслышку, жила такой жизнью, и знаю, что она и люди, показанные в этих фильмах - не сказка. И никакой Михаил Сергеевич не докажет мне, что «Маленькая Вера» - это правда, а «Тигры» на льду» - выдумки. Если кто-то имел несчастье вырасти в свинарнике, это еще не значит, что на свете существуют одни только свиньи! Или что свинячий образ жизни должен стать нормой для людей. Да и уж тем более, как может понять советскую действительность уже знакомый нам Мальчиш-Плохиш, сидящий на своем ящике печенья в обнимку с банкой варенья? Как может понять ее «пионер», добровольно топивший баньку для фашистских оккупантов и общипывавший для них кур и наверно, всю

свою сознательную жизнь тайно мечтавший, чтобы его перестали звать товарищем и начали величать господином⁶⁰?

... Ну вот, конечно, я опять проснулась.захотелось пить. Эх, сейчас бы бабушкиной *шипучечки*... Если даже я налью газированной минералки в стакан с черносмородиновым сиропом здесь, это будет не то. Сам процесс ее приготовления был полон таинственности. Во-первых, для нее брался не сироп, а бабушкина черносмородиновая *засыпка*: слой черной смородины из собственного огорода- слой сахара- снова слой смородины и так далее в 5-литровой банке, которую оставляют так стоять на несколько месяцев прежде, чем засыпка бывает готова. Несколько ложек засыпки в металлической кружке, от которой во рту оставался странный привкус, заливались ледяной водой из ведра, потом дедушка торжественно доставал с одной из своих полочек с реактивами (все-таки в душе он был химик, даже на пенсии!) маленькую баночку с лимонной кислотой и добавлял в кружку совсем немножко этого белого порошка: пол чайных ложечки. И наконец с другой полки появлялась в его руках банка с питьевой содой - и мне, к моему восторгу, разрешалось размешать ее в кружке ложечкой. Буквально на глазах в кружке поднималась бурная пена - надо было вовремя бросить размешивать, чтобы она не перелила через край и поскорее пить шипучку, пока пена не сошла! От шипучки тут же ударяло в нос, и я повизгивала от радости - от шума, поднимаемого пеной, от щекотания в носу и от того, что я успевала ее выпить прежде чем вода успокоится, и в ней проступит явственный вкус соды. Делать ее здесь самой было бы лишь бледной тенью оригинала – не только из-за ингредиентов. Будет похоже на рассказ Жванецкого: «Кофе в постель можно самому себе подать. Но тогда придется встать, одеться, приготовить кофе, а потом раздеться, лечь и выпить.»

Просто не с кем разделить это чувство. Даже если бы здесь кто-нибудь и был. Ведь *с этими людьми у меня нет общего прошлого*. Я раньше не понимала, насколько это может быть важно. На днях дублинский шофер такси на полном серьезе спрашивал у меня, почему

⁶⁰ Ссылка на информацию о детстве М.С. Горбачева, содержащуюся в книге Н.Зеньковича «Михаил Горбачев: жизнь до Кремля».

люди у нас в СССР хотели учиться, например, на врачей, если врач получал не больше, а то и меньше простого рабочего. И втолковать ему, что *человек может хотеть учиться и помогать людям не только из-за денег* было потруднее, чем для Шурика объяснить Ивану Васильевичу, что он не демон. Он так этого и не понял. Зачем же нужно вообще напрягать свои мозги, если не ради зашибания крупных денег? *Ну, как тебе это объяснить, Чебурашка?..*

...Ну вот, теперь я часами буду ворочаться с боку на бок. В такие минуты особенно противно вспоминать как раз все то, что обычно служит мне здесь для того, чтобы забыться. Омерзительно вспоминать всех этих *Коноров и Шеймусов*. Все это - *пустое*, настолько пустое, что хочется стереть это из памяти как грязное пятно со стола. И еще потом хорошенько продезинфицировать! И дуством его, дуством....

Интердевочки и интермальчики всех сортов и размеров обожают издеваться над тем, что «в СССР не было секса», умалчивая при этом о том, **что там зато было**, и чего сами они лишены напрочь. Объяснять им это - все равно, что пытаться на пальцах объяснить, что такое аромат розы человеку с хроническим насморком. В статье на тему «о любви на войне» они на полном серьезе, смакуя, описывают то, что вообще-то всеми нормальными людьми классифицируется как военные преступления. Эти «герои» нашего времени, вот уже больше 10 лет так усердно пытающиеся заставить советских людей *оскотиниться*, и не подозревая, насколько сильные вызывают они ассоциации с описанием из книги Юрия Бондарева – «кто-то, гладколысый, уродливо сгорбленный, тоже голый, подглядывал из-за кустов и, суча волосатыми ногами, злорадно, гадливо смеялся.⁶¹ ...»

Как же не пожалеть-то их, ущербных? Для них любовь - это вожделение. Для них страсть - это похоть. Для них «любая женщина будет твоей, если ты воспользуешься нашим средством для увеличения размера члена». Для них «эротика - это мировая культура». Как насчет *культуры чувств*? Что, не знаете, с чем ее едят? Как насчет того, что любовь - это армянское «цаватанем⁶²», а не ваше пыхтенье и потенье под одеялом? И не когда он «стреляет» из

⁶¹ Цитата из романа Бондарева «Берег».

⁶² возьму твою боль – армянское выражение сострадания.

«гигантской любовной пушки», а она стонет на все лады, на манер Карлсона в образе привидения: а то вдруг он подумает, что ей это не очень понравилось? А «Умри, но не давай поцелуя без любви!» Чернышевского? Им же, беднягам, проститутам души, такое даже во сне привидеться не может.

В Советском Союзе понятия любви и ненависти вообще были совсем другими – духовными, переплетенными, взаимосвязанными. Еще дореволюционный поэт писал: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». И я не уставала - я была воспитана так, что *без ненависти не может быть и самой любви*. Людей по-настоящему можно любить только ненавидя всех тех, кто мешает им жить по-человечески. Любить людей означает бороться за них и за их будущее, а не ставить за них свечку в церкви. Чтобы не было на улицах бездомных и голодных. Чтобы не становились хозяевами улиц с наступлением темноты типы, которым место - на тюремных нарах. Чтобы матери не выбрасывали своих новорожденных на улице - оттого, что не могут их прокормить. Чтобы не торговали живыми людьми как скотом на рынке. Чтобы никто не боялся потерять работу и остаться без средств к существованию. Чтобы не было нужды валяться в ногах у «спонсоров» родителям смертельно больных ребятишек, выклянчивая деньги на операцию. Чтобы старики и старушки не задумывались, как им прожить до конца месяца –на хлебе и воде. Чтобы не профуфыкивали на яхтах и виллах «Понч» созданное многолетним трудом этих самых бабушек и дедушек всякие Миги, Жулио и прочие Скуперфильды⁶³, место которым – у той же у параши, что и сутенерам и убийцам.

Мне смешно, когда *интердевочки* и *интермальчики* бубнят, что я ненавижу этих типов потому, что я им «завидую». Завидовать - значит хотеть самому оказаться на месте предмета твоей зависти. А что мне делать в компании *ординарных воров в особо крупных размерах* - в очередном эксклюзивном пивбаре или в каком-нибудь замке, из которого в срочном порядке выгнали англичан, заменив их портреты на стенках своими? Завидовать можно Светлане Савицкой, Юрию Гагарину, Че Геваре, Фиделю, Амилкару Кабралу, Егорову и Кантарии, Дину Риду, строителям БАМа, на худой конец – тем, кто в 1978 году

⁶³ Герои «Незнайки на Луне» Н. Носова.

побывал на концерте «Бони М» в Москве и тем, кто успел увидеть и услышать живого Кола Бельды.

Есть на свете враги – не мои личные, всего трудящегося человечества. И не потому, что ты такой «нехороший», просто они объективно есть, и от твоего подставления другой щеки, кляв в «христианской любви» к ним и даже от их политической реабилитации они таковыми быть не перестанут. Как не перестанет сосать кровь клоп, заведшийся в матрасе, если с ним провести хоть двести воспитательных бесед. Если вы хотите подставить ему другую щеку – это ваше личное дело. Но я для этого слишком люблю людей. И с мешающими им жить клопами поступать буду, насколько мне хватит сил, соответственно... Вплоть до сжигания матрасов. Ненависть бывает священной, как «Священная война». Главное – чтобы она в конечном итоге была *направлена на созидание*, а не просто бесплодно разъедала тебя как азотная кислота изнутри. Избавление человечества от паразитов, не обязательно только физическое (вспомните, как перевоспитался в конце концов Скуперфильд!) – это тоже дело созидательное!

А любовь... Любовь – это то, что в твоём сердце, а не ниже пояса. Любовь – это то, что даёт тебе крылья. Что избавляет тебя от страха перед контрольной по математике и перед вражеской амбразурой дзота. Твоя самая прекрасная тайна, а не письмо в газету с вопросом «как мне его затащить в постель?» Радость и печаль твоей жизни, а не размышление на тему «А где же мы теперь шкаф поставим?» Понятно вам, или для вас это уже слишком сложно?

... Не считая легкого увлечения клоуном Олегом Поповым в возрасте 3 лет, моей первой большой любовью в детстве стал Жан Маре. Точнее, не сам Жан Маре, а его герой Фандор из фильмов о Фантомасе. На этот фильм запрещалось ходить детям до 16 лет (чтобы не стали хулиганить как Фантомас: дурной пример, как известно, заразителен!), но мама сослалась в кинотеатре на то, что мне ещё не было и семи – какие хулиганства можно ждать от такого несмышлениша?-, и меня пустили.

Фандор пленил меня не столько тем, что был героем, сколько тем, что он был благороден и нуждался в защите: в самой же первой сцене, где подручные Фантомаса ставят ему на грудь клеймо. Я

почувствовала, как странно дрогнуло и часто забилось мое сердце - как никогда до этого. Мне хотелось защищать его, хотя далее по ходу фильма становилось все более и более очевидно, что он и сам это прекрасно может сделать. Я хотела быть рядом, чтобы подстраховать его, когда ему трудно, чтобы подать ему воды, когда его мучает жажда. И когда я вышла из кинотеатра, мне вовсе не захотелось грабить ювелирные магазины с синим чулком на лице - мне хотелось *ловить Фантомасов!* Я летела домой как на крыльях!

До этого я была в кинотеатре только один раз: мама взяла меня с собой, когда мне было года три, на комедию «Джентльмены удачи». Я очень радовалась тому, что я уже такая большая, что меня берут с собой. Помня свое фиаско годом раньше в цирке, где я заплакала, как только громко заиграл оркестр, я честно высидела киножурнал. И когда на экране пошли вступительные титры самого фильма, а верблюд оплевал героя Савелия Крамарова, и зал засмеялся, я подумала, что моя миссия выполнена, и сказала громко, на весь зал: «Ну вот, кино посмотрели, а теперь пошли домой!» И мама, испугавшись, что я заплачу, если она начнет мне объяснять, что фильм еще только начинается, сразу встала с места и повела меня домой. Хотя я и не думала плакать - я действительно была уверена, что фильм уже закончился! И забыла о том случае вскоре и думать.

Но к моему удивлению, фильм о Фантомасе не забылся мне и на следующий день. Фандор был первым, о ком я подумала, когда проснулась. Желание стать похожей на него и *расправляться с Фантомасами* за ночь только выросло.

Я продолжала представлять себе, как мне удастся то, что не удалось самому Фандору, и как он будет поражен моей храбростью и ловкостью, и на сердце возникало удивительное чувство - что у меня есть какая-то светлая и торжественная тайна, неизвестная кроме меня самой, больше ни одной душе на свете! И это делало меня саму удивительной, *не такой, как все*. Когда это чувство не прошло и на следующий день, я удивилась еще больше и сказала себе мысленно: «Женя, а не влюбилась ли ты?»

Это было такое странное чувство – любовь... Естественно, я не осознавала, что Жан Марс – ровесник моей бабушки, и что сама я еще под стол пешком хожу. Для меня он был человеком без возраста. И что он – не Фандор, для меня было неважно. Мне не было дела ни до того,

увидю ли я его когда-нибудь наяву (он и так был со мной больше чем наяву – в моих мечтах, то есть постоянно!), ни уж тем более до его сексуальной ориентации (о такой ерунде мы, слава богу, вообще тогда не знали. Это именно тот случай, когда знание - вовсе не сила, и *меньше знаешь - крепче спишь.*) Мне было хорошо от самого сознания, что он где-то существует на свете.

Ну, а вскоре в моей жизни появились индейцы. И Гойко Митич. Не было на свете никого благороднее и красивее его героев! А «бледнолицый» с тех пор прочно стало одним из самых страшных в моем лексиконе ругательств. Так еще будучи дошколенком я узнала, что такое колонизаторы и имперское «цивилизаторство» - то, чего на Западе как следует не знают даже выпускники средних школ: таким «мелочам» здесь не учат! А то в школьной программе не останется места для холокоста...

- Неужели все это правда было, мама? Неужели индейцев вот так уничтожали? А почему? Разве нельзя было просто жить с ними вместе? Ну и гады же они, эти колонизаторы! И как их только земля носит! А сейчас индейцы еще остались? - расспрашивала я. Так я узнала еще одно новое для себя слово – «резервация»...

Герои Гойко Митича, несмотря на все свое бесстрашие, нуждались в защите гораздо больше, чем какой-то Фандор. Распустив волосы (что, по понятиям моей бабушки, выглядело очень неопрятно, но как иначе стать похожей на индейца?), подвязав лоб повязкой и накрасив лицо старой маминой губной помадой, с улюлюканием гоняли мы с подружками по улице с самодельными луками и стрелами в руках. Мы вызволяли из резерваций целые племена, а жадные до чужого, загребушие *бледнолицие* у нас усаживались на корабли и *отпенделивались* нами - после хорошей порки крапивой, чтоб неповадно было обижать слабых! -обратно в свою поганую Европу! Пусть сидят там и не рыпаются.

Затертая фотография Гойко Митича в роли Зоркого Сокола каждую ночь лежала у меня под подушкой. Да, именно это и есть настоящая любовь - когда у тебя с твоим *героем* общие цели и идеалы!

Я еще не знала толком, что происходит в мире. Но я рано осознала, что мы – *по верную сторону баррикад*. Что есть на свете страшное зло - но зло это находится где-то далеко, *почти на другой планете*.

Однако не бороться с ним нельзя - оно похоже на раковую опухоль, которую если не вырезать, то она в конце концов захватит и здоровый организм. А в том, что наш организм - здоровый, не было сомнения у меня. Люди вокруг были добрые - не только родные, но и чужие; жизнь - неспешная и спокойная, без страха и сомнений. Ворчали только по каким-то мелочам. Иногда из любопытства слушали какой-нибудь «Голос Америки», но когда там нудными голосами начинали читать церковные проповеди или скучнейшую тягомотину «Архипелага ГУЛАГа», приемник быстро выключали. Не от какого-то страха – просто потому, что никому у нас это не было интересно.

Время от времени в программе «Время» торжественно сообщали, что наконец-то еще одна африканская страна в тяжелой борьбе добилась независимости. Среди этих стран помню Гвинею-Бисау, Анголу, Мозамбик. Помню – правда, смутно – как произошла революция в Эфиопии. Я была еще слишком мала, чтобы знать подробности о режиме апартеида в ЮАР и иногда путала ее с Южной Родезией. Но особенно в память врезались два события той поры: празднование победы вьетнамского народа над американскими агрессорами (его показывали по нашему телевидению «вживую» - помню, как мы дома кричали хором «ура!», когда над Сайгоном взвился вьетнамский флаг) и - словно черная грозовая туча навалилась на землю, сентябрь 1973 года, Чили, убийство президента Альенде и зловещий, пря чужий глаза за стеклами темных очков Пиночет. Мы презрительно называли его Пиней. Песня «El pueblo unido jamás sera vencido» окружала меня в то время буквально со всех сторон. От нее по коже шли мурашки. Потом начали появляться рассказы о пытках, о Викторе Хара и об его отрубленных фашистами руках...

- Мама, а почему же наша страна ничего не сделала, чтобы не дать этому гадкому Пине с его хунтой сделать переворот? – допытывалась шестилетняя я. Что могла мне на это ответить мама? Прочитать лекцию о «доктрине Брежнева»? Конечно, она могла бы рассказать мне о принципе невмешательства во внутренние дела других государств - который, кстати, «цивилизованные» западные господа, никто не отменял и по сей день! Но я бы в таком случае непременно спросила: «Тогда почему же эти наглые американцы лезут везде, будто им там медом намазано?»...

У меня дома были замечательные детские книжки – «Большое путешествие Маши», о кукле Маше, которая попадает в борющийся Вьетнам, к вьетнамской девочке Чан Тхи Вэ и «Жемчужинка» - о Перлите, самой юной коммунистке фашистского Парагвая. И по сей день помню чуть ли не каждое в них слово. Они у меня были зачитаны до дыр.

Наверно, как раз с тех времен - со времен Вьетнама, Альенде, МПЛА и ФРЕЛИМО, ЗАНУ и ЗАПУ, АНК и Менгисту, Гойко Митича, Фандора, Черного Тюльпана, Яносика, Коли Кондратьева и Зорро - я и стала таким неисправимым романтиком.

«Зорро» с Делоном я ходила смотреть в кинотеатре 12 раз! Я уже знала буквально наизусть весь текст, но фильм этот мне так никогда и не надоел.

Я и по сей день очень похожа по характеру на его героиню Ортензиу. Нет ничего ужаснее порывисто-романтической женщины. Женский романтизм – качество настолько же не востребуемое, как порыв трудового героизма при капитализме. Потом по жизни мне часто казалось, что с таким душевным настроем лучше уж бы было родиться мужчиной. Женщины по крайней мере ценят романтических мужчин, способных удивить их нетривиальным поступком – настолько мужчины такие редки. А мужчины... Что они понимают в романтике! Они в лучшем случае морщатся, когда ты приносишь им зимой полную сумку свежих абрикосов. «Мне неприятно смотреть на тебя, когда ты как старушка с тяжелыми сумками таскаешься!»- говаривал надменный эфиоп Саид, тут же уплетая принесенные мною фрукты за обе щеки.

Когда ты таинственным способом добываешь их домашний адрес и отправляешь им по почте пряник на день рождения (они даже не знают, что ты знаешь, когда он у них!), когда ты совершаешь «круг почета» вокруг их дома (в другом городе!), когда ты едешь туда, говоря подругам только что ты едешь «на Родину героя», сам «герой» только простодушно удивляется, узнав об этом: «Что ж ты на чай не зашла?» А в худшем случае – пугается до смерти, если ты пошлешь ему открытку к Валентинову дню со стихами собственного сочинения! Не потому, что стихи такого качества, а потому, что ему никогда никто таких знаков внимания не оказывал!

Мама тоже была часто влюблена. Но не так, как я – хотя и в людей не менее недоступных. В хоккеиста Вячеслава Старшинова и в певца Сальваторе Адамо, которого недовольный ее увлечением дедушка упрямо называл «этим безголосым». Она рисовала Адамо (мама очень здорово рисует), и мы с ней хором распевали «Tombe la neige». А еще помню, как я плакала, когда Старшинов ушел из большого спорта – тоже из-за мамы. Как же она теперь без Старшинова-то будет?

Когда много лет спустя самая большая тайная любовь ее отрочества - один известный велосипедист встретился ей в реальной жизни и пригласил ее поужинать, мама до ужаса перепугалась и отказалась. «У меня были такие красивые мечты о нем. А вдруг он в жизни окажется *одноклеточным?*» Мне с моим характером подобные страхи были неведомы - я ни за что не упустила бы такой шанс познакомиться со своим кумиром! Одноклеточный или нет, но ты никогда этого с точностью не узнаешь, если откажешься. А вдруг у него ума палата, и он еще даже лучше и интереснее, чем твои давние о нем мечты?... Мне с самого начала импонировала дагестанская поговорка - *«Лучше взять и каяться, чем не брать и жалеть»*.

Мама была рыжая, веселая и очень красивая - почти такая, как Женька Комелькова. Такая красивая, что я и в подметки ей не гожусь. Но меня это никогда не расстраивало: по характеру мы очень разные, маме всегда было приятно внимание окружающих, а я хотела оставаться в тени, в красавицы я не метила и внешностью своей была достаточно довольна (если бы еще быть чуточку посмуглее, а лучше - вообще мулаткой...). Наряды меня не интересовали - до такой степени, что я расстраивалась, если мне дарили новое платье на день рождения: лучше бы купили хорошую книжку или диск!

В конце 70-х многие принимали маму издалека за Аллу Пугачеву - из-за прически. Я обижалась - моя мама же настолько красивее! Натуральный цвет волос у нее был такой же как у дедушки - темно-рыжий, цвета густого гречишного меда. Это уже потом она их осветлила. Несмотря на очень женственную внешность, у нее всегда был железный характер и аналитический, мужской ум. Плюс невероятная, типично русская категоричность. (Если я вам кажусь категоричной, то представьте себе человека категоричнее меня в 100 раз.) Мама из тех людей, которыми хорошо восхищаться на расстоянии и с которыми нелегко ужиться под одной крышей. Но для

любого ребенка, конечно, его мама - самая лучшая. Маруся сильно плакала, когда я как-то выдала ей, что у нас дома говорили о ее маме: что она дура потому что у нее 6 детей. Я не понимала: за что она обижается? Ведь раз так сказала моя мама, значит, это правда. Когда я в первый раз открыла для себя, что моя мама может говорить неправду (она заманила меня в поликлинику на прививку, сказав, что это ей туда надо), это было для меня большим потрясением. Я была глубоко оскорблена в своих чувствах, тем более, что не было нужды так бессовестно меня обманывать. Конечно, никто не любит прививки, но я поныла бы и перестала. Гораздо неприятнее прививок сдавание крови на анализ из пальца.

Периодически у мамы появлялись реальные- не такие как Адамодрузья мужского пола. Впрочем, к моей радости, не слишком часто. Будучи ребенком, я искренне не понимала, *зачем маме может быть нужен кто-то еще, кроме меня.* Сам факт этого усиливал во мне низкую самооценку. *Неужели меня ей недостаточно? Ведь мы так хорошо живем, у нас есть и бабушка, и дедушка, и Шурек, и даже голуби...*

С появлением очередного друга мама начинала позже приходить с работы и чаще уходить в выходные, что, естественно, меня огорчало. Попытки подружить меня с предметом своего увлечения обычно не увенчивались ничем.

Больше других мне запомнился поэт -Дима – «высокий блондин в черном ботинке», как я его за глаза называла, с кисло-мечтательным, как и полагается поэту, не по возрасту морщинистым лицом (он был моложе мамы лет на 5) - он дарил мне кучу хороших детских книжек и даже один раз посвятил мне свои стихи, которые он собственноручно выжег на деревянной доске. Потом, когда они с мамой расстались, бабушка использовала эту доску вместо подставки под чайник.

«Трудна дорога на Парнас!

Нам муза сделала наказ:

С порывом страстным повенчай

Страданье, радость и печаль!»- красовалось на ней. Дима знал о моей мечте стать писательницей. Но даже творчество нас не сблизило. Мне было ужасно стыдно, если мама приходила встречать

меня в школу «с этим идиотом». Хотя развод в то время был еще редкостью, у меня не было ни малейших комплексов перед одноклассниками из-за отсутствия отца. Но вот когда приходит за тобой в школу совершенно чужой тип с отсутствующим поэтическим взглядом, и ребята вдруг начинают спрашивать: «Это кто, Женя, - твой папа?», - это уже выходило в моем понятии за всякие рамки приличия! Неужели не видно, что у нас с ним ничего общего нет и быть не может?

Лет в 6-7 я тоже - впервые - начала писать стихи. Поэтесса из меня, если честно, довольно слабая, но мне доставлял большое удовольствие сам творческий процесс. Моим первым стихотворением был «Гимн звездолета» - того самого, воображаемым капитаном которого я была вот уже несколько лет. К тому времени команда звездолета пополнилась вышеперечисленными героями. Периодически на звездолет нападали страшные космические чудовища - *чепурыслы*. Это была идея Шурека. «Замельками *кубрисаны*, сверкали *гекурабы*. Но вдруг *зачухали чепурыслы*» - написал он в одном своем рассказе по моим многочисленным заявкам. Мы оба понятия не имели, кто такие *чепурыслы*, как они выглядят, а уж тем более - как они *чухают*, но сама фраза была такой смешной, что образ прижился. Каждый из нас воображал их себе по-своему. Но мы оба сходились на том, что очень некрасивого, неприятного тебе человека вполне можно назвать *чепурыслей*.

На поэтическое творчество меня особенно вдохновляла одна актриса местного нашего драматического театра, которая пленила мое воображение в то время - естественно, в роли Принцессы, в «Трубадуре и его друзьях». Маленьким девочкам всех времен и народов, даже советским, нравятся принцессы. К тому времени, благодаря маме, я уже стала заядлой театралкой. Возможно, в актрисе этой и не было ничего такого особенного, но дело в том, что увидеть ее хотя бы в одном еще спектакле мне не довелось - она куда-то исчезла. Мамин сослуживец, который сам играл после работы в самостоятельном театре, был театралом со стажем и знал людей, там работавших, рассказал нам, что пропала Анна Михайловна потому, что родила ребенка - она была замужем за одним из наших же актеров, который, естественно, сам продолжал играть как ни в чем не бывало. И с той поры я возненавидела лишившее нас, зрителей, творчества Анны Михайловны материнство, а брак начал представляться мне каким-то

чудовищным рабством, в которое здравомыслящая женщина никогда добровольно не пойдет... Я злилась на порхающего по сцене ее мужа и писала страдальческие стихи: *«Не горюй, ты мой нежный подснежник...»*

«Подснежник» никогда, естественно, о моих переживаниях не узнала, еще через год, так и не появившись на сцене после декрета, она вместе с мужем уехала из нашего города- кажется, в Рижский русский драмтеатр, и больше я никогда ее не видела. Но память осталась и по сей день. Недавно я нашла ее в интернете- и послала ей открытку к 55-летию! Если рассказать ей всю эту историю, она, наверно, будет здорово смеяться. А меня прошибает холодный пот при мысли о том, что со мной было бы, если бы я росла в какой-нибудь Голландии, когда писала эти стихи: я бы ведь непременно начала задаваться вопросом, а уж не нетрадиционной ли я сама ориентации, раз эта женщина мне понравилась до такой степени, что я пишу о ней стихи. Когда я училась в 4 классе, мне до умопомрачения нравилась одна десятиклассница по имени Алла Образцова. Вплоть до того, что я вырезала ее фото из школьной стенгазеты, когда никто не видел. Алла была невысокая, узкоглазенькая скуластая блондинка с низким голосом. Она поразила меня тем, как сыграла на школьном вечере роль Родины-Матери. Она и сейчас об этом не знает, конечно. После школы Алла вышла замуж за нашего школьного цыгана Януша - даже такие «экзотические» браки никого не удивляли у нас.

Кто знает, сколько молодых людей и девушек на Западе приходит вот так в неустоявшиеся молодые годы к неверным о себе выводам.... Человеку в этом возрасте же свойственно искать себе кумира, пример для подражания среди людей постарше себя своего пола, и никакой «сексуальной подоплеки» в этом нет. *«Делать жизнь с кого? С Дзержинского!»* - вот из какой оперы эти чувства!

Хотя у меня дома было огромное количество кукол - в основном гедээровских, красивых пупсов с закрывающимися глазами и роскошными волосами, умеющими говорить «мама», если их наклонить - чем старше я становилась, тем меньше я в них играла. Мне гораздо больше по душе были вырезки: картинки из журналов и нарисованные мамой (срисованные ею с фотографий или же созданные только при помощи ее воображения) вырезанные из бумаги

по контурам фигурки. И еще – набор пластмассовых фигурок «Дружба народов» с куколками в костюмах народов СССР. (Я и до сих пор элементарно отличаю латышский костюм от литовского, а армянский – от азербайджанского.) С их помощью я устраивала свой домашний театр. На обороте у вырезок было написано их актерское имя, и туда же я приписывала каждую роль, которую они в моем театре играли. Только я сама могла разобраться в этих каракулях. В вырезки я могла играть часами. Они были моим самым дорогим сокровищем. Хранились они в специальной коробке у меня под кроватью. И если в обычные куклы я играла с подружками, то вырезки были не для посторонних. Когда на экраны выходил новый хороший фильм, или что-то интересное было по телевизору, я тут же начинала просить маму нарисовать мне новых героев. В зависимости от настроения она могла нарисовать их в ближайший же выходной или все откладывать на потом, ссылаясь на то, что у нее нет вдохновения. Так появились в моей коллекции не только Яносик и Марина, но и пани Зося из «Кабачка 13 стульев», и Сильва из «Королевы чардаша» (мы только что тогда посмотрели замечательный фильм с Анной Моффо в главной роли!). Помню, как на некоторое время мне очень захотелось стать монашкой – после просмотра «Звуков музыки» - и с удовольствием при случае рассказываю в Ирландии об этом монашкам настоящим! Естественно, о религии я не имела ни малейшего понятия, я только поняла, что монашки никогда не выходят замуж, и это мне очень понравилось...

К тому времени, когда я пошла в школу, я уже знала большое количество оперетт и балетов. На оперу меня повели несколько позже. Это если не считать, конечно, фильма-оперы «Князь Игорь», который я посмотрела на одном дыхании в 5 лет и после которого была без ума от Востока и таинственных половцев с их ханами и плясками.

Театров в нашем городе было три: драматический, юного зрителя, или ТЮЗ, и театр кукол. Драмтеатр стал моим самым любимым. Летом он уезжал на гастроли, и вот тогда-то и приезжали к нам по очереди на один месяц непременно какой-нибудь театр оперы и балета, на другой - драматический театр из другого города, а на третий - театр оперетты. Помню, какой ажиотаж был в городе, когда у нас гастролеровали Казанский или Саратовский оперные театры: все хотели увидеть и услышать маминого любимого Рената Ибрагимова и Леонида

Сметанникова! Цены на билеты были такие, что любая уборщица могла позволить себе сводить в театр своих детей. Для тех, чьим родителям было не до театров (а были, конечно, и такие) школы часто устраивала культпоходы туда на детские утренники, с билетами по еще более низким ценам. Так впервые попала в театр моя самая любимая подружка Маруся.

Маруся была старшей в единственной на нашей улице многодетной семье: 5 девочек и один парень. Мама их, тетя Таня, работала на заводе по сменам, отец, дядя Валера, официально не работал потому, что смотрел за ними, но на самом деле он занимался своими делами (он был голубятник, часто выпивал и много читал - книжки из библиотеки), а дети были более или менее предоставлены самим себе. Страшно подумать, что было бы с ними, живи они в наше «цивилизованное» время!. А тогда - вся улица помогала им и за ними присматривала. Кто-то отдавал старые детские вещи, кто-то совал ребятишкам булочки и конфеты, пока их мама была на работе (а то ведь они просто шли в огород, выдергивали из грядки луковицу и ели ее), кто-то давал их маме денег до получки (боже упаси, никому не приходило в голову брать за это проценты!). Младшие девчата бегали по улице с вечно грязными, но веселыми физиономиями. Пока они были совсем маленькими, весь их двор был усеян детскими испражнениями, как поле битвы- костями воинов. Отец их начал строить новый дом, но они были единственные на улице, кто верил, что он его скоро достроит: он был слишком для того ленив. Дом возвышался забитыми окнами на улицу (маленький домик, в котором они жили, стоял во дворе), у него уже была даже крыша, но внутри не было даже стен. В нем было таинственно и темно. Мы очень любили там играть. В саду бегала достаточно злая лохматая собака по кличке Чебурашка. Но своих она не трогала. Сад у Маруси был густо-заросший, огромный, с большим количеством яблонь. Большинство яблок не доживало до зрелости: съедалось раньше!

За яблоки нам дома тоже приходилось регулярно воевать: еще когда яблони только начинали цвести в мае, я поглядывала на два яблоневого дерева перед домом и вздыхала: «Эх, опять урожайный будет год....» Мимо нашего дома была проложена тропинка до речки, и летом туда ходило отдыхать довольно много народу. На обратном пути

часто отдыхающих начинало обуревать желание закусить *зелепушечкой* с наших яблонь. Если было позволить всем им это делать, то и от дерева ничего не осталось бы! Когда я была маленькой, звала в таких случаях на помощь дедушку, а когда подросла, то сама начала защищать эти два дерева. Яблоки на них были поздних сортов, на одном - даже такие, которые становятся вкусными только полежав пару месяцев в сарае, и было просто жалко видеть, как они пропадают ни за что. Тем более, что под деревом всегда валялось достаточно яблок, и было совсем не обязательно пыхиться и ломать на нем ветки. Я занимала свою боевую позицию на крыше с большим флаконом из-под маминой краски для волос, наполненным водой - и как только на дерево кто-нибудь покушался, я тут же окатывала его сверху прохладненькой водичкой! Мужчины, как ни странно, были добрее. Увидев меня, они обычно смеялись и переставали яблоки рвать. Некоторые даже извинялись. Женщины (хотя их среди *рвунов* было меньше) иногда начинали огрызаться в ответ, но довольно вяло: «Если это ваша яблоня, тогда почему она не за забором?» На это у дедушки был неотразимый аргумент: «А вы ее сажали?»

Но если к нам в окно стучали и по-хорошему просили яблочка, дедушка с бабушкой никогда не отказывали.

Самые противные *рвуны* попадались среди подростков - ребят чуть постарше меня, и для них у меня кроме душа было припасено *убийственное восклицание*, которое было призвано так пристыдить их, чтобы им никогда больше неповадно было так себя вести. «Яблоки химикатами политые!» - вопила я на всю округу. - «Завтра вас *пронесет* как миленьких, готовьте фталазол!» Современным гражданам, у которых по большей части чувство стыда вообще атрофировано начисто, трудно себе это представить, но мой *боевой клич* неизменно действовал. Ребята действительно краснели до ушей и быстро убегали. Разговоры *при людях* о туалете и обо всем, с ним связанным, были впитанным с материнским молоком *табу*. Не знаю, где там выросла Алла Пугачева, и какие родители были у нее, если ей всю советскую эпоху так позарез не хватало свободы говорить вслух слово «жопа»... Это слово было глубоко неприличным, о туалете выражались иносказательно (« пойду в одно место»), женщины на улице никогда не спрашивали мужчин, где здесь туалет, а мужчины соответственно не

спрашивали об этом женщин. Я и по сей день этого не делаю. Помню, какой шок вызвала еще в начале 90х у нас в стране моя голландская подруга Петра - здоровенная краснощекая тетка в брюках, на голову выше всех наших мужчин, и как в страхе разбегались от ее вопроса пойманнные ею на улице москвичи мужского пола.

...Интересно, а что бы сделали со мной на месте тех давних *реунов* наших яблок их нынешние современники? Пристрелили бы? Сожгли бы наш дом? Не удивлюсь, если и так. Ведь мы теперь живем в «свободном мире»...

От Маруси и ее сестренок я научилась тому, что можно есть сливовую и вишневую смолу – она как слезинки выступала на стволах деревьев. Не от голода, конечно – просто это было вкусно. Особенно смола с вишни! М-м-мм... На улице мы проводили весь день, до самой темноты. Бабушка иногда выходила на угол – проверить, где я, я махала ей рукой, и она уходила. И зимой, и летом гуляли мы до темноты – «до фонарей», как мы говорили.

Тетя Таня возвращалась с работы то днем, то поздно вечером, в зависимости от смены - быстрым шагом, в промасленном комбинезоне. Дети уже радостно поджидали ее на углу. Помню, как удивляло меня, насколько злой она иногда бывала - им доставалось от нее по первое число без каких-то видимых для того причин. Теперь-то я понимаю, что тетя Таня просто была очень усталой после работы. Но Марусе от нее доставалось редко. Как старшая, она пользовалась определенными привилегиями. Одной из этих привилегий и было хождение в театр: не так, конечно, часто, как туда водили меня, но Маруся тоже в нем бывала, и со своим классом, и вместе со мной и моей мамой. Мы обе настолько полюбили театр, что когда нам было лет по 10, создали свой собственный театр - летом, на улице за огородом. Мой дедушка вкопал на поляне два столба, к которым мы привязывали занавес. Это и была наша сцена. Пьесы писала я. Наша первая премьера была моя «сказка антиалкогольная» под названием «Солнцедар Лимонадыч» (Царь бутылок). Я исполняла в ней мужские роли, в дедушкиной старой кепке, под которой я прятала свои длинные волосы - за неимением на улице мальчишек. Единственным мальчишкой в нашей компании был Марусин младший брат Андрюша,

а ему нельзя было доверить большее, чем роль злого волшебника из «Лебединого озера».

...В раннем детстве я обожала бегать - неважно куда, неважно зачем. Как только я научилась открывать сама калитку, я неслась со скоростью вихря в первом попавшемся направлении, ничего не видя перед собой. И хотя движение на дороге было достаточно редкое, а сама дорога - не рядом с домом, добежать до угла улицы Карла Маркса, где она проходила, мне ничего не стоило. Наша улица была патриархальная, грунтовая, раскисающая от дождей и талой воды, иногда в межсезонье во дворе приходилось класти доски, чтобы дойти до калитки, не замочив ног, а на Карла Маркса начиналась цивилизация - асфальт. Мои родные были вынуждены приделывать на калитку вертушку - повыше, чтобы я не достала. Но бегать при первой же малейшей возможности я продолжала все равно. Даже вокруг памятника одному местному писателю, которого я в те годы по ошибке принимала за дедушку Ленина (оба были лысые и с небольшими бородками). Вокруг памятника росли анютины глазки и был гранитный бордюрик - самое мое любимое место для бегания. Лет до 8 у меня были вечно разбитые коленки, а потом я открыла для себя простую истину: если не бегать, то не будешь и падать! Эта мысль так поразила меня, что я бегать перестала, и разбитые коленки остались в прошлом. Правда, один раз я сломала большой палец на руке: *выпендривалась* перед нашим заклятым врагом Женей, демонстрируя, как я умею ездить на велосипеде без рук... Велосипед был моим горячим боевым скакуном! (У Маруси велосипед в семье был один на всех, и ей постоянно приходилось воевать за него с Андрюшей и с Дашей.) Вот и додемонстрировалась. Было очень больно, но я не подавала виду. Маруся подбежала ко мне, взяла под руку, и мы гордо прошествовали мимо Жени с ее когортой. Она не посмела даже засмеяться. Потом я целый месяц ходила в гипсе. Ощущение не из приятных.

Мои родные вовсе не считали, что Маруся была мне неподходящей компанией из-за «разного социального статуса» (мои родители – инженеры, ее – рабочие). Такие дикости никому даже в голову не приходили. Маруся была славная девочка, фантазерка, с которой можно было делиться всеми своими мечтами, даже о звездолете - она понимала. Она была очень верная подруга, на нее всегда можно было положиться. А еще мы обе ужасно любили читать. Если одна из нас

находила хорошую книгу, мы читали ее друг другу вслух, по очереди, и это было нисколько не менее захватывающе, чем самая веселая игра. Не могу себе представить, чтобы этим занимались современные дети. А как было здорово! Мы не могли дождаться нового номера «Пионерской правды», в которой печатались булычевские приключения Алисы!

Потом уже, когда нам с Марусей было лет по 12, ее семье наконец-то дали квартиру (оказывается, они ее раньше и *не просили!*) , и они переехали. Мы не расставались специально, Маруся обещала приезжать летом в старый дом, но постепенно эти визиты становились все более и более редкими... После 8 классов она поступила в педучилище, хотя могла бы продолжать учиться в 10-летке - училась она хорошо. Стала учительницей начальных классов - на мой взгляд, по призванию. Со всеми ее остальными сестрами и братом тоже все в порядке. Им повезло, они успели вырасти еще при советской власти. Самая младшая, Аленка, родилась когда нам с Марусей было по 9 лет. Как раз в то время мы поссорились - не помню, из-за чего, но это была единственная наша ссора за все годы дружбы. Помню, как я проезжала мимо Марусиного дома на велосипеде, когда услышала из ее огорода отчаянное кукование: Маруся хотела помириться и привлекала таким образом мое внимание... Кукушек у нас в лесу отродясь не водилось, единственные на улице, кто куковал, были мы с Марусей! Мы помирились быстро, но все-таки слишком поздно для того, чтобы Аленке дали мое имя, как начала было Маруся просить своих родителей.

Марусины сестренки меня очень любили, особенно Люда (младше нас на 6 лет).

Только вот Даша обижалась, когда мы предложили ей в своем театре роль маркиза Форлипополи. Она ревела в три ручья. «Я все маме скажу! Я с вами играть хочу, а вы – обзывать!»...

Я катала Люду и Наташу на раме своего велосипеда, к их восторгу, кружила их, взяв в охапку, под мышки, играла с ними в мячик. У меня совершенно не было опыта общения с детьми, и я обращалась к ним просто как обращалась бы к девочкам моего возраста. Но, возможно, именно это-то им во мне и нравилось. Удивительно: я всегда маленьких детей немножко побаивалась, а их почему-то так ко мне и

тянуло! Девочки стали швеями и портнихами. Андрюша тоже где-то работает. Смешно при встречах смотреть на высокую, с широкими, как у пловчихи плечами Люду - и вспоминать, каким заморышем с тонкой шейкой она была в детстве.

А несколько лет назад, когда я еще была замужем за Сонни, я повела его у нас дома в мой родной театр. После спектакля к нам вдруг подошла незнакомая мне женщина в очках и радостно поздоровалась. «Женя, я вижу, что ты меня не узнаешь!» - констатировала она со смехом. И тут я узнала ее - но только по голосу. Потому что голос у нее стал совершенно таким же, как был у ее мамы. «Маруся! Это ты?»... Маруся по-прежнему работает в школе. Вышла наконец замуж (по российским понятиям поздновато) - за милиционера. У них растет единственный сын. Ей очень хотелось узнать побольше о жизни в других странах, а мне как раз больше не хотелось об этой жизни вспоминать... Ну разве что ради нашей дружбы.

...Отношения с соседями на улице у нас были нормальные, ровные. Многие из них еще учились с мамой или с Шуреком в одном классе, а бабушка и дедушка знали соответственно их родителей. Единственное, что омрачало время от времени атмосферу, как я уже упоминала - это дедушкины непредсказуемые «взрывы» после выпивки. Особенно опасным было *сочетание выпивки с дождем*: после дождя канаву возле дома переполняло водой, дедушка выходил на улицу с лопатой, и, если он был *под градусом*, ему начинало мерещиться, что соседи непременно подправляют свои канавы таким образом, что их вода течет в нашу сторону... Лучше и не вспоминать, что он в таких случаях нес! Но бабушка грудью преграждала ему дорогу и не давала натворить глупостей.

На улице четко различали, кто городской, а кто - деревенский. Любой человек, переехавший в город после войны, считался деревенским. У деревенских действительно была во многом другая культура, другая речь. Иногда даже казалось, что это два совершенно разных народа! Постепенно деревенских становилось все больше и больше, и со временем коренные горожане стали незначительным меньшинством. Городские обычаи и манеры тоже забывались.

В доме напротив нас жила довольно противная деревенская бабуся по имени Агафья. Когда ребята начинали играть и бегать возле ее

дома, она гоняла их веником с криками: «*Не ходитя по моему протуару!*» (так в оригинале). Когда мне выстроили зимой ледяную горку перед нашим домом, с которой я съезжала на середину дороги между нами и Агафьей, она ночью поливала ее помоями.

Соседи звали друг друга на свадьбы и похороны, брали друг у друга займы, делились друг с другом новостями, вместе ходили за водой к колонке. Среди них были рабочие и повара, шоферы и инженеры, военные и продавщицы, милиционеры и учительницы музыки. Большинство семей жили по три поколения в одном доме: бабушки с дедушками, их дети и внуки. Периодически к семьям присоединялись новые члены: невестки и зятья. Помню свадьбу соседа дяди Володи и рыжей молодой девицы по имени Инна: громкие крики «горько!» и музыку. Сейчас у них самих уже внуки.

Часто соседи собирались на лавочке перед домом Мотовиловых: поиграть в домино и в лото. Мы все знали друг о друге, если не все- то главное. Если летом кто-то таскал из колонки много воды - значит, поливает огород. Огороды были у всех. Никто ни у кого не воровал картошку. Даже в самый неурожайный год, когда у нас выкопали ночью 5 грядок, это сделали чужие – не соседи. Сейчас, после «перестройки» от самого огорода просто ничего не осталось бы!

Дедушка дружил с Антонычем, как звали мы частенько пьяного нашего соседа с литовской фамилией. Антоныч был большой балагур: я бросала все свои дела и бежала на улицу, когда его видела, важно заявляя домашним: «Пойду с Антонычем поразговариваю!» Антоныч был женат на Шуре - единственной в моем детстве пьющей женщине, которую я знала. В то время пьющая женщина у нас была большей редкостью, чем плачущий большевик у Маяковского! О наркоманах же вообще не было и речи. На полумиллионный наш город мы лично знали только одного: брата маминой сослуживицы.

Шура была бывшей актрисой. У нее было красное лицо, красивые платья и свернутая в трубочку косынка, которой она повязывала голову. Когда она шла по улице *подшофе*⁶⁴, зрелище было, конечно, печальное. «Не смотри!»- загоняла меня домой бабушка. Однажды Антоныч почти ворвался к нам в дом, бросился дедушке на шею и

⁶⁴ Подвыпивши.

заплакал: «Шура умерла!» Это были первые на моей памяти похороны на нашей улице. Я страшно боялась похоронного оркестра, игравшего такую душераздирающую музыку, что я начинала рыдать и забивалась под стол, чтобы только ее не слышать.

Одни из соседей, тетя Тоня и дядя Вася, держали коз и кроликов. От их дома за версту разносилось сильное *амбре*. Дядя Вася был слепой инвалид, с бородой чуть не до пояса. Он ослеп на войне. По вечерам они прогоняли коз мимо нашего дома - пастись *за линией*. Я очень этих коз боялась: вдруг еще боднут? Днем тетя Тоня часто ходила по улице - собирать лопухи для своих кроликов. Если бы ее заснял на пленку за этим делом какой-нибудь западный корреспондент, тоже, небось, потом трубил бы, что в СССР люди траву едят с голоду - как это они сейчас говорят о Корее! Но на этот счет можно было быть спокойными. Западные корреспонденты к нам не попадали - город был *закрытый*. Я в детстве этого не знала и даже когда узнала, не вникала особенно, почему. Работать на оборонном заводе называлось «работать в почтовом ящике» (потому что вместо полного адреса у него был указан только почтовый ящик). Иногда по вечерам вдалеке раздавался какой-то грохот. «Мам, что это?»- спрашивала я. «Да это *сахар-рафинад на сахарном заводе колют!*» - с невозмутимым лицом отвечала она.

Еще до школы я успела поехать по стране. В 4 года я впервые увидела море. Черное. Это была моя первая поездка на пассажирском поезде с ночевкой, и мне ужасно хотелось спать на верхней полке! Но мама разрешила сидеть на ней только днем: видно, побаивалась, что я могу с нее во сне скатиться. Мне ужасно понравилось пить чай в поезде, и даже сахар-рафинад кусочками казался каким-то особенным, вкуснее чем дома. Помню, как я не отрывалась от окна и как ночью просыпалась от странного громкого голоса, раздававшегося из репродуктора на платформе. Помню, как им пошли объявляться такие таинственные, незнакомые названия: Армавир, Туапсе...

Вообще-то мы собирались в Сухуми, но потом остановились на Гаграх. Мама повезла меня к родственникам жены ее институтского тренера по легкой атлетике, которые на лето сдавали свой дом отдыхающим. Марина, хозяйка дома, была наполовину грузинка, наполовину армянка, и она от души покатывалась, когда я с серьезным видом объясняла ей: «Сначала мы хотели в Сухуми поехать, но потом

решили, что там к нам грузины будут приставать, и поэтому приехали к вам». «Будут-будут, они такие!»- не переставая смеяться, подтвердила она. Естественно, никто к нам не приставал, если не считать того, что застенчивые красавцы - местные рыбаки пытались привлечь мамино внимание тем, что один раз посадили на заборчик дома, где мы жили, маленького живого краба.

Когда я первый раз увидела море, то по словам мамы, на одну секунду зажмурилась, а потом с радостным воплем бросилась бежать прямо в воду - и бежала пока меня не накрыло с головой. Хорошо, что мама вовремя рванула за мной вслед.... А потом я начала собирать гладкие морские камни - которые тоже до этого никогда не видела. Набрала огромный мешок и на полном серьезе намеревалась все их повезти с собой! Мама выбросила тайком половину.

Дом стоял совсем рядом с морем. Пять минут ходьбы вдоль пыльной улицы, над которой по вечерам кружили самые настоящие летучие мыши и светляки. Во время шторма в доме было слышно, как шумят волны. Собственно, дома были даже два: основной, в котором зимой жили сами хозяева, и малюсенький, в который нельзя было войти, не согнувшись в три погибели, куда они же перебирались на все лето. Нас как-то позвали туда посмотреть телевизор. Между домами был сад, с невероятно ароматными чайными розами и другими растениями, которые я раньше никогда не видела: кипарисами и лаврами

«Это, что ли, бабушкина лаврушка, с которой она суп варит?» – с удивлением спросила в первый же день у мамы я. В первый раз попробовала я там и сладкие до приторности тутовые ягоды. Питались мы в местной столовой: вкусно, дешево и очередь небольшая. А еще мама покупала фрукты на рынке, и врезались мне в память вкусная тбилисская копченая колбаса и грузинский хлеб-лаваш. Красивые грузинские традиционные дома с нависающими над улицей балконами и горы - ведь их я тоже увидела впервые. Меня поразил вид облака, висящего где-то посредине горы, и горной верхушки, возвышающейся над этим облаком. В горах то здесь, то там мелькали крыши саклей и белые шкурки овец. Один раз на проезжую часть перед нашим автобусом выбежал, к моему восторгу, настоящий ослик! За ним, пытаясь, бежал его хозяин. Автобус дружно заржал.

Мне казалось очень забавным, что в абхазском языке многие слова такие же, как в русском, только с добавлением «а» в начале слова: «абазар». И я экспериментировала: «апочта», «апоезд», «асамолет»....

Я не различала, кто вокруг меня был абхазец, кто- грузин, кто- русский. Лучший друг моего отца у нас в городе был абхазец. Отец вырос в Абхазии. За грузином была замужем прабабушка, на грузинке был женат бабушкин брат. В то время никого из нормальных людей это не волновало. Благодаря горбачевским «общечеловеческим ценностям», перенятым, очевидно, у Маргарет Тэтчер, Абхазия превратилась в подобие Ольстера. Бабушкиного брата - того самого, что был женат на грузинке и прожил в Абхазии всю свою жизнь - в начале 90-х годов убили абхазские соседи: его хотели «этнически вычистить» из дома, который он построил своими руками, Старик сказал: «Ребята, вы что, с ума сошли? Никуда я отсюда не поеду. Это мой дом». Через два дня его труп нашли подброшенным через российскую границу.... Его дети сегодня живут в России со статусом беженцев. А Грузию наводнили всякие «цивилизованные гуманисты»-старьевщики, вроде голландской *миссионерки* Сандры Рулофс⁶⁵, пытающиеся учить местных жителей, как им надо жить...

Жили же без нее – и очень даже здорово жили. Не верите мне – так спросите любого нормального грузина, узбека, чукчу, русского, который сам помнит то время: не по учебникам, изданным на деньги Сороса, не по книжкам Радзинского, не по фильму «Воры в законе», не по телепрограммам Сванидзе и уж само собой, не со слов Сандры Рулофс или ее супруга.

На следующий год мама повезла меня в Ленинград, к родственникам. Тетя Ира, дочка бабушкиного брата Ильи (того самого, которого сослали на Урал) все еще жила там со своей семьей. Она и ее муж были железнодорожниками. Жили они в центре, на Канале Грибоедова. Их дочь Оля в том году заканчивала школу. Оля была умная, резкая, острая на язык девушка. Ко мне она относилась хорошо. Помню, как поразили меня белые ночи, разводящиеся мосты, Эрмитаж и особенно, конечно, как всякого ребенка - Петродворец и путешествие туда на катере на подводных «крыльяхх»! Ленинград был

⁶⁵ жена президента Саакашвили.

большой, просторный, насквозь пронизанный ветрами, холодный и очень чистый. Я впервые увидела легендарную «Аврору» и Смольный. Огромное впечатление на мое детское воображение произвела личность Петра Первого. Странно, но после всех услышанных о нем легенд и рассказов он стал для меня настолько живым человеком, что я даже немного побаивалась Медного Всадника, встречаясь со взглядом его суровых медных глаз. По вечерам я читала Олины книжки: поэзию Бернса и Шекспира в переводах Маршака и четырехтомник политических в основном карикатур датчанина Херлуфа Бидструпа, который дал мне очень ясное представление о происходящем в мире.

Когда я вернулась домой, долго удивляла своими рассказами Марусю. В Петра Первого, Алексашку и Екатерину мы тоже начали играть....Петр казался мне ужасно привлекательным. В нем было столько человеческой силы, такая воля!

Я чувствую, как клонится моя голова на подушку. Надо мной вырастает знакомое усатое черноглазое лицо. Петр! Эх, Петруша, слишком мало ты пожил в Голландии, чтобы ее понять... Когда я там была только по студенческому обмену на пару месяцев, она мне тоже нравилась...Я пытаюсь открыть рот, чтобы рассказать ему, какая же она на самом деле, эта его «земля обетованная» - и засыпаю...

...Просыпаюсь я с тяжелой головой около 11-и.... Вот тебе и вкусенький ликер... Скорее вставать! В час меня ждет на О'Коннор-стрит Амандина, и мы отправляемся в дублинский зоопарк!

Амандина оказалась хорошенькой, невысокой круглой брюнеткой с живыми карими глазами. Застенчивая, милая девушка. Ее родители - португальские иммигранты, но сама она уже родилась во Франции. Я вспомнила фотокарточку Вилла Шарки из Роскоммона. М-да, и что она нашла в этом *душном козле*? Любовь, видимо, действительно зла. Она явно нервничала в предверии нашей встречи – не переставая теребила уголок своей сумки - и поэтому пришла не одна. Ее спутник – веселый и разговорчивый парень, которого сразу за версту было видно, что он ирландец: курчавый, рыжий и конопатый *франкофил* по имени Тайг . Тайг виртуозно говорил по-французски, что очень необычно для ирландца: здесь мало из местных знает какие бы то ни было языки, кроме английского. Оказалось, что Тайг -инженер и

ужасно любит Францию и все французское. С Амандиной они просто друзья. Она все время пытается говорить по-английски - практикуется, а он перебивает ее и переходит на французский - ему тоже хочется попрактиковаться. Я знала эти оба языка, так что мне было все равно.

У меня есть нелепая, возможно, привычка: когда я встречаю человека из другой страны, вспоминать вслух, что я знаю о ней, какие фильмы из этой страны я видела, какие книги читала, есть ли у меня там знакомые. Иногда это производит на людей впечатление - например, на эфиопов, которые бывают приятно поражены моими познаниями о Теводросе и Менелике⁶⁶, о битве при Адуа⁶⁷ и об Аксуме⁶⁸. Кстати, привычка эта есть не только у меня: мой брат, например, пытаясь поразить своими познаниями Сонни, подготовил к его первому приезду со мной в Россию целую речь по истории и географии... Венесуэлы. Сонни не мог понять, в чем дело, и зачем это Петя рассказывает ему, кто там в Венесуэле президент, и какие партии в парламенте. А Петя просто не нашел никакой информации о самих Нидерландских Антиллах и решил, что информация о соседней стране тоже произведет на мужа его сестры достаточное впечатление...

При упоминании имен Луи де Фюнеса и Алена Делона лицо Амандины просветлело:

- О-ля-ля! Здесь этого никто не знает! Кроме Тайга, конечно, но он уже почти француз.

- Да я выросла на этих фильмах... У нас их знают все. Даже те, кто не знает ни слова по-французски!

- Знаешь, а Алэн Делон такой высокомерный тип! Он говорит о самом себе только в третьем лице: «Ален Делон считает...», «Ален Делон решил...» Фу! - Амандина звонко засмеялась, и лед между нами растаял окончательно.

⁶⁶ эфиопские императоры, отстаившие независимость своей страны

⁶⁷ 1 марта 1896 года эфиопские войска победили в этой битве итальянских колонизаторов

⁶⁸ древний эфиопский город.

О Франции нам с детства известно столько, что не знаешь и с чего начать! Кажется, что это и так должно быть всем известно - ан нет, в англоязычных странах практически неизвестны ни французские фильмы, ни французская музыка. Все то, что для нас было классикой, на которой мы выросли. Здесь не знают ни Эдит Пиаф, ни Шарля Азнавура, ни тем более Мирей Матье, Жака Бреля (а того, что он бельгиец, уж и подавно!) или Джо Дассена. Здесь никто не слышал *оркестра под управлением Поля Мориа*. Они не видели фильмов с Лино Вентура, Жаном-Полем Бельмондо или Пьером Ришаром. Здесь не читают Эмиля Золя (я прочитала его «Жерминаль» в 14 лет), Виктора Гюго, Оноре де Бальзака и Антуана де Сент-Экзюпери, а об Александре Дюма знают только по собственным паршивеньким голливудским экранизациям «Трех мушкетеров». Помню, как рыдала я после прочтения «Собора парижской богоматери». А *англоязычные* уверены, что это веселенький мультфильм-мюзикл с традиционным хеппи-эндом...

По радио англоязычных стран не услышишь ни одной песни не на английском. Такое чувство, что здешние люди просто органически неспособны воспринимать музыку, если им не понятен текст. Сколько раз замечала я, что у них какой-то панический страх даже при звуке разговора на иностранном языке: видно, считают, что иностранцы могут говорить только о них самих и обязательно что-нибудь нелестное. А у нас вся страна спокойно распевала «Хафанану» Африка Симона и «Марину» Рокко Гранаты (в исполнении Клаудио Вилла) - на слух, включая тексты, не зная ни итальянского, ни суахили, и никого совершенно не волновало, что он не понимает, о чем там поется.

Эту невероятную *самоналоженную* культурную нищету англоязычного мира по-настоящему замечаешь, когда оказываешься *на континенте* - в той же Франции, в Нидерландах или у нас и включаешь радио. Почему французы не боятся слушать песни на греческом или даже на немецком? Бедные *англоязычные*! Они сами не знают, сколького они лишены. Они так любят говорить про советский «железный занавес», а ведь мы в Советском Союзе, если разобраться, имели возможность познакомиться со всем самым лучшим из культуры западных стран. У нас был не «железный

занавес», а «железное сито», отсеивающее всякие плевелы. Если нам чего-то не показывали, оно, как правило, на поверку и действительно того не стоило. В этом я еще раз убедилась, посмотрев недавно фильм, о котором в детстве только читала – «Лихорадку субботним вечером». Боже, до чего же бессодержательная, пустая *тягомотина!* Какие никчемные пустышки-герои! Там только что и есть интересного – так это музыка и пара танцевальных сцен. Но музыка эта и у нас в СССР была - по радио и в журнале «Кругозор».

А уж что англоязычные проделывают с иностранными именами! Просто уму непостижимо, как они умудряются их исковеркивать. Еще ни разу не слышала, чтобы хоть одну, самую даже простую русскую фамилию по BBC или CNN произнесли с правильным ударением. Курникова у них непременно Курнико́ва. Борис у них – Бо́рис. Хорошо еще хоть, что Сталин - не Сталин. Но все равно почему-то Джозеф. Да что там русские, если даже Михаэль Шумахер у них «Майкл»! Причем и сам Шумахер уже, судя по всему, с этим смирился. Какая дикость! Ну, не называем же мы Тони Блэра Антоном, а Маргарет Тэтчер - Маргаритой?

Меня и до сих пор раздражает, что ни один *англоязычный* даже не попытается толком произнести мое имя. Я понимаю, что в английском языке нет звука «Ж». Но почему-то африканцы мое имя произнести могут, вьетнамцы и китайцы - могут, голландцы и испанцы – тоже могут, а вот англоязычным, бедняжкам, это не под силу. Как насчет хотя бы «Yev-gue- pia»? Никакая я не Юджиния, черт вас подери! И не Дженни. Их просто избаловали донельзя все эти услужливо отказывающиеся от собственных имен Чарльзы Бронсоны и Хелен Миррен, которые на самом деле Елены Мироновы и Каролисы Бучинскисы. Уже упоминавшийся мною английский менеджер-«эксперт» по России (тот самый, которому выбили зубы в московском парке) вообще именовал свою русскую жену не иначе как «Элина». Беднягу звали Еленой.... Правильно произносить имя человека или хотя бы попытаться это сделать - элементарная вежливость, мистер Иван Уильямс!

... - А я тебе говорю: брось ты его! Он яйца выеденного не стоит, этот трепач - не то что такой славной девушки, как ты!- отвлек меня от размышлений голос Тайга.

Совьетика Часть 1

-Тайг, он теперь изменился. Теперь, когда я доказала ему, с его же письмами в руках, что знаю о его проделках...

-Ой, да вы послушайте ее только! Тебе сколько лет, 15?

- Нет, Тайг, 29, но ты не знаешь Вилла...

- Никаких «но»! Я сам мужик и таких типов прекрасно знаю

Наш автобус уже приближался к Феникс-парку, а они все еще препирались.

Тайг обращался с Амандиной как с младшей сестренкой. Такие отношения очень мне импонировали. Было приятно видеть нормальную человеческую дружбу. Это такая редкость по нашим временам.

К сожалению, каждый должен сам совершать ошибки в жизни. Чужой исторический опыт даже целые народы зачастую ничему не учит, что уж говорить об отдельных людях! Некоторые из них умудряются даже в собственной жизни наступать на одни и те же грабли по нескольку раз. Потом им остается только петь любимые частушки моей студенческой подруги Лиды Басиной:

«Ой мамочка, на саночках
Каталась я не с тем
Ах, зачем под вишенкой
Целовалась с Гришенькой?
Ах мамочка, ну мамочка, зачем?»

Отговаривать их бесполезно -не столько потому, что они вам не поверят, сколько потому, что даже вам поверив и последовав вашему совету, сохраняют еще иллюзии, что могли они быть в своих заблуждениях правы. Только горький собственный опыт убеждает до конца в правоте других. Но это не значит, что не надо предупреждать людей, стоящих на пороге совершения большой глупости. Если у них есть голова на плечах, они хоть немного да прислушаются и хотя бы задумаются над твоими словами.

В зоопарке Тайг начал рассказывать нам веселые истории из своей жизни, и я впервые поняла, насколько злопамятными и мстительными могут быть ирландцы. Их действительно лучше не дразнить, как ту спящую собаку из пословицы: они ничего не забывают! И действуют метко, резко и изподтишка. Как настоящие партизаны!

- Сижу в библиотеке, занимаюсь, никому не мешаю. Отошел, чтобы взять книжку, а какой-то тип взял и уселся на мое место, хотя библиотека почти пустая была. Я вернулся, говорю: «Извините, вообще-то я здесь сижу». Он нагло смотрит на меня и говорит: «Ничего, пересядешь!» Я не стал спорить, пересел, а сам думаю: «Ну, это тебе так не пройдет!» Через некоторое время он отошел в туалет, а я схватил с полки две первые попавшиеся книжки и сунул их ему в сумку! Потом на выходе специально стоял и ждал, когда сигнализация сработает. Ему сумку потрошат, а я стою себе за барьерчиком и возмущенно так говорю: «Надо же, какие люди пошли! Книжки из библиотеки таскают!» Он аж позеленел весь, но доказать-то, понятно, ничего не может!

Честно говоря, мне понравилось. Так жить значительно интереснее, чем пресно звать библиотекаршу на помощь с просьбой наглеца пересадить или затевать с ним кулачный бой прямо в читальне.

Мы решили устроить пикник. Пригревало солнышко, у Амандины были с собой бутерброды и небольшое одеяло, у меня - бутылка газировки. В Ирландии очень популярны местные минеральные воды с добавкой фруктового сока. У Тайга оказался с собой пакетик конфет. Я отдала ей, как и обещала, письма Вилла. Она сунула их в сумку, не глядя. Лицо ее светилось. Видимо, они в очередной раз помирились. Тайг с сочувствием посмотрел на нее, потом на меня и тихонько, так, чтобы она не видела, покрутил возле виска пальцем. Я только развела руками. Свою голову всем не приставишь.

Мы все трое разговорились. Амандина никак не могла найти работу по душе. Она работала секретаршей в какой-то мелкой фирме. Тайг только и мечтал поскорее уехать насовсем во Францию - видимо, она была для него тем, чем Ирландия была для меня. Ну, а я... Я задумалась. Чего же я хочу от жизни, кроме того, чтобы выздоровела Лиза? Мои мысли все последние месяцы так были заняты этим - этому было подчинено все мое здесь существование,- что я не строила далеко идущих планов. Сначала надо преодолеть это, самое главное

препятствие. Если даже она не выздоровеет совсем (я старалась гнать из головы такие мысли), чтобы ей хотя бы стало лучше. Чтобы она снова смогла говорить. Я вспомнила, как 4-летняя Лиза заплакала после того, как вышла из комы- когда открыла рот и поняла, что говорить и, главное, петь она больше не может... Этот эпизод я обычно стараюсь блокировать в своих воспоминаниях намертво, но сейчас он упрямо лез в голову, и я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Я постаралась их *сглотнуть на вылете*.

- Ты что, Женя? - обеспокоенно спросила Амандина. Но у меня уже не было желания рассказывать эту историю кому бы то ни было. Сначала, когда она только что произошла, я верила, что если выговорюсь, мне действительно станет легче. Но время шло, все новые и новые мои собеседники ахали и охали, слушая меня так, словно я пересказываю им какой-то сентиментальный дамский романчик. «Ух ты, надо же! А что было потом?». А легче все не становилось.

Как объяснить это людям, которые, к их счастью, сами не пережили подобного? К сожалению, во многих людях заложен болезненный интерес к чужим несчастьям. Я не психолог, я не знаю, почему так. Может, им приятно от мысли, что это произошло с кем-то другим, не с ними. А я теперь не могу слушать истории, даже отдаленно напоминающие мне мою собственную. Не читаю хроник происшествий.

- Да нет, ничего. Мне просто в глаз что-то попало.

- Ну так чего же ты хочешь от жизни, а? Или, может, это секрет?

Взять свои воспоминания под контроль удалось, и я еще раз задумалась.

- Если честно, то больше всего я хочу, чтобы у меня было право выбора, как жить. После того, что произошло с нашей страной и с другими странами в Восточной Европе, у нас «нет альтернативы». Нас этого выбора лишили – **нас лишили нашего образа жизни**. Правда, не без нашей собственной помощи. Ну, это долго объяснять сейчас... Просто я хочу, чтобы у меня было право жить в соответствии с моими

жизненными нормами и ценностями, растить детей на этих же ценностях. Не бояться людей. Не бояться будущего. Убеждаться снова каждый день, что не все продается и не все покупается. Может быть, вам это не очень понятно?

- Ну, почему же... - сказал Тайг. - Свобода выбора - великое дело! За свободу выбора! – и он поднял пластмассовый стаканчик с минералкой.

Солнышко начало заходить за тучу.

-Ребята, давайте собираться, а то уже 4 часа, а мы еще не все посмотрели!- воскликнула Амандина как ребенок, оказавшийся в зоопарке впервые. - Хочу вон на ту ферму!

В уголке зоопарка действительно была мини-ферма с домашними животными. Амандина со все такой же детской непосредственностью сорвалась с места и побежала туда. Тайг и я собрали одеяло, мусор и остатки еды.

- Свины! Свины! Смотрите, ирландские свины! – вдруг с очаровательным французским акцентом радостно завопила Амандина на весь зоопарк. Мы с Тайгом поспешили на ее вопль, поглядели в загон - и чуть не провалились сквозь землю. Тайг стал краснее, чем его шевелюра. В загоне бегали прелестные маленькие **рыжие** хрюшки....

Расстались мы друзьями. У меня было очень тепло на душе - от смеха, от простоты и невинности, с которой мы провели этот день. Амандина спешила обратно в Роскоммон.

- Don't work too hard⁶⁹!- сказал мне при расставании Тайг. Любимое ирландское пожелание на прощание... – Вижу, что тебе нелегко бывает. Если чем-то могу помочь, позвони. – и он сунул мне в руку бумажку со своим номером телефона.

⁶⁹ «Не надрывайся на работе!»(англ.) - ирландское пожелание доброго дня.

...Когда утром в понедельник я шла на интервью в компьютерную фирму, за мной увязался слегка подвыпивший ямаец. Он брел по Графтон-стрит⁷⁰ и жаловался вслух на то, что ирландцы - расисты и плохо к нему относятся. Сердце мое дрогнуло. Раньше они мне просто нравились, но с тех пор, как у меня есть Лиза, все темнокожие люди, а уж тем более из стран Карибского бассейна, стали мне еще и как бы немного родственниками. (Они и сами так реагируют на нас, если я иду с ней по улице: даже незнакомые здороваются с понимающими улыбками, особенно с Лизой – «мы с тобой одной крови, ты и я!».) И совершенно так же, как вчера с Амандиной, я имела неосторожность обратиться к этому дублинскому расте и поведать ему, что знаю наизусть не только все песни Боба Марли, но и была на концерте Мутабаруки⁷¹ в Амстердаме. Плюс много читала о Маркусе Гарви⁷². А когда к нам в СССР в 1979 году приезжал Майкл Мэнли⁷³...

Что тут началось!

-You're my sista⁷⁴! – закричал ямаец, хватая меня за руки. Он был поэт, как Мутабарука – и тут же прочел мне пару своих стихотворений. Встретив родственную душу на берегах Лиффи⁷⁵, он начал изливать мне накопившиеся у него обиды:

- Глянь только, sista, как они на меня смотрят! Это все потому что я черный.

Я взглянула. Действительно, смотрели - с любопытством. Темнокожих в Дублине тогда было так мало, что, наверно, по пальцам можно было пересчитать, а уж если темнокожий еще к тому же и раста, и в нетрезвом виде... Как тут не смотреть? Нет, я вовсе не хочу

⁷⁰ Пешеходная улица в центре Дублина.

⁷¹ Мутабарука - ямайский поэт и певец, растафарианец.

⁷² Маркус Гарви- ямайский основоположник движения «Обратно в Африку!»

⁷³ Майкл Мэнли - премьер-министр Ямайки в 70-е годы.

⁷⁴ «Ты моя сестра!» (ямайский патуа.)

⁷⁵ Река в Дублине.

сказать, что ирландцы не расисты. Просто если бы ямаец не был выпивши, на него бы тоже смотрели, но все-таки не так сильно.

Расистов тут достаточно много - только другого типа, чем голландцы: более старомодно-открытых. Это мне повезло, что я внешне от ирландцев почти не отличаюсь, а те, кто отличаются, расскажут вам, возможно, совсем другие истории. Но я, честно говоря, не знаю, что хуже: когда люди расисты в открытую или когда они из последних сил притворяются *толерантными*, одновременно прямо-таки излучая ненависть к тебе, словно радиацию – вдвойне из-за того, что они не могут ее выразить в открытую?

Ямаец с жаром говорил что-то еще, потом мы с ним хором на ходу пропели куплет из «Redemption Song»⁷⁶. Народ смотрел на нас со все более и более нескрываемым интересом.

Сначала я думала, что нам просто по дороге. Минут через 10 поняла, что ямаец, грубо говоря, за мной просто увязался. Время для этого было ну очень неподходящее. Мое интервью начиналось через четверть часа. Но попробуйте объяснить это не очень трезвому человеку, вне зависимости от того, какой он национальности. Я попробовала. Безрезультатно.

- Sista, I am going with you⁷⁷! – не унимался он.

Еле-еле - дав ему первый пришедший мне в голову номер телефона - смогла я унести от него ноги. Кажется, это был номер Конора. Но долго еще после этого я чувствовала себя препротивно. Вот, теперь он скажет, что и я тоже расистка...

Через некоторое время мне встретился в Дублине говоривший порусски анголец: он в свое время учился в Минске. Слышали бы его те, кто сейчас кричит о том, что у нас много скинхедов! Анголец вспоминал белорусов и русских с таким теплом. «Ваши люди - удивительные, отзывчивые. Они могут показаться грубыми, но как только они тебя узнают получше, ты будешь для них первым другом. Последним поделятся с тобой.» Такого же мнения был о нас и афганский беженец, ехавший со мной в одном автобусе до

⁷⁶ Песня Боба Марли.

⁷⁷ «Сестра, я иду с тобой.»

Вексфорда⁷⁸. Наверно, потому что им встречались советские, а не «новорусские» люди. Я вспомнила вычитанное где-то в юности определение того, что такое дружба - из понятий, которые были у нас тогда в крови. «Настоящая дружба - это когда другу можно позвонить в 3 часа ночи и попросить его быть к 6 утра за 100 километров - и он не спросит, зачем»...

Сейчас просто дух захватывает, когда вспоминаешь, что действительно была такая дружба, и были такие друзья. Ведь сейчас у нас вокруг одни сплошные вампиловские «Сильвы»⁷⁹: «Гори ты, если тебя поджигают, а я тут причем?»

...У ирландцев есть свой вариант голландского стандартного разговора на тему «Mag ik iets vragen?»⁸⁰ (см. выше). Только состоит он всего из одной реплики: в ответ на твое «Я из России» ирландцу полагается спросить тебя: «What part of Russia are you from?»⁸¹ Я сначала совершенно не понимала, зачем они это спрашивают – у большинства ирландцев, mille pardon⁸², такие скромные познания в географии, что название моего города им все равно ничего не скажет. Потом знающие люди разъяснили мне, что непривыкшие к иностранцам ирландцы просто привыкли задавать этот вопрос друг другу и американцам ирландского происхождения: в своей собственной стране они быстренько имеют возможность узнать, что ты за тип – в зависимости от того, из каких ты Конвеев – из вестпортских или из касльбарских⁸³. У вас могут даже обнаружиться общие родственники – Ирландия на редкость маленькая страна!- и тогда поговорить, конечно же, будет о чем. Задавать такой же вопрос иностранцу, с которым у них нет и не может быть общих родственников или даже знакомых, конечно, верх абсурда, и видимо именно поэтому беседа на основе данного вопроса не получается. («Советую переменить тему», как говорила незабвенная тетушка Чарли). Однако

⁷⁸ Город на юго-востоке Ирландии.

⁷⁹ Сильва - отрицательный герой пьесы Вампилова «Старший сын».

⁸⁰ Mag ik iets vragen? - можно ли что-то спросить? (голл.)

⁸¹ What part of Russia are you from? - из какой части России Вы родом?

⁸² Mille pardon - тысяча извинений (фр.)

⁸³ Вестпорт и Касльбар - города на западе Ирландии.

привычка – вторая натура, и ирландцы упрямо продолжают задавать тебе при встрече именно этот вопрос.

На интервью по приему на работу тоже могут задать тебе этот совершенно не относящийся к делу вопрос. *Om je op je gemak te stellen*⁸⁴. Еще ирландские интервьюеры любят и ценят юмор. В Ирландии на интервью можно даже немного опоздать - здесь это не смертельно. После некоторого времени работы в одной и той же сфере уже более или менее знаешь, какие вопросы тебе будут задавать - и, более того, знаешь, какой ответ от тебя ожидается. Интервью – одна сплошная вопиющая формальность и лицемерие, ибо то, что ты знаешь, как надо обращаться с клиентами, еще не значит, что ты на самом деле будешь так с ними обращаться, когда поступишь на работу. Это напоминает мне Лену из моей студенческой группы, каким-то образом сдавшую на 5 вступительный экзамен по французскому. Потом за все 4 года его изучения в вузе она с трудом тянула по данному предмету на «троечку».

Интервью означает, что ты должна а) приятно выглядеть (у меня был наряд специально для интервью: чуть обнажающая колени шерстяная небесно-голубая юбка и такого же цвета красивый мягкий шинилловый свитер под горлышко), б) много улыбаться (можно за пару дней до него потренироваться перед зеркалом) и в) знать, как надо отвечать на вопросы.

Для первой части- «почему вы хотите работать в нашей фирме?» - надо заблаговременно прочитать информацию о самой фирме на ее сайте и много и бессовестно льстить интервьюерам. На вопрос «а почему ты думаешь, что ты нам подходишь?»- еще более бессовестно расписывать подлинные или мнимые собственные достоинства. Последнее для настоящего советского человека особенно трудно: нас воспитывали в скромности - твои хорошие качества люди и так заметят, по твоим делам, а слова сами по себе ничего не значат. Так-то оно так... Только после долгих страданий, понимая, что никто не даст тебе и шанса показать на что ты способна, если ты себя не научишься *продавать*, научилась я хвалиться: зажмурив мысленно глаза и сквозь зубы. Чтобы никто не заметил, что ты это делаешь сквозь зубы, в ходе данного процесса настоятельно рекомендуется

⁸⁴ Чтобы ты расслабился, почувствовал себя комфортно (голл.)

наклеенная улыбка. После этого интервью превращается в матч по пинг-понгу: тебе бросают вопрос о том, как ты поведешь себя в той или иной ситуации, ты, в свою очередь, бросаешь сделанный по заранее заготовленному трафарету ответ.

Все. Остальное – дело техники. Больше от тебя ничего не требуется, и если фирме действительно нужен работник, они тебя наймут. После незначительной практики ты даже научишься уже по ходу интервью чувствовать, благоприятно ли для тебя оно проходит. За время жизни в Дублине я зарегистрировалась в стольких агентствах по трудоустройству, что мне постоянно кто-нибудь названивал с новыми предложениями. Иногда я ходила на интервью – каюсь, каюсь! – просто для практики, не намереваясь всерьез менять работу. «*А живы будем, будут и другие*⁸⁵».

Но с возрастом вырабатывается отвращение к этому процессу. Надоедает играть в глупые ролевые игры. То, что какие-то возможно знающие меньше тебя *дяди и тети с гонором* сидят перед тобой, облаченные вот так, запросто неограниченной властью расценивать тебя как скотину на рынке (спасибо, что хоть в рот не заглядывают!) – только на основании того, что написано в твоих бумажках, как ты одета и что ты говоришь. «А судьи кто?» – справедливо возмущался Чацкий. Они сидят и внаглую ждут, как ты будешь развлекать их и в переносном смысле слова ползать перед ними на коленях, стараясь доказать, какой ты замечательный. Как чатланин, повелевающий землянам: «Пляшите!» Какое все это имеет отношение к работе? К профессионализму? Возникает нарастающее чувство, схожее с тем, что ощущал герой фильма «Киндза дза» Владимир Николаевич: «Знаешь что? Сам пляши... дядя!» Тем более когда ты наконец полностью осознаешь, что любой работник для фирм – только номер, что ни от твоего усердия, ни от твоих стараний ни капельки не зависит, сохранится ли за тобой надолго это рабочее место. Что для Big Boss все вы только *bums in the seats*⁸⁶. Хватит уже ломать комедию.

В тот день у меня было два интервью, и оба прошли как по маслу. Я вышла на улицу уверенная, что мне скоро предложат уж точно по

⁸⁵ А.С. Пушкин «Каменный гость».

⁸⁶ Для большого начальника все вы – только задницы в креслах.

крайней мере одну из этих должностей. Но предложили обе - и в тот же день! Надо было выбирать. Одна должность - постоянная, со скидками на билеты на самолет в качестве бонуса. Другая - контракт на год, с возможностью его превращения через год в постоянный, немного выше оплачиваемая, чем первая, но самое главное - с возможностью получить хорошее техническое обучение в сфере IT. Думала я недолго. Махнула рукой - «Жми на время, дядя!» - и позвонила с согласием во вторую фирму.

Сонни был компьютерщиком. Одержимым компьютерами сетевым инженером, сертифицированным Novell. Он был из тех немногих людей, для которых это подлинное призвание. Ему действительно доставляло удовольствие не только играть на компьютере до глубокой ночи, но и разбирать и собирать его, самому составлять компьютеры из купленных отдельных частей и даже паять что-то самому на системной плате. Если он сталкивался с какой-то компьютерной проблемой, то не успокаивался, пока не находил ей решение. Вот чем отличается настоящий компьютерщик от обыкновенных пользователей вроде меня: если с такой проблемой сталкиваюсь я, то я попробую ее решить, но если не получается, быстро бросаю это дело. Не только потому что паникую – по большому счету мне это не очень интересно. А Сонни было интересно! Играл он тоже много. Когда я засыпала, он все еще стучал клавиатурой. Когда я приносила ему в воскресенье утром завтрак, он уже сидел за монитором - и ругался на меня: «Я из-за тебя проиграл! Ты мне такую сессию сорвала!» Когда в наших отношениях назревал очередной кризис, он показательно говорил: «Пойду *постреляю русских!*»- и садился «за штурвал» своего виртуального истребителя F-16 отводить душу.

Но Сонни был начисто лишен преподавательских способностей. Все, что он умел сам, он никак не мог передать другому. У него не хватало слов. Несколько раз пытался он объяснить мне различные *компьютерные штучки* - и каждый раз дело кончалось ничем. Если я чего-то не понимала с первого раза или, боже упаси, его переспрашивала, он горячился, называл меня «stupid» и бросал объяснения. Постепенно у меня на этой почве выработался комплекс: неужели я действительно настолько глупая, как он пытается мне внушить? И поэтому освоить все то, чему Сонни так и не смог меня

научить, чтобы *говорить с ним на равных*, стало для меня своего рода делом чести. Хотя говорить нам уже вряд ли когда придется...

Я не пожалела о принятом решении. В новой фирме на первые три недели нас послали на специальный курс, где нас учили всему о компьютерах, начиная с самых азов. Наш учитель, веселый англичанин-блондин, не обзывал никого из нас никакими словами и объяснял так доходчиво, что не понять материал мог бы только деревянный столб. Новая фирма находилась на другом конце города - в шикарном прибрежном поселке с красивым названием Дан Лири. «Dun Laoghaire» было написано по-ирландски на ехавших туда из центра автобусах. Премудрости правил ирландского произношения и написания казались мне намного труднее любого IT. Из Дан Лири уходили паромы в Англию и Уэльс. Сочетание моря, порта, близости гор и почти тропических с виду растений вроде пальм несмотря на совсем не тропический холод вызывали ощущение праздника. Было приятно выйти из офиса в обед и прогуляться вдоль набережной. А еще в Дан Лири была куча маленьких благотворительных магазинов, в которых за гроши продавались разные интересные ставшие ненужными их владельцам вещи. Вскоре у меня была уже целая коллекция разноцветных шотландских юбок-килтов.

Настроение было прекрасным. Учиться было интересно, даже принимать до 150 звонков в день, как нам пришлось, когда мы начали работать, меня не пугало. С работы я выходила усталая, но с чувством выполненного долга. Единственное, что омрачало мою новую жизнь - это неизвестность насчет того, как же мне привезти в Ирландию Лизу и где ее лечить. То есть, привезти саму Лизу технически не было никаких проблем - она была европейская гражданка. Но кто будет ухаживать за ней в ее состоянии, с кем ее оставить, когда я буду работать? Это я могла доверить только маме. И вот тут-то и начинались проблемы.

В то время в Ирландии было так мало мигрантов, что фактически никто не знал, какие на этот счет существуют законы, и есть ли они вообще. Собственное ирландское законодательство на данную тему датировалось еще довоенным периодом и поэтому совершенно не было детально разработано. Это означало на практике «что хочу, то и ворочу» . Здесь не было даже адвокатов, специализирующихся по миграционному законодательству. Женщины из Citizens Information

Centre⁸⁷, к которым я обратилась за советом, вытращили на меня глаза как будто я свалилась с Марса. Они куда-то звонили, что-то пытались выяснить. Министерство иностранных дел сказала, что это не в их компетенции. Министерство внутренних дел сказала, что они консультаций по такому вопросу не дают. Тогда добрые женщины, которые искренне пытались мне помочь, посоветовали мне обратиться к одному местному члену парламента от лейбористской партии, что я и сделала.

Лейборист оказался очень приветливым дяденькой. Он обещал сделать в парламенте депутатский запрос по моему вопросу. Нужно сказать, что у меня совершенно не было представления о том, кто есть кто на ирландской политической сцене. Изо всех ирландских политических партий до приезда сюда я знала только одну - Шинн Фейн⁸⁸. Я успела заметить, что при ее упоминании очень многие люди в Дублине как-то странно дергаются. Вообще, отношение на Юге к Северу было для меня непонятным: казалось бы, в любой стране люди мечтают восстановить ее территориальную целостность и воссоединить нацию, даже невзирая на проблемы, которые это с собой принесет (см. на Германию). Но многие южане не просто боялись ездить на Север, а с каким-то отвращением говорили: «Не нужны нам здесь их проблемы!», словно речь шла не об ирландцах. Видно, северянам они предпочитали каких-нибудь американцев или австралийцев с их ирландскими прабабушками. Я тоже долго боялась поехать на Север: запугали мои местные ирландские коллеги. Хотя именно о Севере я с детства знала больше, чем о Юге. Воображение рисовало какое-то вечно хмурое небо, полицаев, взрывы и чуть ли не противотанковые «ежи», как у нас по линии обороны Москвы.

..Весна в Дублине была такой красивой, такой мягкой, с таким количеством цветов, таким ласковым солнцем и с такой бархатной свежей зеленью, что я с огромным нетерпением дождалась наступления лета. И - так и не дождалась. Лето так и не наступило. Погода просто осталась более или менее такой, как в мае. В мае я

⁸⁷ Citizens Information Centre - информационный центр для граждан.

⁸⁸ Шинн Фейн – «мы сами» - ирландская левая националистическая партия, выступающая за объединение Ирландии и превращение ее в социалистическую республику.

случайно познакомилась с самым большим мерзавцем, который мне встретился за всю мою жизнь в Дублине - тихим, безобидным и положительным с виду – ну просто мухи не обидит!- вдовцом Куивинном О'Коннором из Суордса⁸⁹, отцом 3 дочерей. Куивин не писал писем. Он был из еще более опасной категории – из тех, кто дает объявление о знакомстве в газете. Мы встретились в здании редакции, куда я пришла, чтобы тоже разместить объявление - но не о знакомстве, конечно, а о продаже пишущей машинки и факса.

Его жена умерла от пьянства и, узнав его чуть получше, я потом вполне могла себе представить, почему она вообще начала пить.... От такого запьешь.

Снаружи Куивин казался добродушным, веселым, щедрым и любящим отцом (девочки у него были просто замечательные, младшая на год старше Лизы, средней – 11, старшей - 14 лет. Мне было их ужасно жалко). Он с большой сентиментальностью рассказывал о том, как жена его бросила, как плохо обращался с ней ее новый партнер (терпеть не могу это слово: partner – это что-то такое, что бывает in crime⁹⁰), как она пила все больше и больше, как у нее отказала печень, как она умирала, как перед смертью они помирились, как средняя дочка отказалась с ней прощаться в больнице, потому что выше ее сил было смотреть, как мама мучается, и т.п., и т.д. Моему чувству тревоги надо бы было возникнуть уже тогда: сентиментальные люди, как известно, самые душевно жестокие....

Но я только через некоторое время поняла, какой Куивин не просто занудливый, а вьедливый, со скверным взрывным темпераментом человек. Естественно, в его положении Куивин поскорее хотел найти «мать для своих детей», как ни кошунственно это звучит. Мужчина - не женщина, и за крайне редким исключением, ни один из них не посвятит свою жизнь детям, благородно оставшись холостяком. Каждую новую свою знакомую женского пола он немедленно представлял своим дочкам в качестве потенциальной мамы (можно только представить себе, чего они, бедные натерпелись!) . Я не собиралась в их мамы и не стала от него это скрывать. Но я ему очень понравилась, и Куивин

⁸⁹ Северный пригород Дублина.

⁹⁰ Partner in crime – сообщник.

решил, что возьмет меня измором. Сначала он поспешил уверить меня, что у него «большие связи наверху», и что он непременно поможет мне получить визу для моей мамы. Рыбка клюнула на крючок... Он даже пообещал помочь мне, одолжив денег на билеты (три билета сразу были мне не по карману) - с рассрочкой в выплате на 6 месяцев.

Но когда у меня уже все было готово, я оформила отпуск на работе и с нетерпением собиралась домой за мамой и Лизой, он объявил мне, что передумал. «С какой это стати я должен помогать тебе, если у нас с тобой нет отношений?» . Да, так он и сказал, дословно. Я разрыдалась от бессилия. Куивин в тот момент напоминал ямайского гангстера из фильма «Королева дэнсхолла»: «When I make investments, I want to see the returns⁹¹!» С той только разницей, что он был еще отвратительнее. Я надавала ему пощечин и попыталась выставить его за дверь. Но вместо того, чтобы уйти как порядочному человеку, которому дали понять, как к нему относятся, он вдруг полез ко мне целоваться. Поцелуи его были мокрые и гадкие, как жаба. При этом он продолжал наговаривать, как, наверно, по мне соскучилась моя дочка, как она меня ждет, как она будет расстроена, если мама не придет, как он бы рад мне помочь, если бы только я согласилась стать его подругой... Не хочу даже сейчас все это вспоминать!

Когда он ушел, у меня началась истерика. Я физически чувствовала себя грязной. Так что не поможет никакой душ. Боже мой, что теперь делать? Мне нужно было перед кем-то выговориться, чтобы немножко успокоиться, но никого не было рядом. Не пойдешь же для такого к хозяину дома или его жене. Я лихорадочно листала свою записную книжку - и вышла на номер, который мне оставил Тайг...

Было воскресенье, но услышав мой голос (а я даже не сказала ему еще, что случилось: не могла из себя это выдавить) Тайг сразу же сказал, что он сейчас придет. «Поедем с тобой на лодке кататься, хочешь?» Через полчаса его машина остановилась перед моим домом. Я вышла ему навстречу зареванная до такой степени, словно меня искушал рой пчел. Не помню, какими словами я рассказала ему, что случилось.

⁹¹ Когда я вкладываю деньги, я хочу чтобы они окупились (вольный перевод!)

-Мерзавец! - воскликнул Тайг, сжав кулаки. – Он еще свое получит! А сейчас пойдём, поедём с тобой в Блессингтон⁹² на озеро, у нас с братом там есть своя лодка. Покатаемся немного, тебе нужен свежий воздух. Если ты сейчас дома останешься, тебе будет только хуже. Пойдём, вот увидишь, как там здорово!

Всю дорогу мы не молчали - говорили, но не о том, что случилось, а совсем о другом. О Франции, об Амандине (умница ушла-таки от Вилла Шарки, убедившись в его неисправимости), о предстоящих Тайгу экзаменах, о моей новой работе... Я стала постепенно успокаиваться.

Блессингтон совсем недалеко от Дублина- километров 40, но из-за того, какое на дублинских дорогах движение, мы добирались туда больше часа. Озеро у Блессингтона еще называется водохранилищем Пулапука. Трудно себе представить, что так близко от большого города может быть такая скрытая между холмами и лесами тихая нетронутая красота. Тайг вытащил из-под склонившегося над водой куста цепь, к которой была привязана его лодка - выкрашенная в красный цвет, похожая на те, на каких я каталась по нашей реке рядом с домом в раннем детстве, когда дедушка брал лодку напрокат на лодочно-моторной станции. Протянул мне руку и усадил меня на скамейку, потом снял ботинки, завернул по щиколотку брюки и зашел в воду, чтобы оттолкнуть лодку прямо со мной от берега. Прыгнул в нее на ходу, чуть не обдав меня водой. Он оказался заправским гребцом. Мы объезжали мелкие многочисленные островки, откуда взвивались в воздух стаи уток. Здесь было множество разных заливчиков и поворотов, и, как ни странно, даже в воскресенье в такую прекрасную погоду не было ни души. Время от времени вокруг лодки ходили круги по воде, и сквозь ее темно-зеленоватую толщу виднелась проплывающая рядом с нами рыба.

Мы доплыли до моста, по которому ездили машины, проплыли под ним и повернули обратно. Тайг все греб и греб, налегая на весла своими тонкими, но мускулистыми веснушчатыми руками. Солнце плясало в его рыжей курчавой шевелюре. Озеро было тихое, сонное и ужасно симпатичное. И я почувствовала, как постепенно отходят на

⁹² Блессингтон - пригород Дублина.

задний план мои шок и боль. Как я снова убеждаюсь, что приняла верное решение, что сюда приехала - если в этой стране есть такие люди, как Тайг, которым ничего от тебя не нужно, и которые просто приходят на помощь, когда видят, что тебе плохо. Не заглядывая в свои ежедневники – «впишется ли это в мои планы?» - и не предъявляя тебе счет за потраченный на дорогу бензин.

-Спасибо!- сказала я ему от всего сердца, когда он довез меня до дома.

-Да ладно тебе. Не за что! Все будет хорошо. - ответил Тайг.

...Вскоре я была уже дома, билеты были на всех. Лизе за время моего отсутствия стало лучше, но не намного. Мама ее постригла, чтобы было легче причесывать; Лиза страшно похудела и по-прежнему ничего не говорила, весь день крутилась по комнате волчком и разрушала все на своем ходу. От маминых обоев практически ничего не осталось, все книжки пришлось попятать, двери в шкафу - заколотить. Радовало только то, что настроение у нее, судя по всему, было хорошее: Лиза часто звонко и задорно смеялась. Но зато у нее участились эпилептические приступы: Лиза часто падала ничком от малейшего неожиданного звука, разбивая в кровь лицо. В ее присутствии нельзя было даже чихнуть или кашлянуть, не предупредив ее, и у уже нас на таком рефлексивном уровне развилось предупреждать ее: «Мама/ бабушка кхе-хе/апчи», что иногда мы выдавали это вслух где-нибудь в общественном транспорте, даже когда Лизы не было рядом. Можете себе представить, какие это вызывало реакции...

И тут меня ждал еще один удар - выяснилось, что маме не дают визу! Хотя раньше, когда я еще жила в Голландии, мы вместе с ней ездил в Ирландию на Пасху, и она получила эту самую визу в Гааге без проблем. Молодая девушка-ирландка по имени Нора, работавшая в посольстве в Москве, оказалась очень сердобольной и близко приняла к сердцу мою историю. Она очень хотела нам помочь, но дело в том, что ирландское посольство не само решало, кто получит визу, а кто- нет: это было в компетенции министерства юстиции. Когда я попыталась позвонить туда, меня соединили с каким-то достаточно

Совьетика Часть 1

наглым и высокомерным чинушей по фамилии Кейси. Я попыталась выяснить у него хотя бы причину отказа.

- Наша политика - не объяснять причин!- весьма демократично объявил мне он. И тут же перешел в контрнаступление: - А зачем Вы вообще к нам приехали?

От негодования у меня перехватило дух. Он что, не слышал о статье 39 Европейской Конвенции, гарантирующей гражданам ЕС право жить и работать в любой из стран- его членов? Или все, что они знают о Евросоюзе - это как выкачивать из него субсидии?

-А затем, что вашей экономике требуются такие люди, как я!- отчихвостила я его. И только потом поняла: он даже не посмотрел на мои документы в деле, просто автоматически решил, что «начинается восточноевропейская интервенция»...

Не знаю, что бы я и делала, если бы не все та же добрая Нора. Она посоветовала мне ехать в Ирландию одной с Лизой и там искать помощи у моего знакомого парламентария. «Наши политики все знают друг друга, у него могут там, в министерстве быть свои люди».

А как же я буду на работу ходить?

Нора тут же дала мне телефон своей подруги Джозефины, которая, по ее словам, прекрасно ухаживала за детьми и часто этим подрабатывала, а кроме того, говорила немного по-русски: когда-то они учились русскому вместе, а потом Джозефина побывала у нас, в «перестроенной» России, и увиденное ей до того не понравилось, что учебу она забросила. Теперь она жила вместе со своим другом-компьютерщиком, бралась то за одно дело, то за другое, работала некоторое время где-то в прачечной, но душа у нее больше лежала к детям и к искусству: она прекрасно рисовала и делала аппликации и букеты из цветов. Одним словом, не нашла еще пока своего места в жизни. И подработать ей в ее ситуации не мешало бы. Я еще раз посмотрела на самую Нору - милую, простую, славную светловолосую девушку и подумала, что если ее подруга хоть немного на нее похожа, то ей, пожалуй, можно доверять. Звонок секретарю парламентария

подтвердил, что дело не безнадежно: ему, в отличие от меня, в министерстве причину выдали - у мамы скоро кончался срок годности паспорта, где-то через полгода. Почему об этом нельзя было сказать нам самим, и какая в этом такая государственная тайна, осталось на совести мистера Кейси. Мама срочно подала документы на новый загранпаспорт, а я решила последовать совету Норы - как будто решилась на прыжок в бассейн с холодной водой. Но возвращаться надо было: ведь отпуск у меня был не навечно.

Что меня всегда по-хорошему поражало в ирландцах - так это именно их отзывчивость *на человеческом уровне*, выплескивающаяся за рамки их официальных должностей. Не могу себе представить, чтобы хоть еще в одной стране государственный служащий вот так проявил к тебе человеческое сочувствие и участие в твоей судьбе. В России - мог бы, но за соответствующую мзду, а не просто так. В Голландии - вообще не мог бы ни за какие коврижки: там мыслят по прямой линии и только с инструкцией в руках. А ирландцы, казалось, живут под девизом Филеаса Фогга «Из любого положения всегда есть выход». Иногда даже более категорично – «если нельзя, но очень хочется, то можно.»

Для моих дублинских домохозяев мое появление с ребенком на коляске (который к тому же явно эту коляску перерос) стало неприятным сюрпризом. Хотя казалось бы, мы им не мешали, и я старалась изо всех сил, чтобы Лиза ничего в доме не сломала и не разорвала. Просто у хозяина стало меньше одной иллюзией: что я - young, free & single professional⁹³, которая когда-нибудь может захотеть *позагорать* во дворе, а хозяйскому сыну, здоровенному переростку-тинэйджеру по имени Билл, который и не работал, и не то, чтобы учился, зато в отсутствии родителей резво гонялся по всему дому за визжащей домработницей, было неприятно, что надо считаться со спящим по ночам ребенком, когда он так привык как раз в это время испытывать у меня над головой свою новую ударную установку. Заслышав его упражнения на барабане, Лиза просыпалась и начинала подпевать. Поскольку петь она теперь не могла, она выводила только один звук, похожий на чатлано-пацакское творчество: »Ы-ы-ы-ы...»

⁹³ Молодая свободная и одинокая представительница класса "белых воротничков".

Билл начинал ее передразнивать через стенку, как детсадовец (интересно, чем болен был он сам, потому что нормальные люди так себя не ведут?). Пожалела нас, как женщина, только хозяйка. Но в конечном итоге она не была полной хозяйкой даже в собственном доме. Я поняла, что на следующий год мне просто не продлят контракт (контракт на съём квартиры у меня был на год, после этого его надо было продлевать каждый месяц).

Положение становилось все более и более отчаянным. Каждое утро я просыпалась вместе с Лизой в половине шестого утра (дольше спать она не могла даже если хотела: повреждение мозга сделало ее гиперактивной, и она вскакивала с постели в одно и то же время каждый день, как стойкий оловянный солдатик), сажала ее на коляску и увозила гулять - в любую погоду, чтобы, боже упаси, не разбудить Билла ее «Ы-ы-ы...».

К 8 утра приходила Джозефина - здоровая, кровь с молоком, с нежным розовощеким лицом кудрявая деревенская девушка, как ни странно, очень даже женственная. Она действительно была просто рождена для работы с детьми. Каждый день я мысленно благодарила Нору и провидение за то, что они послали мне Джозефину. Не знаю, что бы я делала без нее. У нее не было ни малейшей брезгливости к больной девочке, она пела ей, меняла ей памперсы и разговаривала с ней так, словно Лиза ее понимала. Даже вытащила откуда-то свои старые университетские книжки и пыталась говорить с Лизой по-русски. Джозефина гуляла с ней, водила ее на качели и развлекала как могла. Я оставляла ей ключи и со спокойным сердцем уходила на работу. Единственное, что меня беспокоило - это финансовая сторона вопроса. Было очевидно, что долго я так не протяну. Услуги няни стоили в неделю чуть больше, чем моя недельная квартплата. Конечно, Джозефинин труд того стоил - не всякий и справился бы с Лизой в ее состоянии, не говоря уже о том, чтобы с таким безграничным терпением! Но по моему бюджету был нанесен сокрушительный удар. Я почти перестала есть и считала дни до приезда мамы.

В довершение ко всему, пару раз пытался придти к моей двери Куивин и трезвонил в нее как сумасшедший - а дверной звонок у меня не отключался.... В конце концов я просто вынуждена была обратиться

в полицию. Краснея, я поведала пожилому *гарду*⁹⁴, что один человек не дает мне покоя, хотя я давно уже сказала ему, что не желаю иметь с ним ничего общего. О том, что случилось на самом деле, мне было слишком стыдно говорить. Сержант выслушал меня с таким же, как Нора, человеческим сочувствием и пообещал позвонить домой этому типу и поговорить с ним, чтобы тот прекратил свои преследования. Не знаю, сделал он это или нет, но с тех пор Куивин больше не появлялся.

Через месяц - который показался мне бесконечным - приехала мама, и первое, что она сказала, увидев мое жилье, которым я так гордилась, было уже упоминавшееся мною: «Боже мой, ты живешь в чулом подвале!». Мама просто не имела ни малейшего представления, что такое начинать жизнь в новой, чужой стране, где не на кого опереться. Социализм настолько «избаловал» ее, что она, видимо, всерьез ожидала, что я уже через полгода здесь обзаведусь собственным домом и начну преподавать где-нибудь в университете. Ведь нашим принципом было «от каждого по способностям, каждому - по труду». У нее в голове не укладывалось, что может быть так, что способности твои просто никому не нужны. Ее комментарии нанесли чувствительный удар по моей и без того еще до сих пор хрупкой уверенности в своих силах. Я считала, что мне все-таки есть, чем гордиться: за полгода я смогла найти в новой стране относительно приличную работу, хорошее по меркам моей зарплаты отдельное (а это здесь такая редкость!) жилье, освоить совершенно новую для меня специальность, адаптироваться к местной жизни, в конце концов, несмотря на все препятствия, привезти сюда их Я только еще осваивалась в роли семейного кормильца - *провайдера* - в роли, которую обычно в западной семье берет на себя муж/ отец, и привыкала к новым связанным с этим обязанностям. Мамины ремарки перечеркивали все мои скромные достижения на этом поприще и заставляли меня ощущать себя маленькой и никчемной.

А ведь я так старалась! Одновременно, не сходя с рабочего места, я пыталась с помощью интернета и телефона найти, где же в Дублине лечить Лизу, где она сможет пройти реабилитацию. Знакомые ирландцы очень хвалили мне свою систему здравоохранения. Я снова

⁹⁴ Гард - ирландский полицейский.

обратилась за советом к знакомым уже женщинам из Citizens Information Centre. Так в нашей жизни появился социальный работник Патрик Дойл.

Он возник на пороге неожиданно - пожилой человек с седыми волосами и с резкими чертами лица (потом он рассказывал, что его предки были бежавшими в Ирландию французскими гугенотами).. Выглядел он очень серьезно, и мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что он в то же время любитель пошутить: шутил Патрик тоже с каменным выражением лица. Именно с таким лицом он рассказывал о том, как когда он молодым жил в Англии и ухаживал за своей будущей женой, то очень старался произвести на нее впечатление своей игрой во время футбольного матча. Окрыленный победой, разгоряченный, подошел он к ней после финального свистка судьи, а она только и спросила, почему зрители на трибуне кричали ему «Давай, *Клевер (Shamrock)*!» и почему это у него на ногах носки разного цвета...

До встречи с Патриком я вообще имела весьма слабое представление, кто такие социальные работники, и с чем их едят. Он всерьез, от души занялся нашим случаем. Он возил нас в клинику в Дан Лири - лучшую якобы реабилитационную клинику в Ирландии, где нам сказали, что такими случаями, как у Лизы, они не занимаются. «Вот если бы она не могла ходить!» - сказал врач почти мечтательно. (Господи ты боже мой, ну и пожеланьица, спасибо хотя бы за то, что она ходит!) Но и после этого Патрик не сдавался и повез нас в детскую больницу в Кромлине - самую большую в Дублине. Увиденная там разруха поразила меня. Обшарпанные стены, промокшие потолки, свисающая со стен пластами штукатурка... Даже в ельцинской России медицинские учреждения еще не выглядели настолько плачевно. Врачи тоже были совершенно ко всему безразличные. Даже компьютерную томограмму, которую в Голландии Лизе быстро сделали (хотя, по словам врачей, аппарата для этого там было два на всю 15-миллионную страну!), ирландцы делать отказались: это слишком дорого стоит, пользы от этого нет, да и в списке на очередь придется ждать пару лет. Замечательное, что и говорить, здравоохранение!

Тогда Патрик решил найти Лизе хотя бы школу - и повез нас в Сент-Майкл Хаус, учреждение для детей-инвалидов... Мама вышла оттуда в

слезах. Как только мы вошли, к нам бросились обнимать и целовать нас дети с различными деформациями. Картина была действительно не для слабонервных, только мама почему-то брезговала этими детьми («через мой труп Лиза будет учиться вместе с этими дебилами!»), а у меня просто сердце разрывалось при их виде, и я гладила и целовала их в ответ без какой бы там ни было брезгливости.

Одним словом, Патрик старался изо всех сил, но особых результатов не было. Лечить Лизу оказалось просто негде. Состояние ирландского здравоохранения вовсе не было таким замечательным, как меня пытались уверить мои коллеги. Больше того, за элементарный визит с гриппом к семейному врачу-терапевту приходилось выкладывать наличными около 30 фунтов. Поставить пломбу стоило около 90 (моя квартплата составляла 72 фунта в неделю, недельные услуги Джозефины – 80). А врачи были зачастую совершенно дремучие: здесь не знали, например, элементарных вещей насчет лечения травами, которые у нас не то что врач - каждая старушка знает.

Положение усугублялось тем, что маме в Ирландии решительно не понравилось. Список ее претензий, кроме «дома-чужого подвала» включал:

А) В Ирландии «бесполезное море» - потому что здесь так холодно, что в нем нельзя купаться; здесь «ничего нет, кроме скал и мохеровых овец на них»;

Б) Ирландцы – трепачи и вообще легкомысленные люди, потому уже, например, что зимой дети у них ходят по улице с голыми коленками;

В) Ирландцы много пьют, и у них нет других развлечений в жизни, кроме пабов;

Г) Ирландцы - расисты, потому что одна полусумасшедшая бабушка говорила им на улице что-то про Африку (английского моя мама не знает) и показывала при этом пальцем на Лизу;

Д) В Ирландии левостороннее движение;

Е) В Ирландии невозможно найти в магазинах несоленое масло.

А еще она заявила, что ирландцы напоминают ей героев песни Андрея Миронова в «Бриллиантовой руке»:

Совьетика Часть 1

«Весь покрытый зеленью,
Абсолютно весь,
Остров Невезения в океане есть
Остров Невезения в океане есть,
Весь покрытый зеленью,
Абсолютно весь.
Там живут несчастные *люди-дикари*,
На лицо ужасные,
Добрые внутри...» - и далее по тексту.

...Знаете что? Я согласна с Карлсоном: «если человеку мешает жить только ореховая скорлупа, попавшая в ботинок, он может считать себя счастливым!»

Каждый день я приходила с работы выжатая 150 звонками как лимон - и получала вместе с тарелкой картошки очередную порцию маминих насмешек над ирландцами и возмущения ими.

Я по собственному опыту знала, как паршиво может чувствовать себя человек в чужой стране и поэтому пыталась объяснить маме, как с этими своими чувствами бороться, чтобы жить было легче: ведь это же в твоих собственных интересах! Надо концентрироваться не на плохом, а на хорошем (как бы немного его ни было). На том, зачем ты, собственно, здесь. Не надо зацикливаться на мелочах, обижаться следует только на вещи непростительные. И главное - если ты в этой стране временно, а не постоянно, если тебя гнетет сама общая обстановка, надо себе все время напоминать, что это не навсегда.

В первый год все тебя удивляет в новой стране, все тебе в новинку, все интересно. На второй год все то же самое, что так удивляло и занимало тебя год назад, начинает ужасно раздражать. Все кажется неправильным, все сравниваешь с тебе привычным. Если это самый первый твой опыт жизни за границей, то чаще всего именно на этом этапе «свое» начинаешь воспринимать как единственно правильное. В Нидерландах я довольно быстро перестала это делать: я вовсе не говорю, что «наше» - это единственное допустимое в мире, но при всем моем уважении к «хозяевам» я хочу иметь право *оставаться сама собой*. Больше того: это не мы, а Запад сегодня ведет себя в планетарном масштабе так, словно его образ жизни, правила и нормы

- единственно правильные для всей Земли. Это он навязывает их нам руками ельциных, дювалье, гавелов и пиночетов (а если не получается, то своими бомбами и танками!); это он лишает нас нашего образа жизни и нашей уникальности - и именно все это выдавливает людей из нашей собственной страны как зубную пасту из тюбика. Это западные «миссионеры» из всяких НПО пытаются нас учить, как нам жить в нашей собственной стране и как у нас должны проходить выборы.

Чувствуешь себя загнанным в угол: ни дома жить невозможно в соответствии со своими взглядами и убеждениями, ни бежать некуда. (Пытаться садиться на шею преданным твоей же страной кубинцам и корейцам было бы просто бессовестно, потому эти страны не в счет.) Солженицыным, Щараньским и прочим представителям ничтожного меньшинства нашего многомиллионного населения хотя *бы было куда бежать*, раз им так не нравилось в СССР!

Ну, а потом... потом или ты к новой жизни привыкнешь и перестанешь воспринимать ее в штыки («Отчего же не жить *как-нибудь?*») - говаривали, помнится, гоголевские запорожцы), или же она станет совсем невыносимой для тебя, как стала для меня моя жизнь в «ons kleine kikkerlandje»⁹⁵. И тогда уже время снова паковать чемоданы...

Но дело в том, что мама вовсе не хотела ждать год. Не хотела даже попробовать настроить себя так, чтобы ей же было легче - по какой-то непонятной мне причине она любила по-настоящему *упиваться* собственным недовольством. Я пыталась говорить себе, что это мама устала. Что ей надо отдохнуть, чем-то развлечься, выспаться. Я покупала ей билеты на знаменитый ирландский «Риверданс»; уводила Лизу погулять, но ничего не помогало. Создавалось впечатление, что мама даже намеренно ищет со мной ссоры, чтобы разрядиться. Ведь после этого можно будет позвонить домой бабушке (бедняжке было уже за 80!) и огорчить ее на целую неделю вперед рассказами о том, как я плохо с мамой обращаюсь: как мало выдаю ей денег на покупки (моей маме сколько ни выдай, она все потратит в тот же день), как скучно в Ирландии (я каждые выходные возила их по стране, накапливая

⁹⁵ «Наш маленький лягушатник» – так голландцы нежно называют Нидерланды (голл.)

при этом долг на своей кредитке - чтобы только чем-то развлечь.) За пару месяцев мама с Лизой объездили Ирландию вдоль и поперек. Лизе, наверно, было все равно, но ей просто нравился сам процесс путешествия: поезд, автобус, что угодно. Но мама.... Мы приезжали в наикрасивейшие уголки острова, в Керри, в Клэр, в Донегал, в Виклоу⁹⁶ - и нигде для нее не было в достаточной степени интересно. Как тот Волк из фильма «Мама»: «Да, это не Париж!»

Мне становилось все тяжелее. По-моему, люди в семье должны помогать друг другу в трудную минуту -как это делали мои бабушка и дедушка -, быть друг другу надежным тылом, а не стараться *дотопить тонущего*. Каждый день, возвращаясь домой, я чувствовала, как меня в очередной раз *окунают в прорубь с головой*. Казалось, мама даже не вспоминает о том, что вообще-то мы с ней здесь ради поисков Лизиного лечения. Расисты ирландцы или нет, но пока еще ни один из них не заявил нам как наша отечественная постперестроечная врачиха: «Может, это у нее вообще наследственное; ведь всякие мулаты и прочие так плохо еще изучены». Ну точно фрекен Бок из мультика про Карлсона - «будь осторожна, собака нестерильна!»...

Стресс дома начал сказываться на моей работе. Пока еще я держалась - мои статистические данные (количество принятых звонков, их длительность и пр.) оставались безукоризненными -, но *my fuse was becoming shorter and shorter*⁹⁷. Моя начальница Клодетт - не говорящая по-голландски, хотя у нас был отдел Бенилюкса, загорелая блондинка-валлонка, приезжавшая в офис вся в *черной коже*, на «Harley Davidson»- разбирая со мной результаты очередной недели, не нашла никакого повода для недовольства, но тем не менее сказала обиженным голосом с какой-то даже ревностью: «А за экзамен по техобслуживанию у тебя балл более высокий, чем у меня был!»

Зачем она мне это сообщила, не знаю. Если бы не сказала, я бы и не знала.

Но с тех пор мне начало казаться, что Клодетт ко мне цепляется по мелочам.

⁹⁶ Керри, Клэр, Донегал, Виклоу - ирландские графства.

⁹⁷ Мой фитиль делался все короче и короче (так говорят когда становится все труднее что-то терпеть).

Радость от работы потухла. Мы, контрактники, выполняли всю ту же работу, что и постоянный персонал, но им в конце каждого квартала платили бонусы, а наши забирало себе агенство, которое нас в эту фирму трудоустроило и считалось нашим работодателем. Наступил такой момент, когда агенство не начислило нам зарплату в положенный день (да-да, такое бывает не только в ельцинской России! Это только в СССР ничего подобного быть не могло). Мне в этот день надо было платить за квартиру, и я закатила агенству большой скандал. Дело разрешилось чисто по-ирландски: мне одолжил нужную сумму до понедельника один из коллег, работавший не на агенство и поэтому получивший свои деньги вовремя - в присутствии свидетелей (мог бы взять расписку, раз не доверяет!) . Через некоторое время я поняла, что надежды на постоянный контракт через год, которыми нас все это время манили, как кроликов- морковкой, призрачны: в фирме начали поговаривать о сокращении даже постоянного персонала. Многие коллеги уже всерьез поговаривали о возвращении домой в Нидерланды. Мне возвращаться было некуда- значит, пришло время начинать искать новую работу...

Маме тем временем надо было продлевать визу. Мы пошли в офис на Харкорт стрит, и тут оказалось, что продлить ее нельзя: для этого маме надо ехать обратно в Россию! Хорошо им говорить, а что нам делать с Лизой? Отпуска у меня больше не осталось, Джозефина была мне больше не по карману. Жизнь зашла в тупик, выхода из которого я не находила.

В отчаянии я позвонила Джозефине и рассказала ей, что случилось.

- Ой, как там моя Лизочка? - обрадовалась мне Джозефина как родной,- А Нора как раз сейчас в Дублине! Она уволилась из посольства и на днях уезжает в Грецию. Слушай, давай завтра вечером встретимся втроем, а?

На следующий вечер после работы я ждала их в пабе «Правда». Он только недавно открылся в Дублине. Собственно говоря, ничего советского там не было - кроме пары картин и плакатов по стенам да странных надписей на русском языке, вроде цитаты из Остапа Бендера: «Заседание продолжается!» да вводивших в заблуждение

ирландских посетителей знаков: какой из туалетов здесь мужской, а какой- женский? Что это за странная буква - «Ж»?

-Привет! – воскликнула на русском языке, завидев меня, Нора. Мы заказали по лимонаду. Нора поделилась московскими новостями. Потом Джозефина - своими. У нее их было немного: она опять устроилась работать в прачечную. «Джо очень хорошо обращается со мной, и это для меня главное!»- говорила она о своем друге с таким видом, словно без него у нее бы не было бы разрешения даже дышать. Я никак не могла понять, почему у этой девушки, такой симпатичной, такой доброй, такой талантливой (она показала мне некоторые из своих приложений) такое низкое самомнение. Я не феминистка, но за все время после развода ни разу не пожалела, что Сонни больше не «обращается со мной хорошо». Просто я человек сама по себе, а не как приложение к кому-то.

Я вкратце поведала Норе и Джозефине о своей ситуации.

- Не знаю, что и делать теперь. Пусть едут обратно? Не хочу жить здесь без своего ребенка. Вы не знаете, как мне пришлось за Лизу бороться! Зачем мне все это без нее? Я понимаю, что чиновникам все это рассказывать бесполезно. Ну, неужели я слишком многого хочу от жизни, а? Просто чтобы моя семья была вместе... Сил нет начинать все сначала. Я ведь не Сизиф. Ведь мы даже не нашли еще Лизе врача....

-Слушай, а как вообще так случилось, что Лиза заболела? - участливо спросила Нора.

Меня прорвало. Я начала свою историю - не так урывками, как рассказывала об этом в свое время Аните. Все загнанные в подсознание воспоминания возвращались ко мне - так как было всего на одну минутку в парке с Амандиной и Тайгом, только на этот раз воспоминания неслись неудержимым потоком, вплоть до мельчайший деталей. И я сама удивилась тому, что впервые рассказываю обо всем этом словно оно было не с нами, а с кем-то посторонним. Чувств

больше не осталось, все слезы были выплаканы. Но на Нору и Джозефину мой рассказ произвел большое впечатление и без них.

- Как звали того типа из министерства, с которым ты говорила? – неожиданно спросила Джозефина.

- Мистер Кейси, а что?

- Ничего... Завтра я попробую с ним поговорить.

- Ты? Но ведь ты не адвокат, Джозефина, не юрист...

- Это неважно. Все равно попробую.

- Спасибо тебе!- растроганно сказала я, не надеясь ни капли на успех. Все равно, надо же, человеку небезразлично! Это так много для меня значит после жизни в стране, где «друзья» говорят тебе: «Извини, мы ничем помочь не можем, но *ты потом не забудь позвонить нам и рассказать, чем все это кончилось, ладно?»*....

...Джозефина позвонила мне через неделю. Не знаю, как она это сделала, не знаю, что она говорила, но она всю неделю, оказывается, названивала тому самому мистеру Кейси и упрашивала его продлить визу моей маме. И упростила! Вот тебе и никакой не адвокат. Вот тебе и обратная сторона медали того, что законодательство в Ирландии было такое *недетальное*. У меня не было слов! Я не знала, как выразить ей свою благодарность.

- Да ладно тебе!- сказала в трубку Джозефина. - Мне ничего не нужно, не выдумывай. Главное - найдите Лизе хорошего доктора.

На неделе мы пошли на прием к мистеру Кейси - продлевать визу. Он оказался еще высокопарнее, чем я думала. О себе он говорил что твой Ален Делон - в третьем лице:

- Кто здесь к мистеру Кейси?

Мы вошли, он нас мягко, отечески пожурил (хотя сам был ненамного старше меня) за незнание правил (которых никто в его собственном ведомстве, кажется, толком не знал) , потом доверительно поведал о том, как Джозефина смогла его переубедить. «Эта ваша подруга... ну очень настойчивая!»- с мягкой улыбкой на губах. Может быть, они *из одной деревни?*

Так или иначе, но случилось невероятное в ирландской практике: визу продлили на 2 месяца. В течение этих 2 месяцев, однако, ничего не изменилось: врача мы по-прежнему не нашли. Мама по-прежнему произносила свои ежевечерние анти-ирландские тирады. Как-то в парке неподалеку от нашего дома она встретилась с русскими - тем самым перебежчиком-бывшим офицером ВМФ, о котором я уже упоминала, его женой и их маленьким сынишкой, которого они родили специально для того, чтобы в Ирландии остаться (тогда еще это помогало): видимо, переданные им секреты оказались недостаточными для получения беженского статуса. Заслышав русскую речь (офицер с женой говорили со своим мальчиком, мама - с Лизой), обе стороны очень удивились. Разговорились. Сначала нашли общую точку зрения - на ирландцев. «Они действительно такие-дикари!»- посетовал офицер.-»Понятия «интеллигенция» здесь вообще не существует. Люди очень добрые, отзывчивые, но серые! У нас любой старшекласник больше знает о европейской литературе, чем у них университетские студенты-филологи. С ними просто не о чем поговорить!»

И то правда... Например, это я сводила Конора впервые в его жизни в ирландский же театр. Театры в Ирландии на удивление хорошие, классического стиля, схожие по школе с нашими. (Не то, что голландские - экспериментальная «смесь галки с медведем и армяшки с мотоциклом», с почти непременно обязательным ритуальным раздеванием кого-нибудь на сцене.) Смотрели мы с Конором «Трамвай «Желание». Он чуть все ладони себе не отбил – так громко хлопал актерам в конце – и вернулся домой потрясенный. Так что же, спрашивается, мешало ему самому раньше туда ходить? Правильно, не было такой привычки...

Впрочем, как только речь зашла о политике, оказалось, что с моей мамой им тоже поговорить не о чем. Мама пришла домой в таком гневе, что даже ирландцы начали ей казаться симпатичными.

- Больше я в тот парк - ни ногой!- заявила она.

- А почему это ты? Пусть это он - ни ногой, раз ему не нравится!- возразила я.

- Вот, вот, видишь, ты здесь совершенной стала пофигисткой! Что чувствует твоя родная мать, тебе все равно!

А разве родной матери не все равно, что чувствую я?...

В январе после того, как мы достаточно печально отметили Новый год - я все никак не могла внутренне смириться с предстоящей разлукой!- мама увезла Лизу домой. Я горько плакала в аэропорту, а она всерьез недоумевала:

- Тебе радоваться надо! Теперь поспишь в свое удовольствие, будешь жить как хочешь...

- Нет, как раз как хочу, я и не буду жить...

- Не понимаю я тебя. Вот когда у тебя будут приличные условия для ребенка, тогда и приглашай! А то придумала - какие-то чужие подвалы...

Чего она хочет, чтобы я женила на себе какого-нибудь престарелого вора в законе?

На прощание случилось еще одно маленькое чудо: самолет из-за тумана задержался аж на 7 часов! И , как это было возможно только в Ирландии (да и то до 11 сентября), меня, у которой не было билета, работники аэропорта, увидев моего больного ребенка, пропустили вместе с Лизой и с мамой внутрь. «Только быстро!» Я сидела с ними в зале ожидания, потом довела их до самого трапа самолета.

- Только обещай мне, что хоть дома-то еще попробуешь найти ей хороших врачей!

Всю обратную дорогу я ревела. Отзывчивые ирландцы в автобусе спрашивали, чем они могут мне помочь и наперебой предлагали мне свои носовые платки. Эх, мама, мама... Какое мне дело до того, какие ирландцы на лицо - если у них такие прекрасные души?...

Когда, вернувшись из аэропорта, я увидела припаркованную у дома новенькую, с иголки машину, которую мои домохозяйева только что купили своему здравенному тунеядцу Биллу, мое терпение лопнуло. Это ведь и на мои кровно заработанные деньги! С какой же стати я должна продолжать отдавать их чужому дяде, когда у моего собственного ребенка здесь нет порядочной крыши над головой?

Надо что-то делать. Надо что-то менять. Если нельзя в Дублине найти такое жилье, где можно спокойно жить с больным ребенком, значит, надо уезжать куда-то еще. Если ее нельзя здесь лечить, то тем более. Но куда, я пока не знала. *Наступил период глубокого траура...*

Глава 4. «Каждый день слышать язык Бобби!»

*«She's crazy like a fool
What about it, Daddy Cool?»
(слова известной песни «Бони М»)*

«Прохоров сумрачно затаился в подрагивающей кабине, вызвав образ со школьной фотографии, опять закрыл глаза, затем снова деловито открыл их, чтобы понять, отчего же это над ветровым стеклом, на самом стекле и даже на свободном пространстве приборного щитка «Степаниды» висят вырезанные из журнала цветные фотографии и рисунки, изображающие негров, негров и негров... Что это могло значить? Почему двадцатилетний парень коллекционировал фотографии... негров?... Негры тревожили Прохорова, как шепот за тонкой стенкой»

«— Отвечайте, пожалуйста, Андрей! Почему Евгений коллекционировал негров?»

— Он давно вырезал изображения негров... Кажется, в третьем классе он взял в библиотеке «Хижину дяди Тома» и всю изрезал... В класс приходил директор, старуха библиотекарша, слепой завуч Викентий Алексеевич... Они тоже спрашивали: «Почему ты это сделал, Евгений Столетов?» Женька молчал...»

(Виль Липатов «И это все о нем»)

...Огромное влияние на формирование моей личности, как написали бы в официальной биографии, если бы она у меня была, оказал мой дядя Шурек. С ударением на «е». Вообще-то он просто Саша, и в раннем детстве я даже называла его дядей. А потом перестала: ведь «дядя» - это что-то такое солидное, взрослое, серьезное. А он просто стал моим лучшим другом. И остается им и по сей день. «Ты мне и мать, и отец, и дядя!» - гласит африканская пословица. В некоторых

африканских культурах дядя - брат матери играет особую роль в воспитании ребенка. Так было и в нашем с ним случае.

Шуреку было 19, когда я родилась. Шурек уже тогда был очкарик и, по твердому убеждению моей мамы, с детства - «бабушкин любимчик». (Почему бы ему и не быть любимчиком, если он скандалов не устраивал, с работы поздно не приходил, не пил и не курил?) Своей семьей Шурек обзавелся только в 38. Так что посчитайте сами, сколько лет мы были в жизни друг друга – не побоюсь этого сказать!- самими главными людьми. Он и по сей день знает меня лучше, чем кто бы то ни было, даже мама.

Наша дружба началась так давно, что я даже и не помню. Шурек играл со мной, пел мне колыбельные и записывал на свой старый кассетный магнитофон «Днепр» по кличке «гроб с музыкой» мой первый детский лепет: «Это книжки, это книжки, книжки все, *чем-те-зе!*». Как-то раз я успела вынуть у него изо рта и съесть его любимый зефир, когда он жевал его, одновременно разговаривал и немного зазевался. Шурек так и остался сидеть с открытым ртом. «Когда я ем, я глух и нем!»- хохотал дедушка.

А еще я обожала, когда Шурек по вечерам скакал со мной на закорках от старого столба на углу рядом с нашим домом до *линии*, как мы называли железную дорогу и обратно: туда- рысью, оттуда- галопом. Галоп был для меня гораздо предпочтительнее!

Он научил меня кататься на велосипеде и на коньках. Я воображала себя Родниной, а его – сначала Улановым, потом Зайцевым. Кажется, именно в тот момент я и перестала называть его дядей. В моем раннем детстве к нему часто приходил в гости его школьный друг - веселый кудрявый парень по имени Толик, с которым они вечерами напролет играли у нас во дворе на лавочке в шахматы и менялись записями Высоцкого. Потом Толик женился, у них с женой скоро родился сын, и ходить к Шуреку в гости он перестал. Это только еще раз подтвердило мои негативные мысли о браке - разрушителе такой прекрасной вещи, как дружба!

Иногда мы на бис исполняли перед бабушкой и дедушкой «акробатический этюд «Баран и пастух»: я ложилась ему на шею и свисала оттуда с двух сторон: головой и ногами. Иногда мама и Шурек

укладывали меня на середину большого одеяла, брали его за оба конца и, к моему восторгу, начинали раскачивать.

Зимой – даже после работы – Шурек катал меня вокруг квартала на санках. Или с горы – со свистом! В темноте я мысленно представляла себя убегающей от преследования врагов на санях, запряженных лошадьми, Зиной Портновой. Один раз Шурек попытался съехать зимой с горы на лыжах со мной на закорках, но этот спуск завершился таким *сальто-мортале*, что удивляюсь, как я даже не успела испугаться... Мы вместе делали снеговиков, поливали водой ледяную горку, а летом устраивали битвы, поливая во дворе водой уже друг друга и играя дома в «швыряку»⁹⁸.

А еще помню, как меня возили на тех же санках в библиотеку, посадив меня в большую сумку! Библиотека была одним из самых любимых моих и Шурека мест. Там всегда можно было отыскать что-нибудь интересное. Находилась она в клубе «Серп и молот», принадлежащем одному из наших заводов. Летом при клубе работал летний пионерский лагерь, и в окно библиотеки врывались звонкие веселые детские голоса. Естественно, пользование ею было бесплатное: у меня волосы дыбом встали на голове, когда я увидела, *сколько стоит быть читателем* в Нидерландах!

Шурек вздохнул читал научную фантастику, и бабушка охотилась для него по всем киоскам «Союзпечать» у нас в городе за каждым новым выпуском «Искателя». Фантастики у него был полон шкаф (у Шурека, несмотря на то, что у нас дома была всего одна комната, был свой книжный шкаф, а у меня – свой: на кухне), и он очень ревностно относился к своей коллекции и мало кому ее доверял. Мне доверил – когда я чуть подросла. До сих пор помню захватывающие истории Дж. Б. Пристли, Айзека Азимова, Стругацких и еще многие, авторов которых я, увы, позабыла. Особенно мне нравился рассказ «Изумрудные», в котором инопланетяне меняли цвет кожи у наших земных расистов на ярко-зеленый. И – «Этот непрочный, непрочный мир». Я и понятия не имела, что когда-нибудь сама буду жить в таком же абсурдном мире...

Кстати, вы заметили, что в американских фильмах и книгах инопланетяне в 99,9% случаев злые и враждебно к землянам

⁹⁸ Так мы называли битву подушками.

Советика Часть 1

настроенные? Просто-таки спящие и видящие нашу планету уничтожить? В нашей отечественной фантастике как раз именно такие инопланетяне были исключением. Может, потому, что каждый создает художественные образы на основе собственных представлений о мире и о людях? А может, просто потому, что инопланетяне поняли, с кем они там в Америке имеют дело?...

Когда я немного подросла, мы начали играть перед домом на улице в бадминтон. Не по правилам и без сетки. Правила у нас были свои: продержаться волан как можно дольше в воздухе. Поэтому для игры выбирался преимущественно безветренный вечер. Мы оба считали каждый удар ракетки и в хорошую погоду старались идти на рекорд. Сейчас я уже не помню точную цифру (около 10.000), но когда мы были в хорошей форме, в разгар сезона мы играли по полчаса и даже по часу, *не заронив волана* - партия в несколько тысяч ударов считалась нормальной. Мы подбадривали друг друга, и Шурек восклицал, как заправский спортивный комментатор, когда кому-то из нас удавалось взять волан на подлете к земле, из очень трудной позиции. Мы с гордостью считали себя мировыми чемпионами в данном изобретенном нами самими виде спорта!

А занятия фотографией! Фотоаппарат «Смена» мне подарили к 12-летию. Для начала мы *обфотографировали* все окрестности. Потом я позировала в разных маминых платьях, строя рожицы. Потом мы начали перефотографировать снимки наших любимых поп-групп и увеличивать их. И даже фотографировать с телевизора (но это уже не маленькой «Сменой», а более профессиональным «Зенитом», который мне вручили к 15-летию). Единственное, чему я так никогда и не научилась, - это самой проявлять пленку. Делать это надо было в полной темноте, и я слишком нервничала, когда надо было вслепую вставлять пленку в бачок. Это ответственное дело было поручено Шуреку. По субботам мы ходили в специальный фотомагазин и запасались *проявителем*, *закрепителем* и фотобумагой. Моя самая любимая была с палевым оттенком. Через некоторое время приобрели *глянцеватель*. Вся бумага, пленка, химикаты, *увеличитель* и прочие необходимые вещи были отечественного производства и очень хорошего качества. Только бумага иногда была проиводства ГДР. До

сих пор помню противный, сероводородный запах проявителя и то, как пахли после печатания руки.

У нас дома не было условий для проявки и печатания: проточной воды и комнаты с полной темнотой. Проявлять и печатать снимки мы ходили к Тamarочке, которая к тому времени получила квартиру. Это было длительное мероприятие - в зависимости от количества пленок. Иногда на всю ночь. Сначала Шурек нырял в ванную комнату, дверь которой на всякий случай для полной темноты еще и завешивалась одеялом. Если в ванную проникал хоть один лучик света, Шурек панически вопил: ««Что вы там делаете? Откуда свет? Сейчас засветим пленку, и все!»Но этого ни разу не случилось. После проявки и закрепления пленка высушивалась – на веревке, на прищепке, как белье. Пока она сушилась, Тamarочка жарила блины и угощала нас, а мы ждали и готовили кухню для печатания: занавешивали окно, разводили реактивы, доставали из кладовки красный фонарь. Он напоминал мне оперу «Севильский цирюльник», мою самую любимую: «Красный фонарик при самом входе, тут ошибиться трудно, сеньор». (К тому времени я доросла уже и до опер и очень любила, кроме «...Цирюльника», «Аиду», «Евгения Онегина» и «Князя Игоря», зная наизусть многие арии).

Потом начинался самый таинственный и интересный процесс - печатание. Тот, кто никогда сам не печатал, вряд ли может представить себе, до чего захватывающее это занятие: смотреть, как проявляются на бумаге в бачке контуры людей и предметов и определять на глаз, когда пора снимок из проявителя выхватывать! Выхватив фотографию из кювета, я галопом бежала к кухонному крану и, подержав ее несколько секунд под проточной водой, бросала в другой кювет - с закрепителем. В раковине стоял третий кювет, в котором полчаса фотографии после закрепителя промывались - тоже водой проточной. В комнате Тamarочка уже расстилала по полу печатной стороной вниз спортивные плакаты со своей работы: на них фотографии сушились. Частенько вся комната и даже часть коридора были усеяны сушащимися снимками до самого утра. Проснувшись (а для печатания мы обычно ходили к Тamarочке с ночевкой), мы первым делом, еще до завтрака, ползали по полу, собирая их. Потом, с глянцевателем, дело пошло немного быстрее, но на сон оставалось в таком случае еще меньше времени.

Быть фотографом-любителем было вполне по карману каждому. Потом, с наступлением перестройки, стало все дороже и дороже, и наконец фабрики, производящие фотореактивы, перешли на производство импортного стирального порошка «Тайд» и «Персил», оказавшись в руках западных корпораций (самая хорошая и самая известная из них, Шосткинская «Свема» вообще оказалась «за границей»: в Украине!), и массовое любительское фотодело – с фотокружками в школах и дворцах пионеров и с миллионами таких, как мы - как таковое вымерло....

А Олимпиады! Когда начинались Олимпийские игры, мы с Шуреком целыми днями не отходили от телевизора. Как мы болели за маленького, тщедушного, но такого сильного стайера Мируса Ифтера во время Олимпиады в Москве!

А сочинение *буриме*! А походы к Федору! Федор был важный, словно директор завода, директор магазина «Союзпечати» неподалеку от Тамарочкиного дома. У него единственного в городе можно было купить разные журналы соц. стран. Мы коллекционировали польские «Кобету» и «Экран», болгарские «Паралели» и «Женату днес», кубинскую «Мухерес» и гедезровскую «Нойес Лебен»...

Летом мы с Шуреком и с бабушкой ездили за грибами и за рыбой. Рыбачить я, в отличие от Шурека и бабушки, не очень любила: скучно сидеть на одном месте. Да и рыбу было жалко. Я ее вообще не ела. Иногда мы привозили с собой живую рыбку и выпускали ее жить в нашей бочке с водой на огороде. Я ходила туда кормить ее хлебом. Но рыбка почему-то неизменно через несколько дней всплывала брюшком вверх, и я попросила бабушку больше этого не делать.

Другое дело - грибы!!! У нас было свое любимое местечко - по железной дороге, по московскому направлению. Как и за рыбой, за грибами вставать надо было рано, многие заядлые грибники вообще выходили в лес чуть ли не в ночь, и если проспичь, можно было приехать и застать одни только срезанные под корень «пенечки». Ехать до нашей станции было минут 40. Электричка была полна грибниками и дачниками. Тогда люди ездили на дачи отдыхать, а если что там и выращивали, то для удовольствия, а не чтобы элементарно выжить на «подножных кормах», как это стало при Ельцине. Даже самые старенькие бабули не боялись ходить в лес одни за ягодами и

за васильками на продажу в поля: в лесах не было бездомных, маньяков, беглых бандитов, наркоманов и прочих общественных продуктов «свободы и демократии».

В лесу невероятно здорово пахло. А как пахли сами грибы! Здесь росли цветы, каких не было у нас на полянке возле дома: иван-да-марья, и куковали настоящие кукушки. По их кукованию можно было загадать, сколько лет тебе жить. Утром на траве лежала роса. Лужи в чаще после дождя не просыхали долго, кое-где в грязи виднелись следы лосей. Без сапог или хотя бы кед в лес лучше было не соваться.

Лес тоже был настоящий, а не *американско-кленовый*, как около нас: под американскими кленами и грибы-то, кроме поганок, не растут! Березы, дубы, ели, осины и орешник... Лес был не сплошной, кое-где между его участками раскинулись колхозные поля, засеянные овсом и той самой сладко пахнущей гречихой, от которой теперь остались только сны да воспоминания. Вместо гречихи и грибов там сегодня растут «коттеджи» и дачи новорусских и примкнувших к ним....

В овраге рядом с колхозным полем было наше заветное местечко, где росли боровики: один раз мы набрали их там аж 28 штук! Мы обычно разделялись на две команды: я с Шуреком и дедушка, но далеко друг от друга не уходили. Дедушка бегал по лесу быстро, как молодой. Он у нас вообще был спортивный: каждое утро, включая выходные, делал зарядку, а потом обливался холодной водой во дворе. В любую погоду! Грибник дедушка был разборчивый, собирал не все. Особенно не любил *скрипицу*, хотя она и была съедобной.

Побегав по лесу, мы наскоро обедали вареной картошкой и помидорами с солью где-нибудь на лужайке. Один раз заблудились и чуть не забрели в болото, но вышли - на звук поездов. Эта железная дорога была не то, что у нас рядом с домом - опасная, поезда по ней проносились со страшной скоростью на юг, в Крым и на Кавказ чуть ли не каждые 5 минут. Никто из нас не отважился бы разгуливать по ней.

Грибы я тогда ела только соленые; зато остальные у нас дома очень любили их жареными с картошечкой. Я и до сих пор *автоматически знаю*, в какой траве могут расти грибы, в каких местах, какие можно есть, какие нельзя. К ужасу окружающих меня в стерилизованном цивилизованном обществе, которые уверены, что грибы-это шампиньоны из супермаркета, а то, что растет в лесу - это декоративное украшение, опасное в твоей тарелке для жизни.

Летом Шурек - единственный из нас из всех - катался по шоссе за городом на велосипеде, зимой- на лыжах *за линией*. Работал он тоже за городом: как его распределили после института в маленький ПГТ (поселок городского типа) километрах в 30 от нашего города, так он там на заводе и остался и быстро дослужился там до главного экономиста с отдельным кабинетом. Иногда ему намекали, что если бы он вступил в партию, то и директором мог бы стать, но Шурек был человек неамбициозный, общественно неактивный, и его не очень-то эта перспектива соблазняла. Ему даже начать искать новую работу, поближе к дому, было лень. На работу он добирался автобусом, вставал рано - аж в 6 утра. Иногда я ездила к нему на работу тоже. Мне там нравилось. Если у Тамары я печатала на машинке, то у Шурика считала на калькуляторе. Единственное, что мне там не понравилось - это что в меню заводской столовой были почему-то одни куриные гузки.

Поселок был маленький, уютный, зеленый. С традиционной площадью и памятником Ленину в центре. Все его население работало на одном и том же заводе, и все друг друга знали. Местные незамужние девушки сразу положили на Шурика глаз, когда он там начал работать, но они его не интересовали. Нравилась ему одна женщина, но она уже была замужем... Шурику оставалось только вздыхать по ней в наших *буриме*. Поселок был интернациональный: там жили армяне и украинцы, белорусы и казахи и даже одна корейская семья: рабочего по благоустройству, или просто ассенизатора с *божественным* именем Аполлон. Поселок был построен перед самой войной, специально вокруг завода, и работать туда съезжались люди со всей страны. В моей области таких мест было немного. Большую часть населения нашего города составляли просто русские. Другие национальности мы видели в основном на базаре.

Некоторые дядины коллеги становились героями наших с ним фантазий и даже самодельных песен - как, например, их зам. директора белорус Степан Анисимович, которого жена дома, всем на удивление, называла экзотически, точно героя «Анны Карениной» - Стива. А так вместе с ним работали обыкновенные, живые, не экзотические люди. У директора был роман с главным бухгалтером.

Мне она, кстати, очень понравилась - Галина Семеновна была такая домашняя, добрая женщина. Жена директора работала в плановом отделе и была, как это водится, единственной на всем заводе, кто этого не знал.

По осени мы вместе с Шуреком собирали на огороде картошку, яблоки и сливы. Все это было просто наше – даже в самый урожайный год не на продажу. Поделиться с кем-нибудь – это пожалуйста. Торгашей у нас дома не было, и к ним в целом мои родные относились отрицательно: *в торговлю идут только те, кто больше вообще ни на что не способен*, с детства выучила я.

Так и шла жизнь по кругу. Весной - кораблики в лужах, помидорная рассада на окне в ящиках, выставление вторых рам из окон и первомайская демонстрация, летом- велосипед, бадминтон и грибы с рыбалкой, осенью - сбор урожая, Октябрь и снова вставление рам, а зимой -санки, снежные бабы и Новый год...

Я долго верила в Деда Мороза и не вижу в этом ничего зазорного. Каким-то образом мама всегда умудрялась так положить под елку подарки в последний момент, что я ни разу не заметила, как она это делала. Дело было не столько даже в подарках, сколько в таинственной атмосфере новогодней ночи. Действительно казалось, что все на свете возможно, стоит только загадать. Новый год мы всегда праздновали дома, на улицу никто не выходил. Тамарочка приходила к нам с ночевкой, и мы устраивали застолье до утра, под елкой, у телевизора. В эту ночь хороших передач бывало через край: обязательно новый интересный фильм предновогодним вечером, «Голубой огонек» - после полуночи, а после него, уже около 5 утра, для особо стойких (так как большинство к тому времени засыпало!) – «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады»... Их обычно показывали отдельной длинной передачей 2 раза в году: в эту ночь и перед Пасхой, чтобы молодежь не ходила в церковь из любопытства.

Телевизор у нас дома был черно-белый; цветной купили в кредит, когда я уже училась во втором классе. Помню, как Шурек в прямом смысле слова запрыгал на стуле от восторга, когда его в первый раз включил! Нашей любимой передачей был «Кабачок «13 стульев». Ведущим передачи «В мире животных» тогда был Згуриди, и я демонстрировала домашним свои этнографические познания: мне сказали, что он грузин. «Если бы он был грузин, то был бы Згуридзе!»-

уверенно возражала я. Еще были «Кинопанорама», которую вел сначала Каплер (я, конечно, понятия не имела о его отношениях со Светланой Сталиной!), а потом Капралов и «Документальный экран» с поэтом Робертом Рождественским, которого я, теперь уже совсем не помню за что, тогда незлюбила. Была - уже немного позднее - тетя Валя с ее «В гостях у сказки». Много чего было интересного по нашему телевидению, об этом отдельную книжку можно написать. И двух каналов нам вполне хватало!

От Шурека передалось мне увлечение западной (поп)-музыкой. Конечно, он и нашей музыкой увлекался, но немного в меньшей мере. Я пела песни на разных языках на слух, самих этих языков совершенно не зная. Рафаэль и Энгельберт Хампердинк, Джо Долан, Том Джонс и Мириам Макеба, Дин Рид, Джоан Баэз и Джанни Моранди к середине 70-х сменились нашей с Шуреком любимой на всю после этого жизнь музыкой в стиле «диско». Выходные мы часто проводили в поисках, что бы записать на «гроб с музыкой» с радио. Тот, кто сейчас просто идет за новыми дисками в магазин или на базар (а то даже и никуда не идет, а просто заказывает или качает музыку в интернете!), даже представить себе не может, насколько это было интересное занятие. Почти такое же, как ходить на рыбалку - и песни, которые удавалось записать за выходные, вполне можно было сравнить с пойманной на удочку рыбкой.

Когда Шурека спрашивали, почему он не женится (не мы, конечно: у нас дома его холостяцкое положение никому не мешало, а всякие подвыпившие дальние родственники- на праздник!), он смущался и в качестве отговорки говорил, что он бы и рад, да не на ком: ему нравятся одни только негрятки⁹⁹, а у нас их нет. Особенно ему нравились чернокожие певицы: начиная с Эллы Фитцджеральд и кончая Донной Саммер и особенно обожаемой им Марсией Барретт из «Бони М».

Знала бы только я, какое влияние это окажет впоследствии на мою собственную жизнь! Музыка в сочетании с личными вкусами Шурека, с фильмом «Как царь Петр (да-да, тот самый, мой любимый царь Петр!)

⁹⁹ В СССР слово «негр» не имело отрицательного значения и употреблялось как общее слово для обозначения чернокожих людей со всех континентов.

арапа женил», в котором благородный и великодушный эфиоп Абрам Петрович Ганнибал подвергается издевкам туповатых отечественных курносых расистов, и с парой книжек по колониальной истории и истории работорговли произвели на меня эффект разорвавшейся бомбы: к 12 годам я превратилась в яркую *расистку наизнанку*.

Но обо всем по порядку.

Однажды мама вернулась с работы, принесла мне купленную по пути домой книжку – «Четыре столетия работорговли». Эта книжка перевернула мою жизнь. Что почувствовала я, прочитав в 9-летнем возрасте об ужасах рабства и о миллионах загубленных жизней? Гнев – да такой гигантский гнев, что он не помещался во мне, клокотал и рвался на свободу в желании немедленно что-то сделать, чтобы хоть немного искупить эту неискупимую вину перед чернокожей частью человечества! Тут бы мне сесть, призадуматься и даже начать гордиться, что мои предки - россияне - к этому многовековому позорному холокосту не имеют никакого отношения. Но нет, я восприняла то, о чем узнала именно как преступление всей европеоидной расы... Я начала чувствовать и себя виноватой. Я начала читать еще; дальше- больше. «Черные пасынки Америки», историю отдельных африканских стран, о движении «Назад в Африку!» Маркуса Гарви, теории *негритюда* Леопольда Сенгора о самобытной неповторимости африканцев, заметки о растафарианизме... Я штудировала справочник «Страны мира» и знала наизусть имена всех африканских президентов и дни независимости всех африканских стран. Как раз примерно в то время в Америке бежала из тюрьмы Ассата Шакур. Она стала моей героиней номер один! А кто из вас помнит сейчас Бена Чейвиса?

Меня невероятно возмущало, как обращались с рабынями белые плантаторы. Это я знала еще по «Хижине дяди Тома». Вот был бы им хороший урок, если бы их собственные дочери и сестры в ответ тоже начали отношения с рабами! Да кто вообще такие эти неслыханные лицемеры, чтобы считать себя имеющими право «хранить чистоту расы», решая за других, как им жить? Разве мы, женщины, их собственность? Так впервые возникло во мне желание «*бросить вызов*» - вовсе не в ответ на что-то советское. Борьба с расизмом представлялась мне в 10-11 лет гораздо более насущной, чем борьба

Совьетика Часть 1

за мир, о которой нам днем и ночью твердили по радио и по телевидению – ведь *мир-то у нас и так есть?*...

И вот на такой благодатной почве когда мне было лет 10, произошло то самое новогоднее чудо, в которое я всегда верила. Хотя внешне эти две вещи совершенно не были связаны. Только в моей голове. В ту новогоднюю ночь в наши жизни вихрем ворвались чудесные волшебники диско - «Бони М»....

...Я уже спала, когда около 5 утра в ту новогоднюю ночь Шурек растолкал меня с воплями: «Смотри! Смотри же, чудо какое!» Я приоткрыла один глаз - и увидела на экране телевизора кружащегося волчком худого красивого темнокожего мужчину в какой-то невообразимой блестящей одежде, с напоминающей подстриженную пальму прической-афро, с «шерстяной» обнаженной грудью и в сапогах, который то бросал микрофон на пол, то поднимал его и вообще, вел себя так, как ни один наш певец себя на сцене в то время, естественно, не вел. Выражение лица у него при этом было сосредоточенно-отрешенное, как будто занимался он чем-то очень важным. Этот невероятный, ослепительный, такой ни на кого не похожий человек звался Бобби Фаррелл. Роберто Альфонсо Фаррелл с острова Аруба.

А через год они приехали к нам в Москву. Вот уж это точно была невероятная фантастика! Это была очень холодная зима, и я, идя в школу, беспокоилась **за них**: как они там в Москве? Только бы не заболели! Перед Новым годом температура опустилась чуть ли не до -35. (В школу мы не ходили, если было -25 или холоднее, и каждое утро я с надеждой слушала местное радио... Но если было -24, занятия никто не отменял!)

Естественно, у меня не было ни малейшего шанса попасть на их концерт (тем более, что мне было только 11), но я аккуратно собирала все немногие вырезки из газет об их гастролях, с удовольствием читала интервью с тем удивительным мужчиной, навсегда запечатлевшимся в моей памяти с прошлой новогодней ночи - из них я узнала, что он говорит на 5 языках, а его родной язык называется папиаменто. И верила и ждала, что скоро нам снова покажут их по телевидению. Это бывало так редко, что каждый такой случай ты старалась бережно хранить в своей памяти и *перематывать в ней*

снова и снова - до следующего. Видеомагнитофонов тогда не существовало.

И наконец этот день настал - 13 апреля 1979 года! О концерте в 23:25 по первой программе не было объявлено заранее, и я в тот вечер ушла ночевать к Тamarочке (все равно я училась во вторую смену). К тому времени «гроб с музыкой», который надо было разогревать несколько минут прежде, чем он начинал играть, перекочевал уже туда, и я упражнялась у Тamarочки в комнате в диско-танцах, воображая, что нахожусь в *дискотеке «Ритмы шестого этажа»*. А поздно вечером вдруг к нам затрезвонили в дверь. Шурек! Собственной персоной он прибежал за мной, после того как дома за обедом совершенно случайно увидел в газете «Труд» измененную программу ТВ на сегодня... Даже сейчас когда вспоминаешь о том вечере, чувствуешь себя как на крыльях!

А на следующий день (это была суббота) я так витала в классе в облаках!... Никто из моих одноклассников этот концерт не видел, что еще более усиливало мое ощущение чуда, ниспосланного мне одной. Если и есть на свете человек, которому я когда-либо завидовала, то это покойная ныне Татьяна Коршилова. Тогда я считала, что она просто недостойна говорить с моими героями. Слишком уж не по-советски развязной она была. Хотя на фоне современных *презентаторов* Татьяна кажется просто скромницей и умницей. Все в сравненьи познается...

Позвольте не согласиться с известным выражением *«Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст»*. Все зависит от того, **кто** играет! Никогда, ни на секунду у меня в мыслях не было продавать Родину и ни разу я не подумала, что Запад каким-то образом достоин подражания или восхищения только на том основании, что диско-музыка родом оттуда. Не зная тогда английского языка, я вкладывала в эти песни совсем другой смысл (это сейчас, когда я понимаю тексты, у меня вянут от многих былых любимых моих шлягеров уши...), как другой смысл я вкладывала и в сложившийся у меня образ моих кумиров. Тот, кто знает «Бони М», живя на Западе и не имея за плечами моего советского происхождения и воспитания, скорее всего, никогда не поймет, как я могла увидеть в них то, чего в них ни грамма нет. Антиколониализм? Антирасизм? Ха-ха-ха!

Поймите, что об окружающем мире судят по себе не только американцы с их терминаторами и джокерами. Мы, советские люди, тоже представляли себе мир на основе собственного жизненного опыта. И «Бони М» представлялись мне благородными, возвышенными, интеллектуальными (талантливый человек не может быть пустышкой, считала я) и еще - представителями стран Третьего Мира: возможно, еще и потому, что у нас не публиковали сплетен об их личной жизни и никто из нас не знал тогда, какая злобная и мстительная натура у обладательницы ангельского голоса Лиз Митчелл, которая сейчас с такой страстью пытается втоптать своих бывших коллег в грязь, не понимая, что Фариан играет ею, как Женя-чувашка в моем детстве – нашими девочками на улице.

К 13 годам я влюбилась в Бобби насмерть. Не так даже, как в Делона или Митича. Возможно, сказался мой переходный возраст. У меня были такие красивые мечты о нем! Не выразить словами.

В моем детстве была такая песня:

*«В селах Рязанщины, в селах Смоленщины
Слово «люблю» непривычно для женщины.
Там, бесконечно и верно любя,
Женщина скажет: «Жалею тебя!»*

Это достаточно верно описывает мои чувства к Бобби. Он был моим страстным и пылким рыцарем - и одновременно беззащитным ребенком, которого надо было спасать от злых белых эксплуататоров-продюсеров. С каким наслаждением я избивала в мечтах пинками Фрэнка Фариана!

Цинично-заземленный современник (не говоря уже о голландцах!), конечно, объяснил бы все это гормонами и объявил бы мои мечты о том, как Бобби прижимает меня к своей волосатой груди и крепко целует, «эротическими». Но в мечтах этих наряду с нежностями (которые, впрочем, не заходили дальше чем мне позволяло мое невинное девичье воображение) мы беседовали о том, как завершить процесс деколонизации Карибского бассейна и наказать убийц Мориса Бишопа. А также о том, как оказать поддержку МПЛА в

борьбе с УНИТой. И даже участвовали в партизанских действиях на территории Намибии.

Моя любовь к Бобби была моей самой великой тайной. Я мечтала о нем каждую ночь перед сном. Все дома знали, что я люблю «Бони М» (кто их тогда у нас не любил!), но никто не догадывался, что я люблю Бобби как мужчину (ну разумеется, таким, каким я его себе придумала!)

Шуреком мой дядя стал именно тогда - когда сама я стала *корсиканкой Икой Верон. 13-летней женой Бобби Фаррелла...*

Ика была сиротой (это, видимо, чтобы никто из ее родителей не возмутился в дальнейшем столь ранним союзом с настолько старшим ее человеком!), которую вырастил и воспитал *Шурек*- тоже корсиканец. Почему Корсика? Мне просто *понравилось, как она выглядит на карте*, а еще я прочитала рассказ Проспера Мериме и видела фильм «Вендетта по-корсикански». Вместе с *Шуреком* *Ика* создала группу (в то время у нас говорили - ансамбль) с участием Валерики Ренатто с Сардинии (это моя мама!) и старушки Тони Тани из Нью-Йорка (это, само собой, была наша Тамарочка) - «Стива Литкевич Диско» или «С.Л. Диско». Дошло до того, что я даже на самом деле писала песни для «С.Л. Диско», и мы с *Шуреком* записывали их на его старый верный катушечный «Днепр». В отличие от других девочек-подростков, я никогда не хотела быть актрисой, а вот тем, у кого хороший голос, по-хорошему завидовала...Иллюзий насчет своего голоса у меня не было – только фантазии.

...»С.Л. Диско» стали настолько популярны, что однажды познакомились во время выступления на фестивале с самими «Бони М.» The rest is history¹⁰⁰...

Отношения *Ики* и *Бобби* развивались стремительно после того, как она избила продюсера Фрэнка Фариана, не дававшего *Бобби* петь самому, и пришла к *Бобби*, чтобы его пожалеть. После этого они отбыли в какую-то страну, где такие ранние браки разрешались (помню, я действительно искала такую информацию в энциклопедии, как будто бы мне это грозило всерьез!) - не то Боливию, не то Парагвай, и вернулись к взволнованным их исчезновением поклонникам уже супругами...

¹⁰⁰ Остальное – достояние истории (англ.)

Ика Верон и Бобби Фаррелл жили на искусственном острове *Моногамбе*, построенном Икой у берегов Бенина (это чтобы подальше уехать от *белых!*). Вместе они составляли знаменитый дуэт «Негритюд», созданный после того как преданный продюсером Бобби покинул «Бони М». Что интересно - я тогда еще не знала, что Бобби на самом деле их скоро покинет. Не знала я и ничего из его личной жизни (помню, как очень хотелось мне узнать, когда у него день рождения, чтобы праздновать этот день втихомолку). А потом уже узнала, насколько я была недалеко от истины: Бобби на самом деле женился на *нашей*, на восточной европейке, мусульманке из Македонии (о счастливница!), которая была намного моложе его. И познакомились они, когда ей было всего 14! А еще – «поженились» Ика и Бобби 7 октября 1980 года, а настоящий день рождения у настоящего Бобби, оказывается, 6-го...

...Ика дала себе зарок: отныне выступать только перед темнокожими на всех континентах. Белые стремились попасть на ее концерты, *maar helaas tevergeefs*¹⁰¹. Кроме певицы, она была еще продюсером, композитором и иногда снимала антирасистские фильмы. В воспитательно-наказательных целях рекомендовалось показывать их расистам-бурам из ЮАР, предварительно привязав их к стульям, чтоб не сбежали. В одном из них дочь рабовладельца (естественно, в ее исполнении) сбежала вместе с одним из рабов к маронам, в другом – девушка-пиратка освобождала африканских рабов с работоргового судна и уплывала вместе с ними в Африку. И так далее, и тому подобное. Самое-то смешное в том, что я фантазировала на таком уровне в 12-13 лет, а современные российские писательницы подобную чушь всерьез публикуют! И ее еще читает кто-то!

У меня были отдельные тетрадки, где я записывала названия всех новых песен «Негритюда» и исполнителей всех ролей во всех их новых фильмах, а также рукописный *путеводитель по Моногамбе*, где все улицы и различные сооружения были названы именами темнокожих героев с разных континентов, от Гарриэт Табмен до ангольской Карлиты. (Единственное исключение делалось для корейцев: их прообразом были корейские друзья моего троюродного

¹⁰¹ Увы, напрасно! (голл.)

брата, речь о которых у нас еще пойдет.) Кроме того, Ика Верон периодически публиковала свои дневники. Эти «фантазии Веснухина», в которых реальные события перемешаны с чистой воды фантастикой, а школьные контрольные именуется «пресс-конференциями» и по сей день у меня сохранились. И если кто-нибудь полагает, что я хоть когда-нибудь мечтала жить в Западной Европе, пусть почитает хорошенько, какими словами я отзываюсь там о колониальных державах вообще и об Англии с Нидерландами в особенности...

...Все шло хорошо, хотя периодически *Ика Верон* страдала приступами хандры, как и полагается подростку, но в один прекрасный летний денек Шурек (не корсиканец из фантазий, а мой собственный дядя!) вышел из нашего туалета *типа сортир* во дворе, зажмурился от солнца и весело, как бы невзначай, бросил мне: «Ну, и как там поживает твой супруг Бобби Фаррелл?» Не знаю, как я осталась в живых после этой фразы. Он меня без ножа зарезал.

Тайна перестала быть тайной. Оказалось, какая-то из моих черновых бумаг попала под руки дедушке, который, не глядя, разорвал ее и отправил туда, куда отправлялись все старые бумаги в нашем доме (туалетной бумаги у нас в то время не было). А Шуреку было скучно, и он, будучи в *нужнике*, решил их до использования перечитать...

К его чести, он не очень смеялся надо мною. И Бобби я нисколько любить не перестала. Я любила его еще долго - до самого поступления в институт, до 18 лет, когда жизнь столкнула меня уже с мужчинами реальными. Сравнение, кстати, оказалось не в их пользу! И я до сих пор благоговею при имени этого человека. Да, конечно, на самом деле он совсем не такой, как в моих мечтах, но сколько счастья подарил он мне, сам того не подозревая!

Можете себе представить, как относились в школе к такому странному созданию, как я. Хотя школа была еще советская, и что такое «bullying», мы понятия не имели. Для этого, видно, тоже необходимо «свободное общество». Дразнилки советских детей дальше «Мирон-сопливый долдон» не заходили. Да и литературный герой, который в то время считался образцом нашего современника - мой тезка комсомолец Женя Столетов - тоже, помнится, с детства собирал фотографии африканцев и обклеивал ими свой трактор....

Совьетика Часть 1

В школу я пошла сравнительно поздно: в 7,5 лет. Но альтернативой было бы начать ее на полгода раньше, чем полагалось, а бабушка всегда говорила мне: «Вырастешь, милоч, успеешь! Зато потом детства уже не вернешь.» И я это твердо запомнила.

Мне повезло - в том смысле, что я попала в маленькую, спокойную, даже несколько партиархальную школу, напоминавшую по своей атмосфере тихий заросший водорослями пруд. Большинство детей из нашего квартала ходили в другую - образцово-показательно-огромную, с гигантским количеством детей из ближних новостроек, которые все свое дошкольное детство провели у бабушек в деревнях и не знали поэтому ни балетов, ни опер. Со всеми вытекающими отсюда последствиями для их интеллектуального развития, а иногда даже - и для поведения (им трудно было привыкнуть к городскому образу жизни).

Но когда мама пришла записывать меня туда, она опоздала - и я думаю, что к лучшему. Наша школа занимала два дореволюционных еще здания вдоль трамвайной линии, в 20 минутах ходьбы от нашего дома. По дороге к ней надо было пересекать несколько опасных дорог, и меня провожали в школу и встречали из нее лет до 14. Обычно провожала меня мама, которой было со мной по пути на работу, а встречала, как правило, бабушка. У нас была 6-дневка, с 8:30 утра до 12 (с 4 класса - до 2). В школе было две смены, и во 2, 5 и 6 классах мы учились во вторую смену: с 2 часов. Зимой возвращаться домой приходилось уже в темноте, но мне это даже нравилось. По крайней мере, можно было выспаться с утра (я «сова», а не «жаворонок»). Во второй смене я обычно делала письменные уроки с вечера, а устные - на следующее утро.

Здания были обнесены забором, а между ними - просторный двор, пригодный для занятий физкультурой и торжественных линеек. Там же мы обычно всем классом фотографировались. Правое здание, поменьше было для начальной школы, левое, с большим актовым залом на втором этаже - для школы средней. Полы в обоих зданиях были деревянные, коричнево-красноватого оттенка, натирали их опилками с каким-то маслом, оставлявшим красноватые следы на одежде, если на пол упасть. Уборщица, тетя Зоя, была очень суровой,

и ребята ее побаивались. Озорников она гоняла тряпкой. Британские дети подали бы на нее в суд за нарушение их прав человека.

Школой «правила» директриса Анастасия Ивановна - такая же вечная, как сами школьные здания, величавая дама без возраста с толстым слоем пудры на лице и в нескончаемых розоватого оттенка костюмах. Она не ходила, а плыла по воздуху как пава, слегка отставив при этом мизинчик. Преподавала она историю и преподавательница была так себе: вместо объяснения заставляла нас самих на уроке по очереди читать вслух соответствующие страницы учебника.

Когда я пошла в первый класс, я некоторое время не осознавала еще, насколько крутой это был поворот в моей жизни. На целые 10 лет. «В первый раз в первый класс» запомнилось только морем белых бантов и фартуков (такая у нас была парадная форма) и болью в животе - от того, что надо было на несколько часов разлучаться с родными. Никого из своих одноклассников я не знала. Зато моя первая учительница была знакома с моей мамой: ее младшая сестра когда-то училась в одном с мамой классе.

С первой учительницей мне очень повезло: Нелли Тимофеевна была энергичная, добрая, душевная, как вторая мама. Из таких учителей, которые на самом деле, не по-книжному любят Родину и ребят. Правда, моя подруга Алла Колесникова говорит, что у нее бывали любимчики (и что я, как отличница, была одной из них), но у кого из учителей их не было? Уже через пару недель я перестала школу бояться. Единственным страхом остались школьные горячие обеды: нас уводили в соседнее здание в школьный буфет, и Нелли Тимофеевна не успокаивалась, пока ты не съешь свою порцию. Я давилась хлебными наполовину котлетами, которые возненавидела за один запах, но Нелли Тимофеевна была неумолима. Тогда я начала прятать их в карман фартука вместе с макаронами. Котлеты за мной подъедала одна из наших классных толстушек Лена (толстушек у нас было две- Лена и Алла, а Лен у нас в классе было целых 6 человек!). Макароны я выбрасывала в траву по дороге домой, пока Нелли Тимофеевна нас с Леной не застукала. После этого я сказала дома, что не хочу питаться в школе, и меня от обедов освободили. Обеды, кстати, стоили копейки, а кипяченым горячим молоком ребят поили бесплатно. Теперь я сидела одна в классе и ждала, пока ребята

вернутся из соседнего здания с обеда. Так начался мой проклятый индивидуализм...

Вторым страхом были дни, когда Нелли Тимофеевна болела. Болела чаще всего не она сама, а ее единственный сын, Леша, который был на пару лет младше нас. В эти дни вместо Нелли Тимофеевны к нам приходила учительница третьего класса Валентина Николаевна, которую я боялась как огня, хотя лично ко мне она относилась хорошо. Она даже называла меня «луч света в темном царстве». Но я все равно ее боялась. Просто Валентина Николаевна была большой насмешницей, и я почти физически страдала, видя, как она высмеивает наших ребят. Мне не доставалось только потому, что я хорошо училась. Но зато она упорно - не знаю почему - называла меня «Калашниковá». (Меня это страшно раздражало, но ничего сказать я не смела - была еще слишком для того мала.) Ее муж работал на том же заводе, что и мой дедушка.

Валентина Николаевна вообще производила впечатление какой-то хулиганки. Помню, как виртуозно она обходилась со словами: когда мы пожаловались, что название истории, которую нам задали прочитать дома- «Твои друзья в других странах»- , не помещается в нашем дневнике, куда мы записывали домашние задания, она отреагировала моментально:

- Напишите просто - *«тв. др. в др. стр.»!*

В классе нас было 23 человека. Меня посадили на парту у окна с мальчиком по имени Вадик. У Вадика были вечно розовые щеки, светло-коричневая челка на глаза и забавный высокий голос как у Буратино. Он хорошо пел в школьном хоре. Ко мне он относился с уважением. Вадик был вполне нормальным соседом; мы целых 4 года хорошо с ним уживались. Только в 5 классе, когда нам самим разрешили выбирать, с кем сидеть - после того, как нас объединили с классом соседним, и нас стало целых 37 человек! - я оказалась за одной партой с Аллой. До этого мы с ней не особенно дружили, но сидеть вместе с девочкой нам обоим казалось к тому возрасту гораздо более естественным. Культура, в которой мы воспитывались, была такова, что девочки с мальчиками играли вместе только до

определенного возраста, а потом как-то само собой, а не потому, что нас кто-то заставлял, начиналась *сегрегация*. В раннем детстве я здорово дружила с Витей, сыном маминой коллеги с улицы Сакко и Ванцетти, который был на 4 года младше меня. Он никак не мог запомнить мою фамилию и все называл меня Женей Калачевой. Мы с мамой ездили к его родителям на дачу, где мы с ним лазали по вишням пока его папа - неслыханное для мужчины дело!- жарил вкуснящие шашлыки. Еще мы переодевались в разные костюмы у него дома и устраивали, как сказали бы теперь, костюмированное шоу. У него были славные бабушка и дедушка. Бабушка всегда нарезала нам свежих ароматных флоксов из сада, когда мы шли домой...

Но лет с 10-11 никто из нас с мальчишками уже кроме как по делу не общался. Просто у нас не было никаких общих интересов: у них был свой мир и свои игры, у нас - свои. Не знаю, какую роль в этом играло то, что если бы мальчик с девочкой дружили, их почти наверняка дразнили бы: «Тили-тили-тесто, жених и невеста!» и спрашивали, когда свадьба. Это считалось чем-то очень постыдным. Но думаю, что если бы мне встретился мальчик, с которым у меня были действительно общие интересы, дразнилки меня не испугали бы. Но в нашем классе... Мальчишки были какими-то *недорослями*: гоняли как сумасшедшие по коридору и хлопали друг друга портфелями по затылкам. Говорить с ними было не о чем. Они были совсем еще дети - даже в 14-15 лет. Я и мои подруги их со скрытой брезгливостью сторонились. Были и такие девочки, которые в старших классах уже начинали по вечерам *стоять на углу* с этими же мальчишками, но их было мало, и ими мы брезговали не меньше, чем первыми. Почему-то считалось, что в 6-7 классах этот вопрос для нас должен был быть насущным: как его тогда формулировали, «может ли девочка дружить с мальчиком?» Дружить, кстати, в нормальном человеческом смысле слова, а не в *современном*. Но он не был для нас насущным, этот вопрос.. Когда моя классная руководительница задала его мне на классном часу, я искренне возмутилась - за кого она меня принимает?

-Тамара Петровна, да мне-то какое дело? Кто хочет, пусть дружит, кто им мешает?

- Ну Женя, вот скажи нам, как бы ты хотела, чтобы мальчики себя с девочками вели?

-Да никак, Тамара Петровна! Мне вообще ничего от них не хочется. Мне совершенно все равно, как они к нам относятся!

Я говорила совершенно искренне. Когда в 8 классе *два придурка*, как я их в связи с этой историей охарактеризовала, Коля и Леня, попробовали один раз ждать нас с Аллой возле школы после урока, чтобы вместе пойти по домам, мы с ней быстро смекнули в чем дело и, не доходя до них, повернули в совершенно другую сторону, оставив их стоять с открытыми ртами. Мама хохотала, когда я ей на них пожаловалась. А я была возмущена.

Я никогда не стремилась в жизни побыстрее стать старше, чем я есть. Фантазии не в счет, я никогда не вела себя в реальности в соответствии с ними. Возможно, я уже тогда понимала, что процесс этот необратимый. И в 15-16 лет я твердо знала, что я еще ребенок, и что мне некуда торопиться. В качестве взрослой меня ждет еще вся жизнь.

...В отличие от большинства своих одноклассников, я уже умела читать, когда пошла в школу. На уроках было легко, мне даже казалось странным, что меня заставляют читать по слогам, когда я давно уже могу читать бегло. С математикой тоже не было никаких проблем. А вот с прописями - были. Дома я научилась писать печатными буквами, а перейти на письменные и аккуратно их выводить оказалось очень трудно. У меня даже было несколько «троек» в прописях - первые и последние «тройки» за всю мою школьную жизнь. Кроме чтения, математики и правописания, у нас были уроки труда, рисования, физкультуры и пения. Во втором классе к ним добавились природоведение и русский язык. Все их, кроме пения, вела Нелли Тимофеевна. На уроки пения раз в неделю к нам приходила с огромным аккордеоном Вера Сергеевна - белоруска, бывшая партизанка, очень боевая блондинка с огромным пучком на голове. Помню, как я переживала, когда она, диктуя нам слова какой-то детской песни, настаивала на том, что слово «бельчата» надо писать без мягкого знака, потому что его нет в слове «белка» - а я-то точно знала, что в «бельчатах» есть мягкий знак... Вера Сергеевна пыталась учить нас нотной грамоте, но только самым ее азам: как какой нотный

знак пишется. А еще мы распевали песни о Ленине и о революции и народную на не совсем понятном нам языке – «О, чія це хатынка»

Вскоре, в ноябре нашего первого класса, нас приняли в октябрята, и у нас появились вожатые - старшие девочки из 6 класса. Мы ходили гордые как петухи! Нелли Тимофеевна была полна энергии: она то готовила с нами *монтаж* из стихотворений об Октябре, то разучивала с нами танец снежинок к новогоднему утреннику. В третьем классе она создала вместе с нами кукольный театр. Репетировали маршаковский «Теремок» мы прямо на уроках. Я была Лисой, Вадик - Петухом. Я вообще-то никогда не любила публичных выступлений. И до сих пор их не люблю. Но когда ты играешь роль за ширмой, как-то проще. Мы отдавали репетициям все свое свободное время - и, к нашему собственному удивлению, победили на городском смотре детских кукольных театров, где нашими соперниками были ребята постарше, да и к тому же еще почти профессионалы: из кукольного кружка при самом городском Дворце Пионеров! Они лучше водили кукол по сцене, но мы зато были более спонтанными актерами. И потому больше понравились жюри.

Не могу сказать, что мы были во всем примерными детьми, но вставать при входе в класс старших, не пререкаться с ними, поднимать руку, когда что-то хочешь сказать и соблюдать другие элементарные нормы поведения в классе для нас было естественным как воздух. Настоящие хулиганы были исключением - и, как правило, на поверку оказывались умственно отсталыми и потом направлялись в специальную (вспомогательную) школу. Сейчас бы сказали, что они больны синдромом дефицита внимания и гиперактивности (ADHD) (в цивилизованном мире, кстати, вообще для любого хулиганства всегда найдется извинение!), а тогда мы все были уверены, что они просто не хотят вести себя прилично. Сама я дралась за все 10 лет в школе только два раза, оба раза - по принципиальным соображениям. В 5 классе защищала честь учительницы, которую мне стало жалко: так довел ее своим поведением наш хулиган Жора, чувствуя, что пожилая женщина не в силах призвать его к порядку. (Почему это так: учительницу- обормотку и хулиганку, вроде нашей математички, ребята любят и слушаются, а вот если им попадается настоящая интеллигентная учительница, готовы ее съесть с потрохами?) Я вышла из драки победителем. Глупый Жора все пытался ударить

меня ботинком в те места, где больно было бы мальчишке, а мне было до лампочки!

...Через несколько лет неожиданно тот же самый Жора подошел ко мне на переменке и спросил:

- Женя, можно, я заполню твою «эстафету?»

Я растерялась. С чего это он? «Эстафета» была сугубо девчоночьей затеей, мальчишки такими вещами никогда не занимались. Она представляла собой тетрадочку с наобум наклеенными красивыми картинками, в которой девочки отвечали на разные вопросы, вроде анкеты: любимая книга? Фильм? Цель в жизни? И так далее. «Эстафетой» она называлась потому, что хозяйка передавала ее заполнить от одной девочке к другой. У нас была тогда настоящая *эстафеточная лихорадка*, и я тоже не избежала этой заразы.

- Ну ладно, давай! - сказала я

А потом прочитала его ответы и удивилась. Неисправимый двоечник и хулиган (его даже в комсомол не взяли, единственного из всего класса!), он, оказывается, зачитывался книгами об Айвенго о Робин Гуде, а его мечтой было «о, если бы сейчас были средние века, и мой папаша был бы рыцарем!» Но дело-то в том, что папаша у Жоры не было вообще... Может, этим и объяснялось все его поведение в школе? Во всяком случае, я с удивлением поняла, что он на уроках *намеренно кажется глупее*, чем есть на самом деле.

После школы Жора выбрал романтическую профессию лесника.

В школу мы ходили *учиться*. Никаких тебе игрушек, никаких «у-тю-тю-муси-пуси», никаких занятий, на которых учат, как пускать мыльные пузыри, как в западных школах, никаких «ой, три часа уроков в день для него слишком много!». И, я считаю, правильно. От невежества подавляющего большинства западной (и нашей постсоветской) молодежи просто за голову хочется схватиться. Когда видишь, как **впустую пропадает человеческий интеллектуальный потенциал**, насколько неразвиты здесь от природы весьма неглупые дети,

становится просто больно. 25% взрослых ирландцев, закончивших среднюю школу, функционально неграмотны¹⁰². Невозможно такое себе представить после школы советской. А все начинается именно с «муси-пуси, ой, ему это тяжело, прикрепим к нему персонального ассистента!» Вместо этого у нас отличники и хорошисты подтягивали отстающих. Но главное, конечно, в том, что у советской системы образования была другая конечная цель: развитие людей. При капитализме - *зачем их развивать, а то еще будут слишком умные, начнут задавать вопросы об устройстве общества? Пусть лучше пускают пузыри как можно дольше, а желательно – всю жизнь! Да и денег образование стоит немалых, дешевле завези уже взрослых умников из Индии, Польши и Китая!*

В школе было много интересного. Были веселые соревнования-сборы макулатуры и металлолома. Была хорошая пионервожатая Светлана -одна из тех редких людей, кто занимался этой работой по призванию. Были *смотр*ы песни и строя на 23 февраля - под руководством школьного военрука и игра в «Зарницу». Были - на зависть некоторым моим знакомым ирландцам - уроки НВП со стрельбой и сборкой на время автомата моего знаменитого однофамильца. Были классные культпоходы в музеи, в театр и в кино. Был месяц работы на практике на настоящем заводе - слесарем.

Но самых памятных дней в моей школьной жизни было два. В начальной школе - день, когда нас приняли в пионеры. Далеко не всем выпало пройти эту церемонию в Москве, на Красной Площади! На этом настояла наша Нелли Тимофеевна, которая очень хотела чтобы этот день действительно стал для нас незабываемым. Наши шефы, один из местных заводов, на заводские деньги наняли для нас автобус, и погожим майским деньком мы отправились в столицу. Многие взяли с собой родителей, благо мест в автобусе было достаточно.

Когда мне повязали красный галстук - прямо напротив Спасской башни - у меня на глазах выступило что-то похожее на слезы. Пожалуй, именно тогда я остро почувствовала преемственность наших поколений, которая до этого была для меня только книжной формальностью. Впервые в жизни побывала я тогда и в Мавзолее

¹⁰² Еще 20% ирландцев могут читать и писать только простые тексты. Всего это -45% населения!. В Британии функционально неграмотен каждый пятый.

Советика Часть 1

Ленина. Помню, как меня удивило, что Ленин рыжий! На обратном пути мы ели в автобусе мороженое и громко пели песни: кто больше песен знает, девочки или ребята. Наши родители очень смеялись, когда мальчишки наши грянули хором новую еще тогда песню:

- Не плачь, девчонка!
Пройдут дожди,
Солдат вернется,
Ты только жди!..

А в средней школе больше всего запомнился... выпускной бал! После 4 класса я так школу возненавидела, что буквально не могла дождаться этого дня. И это при том, что я по-прежнему хорошо училась по всем предметам. Внешне такое изменение было вызвано взаимной неприязнью между мною и двумя новыми учителями: математичкой Татьяной Павловной и физруком Геннадием Владимировичем.

Но кроме этого были и другие, более глубокие причины. Судя по рассказам мамы, моя школа уже сильно отличалась от школы ее времени.

- Не могу понять, как это школу можно не любить!- говорила она. - Мне домой из школы возвращаться не хотелось! Если я болела, это был траур. У нас в школе была тысяча дел!. Мы все время что-то затевали, ставили спектакли, организовывали походы, занимались в кружках. Мы чувствовали себя в школе хозяевами!

А в мое время во время собраний все уже с тоской ждали, когда же звонок. Когда начинались выборы - в совет отряда, в совет дружины - прятались чуть ли не под стол: пусть выберут кого угодно, только бы не меня! Плоды этого мы и пожинаем сегодня, когда нами правят эти самые «кто угодно»- вчерашние школьные комсомольские и пионерские вожаки....

Таким же было безразличие к тому, что вообще-то касалось нас всех. На субботнике по уборке школьной территории девочки быстро бросали метлы.

- Иди к нам, поболтаем! - звали они меня. А я продолжала подметать – я искренне не понимала такого отношения к делу: во-первых, чем быстрее мы закончим уборку, тем быстрее пойдем домой;

во-вторых, разве не для себя мы это делаем? Разве не нам в этой школе учиться?

«Не бойся врагов - в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей - в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных - они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство»- писал Бруно Ясенский. И «перестройки»- тоже, добавим мы от себя...

Левые вокруг меня часто вдохновенно говорят о необходимости «to empower the people»¹⁰³. Никто не говорит о том, что же делать, если the people не хотят to be empowered...

...Всеобщая любимица Татьяна Павловна была из той же породы учительниц-хулиганок, что и Валентина Николаевна: грубая, насмешница, она могла запросто кинуть в кого-нибудь из озорников мелом. В меня не кидала - не только потому что было не за что, но и потому, что чувствовала подсознательно, какое у меня обостренное чувство собственного достоинства. Я бы просто ушла с урока, если бы она только попробовала! А невзлюбила Татьяна Павловна меня после того, как я начала в 4 классе плакать во время контрольных: для того, чтобы получить у нее «пятерку», оказывается, надо было решить одну дополнительную задачу, которая в пройденный нами материал не входила. Я хоть и училась хорошо, но душа у меня к математике, в отличие ото всех *технарей* у меня в семье, не лежала. И я считала ужасно несправедливым такой метод оценки: как можно спрашивать с учеников то, чего сама она нам не объясняла? Татьяна Павловна же не выносила слез и после этого имела беседу с моей мамой, в которой высказала ей, причем в присущей ей резкой форме, что у меня, по ее мнению, уже не самолюбие, а *себялюбие*. Мама тоже в долгу не осталась. Между мною и Татьяной Павловной началась «холодная война», и я возненавидела математику, алгебру и геометрию на всю оставшуюся жизнь! Практическое решение проблемы я нашла довольно быстро: через 2-3 контрольные я вычислила, что задания, подобные тем, что будут на следующей контрольной, напечатаны на оборотной стороне карточки с заданием на нынешнюю. Я просто аккуратно записывала для себя последнюю, дополнительную задачу,

¹⁰³ расширять полномочия народа/народ не хочет, чтобы его полномочия расширяли (политически пассивен).

подобная которой будет в следующий раз, и дома заранее решала ее под руководством Шурека! Но до сих пор в кошмарных снах мне снится именно Татьяна Павловна и ее контрольные. *«Отношение конгруэнтности фигур симметрично, рефлексивно и транзитивно¹⁰⁴»*. Хотя Татьяны Павловны давно нет в живых. Она умерла еще когда мы заканчивали 8-й класс, от рака. Помню, мы ходили навещать ее в больницу. Похудевшая, желтая, она смотрела на нас из окна (в палату такую ораву никто бы не пустил!), а я, не знавшая еще, что ее болезнь смертельна, не преминула *вернуть шпильку*.

-Помните. Татьяна Павловна, Вы все на меня ругались, что я так часто болею? А вот теперь и Вы сами...

- У тебя научилась!- болезненно засмеялась она. Летом, когда мы сдавали первые в нашей жизни экзамены, ее не стало... И сейчас, когда я встречаю желчно-злого человека, я первым делом думаю, а уж не болен ли он...

С Геннадием Владимировичем было еще проще: он часто путал меня с другой девочкой из нашего класса, Наташей, которая имела обыкновение отказываться выполнять упражнения (почему, это отдельная история!), и, как бы я ни старалась, он всегда мне ставил только «четверки». В первой и в четвертой четверти на физкультуре мы занимались легкой атлетикой; это мне было по душе, зато во второй четверти была гимнастика, а в третьей, самой длинной, с января по вторую половину марта -вообще лыжи! Ни то, ни другое было не по мне. Если на брусках мне еще нравилось, то прыгать через «козла» я панически боялась - после того, как один раз чуть не разбилась. Ну, а лыжи... Надо было каждый раз тащить их из дома, потом домой, приходиться в школу в лыжных ботинках и толстом свитере, а потом до упада гонять на время в поле за школой. Кататься для удовольствия - еще куда ни шло, но на время?... Однако даже в

¹⁰⁴ Фраза из советского учебника по геометрии для 6 класса (автор – академик А. Колмогоров).

тех видах, которые я любила и где показывала хорошие результаты, Геннадий Владимирович все равно почему-то не ставил мне «пятерок». В 5 классе я стала чемпионкой класса по прыжкам в высоту. Но даже это не помогло! «4», и все. Хоть кол на голове теши. Какой же смысл тогда даже стараться?

И тогда я начала болеть. Чтобы как можно реже ходить в школу. Плюс после каждой болезни ОРЗ врач освобождал тебя от физкультуры на 2 недели (я наловчилась исправлять в справках от врача 2 недели на 2 месяца!). В конце концов, рассуждала я, учебники такие легкие, что я и дома сама могу все это выучить. Потом напишу пару контрольных, и готово. Зачем зря терять время и главное, портить себе нервы? Болела я по-честному, не симулировала: выходила вечером зимой на улицу босиком и стояла по полчаса босыми ногами в снегу. Или ела сосульки с крыши. В поликлинике после этого я стала таким частым гостем, что меня *каждая собака там знала*. Когда за тобой кто-то ухаживает, болеть, как справедливо отмечал Карлсон, даже приятно: «*лежи себе...*»

Я и лежала - на подушках и перинах поверх неразобранной кровати, под репродуктором, слушала радио, если там было что-то интересное, читала книжки и много спала. Раз в неделю ходила к кому-нибудь из одноклассников за уроками и наверстывала упущенное. В такой ситуации Шурек и мама все больше превращались в мои учителя на дому по отдельным предметам. «Шурек у Жени силен в математике», а мама соответственно - в черчении и рисовании...

-Женя, как насчет физкультуры? - спросила у меня как-то в шестом классе наша классная руководительница Тамара Петровна, не зная, что мне поставить за год.- Тебе самой-то не хочется побегать?

- Гиподинамия, Тамара Петровна - болезнь века. Ничего не поделаешь!

Тамара Петровна так и осталась с открытым ртом... Мои одноклассники в том возрасте и слов-то таких не знали. В графе «физкультура» мне поставили «осв.» - освобождена. И я действительно чувствовала себя так - освобожденной!

Мои болезни стали в классе настоящей притчей во языцех: «Здравствуйте! Садитесь. Дежурный, кого сегодня нет? *Калашникова, как, ты здесь?»...*

Удивительно, но на моей успеваемости это не отражалось. А вот на моем общении с одноклассниками (точнее, на отсутствии такового) - конечно да. Я и так-то была не очень общительной и жила в своем, другом измерении, а после этого у меня практически не осталось с ними никаких точек соприкосновения. У меня было в классе 2-3 подруги, но близкая - только одна. Спокойная, невозмутимая и в то же время острая на язык стокилограммовая пышечка Алла Колесникова по прозвищу «Костлявая». Мы с ней сидели на первой парте, потому что вычислили, что учителя в классе чаще смотрят вдаль, чем у себя под носом и потому что с первой парты было здорового видно, около какой фамилии останавливается палец в журнале, и кого сейчас спросят.

Как я уже говорила, в классе чувствовали, что я – «не из своей тарелки», не такая, как все. Похожая образом жизни на *шакала Табаки* Юля Губарева тайком докладывала новой классной руководительнице кто есть кто в нашем классе (почему-то многие учителя любят таких доносчиков, они им полезны!) «А это Женя Калашникова. Ее интересует только Африка» - мол, вот какие чудачки бывают на свете! Но никто меня не третировал из-за этого и даже не дразнил - просто держались от меня на расстоянии. По двум причинам: во-первых, потому что дразнилки не оказали бы на меня никакого эффекта: я совершенно не понимаю, что такое «peer pressure»¹⁰⁵ и почему ему вообще кто-то поддается. Если бы ко мне кто-то подошел и сказал, что мне надо что-то сделать только потому что «так делают все», я бы его так словесно *отчихвостила*, что он *летел бы с кандибобером!* Во-вторых, если меня кто-нибудь и попробовал дразнить, рядом была Алла. Она показывала из-за спины свой гигантский кулак и говорила: «Кто будет ей мешать, будет иметь дело со мной». Этого было достаточно.

«Они сошлись. Волна и камень,

¹⁰⁵ давление со стороны членов своего круга.

Стихи и проза, лед и пламень

Не столь различны меж собой...» - это словно про нас с Аллой написано.

И тем не менее, нас было не разлить водой. Алла была из рабочей семьи; как и я, единственный ребенок. Родилась она в Поволжье. Я подспудно знала, что мы не будем всю жизнь вместе, ибо у меня не было сомнений, что после школы я поеду учиться в Москву, а там... Кто его знает, но я чувствовала, что меня ждет необычная жизнь. Алла же к необычной жизни и не стремилась. Она хотела кончить десятилетку и стать воспитателем в детском саду. Детей она очень любила.

Алла давала мне быть самой собой и умела слушать. Я была так благодарна ей за это. Неужели ей действительно интересны рассказы о восстании раба Тулы на Кюрасао и о том, как проходит в социалистической Эфиопии ликвидация неграмотности? Трудно было в это поверить, но она слушала! Я отвечала ей тем же. Она рассказывала мне о том, как ей нравится Михаил Боярский, и как наш классный хулиган Жора (тот самый, похожий внешне на ангелочка любитель рыцарских романов) пригласил ее к себе домой на блины. Естественно, никто в классе не должен был знать об этом!

И еще - обе мы любили наш местный театр...

Нашему театру, который я уже упоминала, было 200 лет. Мы с Аллой не пропускали ни одной премьеры. «Третья патетическая» и «Деньги для Марии», «Берег» и «Собака на сене»... Театр не переставал удивлять. Помню, как-то предновогодним вечером, 31 декабря, ходили мы на премьеру «Бумбараша» - в страшный холод, такой, что и до автобуса, который вез нас в театр, и обратно бегом приходилось бежать. Обе мы были так замотаны, что из шерстяных платков поверх шапок торчали одни только носы. Но даже мороз не смог нас остановить. К слову, тогда люди не замерзали на улицах насмерть регулярно каждую зиму - не только потому, что не было бездомных, но и потому, что проходим было не все равно. Если какой-нибудь пьяный случайно засыпал на улице зимой, обязательно находилась добрая душа, которая силком вытягивала его из сугроба и за шиворот волокла домой.

Моим любимым актером у нас в театре был комик, рыжеволосый и длинноносый Валерий Аркадьевич Степанов. Он блистал в

Совьетика Часть 1

шукшинских «Характерах» - нашей с Аллой любимой пьесе - в роли Андрея Ерина, тайком от жены купившего на свою премию микроскоп. «Скважина ты кривоноса!»- причитала на сцене еринская жена. Очень точное описание внешности моего любимого актера! Когда мне было лет 11, и мы были в театре с мамой и Димой-поэтом, Дима, зайдя в партере во время антракта Валерия Аркадьевича, громогласно воскликнул:

- О, смотри, Женя, твой любимец!

Валерий Аркадьевич услышал и с любопытством начал оглядываться, кто это его там любит. Увидел меня, просиял и подмигнул. Таким он мне и запомнился. Если встретить его на улице, ни за что нельзя было представить себе, что это актер – таким скромным и незаметным он был. Но на сцене он совершенно преобразался. А через несколько лет я открыла для себя, что наша «скважина кривоноса» - не только комик, но и блестящий трагедийный актер! Как он играл в шиллеровском «Коварство и любовь»!

Наш театр был и даже сейчас остается своего рода семьей. Есть актеры, которые пришли в него сразу после театрального института и остались на всю жизнь. До сих пор отмечают у нас в театре даже дни рождения умерших коллег... Даже перестройка не смогла его испохабить. Возможно, потому, что мы провинциалы. У нас в городе до сих пор еще люди называют друг друга на улице товарищами. А когда кто-нибудь случайно обращается к другому со словом «господин», раздается громкий, здоровый хохот!

Алла была само воплощенное спокойствие. Она из тех, кто потом вырастает именно в таких русских женщин, которые «коня на скаку остановят» - и еще при этом укоризненно посмотрят на тебя, если ты этого не сделаешь. А еще она очень любила народный, «шукшинский» юмор, и когда слышала его, то так заразительно хохотала - всплескивая руками, вытирая выступившие от смеха слезы и отмахиваясь: «Ой, да не могу! Ну, уморил!»- , что было приятно на нее смотреть. Училась она средне, зато хорошо шила и помогала мне на уроках труда (как я ни старалась, сама я в шитье была как слон в посудной лавке, хотя дома у нас и бабушка и мама шили прекрасно).

Алла с ее мамой подрабатывали шитьем рукавиц на дому. Мама, кроме того, работала на химкомбинате. Жили они рядом с колбасной фабрикой, и Алла рассказывала, как под праздники рабочие часто выбрасывали им через забор пару батонных колбасы за соответствующую плату. Она обладала редким для такого юного возраста даром видеть людей насквозь. Алла посмеивалась над моими болезнями и иногда жаловалась, что ей меня в школе не хватает. Когда я возвращалась в класс после очередной порции ОРЗ, она первым делом осведомлялась:

- Ты на этот раз надолго или как?

Когда мы учились в 8 классе, произошла первая смена власти на моем веку. Умер Леонид Ильич Брежнев. Родившаяся и выросшая при нем и даже как-то раз видевшая его на улицах своего родного города, я не могла себе представить, какой жизнь будет без него. Его смерть вызвала именно это чувство - не сожаление, но любопытство. Будучи сильно под впечатлением от происходящего, я написала стихотворение, начинавшееся так:

« Ушел от нас герой народных анекдотов...», содержащее в себе различные критические замечания в адрес как покойного, так и окружающих - с категоричностью, свойственной 15-летним...

К власти пришел Юрий Владимирович Андропов. Знали мы о нем немного - а так как хотелось знать что-нибудь большее, чем одна только официальная биография, то мои родичи обратились к обычному в таких случаях дополнительному источнику в советско-кухонно-интеллигентской среде: «Голосу Америки». Судя по нему, картина вырисовывалась достаточно зловещая: любящий персидские ковры бывший глава КГБ, притворявшийся иногда для пользы дела «либералом», собирался зажать нас всех в железные тиски с самого первого дня... Хотя не знаю, чего было нам-то бояться, если ни один из нас не диссидентствовал против родной страны, не воровал на работе, не пьянствовал и не прогуливал.

Моей первой мыслью о Юрии Владимировиче в то время было то, что он - ровесник моей бабушки. И поэтому каким-то образом я отождествляла его подсознательно с ней. Бабушка - как я уже говорила, добрая, спокойная, бесконечно терпеливая и одновременно

строгая и сдержанная, человек высоких моральных принципов, никогда ими не поступавшаяся- и по сей день остается для меня критерием положительных человеческих качеств.

Из обывательских, повседневных воспоминаний помню, что поначалу мы Юрия Владимировича немного побаивались. Вероятно, не зная, чего ожидать. Страх этот, однако, был из серии «бояться-значит уважают». Того же рода, каким пропитаны, например, западные книги об Андрропове, написанные при его жизни. 15-летняя я продолжала писать свои насмешливо-критические, свойственные моему возрасту стишки, в том числе - и о нем. Однажды, совершенно для меня неожиданно, Юрий Владимирович мне приснился. Он смотрел на меня умно-печальным взглядом, слегка улыбнулся, погрозил мне пальцем и сказал: «А я знаю, что ты про меня пишешь!» Это был единственный в моей жизни случай, когда мне снился политик. Это был единственный политик, чей портрет совершенно добровольно и ещё при его жизни я повесила у себя в комнате над столом...

Одним из самых первых ярких воспоминаний того времени остается то, как «отлавливали» у выходов из кинотеатров с дневных сеансов многочисленных прогульщиков, значительное число которых было работниками различных НИИ. Советская интеллигенция начала 80-х воспринимала это чуть ли не как начало повторения «репрессий 1937 года» и уж во всяком случае как вопиющее нарушение своих человеческих прав! Но никто не стал ни расстреливать их, ни даже бросать за решетку, и их доверие к заморским «голосам» после этого как-то поубавилось.

Однако даже избалованные советской властью интеллигенты, которых при капитализме с их отношением к работе на ней никто бы и месяца не продержал, не могли не признать эффективность андроповской борьбы за дисциплину: пьяные практически исчезли с наших улиц. Кому как не моей семье было лучше других знать об этом: лес и речка около нашего дома были любимым местом для «отмечания» полочки у всех окрестных рабочих, неизменно просивших у моего дедушки «стаканчик» в конце каждого месяца. Отныне просить стаканчики у нас практически перестали - к большой радости моей бабушки!

Другой примечательной чертой быта того времени стало то, что продуктовые магазины были открыты по вечерам чуть ли не до 11 часов - чему так радовались работающие женщины.

Мое поколение, однако, расстраивалось из-за продолжающегося отсутствия теле-и радиопередач с западной поп-музыкой, начавшегося ещё при Леониде Ильиче, после того, как наши войска были введены в Афганистан. Никто не объяснял нам связи между Афганистаном и поп-музыкой: передачи эти, еженедельные получасовые программы Виктора Татарского и Владимира Сиверова, просто прекратились. Мы не знали, не могли знать и не могли ещё понять своими детскими умишками тогда, что в жизни есть гораздо более страшные вещи, чем. остаться без порции «сладкой» диско-музыки. Вещи, с которыми моему поколению придется столкнуться потом, при Горбачеве и Ельцине...

Осталась в памяти Саманта Смит - маленькая милая американская девочка, пожертвовавшая в конце концов жизнью за свой интерес к Советскому Союзу и честное желание рассказать о нем без прикрас, но и без лжи своим соотечественникам.

Осталась в памяти растущая враждебность к нам Запада,- из-за того, что правительство наше при Юрии Владимировиче занимало принципиальную позицию по вопросам разоружения и готово даже было отозвать нашу делегацию с переговоров, если видело, что они никуда не ведут. Враждебность эта так резко контрастировала со всеобщей эйфорией от последовавшего за этим горбачевского «миротворчества», что я ещё в самом его начале, будучи 20-летней беззаботной студенткой, почувствовала, как пахнет жареным: не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что единственный способ сделать врагов в одночасье «друзьями» - это во всем односторонне им уступить. Хоть это и преподносилось нам под соусом «нового мышления», никакая особая государственная мудрость для того, чтобы пойти на поводу у противника не нужна. Горбачевское «миротворчество» -того же сорта, что у торчавших в подворотнях фарцовщиков, клянчивших подачки у иностранных туристов, в старом советском анекдоте: «Мир, дружба... Жвачка?»

К слову, о фарцовщиках, торговавших в подворотнях - далеко не предметами первой необходимости! Они в годы правления Юрия Владимировича практически исчезли из виду. Если в годы заката Леонида Ильича они уже практически не прятались, если при Черненко

и Горбачеве они в открытую навязчиво предлагали свой товар на улицах... «Андропова на вас нет!» - сказала я как-то в сердцах одному из них.

Юрий Владимирович завоевал наши сердца, когда начал борьбу с коррупцией. Даже отъявленные либеральные интеллигенты в моем окружении прощали ему за это «закрытость» страны: «Сначала надо дома навести порядок, а уж потом открывать двери для гостей», - говорили они. После начала его борьбы, по меткому выражению поэтессы Екатерины Шевелевой, «за дисциплину- начиная сверху, а не снизу» уже никакие заморские «голоса» не могли изменить нашего о нем мнения. И именно потому, что он начал её не снизу, а сверху, никто и никогда не заставит наших людей поверить, что его смерть была естественной в полной мере, и что ему никак не «помогли» отправиться на тот свет те, чьи интересы и кошельки он так решительно начал задевать. Люди всегда будут думать, что он стал жертвой заговора - так быстро, буквально на наших глазах, как метеор в небе, он сгорел.

Когда Юрий Владимирович заболел и исчез с экранов телевизоров, я начала всерьез задумываться о происходящем - не только с ним, но и в нашей стране в целом. Мое отношение к нему изменилось. Максималистический юношеский цинизм брежневского времени сменился доверием. Но было уже поздно.... О его болезни нам не сообщали, что усиливало слухи и веру в существование заговора. В памяти осталась фраза из его выступления на каком-то пленуме, которое было там зачитано, так как он уже не мог там появиться лично - о том, почему его не будет: «В силу временных причин...»

Смерть Юрия Владимировича я восприняла как несправедливость, как трагедию, которую можно было предотвратить,- как результат заговора злых сил. Я снова начала писать стихи - разразилась целой серией их, посвященной его смерти. А спустя месяц после его похорон состоялся первый съезд ОПВА...

Упоминания об этой партии вы не найдете в учебниках истории или политических справочниках. Она состояла всего из двух человек. Меня и Аллы. Я была её генеральным секретарем, она - моим заместителем. ОПВА означает «Объединенная Партия Верных Андроповцев».

Первый съезд ОПВА проходил, как это ни забавно звучит, в нашем школьном туалете. По окончании уроков, когда там уже никого не было. Мы были к тому времени девятиклассницами, и хотя времена, конечно, были уже далеко не те, сомневаюсь, чтобы наши учителя одобрили в то время идею создания другой партии, чем КПСС, - хотя наша партия и вовсе не была враждебной советскому строю. Просто тогдашняя КПСС для нас тогда олицетворяла все то, с чем боролся Юрий Владимирович...

Таким был мой первый в жизни сознательный политический шаг. В возрасте, когда некоторые другие девчонки, выдавливая из носа перед зеркалом прыщи, неумело красят губы да гадают на ромашках, любят ли их такие же прыщавые пацаны, Алла и я думали о будущем социализма. Мы пытались решить для себя, как мы сможем продолжить дело, которому посвятил свою жизнь наш герой...

... После школы я приходила домой, где меня уже ждала тарелка горячей гречневой каши. Я переодевалась (терпеть не могла сидеть дома в школьной форме!) и начинала есть и что-нибудь читать. Большая часть остатка дня проходила за чтением (в зависимости от погоды - и на улице); к вечеру, пообедав рисовым супом и печеной картошкой, я садилась делать уроки. С работы приходили мама и Шурек, рассказывали о своих новостях. После обеда включали телевизор. Смотрели фильм, в 9 вечера в программе «Время» слушали о том, как рабочие какого-нибудь завода перевыполнили план (не о том, сколько голов сегодня отрезали в Чечне и скольких детей изнасиловали маньяки!) Около 11-и ложились спать.

И так - каждый день, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год... Много лет подряд. Казалось, что *ничего не происходило*. Было даже скучно. И именно поэтому я так стремилась в Африку - потому что вокруг не было революционеров, и *в революциях не было нужды!* По радио время от времени объявляли, что по многочисленным просьбам трудящихся то вводят бесплатные школьные учебники, то снижают цены на ряд потребительских товаров, то продляют декретный отпуск... Одним словом, мы *элементарно зажрались!*

Только теперь, когда нет Советского Союза, стало так «весело», что наконец понимаешь всю великую мудрость слов: «Счастье - это отсутствие несчастья»...

Советика Часть 1

- Счастье - это когда мы с мужем просто по субботам под руку ходили на базар,- считает сегодня Алла. Ее муж, став безработным, повесился в «золотые» ельцинские годы, когда их малышу было всего 3 месяца....

...Как же трудно втиснуть в несколько страничек целых десять лет жизни - лет, в которых было столько всего...

Отчетливо помню почему-то предновогодний вечер 1979 года - на пороге нового десятилетия. Он запомнился мне гораздо больше, чем пресловутый *миллениум*. Это была первая на моей сознательной памяти смена десятилетий - и минут за 10 до Нового года я вышла на террасу, посмотрела на горевшие вдалеке за рекой красные огоньки нашего цирка и подумала: «А какими-то будут они, восьмидесятые?» На душе почему-то было тревожно, хотя видимых причин для тревоги не было. Ничто не предвещало того, что произойдет с нашей страной к концу того нового десятилетия. Не считать же знаком этого такую ерунду, что из продажи временно пропали шоколадные конфеты! Обычно мы их вешали на елку, а в том году не смогли найти. Москва готовится к Олимпиаде, объясняли нам, и поэтому делаются запасы. Ну что ж, конфеты - не хлеб и не молоко. Не предмет первой необходимости. Когда сегодня горлопанистые «демократы» описывают «ужасы советской жизни», «пустые прилавки» и «дефицит», такое чувство, что мы с ними жили в разных странах! Да, был дефицит: ковры, хрусталь, импортные вещи. Да, было трудно получить квартиру - но зато их давали семьям совершенно бесплатно! А квартплата была таким мизером, что если рассказать об этом западным гражданам, они просто не поверят.

«Реальная обеспеченность доходов населения гарантируется стабильностью государственных розничных цен на основные предметы потребления и снижением цен на отдельные виды товаров по мере создания необходимых условий и накопления товарных ресурсов. Индекс государственных розничных цен в СССР в 1974 составил 99,3% по отношению к 1965. В течение длительного времени не меняются ставки квартирной платы (с 1928), а также коммунальных и транспортных услуг.», «В бюджете семей рабочих и служащих квартплата в среднем составляет около

1%, а вместе с коммунальными услугами – примерно 4%, в то время как в промышленно развитых капиталистических странах расходы трудящихся на жильё составляют в среднем около $\frac{1}{3}$ семейного бюджета и имеют тенденцию к повышению»¹⁰⁶. Надо ли к этому что-то добавлять?...И это не слова – мы теперь сами, к несчастью, имеем возможность сравнивать¹⁰⁷.

Да, я помню очереди. Не смертельные. Пустые прилавки на моей памяти я увидела **только во времена Горбачева** - как и талоны на мыло и водку. В моем детстве никто не голодал, продуктов было достаточно, причем настолько дешевых, что люди покупали зачастую больше, чем им нужно, а потом эти излишки либо выбрасывали, либо копили (у переживших войну наших бабушек сильно было чувство необходимости создания дома запасов *на черный день*). Да, сыра или колбасы в магазинах было 2-3 сорта, а не 25. Но что лучше: 2-3 сорта, которые всем по карману - или сегодняшние «полные» прилавки, на которых портятся красная рыба и икра потому что люди не могут себе позволить такую роскошь? Господа «демократы», да вы начните продавать эти деликатесы *по советским ценам* - и ваши полные прилавки опустеют в миг!

Ни для кого не было секретом, что дефицит возникал потому, что торговые работники прятали вещи и продавали их знакомым или нужным людям или же «из-под прилавка» - втридорога. Сейчас об этом не любят вспоминать, пытаюсь приписать дефицит тому, что при социализме якобы производилось недостаточно. Разве ж на всех жуликов напасешься! В начале перестройки пытались нам внушить, что это якобы следствие низких зарплат продавцов. Так что, если вору повысить зарплату, он красть перестанет? Такие же аргументы нам приводили те же самые «прорабы перестройки» и в отношении медработников: вот, мол, если бы им платили как на Западе, да тогда б они...

Ну и что, стали они от этого лучше сегодня, когда бесплатной медицины у нас фактически больше не существует, а «гуманные» *самопиарящиеся* журналистики в прессе регулярно умоляют

¹⁰⁶ БСЭ, статья «Уровень жизни».

¹⁰⁷ «Тарифы на ЖКУ с начала 2008 года выросли на 13,5%»

Советика Часть 1

«благотворителей» собрать деньги на операцию больным детям, которые иначе обречены? А тот, кто это говорил - бывал ли он в полуразрушенной **лучшей в стране** ирландской детской больнице, где детям время от времени по ошибке вырезают здоровые органы? И видел ли он, как лечат врачи кубинские - при все нехватке медикаментов из-за блокады и *на свои социалистические зарплаты?*

К слову, меня лично колбаса никогда не волновала. Единственное, за чем я была готова стоять в очереди - это за бананами. Они действительно были редкостью - и потому мы их так обожали, что при возможности накупали сразу килограмм по 5. Но если бы мне предложили выбирать между возможностью есть бананы каждый день и бесплатной медицинской помощью и образованием для населения и отсутствием в стране массовой преступности, думаю, не надо вам объяснять, какой бы я сделала выбор... Да пусть убираются со своими бананами! И «Пепси» пусть не забудут захватить в придачу!

...Весной 81 года, когда мне было 14 лет, меня приняли в Комсомол. Если в пионеры нас принимали всех вместе, то прием в Комсомол был делом индивидуальным. И брали в него, вопреки тому, что теперь пишут, не всех. Жору, например, не взяли. Сначала твою кандидатуру утверждали в школе, потом принимали - после индивидуальной беседы с тобой - в райкоме Комсомола. Меня приняли в марте - как раз тогда, когда начал свою голодовку протеста со смертельным исходом в далекой Северной Ирландии Бобби Сэндс...

Когда в Дерри произошло Кровавое воскресенье, мне было 5 лет. Северная Ирландия, или «Ольстер», как у нас ее именовали (мы не знали тонкостей местной фразеологии: Ольстером Северную Ирландию называют только ее некоренные жители-протестанты),отложилась в моем подсознании с раннего детства как одно из самых мрачных мест на нашей планете. Из телерепортажей в новостях и в «Международной панораме»помню звуки стрельбы, бегущих и кричащих людей, бросающих в армейские броневики бутылки с зажигательной смесью (именно так их называли у нас, а не «коктейлями Молотова»)... Помню, как пытаюсь понять, что происходит

в Ирландии вообще, я читала переведенные на русский язык ирландские детские книжки вроде «Лошадиного острова» Эйлис Диллон или «Голуби улетели» Уолтера Маккина. Советские переводы были хороши еще и предисловиями, в которых подробно объяснялась история данной страны и символические образы в книге, которые можно понять, только зная ее. Именно из такого предисловия к детской книжке узнала я впервые о кельтских вождях, об ирландских монахах и о зверствах войск Кромвелля, о Великом Голоде и об эмиграции, о таких народных ирландских песнях, как «Четыре зеленых поля», и об ИРА...

Бобби Сэндса в наших газетах и по телевидению всегда называли только полным именем - Роберт. Это потому, что в нашей культуре несолидным считалось называть взрослого человека сокращенным именем. (Это сейчас развелись у нас всякие инфантильные Гоши Куценко...) Президент Картер, например, у нас тоже был Джеймс, а не Джимми. Почему-то остались в памяти какие-то связи его со священниками и церковью - наверно, потому что Сэндс был верующий католик. Для нас самих любая церковь была чем-то доисторическим, вроде динозавров.

В школе мы собирали подписи под петицией с требованием к британским властям удовлетворить требования ирландских политзаключенных. Это теперь те, совсем еще недавно без зазрения совести позволили члену собственного парламента умереть голодной смертью, строят из себя ярых поборников человеческих прав где-нибудь в Зимбабве или Чечне...

Об «Ольстере» в советской печати, по радио и по телевидению говорили много и регулярно. Тогда еще у нас везде были свои собственные корреспонденты, а не просто *переводчики и перепечатчики с BBC*. ИРА были, разумеется, борцами за свободу, современными революционерами. Если бы еще не религиозная ограниченность, им бы не было цены. Именно тогда я впервые услышала и название «Шинн Фейн».

Разве могла я тогда представить себе, что когда-то сама окажусь в Ирландии, что жизнь в «Ольстере» станет более или менее терпимой, зато в моей собственной стране появятся и безработица, и нищета, и закрывающиеся заводы, и заброшенные здания, и выселения не заплативших за жилье, и унижения женщин, и этнические войны, и

Совьетика Часть 1

наркотитки - и в целом *неуважение к человеку* и страх за завтрашний день...? И что встречу лицом к лицу людей, лично знавших Бобби Сэндса и даже друживших с ним? Как говорится в том анекдоте, «*Не трожь его, он живого Ленина видел!*»

И в моей памяти Бобби Сэндс навсегда переплетается с Комсомолом, хотя того ирландцы или нет...

...Кроме нелюбимых учителей, были у меня в школе, конечно, и любимые. Я душой отдыхала на уроках французского языка, которые у нас вела Фаина Иосифовна. Сначала, когда она нам представилась, мы чуть было не записали в своих дневниках «Осиповна» - потому что никогда не встречали в жизни никого по имени Иосиф (кроме Сталина в книжках; но о Сталине в наше время говорили очень мало). Фаина Иосифовна сама нас поправила: «Не Осиповна, а Иосифовна!» Это была маленькая, круглая черноглазая женщина, с глазами, похожими на две черные смородинки, немножко напоминавшая какую-то птицу, со смешливым и острым взглядом. По школе ходили слухи, что ее брат был когда-то женат на нашей директрисе, но ушел от нее, и поэтому директриса Фаину Иосифовну недолюбливает. А мы любили! Даже те, у кого с французским были нелады. Она была затейница: если на уроке оставалось свободное время, устраивала с нами игру. Например, в «молчанку»: кто первый засмеется или заговорит, тот проиграл. Мы напряженно молчали, а она садилась у окна, задумчиво-мечтательно смотрела в него, теребя платок на шее, и вдруг неожиданно тоненьким голоском заводила:

- Каким ты был, таким остался,

Орел степной, казак лихой...

Какой же тут начинался хохот! И как мы потом спорили, кто же именно засмеялся первым и проиграл!

Когда мы перешли в 7-й класс, директриса «выжила» наконец Фаину Иосифовну из школы. (Я потом встречалась с ней в библиотеке, куда она устроилась на работу.) Наше отношение к ней Алла очень метко выразила так: «*Ой, ну что ж баба хороша!*»

Никто как-то не думал, что «хорошая баба» была еврейкой по национальности, хотя она сама и не думала этого скрывать. А вот про другую мою любимую учительницу - Эмилию Вениаминовну - в нашем классе сразу подумали почему-то именно это... Интересно, правда? Если человек свой по духу, никто просто не задумывается над его этнической принадлежностью, а как только чем-то не такой, как все, то причину того сразу пытаются найти именно в ней....

Эмилия Вениаминовна преподавала русский язык и литературу. Это была настоящая советская интеллигентка в хорошем смысле слова: утонченная, духовно-возвышенная. Ей бы в вузе преподавать, а в школе... Многие просто, как говорится, «не доросли до ее музыки». Я - доросла, и мне было на ее уроках хорошо и интересно. А наша «камчатка» сочла ее слишком не от мира сего. Эмилия Вениаминовна была коренной одесситкой по происхождению. Она с блестящими от восторга глазами рассказывала нам о Пушкине, а «камчатка» нагло зевала. А потом произошло и вовсе из ряда вон выходящее: один из наших ребят вслух назвал ее еврейкой. «Почему у нас теперь евреи русский язык преподают?»

Самое глупое заключалось в том, что он сам был из обрусевших евреев! Не знаю, было ли это ему самому известно, но ему достаточно было для этого просто посмотреть на себя в зеркало. И девочка из нашего класса, с которой он дружил - на голову выше его да к тому же отличница - тоже была из обрусевших евреев.

Эмилия Вениаминовна ничего не сказала ему в ответ: она была для этого слишком культурна. И даже никому не пожаловалась. Зато не выдержала я:

-Что же делать, Олег, раз *некоторые русские* родного языка не знают и больше чем на «троечку» по нему не тянут!

Потом уже я познакомилась с Эмилией Вениаминовной поближе. Я переписывалась с ее дочкой, которая была на год старше меня и жила в Одессе у бабушки. А муж Эмили Венаминовны, Яков Михайлович, стал моим репетитором по французскому. К тому времени вместо Фаины Иосифовны французский у нас преподавала другая учительница, для которой основным языком был немецкий, и я боялась, что моих знаний не хватит для хорошего результата на вступительных экзаменах в институт. Яков Михайлович преподавал

французский в нашем пединституте, и мама договорилась с Эмилией Вениаминовной, что я буду брать уроки у них на дому. Никогда до этого я не видела, как живут дома учителя, и было интересно и немного странно видеть Эмилию Вениаминовну в фартуке на кухне. А еще было интересно, как же живут евреи - так же, как мы, или с какими-то национальными особенностями. (К тому времени я уже решила для себя, что стану этнографом.) Никаких особенностей я не заметила - за исключением того, что Эмилия Вениаминовна готовила на ужин фаршированную рыбу и была так вежлива с Яковом Михайловичем, словно он был посторонним человеком. Яков Михайлович страшно много курил, Эмилия Вениаминовна деликатно кашляла в кулачок, а потом говорила примерно так:

- Яша, ты так много куришь... Не будешь ли ты так любезен, если это тебя, конечно, не затруднит, курить на лестнице? Большое спасибо!

Я боялась Якова Михайловича как огня и часто делала ошибки из-за одного только этого. Он казался мне таким строгим! Приходилось буквально заставлять себя ходить на эти занятия. Но зато он действительно меня поднатаскал, и этот экзамен - в московский вуз! - я сдала с блеском.

В девятом классе к нам пришла новая математичка взамен умершей - Галина Афанасьевна. Это была еще совсем молодая, но уже разведенная женщина - старше нас всего на 6 лет. Она попыталась с самого начала установить с нами товарищеские отношения, на равных - большая ошибка! Учитель всегда должен сохранять некоторую дистанцию от учеников - по крайней мере, если они еще не взрослые. Но Галина Афанасьевна рассказывала нам о своем бывшем муже-курсанте (тогда все девушки из пединститута стремились выйти за военных!), которого она с пренебрежением называла «бритым кактусом». Нас с Аллой она называла «девушки на «К». После этого было как-то трудно воспринимать ее всерьез. Ребята у нее на уроках запросто могли отказаться пойти к доске, и она вместо того, чтобы

навести дисциплину, смирилась и вызывала все время одних и тех же. Что тоже не придавало ей авторитета в наших глазах.

Когда мы уже сдавали выпускные экзамены, на экзамене по алгебре и началам анализа возникла паника среди учителей: одно из заданий было таким сложным, что даже они сами не были уверены в решении. Галина Афанасьевна, вся красная, выбежала за дверь. В коридоре уже скопились наши родители, в том числе мой Шурек. Одна из мам сама была учительницей математики. Все они, собравшись в кружок, спешно пытались решить злополучную задачу. Галина Афанасьевна попыталась к ним примкнуть чтобы помочь.

- *Девочка*, а тебе тут что надо? - осадил ее Шурек, никогда ее раньше не видевший...

Экзамены в нашей школьной жизни были 2 раза: после 8 класса и выпускные. После 8-го сдавали алгебру и русский язык - письменно и устно. Выпускных экзаменов было 7: сочинение, литература, алгебра, физика, химия, история и обществоведение и иностранный язык.

И когда я позднее увидела, как в Ирландии (Северной) мучают детей, заставляя их «выбирать свое будущее», сдавая экзамены, которые определяют, где они будут продолжать образование, уже в 11 – летнем (!) возрасте 9 [] (нам в 8 классе было по 15!), у меня просто мурашки по коже пошли. И это при том, что первые три года они там в начальной школе играют в игрушки и чуть ли не с сосками туда ходят! Оно понятно, конечно: зачем буржуазному государству тратиться на полноценное образование детей каких-то работяг или тем более, безработных?... А вы бы слышали, как с пеной у рта защищают там эту позорную систему привилегированные родители! Точно как Уэф в «Киндза-дзе»: *«Когда в обществе нет цветовой дифференциации штанов, то нет цели, а когда нет цели, то...»*

К слову, любой из нас мог продолжать образование в десятилетке вне зависимости от того, как он сдал в 8 классе экзамены: уходить в ПТУ или в техникум было делом сугубо добровольным. Да и там ребята все равно продолжали изучать общеобразовательные предметы и заканчивали ту же программу, что и десятиклассники: с той только разницей, что их еще и обучали профессии.

Выпускные экзамены я все сдала на отлично (хотя экзамен по химии и дался мне нелегко.) Возможно, потому, что не чувствовала на себя давления: я ведь не «шла на медаль». У меня ведь была четверка по НВП¹⁰⁸. «По чему, по чему?» - недоверчиво спросили меня московские экзаменаторы при поступлении в вуз...

На уроках НВП учили стрелять, а я была принципиальной пацифисткой и считала, что опасность войны сильно преувеличена. Невдомек было мне, что если она и не была тогда такой сильной, как сегодня, то уж во всяком случае именно благодаря таким вещам, которым нас на этом уроке учили! И таким людям, которые писали наши по ней учебники.

...А потом наступил наконец выпускной вечер - самый мой счастливый день в после приема в пионеры! Родители чуть ли не с утра колдовали в школе над приготовлением закусок и десертов. Вечер начался с закатом солнца. Мы не осознавали, что вместе с этим закатом солнца уходит в небытие и наше детство... Был конец июня. Сначала мы слушали торжественные речи, потом состоялось вручение аттестатов, потом начались ужин и танцы. Нам даже позволили выпить по бокалу шампанского, дав нам таким образом понять, что считают нас почти уже взрослыми. В танцах я, естественно, не участвовала (фи!), хотя дома танцевать любила. Наши девочки были все такими красивыми в специально сшитых к этому дню платьях. Многие впервые в жизни завили волосы или покрасили губы, хотя нам было по 17 лет. Но никого это не удивляло - удивило бы, если бы кто-нибудь посмел в таком виде прийти на занятия!. (В мамино время директор ее школы сразу посылала таких в туалет- умываться.)

Эмилия Вениаминовна прощалась в этот день не только с нами, но и с нашим городом: она насовсем возвращалась в Одессу, где тяжело заболела ее мама... Поэтому она была вдвойне грустной. Я обещала ей писать. Пришли на выпускной вечер и другие учителя, которые к тому времени уже несколько лет нас не учили.

- А ты, Женя, кем решила стать? - спросила меня наша географичка.

¹⁰⁸ Начальная военная подготовка.

- Я буду поступать на исторический, - честно сказала я.

- Вот и слава богу, а то я помню, в 7 классе ты что-то такое себе выдумала, какую-то этнографию! - подхватила она.

Напрасно она считала, что я «поумнела»: это просто я вычитала, что именно после исторического можно стать этнографом. Вообще-то больше всего на свете мне хотелось поступить в ИСАА при МГУ, но там даже в брошюрке для абитуриентов было написано, что «принимаются преимущественно москвичи, преимущественно мужчины, из числа КПСС и актива ВЛКСМ», и надо было доставать рекомендацию чуть ли не из горкома комсомола. Для меня это открытие стало настоящей драмой. У меня не было шанса ни по одной из этих статей. Я не была ни москвичом, ни мужчиной. И кто бы мне дал такую рекомендацию, если я была просто отличницей, *не лезшей* в комсомольские активисты? К моему времени наше отношение к комсомольским и партийным работникам уже прочно определялось анекдотом о колхозном собрании:

- За хорошие показатели на ферме товарищ Иванова награждается теленком!

Аплодисменты.

-За отличную работу на полях товарищ Петрова награждается мешком зерна!

Аплодисменты.

- За хорошую общественную работу товарищу Сидоровой вручается полное собрание сочинений Ленина!

Смех, аплодисменты, крики:

-Так ей, б***, и надо!

Тут выражается не столько народное отношение к собранию сочинений Ленина, которое, конечно, мало кто полностью бы осилил

прочсть, сколько отношение к «общественным активистам»: мы своими глазами видели, что ими становятся в основном те, кто кроме говорильни, ни на что больше не способен. Почти тот же сорт людей, что идет работать в торговлю. Только с большими амбициями, чем продавцы. Мы видели и чувствовали их неискренность, когда они произносили в школе свои речи - и это отталкивало: не дай еще бог мои друзья подумают, что я такая же выскочка и ко всякой бочке затычка! Причем чем неискреннее был человек, тем больше правильных речей о политике партии и правительства он, как правило, произносил. (Совсем как новые члены Шинн Фейн в Ирландии, примкнувшие к ней, когда это стало безопасно и может уже даже принести дивиденды...)

Это вовсе не означает, что мы были антисоветчиками: мы только хотели заниматься серьезным делом, а не говорильней. Мы почему-то были уверены, что кто надо не допустит вот таких болтунов к управлению страной. Откуда была такая уверенность, не знаю. Наверно, все-таки потому, что мы властям доверяли. Ведь наше тогдашнее правительство хоть и произносило множество речей, тем не менее и много для народа делало. Речи мы пропускали мимо ушей, радио выключали, о Политбюро рассказывали анекдоты. Но враждебно к властям не относились. Нам просто казалось, что можно обойтись без лишних слов. (На мой взгляд, гораздо хуже обстоят дела у народа, когда люди и анекдоты-то перестают рассказывать, как при Ельцине: с одной стороны, потому что они так измучены жизнью, что им уже не до анекдотов, а с другой, потому что да что и расскажешь-то о человеке, который сам хуже всякого анекдота?...)

Иногда, правда, была обида: когда возникало чувство, что тебе не доверяли. Например, в том же случае с отбором студентов в ИСАА. Если ты не москвич и не мужчина, это еще не значит, что ты меньше предана идеям марксизма-ленинизма, чем они. И среди москвичей-мужчин с прекрасными характеристиками хватало всякой дряни. Я потом встретилась с одним из таких в Институте Африки: Васей-москвичом, закончившим ИСАА и свободно говорившим португальски, который работал и в Анголе, и в Мозамбике и упорно звал меня к себе на дачу «на шашлыки». Африканцев Вася явно презирал, работу свою не любил и спал и видел, как бы уйти «куда-

нибудь в более приличное место». Да я о его месте только мечтать могла!

Но дело, скорее всего, было не в том, что тебе «не доверяли», а в том, что люди, преданные идеям, тогда уже негласно больше «не требовались»: то, что было моим призванием, где я работала бы по зову души, где я с честью представляла бы свою страну и несла ее знамя, совершенно не интересуюсь материальным вознаграждением за это, для них было просто-напросто «тепленьким местечком» для собственных сыновей и внуков..

Только все это было негласно - почти как голландский расизм, который чувствуешь, но доказать в суде не сможешь – и от этого было еще обиднее...

Впрочем, одной гласностью такие проблемы не решить, тем более «гласностью» а-ля мистер Горби. Во-первых, как гласит известная присказка, баснями соловья не кормят, а во-вторых, его «гласность» была гласностью импотента. Поясню: в советское время газеты писали не обо всем (оно и к лучшему: к чему, например, засорять страницы и головы людей рассказами о том, как где-то убили какого-то бандита в ходе разборок? Или что «При обрушении пола в церкви в Канаде ранены 39 человек»? Ну и что?), но зато если какая-то насущная проблема в печати поднималась, можно было не сомневаться: меры будут приняты, в деле разберутся, виновники понесут наказание.

Горбачевская «гласность» превратила наши печатные средства в обыкновенные дешевки - такие же, как на Западе, где каждый день пишут, к примеру, об ужасах секс-рабства в собственных странах, но никто и пальцем не шевельнет, чтобы с ним по-настоящему бороться: поохают над «жареными фактами» и разойдутся, до следующей статьи. Делать выводы или, боже упаси, к чему-то призывать журналистам в таких изданиях тоже «не положено»: это якобы «нарушит баланс и объективность». У наших советских журналистов- настоящих, конечно!- была совесть, была гражданская позиция, а не обтекаемая амебная «объективность», похожая на позицию Троцкого по Брестскому миру: «Ни мира, ни войны, а армию распустить!» и оставляющая любое зло как есть, нетронутым. Эта «объективность» напоминает мне сценку из моей любимой книги Кира Булычева:

«- Стыдно вам! - сказала Алиса. - У вас на глазах два здоровых мужика тащат мальчика, а вы от страха пытаетесь скрыть это преступление. - Я не хотел скрывать, но меня попросили. А может, у них есть право мальчиков носить?»¹⁰⁹

...А выпускной вечер продолжался, шел своей чередой. Когда он закончился - около 3 часов ночи - мы всем классом, естественно, пешком пошли через весь город в парк. В эту ночь парк был открыт - специально для выпускников со всего города, работал даже фонтан и все аттракционы, причем совершенно бесплатно! Мы гуляли там до рассвета, и я не увидела среди 17-летних вчерашних школьников полумиллионного города ни одного пьяного. Не было ни одной драки, не говоря уже о более худших вещах. Всем было хорошо и весело.

Ведь мы, школьники начала 80-х, еще не приобщились к «общечеловеческим ценностям» настолько, что не могли себе представить веселья без пьянки, секса и мордобоя.

Мы с Аллой пошли на «колесо обозрения», и когда наша кабинка на самой высоте закрипела и немного накренилась на одну сторону из-за ее веса, признаюсь, я здорово струхнула и немного пожалела о том, что выбрала в ее компании именно этот аттракцион! Но все обошлось: в советское время аттракционы смазывали и проверяли на безопасность регулярно. Мы парили над городом. С одной стороны небо было совсем еще черным, а с другой- уже неумолимо розовело восходящее солнце... Таким и запомнился мне последний день моего детства. Впереди была вся жизнь, полная, как я была уверена, чудес! Все дороги были мне открыты.

...Почему же этнография? Интерес к разным народам - не только африканцам! - желание узнать о них как можно больше и общее чувство интернационализма возникли у меня тоже в старших классах средней школы. Возможно, потому, что в нашем городе было очень мало людей любых других национальностей.

¹⁰⁹ К. Булычев «Сто лет тому вперед».

-Ребята, почему бы вам не записаться в какой-нибудь кружок в школе? - спросила как-то Тамара Петровна. Я подумала-подумала, посмотрела список кружков, которые у нас были - и решила подать в КИД. Клуб Интернациональной Дружбы. Велико же было мое удивление, когда я обнаружила, что на его заседания ходят только двое - я сама и руководящая клубом учительница.

-Женя, ты не расстраивайся! Ребята обязательно появятся!- сказала мне извиняющимся тоном Екатерина Александровна. - А пока вот, смотри, к нам в школу письмо пришло. Напиши этой девочке, а?

Девочку, написавшую письмо, звали Алина. Она была из Минска. Письмо было адресовано просто «ученице седьмого класса средней школы номер 5 города...» и рассказывало о самой Алине, о ее семье, чем она увлекается, и о ее городе.

М-да, ну и интернациональная дружба!... Минск был от нас не так далеко, и я даже как-то раз там бывала. Но я все равно ей ответила, и у нас с Алиной завязалась дружеская переписка.

Мне стало так интересно, что я и сама решила воспользоваться ее рецептом и начала писать в школы в других городах. А вскоре я уже поставила себе цель : найти друзей по переписке во всех союзных и автономных республиках нашей огромной и многонациональной страны. Мне было мало одних только концертов ко Дню Образования СССР по телевидению, которые я никогда не пропускала, и передачи «Творчество народов СССР» - я действительно хотела узнать, чем живет и дышит молодежь моей страны в разных её уголках, мои ровесники. Я хотела выучить по нескольку хотя бы самых простых слов на языках всех её народов, вплоть до ногайцев и селькупов. Я завела себе большую карту СССР, которую повесила над кроватью на стенке, отмечая на ней крестиками уже «охваченные» мною регионы. У меня и сейчас остались дома альбом с фотографиями всех моих друзей – коллективный портрет моей страны! - и эта коллекция писем, с трудом помещающаяся в чемодан. Конверт в то время стоил всего несколько копеек, примерно столько же, сколько пирожок с повидлом, и мы, школьницы, даже не задумывались о его цене. Цена, кстати, была одна на всю страну – вне зависимости от расстояния, и даже до Чукотки письма доходили за 5 дней. Переписка была практически

бесплатным удовольствием. Это сейчас наши люди даже родным не могут писать так часто, как им хотелось бы, даже перестали посылать друг другу открытки к праздникам - потому что им это стало просто-напросто не по карману!... Сейчас в России даже нет авиапочты.

Если отбросить письма из серии «мне писать нечего, пиши мне скорее!» (а были и такие), из моей коллекции можно многое почерпнуть о жизни 80-х годов в СССР. Я так и объясняла не в меру рьяной Тamarочке, все время порывавшейся их выбросить, чтобы очистить полку у себя в кладовке: «Это - исторический источник!»

Конечно, в любом источнике каждый ищет то, что подтверждает его видение мира. Например, сегодняшние «демократы» ухватились бы за письмо Элизы Чен из Таджикистана, рассказывающей, как «таджики дразнят нас (корейцев) «гибель Японии»» - в подтверждение их тезиса о том, что СССР был «тюрьмой народов». Хотя на деле речь шла об обыкновенной детской дразнилке, основанной на внешности человека. Ведь дразнят же, например, рыжих «рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой»?

У меня были подружки и в Чечено-Ингушской АССР - чеченки, ингушки и русские. Они учились в одном классе, вместе ходили в кино, отдыхали в одних пионерлагерях. Чеченка Фатима, моя ровесница, мечтавшая стать журналисткой, написала обо мне заметку в свою районную газету - в рубрику «Мы интернационалисты» (!). К моему смущению, она описывала там, какая я замечательная. А на оборотной стороне этой заметки, которую она мне прислала, была очень примечательная - в свете того, какой стала Чечня теперь- , заметка о 5-класснике, который принес в школу перочинный нож. Это было таким ЧП, настолько из ряда вон выходящим случаем, что вся школа, как теперь говорят, стояла на ушах. Парнишку чуть из школы не исключили. Какие уж там автоматы и бомбы, что вы! Был 1983 год... Разве могли мы тогда представить, что в Чечне будет война!

Меня удивило, что в дагестанском селе девочки занимаются на уроках физкультуры... в длинных юбках и в платках (но вовсе не возникло желание им это запрещать, которое так свербит в одном месте у современных «толерантных» европейцев!). Подружка Севиль из Азербайджана присылала мне ящики свежих фруктов. И даже с эстонками, латышками и литовками мы были вполне находили общий

язык. Они, как правило, таяли как только проявишь интерес к их культуре и языку, и я не могла понять, какие это там чурбаки из русских не могут, живя в этих республиках, такого интереса проявить. Трудно, что ли? Одна из эстонок, Анне с острова Сааремаа, побывала как-то с классом в Москве и не переставала удивляться: «Надо же, русские в Москве такие хорошие люди!» Среди моих друзей были не только школьницы, латышка Олита, например, была многодетной матерью старше меня лет на 15!

А какие славные девочки были у нас в Средней Азии! С Марал из Туркмении, присылавшей мне любимое туркменское лакомство – сушеную дыню – мы подружились так, что она писала мне даже когда мы обе уже вышли замуж – до тех пор, пока переписку нашу не прервала политика Туркменбаши... Марал была из семьи с 10 братьями и сестрами. Она после школы выучилась на медсестру зубного врача – а работать по специальности ей так и не пришлось: независимой Туркмении не по душе когда женщина работает... Джамия из Узбекистана была тайно влюблена в местного немца и спрашивала у меня совета на этот счет (как будто я могла что-то посоветовать!)

А Марина из Туапсе, сочинявшая удивительные истории про вампиров и призраков и уверявшая меня, что она сама – ведьма! Марина была чешкой – оказывается, у нас на Северном Кавказе есть целые чешские деревни, еще со времен Екатерины II. А Таня из Киева, которая была лично знакома с самим Дином Ридом! А девочки коренных народностей Севера – ненки, якутки, эвенки, нанайки, чукчи, коряки и даже нивхи!

Но по большому счету, несмотря на все это разнообразие, жизнь шла везде похожая: спокойная, размеренная, как река Волга, без страха за будущее.

Единственным человеком, который меня, наверно, тихо возненавидел из-за моей переписки, была наша почтальонша тетя Лида. Она носила сумку с почтой через плечо, без всякого тебе велосипеда, в любую погоду, зимой и летом. Чтобы вы представили себе, как я загружала бедняжку, скажу, что мне иногда приходило до 10-15 писем в день!

Советский почтальон вообще был человеком загруженным: большинство семей подписывались на 3-4 газет и столько же журналов

на весь год, и все их разносил тоже почтальон. Наш народ недаром был самым читающим в мире. Одна я только в нашей семье получала по почте «Юный натуралист», «Пионер», «Костер», «Пионерскую правду», «Корею сегодня» и «Азию и Африку сегодня!» Годовая подписка на самую дорогую из газет – «Правду», выходящую 7 дней в неделю - стоила около 8 рублей. Все остальные - наш любимый «Труд», «Советская культура», «Известия», «Советский спорт» - были еще дешевле. В эту сумму входила уже и цена доставки! Подписка начиналась обычно в сентябре, у людей на работе, но можно было ее оформить и просто на почте. Вокруг нее каждый год царил ажиотаж. Потому что на некоторые пользующиеся особым спросом журналы был лимит. Вот что пишет об этом Кара-Мурза: «Плодом аутистического мышления был и созданный воображением интеллигентов образ той свободы, которая наступит, как только будет сломан «тоталитарный» советский строй. Никаких предупреждений о возможных при такой ломке неприятностях и слышать не хотели. Между тем любой реалистично мыслящий человек знает, что любая конкретная свобода возможна лишь при условии наличия целого ряда «несвобод». Абсолютной свободы не существует, в любом обществе человек ограничен структурами, нормами - просто они в разных культурах различны. Но эти вопросы не вставали - интеллигенция буквально мечтала о свободе червяка, не ограниченного никаким скелетом.... Вспомним, что в 1988 г. большая часть интеллигенции посчитала самым важным событием года акт свободы - «снятие лимитов на подписку». Этому мелкому акту было придано эпохальное значение. Что же получил средний интеллигент в итоге? Напомню молодым: при дешевых ценах в СССР были лимиты на подписку газет и журналов, квоты давались по предприятиям, иногда люди тянули жребий. Для интеллигенции это было символом тоталитарного гнета. Она просто не желала видеть: сама вошедшая в традицию потребность выписывать газеты и толстые журналы была порождением советского «тоталитаризма». И средняя культурная семья выписывала 3-4 газеты и 2-3 толстых журнала - ничего похожего и быть не может на свободном Западе.. . «Литературная газета» выходила тиражом в 5 млн. экземпляров! Убив «тоталитаризм», интеллигенция доверила новому режиму чисто рыночными средствами наложить такие лимиты

на подписку, что на 1997 г. «Литературная газета» имела лишь 30 тыс. подписчиков! Демократические журналы выходят лишь благодаря фонду Сороса, тираж «Нового мира» упал с 2,7 млн. в советское время до 15 тыс. в 1997 г.»¹¹⁰

Так или иначе, но тетя Лида никогда не жаловалась на тяжелые сумки. Только смеялась: «Сегодня у меня для тебя аж 20 штук! В ящик-то влезут? Держи!» Та же тетя Лида разносила всем пенсионерам нашего квартала по домам пенсию, все знали, в какой день месяца, и на нее ни разу, за все 20 лет, что я ее знала, никто не напал, чтобы ограбить! Дедушка обычно давал ей с пенсии «чаевых»: округлял сумму, а избыток отдавал тете Лиде – «за труды».

Ответы на письма было особенно хорошо писать во время болезни. Я устраивалась в постели поудобнее, набиралась вдохновения и бралась за авторучку... Тем, кто писал мне письма длинные и интересные, я старалась отвечать тем же.

...Антилец Сонни Зомерберг тоже был моим пен-френдом. Только уже потом, когда я заканчивала учебу в институте. Мама еще не предупреждала меня тогда, что нормальные мужчины не пишут писем. После начала горбачевщины мои письма стали наконец-то доходить и за рубеж, и я буквально утонула в лавине посланий от les jeunes Algeriens¹¹¹, филиппинцев и пакистанцев. Встречались среди новых знакомых по письмам и африканцы, но не так много. Запомнилось почему-то имя из Гамбии - Карамба Мамбабай.

К тому времени я уже побывала в Голландии, и мое желание увидеть остальной мир стало почти непреодолимым. Сонни прислал письмо из голландского города Энсхеде, где он учился. «Я совершенно ничем не похож на голландцев!»- честно предупредил он меня. В этих его словах чувствовалась гордость.

Мы впервые встретились через год - в доме моих амстердамских голландских домохозяев, которые пригласили меня приехать к ним снова. Сонни, уроженец острова Кюрасао, оказался совершенно не таким, как я его себе представляла. Прежде всего, я, привыкшая к тому времени к стилю общения африканских мужчин, была приятно поражена его скромностью. Это был высокий (но не пожарная каланча,

¹¹⁰ С. Кара-Мурза. «Манипуляция сознанием»

¹¹¹ молодых алжирцев (фр.)

как голландцы!) тихий и неприхотливый молодой человек с очаровательной застенчивой белозубой улыбкой и цветом кожи молочного шоколада. У него были необыкновенные глаза - продольные, какой-то удивительной миндалевидной формы. Потом уже я убедилась, что это наследственная черта всех в его семье с отцовской стороны: они латиноамериканские индейцы (бабушка Сонни родом из Колумбии). С материнской стороны семья Сонни - афро-карибцы. В наших школьных учебниках географии таких, как он, называли самбо.

Помню, как мы гуляли по Амстердаму и вместе ели *patatje oorlog*¹¹². Сонни очень понравился мне, и я этого не скрывала. Но после первой встречи я решила больше не видеться с ним - и именно потому, что он мне так понравился. Мне ведь предстояло возвращаться домой, и я очень боялась к нему привыкнуть....

У меня была виза на 3 месяца, и я уехала от своих хозяев из Амстердама, чтобы не очень им надоедать, и начала разъезжать по стране, стремясь успеть побольше за это время увидеть. Останавливалась я и у разных других своих знакомых. Пару дней прожила на ферме у выращивающих цветы и очень верующих голландцев (никогда в жизни еще не видела, чтобы люди за столом перед едой молились!), которые жили неподалеку от Амстердама, но из принципа не пускали туда своих детей, даже на день. Потом где-то неделю прожила в рабочей семье в небольшом городишке около Утрехта. Вот где я впервые поняла, что совсем еще Голландию не знаю! До этого все голландцы представлялись мне такими же утонченно-рафинированными культурными людьми, как мои амстердамцы (жена-работник музея из еврейской коммунистической семьи, муж- математик и остро слов и две прелестные девочки, одна занималась балетом, другая играла на арфе!). Рабочая семья из 3 человек - мама, папа и взрослый сын - курила день и ночь напролет, питалась почти исключительно приносными из китайских ресторанов жирными обедами, а свободное время проводила в прогулках по дешевым магазинам. Они никогда не путешествовали: «А зачем? У нас

¹¹² Patatje oorlog – жареная картошка, политая майонезом, кетчупом, соусом карри, арахисовым соусом и посыпанная луком.

в городке все есть!», не читали книжек и не ходили в театры. Юмор у них был грубоватый и плоский. Мама обрадовалась было, думая, что можно «спарить» меня со своим сыном, веселым здоровяком по имени Маринус, который приходил с работы весь с ног до головы в стружках - мое мнение при этом даже не спрашивалось, они считали само собой разумеющимся, что любой иностранец просто спит и видит, как бы в Голландию переселиться. Но когда какой-то более образованный родственник объяснил ей, насколько трудно мне будет в Голландии остаться (могу только догадываться о чем они говорили, ибо голландского я тогда не знала!), она как-то сразу скисла, и когда я уезжала от них, то с удивлением заметила, что она, оказывается, вытащила у меня из чемодана все подаренные ею мне поношенные платья, и даже те, которые подарила не она сама, а двоюродная сестра Маринуса. Боже мой, ну и страна! Куда это я попала?

Когда я вернулась в Амстердам, то хозяева огорошили меня тем, что Сонни в мое отсутствие, оказывается, названивал им каждый день в поисках меня. Я попробовала ему перезвонить (он жил в общежитии), но соседи сказали мне, что его уже несколько дней нет дома. Тогда я взялась за свою почту и обнаружила письмо от Сонни, в котором он... просил моей руки! «Ты удивительная, не такая, как все, *dushi!*¹¹³, я мечтал о такой всю жизнь! Я больше не хочу быть один. Пожалуйста, выходи за меня замуж!»

Как и Донне Розе Д'Альвадорес, мне еще никто никогда такие предложения не делал. Я была в полном замешательстве. Мне было 23 года. Ему тоже. Я уже закончила вуз, он еще учился. Сонни был мне очень симпатичен. Отказать? Но разве не буду я потом всю жизнь жалеть, если это сделаю? Согласиться? Но ведь я его так мало знаю... С другой стороны, разве не так делают предложения в книгах и романтических фильмах? Золушка с принцем тоже не были долго знакомы... Сказать ему что мало знаю его? А вдруг он обидится? Да и как мне узнать его получше, если мне надо скоро уезжать, а еще раз приехать сюда я уже вряд ли смогу (мы и так потратили на эту поездку значительную часть бабушкиных сбережений!)? «С одной стороны, с другой стороны...» Прямо-таки не Женя, а молочник Тевье!

¹¹³ Dushi (ударение на «у») – ласкательное слово на папиаменто, милый/ая, дословно «сладкий/ая».

Совьетика Часть 1

В этот момент моих раздумий в дверь позвонили. На пороге стоял он – с такой невыразимой надеждой во взгляде! У Сонни было такое лицо, словно он неделю не спал. Увидев свое письмо у меня в руках, он только выдохнул:

- Ну что? Что ты решила, *dushi*?

Я посмотрела на него еще раз и неожиданно для самой себя – уж слишком все это было похоже на сказку! - сказала:

- Да. Да!

И когда я согласилась, как это ни глупо, но моей первой мыслью было: «Я теперь каждый день буду слышать родной язык Бобби! Я научусь на нем говорить!»

I si, awor mi por papia na Papiamento i mi ta komprende mas o menos tur kos.¹¹⁴ Другое дело- сделало ли меня это счастливой...

¹¹⁴ И да, теперь я могу говорить на папиаменто и понимаю более или менее все (папиаменто).

Глава 5. Остров моей мечты

«Lanta nos bos ban kanta

Grandesa di Kòrsou;

Kòrsou isla chikitu,

baranka den laman!

Kòrsou nos ta stima bo

ariba tur nashon.

Bo gloria nos ta kanta

di henter nos kurason»¹¹⁵

(Нац. гимн Кюрасао)

Дальше все действительно напоминало фильм. По крайней мере, в первые два года.

Я забрала свои вещи. На улице нас ждала машина, на которой Сонни приехал - подержанный драндулет с кудрявым симпатичным водителем латиноамериканской внешности. Глаза у него были, как выражалась моя подруга Лида Басина о своем любимом азербайджанце по имени Нариман, «как две мокрые сливы.»

- Это мой друг детства, Эйдан, - сказал Сонни. - Он живет в Роттердаме. Последние две недели я провел у него потому что больше просто не мог сидеть дома. Знаешь, я так переживал из-за тебя, что почти забросил учебу...Мне было уже все равно.

Эйдан приветливо кивнул - и повез нас к себе в Роттердам. Дорогу я совершенно не помню, потому что всю дорогу мы с Сонни не отрывали друг от друга глаз. Мы сидели на заднем сиденьи, и для нас в тот момент не существовало больше никого и ничего в мире... Эйдан

¹¹⁵ Давайте все вместе воспоем величие Кюрасао / Кюрасао - маленький остров / Скала в море / Кюрасао, мы тебя любим / Превыше всех наций / Мы поем тебе славу / От всего своего сердца (папиаменто).

Совьетика Часть 1

время от времени поглядывал на нас в зеркало и понимающе улыбался.

Эйдан тоже был антильским студентом и жил неподалеку от роттердамской станции метро «Зевенкамп» - в квартире, которую он делил с еще одним антильским студентом: чернокожим парнем, носившим почему-то немецкое имя Зигфрид. С Зигфридом жила еще его подруга, тоже антильянка. У них был грудной ребенок. Когда мы к ним приехали, ребенок этот как раз перебалывал ветрянкой, и Зигфрид уже тоже заразился от него.

-Смотрите, ребята, не заразитесь от Марлона!- предупредил он нас, укачивая малютку на почтительном от нас расстоянии. Я заверила его, что он может быть спокоен: ветрянкой я переболела еще в первом классе!

Я окунулась в совершенно новую для меня культуру: в доме весь день звучали непривычные для моего уха сальса и меренге, вкусно пахло фаршем, тушеным с черносливом и подливкой из ворстерского соуса, а жильцы ходили по комнатам, пританцовывая. Папиаменто оказался мелодичным языком, похожим на испанский.

Сонни и я оба были смущены ситуацией и нахлынувшими на нас чувствами. Но это было приятное смущение. Следующие несколько дней мы, пожалуй, были самыми счастливыми людьми на свете!

Сейчас, глядя на наши отношения с высоты прожитого, я понимаю, что дело было даже не столько в том, что мы мало знали друг друга, сколько в том, что мы оказались вместе в значительной мере потому, что оба искали человека, который соответствовал бы сложившемуся у нас образу Идеала. О моих идеалах вы уже слышаны. Я почему-то автоматически считала, что умный, образованный, не из олигархов и с душой молодой человек из колониальной страны не может быть иначе, как ее патриотом и сторонником ее независимости (тем более, что Сонни уже дал мне понять, что голландцы были ему неприятны - и на тот период у него это чувство было гораздо сильнее, чем у меня самой). Почти ту же ошибку, судя по ее словам, совершила в свое время моя мама, выходя замуж за моего отца: «Я не представляла

себе, что отличник может быть дураком по жизни!», как она по этому поводу выразилась...

Сонни искал просто симпатичную темноволосую белую девушку, воспитанную в традиционных ценностях, я - чернокожего революционера. Оба вообразили себе, что наконец-то нашли того, кого искали. Вот так мы и оказались вместе... На самом же деле - он вовсе не был революционером, а мои традиционные ценности хотя и были ближе к его, чем к голландским, все-таки существенно отличались от них. А еще - теперь я хорошо понимаю, что мы оба были и просто слишком молоды для удачного брака. В молодости человеку свойствен не только максимализм в его оценках и ожиданиях, но и острые приступы отчаяния, если жизнь - или другой человек, на которого он решил в этой жизни положиться - не совпадает с его ожиданиями и надеждами. Без умения прислушиваться к другому и кое в чем иногда ему уступать (но если такие уступки становятся постоянными и односторонними - хотя бы даже с целью сохранения мира в семье -, такой брак обречен тоже...).

Но мы были юны, верили в чудеса и в любовь до гроба, и сам черт был нам не страшен! За те несколько дней, что мы провели вместе в Роттердаме, я окончательно в него влюбилась.

Через пару дней мы решили, что пора и честь знать, попрощались с гостеприимными хозяевами (в отличие от голландцев, они не рылись в наших сумках в наше отсутствие!) и поехали к Сонни в Энсхеде. У меня скоро кончалась виза, и надо было решать, что же делать дальше. У Сонни на носу были экзамены.

...Едва ли есть в Нидерландах более скучный, сонный и отталкивающий городишко, чем Энсхеде. Разве что Алмело может поспорить с ним по этим качествам. Энсхеде находится на самом восточном краю страны, до германской границы отсюда можно пешком пройти по рельсам (только по рельсам дисциплинированные голландцы, само собой, не ходят!), и у многих жителей здесь имеются немецкие родственники. Чем объясняются такие негативные чувства, вызываемые этим городом, трудно однозначно выразить словами, но я не единственная, кто такого о нем мнения. Знаю голландцев, которые прожили там больше 20 лет, а к Энсхеде так и не смогли приобрести симпатий. Вроде бы все здесь как везде – торговые центры, магазины «Хема» и «Зееман» ,базар по субботам, даже фонтан в центре и даже

свой университет - Твенте, - а не проходит ощущение какой-то глубокой дремучести. Единственное, что скрашивает его в хорошую погоду - это природа. Вокруг Энсхеде раскинулись суровые леса, так нетипичные для плоских и «лысых» Нидерландов. В них даже растут настоящие белые грибы - те самые, от которых Сонни охватывал такой панический страх, когда я жарила их с картошкой..

Сонни жил за городом, посреди леса, в одном из похожих по форме на пирамидки общежитий, разбросанных по этому лесу не хуже грибов. Это был студенческий кампус местного университета. До города оттуда надо было добираться автобусом, автобусы ходили редко, а по воскресеньям - так вообще почти не ходили, что очень удивило меня. У нас в СССР не было такой большой разницы в расписаниях по дням недели, да и билет в два конца у нас стоил ровно вдвое от цены билета в один конец, а не так, чтобы два билета в один конец были дороже билета туда и обратно, как здесь. Не только позорно редкое расписание, но и цены на билеты были такими, что я не выдержала и спросила Сонни, как же студенты вообще добираются до города! «А на велосипедах», - ответил он. Это в любую погоду. До города было километров 8...

А еще где-то в окрестных лесах пряталась натовская воздушная база, и выспаться в будние дни в кампусе не было ни малейшей возможности: рано с утра над общежитиями с диким грохотом и свистом, как драконы, низко, на бреющем, начинали летать F-16. По 5 дней в неделю. Слава еще богу, что не по выходным. Помню, как поразило это меня: нам тогда уже который год подряд внушали, что у нас с Западом – «мир, дружба, жвачка» , и соответственно наши истребители давно уже перестали практиковаться ежедневно, а натовские - все летали, будто готовились к войне с кем-то. Как мы теперь знаем, так оно и было...

Сонни жил в небольшой комнатке с балконом почти на самом веру одной из пирамидок и почти на самом краю кампуса. Даже до автобусной остановки отсюда надо было идти минут 20 через лес. Велосипед у Сонни был один, и мне приходилось ездить сидя на багажнике, свесив ноги на одну сторону и держа его одной рукой за талию. Сначала с непривычки было довольно страшно, особенно от того, что надо было внимательно следить, когда Сонни затормозит на

красный свет, чтобы вовремя с багажника прыгнуть. Но постепенно я привыкла и балансировала на нем уже как профессиональная циркачка.

В первый же день, когда мы приехали, Сонни позвонил из общежития своим родителям на Кюрасао и сообщил им о наших намерениях. Естественно, как любые нормальные родители, они оказались от этого, скажем, не в восторге. Сонни был старшим ребенком в семье, единственным сыном и единственным, кто доучился до университета. Понятно, что родители гордились им и возлагали на него большие надежды.

- Они говорят, что я слишком молод для того, чтобы жениться!- смущенно пояснял он мне, - Но я им все объяснил. У нас ведь нет другого выхода. Если мы не поженимся, тебе надо будет уезжать...

Сонни был неприхотлив в быту; как и меня, одежда его особенно не интересовала. Он носил свитера и джинсы. Комната его была полна предметов, типичных для юноши- технаря: какие-то паяльники, провода, компьютер и еще пара сувениров времен его детства. Потом уже его мама рассказала мне, что он всегда была таким скромным в своих запросах: будучи подростком, на выходные получал от родителей деньги – «Сонни, сходи в город, на дискотеку или еще куда!»-, брал их, уходил, а через некоторое время возвращался обратно, так ничего и не истратив. На детских фото его - пухленький чернокожий мальчик с индейскими глазами, который везде таскает с собой маленькое переносное радио...

В первую ночь в Энсхеде мы практически совсем не спали, зато потом отсыпались весь день...

На следующий после этого день мы пошли в полицию для иностранцев - выяснять, что делать с моей визой. Прием нам оказали ледяной. Хотя до появления на голландской политической сцене Пима Фортауна¹¹⁶ было еще больше 10 лет, и вслух выражать свое негативное отношение к иностранцам еще не полагалось, а русские тоже тогда еще были в этой стране почти музейной редкостью, на лице у мейфрау Фаркен¹¹⁷ (я не помню ее настоящей фамилии, но она была этому созвучна; это я ее так прозвала, когда начала учить

¹¹⁶ Pim Fortuyn – голландский политик-крайний националист (1948-2002)

¹¹⁷ Varken – свинья (голл.)

Совьетика Часть 1

голландский) - женщины-полицейского, которая с нами беседовала, была написана такая брезгливость, такое «*ходят тут всякие, а потом галоши пропадают*», что даже не зная голландского языка, я поняла, что дело плохо...

-Почему вы хотите выйти за него замуж?- спросила эта самая мефрау Фаркен меня по-английски. Я опешила от такого вопроса. Неужели непонятно?

- Потому что я его люблю!

Она закатила глаза к небу: мол, мало того, что сами приезжают (Сонни был голландский гражданин с рождения, но, конечно, всякий за версту видел, что он не был этническим голландцем), так еще и женщин себе привозят из других стран!- но сказать вслух ничего не могла. (Представляю, как она сегодня отводит душу, голосуя за какого-нибудь Герта Вилдерса или за Риту Фердонк¹¹⁸). Мне было очень обидно: я ничего плохого этой стране не сделала, на шее ни у кого сидеть не собиралась, намерения у меня были самые лучшие, в том числе и насчет интеграции, языка и уважения к коренному населению. А они со мной так... Но обида была не самым страшным - я теперь по настоящему, смертельно боялась потерять Сонни и оказаться с ним разлученной! Мефрау Фаркен сказала, что для продления визы мне будет нужен спонсор - человек, который письменно возьмет на себя за меня ответственность: например, заплатит за меня в том случае, если я кому- то вышибу окно. Вышибу окно?? Я уставилась на нее, совершенно ничего не понимая. С какой это стати я буду вышибать здесь кому-то окна?

Сонни не мог быть моим спонсором потому что у него, как у студента, был недостаточный для этого уровень дохода. Тогда я позвонила своим амстердамским домохозяйевам (больше мне просить здесь было некого), объяснив им в чем дело - ведь отношения у нас уже были очень дружеские и близкие, я прожила у них несколько месяцев еще во время первого визита, мы прекрасно провели то

¹¹⁸ Geert Wilders, Rita Verdonk- голландские националисты- популисты

время, столько всего делали вместе; я даже мыла им посуду и играла с их девочками, а они водили меня по музеям и театрам... И согласились же они прислать мне после этого приглашение на еще один раз, в котором тоже брали на себя какую-то за меня ответственность! И ведь я же ничего не раскокала и не разломала в Голландии за все это время. Я по-настоящему привязалась к ним и считала их чуть ли не вторыми своими родителями.

Их ответ огоршил меня до такой степени, что меня будто обухом по голове ударили. Будучи само дружелюбие как обычно, они сказали мне примерно следующее: «Ты извини, но мы этого сделать не беремся. Но *ты потом не забудь, позвони нам и расскажи, чем вся эта история закончилась*»!

Немая сцена. Да люди ли это вообще передо мной? Или какие-то бездушные машины?

Мы вышли из полиции несолоно хлебавши. Накрапывал мелкий, противный дождь. А дома Сонни обнаружил у себя на животе сыпь: оказывается, он подхватил-таки ветрянку от малютки Марлона! У него началась температура, я мазала его захваченной с собой из дома зеленкой (которая привела его в ужас - в Европе никто не видел ничего подобного!), и мы оба горько навзрыд плакали, заключив друг друга в объятия сидя на его раскладушке. Да, вот это действительно любовь!!!

-Я не хочу тебя потерять, dushi!- всхлипывал Сонни.

- Что нам делать? За что они нас так? - вторила ему я.

А наутро он решительно сказал:

- Мы им так просто не сдадимся. Идем на прием к адвокату!

Помню дорогу к адвокату - на багажнике велосипеда; как скрипели Соннины колеса и как стучало от страха мое сердце. А что если и адвокат скажет нам, что у нас нет никаких шансов?

Адвокат- милая молодая женщина - не стала задавать глупых вопросов о том, почему мы хотим пожениться.

- У вас есть выход, - убедительно сказала она. - В полиции тоже должны знать эти законы; позор им, что они такие некомпетентные! Вам, - кивнула она мне, - надо будет написать письмо своим властям с просьбой дать Вам справку, что Вы не замужем.

-У нас не дают таких справок, - напугалась я,- у нас вместо этого есть внутренний паспорт, в котором отводится специальная страничка для регистрации брака. Если она пуста, значит, человек холост или не замужем. Вот, смотрите, у меня есть его копия.

-Хм... Я вам верю, но у нас тут им этого не объяснишь. Они уверены, что во всех странах такие же законы как у нас, и соответственно такие же документы, и переубедить их вам не удастся.

(Оказалось, и правда, не объяснишь... Это было моим первым серьезным культурным шоком в Голландии. У нас объяснить все-таки можно, в зависимости от того, на кого нападешь. Например, после первой поездки в Голландию мне надо было получать обратно свой внутренний паспорт, который у меня отобрали в Министерстве образования когда выдавали загранпаспорт на поездку. Для того, чтобы его получить, надо было сдать анализ крови на СПИД (правильно, откуда еще берется у нас всякая зараза?). Анализ сдала без проблем - но в клинике нашего вуза, которая его брала, такие анализы делали только анонимно. А мне нужна была справка, что у меня нет СПИДа, с моими именем и фамилией! Я попросила сообщивших мне эту радостную весть медиков о такой справке.

- Мы не можем вам ее дать, анализ проводили в другом месте, так что мы не можем брать на себя за него ответственность! - абсурдно заявили они мне.

И тогда от чистого отчаяния я села на пол и заревела:

-Мне нужен паспорт! У меня два месяца осталось до защиты диплома, а я даже в библиотеку без него записаться не могу!

Женщинам стало меня жалко, мне принесли воды - и придумали, как выйти из ситуации: дали справку с именем и фамилией, но написали, что анализ делали не они сами, а лаборатория номер такой-то.... «И всего делов»!

Когда я попробовала тот же самый метод в Голландии, реакция оказалась совершенно непредсказуемой. Голландские клерки не привыкли сталкиваться с живыми человеческими эмоциями и совершенно не знали, как им себя в таком случае вести. На их лицах был написан голый ужас. Но они, уткнувшись в книгу с инструкциями, продолжали еще яростнее бубнить:

- Но, мейфрау, согласно правилам... согласно параграфу такому-то статьи такой-то...

Их реакция была похожа на хоровое пение скаутов, старательно отворачивающихся от висящего на дереве Урбануса – чем громче он звал на помощь, тем громче они пели, чтобы его не слышать.¹¹⁹

Какие тупые, слушай!...

...- А что же тогда делать?

- Если в течение 3 месяцев на Ваше заказное письмо не придет ответа, то тогда можно будет явиться в суд с 4 свидетелями, которые подтвердят, что знают Вас, и что то, что Вы говорите о себе - правда, в том числе ваше семейное положение. После этого вы можете подавать заявление в загс. А пока я напишу вам письмо в полицию, чтобы вам на время, пока все это будет выясняться, продлили визу....

Мы так и сделали. Я послала письмо в наш городской загс, внутренне замирая от ужаса: тогда выходить замуж за иностранца у нас, мягко говоря, не приветствовалось. Еще существовали выездные

¹¹⁹ Имеется в виду сцена из бельгийского комедийного фильма «Коко Фланель»

визы, а я поехала в частную турпоездку и теперь вот не возвращалась... Как я и ожидала, ответ пришел, и как я и ожидала, он был бесполезным: «если вам что-то нужно, приезжайте домой, и мы вам тут все оформим.» Но я уже была готова к такому повороту событий и заранее решила, что в таком случае просто умолчу, что ответ мне пришел. Пройдет три месяца, и я скажу, что ничего не получала. Так я и поступила.

...Постепенно все утряслось, Спонсировать меня согласился после долгих уговоров зажиточный дядя Сонни, который тоже жил в Голландии. Четырех свидетелей Сонни нашел среди своих друзей. Мы уже назначили даты помолвки (*ondertrouw*) и самой свадьбы, и тогда я послала домой письмо:

«Мама, у меня на полке лежит альбом с фотографиями моих друзей по переписке. На четвертой странице есть там такая большая цветная фотография, а под ней надпись - Сонни Зомерберг, Кюрасао. Я выхожу за него замуж через месяц.»

Фотография, наверно, была не самая хорошая... Потому что мама всю ночь проплакала над ней.

Мы поженились в мае. Говорят, что это плохая примета: « всю жизнь маяться». Да и мои собственные родители тоже сыграли свадьбу в мае и довольно быстро после этого расстались. Но я не верила в приметы.

Ден был светлый, теплый, почти летний. Вокруг Сонниного общежития бурно цвели пурпурные рододендроны. Гостей у нас как таковых не было - только наши свидетели, моя амстердамская подружка Катарина - эффектная библиотечкаша родом из Лимбурга, любящая суринамцев (первое, что она сказала Сонни при знакомстве, было: «*Aangenaam! Wat heb jij een lekker klein kontje!*»¹²⁰ Я чуть не провалилась со стыда. «Катарина! Я за этого человека замуж сегодня выхожу!») и друг Сонни Шарлон - высокий, похожий на американского баскетболиста. На следующий день с Кюрасао должен был прилететь отец Сонни.

Я надела единственное бывшее у меня с собой в Голландии белое миди-платье, Сонни – единственный имеющийся у него костюм, с пиджаком светло-голубого цвета, и мы отправились в муниципальный

¹²⁰ Очень приятно. Какая у тебя красивая маленькая попка! (голл.)

заг. *На рейсовом автобусе!* Народ косился на нас. Катарина спросила, не нужны ли мне цветы. «Нет, нет, пожалуйста, не надо!»-отчаянно завопила я. Мне казалось признаком какой-то женской слабости если тебе дарят цветы. Мне было бы очень стыдно, если бы мне их подарили.

В муниципалитете нас встретили , в отличие от полиции, радушно. Даже пригласили для меня переводчицу: чуть полноватую темноволосую голландку в сильно мятом платье, по имени Генриэтта, которая, судя по всему, очень сильно нервничала. Оказалось , что она свободно говорит по-русски, но так как у нее не было нужды пользоваться этим языком много лет, она боялась, что многое позабыла. Временами Генриэтта краснела и говорила мне по-русски вместо перевода:

- Ну, Вы же и так сами все понимаете, правда?

... Я несколько раз просыпалась в ту ночь, пока Сонни спал. Все думала над своим новым статусом замужней женщины, все никак не могла к нему привыкнуть и поверить, что самое страшное уже позади, и что больше нас с ним никто не разлучит.

И, конечно же, я понятия не имела, что человек, который когда-то станет для меня таким дорогим, к тому времени уже почти полтора года сидел в английской тюрьме...

Праздник быстро закончился, и наступили будни. За месяц до бракосочетания мы переехали из одной комнатки в двухкомнатную квартиру на первом этаже одного из общежитий, с окнами, выходящими на лес сзади. Это делалось не от хорошей жизни, а по требованиям полиции, которой надо было доказать, что у нас достаточно квадратных метров на человека. Из огромных окон можно было выходить и входить в них (кажется, это называется «французские двери»), и мы так и делали. Они даже на ключ запирались как двери. Зал был такой просторный - хоть на велосипеде катайся. У нас даже не было мебели, чтобы его заставить. Кухня - в глухом уголке без окон. Стены выкрашены в модные еще в 70е годы оттенки: например, ярко-красный!

Я и не заметила как пришло лето - первое лето в моей жизни, когда я не могла заниматься тем, чем хочу. Для курсов голландского надо

было ждать сентября. Работать было нельзя без разрешения на работу, которое пришлось ждать 8 месяцев - самые фрустрирующие месяцы за всю мою жизнь! Заняться чем-то еще не было денег. Даже на то, чтобы хоть раз в месяц съездить в Амстердам. Их едва хватало на еду. За продуктами мы ездили раз в неделю на велосипедах в соседний Хенгело (Сонни по дешевке купил мне подержанный велосипед). Рядом с общежитием был магазинчик, но он был для нас слишком дорог. Питались мы исключительно в «С1000» и «Альди». «Альберт Хейн»¹²¹ был уже вне поля нашей досягаемости... Копченую колбасу, которую мне бабушка-казачка в детстве возила батонами, здесь можно было только понюхать. Даже отправить письмо домой означало отказать себе в чем-то из съестного. Я себе не привыкла отказывать по мелочам в еде - не потому что я была дочкой миллионеров, а потому, что у нас так жило большинство населения. Ассортимент того, что мы с Сонни могли позволить себе здесь купить, был еженедельно строго ограничен. 1 pakje cocosbrood, 1 rookworst per week¹²² - и далее по списку. Сонни следил за его соблюдением - не потому что он был жадным голландцем, а потому что одна только квартплата съедала половину его стипендии. Было ужасно стыдно и противно выпрашивать у него лишнюю шоколадку или beleg¹²³. Так стыдно, что я вскоре перестала это делать. Утешала только мысль, что так будет не всегда... Ну, не может же быть так, чтобы два человека с высшим образованием всю жизнь прожили на хлебе и воде!

Очень вкусные обеды были в университетской менсе, причем можно было докладывать себе добавки из салатов, но даже это было нам не по карману. Один обед - 5 гульденов. 10 на 1 один день - на двоих, 70- в неделю, а ведь это только обед, не завтрак и не ужин...

Мы перешли на «диету» из бутербродов с арахисовым маслом, и мне вспомнилось, как голландские студенты, побывавшие у нас в Москве, хотели оставить нам недоеденные полбанки этого самого масла. Мы брезгливо поморщились, но отказывать гостям было невежливо. Однако морщиться даже и не понадобилось: через полчаса

¹²¹ Голландские супермаркеты

¹²² 1 пакетик кокосового хлеба и 1 копченая колбаска на неделю (голл.)

¹²³ Начинка для бутербродов (голл.)

они передумали нам ее дарить и взяли свои полбанки обратно с собой в Голландию!... Если бы я не видела этого своими глазами, ни за что не поверила бы.

Мы, советские студенты, конечно, высмеяли их: таким позорно-мелочным было для нас, не знавших голода, это скупердяйство. Если кто-то из нас голодал - ну, например, потому что не успел в магазин до закрытия или не рассчитав, потратил стипендию на походы по театрам, всегда находился кто-то из друзей, кто его угощал, и безо всякой задней мысли. Индивидуалисты-едоки у нас презирались. Поел сам – передай товарищу! Одна девочка из Нарьян-Мара, дочка какого-то большого тамошнего (русского) шишки, имела привычку есть присланную ей морошку под одеялом по ночам, ни с кем не делаясь. Громкое чавканье выдавало ее. Мы до такой степени возмутились подобным нес советским поведением, что на следующий день все купили по яблоку и синхронно со вкусом начали их грызть как только она погасила вечером свет! Кажется, после этого до нее дошло...

Но напряженка с питанием в Голландии была еще не самым страшным!

Впервые в жизни я несколько месяцев подряд ничего нового не читала. Это была самая изощренная пытка, которую только можно было придумать! Я почти физически чувствовала, как тупею, потому что мозг не получает новых знаний, нового интеллектуального импульса - чувствовала и не имела возможности ничего с этим поделаться! Сонни записал меня в городскую библиотеку, но и там надо было платить, Абоменент на год стоил 25 гульденов. Мы питались на 50 в неделю на двоих. За каждую книжку тоже надо было отдельно приплачивать. Особо не считаешься! Проходить мимо книжных магазинов вообще стало чем-то из сферы изобретенного инквизицией. Годовая подписка на один паршивый журнал, единственное, что можно было почерпнуть из которого - это молодежный голландский сленг и ругательства, стоила столько же, сколько наш провиант на двоих на полмесяца. Оставалось только смотреть с утра до вечера идиотские игры по телевизору - дешево и сердито. Голландский язык я начала учить по «Priijzenslag» Ханса Казана: ««Kom maar naar bedenen en sla je slag!»¹²⁴ Меня поразили лица играющих: их буквально животные вопли

¹²⁴ Голландский вариант «Поля чудес»

радости при выигрыше какой-нибудь фиговины. В моем представлении, вести себя так было недостойно звания человека. Ведь это всего-навсего вещь!

То лето было жарким, долгим - и ужасно бессмысленным. Можно было спать хоть весь день, но не хотелось. Единственное развлечение - пойти в лес за грибами, но как отнесся к этому Сонни, я уже говорила. Да здесь даже и прогулки в лесу были не те - с тех пор, как я в глухом сосновом бору натолкнулась на табличку: «Частная дорога! Не ходить!» Господи, прямо какие-то средние века! Еще бы поставили часового - брать мзду за проход.

...Вскоре с нами поселился и папа Сонни, пожилой сеньор Артуро. Он приехал в Голландию не от хорошей жизни, как и большинство антильцев (как в нее вообще можно добровольно захотеть поехать от жизни хорошей!): несколько лет назад его хватил инсульт.

После этого сеньор Артуро не смог больше работать, а пенсия по инвалидности на Кюрасао, как и все социальные пособия, была такая мизерная, что на нее невозможно было прожить. Вот тебе и одно и то же государство с Нидерландами официально... И тогда сеньор Артуро решил временно переехать к сыну в Нидерланды и перевезти туда свою семью - пока у него не наступит нормальный пенсионный возраст (в Голландии- 65 лет как для мужчин, так и для женщин), и он не сможет тогда забрать свою уже голландскую пенсию обратно с собой на остров. Кроме Сонни, в семье были еще его мама Луиза - на 15 лет моложе сеньора Артуро, и их дочка Шантелл, младше Сонни на 7 лет. До нее у Сонни была еще одна сестра, но она в 5 лет умерла...

В молодости сеньор Артуро служил в армии и был бравым мужчиной, потом стал бухгалтером в пекарне, где успел и сам научиться печь отличный хлеб - в обыкновенных домашних условиях. По воскресеньям он баловал нас свежеиспеченными лепешками. Это была самая вкусная вещь в нашем меню.

Сеньор Артуро был немного полноватый индеец с грустным лицом. Как ни странно, он единственный в своей семье имел темный цвет кожи. Отец его был из Суринама («Парамарибо! Парамарибо! Парамарибо - город утренней зари!»), а мама - из Колумбии. В семье бытовало предание, что фамилия у них - норвежская. По натуре своей Артуро был философ, любил разговоры об истории, о политике, о

разных странах - и очень много знал. Сеньор Артуро с таким же удовольствием, как и я, читал книги. Тогда, после СССР, он казался мне просто нормальным человеком, а теперь, после более 10 лет на Западе, я поражаюсь его интеллектуальной глубине! И это с учетом того, что у него даже не было высшего образования. Когда я сравниваю его со среднестатистическим западным человеком, сравнение получается явно не в пользу последнего.

А еще – он был верующим и каждое воскресенье обязательно ходил в местную католическую церковь. Но, в отличие от многих мне знакомых верующих как в Ирландии, так и в России (в Голландии это анахронизм), свое видение мира он никому не пытался навязать.

Сеньор Артуро был единственным, кто слушал мои рассказы о Советском Союзе без предубеждений и даже с симпатией. Он искренне пытался разобраться, что у нас происходит, и даже с ходу понял то, чего не мог понять никто из голландцев: почему мы не любим Горбачева. Голландцы обычно говорили: «Ах, ребята, да вы дайте ему только довести до конца то, что он задумал...»...

В моем детстве была такая песня - может, слышали? «Комсомольцы - беспокойные сердца, комсомольцы все доводят до конца...» Моя мама еще в то время говорила, что как только тогдашние комсомольцы войдут наконец в возраст для управления страной, они действительно все до конца доведут. Ее мрачный юмор оказался пророческим... Горбачев хоть и староват для комсомольца, но тоже вот такой, с «беспокойным сердцем». В народе говорят про таких более метко – «какая вожжа ему под хвост попала?».

Сонни не интересовался политикой. Но я была готова простить ему даже это! В конце концов, «люди разные нужны, люди разные важны». Его стихией были точные науки. Я в тот момент уже так его полюбила, что это меня не беспокоило. Как же можно было не полюбить его, если он прошел через огонь, воду и медные трубы только для того, чтобы нам с ним быть вместе? Сонни был чистый душой, как ребенок. Правильный, хороший мальчик. Он не пил, не курил и не шатался по дискотекам. Он сидел за компьютером или что-нибудь паял.

Будущее рисовалось радужным. Мы оба будем работать. Я получу еще какое-нибудь местное образование (историки-марксисты вряд ли пользуются большим спросом на бирже труда!). Мы уедем к нему на родину. (Я же видела, как он любит свой остров!) и будем там вместе

строить новую жизнь - не только для себя, но и для всех островитян. Остальное рисовалось смутно: какие-то белозубые улыбки и радостные лица из реклам (голова моя уже начинала ею засоряться, и как-то подспудно верилось, что такая жизнь, как показывают в рекламе, на самом деле существует где-то, и ею можно зажечь, стоит только постараться. Зажечь ею не подразумевало приобретение той или иной вещи - а просто обретение такой атмосферы, как в рекламных роликах: веселой, красивой и счастливой... Боже мой, какими же мы были глупыми!

Наше с Сонни материальное положение оставалось тяжелым, но я знала, что выхожу замуж за студента, и была готова затянуть пояс. Скорее бы у меня было это проклятое разрешение на работу - и я буду вкалывать днем и ночью! Ведь я не белоручка!

Сонни несколько раз порывался начать работать, продолжая учиться - на фабриках, как *uitzendkracht*¹²⁵ - чтобы хоть как-то облегчить нашу жизнь. Но это неминуемо означало, что у него будут трудности с учебой, а кроме того, подрабатывать студенту - без того, чтобы у него не начали вычитать из стипендии - тогда можно было очень немного. Надо было все время балансировать, чтобы не наработать лишнего. Иначе получалось, что ты работал бесплатно. Плюс даже *uitzendwerk*¹²⁶ в Энсхеде было очень трудно найти. С удивлением вспоминала я, как наши ребята-студенты дома в советское время подрабатывали сколько получится, и никто и не думал у них за это из стипендии вычитать. А на все лето кто хотел вообще уезжал в стройотряд и зарабатывал там весьма приличные деньги. И ни разу наше государство не позарилось после этого на их стипендию.

Сонни чуть не бросил учебу из-за меня, но я ему этого сделать не позволила. Уж лучше временно отказаться от чтения книг...

Мне тоже очень хотелось работать, что-то делать - я просто изнывала, не имея такой возможности. Если бы у меня были в Энсхеде какие-то знакомые, можно бы было попробовать работать по-черному¹²⁷, но таких знакомых не было. Была у меня в этом городе

¹²⁵ Временная рабочая сила (голл.)

¹²⁶ Временная работа (голл.)

¹²⁷ Нелегально, без выплаты налогов

еще одна подруга по переписке, - Эстер, студентка художественного училища, которая один раз как-то забежала к нам с Сонни летом. Но она обидела меня своими комментариями. У меня почти не было с собой летних вещей - ведь я уезжала из дома поздней осенью, - и я донашивала в Энсхеде старые Соннины брюки и свитера. Эстер прокомментировала, что мне не мешало бы обновить гардероб, что меня глубоко обидело. На какой планете вообще живут эти голландцы? Мне *даже книги не на что читать*, а она...

Нет ничего более разрушающего для духа, подрывающего твою веру в собственные силы и делающего тебя абсолютно безразличной к происходящему вокруг, чем быть безработной и чувствовать себя балластом для общества. Кажется, что в тебе просто не остается ничего человеческого.

Я с трудом дождалась сентября, хотя обычно ненавижу осень. Когда начались занятия на курсах голландского языка- 3 раза в неделю по 3 часа - жизнь наконец-то стала приобретать хоть какой-то смысл...

В любую погоду, даже в проливной дождь, даже в почти ураганный ветер (и такое бывало!) ездила я в город на эти курсы на своем поржавевшем велосипеде - 8 км туда и 8 обратно. Учили нас прямо на голландском - учительница не говорила с нами ни на каких других языках с самого начала. Конни была пожилая уже и очень профессиональная женщина. Единственное, что мне было неприятно на ее уроках - это подборка материала. Например, она чуть ли не с гордостью продемонстрировала нам песню «*Het werd zomer*»¹²⁸, которая на мой вкус (и не одной только меня, а многих в нашей группе!) была обыкновенной заурядной пошлятиной. Конечно, голландская озабоченность физической стороной полового вопроса легендарна, и это составная часть голландского образа жизни, но это еще не значит, что подобные болезненные закидоны должны стать нормой для всего остального человечества. А голландцы, похоже, уверены, что именно так.

Поразительный парадокс – в русском языке даже нет слова для обозначения понятия «*privasy*»¹²⁹, которое так важно для голландцев, и

¹²⁸ «Наступило лето» - песня о первом сексуальном опыте голландского подростка

¹²⁹ неприкосновенность (сферы) частной жизни (англ.)

тем не менее в нашей советской культуре оно глубоко уважалось. А в Голландии... о каком *privacy* вообще может идти речь, когда те же самые голландцы постоянно без всякого спроса суют тебе в нос интимные подробности собственных жизней?

«О вкусах не спорят, никто никому не указчик, кто любит арбуз, а кто- свиной хрящик». Ну так вот, я предпочитаю хрящикам всех сортов арбузы! И никакой голландец мне не указчик.

В группе было человек 20 - в основном политические беженцы и пара примкнувших к ним жен голландцев. Были два очень славных эфиопа, с которыми я сразу перебросилась фразами на амхарском:

- Ындемын нэх?

- Дэхна ноу, амесагеналлеш.¹³⁰

Жены - американка и израильянка советского происхождения - чувствовали себя людьми первого сорта среди остальных. Она - Шурочка из Израиля - мне прямо так и сказала, открытым текстом:

- Пошла искать работу, а меня послали на какой-то мясокомбинат куриц общипывать. Там одни турки работают. А я ведь - жена голландца!

У меня глаза полезли на лоб. Ну и что?

*«Очень гордится он белою кожей,
Вот и ночует на стуле в прихожей»¹³¹.*

Когда я ее в первый раз увидела, я сразу подумала, что она - наша. Шурочка была маленькая, конопатая до самых ушей и довольно невзрачная с виду. Родители увезли ее из СССР когда ей было всего 3 годика (та самая «волна 70-х», о которой еще Высоцкий пел - про

¹³⁰ - Как дела? - Спасибо, хорошо (амхарск.)

¹³¹ «Мистер Твистер» С.Я. Маршак

Мишку Штифмана). В Израиле папа разочаровался и стал православным (интересно, чего им не хватало в СССР? «Почирикать захотелось»?) Дома семья Шурочки говорила только по-русски. И говорила она сама хорошо, без акцента. А вот когда бралась писать по-русски, начинался тихий ужас. Шурочка никогда не ходила в русскую школу и писала все как слышит - без каких бы то ни было правил правописания... Со своим голландским мужем она познакомилась когда он служил в голландском контингенте войск ООН в Ливане. Сама Шурочка тоже отслужила в армии. Они неплохо жили в Израиле, у нее была хорошая работа, у ее мужа – «свой бизнес». Но вдруг решили сорваться с места и начать новую жизнь на его родине. Пока эта новая жизнь в основном была их ключом по голове. Работы не было - никакой. Ни для нее, ни для него. Жить у голландских родителей оказалось слишком тяжело («они на часах засекали, сколько минут я в душе проведу, представляешь!» - жаловалась мне Шурочка).

Был у нас на курсе еще один русскоязычный - сириец, отучившийся в Киеве. Он говорил по-русски даже еще получше Шурочки! Американка Ким была типичная американка - шумная и на любую фразу сразу отвечающая «А вот у нас в Америке...» - даже когда говорили вовсе не с ней. К американцам я испытывала чувство, близкое к жалости. «Все же не могут быть Карлсонами...» и «от некоторых людей нельзя требовать слишком много»....

А еще у нас в группе один раз чуть не разразилась настоящая война! Когда каждый из нас должен был рассказывать о своей стране. Оказалось, что одна из наших турчанок - не турчанка, а жительница Курдистана. И когда другая, настоящая турчанка, начала рассказывать, как в Турции все прекрасно, а курдам просто мерещится дискриминация, то первая встала со своего места, и началось такое... Потом турецкую турчанку в срочном порядке перевели в другую группу.

Так я и жила - Сонни и курсы. Появилась у меня и еще одна приятельница - переводчица Генриэтта. Да-да, та самая, с нашего дня бракосочетания. Когда я познакомилась с ней поближе, она оказалась совсем не такой застенчивой и неловкой, как в тот день. Она прекрасно говорила по-русски и с удовольствием давала мне почитать разные книги (ура!!). В 70е годы она бывала в СССР, но, насколько я поняла, общалась там в основном с хиппующе-диссидентствующей молодежью. Идеалом женщины у Генриэтты была Маргарет Тэтчер, и

она в юности какое-то время жила в израильском киббуце. Генриэтта была замужем за профессором - точнее, они жили вместе, но она все равно называла его «муж». У нас в то время это была большая разница – муж или просто сожитель...

Генриэтта дала мне первую возможность немного подработать: когда ей надо было куда-нибудь уехать, она разрешала мне провести вместо нее урок русского языка на вечерних курсах. Помимо финансовой стороны дела, это еще было и захватывающе интересно! По сей день помню, как я учила голландцев петь: «На недельку до второго я уеду в Комарово...»

...К концу первого своего года в Голландии я наконец осознала вещь, которая меня глубоко шокировала. Что дружба в Голландии – это просто вместе пить кофе...

Попробую пояснить вам разницу. Голландская дружба похожа на определение любви моим первым другом эфиопом Саидом: «Для чего люди любят друг друга? Для того, чтобы вместе радоваться!». Меня такое понятие глубоко коробило - не потому, что люди, которые любят друг друга, не должны радоваться вместе, а потому, что одной только радости вместе мало для настоящей, большой любви. Любовь - и дружба тоже!- это не только радоваться вместе, но вместе и переживать трудности и невзгоды. Если люди настроены на то, чтобы вместе только радоваться, это автоматически означает, что при малейшей неприятности они оставят друг друга на произвол судьбы - и пойдут искать, с кем там еще можно порадоваться. Разве же это можно назвать настоящим чувством? И разве стоит после этого удивляться, что воспитанные на таких понятиях и с таким настроем люди искренне считают что корейские девушки, выходящие замуж за солдат-инвалидов в КНДР, делают это «исключительно по принуждению»? Им просто невдомек, как это человек может добровольно отказаться от того, что лично они сами считают «радостями». Им не понять, что такой человек, может быть, даже гораздо счастливее их самих.

У нас не бросаются словом «друг» так легко. Вот в чем разница. Если я хожу с какой-нибудь знакомой вместе по магазинам или даже пью с ней вместе чай, это еще не значит, что мы подруги. Для среднего голландца же этого вполне достаточно для употребления данного термина.

Сначала я думала, что то, как со мной обошлись мои амстердамские хозяева - сами считавшие себя при этом моими друзьями! - случайность. Но быстро убедилась, что это скорее закономерность в Голландии. Мне казалось верхом бездушия не то, что они отказались мне помочь (хотя на мой взгляд, это не несло в себе никакого для них риска) - в конце концов, у людей могут быть разные обстоятельства, о которых мы ничего не знаем,- сколько именно это их базарное любопытство: «Но не забудь потом позвонить нам и рассказать, чем все это кончилось!» Как будто бы моя жизнь - это какое-то цирковое представление для их развлечения.

...Потом, много лет спустя, когда я оказалась в положении действительно отчаянном, вдруг выяснилось, что у меня в Голландии есть настоящие друзья, которые оказали мне такую поддержку, что я и не рассчитывала ни на что подобное. Я поделилась своими мыслями на этот счет с одной из этих друзей.

- Понимаешь, в чем дело, - объяснила она мне, - Мы не помогаем человеку, если считаем, что он сам может из своего положения выпутаться. Это у нас считается вмешательством в чужую жизнь. Другое дело, когда человек действительно в такой беде, что у него нет выхода.

Замечательно, конечно, что такие друзья у меня даже в Голландии нашлись. Но меня не оставляла мысль – а на основании чего они определяют, когда у человека действительно отчаянное положение, а когда - нет? Для меня лично смотреть, как твой друг страдает и не помочь ему только потому, что я предполагаю, что его положение не безвыходное, равнозначно бездействию наблюдению за ним, захлебывающимся в реке с криками «Помогите!»- а может, друг все-таки сам умеет плавать, и я оскорблю его самостоятельность, если попытаюсь его вытащить на берег?...

Но это все будет еще нескоро. А пока - чем дальше, тем больше сталкивалась я с голландским бездушием там, где у нас так было развито человеческое участие.

Вот стоит в автобусе старушка, задыхается - а на соседнем сиденьи развалились два двухметровых молодчика - истинных арийца, положив на сиденье напротив свои километровые ноги. Ни одному из них не приходит в голову уступить место бабушке. Молчат и все окружающие

Совьетика Часть 1

- как воды в рот набрали. Наконец старушку замечает какой-то иммигрант восточной наружности - и сразу же перед ней встает...

Вот милый голландский ребенок выбрасывает в окно трамвая бумажку из-под мороженого, а его не менее милая мама-блондинка не только его не останавливает, а еще и сама роется в сумке и выбрасывает в то же окно какие-то бумажные салфетки. Опять-таки все делают вид, что никто ничего не заметил...

Вот сидит преисполненный чувства собственной значимости какой-то голландский же *meneer*¹³² в костюме и с дипломатом - наверно, менеджер - и курит прямо под табличкой, на которой написано, что курить воспрещается, не обращая внимания ни на женщин, ни на детей вокруг... Я попробовала было ему на эту табличку указать - Сонни чуть не стер меня в порошок:

- Сиди! Это не твое дело!

Как это не мое? А чье же? Разве не все мы пользуемся этими улицами и этими скамейками? Почему нельзя поставить на место зарвавшегося хама? Потому что надо уважать его свободу - когда сам он плевать хотел на свободу и права его окружающих? И разве уступать места пожилым – не та самая общечеловеческая ценность, о которых столько трезвонили горбачевские перестройщики? Разве Сонни сам не уступает им места? Тогда с какой же стати надо молчать?

Я с детства четко усвоила – «не проходите мимо»!

Пожалуй, именно с этого и начались трения между Сонни и мною.

- Ты что, боишься их? - я чувствовала себя им преданной.

- Я тебе сказал, это не наше дело. Мне стыдно за тебя, когда ты так себя ведешь! Что люди подумают?

¹³² Господин (голл.)

- Это какие люди? Те, что ли, что сорят на улицах и курят там, где не положено? А если им все равно, что о них думают, то это, значит, ОК? Это только я должна беспокоиться о том, что обо мне подумают? Я-то не курю и места старушкам уступаю! А мне вот за тебя стыдно, что ты видишь безобразие и ничего при этом не предпринимаешь! Вот потому у вас здесь и все улицы завалены собачьими экскрементами, что никому ни до чего нет дела! Свобода, видите ли, у них – свобода на всех плевать и писать на углах!

Я не шутила. Я на самом деле не знала даже, как выглядят собачьи экскременты, пока не оказалась в первый раз в Европе.

А еще меня до глубины души возмущало голландское сюсюканье с животными, с которыми здесь обращались лучше, чем с людьми. Нет, я тоже против плохого обращения с животными, но когда видишь собачек в попонках и ботиночках, откормленных на 30 сортах какого-нибудь «Педигри», морозным утром важно проходящих вместе с хозяевами мимо лежащего на лавочке возле вокзала дрожащего от холода бездомного, которого не пустили вчера в ночлежку только потому что он не сумел собрать 7 с половиной гульденов с такой вот зажавшейся публики - любителей собачек и кошечек, просто желудок наизнанку выворачивается! И это тоже называется «люди», Сонни Зомерберг?

Не знаю, что меня раздражало больше - то, что я открыла для себя, что на самом деле представляют из себя хваленые голландские «*normen en waarden*¹³³», или то, что я не имела права даже выразить здесь вслух свое мнение. Ну и свободачка!

Так как мнение выражать не полагалось, возмущение начало накапливаться, как газ в непрерывно поддуваемом воздушном шарике. В один прекрасный день это грозило большим взрывом.

Забегая вперед, скажу, что больше всего на свете Сонни боялся повторить судьбу сеньора Артуро - заболеть и остаться без средств к существованию.

¹³³ нормы и ценности (голл.)

- Я никогда в жизни не пойду на улицу торговать газетой «Де Страаткрант»¹³⁴ !- говорил он, - Артуро сам виноват в том, что с ним случилось.

О да? Прямо-таки не муж, а социальный дарвинист какой-то!

Я только глубоко вздыхала, вспоминая, какие, например, отношения были у маминых сотрудников на работе. Когда одна из женщин в ее отделе умерла при родах, весь отдел взял шефство над ее новорожденным сынишкой. Бабушке, которая взяла внука на воспитание, то и дело дарили подарки и оказывали материальную помощь. И так до самого его совершеннолетия - и не потому, что кто-то заставлял. Завод даже послал его на учебу в вуз и платил ему стипендию (заводская стипендия была выше государственной). А еще помню, как мы регулярно ездили в Москву: навещать старенькую вдову бывшего директора маминого завода - военных лет, чье имя носил теперь завод... И возлагать цветы на его могилу. Просто у людей были и душа, и совесть. Никто не сказал: «А, старуха сама выпутается, ей государство платит по потере кормильца!» Даже мысль такая была кощунством. И в ногах у богатых спонсоров тоже не надо было валяться.

Помимо демонстраций, я ездила вместе с маминими коллегами в колхоз и на экскурсии в Москву, а иногда - хотя и редко, потому что на завод нужен был пропуск - бывала и у мамы в отделе. Когда я была еще совсем маленькая, мы ездили всем ее отделом отдыхать с ночевкой в сосновый бор на берегу реки - в палатках. Готовили еду на кострах, а меня и других ребятишек, к нашему восторгу, катали на мотоцикле «Урал»- в коляске. Потом мы весь вечер бегали вокруг него при свете костров - и, как оказалось, вытерли с него своими руками и платьями всю пыль! Было весело, не только нам, но и взрослым. Пели песни, рассказывали анекдоты, были разные смешные случаи и в самой поездке. Анекдоты обычно травил Алик - зам начальника, старый сердцеед-холостяк. Еще запомнились мне веселая толстушка-секретарша Лена с большим шиньоном, как тогда было в моде,

¹³⁴ De Straatkrant- газета для бездомных (голл.)

киномеханик Петя (на заводе была своя кинобудка), художник Игнат Александрович – театрал и путешественник, объехавший всю нашу страну вместе со своей семьей; начальник Михаил Петрович, у которого была собака Кутя породы дог, носившая панталоны его жены с дыркой, прорезанной для хвоста, когда у нее болел живот после того, как она ела вишни прямо с дерева у него в саду...

Когда по дороге на экскурсию в Москву Лена вставала в автобусе, он начинал крениться на бок, а балагур Петя кричал: «Не заноси корму, Леночка!»

Автобус нанимали на заводские деньги, прямо с экскурсоводом, которая рассказывала, что находится или происходило когда-то по дороге от нас до Москвы. Постепенно я запомнила эти истории чуть ли не наизусть. Возили работников отдела обычно на ВДНХ, мы с удовольствием ходили по павильонам (я обожала космический, а еще - вагончики, на которых можно было ездить по ее территории), потом успевали дать круг по магазинам - и домой. На обратном пути взрослые немножко выпивали, и весь автобус хором пел «Надежду»! Она как раз тогда только появилась.

«Надежда - мой компас земной,
А удача - награда за смелость
А песни довольно одной,
Чтоб только о доме в ней пелось...»

Тогда и песни-то были общенародные, которые хотелось петь, а не «зайка моя, я твой зайчик... ты побежишь, а я рядом, ты украдешь, а я сяду...»

А один раз весь отдел поехал на экскурсию... на самую Останкинскую башню! С обедом в одном из трех ее высотных ресторанов: кажется, бронзовом. Кроме него, еще там были серебряный и золотой - как на Олимпиаде. Всем из нас это было по карману. Какой оттуда открывался вид! А кто там сегодня обедает? Правильно, воры, называющие себя элитой...

Работать в колхозе тоже было весело - главное, чтобы с погодой повезло! На прополке летом нас, городских сразу можно было отличить от местных: народ пытался загореть и на грядках работал

чуть ли не в купальниках и плавках. А деревенские жители, наоборот, всегда были в темном и закрывали от солнца лицо и руки. Наверно, потому что у них такая возможность и без того бывает каждый день. В обед мы садились на травку и раскладывали на одеялах сообща «кому что бог послал». Ели все вместе - одной большой дружной компанией, со смехом и прибаутками. Вареную картошку, сметану, салаты и соленья, пирожки и бутерброды... Пили холодный квас, который охлаждался в ведерке в речке пока мы работали.

Обычно в колхоз мы ездили на день, но однажды летом поехали на целую неделю. Вот это было приключение! Деревня, в которой нас разместили, от нашего города была часах в 3 езды: на самом южном краю нашей области. Рейсовый автобус в эту деревню приходил только раз в неделю!. Спали мы на полу на матрасах в спортзале местной школы: девочки- налево, мальчики- направо, в том смысле, что женщины - по одной стене, мужчины - по другой, напротив.. Когда мне по вечерам становилось скучно, я лазила там по канату.

А какими вкусными были обеды в колхозной столовой, особенно после работы жарким денечком! Я за эту неделю на полях обгорела так, что наконец-то, к моей радости, по цвету кожи приблизилась к мулаткам.

Однажды утром наши женщины проснулись от того, что над их головами стоял-в белой парадной рубашке - местный председатель: красивый брюнет.

- Извиняюсь, у вас тут кто-нибудь коров доить умеет?

Мы спросонья плохо соображали. Было 5 часов утра.

- Чего?

- Коров, говорю, доить умеет кто-нибудь из ваших?

- Ну откуда же, мы же все городские...

- Эх, что же мне делать.. Коров доить пора, а мои девчата все спят еще... вчера напились пьяные...

Вот так мы узнавали о проблемах сельского хозяйства Нечерноземья...

Для тех, кто еще не понял – меня никто не заставлял ездить с мамой в колхоз. И работать на полях с ней не заставлял. (Я ездила в колхоз и со своим классом. А с мамой – совершенно добровольно, мне самой хотелось этого, такая замечательная там была компания!)

Осенью, на уборке картошки, тоже было славно. Иногда за хорошую работу разрешали взять по ведерку ее домой. Нам это было не надо, у нас картошка росла своя, а вот тем маминым сотрудникам, которые жили в квартирах, это было очень даже кстати. Один раз мы убирали сахарную свеклу: вот это вкуснятина, если ее сварить в горшочке! Я бы ее продавала в магазинах, а не только пускала на сахар.

Отдел был как одна большая семья: бывали в нем и ссоры, но зато в трудную минуту все были готовы прийти друг другу на помощь. Были в нем и одинокие матери, и даже люди «со справкой» - от психиатра, о шизофрении. Увольнять и тех, и других строго-настрого запрещалось. И никто не посмел бы уволить женщину за то, что она брала отпуск по уходу за больным ребенком. Профсоюз, без разрешения которого вообще никого нельзя было увольнять, просто оторвал бы голову, если бы кто-то даже только намекнул на такое. Им в первую очередь давались путевки в санатории и дома отдыха - с большой скидкой. У завода был свой пионерлагерь, своя турбаза, свое подсобное хозяйство, свой детский сад, своя футбольная команда, свой клуб с кучей кружков и групп по интересам; своя дискотека, даже свои, заводские дома, квартиры в которых бесплатно предоставлялись работникам завода - и, естественно, не отбирались у них, даже если они и меняли место работы.... И сейчас какие-то *** (редиски нехорошие!) еще осмеливаются говорить, что мы в советское время «были бедными»?!! Да сейчас все это кажется какой-то светлой сказкой!

...Я была глубоко погружена в свое разочарование, сильно переживала его и еще сильнее - позицию, занятую Сонни. И не подозревала при этом, что именно в те дни я познакомилась с людьми, которые потом станут моими друзьями в нашем, советском смысле слова. С пожилой супружеской парой Адиндой и Хендриком де Грааф.

Адинда де Грааф – бабушка-божий одуванчик, бывшая учительница французского языка,- была одной из тех, кто учил русский в группе у Генриэтты. Но ей хотелось индивидуальных занятий. Адинда прекрасно схватывала грамматику – видно, сказывались навыки учительницы иностранного языка, но с разговорной речью у нее было туго, а они как раз ждали в гости учительницу музыки из Москвы... Хендрик де Грааф был учителем музыки по профессии и композитором

по призванию. Это был бородатый симпатичный дедушка, чем-то похожий на принца Бернарда.¹³⁵ Он писал песни о борьбе за мир. В 80-е годы Адинда и Хендрик активно участвовали в движении против размещения в Нидерландах американских крылатых ракет - том самом, о котором у нас тогда много рассказывали. И к СССР они относились с большой симпатией, хотя и не были коммунистами. Оба они говорили на 3 европейских языках, кроме голландского (дети Хендрика от первого брака жили в Германии, а у Адинды детей не было).

Оба они родились еще в голландских колониях, в семьях колониальных служащих: Адинда - дочь директора школы, родилась на Суматре, а Хендрик, сын чиновника в губернаторском аппарате - в Суринаме. Он любил рассказывать о том, что среди его предков были чернокожие рабы, но глядя на него, в это было трудно поверить: настолько арийская у него была внешность.

Но ничего колонизаторского в них совершенно не было. Даже имя у Адинды¹³⁶ было индонезийское. Они представляли собой поразительный контраст с голландской молодежью. По-моему, в Голландии человечные и отзывчивые люди только еще и остались среди тех, кто родился до войны или хотя бы во время нее. Среди послевоенных поколений здесь такие - редчайшее исключение. Никакого тебе цинизма, никакого безразличия к окружающим! Адинда очень близко к сердцу воспринимала все вокруг происходящее, и даже ее любовь к своей собачке Флоппи не была отталкивающей, потому что не превосходила по своей силе ее сострадание к людям. Адинда первой по-человечески объяснила мне, почему голландцы так не любят, когда гости приходят во время ужина без предупреждения.

- Господи, разве мне жалко еды! Дело в том, что я же просто никогда не готовлю больше, чем мы за один раз съедим вдвоем. Мне стыдно будет, что ее так мало, что гостю почти не достанется!

Если Адинда видела какую-то несправедливость, она восклицала:

¹³⁵ Принц Бернард – отец королевы Беатрикс.

¹³⁶ Адинда – индонезийская героиня знаменитого антиколониального романа голландского писателя Мультатули «Макс Хавелаар».

- Mensen, kinderen¹³⁷! - а потом немедленно добавляла:

- Хендрик, ты думаешь, мы можем что-то сделать, чтобы помочь?

Хендрик - любитель приключений не ради удовольствия, а потому, что его действительно интересовала жизнь во всех ее проявлениях, даже в 85 лет еще ездил в Суринам, навещать индейские племена в тропическом лесу. Там он упал в реку, сломал ногу, но даже это не прервало активного образа его жизни. Я переводила на русский его песню: «Нет»- крылатым ракетам!». Он приглашал в Голландию российские детские хоры - не ради какой-то наживы на них, а просто для того, чтобы «подружить людей». И посмеивался над Бушем-старшим (когда уже у власти был Клинтон):

-Ну и где он, этот ваш Буш? А Саддам сидит себе спокойно на своем месте. Молодец, Саддам!

Адинда и Хендрик были одними из тех редких на Западе людей, которые уже во время первой войны в Персидском заливе поняли, что к чему. В то время, когда Сонни сидел как приклеенный у телевизора, наблюдая за первыми в истории бомбежками в прямом эфире - которые со слюнками во рту бурно приветствовала вся западная публика. Как шакалы за спиной у тигра. Не было у Адинды и Хендрика и никаких иллюзий на тот счет, что из себя представляет Израиль...

Я продолжала давать Адинде уроки русского даже когда уже уехала из Энсхеде. Раз в неделю приезжала я к ней в Алмело на поезде, мы садились за столик в местном кафе в магазине «Хема» (с разрешения менеджера), пили мой любимый koffie verkeerd¹³⁸ с пирожным (я предпочитала *schwarzwaldekirschentaart*¹³⁹) и читали и переводили. Дело было не только в заработке (50 гульденов за 2 часа), дело было еще и в том, что мне доставляло большое удовольствие с ними общаться. Адинда легко разбирала самые сложные грамматические конструкции, но говорить по-русски по-прежнему упорно стеснялась.

- Мне самое главное - уметь письма от Светланы разбирать! - застенчиво говорила она. Светлана была московской коллегой Хендрика - учительницей музыки и руководительницей хора.

Адинда была сама деликатность.

¹³⁷ Люди, дети! (голл.)

¹³⁸ «Неправильный кофе» - кофе, в котором больше молока, чем воды (голл.)

¹³⁹ вишневый пирог из (германского) Черного леса (вид торта) (голл.)

- Хендрик, - иногда говорила она, - может быть, нам с тобой стоит подумать над тем, чтобы освоить компьютеры и интернет?

- В нашей следующей жизни, Ади, -посмеивался он.

О «следующей жизни» они, в связи с возрастом, задумывались все чаще. И хотя в их деревне был роскошно оборудованный дом престарелых, в котором они хорошо всех знали, ни Адинда, ни Хендрик не хотели дожить до того, чтобы беспомощно лежать в постели и ждать, пока тебя помоеет и даст тебе покушать совершенно чужой человек - профессионал.

-Мы попросили у нашего врача прописать нам что-нибудь на этот случай... чтобы долго не мучиться, - застенчиво рассказывала Ади, - Но он отказался: я, говорит, католик, я по принципиальным соображениям не могу. Тогда мы поехали через границу в Германию, объяснили тамошнему доктору в чем дело, и он сразу выписал нам все, что нужно. Как это говорят по-русски: кто ищет, тот всегда найдет? Так что теперь мы спокойны....

И сейчас, много лет спустя, я с большим теплом вспоминаю эту пару...

... Наступило мое второе лето в Нидерландах. Я уже неплохо могла изъясняться по-голландски, а при чтении понимала практически все. Могла бы говорить и еще лучше, если бы голландцы только дали мне шанс. У них была очень неприятная привычка: отвечать исключительно на английском, как только они услышат, что к ним обращаются на голландском с акцентом. Поэтому мне теперь смешно, когда я слышу, как они возмущаются, что аллохтоны не хотят интегрироваться. Не поздно ли спохватились?

Курсы кончались, пора было решать, чем заниматься дальше. Я успешно сдала выпускные экзамены и попрощалась с Шурочкой. Шурочка намеревалась переехать вместе с мужем в Лимбург и учиться там на переводчицу (интересно, как это ей удастся при таком русском письменном?). Я решила тоже получить лингвистическое образование, только более глубокое, чем Шурочка: я намеревалась сдать вступительный тест по голландскому в один из университетов (это требовалось от иностранцев). Привлекло меня в нем то, что там можно было кроме славянских языков изучить литовский, латышский и даже грузинский. Такого я в то время не видела даже в Москве!

И опять меня охватили радужные мечты... В то время голландские газеты продолжали петь дифирамбы перестройке. У меня уже давно не было насчет нее иллюзий. Но я возгорелась недолговечной – и эгоистичной!- надеждой на то, что по крайней мере, будет много работы для знающих русский язык... И другие языки народов СССР. Удивительно, но, несмотря на все теоретические знания о том, что представляет из себя капитализм – и даже собственный еще ограниченный, но уже весьма негативный опыт – где-то в глубине души я продолжала верить в то, что развитие экономических и других отношений между нашими странами пойдет на пользу обеим сторонам. Наша страна казалась тогда еще социалистической - и во всяком случае, была достаточно сильной, чтобы такое сотрудничество развивалась не на односторонне-западных условиях.... Это было похоже на анекдот, в котором рабочие уверены, что водка не подорожает, потому что «академик Сахаров не допустит». Мало кто еще понимал тогда в полном объеме, насколько наши «реформаторы» были схожи с лисами в курятнике....

Глубокий стыд вызвала у меня программа, показанная той зимой по голландскому телевидению: она называлась «Благотворительная акция «Помогите русским пережить зиму!»

Что? Разве на дворе война? Да даже и в войну: много мы побирались и просили помощи??

Куда пошли 20 миллионов гульденов, собранные в ходе той акции пожертвованные голландцами, разжалобленными шокирующими картинками вроде сиамских близнецов Маши и Даши, одному господину богу и господину Горбачеву известно. Подозреваю, что они стали стартовым капиталом кого-то из нынешней «элиты». Во всяком случае, Машам с Дашами, может быть, в лучшем случае дали по бутылке...

Я не могла понять, что же дома на самом деле все-таки происходит. Голландские газеты рисовали радужные картинки и жалели бедняжку Горбачева, которому мешают проводить прогрессивные реформы не только всякие нехорошие консерваторы, но и несознательные демонстранты, которые выходят на улицы, так что ему приходится их то там, то здесь расстреливать. С родными пообщаться удавалось редко: телефона у них дома не было, а звонить маме на работу из-за границы было как-то... По письмам тоже мало можно было понять. «У нас тут такое творится!»- писал мой бывший учитель амхарского

языка.- «Хаос полнейший. Все, кто могут, пытаются уехать!» Для того, чтобы правильно понять это «все кто могут»: учитель был из московской интеллигентской семьи...

...Зимой умер мой дедушка. Очень странно: в тот день мы с Сонни ездили в кино, я сидела, как обычно, на багажнике его велосипеда, когда у меня упала с уха на землю клипса. Сонни остановился, я подхватила ее с земли: из нее выпал блестящий камешек. Расстроенная, я бросила клипсу и камешек в сумку: дома приклею. Велико же было мое удивление тогда, когда после сеанса мы вернулись домой, я открыла сумку, достала клипсу и обнаружила, что камешек - на своем месте, как будто оттуда и не выпадал! Мне даже стало страшно: такого я еще никогда не видела! А через 3 недели пришло письмо, и я узнала, что как раз в тот день, когда это произошло, умер дедуля. Может быть, это было его последним со мной прощанием... Это была первая потеря в моей семье, и я еще долго мучилась, что не попрощалась с ним, когда уезжала в Голландию: он спал, и я не захотела его будить...

...Итак, настало лето, занятия кончились, а до экзамена в университет оставался еще месяц... Разрешение на работу было - не было только работы. Никакой вообще, даже временной! Если тебе удавалось наняться на день-другой на фабрику, где делали салаты в баночках, это было страшным везением. Для того, чтобы найти работу, надо было из Энсхеде уезжать. Но ведь Сонни продолжал свою здесь учебу! Мы решили, во всяком случае, поехать на лето к его родным в Тилбург, на юг Нидерландов, куда к тому времени уже переселился сеньор Артуро. Он снимал комнату у Сонниного двоюродного брата Харольда - очкастого, умного парня, большого Сонниного друга. Там летнюю работу найти можно было нам обоим.

Тилбург в туристических проспектах именуется не иначе как «*moderne industrie stad*»¹⁴⁰ Только туристов там почти не бывает. Особых исторических достопримечательностей в нем, как и в Энсхеде, не наблюдается, но общая атмосфера как-то веселее. Возможно, потому, что брабантцы¹⁴¹ в подавляющем большинстве католических

¹⁴⁰ Современный промышленный город (голл.)

¹⁴¹ Брабант – провинция на юге Нидерландов

корней - по культуре ближе к фламандцам, чем неторопливые замкнутые протестантские твентцы.¹⁴²

В Тилбурге - широкие зеленые улицы, засаженные тенистыми деревьями и самая большая в Бенилюксе летняя ярмарка с аттракционами - Кермис. На время Кермиса перекрывается все движение на главной улице, и аттракционы выстраиваются прямо на ней. Кермис длится неделю.

В Тилбурге я впервые познакомилась с многочисленной Сонниной родней.

Почти как это водится у наших деревенских жителей, переехавших в город, антильцы, переехав в Нидерланды, поселяются чаще всего там, где уже живет кто-то из их родственников. В Тилбурге уже жили: дядя Сонни Умберто, его жена Марбелла, их маленькая хорошенькая как картинка дочка Ашанти, сестра Марбеллы Бьянка, сын другой ее сестры 15-летний парнишка по имени Антонио, сын тети Сонни - уже упоминавшийся мною Харольд (Харри) и дочь друга Умберто, полицейского с Кюрасао Марилена.... Другая ветвь семейства обосновалась в Апельдоорне.

У голландцев насчет антильцев существует море предрассудков - о которых я еще тогда не знала. Например, что они все замешаны в преступном мире или не хотят работать. Мне такие антильцы не встретились. Все, кто мог, с удовольствием работал или учился. Дядя Умберто повышал в Голландии квалификацию, как сказали бы у нас. Он занимал на Кюрасао очень хорошую должность и намеревался туда вернуться. Из всех Сонниных дядей (а у него их только с маминой стороны было 8!) он был самым зажиточным. Но это накладывало отпечаток и на всю его семью. Это были материалисты - не в марксистском, а в современном понимании этого слова. Материальное было для них важнее всего. Умберто был, как и Сонни, темнокожий, Марбелла - испанских кровей. Ее сестра Омайра, которую я потом встретила на Кюрасао - полная ей противоположность - уверяла меня, что Марбелла вышла замуж за Умберто только из-за денег. Не знаю, правда это или нет, но у них прочный, подкрепленный материальными интересами союз - как у Бекхеймов. Сейчас у них уже 6 детей...

¹⁴² Твенте - область на крайнем востоке Нидерландов в провинции Оверэйссел.

Антильцы были совершенно не похожи на голландцев во многих отношениях. Неформальные, открытые, веселые. Кто хоть раз в жизни был дома на антильской вечеринке, поймет, о чем я говорю. Зажигательные латиноамериканские ритмы, смех, пение... Вкуснящая еда- сопи ди кабриту¹⁴³, галинья стоба¹⁴⁴, джонникейксы¹⁴⁵, фунчи¹⁴⁶, кос ди лечи ди коко¹⁴⁷, джете ди качо¹⁴⁸, кеши йена¹⁴⁹, эмпана¹⁵⁰ ... Мой самый любимый напиток до сих пор - понче крема¹⁵¹ ! На такие вечеринки у антильцев считается нормальным брать с собой детей всех возрастов, вплоть до младенцев, хотя длятся они далеко за полночь. У нас люди обычно расходятся по домам, когда дети устали. У антильцев - дети бегают по всем комнатам и играют друг с другом в прямом смысле слова до упада. Когда они падают от усталости, их уносят в одну специально выделенную для этого спокойную комнату, где их уже ждет раскинутый диван - и складывают на нем, одного за другим.... После голландского «прогрессивного» общества, в котором можно говорить только то, что полагается (что считается у самих голландцев прогрессивным!), и можно приходить в гости только по заранней договоренности за 2 недели вперед я среди антильцев отдыхала душой. Никто не спрашивает тебя: а зачем вы сюда приехали и когда же вы наконец уедете обратно в свою страну? Здесь все однозначно понимали, что ты имеешь в виду, когда ты называла

¹⁴³ Суп из козлятины

¹⁴⁴ Тушеная курица

¹⁴⁵ Обжареный в масле кусок теста определенной формы, который еще горячим надрезается, и в него кладется ломоть сыра, который сразу плавится

¹⁴⁶ Сорт каши, похожий на манную (без сахара), сродни западноафриканскому фуфу

¹⁴⁷ Антильские сладости из кокосового молока

¹⁴⁸ Дословно «собачьи зубы» - сорт сладостей

¹⁴⁹ Фаршированная головка сыра

¹⁵⁰ Антильские пирожки

¹⁵¹ Ponche crema – венесуэльский по происхождению ликер, из рома, смешанного с молоком, яйцами, сахаром, ванилью, корицей и лимонной кислотой

голландские «свободы» метким словечком porkeria¹⁵². - *Голландцы моются только раз в неделю. В Роттердаме есть церковь, которая снабжает людей наркотиками. Мои голландские соседи ходят в клуб для свингеров. – Ay dios! Che! Porkeria, swa! Nan ta porko!*¹⁵³

Мы остановились у Харольда. Так как все комнаты у него уже были заняты, мы спали на полу в зале. Поскольку это было только на лето, Харольд сразу заявил, что мы ему ни капельки мешать не будем, и что он очень нам рад. Отец Харольда был родом с острова Сент-Мартен, и поэтому английский был для него вторым родным языком. Я заметила, что антильцы лучше к тебе относятся, если ты говоришь с ними не по-голландски, а по-английски. Многие на Антиллах по наивности видят в американцах противовес голландским колонизаторам. Видимо, не знакомы с нашей поговоркой «поменять шило на мыло». Да и не только в этом дело: антильцы вырастают воспитанные на американском телевидении и на американской массовой культуре в значительно большей степени, чем европейцы. Все, кому это по карману, отправляют своих детей учиться в Америку. Те, кому не по карману - в Голландию. Все новое из Америки доходит до Антилл быстрее, чем до Европы. (Забегая вперед, скажу, что я видела на Антиллах джипы, охранников в магазинах и американские холодильники еще тогда, когда в Европе они никому не были известны.)

Одну из комнат у Харольда занимала только что приехавшая с Кюрасао младшая сестра Сонни Шантелл. Ей было 17 лет, и она еще училась в школе. Это была застенчивая- хотя и сразу чувствовалось, что с характером! - приятная девушка, совершенно внешне на Сонни не похожая. У нее не было фирменных зомерберговских миндалевидных глаз: Шантелл пошла внешностью в мамину родню.

Сеньор Артуро очень был рад ее приезду. Он искренне любил свою семью, тосковал по ней и не мог дождаться, когда они наконец воссоединятся. Даже со своего скромного пособия он умудрялся выкраивать небольшие суммы на подарки жене и дочери. Я поражалась, как ему это удается. Вскоре сеньор Артуро переехал в

¹⁵² Porkeria – свинство (папиаменто)

¹⁵³ Che! Porkeria, swa! Nan ta porko!- Ay dios!- Ой боже! Фу! Ну и свинство, приятель! Они свиньи!- (папиаменто)

квартиру, которую снимала до него сестра Луизы, мамы Сонни, Имельда- там было достаточно места для всей его семьи. Когда придет Луиза и почему она не приехала в Голландию вместе со своей дочерью, оставалось неясным.

Я очень надеялась, что мы с Шантелл подружимся, но как-то не сложилось. Нет, отношения у нас были нормальными, но никогда не стали по-настоящему близкими. У Шантелл в Голландии возникла своя куча проблем, похожих на мои, только еще в более резкой форме. Если я еще «держалась на плаву», то Шантелл в них буквально тонула. Она никак не могла найти своего места здесь. Шантелл перепробовала учиться на кондитера, на парикмахера и на секретаршу. Но ни к чему из этого не лежала у нее душа. У нее не заладилось с учебой из-за языковых трудностей - хотя антильцев с начальной школы всем предметам обучают на голландском языке, это все-таки не то, что учиться в самой Голландии. У нее не появилось на новом месте друзей. Голландцев Шантелл - после знакомства с ними - не выносила на дух, в еще большей степени, чем я, и общалась только со «своими». Учитывая то, как голландцы относятся к антильцам, трудно ее в этом винить. Ей было трудно привыкнуть к тому, что она не может себе позволить здесь купить все, что ей хочется: дома ее баловали. Но даже не это главное: просто она чувствовала себя здесь совершенно чужой, и все здесь ей было чуждо. Она так тосковала по Антиллам, что за последующие годы практически раз в год уезжала обратно с твердым намерением больше в Голландию не возвращаться. И каждый раз была вынуждена опять возвращаться - потому что не могла найти на Кюрасао работу. А как жить, на что?...

Именно по этой причине - а вовсе не потому, что им так хочется жить в Голландии! - антильцы и покидают свои родные острова.... В этом плане мы с ними были товарищами по несчастью.

Уже тем летом у меня начались приступы депрессии - пока еще короткие, как летняя гроза, и потому я не понимала, что со мной происходит. Вдруг накатывала острая тоска, хотелось плакать, а если не получалось этого сделать, то я искала ссоры - чтобы суметь разреветься. Мне хотелось, чтобы меня пожалели, но жалеть было некому. Сонни и без того приходилось несладко: его родня видела в нем разрешителя всех своих проблем, и со всеми своими трудностями

они обращались к нему: от «Сонни, поговори с Шантелл, чтобы она взялась за ум и начала учиться!» до «Сонни, люди, которым мы сдали наш дом на Кюрасао, уже 3 месяца не платят за него. Разберись с ними!» Сонни никогда никому из них не отказывал - он очень серьезно подходил к своим обязанностям мужчины в доме. Когда я сейчас представляю, какой была его психологическая нагрузка, становится не по себе. А он никогда никому ни на что не жаловался и носил в себе все свои эмоции. Он брал на себя всю ответственность, какую только можно было взвалить на свои мужские плечи - а ценой за это было то, что он считал себя вправе и единолично принимать решения. Сначала чувствуешь себя с таким человеком как за каменной стеной, но через некоторое время ощущаешь, как стена эта вот-вот упадет и тебя придавит...

Никто не учил меня тому, что из себя представляет антильская культура, что в нет принято, а что нет. На эту тему не написано никаких учебников. Все пришлось узнавать опытным путем, именуемым голландцами «vallen en opstaan»¹⁵⁴ Было нелегко. Сонни не объяснял, почему что-либо делается так или эдак. Так полагается, и все. Помню, как удивлена была я, когда Сонни встретил на улице в Тилбурге своего одноклассника. Они завязали оживленный разговор на папиаменто, а я стояла рядом как посторонний человек: Сонни ему меня даже не представил, не сказал: «Это моя жена». Может, у антильцев это в порядке вещей? Мне было очень неприятно. Но в целом их отношение к женщине - романтически-галантное - устраивало меня гораздо больше, чем голландское. Голландцы были «*ongebakken machos*»¹⁵⁵: с одной стороны, не воспринимали женщин всерьез и относились к ним как к существам второго сорта, особенно в профессиональной сфере, а с другой стороны, панически боялись их и не знали, как с ними надо разговаривать и как им понравиться. Возможно, одно было связано с другим. У меня голландские мужчины вызывали чувство брезгливости.

Я чувствовала себя как пересаженная в чуждую для нее почву березка: перебалывала. То ли переболею и привьюсь на новом месте, то ли не выживу в этом процессе и засохну на корню...Пока больше было похоже на второе.

¹⁵⁴ Vallen en opstaan – падать и вставать (голл.)

¹⁵⁵ Недопеченные мачо (голл.)

Найти работу в Тилбурге, к счастью, и вправду оказалось намного легче, чем в Энсхеде. Я нашла ее уже в первую неделю: в ресторане «Мак Дональдс» Для тех, кто при этом названии начинает (справедливо) морщиться, поясню: это было то время, когда у нас в стране «МакДональдсы» только что открылись и считались последним писком моды. Это было время, когда Юлиан Семенов воспевал их в своих «ТАСС уполномочен заявить», - не имея на самом деле ни малейшего представления даже об их ассортименте. Его просто впечатлял сам «бренд». Поэтому не удивляйтесь и не корчите, пожалуйста, рожицы, если я скажу вам, что искренне гордилась тем, когда меня туда на работу сразу же приняли. Тем более, что Шантелл, попробовавшей поступить в «МакДональдс» вместе со мной, отказали. Меня взяли: поняли по выражению моего лица, что вкалывать я буду, как ломовая лошадь, чтобы «оправдать доверие»...

Меня несколько удивило, что более молодым за такую же работу платят настолько меньше: самым выгодным для ресторана было брать на работу 18-20 летних, ибо 16-летних, по закону, нельзя было оставлять на работу в вечернюю смену, а с 21 года надо было платить по максимуму. Именно из-за возраста и не взяли Шанталл – слишком молода для вечерних смен. Но это нанесло серьезный удар по ее вере в себя. Если уж ее даже на такую работу не берут...

По крайней мере, теперь я не буду сидеть на шее ни у Сонни, ни у государства, а буду честно зарабатывать сама на кусок хлеба! Я не очень-то надеялась на то, что мне уже в тот год удастся поступить в голландский университет. В ушах все еще звучал обидный смех толстого Маринуса и его семейки, когда я назвала апельсин «appelsientje». «Appelsientje», оказывается, была маркой апельсинового сока. А апельсин именовался по-голландски «sinasappel». Почему из-за этого надо было так смеяться над человеком, надо узнавать у экспертов по голландским нормам и ценностям...

... Первый урок, усвоенный мною в «МакДональдс» - сегодняшнему капиталисту мало того, что на него «таскают бревнышко»: ему, как режиссеру в знаменитой клоунаде Юрия Никулина, непременно надо, чтобы «типичные работяги» это бревнышко «весело подняли и ве-се-

ло, вот так, понесли!» Культура принужденного веселья начинается уже на нижних ступеньках «вхождения в общество»...

Сегодня, глядя на многочисленные объявления, упрашивающие поступать на работу в этот ресторан в избалованном вакансиями Дублине, я вспоминаю о том, какой радостью для меня было когда-то получить хоть какую-то, даже такую работу в Тилбурге. Я чувствовала себя гордой как петух - от того, что сама буду зарабатывать себе на жизнь, ибо для меня это один из главных критериев уважения к самой себе. О том, что такое «МакДональдс», о его роли в мировой экономике я, честно говоря, тогда не задумывалась. Первые 2 недели я драила пол. (Опять-таки это не что-то такое, чего я стыжусь самого по себе - нас воспитывали в уважении ко всем видам труда, - и я пишу об этом не жалобно-надпынным тоном: посмотрите как меня, бедняжку с высшим образованием, заставили мыть пол! Ничего со мной от этого не случилось.) После этого меня поставили на кухню. Работала я, по молодости лет, ударно, и меня не волновало, что меня ставили на работу 6 дней в неделю, а в дни знаменитой тилбургской ярмарки я работала до 2-3 часов ночи ежедневно. Ведь нам платили по числу проработанных часов. Чем больше, тем, стало быть, лучше.

Мне было 24 – дорого для ресторана,- но я так вкалывала, что заменяла собой, по меньшей мере, двоих. Поэтому меня и предпочитали держать на кухне -во-первых, не всем клиентам нравился мой акцент, а во-вторых, иногда 5 кассиров продавали одновременно то, что готовила я одна, бегая на кухне от одной плиты к другой. Меня, впрочем это не особенно волновало: я была девушка застенчивая, тихая, а работа на кухне своим механическим физическим характером помогала мне расслабиться от умственной нагрузки....

Работа на кухне такого ресторана похожа на работу на конвейере. Творчество, естественно, не требуется. Через некоторое время движения твои доходят до такого автоматизма, что голова совершенно во время работы отключается. Работать на тостере с хлебом легко. Там даже ожогов бывает мало: разве только в том случае, если хлеб пригорит, и надо будет доставать его руками. Работать на «украшении» булочек еще проще: одно нажатие на «пистолет» с кетчупом, одно - на «пистолет» с горчицей, щепоть лука, пару колесиков соленых огурцов и - в зависимости от заказов - по пластинке

сыра. Сыр старались беречь и иногда даже снимали с уже готовых булочек и клали обратно: одна пластинка стоила 40 центов! Единственное неудобство - после смены на «дрессинге» страшно воняют луком руки, запах не проходит несколько дней, как их ни мой. Работа на гриле - не из приятных; здесь можно здорово обжечься кипящим жиром. Через пару месяцев такой работы все руки у тебя будут в небольших красных отметилах, некоторые из них не сойдут всю жизнь. А еще после долгого стояния у горячей плиты у меня на всю жизнь остались красными щеки, хотя до этого румянца у меня отродясь не бывало. Самое опасное в смысле ожогов - работа на картошке. Ну, а самое приятное - с курицей, хотя ожоги там тоже могут быть.

Разговор на кухне идет на странном жаргоне: смеси обычных голландских слов с англоязычными командами: «Twaalf petties down!»¹⁵⁶ Я заметила, как в Голландии женщины таскают тяжести (в данном случае – многокилограммовые ящики с мороженой картошкой из кладовой) и, и никому не приходит в голову, что это может быть вредным для их здоровья. У нас в советское время на этот счет были строгие нормы. Это сейчас у нас тоже появились женщины-штангистки, а матерей с малолетними детьми в освободившейся от «ига коммунизма» России безо всякого заставляют работать в ночную смену. Не хочешь - увольняйся.

Самым тяжелым было, наверно, по столько часов стоять на ногах, но по молодости лет этого не замечаешь. Обедать можно было продуктами самого ресторана - за полцены (напитки бесплатно, кроме молочных коктейлей). Что в «МакДональдсе» все свежее, конечно, ерунда чистейшая. Свежее - в том смысле, что ничего не держат на прилавке больше 10 минут (после этого данную продукцию и в рот-то взять невозможно), а так все было мороженым, включая ингредиенты для салатов. Лук - сушеным, его разводили водой и настаивали в течение получаса. На ящиках с картошкой и мясом стояли даты изготовления: большинству ящиков было уже по несколько лет. Мясо было исключительно британской говядиной. Тогда еще никто не знал, что она собой представляет.

¹⁵⁶ 12 гамбургеров на плиту! (смесь голл. с англ.)

Работали в ресторане в основном молодые голландцы, не слишком образованные или же студенты. Иностранцев здесь было не так много: пара суринамцев, и все. Относились ко мне новые коллеги нормально; я не чувствовала себя непринятой в коллектив. И даже как-то стала «работником месяца». «МакДональдсы» в Голландии - двух сортов: принадлежащие самой корпорации и франчайзинги. Наш был франчайзингом. Изредка навевался хозяин, который, как в российских рекламах ельцинской эпохи, «сам не работал, на него работали его деньги». Ну, и мы, конечно. Когда он появлялся, менеджеры и работники стояли на ушах. Мне по душе был наш менеджер - веселый голландец индонезийских кровей, сам не чуравшийся тяжелой работы и становившийся вместе с нами на кухню, когда была в том нужда, но смотреть, как он заискивает перед хозяином, было достаточно противно.

Во время Кермиса ресторан работал каждый день до 2, а то и 3 часов ночи - в зависимости от наплыва клиентов. Даже туалеты на это время делали платными. На кухне было нестерпимо жарко, все окна были открыты, а за окном гремела непрерывная музыка и сверкали зазывающие огни аттракционов. До самого закрытия. В такие дни за мной заезжал Сонни на велосипеде - боялся за меня, если я буду добираться до дома на своем велосипеде одна. До дома Харольда было минут 40 быстрой езды. (В эти ночи город был полон пьяных, возвращавшихся с ярмарки.) Сонни тоже устроился на работу - в Тилбурге было много заводов. Правда, если меня взяли на постоянную работу, то у Сонни она была временная - то там, то здесь, то вообще никакой. После работы он сразу ложился спать - с будильником, поставленным на час ночи, чтобы проснуться и заехать за мной. Когда мы возвращались, он ложился спать еще на пару часов: в 7 ему было снова вставать. Я работала в основном после полудня. При таком сумасшедшем ритме жизни мы не только почти не имели возможность самим побывать на ярмарке (за всю неделю один раз), но и друг друга-то почти не видели.

Но я была довольна жизнью: после того, как я год прожила на пособие в около 800 гульденов в месяц, 1500 и больше казались невиданными деньгами. (Для сравнения: наша с Сонни квартира в Энсхеде стоила около 500 гульденов в месяц!). Такими, что даже не хотелось оставлять работу если поступлю-таки в университет. Но

очевидно, что в таком случае работать на полную ставку я бы уже не смогла.

Экзамен я сдала в июле, не особенно рассчитывая на успех. Хотя ежедневное общение на голландском языке с коллегами явно пошло мне на пользу. Помню, как я шла по старому университетскому городку с его мощеными камнем улочками, мельницей и корабликами на каналах, в котором я бывала и раньше, во время моей первой поездки в Голландию. В жизни не могла себе вообразить, что когда-либо буду здесь учиться. Сам экзамен, к моему удивлению, показался мне достаточно легким. На обратном пути я с удивлением заметила то, чего раньше никогда не замечала: сколько же улиц здесь названы именами членов королевской семьи! Беатрикс-лаан, Принц Клаустраат, Принц Бернард-каде... И ведь то же самое - в любом голландском городе! В любой деревне. И после этого голландцы еще смеют смеяться над тем, что в каждом советском городе есть улица Ленина? Это называется – «и эти люди запрещают мне ковыряться в носу!»...

В августе, когда я все еще работала в «МакДональдсе», в Москве пришел к власти ГКЧП. На работе мне все выражали искренне соболезнование по поводу «установления диктатуры» и интересовались, не расстреляли ли еще моих родных (!). Я не боялась. Горбачев был противен мне до глубины души (я уже смирилась с тем, что объяснять это голландцам было бесполезно!). Но у меня ни разу не возникло и чувство что то, что установилось, было долговечным. Не знаю, почему, но с самого начала меня преследовало ощущение какого-то невероятного, почти фантазмагорического театрализованного фарса. Ни один серьезный «путчист» не оставил бы в живых Ельцина и не позволил бы ему произносить картинные речи с танков под стрекотание камер CNN.

Через 3 дня все было кончено. Западные телеканалы передавали программы в сусальном стиле «и стали они жить-поживать да добра наживать». Трудно было представить себе, что будет дальше. Люди не могли тогда даже вообразить, до какой степени ими могут массово манипулировать. Мы - да в тот момент и весь мир! - еще были совершенно неискушенными в технологиях «цветных революций» (и тем обиднее, что украинцы, сербы и грузины ничему так и не

научились из нашего опыта!). Я тоже не была в этом плане исключением.

Нам бы насторожиться уже при известии о том, куда собирался бежать Ельцин, если бы начался штурм Белого Дома. Если кто подзабыл, в американское посольство. Но мы до такой степени ненавидели Горбачева, что нам казалось, хуже уже ничего не может быть. Многие даже искренне радовались, что Запад наконец-то «прозрел» и перестал поддерживать своего любимчика. А Запад к тому времени, видимо, просто раскусил, что за субчик Борис Николаевич, и как с ним обращаться. Не хотели Горбачева, родные? Что ж, получайте своего Ельцина...

Удивительно, как легко и бездумно мы продали Родину и все, за что боролись наши деды и отцы - человеку, купившему нас тем, что он пару раз съездил на работу на метро да зашел пешком в несколько магазинов - за поддержанную пачку красивых слов о демократии, суверенитете и рыночной экономике и о «500 днях», после которых мы все будем как сыр в масле кататься (сейчас о них уже ни одна собака не брешет). На Западе людей учат предохраняться от обманщиков и аферистов: «если их обещания кажутся вам слишком хорошими, чтобы это было правдой, как правило, так оно и есть». Но у нас не было опыта в предохранении от разного рода наперсточников, в том числе и от политики - не было раньше такой необходимости, потому что нас от них всегда оберегало государство...

И когда я сейчас вижу выборы где-нибудь в Зимбабве, где люди голосуют за оппозицию тоже только потому, что думают, что «хуже уже не будет», мне так и хочется крикнуть им: милые вы мои! Хуже - всегда может быть, да еще как! Мой критерий в оценке того или иного деятеля теперь основан на старом как мир принципе: скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, какую политику ты будешь проводить, придя к власти. Слова о свободе и демократии оставь в запасе для слабоумных.

... Вскоре после этого мне пришло письмо, что я принята в университет. Оставалось только жить да радоваться.

К сентябрю надо было принимать решение, где дальше жить и что делать. Мой университет был от Энсхеде слишком далеко. От Тилбурга - где-то часа полтора на поезде. К тому времени в Голландии

уже ввели OV Jaarkaart¹⁵⁷ для студентов, и Сонни принял героическое решение: мы откажемся от квартиры в Энсхеде, поселимся у Бьянки, которая сдавала комнату (нелегально, потому что она жила на пособие), и оба мы каждый день будем ездить из Тилбурга в свои соответствующие города на учебу. Больше всего на свете Сонни хотел переехать жить в Роттердам, где вообще антильцев было много и у него в частности было достаточно друзей. Но это было из области ненаучной фантастики: люди стояли на очереди на получение в Роттердаме съемного жилья у жилищных корпораций чуть ли не десятилетиями, а снимать квартиру у частного хозяина нам было не по карману. Оставалось только надеяться на чудо.

До сих пор удивляюсь, как нам с Сонни удалось втиснуть в одну маленькую комнатушку все, что у нас было расставлено в Энсхеде в двух. Велосипеды свисали над нашими головами со стены. Сонни вставал каждый день чуть ли не в пять утра. Ему надо было ездить в Энсхеде на практику, и он ежедневно проводил в поездках по 4-5 часов. Моя дорога до университета была короче, но я тоже уставала. Месяца через два как-то утром Сонни встал - и вдруг упал без сознания у холодильника, который мы тоже втиснули в нашу комнатушку. До такой степени он устал. Я очень напугалась, но Сонни очнулся уже через секунду и попытался заверить меня, что ничего страшного не произошло....

Жить в чужом доме было неудобно, Бьянка напоминала Снежную Королеву - не по внешности, конечно: это была толстая, непривлекательная женщина с маленькими глазками, а по характеру. Я старалась не дышать и даже не выходить лишний раз на кухню. Единственная, кто скрашивал мое существование в четырех стенах этого дома, была Марилена - дочка полицейского с Кюрасао, которая тоже снимала комнату у Бьянки, соседнюю с нами. Это была добрая, веселая девушка, учившаяся в Голландии на модельера. Но в декабре она попала в автомобильную катастрофу и повредила себе спину. И хотя травма ее оказалась не опасной, для Марилены, которая и так уже сильно тосковала по дому, это оказалось последней каплей. Как только ее выписали из больницы, она улетела обратно на Кюрасао

¹⁵⁷ Годовой проездной для студентов (голл.)

прямо с металлическим обручем вокруг головы, который с нее еще не сняли: чтобы успеть на Рождество...

Жизнь в университете оказалась достаточно интересной, но все-таки не совсем тем, что я ожидала. Во-первых, от многих занятий - по русскому языку - я, естественно, была освобождена, и поэтому у меня не завязалось такой близкой дружбы с другими студентами: мы слишком мало для этого времени проводили вместе. Во-вторых, из языков, которые я так хотела выучить, как оказалось, одни преподавались лишь с точки зрения исторической грамматики: то есть, никто не учил тебя говорить на современном языке, а в ходе курса только сравнивалась современная грамматика, допустим, литовского с тем, какой она была в XVII веке (?!) , а другие преподавались хоть и современные, но тоже весьма оригинально: например, на уроках грузинского совсем не учили грузинскому алфавиту, а все тексты давались в латинской транскрипции. Да что там грузинский, даже более традиционные славянские языки преподавались профессорами, которые знали их грамматику, но сами на них говорить не могли! Да... Вот тебе и хваленое европейское образование. Такого я еще нигде не видела.

Я была демотивирована и бросила многие курсы, на которые записалась. Благо, их можно было бросить: обязательных предметов было мало, а по остальным нужно было только набрать за год необходимое количество баллов из предложенного на выбор. Всем было все равно, что ты, собственно, изучаешь по содержанию. Мое общее впечатление от голландской системы высшего образования - ее удивительная бессистемность. Знания, которые давались, были какими-то фрагментированными обрывками: кусочек того, ломтик этого... Наша система на этом фоне ассоциировалась со строительством солидного здания, которое продуманно возводят по кирпичику, начиная с самого широкого фундамента. Голландское образование было эклектическим зданием, построенным на песке.

Учиться было достаточно легко, даже несмотря на то, что все лекции и все учебники были на другом языке, который я изучала всего год. Я думаю, что благодаря моему советскому фундаменту. Создавалось даже ощущение, что учиться у нас в Москве - на родном мне языке!- было труднее. Требования были выше, знания были глубже. Их объем был больше. Я была поражена легкостью тестов

типа «multiple choice». Да такие у нас последний идиот мог сдать – если он хоть немножко владел логикой!

Но голландские студенты жаловались, что им трудно... Впрочем, когда я увидела по телевидению программу, в которой взрослые, закончившие школу голландцы не могли показать на карте свою собственную страну (!), это перестало меня удивлять.

Одним из обязательных предметов на первом курсе было введение в Русландкюнде¹⁵⁸. Эдакая советология по-голландски. Это была не только история нашей страны - в голландском ее видении- но и ее обществоведение, экономика и даже право. Одним словом, сборная солянка. После первого курса можно было выбрать это направление в качестве специализации, с тем, чтобы потом стать экспертом (дескундиге) по Восточной Европе и выдавать «мудрые» комментарии где-нибудь в программах из рубрики «Актуалитеитен» . Когда я впервые ознакомилась с учебником по этому предмету, у меня мороз пошел по коже. Это была именно та книга, в которой утверждалось, что наши женщины работают только потому, что их мужья недостаточно зарабатывают (!) Там еще много чего утверждалось. Например - на полном серьезе - что в СССР не было профсоюзов. Вот таких экспертов - в чьей собственной стране почти нет ни женщин-врачей, ни женщин-профессоров, видимо, потому, что их мужья достаточно зарабатывают!- выпускает голландская высшая школа....

Я была счастлива, когда этот курс подошел к концу. Невозможно лгать о своей собственной стране только для того, чтобы сдать экзамен, и поэтому на вопрос на нем, была ли власть большевиков легитимной, я отписалась пространной фразой, смысл которой сводился к тому, что если на нее смотреть с западной точки зрения, то нет (иначе экзамен бы мне завалили!). Но кто сказал, что мы обязаны на все смотреть с западной точки зрения?...

...Наступило самое противное для меня в Голландии время года - Рождество и Новый год. Я не могла привыкнуть к черным, мокрым, холодным улицам без снега. Тоска по дому в эти недели становилось такой, что почти хотелось выть. Я все еще боялась домой поехать - ведь я не спросила разрешения на то, чтобы в Голландии выходить

¹⁵⁸ Ruslandkunde - россиеведение (голл.)

замуж. Кто знает, на сколько там меня задержат... Эмигрантская пресса и наши доморощенные голландские эксперты по советским делам-преподаватели запугивали, что таких, как я вообще чуть ли не отдадут под суд как предателей. Сколько мне понадобится здесь пробыть пока я не смогу опять увидеть своих родных, было неясно. И от этого на душе становилось еще муторнее.

Но под Новый год все-таки произошло маленькое чудо: ответили на наше объявление в роттердамской газете о том, что «молодая серьезная пара ищет квартиру»! Женщина говорила со странным акцентом, и фамилия у нее была явно не голландская - Попеску, но какое это имело значение! В первый же возможный выходной мы поехали в Роттердам - смотреть квартиру!!

Дом оказался в старом районе в западном Роттердаме. Здесь мы сразу почувствовали себя как дома - кого здесь только не было! Турки и арабы, антильцы и суринамцы, югославы и китайцы... И даже целое поселение выходцев с островов Зеленого Мыса! Никто не косился на тебя, если ты не был блондином. Скорее наоборот - косились, если ты им был.

Мадам Попеску пришлось долго ждать - она опоздала чуть ли не на час, и я уже была готова расплакаться, когда она наконец появилась. Это была молодая - моложе меня - хорошенькая, но задерганная девчонка с маленьким ребенком, выкрашенная в блондинку, так неумело, что она казалась рыжей.

- Сюзанна, - представилась она. - Извините за опоздание, мы к тете в Брюссель ездили.

Следом за ней шагала средних лет дама с решительным лицом - ее мама. Мы поднялись по старым затертым башмаками ступенькам внутрь дома. Попеску принадлежал первый этаж, на втором жили какие-то голландские художники. Входная дверь была общей. Это был старый дом, построенный еще в 1911 году - большая редкость в Роттердаме, который почти целиком был разрушен во время войны бомбежками. Было такое чувство, что дом с тех пор и не ремонтировался. В нем были высоченные потолки, две комнаты, разделенные стеклянной перегородкой и дверью (пол в одной из комнат был явно выше, чем в другой), кухня, малюсенькая кладовочка и душ с туалетом на площади в 2 квадратных метра.

-Здесь у нас в подвале еще кое-какие вещи стоят, - сказала мама мадам Попеску.- Мы их потом заберем.

В той комнате, окна которой выходили на улицу, был встроен газовый камин - единственное на весь дом отопление. Во второй комнате, окнами на маленький треугольный садик, окруженный со всех сторон такими же старыми и угрюмого вида домами, не было даже батареи. На кухне тоже. Из окна в сад вела лестница, спустившись по которой, можно было выйти на дверь в подвал – целый подземный этаж. Я видела, как в амстердамских домах такие подвалы реставрируют и сдают под жилье. Но здесь была полнейшая разруха. Стояли какие-то старые диваны и лампы и банки с соленьями - очевидно, то, что мадам Попеску собиралась в один прекрасный день отсюда увозить. Она открыла одну из банок, руками достала оттуда большой консервированный красный перец и стала его с аппетитом поедать. Мама вела за Сюзанну почти всю беседу. Зрелище это было настолько странное, что я не выдержала и спросила их, откуда у них эта квартира.

- Досталась от бабушки, - пояснила Сюзанна. Лицо у нее было искреннее и открытое. - Ну как?

Мы с Сонни переглянулись. Несмотря на плачевное его состояние, для нас это был целый дворец. Две комнаты, свой садик! И всего-навсего в полчаса езды на трамвае от центра Роттердама! Трамвай был тут же, за углом, в 2 минутах от дома.

- По рукам.

- 600 гульденов в месяц. («И всего только на 100 гульденов больше, чем была наша халупа в Энсхеде!») Плюс залог. Я буду сама за деньгами приходить. Я сейчас живу в Схидаме у мамы. Вот мой телефон.

Мы подписали контракт.

- Как писать, на год, на два? - спросила мама.

- Мы хотели бы на неопределенное время.

- Пусть будет неопределенное, так даже лучше! - согласилась Сюзанна.

Мы еще не знали, что в этой фразе кроется наше спасение.

...В середине января мы переехали в Роттердам. Отсюда мне было всего полчаса добираться на поезде до университета, а Сонни

готовился уехать на стажировку домой на Кюрасао на целых полгода, так что ему оставалось недолго потерпеть. Сеньор Артуро все еще не получил своего жилья в Тилбурге, и мы решили временно взять его с собой. Тем более, что места теперь на всех хватит! Настроение было праздничное.

Мы приехали в Ньюе Вестен¹⁵⁹ в субботу, а для того, чтобы переоформить газовое снабжение и электричество на наше имя, надо было дожидаться понедельника. Два дня у нас зуб на зуб не попадал, и мы все трое спали в зимних пальто и укрытые всеми одеялами, которые у нас только были...

После этого газовая печка в доме работала чуть ли не сутками напролет. Счета за газ были ого-го! Но это была единственная возможность хоть как-то согреться. Сеньор Артуро держал рядом с постелью в своей комнате переносной электрический обогреватель, но все равно был вынужден спать с грелкой. Вода в доме нагревалась как в наших «хрущевках» - от газовой колонки на кухне. Периодически колонка самопроизвольно гасла, и мы с риском для жизни (кто знает, может, газ еще идет?) и с трудом разжигали ее снова. В душе был такой холод, что для него пришлось покупать отдельный обогреватель. Пол после принятия душа не просыхал сутками, по стенам моментально расплзалась черная плесень. Окна в комнате, выходящей на улицу у нас были постоянно занавешены: не очень-то приятно, когда с улицы к тебе заглядывают прохожие. И сразу было видно, что мы не голландцы: голландцы занавески вообще закрывают редко! Видимо, это у них историческая память о временах инквизиции.

Прошла пара месяцев, и мы совершенно освоились на новом месте. Наконец-то мы жили в большом, интернациональном городе! Именно то, о чем я мечтала, именно то небольшое, что мне в Голландии еще оставалось по душе...

У квартала была плохая слава, но ни разу за все 5 лет жизни там с нами ничего не случилось. Как только в квартале знали, что ты свой, к тебе и относились соответственно. Сосед-марокканец из кофе-шопа помогал мне донести до дома новогоднюю елку в ведерке (Сонни был принципиально против празднования любых праздников, и дом я в таких случаях украшала в одиночку). Все было здесь рядом: трамвай,

¹⁵⁹ Nieuwe Westen – квартал в западной части Роттердама

метро, даже ночной магазин с хозяином из Кабо Верде¹⁶⁰, который поначалу принял Сонни за своего! Через квартал от нас был наполовину суринамский «чайна-таун», где можно было на ходу перекусить вкусным *roti*¹⁶¹. (Именно там потом Сонни найдет свою вторую жену, Чан-ли). Напротив нашего дома была мечеть, где сбоку в магазинчике продавали вкусный свежий турецкий хлеб, похожий на грузинский лаваш. Голландцы были у нас в квартале такой редкостью, что когда в школе, расположенной за мечетью, проходили выборы, и на улице появлялись 2-3 истинных арийца, народ смотрел на них так, будто они с Луны свалились, а сами они, судя по их виду, нас просто даже боялись! Голландцы вообще храбростью не отличаются, несмотря на свои длинные языки (*grote bek*).

Соседи сбоку были марокканцы. Они жили над аркой, ведущей к гаражу и складу, раскинувшимися за нашим домом. Соседи были тихие, приятные. Периодически их дети выбрасывали в наш сад свои старые школьные тетрадки. Хорошо, что не памперсы. (К тому моменту, когда наши с Сонни отношения дошли до точки кипения, у марокканских соседей ночью обрушилась наружная стена вместе с лестницей, и им срочно дали новую квартиру, а стену наскоро заколотили фанерой. Дом доживал свои последние дни...). Художница сверху, с которой мы делили входную дверь, Каролина, была очень маленькая и худенькая девушка-голландка с большим тяжеловесным старомодным велосипедом. Несмотря на хрупкость, она поднимала страшный шум у нас над головами, когда ходила по своей комнате - такими скрипящими в доме были полы. С другой стороны у нас за стенкой был кофе-шоп. Что такое голландский кофе-шоп, вы, наверно, слышали. Правильно, место где разрешается торговать «мягкими» наркотиками. Хозяин, тоже марокканец, был очень вежливым, а сам кофе-шоп - очень спокойным, хотя клиентов у него было полно: машины к нему вечером не успевали приезжать и отъезжать. Единственный, кто мешал нам жить спокойно, был голландский сосед через дом: всю неделю его не было слышно, зато в субботу глубокой ночью, часам к 4, у него начинала греметь рок-музыка – да так, что у

¹⁶⁰ Кабо Верде – острова Зеленого Мыса

¹⁶¹ Суринамское нац. блюдо

нас стены сотрясались. Сонни только натягивал на голову одеяло и молчал. В полицию в таких случаях всегда звонила я...

....Наступила еще одна весна. «Пришла весна, чирик-чик-чик...»

Стало немножко веселее на душе, меньше стали счета за газ. Что касается платы за жилье, то мадам Попеску регулярно раз в месяц приходила за своей почтой и за деньгами. У нее был ключ от наружной двери. Мы свыклись с мыслью, что нет ничего необычного в том, что румынской иммигрантке принадлежит какая-то развалюха в старой части Роттердама, которая досталась ей от бабушки: мало ли, может, бабушка эмигрировала в Голландию еще после Второй мировой, а потом только перевезла своих родственников...

В марте Сонни уехал на Кюрасао - проходить стажировку по специальности. Он не был дома уже несколько лет и с нетерпением готовился к этой поездке. Жаль, конечно, нам было расставаться, но я обещала приехать к нему на все лето, когда у меня начнутся каникулы. После того, как я снова стала студенткой, я сначала перешла в своем «МакДональдсе» в Тилбурге на пол-ставки (менеджер был не очень доволен потерей фулл- тиме хорошего работника, но возражать не стал), а потом, когда мы переехали в Роттердам, перешла - тоже на полставки - в «МакДональдс» местный, где хостом работал уже знакомый нам Эйдан. Работала я по средам и по воскресеньям и откладывала заработанное на предстоящую поездку.

Тилбург был далеко не худшим местом, где мне довелось работать. На мое новое место работы - возле стадиона «Фейеноорд» - в дни футбольных матчей приходилось пробираться под защитой конной полиции.

Если наш тилбургский менеджер-индонезиец в трудные минуты засучивал рукава и с песнями и прибаутками присоединялся к нам на кухне, то от роттердамских менеджеров этого ожидать не приходилось. Зато здесь было много больше иностранцев, и я сразу с ними сдружилась - с греками, марокканцами, турками, антильцами и суринамцами. Менеджеры здесь считали каждый кусок, который мы съедали. Один раз я даже не выдержала и ответила на замечание одного из них: «Я заплатила за то, что ем!».

Они запрещали нам обычно уносить еду домой даже после закрытия ресторана, когда она все равно выбрасывалась (среди нас были такие, у кого дома было по 5-6 детей, и родителям было не до

выбора, что есть самим). Иногда, когда их выбрасывали у нас перед носом, упитанный маменькин сынок (или дочка), работающий исключительно на собственные мелкие карманные расходы, весело провозглашал на всю кухню, опрокидывая полный поднос в мусорный бак: «Это – для Эфиопии! Это - для Зимбабве!».

Через какое-то время у некоторых из нас начали исчезать вещи. У одного аллохтонного коллеги исчез новенький велосипед из закрытого двора ресторана. Взамен администрация подарила ему с извинениями дешевенькие часы. А еще через несколько месяцев вор неожиданно обнаружился. Весьма «неортодоксальным» методом: анонимно заявившиеся под видом клиентов гости из головного офиса корпорации подбросили нам кошелек. Нашедший его «аллохтон» - полотер честно отнес его менеджеру. Через некоторое время хозяин заявился за кошельком, но менеджер заявил ему, что никакого кошелька мы не находили. Кошелек был спрятан им в сейфе. В нем было всего около 200 гульденов. Мелочь, по сравнению с его зарплатой. Вору предложили подать заявление об уходе добровольно.

Через полгода я встретила его в аэропорту, где он руководил - опять-таки «каким-то аллохтоном», поучая его, как надо работать! - в очередном заведении общепита. Даю голову на отсечение, что если бы вор был не голландцем-блондином, эта скандальная история обошла бы сразу же все газеты, с точным указанием на географическое положение страны, откуда были родом его предки.

...Сонни уехал, и мы с сеньором Артуро остались одни. Мы хорошо уживались, по очереди готовили обед и беседовали о политике по вечерам. В отличие от Сонни, его не раздражала моя привычка вслух комментировать новости. Я привыкла к этому дома с детства, мы все так вечером смотрели программу «Время» - ведя своего рода диалог с происходящим на экране. Сонни это приводило в бешенство, а сеньора Артуро - нет. Периодически Сонни звонил, иногда даже ночью (из-за разницы во времени) и очень обижался, если я говорила: «Ты знаешь, который у нас сейчас час?». В сфере чувств Сонни был максималистом: по его мнению, любящий человек был бы так рад звонку, что такого вопроса бы не задал. Но я только что вернулась из вечерней смены в «МакДональдсе», а утром у меня был экзамен...

...Через несколько недель после Сонниного отъезда в нашу дверь постучал незнакомый приличного вида голландский господин и попросил мадам Попеску.

- А она здесь больше не живет! - сказала я.

- Вот интересно... - сказал он,- А жилье за собой оставила, причем вот уже 3 месяца за него не платит. А Вы, простите, кто будете?

Сердце у меня оборвалось и ушло в пятки.

Что-то скрывать не было смысла, и я честно поведала ему, кто мы и как мы здесь оказались. Господин был глубоко возмущен - нет, не нами, а мадам Попеску. Оказалось, что жилье это принадлежит одной из роттердамских жилищных корпораций, у которого мадам Попеску его снимает. Только вот уже несколько месяцев не платила, и поэтому он пришел выяснить в чем дело.

- Простите меня за нескромный вопрос, вы сколько ей платите?

Я сказала. Господин схватился за сердце.

- Вы знаете, сколько эта квартира на самом деле стоит?

Естественно, я не знала.

- 220 гульденов 41 цент в месяц. То, что она с вами проделывает, это же натуральный грабеж!

Тут уже схватилась за сердце я - и не столько потому, что было жалко денег, сколько от страха: что же теперь будет? Сонни рядом нет... А вдруг нас выставят на улицу? На звук разговора вышел сеньор Артуро. Когда он понял, в чем дело, он тоже схватился за сердце. Я показала голландцу подписанный с мадам Попеску контракт.

- Это хорошо, что у вас есть такой документ, - сказал он ободряюще.

- Еще лучше, что там говорится «на неопределенное время». Если бы было на определенное, - ну, скажем, на год, то через год она могла бы вас выставить. А сейчас - я советую вам взять этот документ и пойти к хорошему адвокату. И не бойтесь, никто не будет вас выселять. По крайней мере, мы не будем. А она - не имеет права, потому что это не ее собственность.

Я предложила ему начать платить за жилье корпорации.

- Нет, что Вы, не надо. У нас договор с мейфрау Попеску, а не с вами. Чем дольше она не будет нам платить, тем быстрее мы сможем этот договор с ней через суд расторгнуть - понимаете? Правда, это может продлиться долго. Даже год. А уже после этого мы подпишем договор с

вами. И вы останетесь на своем месте. Я очень сочувствую вам, что с вами так обошлись. А Вы знаете ее новый адрес?

- Нет, не знаю, знаю только что она живет у мамы в Схидаме. Вот ее телефон.

- Прекрасно! Спасибо, этого будет достаточно...

И он удалился. Бывают и среди голландцев нормальные, живые люди! Мы с сеньором Артуро минут 10 не могли прийти в себя - потеряли дар речи. Что же делать? Позвонить Сонни и рассказать все ему? Но он же так разволнуется, что тут же бросит свою стажировку и вернется! И мы решили молчать как партизаны до его возвращения и со всей ситуацией справиться самим. Мне было страшно, если честно: я никогда еще не попадала в юридический переплет, тем более в чужой стране...

... Адвокат посоветовал:

а) перестать платить мадам Попеску (договор незаконен, она может попробовать заставить нас платить, но вряд ли суд будет на ее стороне), на всякий случай откладывая эти деньги в сторонку: так она быстрее будет вынуждена от квартиры отказаться;

б) поменять замок в наружной двери, чтобы она не смогла больше забирать свою почту, и отправлять эту почту обратно с пометкой «адресат здесь больше не живет».

Что мы и сделали.

... Мама мадам Попеску (я почему-то предчувствовала, что это будет не она сама) примчалась к нам ближе к вечеру. Видимо, приятный господин из корпорации им уже позвонил. К счастью, мы уже успели заменить замок, и я оставила на дверях записку, что с нею свяжется наш адвокат. Она еще долго бушевала под дверью и колотила в нее ногами, а мы с сеньором Артуро сидели тихо, как мышки, притворяясь, что нас нет дома...

Наконец разъяренная фурия, так ничего и не добившись, села на трамвай и уехала к себе в Схидам. Рубикон был перейден.

Поскольку такая ситуация случилась со мной в первый раз в жизни, я очень сильно переживала и даже не спала по ночам. Нервы начали сдавать. Каждый день я боялась подходить к двери, если в нее кто-то звонил, боялась прихода почтальона. Ненавижу подобное состояние с

тех самых пор. У меня оно после этого было в жизни еще 2 или 3 раза - при разных обстоятельствах.

... Сонни мы так ничего и не сказали - до тех пор, пока на Кюрасао не поехала я сама. Ситуация продлилась действительно почти целый год, с обменом угрожающими письмами, написанными нашим и ее адвокатами, понять которые из-за юридического жаргона, да еще на чужом языке можно было с трудом. Когда наконец все завершилось - расторжением контракта с мадам Попеску и подписанием его с нами, причем ей еще предстояло выплатит корпорации кругленькую сумму за все эти месяцы, - это было огромным облегчением! Мы зажили в нашей развалюхе вполне легально.

А еще через год Сонни как-то заказал по телефону с доставкой пиццу. Доставивший ее курьер протянул пиццу через окно - Сонни нетерпеливо выхватил кусок прямо из коробки!- и сказал:

-Вам привет от Сюзанны!

- От какой Сюзанны?

-Которая раньше жила в этом доме. Она у нас в пиццерии на телефоне работает.

Сонни чуть не подавился горячим куском и даже, как мне показалось, побелел. Свою пиццу (а это была вкусная calzone¹⁶²) он после этого есть так и не стал.

- А вдруг она туда чего-нибудь подсыпала? - шепнул мне он.

... Приближалось время моего отъезда на Кюрасао. Я и радовалась, и нервничала. Еще никогда я не летала через океан. Эйдан, который был таким общественно-активным и у которого в антильских кругах были такие большие связи, что впору было подумать, уж не в премьер-министры ли он готовится в будущем (благо, язык у него был здорово подвешен!), помог мне найти билет подешевле. Как ни странно, для того, чтобы долететь дешевле из Амстердама до Виллемстада¹⁶³, надо было сначала поехать из Роттердама на поезде в Маастрихт (!), потом из Маастрихта полететь на «кукурузнике» «Фоккере» в Амстердам, а уже потом оттуда - в Виллемстад! Логика, на мой взгляд,

¹⁶² Пицца с начинкой внутри, как пирог

¹⁶³ Столица Нидерландских Антильских островов

Совьетика Часть 1

в этом не было никакой, но логика и цены при капитализме- вещи несовместимые. Видимо, из Маастрихта просто было меньше желающих туда лететь. Так или иначе, это означало, что выезжать мне придется на целый день раньше! Эйдан и его подруга, волоокая чернокожая красавица-студентка по имени Марина вызвались проводить меня до маастрихтского аэропорта.

- Слушай, а почему бы тебе не сходить с нами на наш фестиваль? - неожиданно спросила меня Марина.

- Какой фестиваль?

- У нас накануне твоего отъезда будет фестиваль песни для антильких студентов в Нидерландах. Кое-кто из моих друзей там будет петь, и даже Шумайра из вашего с Эйданом «МакДональдса»!

Шумайра была арубанская девушка совершенно европейской внешности. Никто бы никогда и не подумал, что она антильянка, если бы не имя. Посмотреть на нее поющей было бы действительно крайне интересно. Может, она еще и танцует?....

- Ой, я не знаю...

-Чего ты не знаешь?

- Пойду я или нет. А что скажет сеньор Артуро?

- А что он может сказать?

- Все-таки я теперь замужня женщна, а хожу без мужа одна по каким-то вечеринкам...

- Брось, ты же не за мусульманином замужем! Хочешь, я сама с ним поговорю?

Меня и саму удивило, что я так отреагировала, но такие уже сложились у нас с Сонни к тому моменту отношения. Мусульманин не мусульманин, но он был ужасно ревнив. Сонни ревновал меня даже к актеру Джефу Голдблюму – после того, как я сказала, что тот красивый. Если я заходила после занятий к кому-нибудь из своих голландских сокурсниц, я всегда давала ему их телефон, и через некоторое время он начинал им названивать - якобы чтобы убедиться, что я нормально до них добралась. Как будто я неразумный ребенок. Сеньор Артуро же был просто старомодный человек, другого поколения, со своими на это взглядами. По его мнению, подобные мероприятия – это было несерьезно.

Но я все-таки пошла на этот фестиваль: уж слишком тоскливо было мне дома. Все это время я и не осознавала, а тут вдруг поняла, что с момента замужества у меня практически не было ни подруг, ни уж тем более друзей!

На фестивале я снова почувствовала себя такой, какой я привыкла быть дома. Фрустрации, накопленные за два года жизни в Голландии, начали постепенно отходить на задний план. Шумайра, как я почему-то и думала, оказалась певицей весьма слабенькой. Я искренне болела за одноклассника Марины с шотландским именем, который пел сочиненную им самим песню «Stranger of a destiny»¹⁶⁴. Но если быть объективной, лучше всех - по-настоящему профессионально! - пела темнокожая девушка с Синт-Мартена, которая училась в консерватории и исполняла арию из какого-то мюзикла! Было настолько очевидно, что она на голову выше прочей самодеятельности, что я удивилась реакции моих новых антильских друзей, которые считали, что их засудили по признаку происхождения (с островов ABC)¹⁶⁵, отдав победу этой девушке только потому, что она англоязычная. Я и не подозревала, что между жителями этих маленьких островов существуют такие серьезные трения! Почти как у моего гвинейского друга Мамаду с плато Фута Джаллон, который с презрением отзывался о «les forestiers»¹⁶⁶.

Победительница как бы чувствовала, что ее победе рады не все. Она выходила из зала, низко опустив голову, хотя и сияла от счастья.

- Congratulations!¹⁶⁷ - сказала я ей по-английски. Я вообще старалась говорить с антильцами по-английски, чтобы не дай бог, кто-то из них не подумал, что я голландка. Но для нее это был еще и родной язык, чего я в тот момент не осознавала. Услышав слова на родном языке, она обернулась с благодарностью:

-Thank you so much!¹⁶⁸!- и мне даже показалось, что в ее глазах блеснули слезы.

¹⁶⁴ Чужак судьбы (англ.)

¹⁶⁵ Острова ABC- Aruba, Bonaire, Curacao.

¹⁶⁶ Les forestiers- лесные жители (в данном случае - жители юга Гвинеи)

¹⁶⁷ Поздравляю (англ.)

¹⁶⁸ Большое спасибо (англ.)

Гостем на фестивале выступал один веселый средних лет арубанец - Эфрен Бенита¹⁶⁹. По словам Эйдана, среди антильцев он был достаточно известный певец, но я раньше никогда не слышала о нем. Велико было мое удивление, когда через несколько лет я, будучи уже в Ирландии, вдруг увидела его по телевидению на конкурсе Евровидения, выступающим за Эстонию! Да не просто выступающим, а одержавшим для Эстонии победу!!

После самого конкурса началась дискотека, и я, к своему удивлению, «дозрела» до того, чтобы впервые в своей жизни публично станцевать меренге! С двоюродным братом Марины по имени Марио.

Марио был намного моложе меня - я воспринимала его почти как ребенка, поэтому и не побоялась, что мой танец с ним у кого-то вызовет какие-то пересуды. Кроме того, в нем было что-то такое, словно он понимал тебя совсем на другом уровне, чем остальные антильцы. В нем начисто не было типичного антильского «мачизма». У него были большие черные глаза, как у дикой антилопы, а сам он был высокий, худенький и гибкий, как тростинка. В одном ухе у него была серьга. Разговаривать с ним было легко и просто.

Танцевала я неплохо; Сонни, бывший моим учителем, мне это тоже говорил, но я никогда раньше не осмеливалась показать свое умение вне стен нашего дома. Боялась быть такой же смешной, как танцующие латиноамериканские танцы голландцы - прыгающие, как козлики вместо того, чтобы двигать бедрами почти не сходя с места. Хотя сами они совершенно не смущались, это было, как в известном анекдоте, отвратительное зрелище, и я-то хорошо знала, как смеются над ними за глаза по этому поводу антильцы...

Но слава богу, меренге я танцевала, не в пример голландцам, нормально. Вот сальса у меня не получалась, и я бы никогда даже не осмелилась попробовать танцевать ее на публике, не умея. Я не чувствовала перемены ритма во время сальсы, не ощущала, где и в какую сторону надо поворачивать, как Сонни ни старался меня научить. Меренге намного проще!

¹⁶⁹ Настоящее имя Дэйва Бентона, уроженца Арубы, победившего от Эстонии на Евровидении в 2001 году

Марио меня тоже похвалил, а я сама долго еще себе не могла поверить, что я на это осмелилась! (По природе я человек ужасно стеснительный, хотя те, кто меня только сейчас знают, могут в это и не поверить.) Когда я через пару недель не преминула похвастать перед Сонни, он, однако, в восторге не был, а вместо того обиделся. Только на этот раз не из-за традиционной ревности:

- Со мной, значит, ты не захотела танцевать, а вот с *марику*¹⁷⁰!...- с укором и презрением сказал он.

Марику? Так другой бы радовался на его месте! Тогда уж точно не к кому ревновать.

Тот, кто знаком с антильской культурой, знает, что *марикунан*¹⁷¹ по возможности с Кюрасао эмигрируют. И не стоит удивляться, почему. Вот представьте себе картину: вдоль дороги идет, повиливая по-женски бедрами, молодой человек с дамской сумочкой в руках и с накрашенными губами. Где-нибудь в другой стране, возможно, его бы просто не заметили, но на Антиллах... Ни одна проезжающая мимо машина его не пропустит без гудения клаксонов и веселого улюлюканья водителя и пассажиров:

- Эй, марику!!

Когда я была на Антиллах, со всех сторон, изо всех окон гремел популярнейший в тот момент рэггейтон-хит панамского певца по имени Нандо Бум:

*«... No queremos mariflor,
No queremos mariflor,
No queremos ma-ma-ma-ma-ma-ma-mariflor
...En Colombia, no queremos mariflor, ah
En Panamá, no queremos mariflor, ah
En Costa Rica, no queremos mariflor, ah
En Puerto Rico, no queremos mariflor, ah...»*

И даже:

«Busca la solución para echar a un homosexual

¹⁷⁰ Mariku – гомосексуалист, гей (папиаменто)

¹⁷¹ Marikunan – мн.ч. от марику

Pat, pat, muerte es la solución...»¹⁷²

Я испанского не знала, папиаменто тогда знала с натяжкой (потому изо всей песни понимала только «по мерсу»¹⁷³ и звуки автоматной очереди), но мне очень нравился ритм этой песни. Под нее было так хорошо танцевать. Я и понятия не имела, что в ней призывают к отстрелу таких, как Марио....

Забегая вперед, скажу, что Северная Ирландия в этом отношении от Антилл мало чем отличается.

Интересно, а исполнял ли Нандо Бум эту песню в Европе?... Представляю себе, какие вопли подняло бы цивилизованное сообщество! Что ж, каждому - свое. Одни оскорбляют *марику*. Другие, считающие себя *более цивилизованными*, не дают прохода мусульманам и делают все возможное, чтобы лишить мусульманок любого доступа к общественной жизни – только потому, что они одеты не так как они сами. Не вижу разницы!

Во время дискотеки после фестиваля произошло еще одно событие. Эйдан познакомил меня с Энрике - Человеком, Который Был Знаком с Бобби!

Энрике Схоневольф (что переводится на русский как «красивый волк») был маленький, щупленький антильский пацан из Лелистада, державшийся с большим достоинством - он уже был профессиональным певцом и даже выпустил свой диск (правда, где его можно было приобрести, осталось тайной). Лелистад - это город в Нидерландах, один из самых новых, административный центр провинции Флеволанд, построенный на искусственной земле, возникшей после осушения моря благодаря строительству дамбы.

- Женя, помнится, ты как-то говорила, что тебя интересует Бобби Фаррелл? Вот Энрике хорошо его знает....

¹⁷² Песня панамского певца Нандо Бум «No queremos mariflor» – антигомосексуального содержания, была большим хитом на Антилах в 1992 году

¹⁷³ Нет пощады (англ.)

У меня задрожали колени, ладони рук словно пронзило электричеством . Я вдруг почувствовала себя девчонкой-школьницей. Сонни, замужество, жизнь в Голландии, *кааскопы*, переворот ГКЧП- все уплыло в какую-то дымку....

- Правда? Ну, как он, где он? - только и смогла выдавить из себя я.

- Дела у него не сахар, - улыбнулся Энрике,- Живет на пособие по безработице (у него отобрали имущество в Германии за неуплату налогов, и они с женой переселились в Голландию), Sociale Dienst¹⁷⁴ постоянно наступает ему на пятки, думают, что он подрабатывает по черному... Одним словом, хорошего мало. Но я уважаю старикана, это такая сильная личность и настоящий профессионал!

Старикана? Да что он понимает! Любовь и жалость к Бобби хлынули мне в сердце с неслыханной с 13-летнего возраста силой. Бедненький! Он заслуживает лучшего! Боже мой... я живу с НИМ в одной стране... Это просто невероятно! Я могу его живым увидеть! Это было не только похоже на сказку- это превосходило ее во всех отношениях. Да если бы я только могла поведать ему, как много он значил для меня в моей жизни... какой счастливой он и его коллеги сделали меня в моем детстве... что я даже выходя замуж, думала о нем...!

- Ой, а Вы не могли бы передать ему от меня привет? Мне так ужасно хотелось бы хоть раз в жизни поговорить с ним!- вырвалось у меня помимо моей воли. Энрике понадувал для важности щеки и пообещал помочь. Дома я поспешила поделиться своей радостью с сеньором Артуро. Но он ее почему-то не разделил.

...Увы, до отлета на Кюрасао никаких хороших новостей не поступило. Энрике несколько раз заходил к Бобби, но, по его словам, он куда-то уехал, и даже Боббина жена не знала, где он. Мне это показалось немного странным: как жена может не знать, где ее муж, если его нет уже несколько месяцев? Почему так было, я узнала позже.

Советский поклонник того или иного актера, певца или тем более писателя - совсем не то, что западный фанат. Нельзя даже сравнивать. Помню, когда я впервые увидела в кино, как по-идиотски

¹⁷⁴ Инстанция, выдающая пособие по безработице (голл.)

ведут себя фанатки «Битлз», с их истеричными воплями и паданием в обморок, это вызвало у меня чувство глубокого омерзения. Для советского поклонника вести себя так означало бы не уважать ни себя, ни своего кумира.

Прежде всего, советский поклонник видит в любимом актере или певце талантливую, творческую личность, а не «секс-символ». Во-вторых, он уважает право предмета своего почитания на спокойную частную жизнь и потому не будет торчать у него под окнами, бросаться в него на сцену своими трусиками и даже признаваться ему письменно в любви. *«Но пусть она Вас больше не тревожит – я не хочу печалить Вас ничем!»* - вот оно, кредо советского поклонника!

Более того, даже при случайной встрече на улице такой поклонник просто посмотрит на своего кумира, улыбнется ему – ну, максимум попросит автограф! - и пойдет себе дальше, хотя и с сильным сердцебиением: глубоко уважая покой последнего. Кому из известных людей приятно, когда у них на улице выдирают последние волосы! Помнится, как те же «Бони М» были поражены тем, как реагирует на их концерты наша публика: никто не вскакивает с мест, не танцует, но зато по окончании песен все бурно аплодируют! Это из той же серии.

Я глубоко старомодный, советского стиля поклонник. Я никогда в жизни не стала бы вешаться Бобби на шею - даже если бы не была замужем. Не стала бы искать, где он живет. Но это не значит, что он мне от этого менее дорог. И подышать одним с ним воздухом хотелось. В ближайший свободный день я поехала в Лелистад - посмотреть, что он из себя представляет.

Оказалось, что ровным счетом ничего. Скучнящий, с новенькими домами городишко. И как это ЕГО угораздило здесь оказаться?

...Перед полетом на Кюрасао я вновь была охвачена мечтами - как в детстве. Возвращаясь по вечерам из своей смены в «МақДональдсе», я мечтала, что Бобби – естественно, совсем неожиданно для меня! - ждет меня за поворотом. За поворотом, конечно, никого не оказывалось. Кроме стаи проституток: домой после смены нас развозили на такси, и мой маршрут проходил через роттердамскую набережную, бывшую их негласной зоной «работы» по ночам. Проститутки распахивали перед машинами короткие плащички,

демонстрируя «сексуальное» белье. Мохаммед из Схидама, который обычно был моим попутчиком, брезгливо морщился. У Мохаммеда была жена, пятеро детей и мечта - открыть собственный овощной магазин. Проститутки в его мечтах не фигурировали.

Ко мне Мохаммед относился по-отечески. Подкладывал мне в сумку после смены оставшиеся гамбургеры - когда не видел менеджер. Голландцы удивятся, если я скажу им, что все мои арабские и прочие мусульманские коллеги на работе очень хорошо ко мне относились, с уважением. С некоторыми из них мы беседовали по-французски о работах Ленина. Они были вежливы, предупредительны - и никогда не позволяли мне таскать тяжести или надрываться. Самую тяжелую работу они всегда брали на себя. Никто из них не позволял себе двусмысленных шуточек подобно нашим голландским менеджерам - о том, «какие у вас в России красивые девушки легкого поведения», как, подмигивая, говорил мне один из менеджеров, голландец Бас.

- Всему свинству мы у вас научились! - парировала я.

... Из дома доходили обрывочные, смутные, тревожные вести. О каких-то ваучерах, по которым все сходили с ума, воображая, как они разбогатеют. О том, что начали закрываться заводы, а народ массово подается в «челноки», совершая поездки в Польшу, Китай и в Турцию за тряпками и свято веря, что это и есть путь к счастью и процветанию. Я отгоняла мрачные мысли - неужели те, кто пришел к власти под такими правильными, хорошими лозунгами, не знаю, что делают?...

...Я была рада, когда и университет, и «МакДональдс»- и вообще вся Голландия!- остались позади. Впереди - Сонни и 3 месяца солнца, моря и знакомства с совершенно новой для меня жизнью!! Даже Бобби, и тот может подождать.

... Это был бесконечный, солнечный и радостный день. Бесконечный - из-за разницы во времени, потому что я летела в западное полушарие. От раннего утра в Маастрихте, когда я погрузилась в голландский «кукурузник» в его провинциальном аэропорту и до вечерней зорьки на берегу Карибского моря прошла, казалось, целая вечность. Когда летишь обратно, в восточном направлении, и день, и ночь оказываются скомканными, перемешанными друг с другом, как гоголь-моголь. Но я тогда еще не знала ни того, ни другого.

Из Амстердама впервые в жизни я летела на двухярусном «Боинге». Авиакомпания тогда еще не экономила на всем и на всех, и по дороге нас кормили и поили как на убой. Рядом со мной сидела арубанка, которая ехала домой в отпуск. Она только что поссорилась со своим бойфрендом и вскоре завязала разговор с голландским пассажиром сзади- типичным двухметровым *каасколом*- из тех, которые кладут ноги на соседнее сиденье потому что в проходе они у них не помещаются-, который летел на Антилы отдохнуть.

Первые 2-3 часа разговор их не выходил за рамки приличия, но вскоре их обоих развезло от выпитого. Еще через час голландец только что не висел у нее на шее и даже пытался заглянуть мне через плечо, чтобы прочитать, что я там пишу в своей тетрадке (я всю дорогу набрасывала сценарий нового фильма с участием Ики Верон). Естественно, прочитать он ничего не смог, так как писала я на русском, но голландский недотепа подумал, что у него просто разбегаются перед глазами строчки от количества выпитого.

- М-да... я, кажется, немного перебрал! Что это она там пишет?- громогласно на весь салон произнес он, так, будто бы меня рядом и не было. Я заметила, что находясь в других странах (и даже еще только в полете на пути к ним!), голландцы позволяют себе то, чего они сами себе не позволяли в своей родной стране: быть самими собой. Может, поэтому у них обычно были такие грустные лица, когда им приходилось домой возвращаться?...

Мне было глубоко противно наблюдать за этой парочкой и их лизаниями через пару часов после знакомства. Они уже договаривались, где они встретятся на Антиллах, и обменивались телефонами, а у меня не выходила из головы картинка темнокожей рабыни и белого плантатора. Ну, и чем эти двое отличаются от них? Что изменилось за пару сотен лет? У одной- комплекс неполноценности как у рабов, и ей непременно нужен «белый господин» для самоутверждения, а другой - такой же считающий себя подарком для туземок, как плантаторы.... Да у этих *Покахонтас* вообще есть хоть какое-то чувство собственного достоинства?!

Полет до Кюрасао длинный, часов 9, не меньше. Из-за перегара, которым уже разило от голландца, было трудно заснуть. А алкоголь

все не переставали подавать, и я вздохнула с облегчением, когда самолет наконец пошел на посадку.

Сверху была видна ослепительно красная земля, резко контрастировавшая с глубокой, темной синевой моря и утыканная казавшимися с высоты игрушечными колючками кактусов. Я тогда не знала еще, что эта область на Кюрасао так и называется - Тера Кора¹⁷⁵. Кое-где на фоне этого пустынного, похожего на марсианский пейзажа виднелись белые как ромашки головки ветряных электрических турбин.

Как только я вышла на трап, меня обдало горячим воздухом - горячим настолько, что на секунду перехватило дух. Еще несколько недель я не могла к этому привыкнуть: сидя в машине с кондиционером (невиданное тогда в Европе дело!), я начисто забывала о том, какая жара на улице, и всякий раз ступив наружу из ее прохладно-уютной глубины, поражалась этому.

А еще я поняла, что даже самый прочный лак для волос не поможет здесь сохранить в порядке мою прическу - настолько сильный дул ветер. По этой же причине большинство женщин здесь носили брюки, или короткие обтягивающие комбинезончики, которые местные жители называли «*пегадиту*», или хотя бы велошорты под юбками: ветер задирает юбки немилосердно.

Сонни уже ждал меня. За время, проведенное им на родном острове, он немного поправился, но это было ему даже к лицу. И загорел! Кожа у него потемнела и стала цвета какао без молока. На носу выступили веснушки! Мы с ним не могли оторвать друг от друга восторженных глаз - как два молочных теленка, впервые выпущенных на просторы солнечного луга...

Была суббота, он был свободен, спешить нам было некуда. День для меня начался, казалось, целую вечность назад, а на улице все еще всю палило немилосердное солнце. Я никогда раньше не бывала в тропиках и не представляла себе, какой оно может быть силы.

Сонни только вчера проводил в Голландию свою маму - мы с ней неудачно разминулись. Жил он все это время, оказывается, не в своем родном доме: их дом мама сдала жильцам. Его приютила бабушка.

¹⁷⁵ Tera Kora – Тера Кора, Красная Земля (папиаменто), район на севере Кюрасао недалеко от аэропорта Хато

Семья матери Сонни жила неподалеку от аэропорта. Здесь прошло все его детство, и он с гордостью демонстрировал мне свои родные места. Я с любопытством оглядывалась вокруг, а на меня с не меньшим любопытством смотрели местные дети. Они были белые, хоть и смуглые - хотя, как я успела заметить пока мы добирались до Сонниных родных, большинство населения острова было темнокожим. Одна из девочек подбежала ко мне и что-то сказала на непонятном мне языке. Я смешалась, а Сонни расхохотался.

- Это наши соседи, португальцы. Я сказал им, что ты тоже португалка, а они и поверили! Вы, русские, внешне похожи на португальцев.

Португальцы - единственные на Кюрасао, кто еще занимается земледелием. Уж слишком неблагоприятная здесь почва. На острове нет ни одной реки, почти круглый год здесь сухо, а дожди проносятся молниеносно и шумно, и после них почти сразу же все высыхает. Кроме подземных источников в некоторых местах (у людей, на чьих участках они есть, обычно имеется колодец возле дома), питьевую воду здесь добывают путем опреснения морской, и она очень дорогая. Эту же воду используют и для полива, и потому содержать здесь хороший зеленый сад - роскошь, которая по карману далеко не каждому.

А еще португальцы славятся тем, какие они замечательные мороженщики.

Земля вокруг была совершенно сухая, хотя и не такая красная, как возле самого аэропорта. Единственное, что росло здесь самопроизвольно, были колючки и всяческой формы кактусы. Это сверху из самолета они казались игрушечными, а на самом деле достигали здесь такой высоты, что многие жители Кюрасао традиционно выращивали их вокруг дома вместо забора: дешево и сердито. А еще здесь росли деревья с причудливо снесенными на один бок кронами, похожие на задутую ураганом свечу: из-за непрекращающегося морского ветра. Они назывались дивидиви. По острову слонялись стаи беспризорных коз, пожиравших и кактусы что помельче, и всяческие колючки, и все, что попадет на их пути. Если на их пути попадался благопристойный сад с фруктовыми деревьями, начиналась страшная паника: его зажиточные хозяева вкпе с

садовником, а то и с другими работниками гоняли коз чем попало, чтобы его спасти.

Бабушка Сонни ждала нас на кухне своего дома. Дом был старый, но большой, светлый и просторный, с каменной открытой верандой, называвшейся американским словом «*porch*», укрытой поросшей диким виноградом крышей, на которой стояло старое кресло-качалка. Все двери и окна в доме были раскрыты настежь, ветер гулял по дому, и во всех комнатах работали вентиляторы. Было прохладно и хорошо. Где-то в углу кухни под полом шуршали мыши. Временами по стенам и даже потолку пробегали быстрые как молнии *лагадиши* – мелкие ящерицы, на которых никто, кроме меня, не обращал внимания. Я сначала ужасно боялась, что они упадут на меня сверху, но через несколько дней поняла, что в намерения лагадиши вовсе не входило падать на человеческие головы. А вскоре я, как и сами островитяне, совершенно к ним привыкла и даже стала считать их симпатичными.

Бабушка - *Май* оказалась красивой величавой женщиной с очень темной, почти черной кожей. У нее был крутой нрав, она пользовалась в семье непререкаемым авторитетом и была крайне набожна. В церковь Май ходила даже не раз в неделю, а каждый день. Это был настоящий матриарх! Как в какой-нибудь африканской деревне (хотя сами антильцы за подобное сравнение могут обидеться, я в нем ничего обидного не вижу), большинство ее детей жило в отдельных домах вокруг ее дома или в непосредственной близости от него.

Дедушка Сонни, который давно умер, судя по фотографии, был намного светлее ее, и многие дети пошли в него - как цветом кожи, так и оттопыренными ушами. У них было 12 детей: четыре дочери, среди которых и Луиза, мама Сонни и Петронелла, мама Харольда, и 8 сыновей. Профессии у них были самые разные: таксист, строитель, полицейский, учительница... И даже телохранитель одного из известных антильских политиков! Дядя Уго, тяжеловесный, с лицом боксера и с симпатичной арубанской женой индейского типа и с 3 взрослыми детьми, жил тут же рядом.

Май неплохо говорила по-голландски. В ее доме, кроме нее, жили дядя Сонни Эдгар - единственный из всех 12 детей Май, страдающий синдромом Дауна; Жанетт, 15-летняя дочка младшей из Сонниных тетей, которую та еще младенцем оставила у Май, уехав в Голландию; и Кармела, колумбийская помощница Май по хозяйству. Платили

Совьетика Часть 1

Кармеле все дяди и тети – вскладчину. Кармела была лет на 10 постарше меня, с первой сединой, пробивающейся в ее красивых густых волосах - и единственной на Кюрасао, с кем мне пришлось объясняться буквально на пальцах: я не знала испанского, а она не знала тех языков, которые знала я. Но зато к концу моего пребывания у Май я уже прилично по-испански понимала. Основной обязанностью Кармелы, кроме стирки и уборки было приглядывать за дядей Эдгаром: он все норовил то залезть без спроса в холодильник, то уйти к соседям играть в бейсбол, а то и достать из сарая баночку пива. В сарае содержался маленький бизнес Май: магазинчик на дому. К ней приходили в выходные и поздно вечером, когда обыкновенные магазины были закрыты, и покупали у нее все то же самое, что продавалось там, но с небольшой наценкой. У нас в СССР это называлось спекуляцией.

У дяди Эдгара было в жизни 2 страсти: мойка машин и стирка. Стоило только зазеваться и оставить где-нибудь что-нибудь из своих вещей, как он тут же отправлял их напрямик в огромную, старой модели, как у моей бабушки - с загрузкой сверху - стиральную машину. А потом обегал всех близживущих дядей и тетей, спрашивая, не помыть ли кому их автомобиль. Казалось, что он так и родился с тряпкой в руках.

Эдгар до сих пор еще ходил в «школу», хотя ему было за 40.

- У меня там есть жена!- радостно заявлял он с логикой детсадовца.

- Это наша учительница!

- А у Уго есть жена? - подзуживал его когда он еще жил на Кюрасао сеньор Артуро.

- А у Уго - три жены!- показывал на пальцах Эдгар.

- Ты думаешь, Эдгар дурачок?- рассказывал мне потом Артуро. - Эдгар - он знает, что говорит!...

По-голландски дядя Эдгар не говорил. Меня он стеснялся и называл «сеньора». «Это он потому, что ему нравятся такие, как ты- чтобы сама была белая, а волосы темные!»- пояснил Сонни. «Схожие у вас вкусы!»- подумала я.

Жанетт - симпатичная грустная девчушка - приходила в себя после недавнего возвращения из Голландии. Тетя Имельда, ее мама, которая не видела ее уже лет 12, вдруг неожиданно решила забрать ее

к себе. Конечно, Жанетт обрадовалась: она так соскучилась по маме! Но оказалось, что маме просто была нужна бесплатная нянька: она недавно во второй раз вышла замуж, за чилийца, и у них в Голландии родились два малыша. Через 3 месяца Жанетт взвыла от такой жизни. Привыкшая жить на природе, в неспешной антильской среде, она возненавидела Голландию всеми фибрами души, но деваться ей было некуда. Помогла жена дяди Умберто Марбелла: купила ей билет до Кюрасао и довезла до аэропорта. С тех пор тетя Имельда не разговаривает с Марбеллой, а заодно - и с дядей Умберто тоже...

- А, вот и вы! Сонни тут совсем тебя заждался, - сказала Май. – Добро пожаловать. Надеюсь, что тебе на Кюрасао понравится. Я к твоему приезду испекла *боло прету*¹⁷⁶, сейчас попробуешь. Но сначала поешь как следует. Устала небось с дороги?

И несмотря на всю несхожесть зарослей из кактусов с белыми русскими березками я тут же почувствовала себя как дома.

К ужину подошли и другие родственники: всем было любопытно на меня взглянуть. Голландцы в этом большом семействе еще иногда попадались, а вот русских отродясь никто из них не видел, только по телевизору.

О дяде Уго я уже упоминала. Кроме него, в семье были дядя Рикардо - хозяин строительной фирмы (его работники- контрактники из Венесуэлы снимали тут же во дворе у бабушки продуваемый насквозь пылью двухэтажный мини-барак). Дядя Освальд - самый старший, таксист (все его дети жили в Голландии). Дядя Томас - самый красивый на лицо, самые темнокожий и самый занудливый по характеру. Вечно он был всем недоволен; помню, когда к нему приходили наниматься на работу, жаловался, какая неопрятная пошла молодежь: приходите на собеседование с такой шевелюрой - это же просто неприлично! («Ха! Ты бы видела его самого с его афро в 70-е годы!»)- шепнул мне Сонни). Дядя Патрик - высокий, худощавый и элегантный полицейский и таможенник в одном лице, который успевал еще и подрабатывать на стороне: у него была собственная охранная фирма, а кроме того, он сдавал голландцам дом и даже в своем собственном доме сдавал на

¹⁷⁶ Bolo pretu - дословно «черный торт», долгохранящийся антильский торт на основе чернослива, с добавкой алкоголя. Готовится по особо торжественным случаям.

выходные первый этаж под вечеринки и званые ужины. Дядя Патрик славился своей эксцентричностью: это был большой поклонник Соединенных Штатов Америки. Настолько большой, что на 4 июля он всегда вывешивал над домом американский флаг, а свою самую младшую дочку назвал Нэнси - в честь жены Рейгана.

Все эти дяди и тети, кроме одной - учительницы младших классов Мариэллы, которая только недавно вышла замуж - были разведены и снова женаты, по 3-4 раза, и у всех была куча детей. Дочки дяди Томаса - хорошенькие малышки лет 8-9 с типичными для Антилл «русскозвучащими» именами Тошка и Надюшка - приезжали к нему после школы каждый день, на выходные – на весь день, а вечером их забирала мама. Толстенькая симпатяга Надюшка, увидев меня, обиженно надула губки и спряталась в отцовской машине.

- Чего это она? - спросила я.

- Да ничего, просто ей наш Сонни очень нравится. Ревнует ребенок! - засмеялась Омайра, с которой меня только что познакомили. Сестра Марбеллы, жены дяди Умберто тоже снимала у бабушки комнатку - в другом «сараяе». Ей предстояло стать нашей с Сонни соседкой на эти три месяца. Внешность у Омайры была совершенно индейская. Маленькая, хрупкая, она казалась живым воплощением веселья, и только когда я познакомилась с ней поближе, я узнала, какая нелегкая и невеселая у нее жизнь.

От обилия новых лиц и имен голова кружилась.

- E ta hopi kansa,- сказал родственникам Сонни.- - Lagele na pas.¹⁷⁷

- Хорошо, хорошо, пусть отдыхает! Завтра увидимся!- не возражала Май.

Наконец-то после этого бесконечного дня начало темнеть. Я и не знала, что в тропиках темнеет так рано и так молниеносно: кажется, только что еще светило солнце, а вокруг уже - черная ночь, и небо усыпано звездами! Было всего около 7 часов вечера.

Сонни вывел меня во двор, но повел меня неожиданно не к нашему «сарайчику», в который мы уже занесли мой чемодан, а к машине, которую ему по такому случаю одолжил дядя Рикардо.

- Поехали!

¹⁷⁷ Она очень устала. Оставьте ее в покое (папиаменто).

Я не возражала, не стала даже спрашивать, куда. Любопытство намного превосходило мою усталость.

Знойный вечер опустился на остров. У маленьких киосчков, торгующих вдоль дороги разными местными вкусностями выстроились неторопливые очереди, пританцовывающие под звуки чувственной латиноамериканской музыки, раздающейся из проезжающих мимо машин. Женщины ходят по улицам и даже сидят за рулем автомобилей прямо в бигудях, иногда даже непокрытых платочком (у нас дома такой вид - верх неприличия). На ногах и у женщин, и у мужчин по большей части резиновые шлепанцы. У многих мужчин в волосы заткнуты афро-расчески. Лампы в домах и на улицах - преимущественно дневного света, какие у нас бывают только в магазинах или в конторах. Теперь я понимаю, где Сонни к нему так пристрастился.

Все дышит покоем, а Сонни так и дышит счастьем. Чувствуется, что здесь он - на своем месте; в Голландии я никогда не видела его таким естественным и расслабленным. Мы проезжаем еще несколько поворотов - и вдруг оказываемся прямо на берегу моря! Карибского моря, о котором я прочитала столько книг, и на берегах которого выросли мои кумиры! В это трудно поверить, происходящее слишком для того фантастично....

Остатки далекого солнца на горизонте тонут в воде, а на небе уже полно звезд. По всему пляжу в рядочек выстроились машины с влюбленными парочками - на почтительном расстоянии друг от друга. Мы присоединяемся к ним, а темнота все сгущается... Какая романтика! Ради того, чтобы оказаться здесь и увидеть все это, стоило терпеть целый год ожоги от кипящего масла и руки, воняющие луком и горчицей... Занудная Голландия осталась позади как кошмарный сон, и мне так хочется, чтобы этот ослепительный теплый вечер длился всю мою оставшуюся жизнь!...

... Комнатка, где поселились мы с Сонни - маленькая, душная, несмотря на то, что всю ночь в ней открыты все окна и работает на полную катушку вентилятор. Кухни в доме этом нет, есть только две маленькие спальни - наша и Омайры, плюс душ с туалетом и зал,

заставленный заржавелыми пыльными фитнес-аппаратами, на которых Омайра время от времени со скуки упражняется.

Хотя было воскресенье, нас все равно разбудили рано утром - когда еще даже как следует не рассвело. Бабушкины петухи. У нее их было целых 4 горластых штуки, и они имели обыкновение собираться со своими ритуальными утренними песнями как раз под окнами нашей комнаты! Рассвирепевший спросонья Сонни побежал их ловить, а я - ловить его, так как мне вовсе не хотелось, чтобы он свернул кому-нибудь из них шею. Ведь птица не виновата - против природы не попрешь.

Но Сонни и не думал сворачивать петухам шеи. Изловчившись, он поймал одного из них и запер его в пустую клетку под окнами бабушкиной кухни.

- Это ему будет урок!- сказал он сурово.

Потом, уже в разгаре дня я пошла посмотреть на него и ужаснулась - у бедняги в клетке не было даже воды, а стояла она на самом солнцепеке! Я не выдержала и тайком от Сонни освободила его.

К слову, с животными на Кюрасао вообще особенно не церемонились. Не хочу показаться такой *животно-озабоченной*, как голландцы (о голландском отношении к животным см выше), но не могу понять, зачем непременно надо бросать камнями в любую пробегающую мимо кошку или собаку. Я попыталась выяснить мнение местного населения на этот счет. «Пусть знают свое место!»- таким был почти единодушный приговор. И кошки и собаки его знали: при приближении людей большинство из них ловко прятались. Прячутся от людей не только собаки и кошки: и застенчивые огромные зеленые игуаны, которых мне показывал на Веспюнте¹⁷⁸ Сонни, тоже. Они знают, что из них могут сделать суп.

Кроме кур, у Май была еще и парочка коз. К ним относились немного лучше: козы паслись по крайней мере в тенечке. А еще кто-то притащил Май маленькую собачонку, с которой я любила играть. Но накануне нашего отъезда в Голландию ее заперли в такую же вот железную клетку на солнцепеке, и я до сих пор стараюсь не думать, выжила ли она после этого, хотя прошло уже больше 10 лет....

¹⁷⁸ Westpunt – крайне западная область на Кюрасао

Извините, что начала свой рассказ о Кюрасао с таких невеселых ноток. «Цивилизованный» читатель - завсегдатай магазинов с попонками для собачек, конечно, возмутится и воскликнет, что остров этот населен какими-то монстрами, но это совсем не так. Просто у этих людей, как мне кажется, за века рабства и дискриминации накопилось много клокочущих внутри фрустраций, которые хочется на ком-то выместить. А фрустрации все вымещают, как правило, на тех, кто слабее - вне зависимости от степени собственной цивилизованности. Для этого достаточно посмотреть, например, на настоящую эпидемию расправы с собственными детьми после развода (из серии «не доставайся, собака, ни тебе, ни мне!» - как говаривалось в русской сказке), охватившую сегодня те же благополучные Нидерланды. Или на ставшие практически ежедневными изнасилования в мирной ныне Северной Ирландии, которая, как уверен Иан Пейсли, должна стать примером для всего остального мира... Не говоря уже о том, как затравливают здесь собаками котов обкурившиеся черт знает чего дети мирного процесса (ведь ИРА теперь не борется с наркоторговцами, а больше некому...). О том, как обращаются не с животными даже, а с людьми в перенявшей наконец-то общечеловеческие ценности России, и вовсе лучше промолчать. Так что «кто без греха, тот пусть первый бросит камень...» и т.п.

Потянулись удивительные дни... Мне несказанно повезло, что мое пребывание на Кюрасао было не просто отдыхом, что я не валялась целый день на пляже среди голландцев и американцев где-нибудь в отеле Ван дер Фалка, зная местных людей только по подношению мне коктейлей и уборке моей комнаты. Я оказалась в самой их гуще, жила среди них, даже некоторое время работала и имела возможность по-настоящему узнать их и увидеть их жизнь без прикрас. Самое прекрасное и необъяснимое - что я совсем не чувствовала себя на Кюрасао чужой, хотя естественно, все знали и видели, что я не местная. Я впервые в жизни оказалась в меньшинстве, среди людей с другим цветом кожи - и дай-то бог, чтобы так обращались с людьми с другим цветом кожи в своих странах «цивилизованные» европейцы, как жители Кюрасао обращались со мной!

В таких странах, как Антилы, быть туристом в западно-массовом понимании слова стыдно и противно. Это означает ставить себя над

народом, «облагодетельствовав» его своими чаевыми. Такой туризм не по мне. Он претит советскому человеку.

Конечно, мне хотелось повидать на острове как можно больше мест и каждый день – по возможности что-нибудь новое. Это оказалось невозможным по техническим причинам: у Сонни не было машины, а сам он 5 дней в неделю был занят на практике. На место работы его обычно подвозил кто-нибудь из родственников, с работы -тоже. В выходные, когда мне - что греха таить!- хотелось на море, ему хотелось просто отдохнуть: поваляться в гамаке в тени пальм. Не надо забывать, что море для него было чем-то вроде дома-музея одного знаменитого русского писателя в нашей области для меня: я отродясь не бывала там, хотя это в двух шагах от моего дома, пока меня не попросили свозить их туда знакомые голландки: когда что-то совсем рядом, то как бы оно ни было интересно, всегда думаешь, что еще всегда туда успеешь!

Общественный транспорт на острове, как я быстро поняла, был развит очень слабо. Время от времени мимо дома проезжали небольшие автобусы, которые местные жители называли словом «конвой», но у них не было даже настоящего расписания. Проблема транспорта меня тем не менее меня не смущала: я привыкла помногу ходить пешком, как у нас дома, так и в Голландии, прикинула по карте расстояние от Сонниного дома до Виллемстада и объявила ему, что он может не волноваться: я вполне могу дойти пешком до города и вернуться обратно пока он работает.

- Ты с ума сошла!- воскликнул Сонни.

-Почему? Такое расстояние мне вполне по силам.

- Белая женщина будет здесь ходить по дорогам одна??!

- А что? А если на велосипеде?

- Я же говорю, что ты с ума сошла!- и больше никаких объяснений мне от него добиться не удалось.

К слову, Кюрасао в то время, в далеком 1992 году, совсем не был таким опасным, как сегодня. Огнестрельного оружия не было практически ни у кого. Один-единственный раз во время какого-то уличного праздника кто-то где-то выхватил пистолет – я была в толпе и даже сама его не видела, он даже не выстрелил, но началась такая паника, и толпа так рванула в разные стороны, что было ясно: это

здесь событие из ряда вон выходящее. Как интересно, что огнестрельное оружие наводнило Кюрасао ну практически одновременно с американской военщиной, которая здесь теперь находится якобы для борьбы с наркотрафиком....

Если я оказывалась где-то одна, никто на меня не набрасывался. Кюрасаоские мужчины, как и кубинцы, привлекают твое внимание змеиным свистом и шипением:

- Пс-с-ст! Пс-с-ст! - раздается откуда-нибудь из-за угла. Сначала я даже не понимала, в чем дело. А когда поняла, то это развеселило меня до глубины души. Уж слишком забавно оно звучало!

Так что, я думаю, все дело было только в том, что Сонни меня ревновал. И совершенно, между прочим, напрасно. Другие мужчины меня абсолютно не интересовали. Даже Бобби, раз уж на то пошло.

В любом случае, походы в город или на пляж были редкостью. И это было даже хорошо: так они стали для меня чем-то по-настоящему особым!

...Виллемстад чем-то похож на праздничный пряник: по крайней мере, его парадные улицы, с их колониальными голландскими домами. Я с первого взгляда окончательно и бесповоротно влюбилась в оба его моста, названных - как же еще может быть в этом свободном мире? - конечно, именами голландских королев. Понтонный мост для пешеходов, раскачивающийся у тебя под ногами, который отводили в сторону всякий раз, когда в бухту Виллемстада заходил или выходил из нее корабль. И высоченный - такой, что под ним любой круизный лайнер или танкер пройдет - мост для машин, по которому пешеходам ходить запрещалось. Тем не менее, он был излюбленным местом на острове для желающих покончить жизнь самоубийством... Мосты эти соединяют две части города - Пунду (центр) и Отрабанду¹⁷⁹, более новую его часть. Вообще, резкой границы между населенными пунктами на Кюрасао нет. Если добираться от Сонниного дома до Виллемстада, то кажется, что дома тянутся почти непрерывной стеной. В Пунде - дорогие ювелирные лавочки, толстенькие американские туристы в шортах, куча ресторанов фаст-фуд и старейшая в западном полушарии действующая синагога. А еще - плавучий рынок, на котором знойные латиноамериканские кампесинос прямо с лодок продают

¹⁷⁹ Otrabanda – дословно «другая сторона» (папиаменто)

свежие овощи и фрукты. Практически вся зелень на Кюрасао – импортная, из соседней Венесуэлы; большая часть продуктов питания – тоже оттуда и из Америки. Это было хорошо заметно, когда мы с Сонни ходили за покупками в ближайший к его дому супермаркет – «Эсперамос». Здесь были всякие штучки-дрючки, о которых я в Европе и не слышала, например, порошковый американский напиток «для бедных» «Кул Эйд». «Для бедных» – потому что было намного дешевле развести его в воде, чем покупать натуральные соки. После Советского Союза такие вещи на Западе не переставали меня поражать: у нас наоборот, все натуральное – соки, хлопковые ткани и т.п. было намного дешевле искусственного! Не понимала я и реклам, в которых естественные или органические продукты нахваливались: разве это не само собой разумеется, что это нормально?...

На Кюрасао я впервые в жизни увидела работающих детей: подрабатывающих упаковкой продуктов в сумки на выходе из магазина у кассы и тем, что помогают вам эти сумки донести до машины. Было ужасно неловко от этого. Я не привыкла, чтобы меня обслуживали. Разве я инвалид или ветеран? Тем более дети!

Кроме мостов, в Виллемстаде бросалась в глаза *«раффинадерей»* или на папиаменто *«рефинерия»* – нефтеочистительный завод, почти в центре, недалеко от них. Когда-то он принадлежал «Шелл», и на нем работала значительная часть мужского населения острова. Ко времени моей туда поездки он уже давно был передан в аренду венесуэльской фирме – после увольнения большей части работников, – и нефть здесь перерабатывалась венесуэльская. Под определенным углом от завода исходил совершенно зверский запах. Одна из Сонниных тетей – только не с материнской, а с отцовской стороны – жила почти у самой *«рефинерии»*, и у нее возле дома впору было круглосуточно носить противогаз... С охраной окружающей среды на Кюрасао вообще дело обстояло неважно.

Один раз во время моей поездки на заводе возник небольшой пожар... Ребята, я не шучу: практически весь остров бросил работать, и все кто мог съехались туда – посмотреть, что же будет дальше. Слава богу, обошлось без жертв...

Развлечений у рядовых местных жителей было немного: каждый вечер практически все население острова усаживалось у телевизоров –

смотреть очередную серию венесуэльского сериала «*Cara Sucia*»¹⁸⁰ по каналу «Веневиэон». У нас в советское время бесконечных, как прожеванная жевательная резинка, сериалов не было, и мне трудно было привыкнуть к этому жанру, тем более не зная языка. За компанию я усаживалась у телевизора с Сонни и Омайрой, которые наперебой пересказывали мне происходящее на экране. По субботам Омайра непременно смотрела «Супер Сабадо Сенсасьональ» по тому же каналу. Это она пристрастила меня к колумбийской музыке валленато. Как раз в то время в Колумбии был застрелен популярный певец Рафаэль Ороско, и один из таких субботних вечеров был посвящен его творчеству. Омайра в буквальном смысле слова плакала - так ей было его жалко,- и тут же вскакивала и танцевала под его весело-грустные песни в сопровождении аккордеончика. Эта неподкупная искренность ее чувств меня глубоко взволновала, и я тоже полюбила его «*Ritmo cha cup cha*» и «*Recorriendo Venezuela*». Хотя до этого я к латиноамериканской музыке относилась в общем-то прохладно. Видимо, во многих случаях для того, чтобы ту или иную народную музыку полюбить, необходимо сначала окунуться в ту атмосферу, в которой она создается и исполняется...

Никаких тебе опер или театров здесь не было. Я не имею в виду только европейских - местных тоже. Были дискотеки, казино и бары. Даже кинотеатры к тому времени уже вымерли на Кюрасао как сорт развлечения. Остались только пустые их здания.

Большим событием в жизни острова стал приезд на него венесуэльских телевизионщиков из того же субботнего шоу. В один из погожих деньков они снимали прыжок каскадера (bungee jumping) с моего любимого высокого моста. Опять- таки посмотреть на это собрался практически весь остров - хотя съемки проходили в рабочее время. К нашему разочарованию, каскадер прыгнул всего только раз, после чего в рупор громогласно объявили:

- *E no ta bula mas!*¹⁸¹ - чтобы все расходились по домам. А потом далеко от города, субботним вечером шла прямая трансляция концерта местных и венесуэльских музыкантов. Помню, как на нем выступал Гильермо Давила - актер из «Кары Сусии». Омайра до такой

¹⁸⁰ «*Cara Sucia*» – «Замарашка» (венесуэльская «теленовела»)

¹⁸¹ Он больше не прыгнет (папиаменто)

степени хотела его увидеть, что поехала туда с нами даже больная. Май не велела ей выходить из дому (удивительное дело: ведь Май даже не была ей родственницей, но ее все слушались!), и мы тайно вывезли Омайру на концерт на заднем сиденьи машины, накрыв ее сверху старым одеялом....

После передачи о Рафаэле Ороско мы с Омайрой на полном серьезе собирались поехать вместе с Кармелой в ее родную Барранкилью, когда она соберется в очередной раз в отпуск к родным. Мы уже строили детальные планы поездки, когда о наших планах проведал Сонни. Он схватился за голову и заявил, что если я так хочу, чтобы мой труп нашли где-нибудь в колумбийских придорожных кустах, то он, конечно, не станет меня останавливать... Из поездки в Колумбию ничего не вышло.

Омайра стала моим самым большим другом на Кюрасао. Ей можно было доверить все - даже массажирование больной спины собственного мужа. Она была очень веселая, почти бесшабашная женщина - и тем не менее чем-то глубоко трагичная. Совершенно не похожая на остальных своих трех сестер.

- Я такая потому, что я выросла не дома, а в больнице,- рассказала она, - Я все детство провела в больнице с больной печенью. Мои сестры все помешаны на деньгах и вещах, а я плевать на них хотела.

У Сомайры был единственный сын, которого она очень любила – мальчик лет 12. Но рос он не с ней, а в Голландии у одной из ее сестер: потому что Сомайра не смогла бы на свою зарплату продавщицы его прокормить. (Как тут не вспомнить советский фильм «Дамы приглашают кавалеров», в котором скромная продавщица галантерейного магазина срывается с места, выпрашивает у начальника отпуск и отправляется с бухты-барахты безо всяких финансовых проблем на курорт? А ведь этот фильм был не сказкой, а вполне обычной для нас реальностью!). Омайра откладывала деньги ему на пару модных кроссовок - и мечтала о том дне, когда он наконец приедет домой на каникулы...

И еще у нее была одна тайна, которую она сама мне рассказала: за несколько лет до этого она пыталась покончить жизнь самоубийством, наглоталась снотворного, но успела об этом проговориться. И родные всю ночь не давали ей заснуть, обливали ее холодной водой и

заставляли ее ходить по комнате. А когда она оклемалась, отправили ее пожить у Май - подальше от собственных родственников.

Когда я вспоминаю, что день рождения у Омайры - в один день с моей Лизой, становится очень не по себе... Нехорошо быть такой суеверной, но я ничего не могу с этим поделать.

Виллемстад был такой же двуслойный, как веселая на поверхности жизнь Омайры. За парадными улицами, тщательно выскребаемыми каждое утро в ожидании опустошения туристских кошельков, скрывался совсем другой город: полуразвалившихся старых домов и нищеты. Настоящей нищеты, которой я, еще тогда незнакомая с грядущими «достижениями» в этой области ельцинской России, никогда в жизни своей вот так, напрямую, в глаза не видала.

Здесь бедствовали не только безработные - были и люди, которые, как Омайра, работали, но не могли себе позволить снова подключить отключенное дома за неуплату электричество - потому что все деньги сверх отведенных на еду у них уходило на бензин, необходимый для того, чтобы до своей работы каждый день добираться. Естественно, у таких людей не было возможности пользоваться холодильником, и из-за этого продукты питания, которые каждый день нужно было покупать поэтому свежими, обходились им еще дороже... Получался замкнутый круг.

Кто мог, бежал от нищеты в Голландию. Или хотя бы стремился вывезти туда своих детей, отдавая их уже живущим в Голландии родственникам – разбивая помимо своей воли семьи и человеческие сердца. Послушать голландцев - так можно подумать, что антильцы эмигрируют в Голландию от какой-то избалованности или лени. Их бы самих хоть на время в шкуру последних - посмотрю, какую бы песенку они тогда запели!

Остров был полон недостроенных домов: люди начинали их строить, чтобы «застолбить» за собой участок (он считался официально занятым только если на нем стояло жилье), но на то, чтобы строительство закончить, не было денег, и поэтому тут и там из зарослей колючек торчали заброшенные фундаменты и стены...

Были и такие, кто никуда не мог себе позволить уехать. Они жили на окраинах острова в деревянных продуваемых ветром хибарках, которые я видела только в документальных фильмах о Ямайке. Мимо этих хибарок иногда со свистом проезжали роскошные «мерседесы»

местных политиков, с иголки одетых по европейской моде. Голландские политики, так любящие говорить об Антилах «met hun vingertje klaag»¹⁸², там вообще никогда не появлялись.

...Но были и такие, кому даже Кюрасао казался раем на земле: люди, в чьих собственных странах жизнь была еще невыносимее. Кюрасао с каждым годом все больше и больше наводняют колумбийцы, гаитяне, ямайцы и доминиканцы. Да, те самые зачастую неграмотные ямайцы, которые с пеной у рта кричат, что «не хотят жить при диктатуре, как на Кубе»!...

Помню, с каким удивлением Сонни и я обнаружили для себя во время нашего визита в бар на вершине горы в Виллемстаде, что наша Кармела-то, оказывается, клеится к дяде Томасу - несмотря на всю его занудную сущность. Они так чувственно танцевали вместе сальсу, что мы оба тут же поняли, к чему идет дело. Через некоторое время дядя Томас купил для нее учебник голландского языка....

Вскоре я поближе познакомилась еще с одним из таких бедолаг. Это был Жан – маленький, худенький, вечно босой и очень черный по сравнению с жителями Кюрасао гаитянин, с которым я познакомилась в саду у дяди Патрика. Жан работал у него садовником.

Вообще-то его звали вовсе не Жан, но его настоящего имени никто не знал. Просто на Кюрасао многие называли так всех гаитян – по первому попавшемуся французскому имени, которое они знали. Все равно как всех наших девушек за рубежом зачастую именуют «Наташами»...

К гаитянам здесь относились свысока. Точно так же, как и к колумбийцам, и к доминиканским женщинам. Ирония ситуации в том, что сами антильцы являются точно такими же экономическими беженцами в Нидерландах, как гаитяне и доминиканцы – на их острове. С той единственной разницей, что голландцы пока не нашли ещё способа лишить их нидерландского гражданства и ввести для них въездные визы, сохранив при этом власть над их островами, - хоть и давно мечтают об этом.

Мы подружались с Жаном, - возможно, потому, что я была единственной из всех окружающих, кто не смотрел на него, как на

¹⁸² С (указательным) пальчиком наготове (голл.)

безмолвную прислугу, а действительно интересовался, чем он живет, его родным островом – первой независимой страной западного полушария (мы ещё в школе учили о восстании Туссен-Лувертюра!).

Жан немного говорил по-голландски, потому что до Антил он жил и работал в Суринаме, где осталась его любимая девушка, тамошняя китайка. Она иногда присылала ему кассеты с записью своего голоса, на которых она тоненько пела грустные, протяжные, непонятные мне песни, а Жан слушал их (я давала ему тайком от дяди Патрика магнитофон) со слезами на своих больших карих глазах...

Мы общались на смеси голландского и французского. Он рассказывал мне о том, как любили они с друзьями ездить на лодке вокруг родного острова. Правда, при этом они рисковали жизнями, потому что никто из них не умел плавать. Я не понимала, как это можно жить на море и не уметь плавать, но, оказывается, можно... Иногда я тайком (чтобы не увидели Соннины родственники, которые полагали, что незачем так баловать слуг!) делилась с ним самым вкусным блюдом из местного китайского ресторана – «steak Spanish style¹⁸³», при воспоминании о котором у меня до сих пор текут слюнки.

Я хотела забрать его к нам домой, когда мы с Сонни насовсем переедем на Кюрасао, - потому что дядя Патрик обращался с ним далеко не лучшим образом. «Слуг нельзя баловать. А то они на шею сядут!»- поучал меня Сонни....

- Тебе хорошо! Ты такую хорошую работу можешь здесь найти!- уверял меня Жан.

Хорошую работу? Я? На Кюрасао? Это какую же?

- Тебя с твоими языками в любое казино возьмут!- уже не скрывая легкой зависти, пояснил он.

И это - хорошая работа?!...

Жан не знал, откуда я родом. Он был неграмотным. Я попыталась показать ему свою страну на карте, но это ни о чем ему не говорило. Я попыталась объяснить словами.

- Советский Союз. L'Union Sovietique. Sovjet Unie. Россия, Russie, Rusland?

Он только застенчиво улыбался и пожимал плечами. Я совсем отчаялась - ну, как ему объяснить?

¹⁸³ мясо по-испански (англ.)

- Коммунисты, - сказала я. При этом слове он оживился. Он его знал.

-Коммунисты – это плохо. Ils sont tres mauvais,- убежденно сказал Жан, никогда не видевший нашей страны и даже не знавший, как она называется и где она находится.

- Est-ce que tu veux dire que je suis mauvaise?- По-твоему, я плохая? - спросила я его напрямик.

- Нет, ты добрая. Ты хорошая. Таких, как ты, здесь больше нет. А вот коммунисты – плохие, -повторил он.

- Ну так вот, Жан, я – коммунист. Задумайся над этим, пожалуйста!

Он выглядел очень удивленным и обещал задуматься. Когда я познакомилась с Жаном, жизнь на Кюрасао не была такой безрадостной и бесперспективной, как сегодня. Тогда там еще вполне можно было жить. Но МВФ и Всемирный Банк добрались и туда и зажали этот прекрасный остров в такие тиски, что сейчас каждый 8-ой его житель подумывает об эмиграции. Туда, где он тоже станет всего лишь «Жаном». Туда, где с ним будут обращаться так, как обращался с Жаном дядя Патрик...

... По ночам Виллемстад наводняли чоллеры¹⁸⁴. В то время, много лет назад, они не были агрессивными. Они только искали возможности заработать на кусок хлеба. У меня сердце кровью обливалось, когда Сонни вывозил меня вечером в город на дядиной машине, и не успевали мы выйти из нее, как откуда-то из темноты появлялись несколько человек с заготовленными уже ведрами и тряпками, которые наперебой просили нас дать им помыть нашу машину. Сонни величаво разрешал это кому-нибудь из них, но мне было жалко всех. Я привезла с собой на Кюрасао 900 гульденов на 3 месяца и готова была раздать их все.

Чоллеры были честные: Сонни давал им деньги наперед, мы уходили, и я, если честно, ожидала, что когда мы вернемся, машина по-прежнему будет грязная, но она сверкала как новенькая.

...Только не надо думать, что Голландия в этом плане как-то принципиально от Антип отличается. До того, как я оказалась в «цивилизованном мире», я никогда вообще не видела нищих.

¹⁸⁴ Choller – бродяга (папиаменто)

Милостыню у нас в Советском Союзе просили только цыгане, у которых это было более или менее профессиональное занятие, поэтому на них особого внимания никто не обращал.

В СССР мы были начисто лишены свободы быть бездомными и безработными.

Какое безобразие! Какое вопиющее нарушение прав и свобод человека!

Первое, что меня поразило в Голландии, было именно вопиющее равнодушие, с которым окружающие к бездомным относились. Казалось, никто просто не воспринимал их как живых людей. В Роттердаме почти все они обитали вокруг вокзала. С тех пор, как я начала каждый день ездить в университет из Роттердама на поезде, все городские бездомные стали мне как бы знакомыми.

Как-то раз я ехала в поезде, где просил милостыню молодой человек, которого я уже запомнила в лицо. От него неприятно пахло. Одежда его была явно ему не по размеру.

- Если я не наберу 7 гульденов 50 центов, меня сегодня вечером не пустят в ночлежку!- пожаловался он. Я порылась у себя в сумке. Лишних 7,50 у меня не было, но я дала ему какую-то мелочь и, чувствуя себя виноватой, что не могу предложить большего, протянула ему начатую уже мной коробку конфет. Я сделала это автоматически и тут же испугалась: ой, что же это я делаю, он же обидится, кто же предлагает людям начатые коробки? Но бомж, к моему удивлению, остановился как громом пораженный.

- Класс! - воскликнул в восхищении он - Я конфет уже сто лет не пробовал!

Это был голландец, еще совсем молодой парень, но когда он открыл рот и улыбнулся, я увидела, что все зубы у него уже практически сгнили... И мне стало еще стыднее.

Когда моя университетская подруга Фемке говорила мне, как удивляет ее, что бездомных в Голландии, кажется, становится все больше и больше, я поражалась ее наивности. Чему же тут удивляться? Карла Маркса надо было читать. У него все это очень хорошо описано....

... У меня сложились непростые отношения с антильским солнцем. Загорать я начала сидя на стуле около дома, в первый же

понедельник, когда Сонни вышел на работу. Чтобы не терять зря времени. Я представляла себе антильское солнце примерно равным по силе нашему черноморскому. Ну, или хотя бы средиземноморскому французскому. Но антильское солнце начисто сжигало твою кожу уже минут за 20, а если остаться под его лучами на час, то оно совершенно тебя нокаутировало. За эти три месяца кожа успела сползти с меня целиком – даже под бровями и на веках!- раз пять. И один раз со мной случился солнечный удар: когда Сонни оставил меня одну на пляже в Сиаквариуме¹⁸⁵, а я заснула. Помню, как люди бросали на меня удивленные взгляды, когда мы шли оттуда домой, но я списала это на собственную неотразимость в бикини. Когда же мы до дома добрались, и я пошла в душ, то там я свалилась без сознания. Я была действительно неотразима: красная как вареный рак!

Сонни здорово было перепугался, когда мне стало плохо, и повез меня в *ботику*. *Ботика* - это вовсе не бутик (boutique), а нечто вроде аптеки, хотя там продают не только лекарства, но и например, крем для загара. И целую полку, как правило, занимают разноцветные бутылочки, на которых - на полном серьезе!- написано «эликсир от несчастной любви», «средство для сдачи экзамена» или даже «приворотное зелье»! В ботике нам выдали крем от солнечных ожогов и посоветовали мне несколько дней не выходить из дома.

Мы тогда как раз только что временно поселились у родителей Марины в Домингиту¹⁸⁶, которые отмечали в Голландии получение их сыном диплома и попросили нас присмотреть пока они будут в отъезде за их домом и за двумя собачками, которым каждый день надо было варить рис с мясом. Маленькую из собачек звали глупым для ее габаритов именем Рэмбо. Дом был большой и после бабушкиной комнатухи для квартирантов шикарный: каменные полы, биде в туалете, постель с матрасом на воде (waterbed), которые я до этого видела только в фильмах ужасов, гранатовые деревья во дворе и даже кондиционер в одной из комнат. Там я и *зализывала свои раны*,

¹⁸⁵ Seaquarium – Морской Аквариум – туристическая достопримечательность Кюрасао

¹⁸⁶ Dominguitu- квартал на Кюрасао

запершись в этой холодной комнате на весь день и с наслаждением стуча зубами от холода!

Пляжи на острове были разные: частные в отелях, туристические и простые. Занимают они южное и западное побережье: на севере и на востоке Кюрасао круто обрывается в море скалами. Мы побывали хотя бы по одному разу почти на всех из них: от фешенебельных Барбары и Ян Тиля, где песок был усеян приспособлениями для приготовления шашлыков, а отдыхали преимущественно местные «богатенькие Буратино» до Сиаквариума, где на солнышке жарили свои обвисшие молочные железы голландки не первой свежести (*porkeria* чистой воды!) и до моего самого любимого - Маленького Книпа на западном побережье, где туристов, к моему удовольствию, практически не бывало - только местные жители. Местные жители на пляже держались с достоинством и никогда не обнажались сверх меры и напоказ, как это делали *озабоченные* голландцы. Еще мне нравился пляж в Сонесте, который вообще-то был предназначен для отеля, но поскольку отель еще не был построен, туда ходить можно было всем. Волны на Сонесте были такие, что зазеваешься на мелководье - с ног тебя сшибут! Я прыгала в море в такт с ними, с таким ощущением легкости во всем теле, словно я была на Луне: при каждом прыжке волна подхватывала меня и дополнительно подбрасывала вверх! Тем временем двоюродные братья и сестры по горло зарывали Сонни в песочек на берегу, налепливая на него сверху различные дополнительные песочные части тела. Им это казалось очень забавным. Что ж, каждый развлекается как может...

Когда у Сонни была возможность, он старался показать мне остров. Постепенно мы объехали все его уголки, даже крайне восточное побережье, где почти никто не живет, кроме нескольких рыбацких семей, а в некоторых местах даже не проведено электричество. Там все буквально заросло деревьями дивидиви, а еще тихо пасутся стада латиноамериканских коров. Когда я впервые увидела латиноамериканского быка, он показался мне больше похожим на слона! К слову, видели мы на Кюрасао и обыкновенных голландских, черно-белых коров. Одна из них уныло сидела на красной земле в Тере Коре и изнывала от жары. Вокруг нее не было ни травинки. Она напомнила мне северного оленя в разгаре лета в стоковольском зоопарке...

Гораздо больше по душе мне было побережье западное! Сонни возил меня туда, когда на пляжах не было ни души! И на дорогах тоже - он даже предлагал поучить меня водить машину, но я позорно струсилла. (Сейчас бы не струсилла, но уже поздно....) Дело было неподалеку от развалин, которые считались пристанищем привидения. «Распутин»- к моему великому удивлению, было написано на их стенах. Машина летела по воздуху, а я, к удовольствию Сонни, визжала как недорезанный поросенок! Но не только из-за пляжей нравилось мне западное побережье: оно было более уютное, домашнее и не переполненное *бледнолицыми*, как юг острова.

Периодически ко мне начали возвращаться на Кюрасао мои голландские фрустрации, особенно если, не дай бог, кто-то принимал меня за голландку! Дошло до того, что я начала притворяться, что по-голландски совершенно не понимаю, ибо признать, что понимаю, автоматически означало бы риск быть за голландку принятой. Не было для меня ничего обиднее, чем это. Когда жена одного из Сонниных дядей заикнулась мне было во время нашего пикника на пляже Барбара, что я могу здесь загорать как хочу, «даже топлесс», я чуть не перегрызла ей за такое предложение горло! «Ik ben geen Nederlandse, hoor! Geen prostituee»¹⁸⁷ «. Бедняжка, она, наверно, просто считала, что европейцы все одинаковые...

Еще несколько таких выпадов - и родственники Сонни прочно решили меж собой, что Соннина жена – «*Русиана лока*»¹⁸⁸, но я ничего не могла тогда с собой поделаться. Чувство обиды, чувство душевной травмы, чувство отвращения к голландскому образу жизни были сильнее меня. Если бы у меня только была надежда, что мне не всю жизнь придется провести среди голландцев – да я свернула бы ради этого горы!

На Кюрасао я голландцев старательно избегала. Я видела, как нагло и развязанно они себя ведут. Даже те из них, кто жил на Кюрасао годами, не удосуживались хотя бы попробовать выучить язык местного населения, который я освоила безо всяких курсов за эти несколько месяцев. Просто они были абсолютно уверены, что все обязаны

¹⁸⁷ Эй, я не голландка! Не проститутка! (голл.)

¹⁸⁸ сумасшедшая русская (папиаменто)

говорить с ними на их языке- языке хозяев. Люди, которым так не нравится, когда по улицам их собственных городов ходят женщины в парандажах, не считают для себя зазорным ходить по улицам чужих городов- где тоже, между прочим, есть свои нормы и свои ценности!- и даже оплачивать счета в тамошних банках будучи в плавках и в купальниках.

В знак протеста я выкрасила свои волосы в черный цвет - чтобы не быть на них похожей ни с одной стороны. И своего добилась: народ тут же начал кричать мне вслед «Venezolana¹⁸⁹!» , и обращаться ко мне исключительно по-испански... Со злорадным удовольствием восприняла я то, как один голландец на улице даже принял меня за местную жительницу и попытался завязать со мной разговор на папиаменто (и на голландскую старуху бывает проруха!)

Дядя Патрик с симпатией воспринимал мои подобные чудачества. Он и сам недолюбливал голландцев - его кумирами, как я уже упоминала, были янки. И даже пытался просветить меня насчет того, насколько это замечательная держава. Поскольку дело было еще до Югославии, до Афганистана, до Ирака, I let him get away with it¹⁹⁰.

Дядя Патрик искренне стремился меня развлечь: приглашал потанцевать во время своего дня рождения, на котором он был облачен в ослепительно-белый, красиво контрастирующий с цветом его кожи костюм в талию; предложил мне временную работу у себя в своей частной лавочке и даже дал бабушкин номер телефона одному русскому капитану корабля, который как раз тогда зашел в Виллемстадскую гавань. Как таможенник, дядя Патрик чуть ли не первым об этом узнал. «Мой племянник женат на русской!»- порадовал он капитана. Это сейчас такой фразой даже в Папуа Новой Гвинее никого не удивишь, а в то время капитан, несомненно, удивился. И позвонил мне.

Мы беседовали минут пятнадцать. Капитан пригласил меня в гости на корабль, но я постеснялась - кто знает, как к этому отнесется мой Отелло...

¹⁸⁹ Venezolana – венесуэлка (папиаменто)

¹⁹⁰ Ему это у меня сошло с рук (англ.)

Совьетика Часть 1

- Ну и как, нравится Вам здесь? - спросила я его, будучи сама в таком восторге от Кюрасао, что заранее предвидела, как мне думалось, что он скажет.

И услышала в ответ:

- Да, ничего, но бывают места и намного красивее.

Я даже обиделась. Я просто не могла в это поверить.

Работа в офисе у дяди Патрика была нетрудной. Я работала на телефоне в приемной и на компьютере и получала около 500 антильских гульденов в месяц (прожить на такие деньги было нельзя, но я ведь только подрабатывала на каникулах!). Фирма занималась наймом частных охранников для магазинов и прочих заведений. В то время в Европе цивилизация еще до такого расцвета не дошла: Кюрасао шагал впереди своего времени. Прямым ходом за флагманом мировой цивилизации любимчиками дяди Патрика Соединенными Штатами...

Сначала я подумала, что дядя Патрик и другие Соннины родственники (а эту фирму совместно создали четверо из них) просто очень жадные до денег. Потом я поняла, что они просто пытаются выжить: на одну зарплату таможенника и полицейского не очень-то понаразводишь у себя во дворе пальмовые сады...

Тем не менее, семейство Госепа (кстати, это была типично кюрасаоская фамилия - образованная не от мужского, как у большинства народов, а от женского имени: видимо, потому что кто у рабов мать всегда было ясно, а вот кто отец - не всегда) действительно были очень *money-minded*¹⁹¹. Вся семейка. И периодически они из-за денег смертельно ругались - хотя обычно и помогали друг другу в трудную минуту.

Чем ближе я их узнавала, тем больше меня удивляло замужество Сонниной мамы с сеньором Артуро. У Зомербергов не было с Госепа ничего общего. Зомерберги были по большей части интеллектуальные бессеребренники - именно то, чем так боялся стать сам Сонни... Брак сеньора Артуро с Луизой Госепа был для него вторым. Она была на 15 лет моложе его. Видимо, его действительно привлекла в ней только ее

¹⁹¹ Ориентированные на деньги (англ.)

внешность. А вот что привлекло ее? Его солидность? Ее родственникам он не нравился, и они плохо это скрывали.

А еще я узнала то, что мне так не хотел почему-то рассказывать Сонни: оказывается, Зомерберг - фамилия не кюрасоская, а... арубанская! Он был того же происхождения, что и мой кумир Бобби! Видимо, потому Сонни и не хотел в этом признаваться: «Бони М» он не переносил на дух:

- Они - такие глупые, как вы, европейцы, хотите, чтобы были мы все! Вы просто такими хотите нас видеть.

I do see his point. I just never looked at it that way when I was a child¹⁹².

Я была очень близка к тому, чтобы посетить Арубу – «родину героя»- опять-таки благодаря дяде Патрику, который уже даже договорился, чтобы нас взял туда на пару дней каковы-то попутный корабль. Но опять-таки ничего не получилось из-за Сонни...

...Работать у дяди Патрика мне нравилось. Я целый день вкалывала на компьютере, поглядывая время от времени вниз с балкона двухэтажного просторного здания, окруженного высокими пальмами, которые по утрам поливал Жан. Один раз дядя Патрик попросил Жана покрасить забор, и Жан старательно покрасил его - с одной стороны.

- Все равно с другой не видно!- объяснил он мне.

Мимо дома проходила оживленная дорога на Вестпунт. На дорогах на Кюрасао часто происходили несчастные случаи. Вдоль дорог продавали билеты местной лотереи, выиграть в которую шанс был намного выше, чем в Европе. Но шанс того, что с тобой на дороге что-нибудь может случиться, был еще выше.

Периодически приходили *соллситанты*¹⁹³ - подавать заявления на работу в качестве охранника. Я только принимала у них заявления, интервью проводил сам дядя Патрик. Особенно отчетливо мне запомнился один из соллситантов: в резиновых шлепанцах-«вьетнамках» на босу ногу, с воткнутой в шевелюру расческой и с лицом пофигиста. Его буквально за руку притащила в офис его

¹⁹² Я вижу, что он имеет в виду. Я просто никогда не смотрела (на них) с такой позиции, когда была ребенком (англ.)

¹⁹³ *sollicitant* (голл.) – поступающий на работу

беременная жена. Она же отвечала за него на все вопросы. Мне было ее очень жалко.

- Может, наймете-таки его, сеньор Патрик?- спросила я вечером после работы. - Жалко женщину, она так старалась! В конце концов, какая там особая работа?

Сеньор Патрик снисходительно улыбнулся и произнес длинную пространную речь, из которой следовало, что с человеческой точки зрения он совершенно со мной согласен, а вот с точки зрения бизнеса - нет. А мне виделся один только голодный маленький ребеночек... Плевать я хотела на какой-то там бизнес, если он останется голодным! Он себе, в конце концов, жизнь не выбирал.

Конечно, не все были настолько американизированными на острове, как дядя Патрик. Отношение к голландцам на острове было чаще всего умеренно-неприязненное. Но отношение к вопросу о независимости было более сложным: несмотря на всю неприязнь к колонизаторам и на осознание фактов дискриминации и эксплуатации, ее мало кто безоговорочно хотел. Люди просто не верили в свои силы. Они приводили в качестве примера другие небольшие карибские страны, жизнь в которых после достижения ими независимости, мягко говоря, лучше не стала. Естественно, самая старая в полушарии независимая страна - Гаити - была в этом отношении просто кричащим примером. Но сказывалась все-таки и американизация молодого поколения здесь - чуть ли не с пеленок. Уроженец Кюрасао растет на американской культуре в гораздо большей степени, чем европейские дети. В атмосфере восхищения американцами и почти религиозного трепета перед ними, которые те создали в отношении себя сами. «Сам не похвалишься, кто тебя похвалит?»- как любил повторять бабушкин брат. Это про янки. Жители Кюрасао видели в них, казалось, некий противовес голландцам и старались сыграть на этом противопоставлении. Чаще всего - не очень-то удачно.

Тем не менее, как я, к своему удивлению, обнаружила, на Кюрасао многие с большой симпатией относились к Кубе и к Фиделю. Казалось бы, с такими настроениями, как у них, логично было бы поддерживать бешено-антикубинские выпады, столь характерные для собственной метрополии и ее псевдо-левых «интеллектуалов», не говоря уже об «американских инвесторах»- ан нет, народ Кюрасао хорошо знал, что

на Кубе прекрасная медицина, хорошее образование и вообще нормальная жизнь. Многие возили туда на операции своих родственников: выходило намного дешевле и качественнее, чем в соседние Венесуэлу или Колумбию. В Венесуэле тогда Чавес еще не пришел к власти...

В самом конце моего пребывания на Кюрасао в моей жизни произошло еще одно событие: я... окрестилась. В католической церкви. У самого местного епископа и под его непосредственным руководством. Не потому, что я вдруг стала такая верующая, и не для того, чтобы угодить бабушке Май - хотя, понятно, она была на седьмом небе от счастья. А потому, что меня об этом попросила моя собственная мама-коммунистка, которой к тому же почему-то вдруг теперь казалось, что католическая церковь – «не такая коррумпированная, как наша». Тут бы мне и насторожиться: да что это там дома происходит, они что, все с ума посходили? - но я даже не задалась этим вопросом, настолько эгоистично были мои думы в тот момент заняты только этим прекрасным островом...

Май устроила по этому случаю большую пирушку. Май даже предложила нам в тот же день и пожениться церковным браком: чего зря время терять?

Мы к тому времени были расписаны уже два года. Трения между нами еще не были фатальными, но уже достигали такой степени, что их было достаточно, чтобы вызвать мои сомнения в необходимости такого шага. Я ведь знала, что церковный брак бывает только один - и уже тогда не была уверена на 100%, что я этого с Сонни хочу. Но не могла же я сказать вслух, что сомневаюсь в прочности нашего с ним союза - после совместных двух лет жизни! Вот так я и оказалась в один день крещеной, причащенной и замужем церковным браком...

За три месяца я срослась с Кюрасао душой и сердцем. Я уже не представляла себе своего будущего без него. Сонни не перебивал меня, когда я вслух строила планы на наше с ним будущее здесь, и потому я была уверена, что он их поддерживает.

... Уезжать мне не хотелось до такой степени, что я рыдала навзрыд. Омайра сама пустила слезу, вытирая мне щеки. И когда наш самолет взлетел, у меня на глазах все еще стояли слезы. Возвращаться в ненавистную Голландию для меня было хуже горькой редьки.

Но я в тот момент верила, что быстро на Кюрасао вернусь.

Ну, не позднее, чем года через три.

С тех пор прошло уже гораздо больше лет....

И когда я разводилась с Сонни, это был развод не только с ним.

Я разводилась и с его Родиной, и с его близкими, и со своими антильскими друзьями. С нашими мечтами.

И это было гораздо больнее, чем сам развод как юридический факт.

Мое последнее воспоминание о Кюрасао - небольшое заросшее поле за Сонниным домом, на котором я случайно обнаружила среди сорняков несколько кустарников хлопка. Напоминание о временах, когда его предки своим трудом создавали богатства тех, кто и по сей день продолжает держать этот остров своей мертвой хваткой, не переставая при этом громко кричать, что Антилы - это только обуза.....

*Pot verdorie*¹⁹⁴, если только обуза, тогда что ж вы все так отчаянно цепляетесь за них?

¹⁹⁴ Черт побери (голл.)

Глава 6. «У вас же теперь есть свобода!»

*«Почему все не так?
Вроде все как всегда...»*
(В. Высоцкий)

*«Мама – анархия,
Папа – стакан портвейна»*
(В. Цой)

Как меня с моими взглядами и идеалами вообще угораздило оказаться в такой беспросветно-капиталистической дыре как Голландия, спросите вы...

И будете, конечно, совершенно правы.

Не буду снимать с себя ответственность за собственные поступки, но виной всему стало еще и нелепейшее стечение исторических и личных обстоятельств....

Я более или менее была уверена, что по окончании школы покину родной город (кстати, во всем своем классе я оказалась единственной, кто это сделал). Слишком уж мне хотелось увидеть мир, и как я ни любила свою «маленькую родину», я прекрасно знала, что если останусь дома, то мне этого никогда не сделать. Так что в столицу я попала не в поисках комфорта. Если бы можно было ездить по работе в Африку и возвращаться на свою родную улицу под сень яблонь, в свой маленький дом, я бы с удовольствием так и сделала. Но, естественно, такой работы у нас в городе не было и не предвиделось.

Я чувствовала, что меня ждет необычная жизнь, и немного волновалась в ее преддверии. Но она оказалась в конечном итоге совсем не такой, как я мечтала.

... В Москву, при всем моем к ней *тогдашнем* уважении, я не очень-то любила ездить. По крайней мере, если речь шла о поездке на один день за покупками. Обычно в такую поездку люди отправлялись рано утром, в 6, максимум в 7 часов, а возвращались к 10-11 часам вечера.

На электричке, по поводу которых у нас даже была шуточная загадка: «длинное, зеленое, пахнет колбасой». Действительно, почему-то мои земляки питали к колбасе особенную слабость. На обратном пути длинные батоны докторской колбасы торчали из развешанных по стенам электрички авосек. Я лично эту любовь не разделяла и могла бы вообще спокойно всю жизнь без колбасы прожить. Но о вкусах не спорят... К слову, для тех, кто жалуется, что с колбасой бывали перебои: в кап. странах, на которые вы так любите ссылаться, вы вряд ли когда увидите обычного человека с целым батоном колбасы - это слишком для него дорого покупать так много сразу!

Билет стоил два рубля - туда и обратно¹⁹⁵. В один конец - рубль, а не больше половины от цены билета туда и обратно, как это делается на Западе. Когда я начала в Москве учиться, я ездила домой на каждые выходные и вообще когда мне взбрело в голову, даже не задумываясь о цене билета. Близость Москвы была главной причиной, почему я решила учиться там, а не попытать своего счастья в Ленинграде на факультете востоковедения, где требования к партийно-половой принадлежности были не такими строгими, как в ИСАА.... Но я забегаю вперед.

...К тому времени, как электричка подъезжала к Москве, там уже открывались магазины.

С вокзала народ сразу же нырял в метро. Я всегда очень любила московское метро. Праздничное даже в будни с его такими непохожими друг на друга станциями, поднимающее настроение своей торжественной красотой, разве сравнимо оно с грязной, отделанной граффити и воняющей мочой *подземкой* Роттердама или Амстердама? Моя самая любимая станция - Новослободская, с ее разноцветными прозрачными витражами. А еще я люблю прохладный ветерок из туннеля, вперемешку с едким запахом резины. И эскалаторы! На эскалаторах народ стоя читал - газеты и книги. А еще в метро было очень удобно назначать свидания. Да ради одного только того, чтобы его увидеть, стоило съездить в Москву! Кататься на метро можно было хоть весь день, переходя с линии на линию - проход

¹⁹⁵ билет 2 рубля туда и обратно со скидкой в 50% для студентов, а для обычных граждан – 2 рубля в один конец

внутри стоил 5 копеек. В мои студенческие годы единый билет на все виды транспорта в Москве на месяц стоил около 5 рублей.

На Красной площади мы в те годы бывали редко, и потому такие визиты особенно запоминались. Это сейчас на ней устраивают поп-концерты и прочую ерунду, а тогда она была для нас действительно святыней. Кремлевские башни, казалось мне в детстве, доставали своими звездами до самого неба! А уж услышав не по радио, а наяву бой курантов Спасской башни, знакомый нам всем с младенчества по новогодней ночи, ты действительно чувствовала мороз по коже. Это место было живой историей! Побывала я в школьные годы и в Кремле, во всех его храмах, в Оружейной Палате, в Третьяковской галерее, в Историческом музее, в Музее Ленина и во многих других.

Но чаще всего в Москву мы ездили все-таки за покупками. Я бы не сказала, что от какой-то особенной нужды. Вот когда дедушка в гражданскую войну ездил на Украину менять вещи на продукты - вот это действительно была нужда! Из нас же никто и понятия не имел, что такое голод. Просто когда хотелось чего-нибудь особенного, - например, к празднику или ко дню рождения, - то естественно, в большом городе выбор был шире. Пример – конфеты на елку. То же самое, кстати, и в западных странах. Ездят же люди из окрестных городишек в дублинские шоппинг-центры запастись подарками к Рождеству - и никто не вопит, что это делается из-за «дефицита на местах». Так что не надо преувеличивать значение «колбасных электричек». Из того, чего у нас в городе тогда не продавали, был единственный продукт питания, за которым я была согласна стоять в очереди хоть весь день. Бананы!! Но разве это предмет первой необходимости?

Естественно, из магазинов саму меня интересовали немногие: сначала игрушечные, а потом, когда стала постарше - книжные и музыкальные. Помню походы в «Детский мир», где на стене висели удивительные часы, с лицом солнышка,двигающим глазами, вместо циферблата, и с различными сказочными героями, выглядывающими из своих домиков, когда пробивал определенный час. Солнышко с его хитрой физиономией казалось живым. Там мне покупали то, чего у нас в городе не было - ге-де-эровские стереодиапозитивы с изображениями сцен из различных сказок. Я их обожала! Или

диафильмы для моего фильмоскопа. Современные дети даже не знают, что это такое.

Здесь же можно было купить детские вещи, школьную форму, зимние пальто (обычно пальто покупали на несколько лет - до того, как из него вырастешь). Когда я в первый раз увидела, сколько стоят детские вещи на Западе, меня чуть не хватил инфаркт. Зачастую они дороже взрослых. А ведь ребенок, в отличие от взрослого, моментально из всего вырастает! А у нас в СССР детская одежда, обувь и тому подобное субсидировались государством и поэтому стоили гроши. И когда какой-нибудь умник, сам в жизни ни в чем не испытывавший нужды, бубнит мне в очередной раз про «ГУЛАГ-архипелаг», я вспоминаю цены на детские пеленки, распашонки и ботинки. Если субсидировать их, субсидировать общественный транспорт, предоставлять бесплатно жилье, предоставлять бесплатное лечение, и образование – «не дело государства», то на фига оно вообще, такое государство, нужно?...

Когда я после пятилетнего отсутствия на Родине приехала с Сонни в Москву, мы забежали ненадолго в «Детский мир». Мне очень хотелось показать ему удивительные часы- Солнышко. Но их уже не было. Вероятно, продал за границу или «в частную коллекцию» какой-нибудь «предприимчивый бизнесмен». (Бизнесмены наши по сути - обыкновенные мародеры. Весь их «бизнес» заключается в том, чтобы тащить то, что плохо лежит и продавать созданное или выработанное другими.) Вместо детских вещей теперь в «Детском мире» торговали всякой белибердой, чуть ли не иномарками. На одном из этажей раскинулся супермаркет. Сонни захотел туда зайти, но хозяин, ближневосточной внешности, жестами показал нам, что для этого сначала надо оставить у него наши небольшие сумки. По-русски он не знал ни слова. Кровь ударила мне в голову. Расселся здесь, толстопузый буржуй, да еще и командует, словно это он нам делает одолжение, разрешая зайти в его лавочку!

- Для начала научись хотя бы говорить по-русски!- бросила я ему и потянула Сонни за собой.. .

... На Калининском проспекте был другой мой любимый магазин, «Мелодия», где можно было купить такие пластинки, которые у нас в городе отродясь не водились (потому что их вряд ли кто-нибудь купил бы. На фирме «Мелодия» просто не знали о моем существовании!). Например, «Традиционная музыка Эфиопии», которую не всякий к тому неподготовленный человек выдержал бы дослушать до конца. Песней «Фано» я дома летом распугивала соседей, вытащив проигрыватель во двор.

Можно было купить около «Мелодии» и диски зарубежные, чаще всего выпущенные в Германии или Югославии: вокруг дверей магазина так и вились *мальчики с «дипломатами»*, делавшие вид, что ждут здесь кого-то по серьезному делу. К ним надо было подойти и негромко спросить, что именно тебе было нужно. Чаще всего если не у одного, то у другого это находилось: «работали» они артелью. Дальше вы отходили куда-нибудь в ближайшую подворотню, где *фарцовщик* демонстрировал вам диск, и сделка заключалась. В плане качества все было по-честному. Но цена на один диск доходила до 100 рублей (у мамы зарплата без премиальных была около 250). Обычно мне дарили один, максимум два таких диска в год: на Новый год и на день рождения. Мы с Шуреком сдували с них пылинки: переписывали на магнитофон и потом слушали уже на пленке, чтобы пластинку не портить. Еще дисками подторговывали появившиеся только недавно у нас *диск-жокеи*, как правило, комсомольские активисты. Один такой активист, из маминой заводской дискотеки, по имени Вава, чем-то напоминавший диплодока (маленькая голова и большое все остальное), был немного влюблен в мою маму и приносил ей диски для меня прямо на работу (несмотря на все его нежные чувства, конечно, тоже не бесплатно). Но никакого благоговения перед фарцовщиками я не испытывала. Наоборот, я знала, что они спекулянты и занимаются незаконным делом, поэтому даже когда мы прибегали к их услугам, я испытывала чувство брезгливости. Все знали, чем они занимались - и то, как легко было их этот «бизнес» прекратить, показали андроповские годы, когда они моментально исчезли с московских улиц, как тараканы с кухни, опрысканной дихлофосом. Честно говоря, именно поэтому я не воспринимала их всерьез и не считала серьезной угрозой нашему строю. Их так было легко при желании *пересажать!* Потом, при Горбачеве, когда они

расплодился тоже с тараканьей скоростью, я любила говорить им в лицо, если они пытались навязать свой товар (да, к тому времени они уже настолько охамели!): - Андропова на вас нет!

От этого вроде на душе становилось приятнее. Но их число и не думало сокращаться. А вскоре и вся страна превратилась в один большой грязный базар. Но это уже совсем другая история....

Во все остальные магазины в Москве я тогда была вынуждена заходить ради мамы и обычно не переставая ныла, что я устала и хочу домой. Особенно ненавидела я магазин «Ванда» и очереди за косметикой. Я не понимала, почему для мамы эта ерунда так важна: ведь она и без нее очень красивая!. (Честно говоря, и до сих пор этого не понимаю...). А еще маме нравилось заходить в магазины соц. стран, многие из которых были на самых окраинах города – «Ядран», например. Были в столице и магазины наших союзных республик. Какой красивый национальный шелк продавали в магазине «Таджикистан»!

Мама была неутомима и носилась по магазинам с ураганной скоростью, чтобы все успеть. Я едва за ней попевала. Обычно, если было можно найти уголок, где меня можно было посадить вместе с сумками, мама так и делала, а сама шла покупать что ей там было нужно. В пределах магазина, конечно, и только когда я достигла определенного возраста (лет 12). В Москву ездили, как я уже сказала, не за повседневными предметами первой необходимости, а за чем-нибудь особенным, интересным, таким, какого у нас не было. Я считала хождение по магазинам - вот такое, а не просто за хлебом, молоком, маслом или конфетами, как дома - пустой тратой времени и очень неприятным занятием. Когда я в первый раз услышала, что в Голландии многие женщины считают *шоппинг* своим хобби, я долго и искренне хохотала. И мое мнение на этот счет не изменилось и по сей день. Да, очередей здесь часто нет, или они короче, чем были у нас (только не перед праздниками!), но само занятие от этого приятнее не стало. Хотя западных людей можно простить за то, что у них такие хобби - у них же по большому счету больше ничего в жизни нет!

Часто мама или Шурек (или оба они одновременно) ездили в Москву не просто так, а в однодневную командировку, а за покупками ходили только уже после всех своих там дел. Трудно описать это словами, но

одним из самых моих любимых занятий было встречать маму и Шурека из таких их «экспедиций». Обычно встречать их мы шли с бабушкой, на трамвайную остановку, ближе к 11 часам вечера. Вокзал от нас был слишком далеко. Наша остановка была «на горе» - на холме, возвышавшемся над нашим кварталом, где трамвайная линия круто поворачивала - так, что далекий скрип трамваев на повороте хорошо было слышно у нас дома по вечерам и ранним утром, когда было тихо. Располагалась она в сени высоченных старых тополей, рядом с водочным магазином, который в народе до сих пор называли по имени его дореволюционного владельца. Но к этому времени он, конечно, уже давно бывал закрыт, так что все вокруг было спокойно. Мы были не единственными, кто выходил на остановку встречать своих родственников, так что было не скучно. С каким нетерпением ждала я каждого трамвая - окажется ли это «тройка» или «девятка», идущие с вокзала? И если да, то тогда уже можно было высматривать в них маму и /или Шурека! (О том, пришла электричка или еще нет, можно легко было догадаться по тому, насколько был заполнен трамвай.) Было что-то волшебное в их лицах, когда они появлялись на ступеньках трамвая в бледном свете уличных фонарей. Не просите меня объяснить, почему. Не знаю. Но именно такое у меня было ощущение. А потом мы спускались вниз по «горе», помогая им нести сумки, а они рассказывали нам о том, как прошел их день... И все это – опять-таки неторопливо, без спешки, без страха быть на улице так поздно.

На время летней Олимпиады Москву закрыли для приезжих. Тогда я обижалась на это, а сейчас понимаю, что правильно сделали. Нас в стране было 250 миллионов человек. Представляете себе, что началось бы в столице, если бы туда в то время решили приехать из любопытства хотя бы 5 % населения?! Тем более, что тогда людям это было вполне по карману. Это было то единственное лето, когда мы буквально с утра до ночи не отрывались от телевизора, несмотря на прекрасную погоду на улице (за все две недели Олимпиады дождь шел только один день). У Шурека был отпуск, а мы оба любили спорт – по крайней мере, в качестве зрителей. По первому каналу в те дни практически больше ничего не показывали - Олимпиаду да новости, но нам это было вполне по душе. Я болела «за всех темнокожих» - от кубинца Сильвио Леонарда и бразильца Жоао Карлоса де Оливейры,

которых, как я считала, несправедливо засудили, до британца Дейли Томпсона. Но всеобщим любимцем в нашей стране в те дни был, конечно же, эфиопский стайер Мирус Ифтер! Маленький, хрупкий, лысый и уже не юный отец 6 детей совершенно покорила нашу публику своими победами в беге на 10.000 и на 5000 метров. Трибуны скандировали его имя!

Это было такое время, которое современной молодежи трудно себе представить. Когда на Олимпиаду не пускали получающих миллионы от спонсоров профессионалов (и западные спортсмены, участвовавшие в ней, обычно уходили в профессионалы после окончания своей карьеры в любительском спорте!). Когда не было на бортиках спортивных сооружений никаких «брендовых» реклам. Когда победа была прежде всего предметом гордости за свою страну, а не средством пополнить банковский счет. Помните?

*«Шествуй на Олимп гордо, к солнечной стремись награде
Ради красоты спорта, Родины своей ради!
Надо побеждать честно, надо жить на свете ярко!
Сложат и о нас песни, - будет небесам жарко!»¹⁹⁶*

И это были не слова. Среди наших спортсменов были студенты, были армейские служащие, были представители разных профессий. Конечно, им делались какие-то скидки в отношении того времени, которое они проводили на месте своей профессиональной занятости, конечно, им делались и какие-то материальные поощрения, но занимались они спортом не «ради длинного рубля» и не рекламировали с фальшивой улыбкой нижнее белье или часы какой-то марки. Возьмите хотя бы того же мамино любимца Старшинова - хоккеиста и кандидата наук¹⁹⁷! Спортсменов нельзя было покупать и

¹⁹⁶ «Герои спорта», **Автор текста:** Н.Добронравов , **Автор музыки:** А.Пахмутова

¹⁹⁷ СТАРШИНОВ ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ

Заслуженный мастер спорта СССР, нападающий. Чемпион СССР 1962, 1967, 1969 годов.

продавать как вещи, как это происходит сегодня. И как бы они ни выпендривались нынче друг перед другом своими гонорарами, они не больше чем *дорогостоящие рабы*. Но еще более жалки современные спортивные комментаторы, которые со слюнками у рта все считают чужие деньги: «Эх, а знаете, сколько он получит, если вот сейчас возьмет эту высоту?!...»

...Когда Олимпиада закончилась, мы с мамой поехали в Москву - и я почти с трепетом бродила по Лужникам, думая о том, что мои ноги ступают там, где пробежал Мирус Ифтер...

В киосках вокруг Лужников продавали остатки запасов упакованной в целлофан еды, которой питали спортсменов: нарезанную ломтиками финскую -ой, опять!- колбасу «салями» и «Фанту», которую мы тогда впервые попробовали. Что я могу сказать? Мое поколение ее не выбирало¹⁹⁸... А «Пепси-Кола» вообще на вкус отдавала мылом. Москвичи были не в восторге от того, что мы, провинциалы, вернулись в Москву. «По нам, так пусть бы эта Олимпиада длилась вечно!»- говорили они. И я заметила, что больше всего провинциалов не любят именно те, кто сам только недавно переехал в Москву из какой-нибудь глухой деревни.

Но была еще и другая Москва – тихая, неспешная, милая. Я видела ее, когда мы с мамой ездили туда не на один день, а на неделю - чаще всего на ВДНХ, в ее командировку. В такие дни нам не надо было

В чемпионатах СССР около 540 матчей, 405 голов. Обладатель Кубка СССР 1970 и 1971 гг.

Чемпион мира 1963-1971 гг, Чемпион Европы 1963-1970 гг. Чемпион Зимних Олимпийских игр 1964, 1968 гг. Закончил МАТИ (авиационно-технологический институт). Окончив институт и став инженером, снова засел за учебники - поступил в аспирантуру. В июне 1975 года Старшинов стал кандидатом педагогических наук - в Институте физкультуры защитил диссертацию «Исследование нравственного долга и ответственность спортсмена». Спустя четыре года Вячеслав Иванович возглавил кафедру Московского инженерно-физического института. Но хоккей не бросал - доцент Старшинов был старшим тренером и одновременно в институтской команде играл на привычном месте центрального нападающего

¹⁹⁸Намек на рекламу Пепси в капиталистической России - «новое поколение выбирает «Пепси!»

галопом бегать по магазинам, а потом - таким же галопом на вокзал, чтобы успеть на электричку. Мы обычно останавливались в одной из гостиниц около ВДНХ- «Алтай» или ей подобных. Тогда это были вовсе не *ночлежки для гастарбайдеров*, а вполне приличные гостиницы. Хотя и в комнате с нами обычно была еще одна какая-нибудь командировочная женщина. Днем мы, как правило, были на самой выставке - мамин завод частенько посылал туда свои экспозиции. Зато потом можно было, отделавшись, спокойно гулять по городу. Пойти на Красную Площадь когда уже было темно. Завтракать и обедать в моей любимой столовой возле гостиницы «Космос» (я еще хорошо помню, как ее строили красивые югославы!), где были такие вкусные сметана в стаканах, бефстроганов и лимонное желе. Ужинать купленным в молочном магазине топленным «Можайским» молоком с вкусным московским хлебом. И, самое главное, никуда не торопиться... В той Москве я действительно хотела бы жить и работать. Вот только ее давно уже нет...

...На всякий случай я морально подготовила себя к тому, что в институт с первого раза я не пройду. И даже придумала уже, что буду делать год в таком случае (пойду к маме на завод работать фотографом). Во-первых, для того, чтобы в случае чего не расстраиваться, во-вторых, из-за того, что все мы были наслышаны о том, что «в такие вузы берут только по блату», в-третьих, потому что когда я подала туда документы, оказалось, что конкурс на факультете, на который я собиралась поступать, составлял 8 человек на одно место! Это означало, что надо было набрать на 4 экзаменах по меньшей мере 18 баллов - не меньше, чем 2 пятерки и 2 четверки получить. Ну, или 3 пятерки и одну тройку.

Классная руководительница, недолголюбивавшая меня из-за болезней, попыталась утонченно испортить мне характеристику, которая нужна была для поступления в вуз. «Много работала самостоятельно», - написала она, намекая на то, что я не присутствовала на уроках чуть ли не по полгода. «Ого!»- сказали в институте, когда принимали у меня документы. Работать самостоятельно - это было как раз то, что от студента требуется.

Надо сказать, что до этого я никогда никуда одна из дома не уезжала, несмотря на то, что мне было уже 17. А тут мама привезла

меня в Москву на вступительные экзамены, устроила в старое общежитие на Стромынке и оставила одну. Мало того, что я паниковала внутренне по поводу экзаменов, как любой нормальный человек - я еще и не менее панически боялась первые несколько дней выходить на улицу. Не потому, что опасалась, что со мной что-нибудь может случиться, а потому, что Москва оглушила и ослепила меня своими размерами и темпом своей жизни, а никого из близких не было рядом. Одно дело поехать туда с мамой и совсем другое - остаться там сама по себе. Но выходить было надо - надо же было есть, пить и ездить на консультации. Зажмурившись, я доезжала до метро на автобусе, ехала на нем в институт - и потом никуда не сворачивая, сразу обратно. Питалась я или в блинной неподалеку от метро «Сокольники» - свежими блинами со сметаной, или горячими тающими во рту пончиками с сахарной пудрой, купленными возле станции метро «Комсомольская». Я еще не знала, что в подвале самого стромынкинского общежития есть вполне приличная и очень дешевая столовая. Я вообще не испытывала особого желания обследовать это здание - с высокими потолками и окнами, мрачноватое, с одним большим умывальником на всех по утрам (точнее, с двумя – для девушек и для парней) и с кухней, на которой часто приходилось становиться в очередь, чтобы подогреть чайник.

Комнату со мной делили еще 4 девочки - из Набережных Челн, которые тогда временно именовались Брежневым, из Уфы и с Украины. Все мы поступали на разные факультеты, и экзамены у нас были в разные дни. Девочки были хорошие, тихие, заниматься не мешали. Все пятеро мы сидели в комнате и зубрили с утра до вечера. Только украинские девочки накануне экзамена пошли в кино - меня ужасала даже сама такая мысль! И, как я и предполагала, экзамен они завалили.

Всего экзаменов было 4. Первым экзаменом для всех, кроме золотых медалистов, было сочинение (медалисты сдавали историю, и если сдавали ее на 5, то от остальных экзаменов их освобождали и сразу зачисляли, а если нет, то надо было сдавать и остальные три.) Почему-то традиционно все боятся этого экзамена больше всего, а для меня он как раз как в школе, так и здесь был легче всех. Писала я, помнится, о лермонтовском Печорине.

Совьетика Часть 1

После сочинения отсеялись сразу очень многие: списки получивших «неуд», были вывешены на всеобщий обзор, и в нашей комнате сразу освободились 3 места. Мы остались вдвоем с Ильмирой из Уфы, хорошенькой и очень скромной черноглазой башкиркой с длинной белой косой.

Перед экзаменом по истории у меня зуб на зуб не попадал, особенно когда я осознала, сколько абитуриентов «зарезали» на сочинении. Меня в их списках не было - значит, сдала, но как именно, тебе говорили только уже на самом экзамене по истории. По реакции приемной комиссии на мой ответ я поняла, что дела идут не так плохо. Однако прочитав еще раз мою фамилию, председатель ее как-то занервничал и наклонился к своим коллегам, после чего возникло легкое волнение, и все трое стали рассматривать меня с каким-то нездоровым, как мне показалось, интересом. Моя душа опять ушла в пятки.

- Хорошо, спасибо, - сказал председатель, улыбаясь, когда я закончила говорить. - А теперь о Вашем сочинении. Вы знаете, с ним такая тут незадача....

Я окончательно струхнула, а он, гад, все продолжал улыбаться.

- Какая же? - едва выдавила из себя я.

- Понимаете, у Вас у единственной на всем нашем факультете за сочинение «5»...Поздравляю! – и он пожал мне руку.

Я не могла произнести ни слова и как рыба только беззвучно открывала и закрывала рот.

- А почему же Вы все экзамены сдаете? - продолжал он с недоумением в голосе, - Вы разве не медалистка?

Я потихоньку начала возвращаться к жизни.

- Нет, у меня одна «четверка». По НВП.

- По чему- по чему? - комиссия в полном составе вытратилась на меня в недоумении.

- По начальной военной подготовке.

- Калашникова- и « 4 » по начальной военной подготовке?- рассмеялся председатель.- Какая ирония судьбы! Ничего, не расстраивайтесь, это все в прошлом.

Я вышла в коридор с дрожью в коленях...

Остальные экзамены тоже прошли нормально - хотя, как я и ожидала, труднее всего для меня оказался экзамен по французскому. Но преподаватели смотрели на мой экзаменационный лист, и «пятерка» за сочинение приводила их в такой трепет, что они даже не задавали мне дополнительных вопросов. В итоге я набрала 19 баллов из 20 возможных и, по всем признакам, должна была в вуз пройти. Но я была настолько суеверна, что отказывалась об этом даже думать. Мало ли что... Как же это могло быть, что я вот так, с ходу прошла в этот престижный институт безо всякого блата и без репетиторства его преподавателей? Это было похоже на сказку! Сейчас-то я думаю, что мифы о «невозможности поступить без блата» были выдуманы в собственное оправдание теми, кто сам свои экзамены провалил. Нет, это не значит, что блатных вообще не было- были, и мы видели их родителей, шептавшихся с преподавателями во время экзаменов в подворотне. И потом уже в ходе учебы все их видели. Но общий их процент от числа студентов был не так велик: например, в нашей группе из 25 человек таких было двое. Но слишком большое количество *высокопоставленных тупиц* народному хозяйству не было нужно. Да и вуз мой был все-таки не МГИМО. Но я опять забегаю вперед.

Итак, я все еще отказывалась поверить в то, что стала студенткой. Письмо, официально подтверждающее это, пришло к нам домой ближе к концу августа, когда мы с мамой и ее тогдашним приятелем Виктором Петровичем укатили на его машине отдыхать в Крым.

После такой нервотрепки я вполне это заслужила...

Виктор Петрович был начальником цеха на мамином заводе и, когда они начали встречаться, он еще официально был женат (к большому возмущению моей бабушки). Мне он тоже не нравился - как, впрочем, никогда не нравился и ни один из маминых ухажеров. Внешне он был похож на Фрэнка Синатру. Уж лучше бы он как Синатра пел! Дело в том, что у них с мамой была привычка во время поездок на его машине исполнять дуэтом советскую классику, а голоса у обоих, мягко говоря, оставляли желать лучшего... Слушать это в течение целого дня, как во время нашей поездки в Крым, было нелегко.

Виктор Петрович много курил и часто любил повторять вслух, что мужчина должен выглядеть «чуть получше обезьяны».

- Что ж, он недалеко от нее ушел!- ядовито заметила я маме. Я никак не могла понять, что она в нем нашла. А он просто был единственным, кто осмелился к ней подойти. Остальные такую язвительную красавицу боялись! К тому же мама любила в процессе отношений «подтягивать до своего уровня» своих кавалеров: водить их в театр, советовать им, какие книги читать, как со вкусом одеваться. Не всякий кавалер такое выдержит, хотя и делала она это с хорошими намерениями. Если у нее ничего не получалось, она разводила руками:

-Быдло, оно быдло и есть. Не переделаешь!

А через некоторое время с таким же усердием бралась за следующего. Моя мама очень похожа на героиню «Покровских ворот» Маргариту Хоботову – и, между прочим, всерьез ей симпатизирует!

Виктор Петрович чем-то напоминал шукшинских героев. Он любил пофилософствовать с глубокомысленным видом, несмотря на недостаток знаний во многих областях. Наше с ним общение напоминало игру в пинг-понг: я не лезла за словом в карман, как это и свойственно подросткам. Выслушав очередную порцию моих острых как бритва (так, во всяком случае, тогда казалось мне самой!) аргументов, он только качал головой и ухмылялся:

- Ишь ты, поросенок!

Делал он это необидно, но симпатий к нему это мне не прибавляло. Бывало, так ждешь маму с работы, так хочется с ней пообщаться; наконец-то она пришла, пообедала - и тут как тут, прикатывает его «Москвич»... Господи, как же я его в такие минуты ненавидела! В дверь или в окно он никогда не стучал, сидел и ждал, когда его заметят. Бабушка недовольно бурчала:

- Надь, вон уже твой хахаль, прикатил. Иди...

И она уходила - на весь вечер, а то и за полночь. Бабушка не спала, пока она не вернется, и я, если честно, тоже редко. Мало ли, а вдруг какая авария на дороге... Но мама не считалась с нашими чувствами. Я уже говорила, что она привыкла от чувств других людей просто и весело *отмахиваться*. Она и по сей день продолжает это делать. Маме тогда было примерно столько же лет, сколько мне сейчас, и я уверена, что теперь-то она, уже сама будучи бабушкой, такого поведения с моей, например, стороны тоже не одобрила бы. Но по-прежнему упорно не хочет понять, как мы с бабушкой чувствовали себя тогда.

На зиму машину Петрович ставил в гараж, так что зимой они встречались не так часто. К моей большой радости! Разве что иногда вместе ездили кататься на лыжах.

Единственно когда я немножко прикусывала язык и оставляла свои мысли при себе - это когда Петрович брал меня с ними покататься на «Москвиче». На машине я почти никогда не ездила, с тех пор, как умер дедушка с папиной стороны. Мне нравилось, что в такие минуты, глядя на пробегающие за окнами пейзажи, можно было фантазировать о чем угодно. К 14-16 годам фантазий у меня ничуть не стало меньше. Иногда мне казалось, что песня «Бони М» «Океаны фантазии» написана именно про меня.

В юности все, наверно, считают себя единственными и неповторимыми. Все думают, что избегут тех ошибок, которые совершили их родители; все верят, что их жизнь будет яркой, непохожей на жизнь других людей. По крайней мере, я в это верила. И не просто верила, а к этому стремилась. И потому все мое существо

Совьетика Часть 1

инфантильно протестовало против доброй, старой, славной советской песни «Я люблю тебя, жизнь!»¹⁹⁹

*«Я люблю тебя, жизнь,
Что само по себе и не ново,
Я люблю тебя, жизнь,
Я люблю тебя снова и снова.*

*Вот уж окна зажглись,
Я шагаю с работы устало,
Я люблю тебя, жизнь,
И хочу чтобы лучше ты стала.*

*Мне немало дано -
Ширь земли и равнина морская,
Мне известна давно
Бескорыстная дружба мужская.*

*В звоне каждого дня,
Как я счастлив, что нет мне покоя,
Есть любовь у меня,
Жизнь, ты знаешь, что это такое,*

*Как поют соловьи,
Полумрак, поцелуй на рассвете,
И вершина любви -
Это чудо великое - дети.*

*Вновь мы с ними пройдем,
Детство, юность, вокзалы, причалы,
Будут внуки потом,
Всё опять повторится сначала.*

¹⁹⁹ Автор текста : Ваншенкин К., композитор: Колмановский Э.

*Ах, как годы летят,
Мы грустим, седину замечая,
Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли тебя защищая?*

*Так ликуй и вершись
В трубных звуках весеннего гимна,
Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно.»*

Меня возмущало в ней то, что все в жизни казалось таким заранее предопределенным: и дети, и внуки... А кто это сказал, что я непременно должна так жить? Партия и правительство? А что, если я, например, *не хочу*, чтобы у меня были дети? Почему они должны у меня быть? И что если мне *недостаточно* идти с работы усталой в предвкушении ждущей меня дома тарелки борща, чтобы чувствовать себя счастливой?

Но мама с Петровичем очень любили петь эту песню. Потому что, в отличие от меня, они знали цену жизни. Я же говорю, что мое поколение было просто-напросто зажавшимся!

Была еще одна такая нелюбимая мною по той же причине песня – «Летят перелетные птицы», в которой мне пришелся не по душе самый первый куплет:

*«Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой.
А я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна»²⁰⁰*

Как это не нужна? – внутренне возмущалась я. Очень даже нужна!

²⁰⁰ Стихи М. Исаковского.

Теперь-то я давно доросла до того, чтобы эти песни понять и оценить. Они вовсе никому ничего не навязывают. В первой человек просто делится с вами своей радостью! А во второй – это чувства фронтовика, на деле знающего, что такое разлука с Родиной... И потому мне вдвойне противно, когда я вижу тот же самый хорошо мне знакомый подростковый инфантилизм у современных россиян, которым не по 15-16 лет, как было мне, а уже около 30! Ребята, да никто не заставляет вас иметь детей, жить «так как все» или не ездить в Африку и в Турцию. Только когда вы поймете, что плыть против течения можно, но маршрут этот вряд ли приведет вас в конечном итоге к счастью, будет уже поздно. Взрослеть надо вовремя - не раньше, но и не позже чем нужно...

... В Крым я отправилась с большим удовольствием. Даже была готова смириться с такой компанией. До этого я как-то раз бывала с мамой в Ялте, но весной, во время школьных каникул, так что купаться тогда не пришлось.

Ехали мы почти два дня, останавливаясь только на ночь. Тогда это было настолько безопасно, что заночевать, раскинув палатку, можно было практически в любом месте вдоль дороги, которое тебе приглянулось. И никаких тебе границ с наглыми пограничниками и очередями! В первый день мне больше всего почему-то запомнился городок Обоянь в Курской области - маленький, какой-то весь домашний, с покрытой белой пушистой пылью улицами. Во второй - Мелитополь, украинский круглый хлеб *паляница*, украинские тополя, похожие на свечи, и то, как терпко пахнет полынью и другими травами в нагретой солнцем степи под Запорожьем... Еще - Сиваш, и то, как чуть было не врезавшийся в наш «Москвич» украинский водитель закричал Петровичу:

-Да куды ж тебе х*** несе?

Петрович растерялся от ласковой певучей украинской интонации – по ней невозможно было понять, что тебя выругали:

- Что-что это он сказал?

Мы с мамой ему популярно объяснили....

Украина тогда была цветущим, радостным краем. Украинские села с их добротными хатами и переполненными плодами садами и огородами по сравнению со своими российскими нечерноземными собратьями, из которых тогда уезжали люди, выглядели раем на земле. Они были полны народу. И люди украинцы были зажиточные, гордящиеся плодами своего труда, неспешные, добрые и гостеприимные. Сердце радовалось смотреть на эту землю. Забегая вперед, скажу, что даже уже накануне исчезновения Советского Союза, в конце 80-х, в нашем институте распределение на Украину считалось большой удачей. А сегодня зарастают бурьяном целые села на Западной Украине, а 4 с половиной миллиона украинцев гнут спину за границей на чужого дядю²⁰¹ - за мизерные зарплаты и не имея элементарных трудовых прав. Из 28 миллионов работоспособного населения Украины каждый пятый работает в другом государстве.²⁰² Дошло уже даже до того, что собираются воздвигать памятник погибшим на заработках за границей 3 тысячам украинцев²⁰³! А ведь это как раз те мальчики и девочки, что резвились на улицах и в садах и купались в Черном море именно в то время... Они ели мороженое, ездили в пионерские лагеря, занимались в школьных кружках, готовились поступать в вузы и, как и я, были уверены в счастье. Это просто им еще никто не объяснил тогда, что, оказывается, мы с мамой и с Виктором Петровичем угнетаем их и вообще всячески ущемляем их права, вот они и радовались жизни! К слову, о правах: книжные магазины здесь повсюду были забиты литературой на украинском языке, причем такими книгами, которые мы даже мечтать не могли купить у себя дома на русском (Жюль Верн, Дюма, Конан-Дойль)! И телевидение в Крыму было и на украинском, и мы смотрели его вместе с хозяевами... И работали заводы и фабрики, и не гибли каждый день на частных шахтах шахтеры, заработки у которых были одними из самых высоких в стране, а труд их пользовался всеобщим уважением...

²⁰¹ <http://www.podrobnosti.ua/society/2008/04/09/512920.html>

²⁰² <http://podrobno.com.ua/society/2007/11/02/470348.html>

²⁰³ там же

...А сегодня... «международный правозащитный центр Ла Страда инициирует в Украине создание института временной опеки над детьми, родители которых уехали на заработки за границу»²⁰⁴. Поздравляю, ребята! Отныне вы действительно стали свободными и независимыми!

Разве не парадокс в том, что самый прозападный курс нынче проводят как раз в тех республиках, где в советское время люди жили несколько лучше чем в других? Может быть, такая злоба душит как раз из-за того, что никто *не помешал* им стать независимыми?...

К вечеру второго дня мы добрались до Судака. О Судаке и его знаменитой генуэзской крепости я была начитана. Я вообще никуда не ездила, не познакомившись предварительно по литературе с местом предстоящего визита. Но все же это не спасло нас в Судаке от попадания впросак...Когда мы въехали в этот похожий на старинную картину городок, уже темнело, и было неудобно стучать по домам в поисках постояя. Мы решили заночевать где-нибудь на природе, а уже утром, со свежими силами начать искать, где нам остановиться.

Сказано- сделано.

Мы недолго колесили по городу. Петрович решил въехать на какой-то холм, чтобы «не путаться у людей под ногами», и мы подходящее место быстро нашли. С холма открывался неповторимый по красоте вид – на сам городок, на крепость и на быстро тонущее в Черном море багровое августовское солнце! Мы, как положено, разожгли костерок и начали варить в котелке картошку. Вокруг нас было уже совсем темно. Лиловые душевные сумерки постепенно сменялись черной и теплой крымской ночью. Потрескивал в костерке хворост, мы готовили свой скромный, но вкусный ужин. Котелок скоро закипел, а еще через полчаса мы уже ели горячую, рассыпающуюся картошку, изо всех сил дую на нее, пытаясь ее остудить. Тут с моря потянуло ветерком, и он завершил за нас это дело. На сердце было легко и приятно. Вся жизнь, казалось мне, только начиналась, только раскрывала передо мною свои двери... Мама с Петровичем тоже были настроены романтически и вместе искали на небе Большую Медведицу, когда из близлежащих

²⁰⁴ там же

зарослей каких-то колючек вдруг донеслись голоса двух нетрезвых мужиков:

- Ты понимаешь, ну вот только мы с тобой вдвоем живые... а все кругом - покойники!- с жаром говорил один из них другому. Нас несколько удивил предмет их беседы в такую великолепную ночь. Но мало ли, что взбредет пьяному в голову! Мужики не задержались в кустах и отправились по своим делам, а мы тем временем собрались на ночлег. Мама с Петровичем раскинули палаточку, а я легла спать прямо в машине. После такого количества проделанных за день километров и теплого ужина нас быстро разморило, и мы заснули крепким сном.

Посреди ночи меня разбудил какой-то грохот. Я открыла глаза. Над морем висела огромная почти оранжевая луна, а на капоте машины сидела черная как смоль кошка. Видимо, меня и разбудил грохот ее лап по металлу, когда она на машину прыгнула. Кошка молча таранилась на меня горящими глазами, а я была настолько усталой, что только отмахнулась от нее.

- Знаешь что, родная, иди-ка ты отсюда, не мешай спать!- пробормотала я, повернулась на другой бок и снова захрапела.

...Утром я проснулась рано, вышла из машины и потянулась. Ночной пейзаж сменился утренним, еще более красивым. Над Судакom всходил новый день. Пели ранние птички, ласково синело вдали море, народ внизу набирал у колодцев воду на весь день (в Судакe очень сухо, и летом бывали перебои с водой, которую давали только по утрам). Мы действительно раскинули свой лагерь над самым городом, и он лежал перед моим взором, как на ладони. Я глубоко вздохнула от такой красоты, решила хорошенько осмотреться вокруг, чтобы навсегда ее запомнить... и ахнула! Наша палатка и машина стояли посреди низкой поросли кактусов и колючего кустарника и были окружены.... старинными кладбищенскими крестами, с какими-то немецкими именами на них!

Я вспомнила ночную черную кошку и на секунду похолодела. Теперь ясен был и смысл странного разговора вчерашних мужиков. А еще через секунду я осознала, что не только городок раскинулся перед нами как на ладони - как на ладони в полной своей красе были видны

Совьетика Часть 1

всему Судаку и мы! «Туристы совсем уже с ума посходили, на кладбищах ночуют!»- наверно, подумали о нас горожане.

- Мам, Виктор Петрович, вставайте!- закричала я. - Мы заночевали на кладбище!

В палатке зашевелились, и через 10 минут нас как ветром с того холма сдуло!

Ох, и смеялись же мы, но это было уже потом...

Так проходили последние дни моего детства.

... Я долго не могла поверить в то, что стала студенткой даже уже когда держала в руках письмо о зачислении. Да что там, даже уже когда отработывала полагающиеся мне несколько дней до начала занятий: отскребала вместе с девочкой-москвичкой с другого факультета кухню институтской столовой в его подвале! Пожалуй, в действительности я поверила в это только уже первого сентября, в день посвящения в студенты - когда нас повели на расположенную совсем рядом Красную Площадь. Так я во второй раз в жизни оказалась в ленинском Мавзолее...

Эти 5 лет были самыми насыщенными и самыми интересными годами в моей жизни.

На курсе нас было 100 человек, поделенных на 4 группы по 25. Я с большим любопытством разглядывала своих будущих однокурсников. Большинство девушек, как москвички, так и приезжие, были скромные вчерашние школьницы вроде меня, но были среди нас и московские «светские львицы» из «элитных», как сказали бы теперь, семей, знавшие толк в импортной косметике и шмотках; и разбитные провинциалки, от соседства с которыми по общежитию можно было ждать мало хорошего. Здесь были представители самых разных народов СССР - и, конечно, меня очень интересовало, будут ли среди моих однокурсников африканцы... Я заметила несколько смуглых арабских лиц - и, к своему удовольствию, двух курчавых эфиопов: маленького со шрамом на лице и высокого, с тонкими чертами гордого лица и похожей на львиную шевелюрой. Иностранцы держались от

наших студентов несколько особняком. Уже потом я поняла, что скорее было наоборот - это наши студенты предпочитали держаться подальше от иностранных... Мы прочитали списки деления нас на группы, вывешенные в коридоре. К сожалению, все иностранные студенты оказались в другой группе, чем я. Это означало, что мы будем видаться только на лекциях, но не на семинарах, и экзамены будем сдавать отдельно. Кто-то тронул меня за плечо. Лида Басина!

- Ну как, парней у нас в группе много будет? Один, два, три, четыре... Ой, смотри, какое имя- Цецен Алексеевич! Наверняка какой-нибудь писанный красавец! Цецен! Это же не имя, а поэма! Надо будет его найти...

Мы увидели его во время переклички. Цецен Алексеевич оказался маленьким кривоногим калмыком...

Накануне этого большого дня мы заселились в общежитие. И здесь мне дважды повезло: во-первых, потому что я попала в небольшую группу, которую отправили не на приводившую меня в ужас Стромынку, а в общежитие одного из авиационных институтов у станции метро «Речной Вокзал», где наш институт снимал этаж. Там было не по 5-6, а лишь по 3 человека в комнате плюс ванна, кухня и туалет на каждый блок из 4 комнат. Ни в какое сравнение с мрачной Стромынкой наш уходящий в небо 20-этажный небоскреб не шел! Отталкивало здесь только одно - очень строгая пропускная система. Иной раз даже родителей, и тех не хотели к нам пускать. Я думаю, это было связано с профилем института-хозяина здания. Но условия были замечательные. Здесь был и свой буфет, занимавший целый этаж - на 15-м этаже, и библиотека с телевизором, и красный уголок с теннисным столом... Раз в 2 недели нам меняли постельное белье, выдавая свежестыранное. Комната была обставлена скромно, но со вкусом: кровати, стулья, столик. Выдавались нам напрокат и занавески, и чайник, и даже утюг. Все проживание стоило **на год 24 рубля** - это **включая и отопление, и электричество, и воду**. Для сравнения - наша **месячная стипендия составляла 40 рублей**, у отличников - 50....

Во-вторых, везение состояло в том, что в очереди за ордером на поселение в общежитие я познакомилась с девушкой, которая стала

моей самой лучшей в жизни подругой. Это и была Лида Басина из Житомирской области. Возможно, если бы я не встретила с ней, я была бы сегодня совсем другим человеком.

У Лиды был удивительный дар общения с людьми: стоило только поговорить с ней минут пять, и ты чувствовал себя так, словно вы были знакомы всю жизнь! Я тогда была застенчивой и замкнутой до болезненности, я даже в магазин одна ходить побаивалась, а уж чтобы заговорить с кем-то незнакомым.... И мне наверняка было бы очень трудно привыкнуть к новой, самостоятельной жизни, если бы не Лида.

Я обратила на нее внимание потому, что меня в тот период, после общения с Эмилией Вениаминовной и совместного похода с мамой на концерт музыкального коллектива из Биробиджана «Фрейлехс», посвященного юбилею Еврейской Автономной области, очень заинтересовали как народ наши евреи. Дело в том, что я очень мало знала об их культуре, а музыку практически впервые услышала только в 16 лет. Тогда быть евреем не было *в моде*, как сейчас. «Вот было бы здорово, если бы у меня была подруга-еврейка!»- часто думала я тогда. Но у нас в классе евреек не было. И когда я увидела большие карие Лидины глаза за толстыми стеклами очков, я совершенно непроизвольно с нею поздоровалась. Она очаровательно, домашнему улыбнулась и заговорила со мной так, словно знала меня со времен детского сада! Лед тронулся...

- А давай поселимся вместе!- предложила мне она.

- Давай- согласилась я с ходу.

И мы прожили в одной комнате все 5 лет и даже ни разу за все это время не поругались по-настоящему. Зная нас обеих часто удивлялись потом нашей дружбе: мы были настолько разными, что казалось, у нас вообще нет ничего общего. А тем не менее, мы прекрасно уживались! У нее я наконец-то научилась тому, чему меня не смогли научить ни дома, ни в школе - общению с людьми. Думаю, что меня и притягивало в Лиде то, что она была такая непохожая на меня саму. А ее ко мне, кроме прочего - и то, что я совершенно не интересовалась интересующей ее мужской частью студенчества, и то,

что я практически всегда уезжала домой на выходные, оставляя свободное место в комнате.... Как вы уже поняли, Лиду очень интересовал противоположный пол. Причем как-то определенными контингентами. На первом курсе- только милиционеры, потом их сменили азербайджанцы, потом - комсомольские работники... На первом курсе она мечтательно рассказывала нам различные выдуманные ею романтические истории, которые непременно заканчивались так:

- А ты идешь по аллее с милиционером, и...

Лида была почему-то очень низкого о себе мнения, была уверена, что все равно никто на ней никогда не женится потому что она «такая старая» и легкомысленная, хотя легкомысленной быть ее никто не заставлял, и она даже не столько ею была, сколько производила такое впечатление своей манерой разговора. А на самом деле она очень преданно и долго любила одного и того же человека, только свои чувства к нему почему-то выражала в постоянных над ним издевательствах.... Это было как закон природы - если Лида Басина над кем-то сильно издевается, значит, она по-настоящему в этого человека влюблена. Как Беатриче в «Много шума из ничего». Но мужчины таких вещей не понимают. Тем более азербайджанские.

Лида Басина была ходячим интернационалом. Она родилась в Казахстане, в семье геологов, которые познакомились друг с другом в Туркмении в пустыне Каракумы. Она немного говорила по-казахски, немного по-польски и совершенно свободно - по-украински, хотя на Украину переехала уже достаточно большой. Басины до Житомира успели пожить в Краснодарском крае, в Донецкой области и даже на Сахалине! Я тогда еще не знала, что хотя Лида и еврейских кровей, но она из тех евреев, кто чувствует себя русскими - по воспитанию, по культуре, по всему, и считает это намного важнее этнического происхождения. Конечно же, она была права. Это намного важнее. Будучи совершенно русской по духу и по воспитанию, Лида тем не менее обладала чисто еврейским врожденным чувством юмора, о котором вскоре уже в институте у нас начали ходить легенды. Если себя я считала в какой-то мере способным человеком, то Лида была не способной, а по-настоящему талантливой. Если бы она решила только

своим талантом воспользоваться, она легко бы могла стать поэтом, писателем, ведущей на телевидении - кем угодно! Но она была немного ленива. А кроме того, уже попыталась 2 раза поступать в театральный и не попала - то ли из-за южного говора, как героиня Ирины Муравьевой в фильме «Карнавал», то ли потому, что она была маленькая и, говоря словами Карлсона, не первая в мире красавица, хотя и очень милая. У нее было необычное сочетание бархатно-карих глаз и светлых, почти пепельных волос, толстые очки и фигура, фирменным элементом которой она сама называла «пузо Басиной». Нет, Лида вовсе не была толстой, наоборот - худенькой как спичка, по почему-то на этом фоне худой спины у нее выступал довольно круглый животик. Лида была старше меня на 2 года.

Третья наша соседка по комнате - Валя с большими голубыми глазами и длинным носом, к сожалению, в наш коллектив не вписалась и довольно быстро переехала от нас, причем со скандалом, заработав до этого прозвище Лошадь. Это была домашняя, избалованная девочка из Нарьян-Мара, невесть как сумевшая пройти в институт как *нацкадр*. Дело в том, что определенное число мест у нас на курсе оставлялось под национальные кадры из различных республик. Конечно, с одной стороны это была лазейка для блатных местных сынков и дочек разных начальников, и многие из таких студентов - из Мордовии, Грузии, Калмыкии - потом почти сразу с курса отсеялись. С другой стороны, многие национальные кадры - из Узбекистана, Литвы, Эстонии, Армении - вполне успешно завершили у нас учебу и вернулись туда, откуда их направляли. Но Валя вовсе не была ненкой - какое же она имела право быть посланной на учебу от Ненецкого национально-автономного округа как *нацкадр*? Меня очень покорило, как высокомерно она отзывалась о ненцах. Но еще больше покорило нас с Лидой, когда из дома ей прислали посылку с морошкой, а она даже и не подумала никого этой морошкой угостить - хотя до этого уплетала за обе щеки и Лидино украинское сало, и мои бабушкины пироги. Вместо этого Валя вывесила посылку, чтобы не испортилась, за окно, а по ночам, когда мы ложились спать, доставала свою морошку и в темноте, прямо в постели начинала ею чавкать. Думая, видимо, что мы ничего не замечаем. Почему ее нельзя было есть при свете и днем, а непременно надо было есть тайно от нас, мы

так и не узнали. Мы решили ее проучить. На следующий день мы купили в буфете по большому зеленому сочному яблоку и, как только Лошадь накрутила бигуди, выключила свет и разлеглась, мы с Лидой достали из-под подушек свои яблоки и захрумкали ими дуэтом изо всей силы... На следующее утро морошка из комнаты исчезла совсем...

А вскоре исчезла и сама Лошадь: ее нежные нервы не выдержали такого сурового испытания, и она перешла жить на частную квартиру, а к нам поселилась Люба Сафонова из нашей же группы. Так сложилось наше трио.

Люба была дочкой шофера-дальнобойщика и воспитательницы детского сада из Курска. Она была медалисткой- из тех немногих, кто поступил в институт, сдав всего один экзамен. Но общаясь с ней, если честно, трудно было это заметить. Это была открытая, справедливая девушка, говорившая тебе всегда в лицо то, что думает - но грубоватая и немного вульгарная. Щеки ее были покрашены румянами почти как у клоуна в цирке. Люба очень стремилась во всем подражать Лиде, но то, что в поведении Лиды было элегантным и очаровательным, в исполнении Любы получалось почему-то плоско и пошлово. Мы с ней тоже считались подругами, но настоящей глубокой дружбы, с пониманием по душам у нас никогда не было. Просто Лида была нашим связующим фактором.

Люба и Лида обычно вместе ходили на свои *подвиги*, которые были не по мне, и я в это не вмешивалась. Еще на первом курсе в жизнь Лиды ворвалась ее большая любовь - азербайджанец по имени Нариман. Ворвалась она неожиданно и нежданно, когда однажды вечером Лида пошла на кухню ставить чайник. Под крики и стук ломов, которыми Нариман и его старший брат Латиф чистили там наш мусоропровод... Нариман и Латиф были студентами авиационного института, а чисткой мусоропровода в общежитии они подрабатывали. Родом они были с юга Азербайджана, с Талышских гор, и по-русски говорили с сильным акцентом. Мы с удивлением узнали от них, что в авиационном институте для азербайджанских студентов вместо занятий по иностранному языку давали дополнительные уроки русского. Впрочем, технические специальности такие сложные, что нужду в подобных занятиях вполне можно было понять.

В тот же вечер милиционеры были забыты Лидой навсегда. По крайней мере, до тех пор, пока она сама не пошла на работу в органы

Советика Часть 1

УВД по окончании института... Всю ночь она ворочалась в постели, а на следующий день после лекций пошла в книжный магазин и купила себе русско-азербайджанский словарь. Еще через несколько дней она уже пыталась самостоятельно выучить азербайджанский:

- Мен сэни сэвирем²⁰⁵ ... Нариман, а как по-вашему будет «Ой, какой интересный мужчинка!»?

Нариман хмурился, не понимая, зачем это ей надо знать такое, но все-таки говорил.

- Ой, как красиво! – восхищалась Лида. - Представляешь себе, идет по лестнице Латиф, а я ему – «Нэджа мараглы огландыр!»...

Нариман хмурился еще сильнее.

Так мы познакомились с нашими соседями- будущими авиаторами. Как и все технари, они не воспринимали нашу гуманитарную учебу всерьез. Когда новоиспеченный кавалер Любы, Мукаддас, которого все звали просто Мишей, сдал сопромат, он сказал ей с легким презрением в голосе:

- Подумаешь, историки... Сказка рассказал, пятерка получил!

Ни у кого из нас не было никаких предрассудков в отношении азербайджанцев или любой другой из наших советских национальностей. Ну, азербайджанец, и азербайджанец. Главное чтобы человек был хороший. Лидина одноклассница, которая тоже училась в Москве, но в Тимирязевке, еврейка, вышла замуж по большой любви за киргиза и уехала с ним в Киргизию. В Советском Союзе межнациональным браком был каждый шестой²⁰⁶, и никого это не удивляло.

²⁰⁵ Я тебя люблю (азерб.)

²⁰⁶ Сусоколов А.А. **Межнациональные браки в СССР**. – М., 1987

Я ждала – в перспективе, спешить мне было некуда - встречи со своим *африканским революционером*, и потому мужчины любых других национальностей меня не интересовали. Но я заметила, что в отношениях с кавказскими ребятами многое зависит от того, как ты себя сама с ними поставишь. Я относилась к ним по-дружески, без заигрываний, и они обращались со мной очень уважительно. Я не ходила по их комнатам пить чай вместе с Любой и Лидой - один раз было пошла, но почувствовала, что ко мне стал проявлять излишнее внимание один из ребят, и вовремя ретировалась.

Я была в жизни Лиды просто для другого сорта общения, чем Люба: мы вместе посещали кино и театры или просто гуляли по Москве. Для себя я мысленно смирилась с тем, что Люба, а не я для Лиды лучшая подруга – они больше времени проводили вместе, чем Лида со мной, и ревновать не было смысла. Поэтому потом я очень удивилась, когда при переезде в новое общежитие на 3 курсе, где мы жили уже по 2 человека в комнате, Лида выбрала в соседки не Любу, а меня. Мне это польстило, хотя думаю, что она руководствовалась кроме дружеских чувств и практическими соображениями. Дело в том, что на все выходные я уезжала домой- сразу в субботу после последней пары, и возвращалась в общежитие только в воскресенье поздно вечером, с последней электричкой. Так что на выходные Лиде предоставлялся полный простор для ее романов...

Учились мы 6 дней в неделю, лекции с 9:30 утра до 3 часов, а то и до без десяти пять. Труднее всего было, когда была нулевая пара - начинающаяся в 7:50! Для того, чтобы вовремя на нее попасть, приходилось выходить из дома чуть ли не в 6 утра. В перерыве мы буквально спали на столах в аудитории.

- Почему это я тут рано встаю, куда-то иду, мерзну, а он там спит? - возмущалась темным зимним утром по дороге до метро Лида. - Это непорядок!

Совьетика Часть 1

Мы доходили до метро, она доставала из кармана двушку²⁰⁷ и бежала к телефону-автомату. У Наримана с Латифом, как у обслуживающего персонала общежития, был свой телефон.

- Алло!- сонно говорил разбуженный Нариман в трубку.

- Алло! Вы уже не спите?- интересовалась Лида.

- Нет... - ничего спросонья не понимая, говорил он.

- А чего так рано встали?- и она бросала трубку.

Как он мог после этого понять, насколько сильно она его любит?...

Привыкнуть к новой жизни мне было трудновато только первые несколько недель. Иногда, особенно во время занятий физкультурой (а здесь от нее было не отлынуть, даже для освобожденных от нее постоянно была *спецгруппа*, но я предпочла записаться в нормальную) где-нибудь на стадионе «Динамо» или даже в знаменитом парке имени Горького тебя вдруг пронзало чувство: *а что это я здесь делаю?* А где сейчас мои родные, чем они сейчас занимаются? И до ужаса хотелось домой в такие минуты. Но это быстро прошло. Слишком много вокруг было всего интересного, начиная с самой учебы. Впервые в жизни у меня было чувство, что я учусь действительно не просто «потому что надо», а для себя! Да, быть студентом - это совсем другое дело, чем быть школьником!

Из неспециальных предметов у нас на первом курсе были физкультура (с очень хорошим преподавателем, не требовавшим от нас мировых рекордов), история КПСС и...медицина. Да-да, именно она. Дело в том, что все девушки, получавшие высшее образование, получали вместе с ним и вторую специальность - медсестра гражданской обороны. На случай войны. Занятия по медицине вели отставные военные медики. Медицину мы изучали 3 года, после чего

²⁰⁷ монета в 2 копейки, использовалась в СССР для звонка по телефону-автомату. Говорить за эти деньги можно было сколько угодно – по времени

сдавали государственный экзамен и становились военнообязанными. К моему большому возмущению, потому что по Конституции у нас воинская обязанность на женщин не распространялась и для них была делом сугубо добровольным. На практике же получение высшего образования в мое время фактически означало обязательную запись о военнообязанности в паспорте с выдачей военного билета и постановкой на учет в военкомате. «Они что, хотят, чтобы всех образованных женщин перестреляли?»- возмущалась я. Другие студентки моего возмущения не разделяли: они справедливо указывали на то, сколько полезного для самих себя мы изучим в ходе этого курса. И действительно, нас учили не только анатомии, не только защите от бактериологического оружия, тому, что такое *зарин*, *заман*, *табун* или *иприт* и эпидемиологии и борьбе с инфекциями при ранениях, но и тому, как накладывать повязки и шины на разных частях тела, как делать уколы и даже как ставить клизмы! Так что я - специалист широкого профиля. Знаю даже некоторых девушек с нашего курса, которые, закончив вуз, вместо историков стали медиками и до сих пор зарабатывают себе на жизнь тем, что колот уколы...

На занятиях по медицине, которые проходили в подвальчике, из окон которого открывался вид на Большой театр меж зубцами стены Китайгорода, бывали разные забавные случаи, сейчас всего не упомнишь. Хорошо отложилось в памяти, например, как на одной из лекций мы должны были 45 минут просидеть в противогазах. Мы с Лидой сидели на первом ряду и слушали лектора, когда она вдруг решила обернуться и неожиданно начала буквально давиться от смеха. Я не выдержала и тоже повернулась - и увидела комнату, полную *большеглазых слоников!* Еще пара минут- и все мы начали оглядываться друг на друга и в голос хохотать. Чуть не сорвали лекцию!

А когда пришла пора получать военные билеты, и мы пришли за ними в райвоенкомат, одна из наших девочек, уралочка Зоя, напоминавшая героиню Марины Дюжевой в «Покровских воротах» («*Я вся такая несурзная, вся угловатая такая... Такая противоречивая вся!..*») опоздала. Запыхавшись, вбежала она в дверь и стала спрашивать нас, кто последний.

- А тебе, Зимина, сначала надо на второй этаж, третья дверь налево. Там портянки выдают и кирзовые сапоги. У тебя какой размер? Не забудь на размер больше попросить, а то с портянками не налезут, - с непроницаемо-серьезным лицом вдруг сказала Лида. И прежде чем кто-нибудь из нас успел бы опомниться и выдал бы ее своим смехом, Зоя сорвалась с места и побежала наверх. Мы грохнули. Еще через 5 минут она спустилась по лестнице, глубоко обиженная.

-Голову тебе оторвать мало, Басина, с твоими шуточками! Я захожу в ту дверь, без стука, там три полковника сидят, говорят о чем-то важном, а я их спрашиваю: «Где здесь портянки примеряют?»...

Дальше она не договорила - ее голос потонул в нашем громовом хохоте...

Я же говорю, что с Лидой было не соскучиться! А что она вытворяла с бедным физруком...

У них в спецгруппе занятия по физкультуре вел Михаил Сергеевич - молодой мальчик-москвич с нежным, похожим на персик румяным лицом, который, как истинный московский холостяк, студенток, особенно иногородних, ужасно боялся и потому старался быть с ними построже. У нас в институте если ты пропускал занятия по физкультуре без уважительной причины, их надо было отрабатывать в свободное время. На одном из таких занятий Лида почти довела его до слез.

- А теперь будем прыгать в длину. Кто прыгнет дальше меня, получит зачет!- сообщал, например, преподаватель. А из толпы прогульщицков раздавался язвительный Лидин шепот:

- Дальше *Михал Сергееича*²⁰⁸ не прыгнешь!

Бедняга краснел, но делал вид, что ничего не слышит.

²⁰⁸ намек на Горбачева

- А теперь присядем на корточки, обнимем себя руками под коленками и пройдем в таком положении круг...

- Играем в *Бухенвальд*, Михаил Сергеевич?

Он краснел еще пуще и пытался дать ей словесный отпор:

- Для Бухенвальда мы с Вами, Басина, слишком упитанные....

Но не тут-то было:

-А по-моему, Михал Сергеич, *садисты* выглядели именно так...

Еще полчаса таких занятий - и Михаил Сергеевич не выдерживал.

- Знаете что, Басина, Вы свое отработали, я поставлю Вам зачет, Вы свободны...

- Нет, нет, что Вы, Михаил Сергеевич, я же пропустила 4 часа, а отработала только два. Я остаюсь!...

Немая сцена.

У одного из наших преподавателей был небольшой дефект речи - шепелявость. Это был застенчивый, тихий, неопытный преподаватель, на семинарах которого поэтому было много шума. Однажды под 8 марта мы всей группой в перерыве распили бутылку шампанского - одну на 22 человека, но этого хватило для того, чтобы всем стало немножко весело. Самую малость. Пустую бутылку спрятали до следующей перемены под наш с Лидой стол, вошел этот самый преподаватель - Владислав Георгиевич, и семинар начался. Владислав Георгиевич, пытаясь перекричать стоящий в аудитории гул, говорил:

- Ну, конечно, в этом шемештре мы не вше доклады ушпеем прошлущать...

И вдруг так получилось, что все одновременно замолчали, но Лида не успела этого сообщить, и раздался ее достаточно громкий голос:

- А шь это доклады мы не ушпеем зашлушать?

В довершение огромная пустая бутылка из-под «Советского шампанского» с грохотом выкатилась из-под нашего с Лидой стола и покатилаь в конец аудитории. Трудно сказать, кто из них больше покраснел - Лида или Владислав Георгиевич, который старательно делал вид, что ничего не заметил..

Занятия по истории КПСС мы не воспринимали всерьез и почти не слушали лектора, думая, что все к экзамену выучим по учебнику. А зря. Потому что он рассказывал вещи, которых в учебнике не было. Например, о том, чем советская экономическая помощь развивающимся странам отличается от западной... Кроме того, у нас были общие исторические дисциплины - история СССР, история древнего мира, история средних веков и тому подобное, и специальные - библиография, вспомогательные исторические дисциплины, архивоведение и многие другие. Уже на первом курсе я окончательно испортила себе почерк - благодаря нашему преподавателю по истории СССР досоветского периода, Ивану Аркадьевичу, который читал свои лекции с такой скоростью и выдавал в них такое количество фактов, дат и имен, что этого не было ни в одном учебнике, а записать все это можно было только если ты умел строчить как пулемет. Мне потом самой было очень трудно разобрать собственные каракули - его лекции потом дома приходилось переписывать набело! На экзамене он запросто мог спросить тебя, например, как звали маму Чингиз-хана! И попробуй только не ответить... Почти всеобщей любимицей была Надежда Петровна, преподавательница истории древнего мира. Ей можно было становиться актрисой: она буквально разыгрывала перед нами в лицах сцены из древней истории! Цезарь, Спартак и прочие давно знакомые нам по книгам персонажи на ее лекциях в прямом смысле оживали! Маленькая, с низким театральным голосом, она кроме лекций, еще вела по вечерам кружок для любителей античной истории, в который многие приходили только даже ради того, чтобы лишний раз ее послушать. Кружок этот организовывал исторические суды - над разными историческими личностями, не только античными. К

организации таких процессов занятые в них участники подходили очень серьезно: кто-то назначался адвокатом, кто-то -прокурором, кто-то - судьями. Выбирались студенты и на роль самого *подсудимого*, и на роли свидетелей защиты и обвинения. Например, на процессе Оливера Кромвеля свидетелями от обвинения были ирландские крестьяне. Получив роль, студенты бежали в институтскую библиотеку - тут же, у нас же в здании, - набирать монографии для подготовки своего выступления в суде. Суды были костюмированные, герои являлись на них в одежде, соответствующей эпохе. На них собирались толпы зрителей, и длились они до позднего вечера, но никто не спешил по домам - настолько непредсказуемо и захватывающе разворачивались на них события! Никогда нельзя было предсказать заранее, оправдают персонаж или же признают его виновным. Кромвеля, к слову, признали виновным.... Во многом благодаря показаниям ирландских крестьян!

И кто-то еще спрашивает меня, почему после такой учебы у нас учиться в голландском университете мне потом было не только легко, но и невыразимо скучно?

Да, от нас требовалась определенная дисциплина. Да, на младших курсах у нас было обязательное посещение лекций, и из деканата часто приходили с проверками и проводили переклички, чтобы проверить, кто присутствует. Ну и что? Зато и знания нам давались прочные, с широким фундаментом, возводимые *по кирпичику* в течение 5 лет, как солидное здание. А не как в Голландии, учеба где, с ее почти абсолютно произвольным набором предметов, сделанным самим студентом (лишь бы общее количество баллов набрать!) напоминала мне известный анекдот:

«... - Так, записываем... «заяц»... Приходи завтра в 8 часов на полянку, я тебя есть буду. Вопросы есть?»

- Есть. А можно не приходиться?

- Можно! Так... вычеркиваем...»

...И когда мы с Лидой и Любой сидели в метро, напоказ штудировав загогулилки в древнерусской рукописи, которую нам выдавали в

качестве домашней работы на семинарах по палеографии, а народ заглядывал к нам через плечо, тоже пытаясь хоть что-то прочесть и поражаясь нашей учености, я была по-настоящему на седьмом небе от счастья!...

Уже на первом курсе нас начали готовить к научной работе. Я упомянула про один только кружок – а кружки у нас были практически по всем предметам. Это была прекрасная практика для желающих начать свою научную карьеру. Но и вне кружков, на занятиях нас учили, что любой архивист - исследователь, научный работник, а не просто человек, который сидит на охране кучи старых бумаг. На семинарах по истории мы должны были по очереди зачитывать написанные нами научные доклады на одну из предложенных тем (можно было по договоренности предложить и свою!), а группа - задавать нам вопросы по зачитанному. Так мы узнавали разницу между источниками и литературой и учились источники интерпретировать. На занятиях по источниковедению нас, среди прочего, учили критериям определения того, насколько можно тому или иному историческому источнику доверять (поэтому у меня с самого начала не было сомнения, что доклад Блэра об иракском ОМП был «липой»!), на занятиях по археографии - как подоготовить исторический источник к публикации. Потом уже я узнала, что «в западноевропейской исторической науке археография как самостоятельная историческая дисциплина обычно не выделяется, не употребляется и термин «археография»; археография во многом смыкается с палеографией»²⁰⁹. У них вообще много чего «не выделяется в отдельные дисциплины», даже химия и физика в школе, превращенные ими в *сборную солянку* с примесью биологии и даже природоведения под названием «science»! А то люди будут слишком ученые...

Для того, чтобы заниматься научной работой, вовсе не обязательно было оставаться в Москве: ею прекрасно можно было заниматься и на своем рабочем месте в архиве в любом конце страны! Кроме дневного отделения, в нашем институте было и вечернее: для тех, кто днем работал в архиве, а вечером получал высшее образование, и заочное

²⁰⁹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Археография>

- для архивистов со всех концов страны, и *рабфак* – годовое подготовительное отделение для рабочих, крестьян и отслуживших в армии. Можно было переводиться с одного отделения на другое. Несколько студентов пришли к нам на второй курс с вечернего, двое перевелись даже с другого факультета и одна девочка - с заочного.

Много чего можно было, будучи студентом! Можно было записаться в спортивную секцию и участвовать в соревнованиях – и не надо было искать для этого никаких спонсоров, можно было ходить летом вместе с другими студентами в походы по Кавказским горам – ведь там тогда не было никаких «террористов» и «федералов»...

Уже в студенческие годы стали мы и членами профсоюза - того самого, которого по заверениям западных университетских учебников, у нас в стране не было вообще! Если у кого-то из студентов были материальные трудности, можно было попросить помощи из специальной кассы взаимопомощи. Если у кого-то рождались дети, можно было на год взять академический отпуск - с сохранением места в общежитии. В каждой группе назначался деканатом староста и избирались самими студентами комсорг и профорг. Староста следил за порядком, за посещаемостью и получал за нас за всех в кассе стипендию и раздавал ее нам.

Стипендия, как я уже говорила, составляла 40 рублей, повышенная, для сдавших все экзамены на «5» - 50. Если кто-то один из экзаменов проваливал, мало было его пересдать: такой студент целый семестр потом стипендию не получал. Для москвичей, которые жили дома, с родителями это было не так страшно, а для остальных, как я уже сказала, если у них из-за этого действительно возникали серьезные трудности, были различные возможности получения помощи. За общежитие было уже заплачено на год вперед, оставались расходы на транспорт (от 1,5 до максимум 5 рублей в месяц) и на еду (самый дорогой обед из 3 блюд в нашей столовой не стоил больше 80 копеек, а если человек готовил для себя сам в общежитии, то получалось еще дешевле). У нас не было принято покупать каждый месяц новую одежду просто от скуки и выбрасывать старую просто когда она тебе надоест - одежду и обувь новые покупали *тогда, когда они становились нужны!* Пользование библиотеками было бесплатное, так что остальные расходы составляли лишь мизерную часть в бюджете. Именно там мы брали все учебники - их практически никогда не

покупали, разве что если кому-то очень самому того захотелось. Конечно, многим, в том числе и мне, помогали материально родители. Те, кому родители помогать не могли, при желании устраивались на работу - например, дворником по утрам, чистить мусоропровод, как Нариман с Латифом, или сторожем в музей. Во всяком случае, ни у кого не было нужды идти на панель или залезать в долги, чтобы получить образование. Многие, особенно парни, летом зарабатывали деньги в стройотряде -и хорошие деньги, на них потом при аккуратном расходовании чуть ли не полгода можно было жить. После второго курса стройотряд - с оплатой нашего труда! - был для всех студентов на месяц обязательным.

В «цивилизованных» странах мало того, что приходится платить за учебу каждый год - еще и учебники студент должен покупать себе сам, а они стоят бешеных денег (библиотека имеется, но в ней просто *не предусмотрено* иметь количество учебников, достаточное для того, чтобы все студенты ими пользовались одновременно)! Например, когда я училась в Голландии, моя стипендия (с учетом суммы, которую я брала в долг) составляла около 800 гульденов, из которых надо было 200 отдать за жилье, еще 200- за электричество и отопление, деньги за транспорт уже вычитались из стипендии автоматически, вне зависимости от того, хотела я этого или нет, около 300 гульденов уходило на еду... А один только большой голландско-русский словарь стоил несколько сотен! Мне пришлось работать все лето, чтобы только одну эту книгу купить. К тому же подрабатывать было можно не сколько хочешь, как в СССР - государство бдительно следило за тем, сколько студент получал, и если это превышало определенную сумму, у него начинали вычитать деньги из стипендии. И эти люди еще кичатся перед нами своей «свободой»!

Питалась я, как и многие студенты, на ходу: не было для этого времени. Завтракать я вообще не люблю, утром мне кусок не идет в горло, особенно если перед экзаменами. До обеда у нас обычно были две пары²¹⁰, потом - обед на 45 минут, после обеда- еще 2 пары. Потом дома ужинали. В обед я либо, если успевала занять очередь,

²¹⁰ Пара в институте – лекция или семинар из 2 частей по 45 минут каждая с небольшой паузой между ними

питалась в институтской столовой, либо в бутербродной рядом с институтом, либо в рабочей столовой за квартал от нашего здания, либо даже в ГУМе. Иногда я просто покупала себе в булочной напротив свежие посыпанные сахаром плюшки, а в молочном - пакетик кефира. Вечером мы обычно жарили картошку или что-то из полуфабрикатов. На наших студенческих кухнях были перемешаны ароматы изо всех 15 республик, а в общежитии на Мичуринке, где жили наши иностранные студенты - и со всего мира! Кулинарка из меня была неважная; мне просто раньше никогда не приходилось для себя готовить, но здесь можно было научиться всему. Ко времени защиты диплома я уже могла не только пожарить картошку, но и изготовить арабский кускус и эфиопский уот.

Когда у нас было настроение, мы с девчатами после занятий шли в «Шоколадницу» - кафе на Пушкинской, где набирали себе полный поднос желе, мороженого, шоколадных пирожных и прочих сладостей и по половинке курицы в приторном соевом соусе. Особенно я любила мороженое с соусом из черноплодной рябины – оно напоминало мне о детском кафе-мороженом в родном городе (из которого потом в ходе перестройки сделали пивбар!). На моей курице обычно оставалось столько мяса, что Люба голосом профессионального воспитателя детского сада возмущалась:

- Калашникова, перестань издеваться над птицей! Ешь как следует!

После экзаменов ко мне часто приезжала мама, и мы вдвоем шли мою сдачу экзаменов отмечать - в кафе, больше похожее на ресторан в гостинице «Москва», на 15 этаже – в той самой «сталинской» гостинице, которую нынче, к моему глубокому сожалению, смели с лица земли... С балкона там открывался неописуемой красоты вид на Кремль! И это кафе был не для какой-то «элиты»: туда мог прийти любой. Конечно, не каждый день, это влетело бы в копеечку, но какой нормальный человек каждый день будет ходить по кафе и ресторанам? Очередей там почти не было, зато обслуживали медленно, так что туда можно было идти только если ты никуда не спешил. В кафе днем было тихо и спокойно. Мы обычно брали немного черной икры на закуску, по солянке, мясо с грибами в горшочках и по мороженому.

С каждой стипендии я сразу же отправлялась в магазин «Академкнига» на улице Горького, который в любое время дня и в любой день недели был так полон народом, что «колбасным» электричкам такое и не снилось! Там можно было найти все новейшие монографии по истории и этнографии африканских стран, и стоили они сущие пустяки. А ведь кроме «Академкниги», были еще «Прогресс» около станции метро «Парк Культуры», «Дом книги» на Калининском проспекте, «Книги социалистических стран» тоже неподалеку, в двух разных зданиях на Горького и еще много-много разных книжных магазинов и лавочек... Я среди них была как тот пресловутый козел, которого пустили в огород! В субботу после занятий я отвозила домой буквально тонны книг - и в метро, и в электричке постоянно что-нибудь читала. Я не могла себе представить даже и дня без чтения.

Ну, и наконец, театры... Обычно походы в театр я заранее не планировала - хорошие билеты найти было потруднее, чем ту треклятую колбасу, которой нам сейчас «демократы» все уши прожужжали. Гораздо легче было купить билет случайно, на тот же самый вечер: город был полон театральными кассами, и по дороге на занятия и с занятий я внимательно просматривала их витрины: нет ли чего интересного? Так я побывала почти во всех московских театрах, даже в тех, в которые было очень трудно попасть, как в Театр Сатиры на «Клопа» Маяковского или на спектакль тогда уже очень пожилого классика нашей сцены Аркадия Райкина. Если билетов продавали два, я всегда брала оба - и кого-нибудь с собой приглашала (за мой, естественно, счет - мне бы и в голову не пришло просить с людей деньги, тем более, что билеты были не такие уж и дорогие, никак не дороже 2-3 рублей).

Какое же это наслаждение - посмотреть хороший спектакль! Единственным недоступным для меня театром так и осталась модная тогда Таганка, ну, и конечно же, Большой, куда водили всех интуристов. Один раз, правда, нам с Лидой удалось-таки туда попасть - просто чтобы хотя бы увидеть здание. Это был субботний утренник в рамках недели индийской культуры в Москве. Мы сидели где-то под самыми небесами на галерке, но театр был абсолютно великолепен. Только намного меньше внутри, чем я его себе представляла. Звучала заунывная традиционная индийская музыка, а на сцене танцевали

индийские народные танцы. И вдруг я услышала перекрывающий индийские ритмы мощный храп: это Лида, не привыкшая просыпаться по субботам так рано, убаюкалась сладкими восточными мелодиями... Я с ужасом оглянулась вокруг - господи, только бы никто такого позора не заметил! И увидела, что на нашем ряду в буквальном смысле слова храпят в голос еще по меньшей мере 5 *ценителей индийского искусства*...

Иногда в Москве нам в городе встречались известные актеры- они не ездили под охраной телохранителей в бронированных «Мерседесах», а как и все нормальные люди, пользовались метро и даже стояли в очередях за тортиками. Останавливать их и просить, например, автограф считалось очень плохим тоном, и мы обычно глазели на них изподтишка, стараясь это сделать так, чтобы не очень было заметно, а потом радостно рассказывали об этом дома. Мне больше всего запомнилось, как я встретила на улице Юрия Яковлева, когда шла сдавать вступительный экзамен в аспирантуру. Судя по тому, как я тот экзамен сдала, это был хороший знак!

Ходили мы и на концерты, чуть реже - в кино. Телевизор в общежитии был один, в красном уголке, но я спокойно могла жить вообще без него. Когда мы были на 3 курсе, отмечалось 65-летие СССР, и мы с Лидой попали на концерт артистов союзных республик в концертный зал гостиницы «Россия» - тот самый, где когда-то выступали «Бони М»! Отчетливо помню, как когда объявили выступление трио Маренич, Лида пронзительно зашептала по-украински на весь зал:

- Ой, який цэ ж гарний хлопець - Валера Маренич!

Кто Валеру Маренича видел, поймет весь юмор этой ситуации...

Часто я брала с собой в театр или на концерт наших иностранных студентов, со многими из которых я довольно быстро подружилась. Мне было не только интересно наконец-то встретить живых людей из других стран, но и немножко их жалко. Потому что наши студенты держались от них как-то в сторонке, словно они были с другой планеты. А мне так хотелось, чтобы они почувствовали себя частицей нашего коллектива! И еще больше хотелось показать им мою страну с самой лучшей стороны, чтобы они полюбили ее так же, как любила ее

я, и вспоминали бы потом о ней добром у себя дома. Наших эфиопов я водила в цирк на проспекте Вернадского. Иногда я совершала *ляпы*, но мне удавалось даже невероятное - например, сводить на концерт еврейской музыки свою тунисскую подругу Хабибу так, что она на меня за это не обиделась. Я осознала, что я натворила только уже когда началась первая песня - и с ужасом зажмурилась и подумала: «Может, она не узнает, что это за музыка, потому что это наши восточноевропейские евреи, а не израильские, и поют они на идише?» Но она, конечно, сразу узнала. Повернулась ко мне и громко, тоже чуть не на весь зал, с очаровательным акцентом и совершенно спокойно спросила:

- Это что, евреи, что ли?

Правда, тогда на Ближнем Востоке было относительно затишье. Но мне все-таки было перед ней за такое неудобно, и я решила компенсировать свою вину тем, что пригласила ее на концерт узбекского ансамбля «Ялла». Как только Хабиба услышала первые аккорды узбекской музыки, глаза ее засверкали, и она чуть не вскочила с места в танце.

- Это наши! Это арабы! Они такие же арабы, как мы!

Хабиба тоже не осталась передо мной в долгу и приглашала меня на всякие интересные мероприятия, на которые без нее я бы в жизни не попала. Например, на вечер йеменского землячества в Москве, где я и попробовала впервые в жизни кускус. Или на показ фильмов во французский культурный центр при посольстве.

Иностранцев студентов у нас, по сравнению с другими московскими вузами, было немного. В основном - вьетнамцы, монголы и болгары, несколько арабов. Африканцы - не арабы, а темнокожие - в лице наших эфиопов в стенах нашего вуза появились впервые. Потом уже, на курсах младше нашего учились кубинцы, девушка из Судана и даже один парень из КНДР.

Самая крупная студенческая община была вьетнамская. Вьетнамцы держались вместе, жарили на кухне вонючую соленую рыбу и варили

огромные кастрюли риса, скупали в магазинах кастрюли-сковородки для того, чтобы отвезти домой, а в свободное от учебы время занимались ИТД (индивидуальной трудовой деятельностью) - пошивом джинсов на продажу. Периодически им за это доставалось - потому что иностранные студенты не имели права работать, не говоря уже о том, чтобы в качестве частников. Швейные машинки затихали на пару дней, а потом начинали грохотать с новой силой. Меня больше всего удивляло, как хорошо шьют вьетнамские парни. У нас шитье было исключительно женским занятием. Один из них был женат на эстонке из нашего же института. Вот какие необычные пары бывают!

Стипендия иностранных студентов была втрое выше нашей- 120 рублей (хотя с другой стороны, многим из нас подбрасывали еще денег родные, а им – нет.) А кроме того, они имели право 2 раза в год с разрешения деканата по работе с иностранными студентами ехать куда угодно, и многие пользовались этим для поездок в западные страны, где у них были какие-то знакомые. Они привозили оттуда западные вещи (зачастую по просьбе работников тех же деканатов!) и продавали их - то есть, по-нашему, занимались просто спекуляцией. И некоторые нажили себе на этом кругленькие суммы. Не говорю, конечно, что этим занимались все, но таких было достаточно. Так что революционеров в этой среде было еще поискать... Хабиба шутила по этому поводу:

- Знаешь, у нас говорят: если хочешь, чтобы студент стал революционером, пошли его учиться на Запад, а если не хочешь - то пошли в СССР.

Больше всего из иностранных студентов я подружилась со своими однокурсницами Фатимой из Марокко и уже упоминавшейся туниской Хабибой. Внешне они были очень похожи, а вот по характеру - совсем разные. Фатима - скромная, тихая, женственная, а Хабиба-независимая, резкая, почти феминистка. Обе они ходили в брюках и были с короткой стрижкой – никакой тебе чадры!-, но Хабиба еще и курила. На втором курсе, когда мы должны были сдавать историю СССР одной пожилой преподавательнице, старшие студенты предупредили нас, что она на дух не выносит девушек в брюках и с яркой косметикой и даже за одно это найдет способ снизить тебе оценку. Не знаю, было ли это действительно так драматично, или нас решили просто поугадать, но мы не стали рисковать и заявили к ней

Совьетика Часть 1

на экзамен одетые чуть ли не по-монашенски. Кроме Хабибы. Она пришла в своих неизменных брюках, а когда бабушка-преподавательница сделала-таки ей за это замечание, преспокойненько ответила:

- Это наша национальная одежда! Первая в мире женщина, которая носила брюки, была Шехерезада.

Бабушке ее находчивость очень пришлась по душе, и она не стала к ней придираться.

Фатима говорила тихим, немного воркующим голосом, и от нее исходил тонкий, восточный аромат. Таким же ароматом была пропитана вся ее комната. У нее были трудности с русским языком, и мы общались на смеси русского и французского. Пообедав, она спрашивала меня:

- Можно сказать по-русски, что я, как машина, *приняла бензин*?

- Можно сказать – «заправилась»!

А еще она не могла привыкнуть к нашему климату и каждую зиму много болела. И совсем не могла ходить зимой по обледенелому тротуару - правда, это действительно требует определенных навыков. На втором курсе я попыталась как-то научить их с Хабибой кататься на лыжах. Хабибе понравилось, а Фатима почти сразу упала и отказалась после этого еще пробовать... Фатима была замужем; ее муж, коммунист, тоже учился в Москве, на журналиста. Сначала они немного учились в Румынии, а потом переехали к нам. Жила она совсем в другом общежитии, чем мы все - около метро «Профсоюзная», вместе с мужем, и я иногда заходила к ним в гости. В том общежитии было столько разных людей со всех концов планеты, что я ей по-хорошему завидовала. Были там, например, совершенно удивительные пары: муж - эфиоп, жена - малагасийка и их маленький ребенок, с которым они оба говорили по-русски, потому что это был их единственный общий язык. Русский как язык межнационального общения... Да, так оно и было!

Мы сдружились как следует. Они советовались со мной и делились своими проблемами, а я проверяла ошибки в их докладах на русском языке и тоже делилась с ними – по крайней мере, с Фатимой точно!-своими маленькими секретами. Иногда они даже брали у моей мамы денег в долг, чтобы суметь съездить домой на каникулы - а потом, уже в Тунисе Хабиба все лето зарабатывала нужную сумму шитьем на дому...

К 3-4 курсу я настолько осмелела, что свозила двух из своих иностранных подруг - Хабибу и монголку Мунхзул - к себе домой на выходные, хотя иностранцам нельзя было без разрешения выезжать за пределы Москвы, и у нас обеих, вероятно, могли бы быть из-за этого неприятности. Но мы решили рискнуть. Мунхзул я сказала, что если кто-то что спросит - она бурятка, а Хабибе- что она с Кавказа. Поездка прошла хорошо, город наш им обоим понравился. Мама тоже не ударила в грязь лицом с обедом. Испугался только Петрович - он никогда в жизни живых иностранцев не видывал, и когда к нам в гости приехала Хабиба, он сначала от нее прятался. Потом посмотрел потихоньку в щелку в двери и решил-таки выйти. И даже удивился:

- Слушай, а девка-то вполне нормальная!- сказал он маме потом, после Хабибиного отъезда.

Тут я подхожу к той части своего повествования, о которой мне даже вспоминать до сих пор неприятно, а уж чтобы о ней кому-то рассказывать... Я заметила за собой, что всячески откладываю этот рассказ. Но сколь веревочке не виться... Без него не будет полной картины, чтобы понять то, что было дальше.

«Друга я никогда не забуду, если с ним повстречались в Москве!²¹¹»- поется в известной советской песне.

А в другой, не менее известной, но более поздней по времени - «Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так²¹²»?...

²¹¹ Песня из фильма «Свинарка и пастух»

²¹² Песня из фильма «Вертикаль»

...Первый в моей жизни поцелуй был очень странным и произошел только потому, что я этого не ожидала. Я никогда больше не видела того человека - ни до, ни после.

В тот зимний, морозный день я собиралась после лекций домой, но у меня еще было достаточно времени, чтобы съездить на ВДНХ в свою любимую со школьных времен столовку. Она, к слову, совсем не изменилась за эти годы.

Я стояла в набитом людьми вагоне метро, когда его увидела. Высокого темнокожего военного. Я часто видела, как такие, как он, выходят из метро именно на станции ВДНХ.

Не знаю, почему, но я вдруг взяла и улыбнулась ему. У нас, как вам подтвердит любой западный антисоветский источник, это было не принято. Якобы потому, какая у нас была тяжелая жизнь. Чушь собачья - у нас и сейчас это не принято, хотя те же самые антисоветчики уверяют, что теперь-то мы наконец стали «свободны». Антисоветчики не знают старой русской поговорки: «смех без причины - это признак дурачины»...

В тот день у меня просто было легко на душе. Наступали выходные. Я только что сдала трудный зачет. Достаточная причина для улыбки или нет?

Я улыбалась ему, а под ложечкой нехорошо заныло. Ой, что же это я делаю - и зачем?

Он тоже начал мне улыбаться - и к выходу на эскалатор мы уже разговаривали. Военный был из Эфиопии, его звали Гитачеу. меховая российская ушанка с военной эфиопской эмблемой смотрелась забавно, но сам военный был высок и импозантен. За разговором мы не заметили, как оказались в небольшом парке. Была зима, было темно, вокруг никого не было. И там, под высокими елками, он вдруг наклонился ко мне и поцеловал меня в губы. Без предупреждения. У меня перехватило дыхание. Я этого совсем не ожидала. Я напугалась и забормотала, что мне пора домой, что я боюсь опоздать на электричку...

Он понимающе еще раз посмотрел на меня, с какой-то тайной грустью, и попросил меня прийти на свидание - на этом же самом месте ровно через неделю. Я пообещала прийти.

- Нет, я знаю, что Вы не придете, - сказал он еще более грустно. Так грустно, что я стала заверять его в обратном.

Через неделю я пришла-таки в назначенное время в тот парк - потому что мне было неприятно обманывать человека. Но он не пришел сам.

...Сейчас, много лет спустя, я и сама не могу найти ответа на вопрос, почему я приняла Саида Дауда за того самого долгожданного африканского революционера. Наверно, потому что по наивности считала, что революционная страна не может послать учиться в страну социализма обыкновенного мелкого буржуа - сына лавочника не только по происхождению, но и по своему духу. Или, может быть, потому, что в отличие от другого нашего эфиопского однокурсника, Тадессе, он не говорил лозунгами, не любил торжественных речей и публичных выступлений. То, как Тадессе сыпал цитатами из Маркса и Ленина, казалось мне фальшивым. Вероятно, потому, что я судила по нашим собственным комсомольским активистам.

Но скорее всего, просто потому, что я до этого никогда раньше не сталкивалась с настоящим, до мозга костей мелким буржуа. Обыватели, мещане у нас были – сколько угодно,- но настоящих лавочников... Наши обыватели хотя бы стремились притвориться, что они не такие!

По крайней мере, теперь я могу представить, что представляет из себя Маргарет Тэтчер²¹³...

...Их направило к нам на учебу одно и то же учреждение, а они были такие совершенно разные: столичный мальчик Тадессе из христианской амхарской семьи- маленький активист со шрамом на лице, державшийся как солидный мужчина, но воспринимаемый нами зачастую как ребенок из-за его наивных хитростей и лъстивости, и провинциал из городишки Дэссе в провинции Уолло, мусульманин Саид- высокий, молчаливый, застенчивый, с красивыми резкими семитскими чертами лица. Его скромность импонировала мне. Я не любила выскочек.

²¹³ Маргарет Тэтчер – дочь лавочника

Впрочем, религиозные корни наших иностранных сокурсников для нас не имели совершенно никакого значения. Религия настолько не была частью нашей собственной повседневной жизни, была настолько чем-то средневековым для нас, что мы и представить себе не могли, что в наши-то дни еще может быть как-то по-другому. И когда я в первый раз увидела у Саида четки, я совершенно серьезно решила, что это какое-то ювелирное украшение.

Только не ждите от меня душераздирающих рассказов о том, что Саид оказался исламским фундаменталистом. Вовсе он им не был. Я даже ни разу не видела его за все эти годы молящимся. Он просто был эфиопским Премудрым Пескарем²¹⁴.

Если бы он узнал, каким я его себе тогда представляла, не иначе как надорвал бы от смеха свой выступающий пивной животик... Да думаю, что и не он один, а большинство на нашем курсе. Но о нем знали мало и мало обращали внимание на него, в отличие от бывшего всегда на переднем плане Тадессе.

Все у Саида было чистенькое, аккуратное - от почерка в тетрадках до того, как расставлены учебники по полочкам. Сам он был, естественно при такой аккуратности и усидчивости, отличник. Это был большой педант. Он никогда не делал ничего рискованного, а прекрасные безумства были ему так же глубоко чужды, как Ипполиту из «Иронию судьбы...» Только в отличие от него, Ипполит не был подлецом...

Наши отношения начались случайно – хотя я и обратила на него внимание сразу. Но он казался таким холодным, таким неприступным, таким не интересующимся девушками... Я не смела с ним даже здороваться – хотя моя подруга Фатима, которая училась с ним в одной группе, была о нем очень хорошего мнения. Саид был классическим случаем *тихого омут*, в котором водятся черти.

Внимание обратил на меня не он, а Тадессе. Причем, если уж быть совсем точной, то не на меня, а на Лиду. Она ему очень понравилась. Но так как сам он к ней обратиться не решался, а тут рядом оказалась я, с моими познаниями о том, когда состоялась битва при Адуа и как

²¹⁴ Герой одноименного рассказа Н.Е. Салтыкова-Щедрина.

звали жену императора Менелика и с восхищением, испытываемым мною перед Мирусом Ифтером, то...

Надо отдать молодому человеку должное - он не собирался никому пудрить мозги. Он не клялся в любви до гроба и выразил свои пожелания примерно в такой же форме, как Министр-Администратор из «Обыкновенного чуда».

Так произошла первая в моей жизни большая неприятность-несмотря на то даже, что кроме сказанных слов ничего не случилось. Девушки, которые сами побывали в ситуации, схожей с моей (а я знаю, что среди наших советских девушек таких было достаточно), помнят, в каком шоке ты пребываешь после того, как тебе первый раз в жизни сделали неприличное по нашим понятиям предложение - даже если оно было сделано в вежливой форме. Именно в таком шоке пребывала и я: шок этот был настолько силен, что я не удержалась и записала на бумагу кое-что из того, что случилось - естественно, для себя. Как в сказке, герою которой позарез хочется рассказать кому-то, что у царя Трояна ослиные уши - хотя бы даже только поведать об этой тайне ямке, выкопанной им самим в земле, лишь бы только на душе полегчало... Но так случилось, что когда я приехала в те выходные домой, мою сумку перебирала бабушка (я обычно привозила домой всю стирку за неделю), и эта бумажка случайно попала ей на глаза...

Мне она ничего не сказала, но я заметила, как она с презрением смотрит на меня - и сначала не поняла, в чем дело. Потом уже мама рассказала мне, что случилось... Когда до меня дошло, *что именно* прочитала бабушка, в первый раз в жизни я почувствовала, как мое сердце в буквальном смысле слова уходит в пятки. Раньше я думала, что это выражение употребляется просто для красного словца - но нет, оно очень точно описывает то, как ты себя в таком случае чувствуешь!

Что-то доказывать бабушке, говорить, что между нами все равно ничего не было, не имело смысла. Для нее сам факт того, что я оказалась в подобной ситуации, обрисовывал меня в весьма негативных красках. Та дессе же она возненавидела - даже его не зная. А заодно с ним и всех его соотечественников.

С тех пор я не веду дневников...

Тогда я, конечно, была вне себя от гнева. А теперь думаю, что лучше быть честным хамом, чем обманщиком. В любом случае, все мое незапятнанное ничем подобным существо горело жадной мести -

за то, что он даже только подумать о таких вещах осмелился! И я не нашла лучшего способа отомстить, как улыбнуться несколько раз его товарищу. Тому самому, неприступному и ледяному.

У него глаза полезли на лоб. Казалось, он им просто не верит. А уже на следующий день он потихоньку подошел ко мне и предложил нам встретиться в кино после занятий. Мы были на первом курсе, шел апрель 1985 года... У власти уже месяц был Горби.

Я не знала тогда, что из огня попадаю в полымя. Вся наша страна еще не знала, что она уже попала туда же...

Саид брезговал грузинским или даже краснодарским чаем, и я искала для него в магазинах чай «Бодрость», над которым он потом корпел целыми вечерами, вручную отбирая индийские чайники от наших отечественных... От него за версту пахло ароматным импортным мылом «Фа», которое он два раза в год закупал для себя во время каникул в Лондоне или в Западном Берлине: за все 5 лет учебы он ни разу не захотел провести каникулы на родине. Там же он закупал разную косметику для своей львиной шевелюры - специальные кремы, чтобы волосы не были такими жесткими. Он люто ненавидел цветущие в начале июня тополя: из-за того, что их пух застревал у него в прическе. Но уже тогда было видно, что ему недолго осталось ее носить: на лбу у него с обеих сторон проступали высокие залысинки. А еще он страдал гастритом. Что неудивительно при такой острой пище – Саид научил меня готовить эфиопский уот...

Мылся он по три раза на дню и глубоко презирал своего монгольского соседа по квартире за то, что тот «босиком в туалет бегаёт». Моих соотечественников, судя по всему, он в душе тоже считал дикарями, как и того монгола; ненавидел и побаивался. Саид с самого начала настоял на том, чтобы о наших с ним встречах - и я имею в виду, самых невинных, вроде того, чтобы вместе сходить в кино! - никто из однокурсников не знал. Мне такая секретность казалось непонятной. Мы же не совершали ничего преступного.

- Я просто не хочу, чтобы у тебя были неприятности, - говорил он, - Ты не знаешь, а я знаю, на что способен ваш КГБ...

Мне бы поинтересоваться, на что же такое он способен, и главное, откуда Саид-то это знает. Мы «знали» такие вещи только от разных «вражеских голосов»: за всю жизнь, ни разу, ни один сотрудник КГБ меня не то, чтобы не преследовал – никто даже не проводил со мной никаких разъяснительных бесед.... Но мне было как-то неудобно расспрашивать: ведь он говорил таким уверенным тоном... Не забывайте, что мне было всего 18, а ему - уже 27.

- Посмотри сама, какие ваши люди расисты!- говорил он мне, когда мы теплым весенним вечером прогуливались среди цветущих яблонь по ВДНХ. И вправду, таких полных ненависти взглядов в свой адрес - от совершенно незнакомых нам обоим прохожих!- , и более того, таких гнусных реплик я от своих соотечественников, воспитанных на фильмах «Цирк» и «Максимка» и балете «Тропюю грома», никак не ожидала. Официально расизма у нас не было.

Почему? За что? Какое им до нас дело? Какие права они имеют на меня, чтобы за меня решать, с кем мне встречаться? Чем мы им мешаем? Мы не то, чтобы не целовались на улице - мы даже не держались за руки!

Когда он слышал, что нам говорили, он втягивал в плечи голову и раздувал ноздри. А я только выше задирала нос. Но на сердце было очень больно, до крови - тем более, что отношения у нас тогда были вполне невинные и, как мне казалось, идущие к тому, чтобы стать серьезными.

Вскоре я совсем запуталась. Если он не хочет, чтобы у меня были неприятности и уверен, что они у меня будут, если я буду встречаться с иностранцем, тогда зачем он со мной вообще встречается? Когда я заводила речь о его родной стране и расспрашивала о жизни там, он с отвращением отмахивался:

- Ты не понимаешь! Ты там жить не сможешь!

Ну хорошо, допустим, что он прав, и что не смогу. Тогда чего же он мне мозги пудрит?

Мне было невдомек, что причина этого на самом деле была самая банальная: в Москве всего-навсего *не хватало на всех желающих эфиопских девушек-студенток*. Их было намного меньше, чем парней.

Из наших же в то время, естественно, никто не обращал на него внимания. Кроме меня.

Я, правда, обратила на него внимание тоже совсем не в том смысле, о котором он подумал. Но он, как давно уже взрослый сын мелкого лавочника из полуфеодальной страны, не знал и не понимал, что бывают еще и какие-то другие смыслы... Только он был терпеливее Тадессе.

Встречи на улице из-за прохожих вскоре превратились в сущую пытку, и он предложил встречаться в общежитии. Иностранцы тогда жили отдельно от нас, как я уже упоминала, - не в обычном общежитии даже, а в доме-пятиэтажке, очень похожем на тот, в котором жила моя двоюродная тетя у нас в городе. Даже внутренняя планировка квартир была такая же. Правда, поначалу он не осмеливался меня приводить туда - и не только из-за строгих бабушек-вахтерш, которых как-то надо было обмануть, но и из-за тех немногих наших советских студентов, которые среди них там жили. Саид довел меня до такой паранойи, что я во всех них начала видеть агентов КГБ и бояться их.

Сначала мы встречались у его друзей, которые почему-то все оказались музыкантами и учились в консерватории. Их общежитие было неподалеку от зоопарка: видимо, для того, чтобы их музыкальные упражнения никому из людей не мешали. Друзья были очень милые люди, надо отдать им должное. И наши отношения даже когда они оставляли нас одних, еще долго не выходили-таки за рамки приличия. Меня насторожило, правда, что он уже где-то через месяц сказал, что меня любит. Для меня самой любовь была (и остается!) чем-то таким большим, таким важным, что я подобными словами так легко не бросаюсь. Но я списала это тогда на его неумение по-другому выразить себя на чужом для него языке. Возможно, он хотел сказать просто «Ты мне очень нравишься». Это было бы ближе к истине.

Потом постепенно встречи перешли в его общежитие. Саид делил комнату со тихим вьетнамцем с другого факультета, который целыми вечерами напролет строчил на швейной машинке. Когда они друг другу мешали, они развешивали посреди комнаты занавеску.

Через некоторое время я стала экспертом по прониканию в общежитие незамеченной вахтершей - почти как ниндзя... Не хочу

рассказывать здесь как это делается - вдруг выдам тех, кто до сих пор пользуется подобными методами?..

Но по-прежнему еще наши отношения оставались такими, что мне не было за себя стыдно – хотя об этом знали только он и я; что думал вьетнамец, мне даже представлять себе не хотелось.

- Если даже что-то случится... если ребенок будет, то это будет наш ребенок! - заверял меня Саид. Но я была непреклонна.

...Незаметно подошло лето - мои первые летние студенческие каникулы. Вторую сессию подряд я сдала на все пятерки. Летом в Москве начинался Международный Фестиваль Молодежи и Студентов - второй в нашей стране после 1957 года, к которому были написаны знаменитые «Подмосковные вечера». Нам, студентам, можно было остаться в Москве и работать на нем - в гостиницах, на регистрации гостей. До сих пор жалею, что я этого не сделала. Второго такого случая у меня уже никогда не будет! Это еще один урок – никогда и ничем по-настоящему важным не жертвовать ради одного мужчины...

Вместо фестиваля я летом поехала в Донецк, где Саид раньше год учился на подготовительном отделении, и где у него осталось много друзей. У меня там была подруга по переписке по имени Галя, которой я все честно рассказала. Она не стала меня осуждать – Галя сама только недавно вышла замуж, за западенца по имени Андрий. Они тоже жили в общежитии, причем до сих пор в разных корпусах: семейных комнат не хватало, - и Галя сказала, что я могу остановиться у нее, а там что-нибудь придумаем. Родным дома я так и сказала, что еду к Гале. И, в общем-то, не врала. Я просто умолчала обо всем остальном.

Донецк середины 80-х годов был изумительно красив. На подступах к городу сильно пахло тлеющим углем, но в самом Донецке запах его не чувствовался даже вблизи от терриконов благодаря всей его зелени, фонтанам и цветочным клумбам. Город этот буквально утопал в розах, еще нигде я не видала их в таком количестве и таком разнообразии. За розами бережно ухаживали, их ежедневно поливали, и улицы были свежие и ароматные – даже в самую жару. Галин муж сводил меня на один из терриконов. Мы довольно быстро

вскарabкались наверх. Наверху, задыхаясь от угольной пыли, я еще раз оценила масштабы озеленительных работ в Донецке.

Интересно, а как-то он выглядит сегодня? До роз ли теперь шахтерам, почти ежедневно гибнущим здесь нынче на ставших частной собственностью шахтах, которые они, несмотря на вопиющее несоблюдение мер безопасности хозяевами, слезно умоляют власти не закрывать: иначе им просто будет нечем кормит свои семьи...? А Галя, рабочая девочка из семьи ждановских металлургов, учившаяся когда-то на оператора ЭВМ, не думает нынче о донецких шахтерах: они с Андрием переехали в Киев, оба работают не по специальности, иногда не работают вообще, растят двоих детей... Каждый раз, когда ее в очередной раз сокращают или вдруг урезают ей ни за что, не про что зарплату, она жалуется на то, как нехорошо с ней обходятся представители «цивилизованных стран» из западных компаний – и тут же с пеной у рта защищает «оранжевую революцию»... «Он как наседка, клюющая собственные яйца: такую бы в котел отправить!»²¹⁵ - писал о таких людях угандийский поэт Окоп П'Битек. Я долго еще была очень ей благодарна за почти 20-летней давности гостеприимство, но теперь мы больше не общаемся. Что ж, с волками жить - по волчьи выть... Выйдешь замуж за потомка бендеровцев – и сама бендеровкой станешь. Муж и жена - одна сатана.

...Донецкий университет потряс мое воображение. Вот куда бы мне в свое время поступать учиться! Такого количества студентов из разных стран, как там, я не видела даже возле УДН²¹⁶ в Москве. У них проводились свои конкурсы, развивалась художественная самодеятельность и вообще жизнь кипела ключом. Их было так много, что никто из местных жителей уже даже не обращал на иностранцев внимания. Интересно, где сейчас та афганская девушка, с которой меня познакомила Галя? Жива ли она? ...

Общежитий было целых 4 – похожих на наше московское высокоэтажных коробки, раскинувшихся неподалеку от стадиона, рядом с большим озером, окруженным типично украинскими плакучими ивами. Окна в них приоткрывались только чуть-чуть: после того, как

²¹⁵ О. П'Битек «Песнь Лавино»

²¹⁶ УДН – Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы

кто-то из студентов не то выпал, не то выбросился из окна, администрация решила наложить на все окна ограничивающие их раскрытие металлические скобы. Галя жила в общежитии номер три, а Андрий - во втором. Там же остановился и Саид у друзей. Мы могли видаться только на несколько часов в день, но я и этому была вполне счастлива.

Андрий культурно отказывался остаться в одной комнате со мной и Галей, хотя Галя его долго уговаривала (ее кровать была отгорожена от моей шкафом).

- Дай мне подушку, Галя, и я пойду...

- А подушка с приложением... – тягуче тянула Галя, пытаюсь притянуть его к себе. Мне было неприятно это видеть. И непонятно такое поведение, если честно.

Иногда Андрий заходил к нам пообедать, и когда Галя ставила на стол супчик, приготовленный из концентрата, он мягко и проникновенно говорил:

- Галя, разве я для того женился, чтобы супы из пакетика есть?...

Если бы КГБ действительно так позарез хотелось нас поймать с поличным, как воображал Саид, сделать это в Донецке им ничего не стоило. Наоборот, глядя в прошлое, я сейчас поражаюсь, как меня за те две недели ни разу не поймали на вахте: я ходила то в Галино общежитие, то в Андриево... по своему студенческому билету, который издали лишь отдаленно напоминал их общежитский пропуск. Если бы меня там застукали, кто знает, чем бы все это кончилось. Один раз вахтерша окликнула меня:

- Девушка, подойдите поближе, что-то я Вас не помню...

Сердце у меня ушло в пятки, но тут передо мной открылись двери спасительного лифта.

Совьетика Часть 1

-Извините, я спешу! - нагло от страха выпалила я, впрыгнула в лифт и что было мочи нажала на кнопку... На этаже я добежала до Галиной комнаты, закрылась в ней и еще целый, наверно, час сидела там ни жива, ни мертва, опасаясь, что в дверь сейчас постучат...

Днем мы с Саидом гуляли вокруг озера. На душе у меня должно бы по идее быть очень хорошо, а мне становилось все тоскливее. Ну сколько можно так скрываться ото всех? И - зачем?

- Между прочим, Горбачев недавно заявил, что надо облегчить людям создавать семьи за рубежом, - сказала я. - А ты все хочешь до конца 5 курса в кустах просидеть.

Он только что не затопал ногами от злости:

- Это же политик! Разве политикам можно верить?

Вообще-то нельзя. Тем более Горбачеву. Но как раз в одной этой вещи Горби и не наврал: стало легче: пожалуйста, выходи-не хочу за любого американского или европейского невестребованного на родине кретина...

...Мои глаза стали открываться на Саида только когда уже год спустя мне случайно попался на глаза черновик его сочинения о собственном детстве, написанного для занятий по русскому языку. Вот только кусочек. Орфография оригинала...

«...Школьная жизнь как была хороша... Придешь домой, спросишь у мамы что сегодня покушать, и идешь на улицу играть с друзьям.... Вечером повторяется любимый вопрос детей что есть на обед. Мама и папа обо всем заботятся, не надо беспокоиться ни о чем... **Не надо ничего самому решать..»**

Кроме папы-лавочника, постоянно жаловавшегося на то, что новые власти «не дают развернуть бизнес», и мамы-домохозяйки (той самой, которой Саид задавал свой любимый вопрос об обеде), у него еще было 3 сестры и брат, получающий бесплатное

медицинское образование на социалистической Кубе. **Как волка ни корми...**

Но было поздно. Мне уже было его жалко. И я вообразила себе, что это и есть любовь.

...Мое поколение было последним невинным поколением в нашей стране. Только не надо смеяться, но среди нас, в общежитии были даже девушки по 17-18 лет (в основном из Средней Азии), которые всерьез думали, что можно забеременеть от поцелуев. А смеяться не надо, потому что все те «технологические» познания в этой сфере, которые современным молодым людям прививаются чуть ли не с детского сада, не только вовсе не гарантируют настоящего человеческого счастья, но и опошляют душу. Никто из них уже никогда не узнает, насколько это прекрасно - когда между женщиной и женщиной есть неведомое таинство! Герои Пушкина трепетали от замеченной «чуть узенькой пятки» предмета своих вздыханий. А у «поколения, выбравшего «Пепси», уже давно нигде и ничего не трепещет... И уж тем более знание «технологии процесса» - не гарантия защиты от человеческой подлости.

Вести себя по-свински, если уж так сильно хотелось, можно было всегда. Но не публично. Раньше у людей был выбор, до какой поры оставаться невинными. Теперь же их лишили самой возможности оставаться невинными столько, сколько им самим захочется – бесконечной чередой копуляций по телевизору, в прессе и даже в публичных местах у тебя перед глазами.

Вспомните, сколько было в СССР беременностей среди несовершеннолетних в процентном отношении (у нас в классе – одна на 38 человек, да и то уже в последние месяцы перед окончанием школы) - и сравните это с тем, сколько их в сегодняшней Британии, где детей уже в 5 лет по карточкам с картинками обучают в школе, как выглядят и называются мужские и женские половые органы.... Связь настолько налицо, что ее просто глупо отрицать.

Невозможно себе представить ничего более мерзкого, чем это,; детей обучают тому, как выглядит пенис чуть ли не раньше, чем они научатся читать и писать!.. Стоит ли после этого удивляться, когда британские «мудрецы» предлагают такие «средства» в борьбе с подростковой беременностью, как *поощрение интереса молодежи к*

оральному сексу²¹⁷ и снижение возраста, в котором тебя будут учить, что такое пенис и влагалище- с 5 лет до 4-х²¹⁸!

Может, уж прямо заставить детей в обязательном порядке заниматься этим с пеленок - ведь им «все равно надо будет это знать»? Такое чувство, что позиции власти в таких странах занимают какие-то подонки и маньяки. В Нидерландах уже есть политическая партия педофилов – хотя люди возмущены этим (даже голландцы!), правительство говорит им, что ничего не может сделать, потому что у педофилов тоже есть свобода слова...

И это такое общество именуется у нас теперь образцом для подражания?...

«Свободное» общество на деле как раз лишает людей сознательного выбора- всячески навязывая всевозможное скотство с ранних лет. Может быть, кому-то трудно будет это понять, но есть вещи, которые я сама не хотела знать. И если бы мне кто-то начал тогда о них рассказывать - в какой бы то ни было форме, даже в виде сказок о пчелках и цветочках, как это делают в своих школах ирландские попы- то я бы просто заткнула уши и вышла за дверь. Даже если бы это мои родные попытались мне рассказать. К счастью, они не пытались - видимо, зная мой неукротимый нрав. Мама только один раз сказала мне, что если у меня будут какие бы то ни было проблемы, я всегда могу к ней обратиться за помощью. Я, к слову, в этом не одинока: моя такая раскрепощенная голландская подруга Катарина (помните ее ремарки в адрес Сонниного телосложения на нашей свадьбе?) рассказала мне, что она тоже не хотела когда-то ничего этого знать. Что ей было стыдно и неприятно обсуждать такие вещи. Но ее *продвинутые прогрессивные* голландские родители все равно ей и ее брату все изложили - чуть ли не силком. Видела я этого брата - он теперь ездит в отпуск вместе с женой и с 2-мя проститутками, которых он с ее ведома нанимает.... Да здравствует сексуальное просвещение в детстве!

Мой девиз в этой области – *пейте чай*. Не до и не после, а *вместо*²¹⁹! Я считала - и сейчас тоже продолжаю считать - что для

²¹⁷ <http://www.guardian.co.uk/uk/2004/may/09/society.schools>

²¹⁸ http://news.bbc.co.uk/newsbeat/hi/health/newsid_7489000/7489128.stm

всего в жизни свое время. Я не была готова к такого рода отношениям и в 19 лет, они мне были просто не нужны, у меня не было таких потребностей.

А бедняга Саид маялся. Маялся вот уже год и все не оставлял надежды. И в конце концов моя жалость к нему пересилила мои собственные нормы, мечты и убеждения... Я знаю, что это звучит ужасно наивно, но я думала в то время, что когда человек увидит, как глубоко ты ему *доверяешь*, он не посмеет тебя после этого обидеть. Я не знала, что лавочник этого даже и не заметит.

27 января 1986 года я осталась у Саида в общежитии....

С этого момента ничто уже не могло спасти наши отношения, даже если бы у него и были ко мне серьезные чувства. Я чувствовала себя преступницей. Это шло вразрез со всеми моими принципами. И когда на следующее утро в воздухе на старте взорвался «Челленджер» в далекой Америке, я не удивилась. Это было проявление гнева свыше, вызванного моим недостойным поведением.

После этого наши отношения быстро зашли *в пику*. Мое чувство вины не давало мне покоя. Я пыталась словесно выяснить отношения и объяснить ему, как я себя чувствую, но от этого становилось только хуже. Саид считал, что «люди любят друг друга чтобы радоваться», а для меня такая постановка вопроса звучала кощунственно: только радоваться, значит? А когда в жизни трудности, бежать друг от друга подальше?

Народная поговорка гласит, что любовь зла²²⁰... Это был, видимо, именно тот случай.

Мне надо было его бросить, а я не могла – не только потому, что еще никогда никого не бросала, но и потому, что представляла себе, как тогда он останется один в холодной Москве - лицом к лицу со всеми этими расистами... Некому будет его поддержать, некому будет купить ему чай «Бодрость» и таскать сумками абрикосы – даже рискуя при этом «выглядеть как старушка»...

Нет смысла пересказывать во всех подробностях, что было дальше, и чем все это кончилось. Я не участница ток-шоу, чтобы выворачиваться перед вами наизнанку. Попробуйте воспользоваться

²¹⁹ Ссылка на анекдот

²²⁰ Любовь зла, полюбишь и козла.

Совьетика Часть 1

своим воображением. Вспомните его мне обещания и вообразите себе все, что обычно бывает с обманутыми девушками. Этого должно быть достаточно.

Лида знает... Когда я примачивала в ванной комнате сломанный палец, заливаясь в три ручья слезами, она вошла и ужасно за меня испугалась. Меня прорвало, и я все ей тогда рассказала - не так, как вам, а так, как рассказывают близкому другу, со всеми от и до. Я хорошо знала, что рассказанное не останется между нами: Лида ничего не может поделывать с собой, такой у нее язык, что все это непременно станет достоянием всего института. Но мне это было уже безразлично. Мне хотелось, чтобы все знали, какой он мерзавец, даже если они при этом будут осуждать и меня и перемывать мне косточки. Лида была потрясена:

- А с виду такой тихенький... змей горыныч!

И когда на следующий день он столкнулся с нею в дверях института, она негодуяще оттерла его локтем:

- А ну, подвинься... брат Хоттабыча Омар Юсуф²²¹!

Саид ничего толком не понял, но испугался. Он вообще был не из храброго десятка.

Но я этого уже не видела. Я бросила все и поехала домой - глубокой ночью, когда уже не было электричек, на скором поезде. В одном купе со мной ехал в увольнительную солдатик - простой, славный русский парень. Он очень жалел меня и говорил, что все у меня обязательно наладится. Я была тронута его добротой и заботливостью. Но был ли бы он таким же заботливым, если бы знал, что убиваюсь я по африканцу?...

...Наши с Саидом отношения – «роман и не роман, а так, одно заглавие»- продлились до сентября 1986 года, хотя встречаться с наконец-то найденной им эфиопской девушкой он начал, еще со мной не порвав. За все оставшиеся в вузе 3 года мы не сказали друг другу

²²¹ Герой повести Лазаря Лагина о старике Хоттабыче, злой джинн

ни одного слова. На память о Саиде у меня остался сломанный палец и выжженное, как степь после пожара, сердце. Выжженное до такой степени, что он единственный в моей жизни, кого я не простила и по сей день. Не считая Горби, разумеется.

...Врача, который мне накладывал гипс на палец, почему-то очень развеселила мысль, что я теперь никогда не смогу надеть на этот палец обручальное кольцо: Саид так сжал мне руку, что отломился кусочек кости и застрял в суставе. Не было шанса, что он прирастет, но и доставать его оттуда никто не стал, и палец так и остался навсегда немного толще в суставе, действительно не позволяя надевать и снимать на него кольцо.

Жизнь дала мне тогда первый суровый урок: нельзя поступаться своими принципами и идти против голоса собственной совести только для того, чтобы угодить другому человеку, как бы ты к нему ни относилась.

... Знаете что интересно? Когда я спустя несколько лет гуляла и по родному городу, и по Москве с темнокожим супругом – с Сонни, - ни разу ни один человек на нас даже косо не посмотрел. Хотя официально расизма у нас с тех пор стало больше.

А может быть, все-таки все дело было в том, что наши люди чувствовали, как Саид ко мне на самом деле относился - и видели, что с Сонни у нас отношения совсем другого рода?...

...Одну вещь я все-таки не пойму до сих пор. Почему в любви всегда надо хитрить, извиваться, завлекать, пытаться *захомутать*, притворяться, вызывать ревность и тому подобное? Зачем нужны все эти душевно изматывающие глупые игры? Почему нельзя просто открыть любимому человеку свое сердце? Почему нельзя просто с самого начала быть самой собой, не прибегая ко всем этим уловкам? Да, за эти годы я научилась им - в какой-то степени, но могу их применять только к тем, к кому у меня нет настоящего глубокого чувства, а в таком случае, зачем применять их вообще?

Не хочу я ничего этого делать. Недостойно применять какие-то трюки для того, чтобы «приручить» к себе человека, если тебя влечет к нему не одна только физическая симпатия, а еще и глубокое уважение. Я была бы самым преданным другом своему единомышленнику. Таким товарищем, на которого можно положиться до конца жизни. Но я так и не встретила такого человека... Вернее, встретила позднее, но...

...Конечно, студенческая жизнь моя все это время не останавливалась, а текла своим чередом. Уж такой я человек, что никаким личным переживаниям не позволяю влиять на свои показатели в учебе. «Сегодня не личное главное, а сводки рабочего дня!»²²² Преподаватели, наверно, чувствовали (а может, кто-то даже и знал), что со мной происходит - помню сочувственные взгляды некоторых из них во время сессии. Но я не нуждалась в каких-нибудь поблажках из-за жалости: училась я хорошо. Более того - чтобы отвлечься от переживаний, я ушла в учебу с головой. В учебу, а не в алкоголь и не в наркотики, как делают многие в «свободном мире».

На втором курсе, когда собственно и развертывалась моя первая в жизни личная драма, было много нового и интересного. Начался он, по традиции, с месячной нашей поездки всем курсом в колхоз. В Горки - те самые, где когда-то жил Ленин - на уборку яблок. Нас расселили примерно в таких же условиях, в каких жили мамы сослуживцы, когда я ездила в колхоз с ними. Только было не лето, а сентябрь, и поэтому не очень-то приятно было умыться на улице холодной водой. Но это закаляет. Мой дедуля каждый день вообще обливался во дворе холодной водой, невзирая ни на какую погоду - и никогда не болел...

В колхозе у нас на всякий случай даже был собственный врач, которого Лида сразу ласково прозвала Пиней.

- Он так на Пиночета похож! - поясняла она.

На втором курсе у нас появились новенькие - парни, вернувшиеся из армии, девочки, переведшиеся с вечернего и заочного отделений. Они быстро влились в наш коллектив. Один из этих парней - по собственному утверждению, донской казак, хотя он был из Калуги - , не давал прохода Лиде, третируя ее антисемитскими шуточками.

- Басина, ну ведь ты еврейка, признайся,а? - приставал он к ней. У него было раскатистое *французское* «р». Лида героически отталчивалась, но в один прекрасный день не выдержала:

²²² Из песни «Мой адрес- Советский Союз»

- Бортников, а что, все казаки «р» не выговаривают?

А в другой раз, когда он обращался к ней не с насмешками, а по какому-то делу, она неожиданно отбрила его:

- Бортников, ты поосторожней, а? *Мы, евреи, народ горячий!*...

Несколько человек с нашего курса отчислились - в основном такие, кого мы и на занятиях-то толком не видели. В колхозе, к моей радости, отгуляли свое самые непристойно себя ведущие наши соседки по этажу: казачка из Краснодара и татарка из Бугульмы (та самая, которая считала, что у меня такое выражение лица, словно я приношу себя в жертву - чем ей лично это мешало, непонятно), которые до этого целый год устраивали у себя в комнате шумные пирушки с участием грузина Вахтанга. Обе они забеременели (не знаю, где и как им это удалось - вся наша колхозная жизнь была у всех на виду) и вышли замуж, и было забавно наблюдать, как резко они из *ночных бабочек* превратились в эдаких невинных ягнят и примерных жен- тише воды, ниже травы. Наверно, и детей своих воспитывать будут в строгих нравах!

Я быстро устроилась вместе с Любой и еще несколькими девочками на кухню: готовить, подавать, убирать и мыть посуду. В этом были свои положительные и свои отрицательные стороны. Положительные - в том, что можно было сидеть в тепле. Отрицательные - в том, что мы самыми первыми в лагере вставали и уходили спать последними. Накормить почти 100 человек в 2 смены по 3 раза в день и вымыть потом за ними посуду вчетвером не так-то просто. Хотя готовила повариха, мы только помогали ей: чистили лук, картошку и тому подобное. Посуду мыли содой, которая разъедала руки. Но работать было весело. Плохо только что Лида, в отличие от Любы, скоро уехала обратно в Москву: с разрешения начальства. Ее маме-геологу исполнилось 50 лет, она по такому случаю приехала в Москву на две недели, и Лиде разрешили провести это время там, при условии, что она будет там тоже где-то работать, пока мы не вернемся к занятиям. Лиду устроили торговать квасом в киоске - обычно это летняя работа, а квас- летний напиток, но в сентябре его еще пьют. На новом месте

Советика Часть 1

Лида как всегда не скучала (воевала с поздними осами, знакомилась с милиционерами, запускала к себе в киоск выпить каких-то местных *алконавтов* и т.п.). Зато очень скучала без нее я...

Иностранных студентов в колхоз не посылали, они оставались в Москве и занимались русским языком, поэтому я немного свободнее вздохнула. Наши отношения с Саидом уже тогда были тягостными. Хотя сама я в то время, конечно, скучала без него и жалела, что теряю время от него вдали.

В конце второго курса у нас была практика по делопроизводству - в райкоме комсомола, а потом работа на месяц в стройотряде. Мы с Лидой и Любой попали на работу в овощной магазин у метро «Новослободская». Так сама судьба столкнула меня с совершенно незнакомым для меня миром тех, кто стал могильщиками моей страны - комсомольскими активистами и торгашами. И честно говоря, у них друг с другом было больше общего, чем различий.

В райкоме Лида в очередной раз влюбилась. По-моему, это было самовнушение. Тогда ее единственная настоящая любовь - Нариман как раз только что ее покинул, и ей очень хотелось его забыть. Сила ее самовнушения оказалась такова, что первый секретарь райкома - черноглазый *гарный парубок* по имени Влас стал предметом ее навязчивых фантазий на несколько лет и даже героем сочиненной ею блистательной рок-оперы, с которой по мере написания знакомился весь наш курс! Когда Лиду посещает вдохновение, она способна показать свой талант в полной красе.

Работниками райкома были веселые молодые ребята (и девушки) - бездельники, умеющие произносить красивые слова. Собственно, такими я их себе и представляла. Но еще никогда до этого не видела я собственными глазами, как работает система «ты-мне, я- тебе» между ними и торгашами - заведующими базами и складами и директорами магазинов. Нас они не стеснялись. Как-то раз я зашла в кабинет к Власу, когда он говорил по телефону:

- Да, у меня 5 числа день рождения... Ну, там колбаски копченой два батончика, икры черной.... может, еще балычка... А я вам билеты на итальянцев²²³ ...

Он даже не моргнул при виде меня.

Разведка в моем лице, конечно же, немедленно донесла Лиде, когда у ее нового увлечения день рождения. Бедняжка обегала всю Москву в поисках белых гвоздик - кто-то внушил ей, что мужчинам можно дарить только их.

- Ой, спасибо!- рассеянно сказал Влас, когда она ему их вручила, даже не задумавшись о том, откуда она знает, что у него день рождения. Его мысли были заняты икрой.

- А мы с вами земляки,- застенчиво сказала Лида. - Я тоже с Украины.

Тут он оживился.

- Правда? А откуда?

- С Житомирщины. А Вы?

- А я из Ворошиловграда.

- Ой, - насмешливо протянула Лида, которую, как обычно наедине с предметом ее симпатии, *понесло в карьер*.- Да разве ж это Украина?

Влас обиделся.

- Это у вас не Украина! Речь Посполитая сплошная! У вас вообще Галана²²⁴ убили!

²²³ тогда в СССР была в моде итальянская эстрада

²²⁴ Ярослав Галан - украинский советский писатель-антифашист, драматург, публицист. Убит в 1949 году националистами, связанными с ОУН

Это, конечно, был убийственный аргумент в пользу того, что нет, не Украина.

Завоевать сердце *волоокого парубка* Лиде не удалось. Зато удалось узнать в справочном столе его домашний адрес и телефон...

Чем они вообще занимались на работе, райкомовцы? Ну, например, организовывали под Пасху... операцию «Антипасха» (не шучу; я сама хохотала до колик в животе, когда увидела у Власа на столе этот «секретный документ!»), заключающуюся в прогулках работников райкома тройками вокруг церкви в пасхальную ночь с целью распугивания молодежи комсомольского возраста, если там такая покажется. Ну, и писали отчеты и проводили собрания. И принимали в комсомол школьников.

Именно из-за таких людей мне и не хотелось вступать в партию.

В овощном магазине мы проработали месяц. Кстати, за это нам хорошо заплатили.

Это тоже был совсем другой мир. Прежде всего, никогда еще в жизни я не слышала такого отборного мата. Причем ругались все - вплоть до директрисы, а главное- они даже не ругались; они *просто не умели другими словами говорить*. Мат в СССР середины 80-х был профессиональным языком торгашей и партийных работников: так же, как «феня»- языком бандитов, став позднее языком «бизнесменов»...

Естественно, при покупателях они не ругались - так же, как и партийные работники не ругались среди посторонних. Но у меня в первый же день «за кулисами» - на фасовке в подсобке - чуть не завяли уши...

Работали мы по три дня по 12 часов (с 8 утра до 8 вечера, с часом на обед), после чего у нас было 2 выходных. Я сразу сказала, что предпочитаю оставаться на фасовке: я нервничаю, когда надо что-то взвешивать, а тебя ждет очередь. А вот Лида пошла торговать, даже на развале. Нас быстро научили торговым премудростям: как обсчитывать, как обвешивать (легче всего это удавалось с арбузами: их надо было бросать на весы с размаху, а потом резко с весов снимать, пока стрелка не перестала колебаться. Можно было незаметно нажать на чашечку весов снизу. Что-то из продуктов можно было намочить, чтобы было потяжелее, куда-то - подсыпать землицы.)

На фасовке нас учили, как надо прятать гнилую картошку в хорошей: в середине пакета, не сверху, но и не снизу. Мы видели, как в магазин привозят то, что не появляется на прилавках, а потом директриса обзванивала своих товарок из других магазинов, и они производили почти натуральный обмен (почти - потому что за продукты и вещи, которыми они менялись, они друг другу все-таки платили, но это была гос.цена, чистая мелочь.). Нам как *временно своим людям* тоже разрешали эти фрукты и овощи себе купить, тоже по гос.цене. Именно тогда я таскала Саиду вкусные армянские абрикосы сумками...

В магазине было 3 грузчика, и Лида с Любой сразу в шутку «распределили», кто из них будет *чей*. Я не возражала, потому что приписанный ими мне грузчик -алкаш по имени Сева -был женат на одной из продавщиц магазина и, слава богу, не обращал на меня внимания. Впрочем, остальные оба тоже были алкаши. И даже женщины -продавщицы тоже почти все в этом магазине выпивали. Один из грузчиков попробовал меня как-то было ущипнуть за бока - примерно как Ельцин - ту дамочку в президиуме. Но я на него *так посмотрела*, что он отошел от меня и больше ни разу даже на меня не взглянул. Все в советское время зависело от того, как ты сама себя поведешь. Хамам развернуться не давали.

Обед нам готовила бабушка, которая официально числилась в магазине уборщицей. Это была каждый день одинаковая, простая, но вкусная и сытная еда: суп и второе. Поев, мы выходили во двор - обыкновенный уютный московский дворик, где сидели бабушки с колясками, а местный кот гонял по двору болонку, осмелившуюся облаять его кошку с котятками. Мы качались там на детских качелях. Грузчики, пообедав, *дулись в картишки*. Вообще атмосфера в магазине была какая-то полукриминальная. Но покупатели ничего этого не видели, все это оставалось за дверью служебного помещения.

Так что вот кто теперь занимается в России «бизнесом». Люди, которые сами ничего полезного произвести не способны. Зато хорошо знают, где можно обвесить, как можно обсчитать...

...В сентябре нам выдали не только стипендии за все лето, как обычно, но еще и зарплату за тот месяц в магазине. И я на радостях купила себе в «Академкниге» толстенный том Бэзила Дэвидсона «Африканцы», на который до этого полгода любовалась ...

Еще во время разгара романа с Саидом я задумала выучить амхарский язык. Когда мы расстались, несмотря на всю горечь в душе, я не отказалась от своих планов. Вот еще, да кто он такой, чтобы из-за него все бросать? Это очень интересная страна, в которой, я уверена, много прекрасных людей!

За эти полтора года я прочитала такое количество научных монографий об Эфиопии, что знала о ней даже такие вещи, о которых и сам Саид не подозревал.: настолько серьезно я к этому относилась. В то время на курсах иностранных языков в Москве можно было изучать только 4 основные европейские языка; шведский, и то преподавался только в одном месте, и для того, чтобы на него записаться, нужна была справка, что тебе это нужно для дела, а не просто так.

Что уж и говорить, курсов амхарского в столице не было и не предвиделось. Не было даже учебников: были только несколько словарей и разговорников, предназначенных не для таких, как я, а для эфиопских студентов, изучающих русский. Но я не сдавалась. Я написала письмо автору русско-амхарского словаря, выяснив его адрес в справочном столе. И через некоторое время он ответил мне, дав свой домашний телефон. Господи, как колотилось мое сердце, когда я ему в первый раз звонила! У меня было такое чувство, что решалась моя судьба: несмотря на вышеописанную печальную историю, я вовсе не отказалась от планов связать с эфиопской революцией свое будущее. Я не хотела, чтобы накопленные мною за это время знания пропали даром- я хотела заложить под них на будущее такой фундамент, чтобы заняться серьезной научной работой, связанной с этой страной.

После телефонного разговора мы встретились у него на работе (он преподавал амхарский студентам - африканистам - тем самым немногим счастливицам, *мужчинам из числа комсомольского актива*, которым я так завидовала еще в 10 классе.) Профессор был пожилой, интеллигентный дяденька, ветеран войны, само олицетворение советской интеллигенции. Я почувствовала, что благоговею перед ним. Ведь он был вовсе не обязан помогать мне! Он тоже отнесся ко мне с большим уважением - особенно когда я продемонстрировала ему свои познания в области эфиопской истории.

- Как это замечательно- что есть такие девушки, как Вы!- сказал он мне,- Мы что-нибудь придумаем. Я поговорю с кем-нибудь из своих бывших учеников - может быть, кто-то согласится давать Вам частные уроки.

На прощание он надписал мне составленный им словарь: «Дорогой Жене на память с пожеланием успехов в освоении амхарского языка. Как говорят эфиопы,... !- и дальше он написал что-то совершенно незнакомым мне амхарским шрифтом.

- *Ке метем метем меммар йикеддем*, - прочитал он. В вольном переводе это значило что-то вроде «без труда не вынешь и рыбку из пруда».

Через две недели, к моему восторгу, он нашел мне учителя! Конечно, положила руку на сердце, если бы не мама, это было бы мне не по карману. Но мама положительно относилась к моему стремлению к знаниям, даже несмотря на то, что теперь уже была посвящена в историю моей печально закончившейся незадачливой первой любви.

Амхарским я занималась почти 2 года, 2 занятия в неделю по 2 часа. Мама говорит, что денег, потраченных нами за это время на уроки, хватило бы на то, чтобы купить цветной телевизор.

У моего учителя было экзотическое имя - Никита Арнольдович. Он работал с эфиопами - переводчиком в Высшей Школе Профсоюзов, несколько раз бывал в Эфиопии, и один раз ему даже пожал руку сам гуд²²⁵ Менгисту! После того, как мы в первый раз поговорили по телефону, я понятия не имела, как он выглядит или даже сколько ему лет. У него был мягкий, веселый голос, и я представляла себе некое подобие профессора, только лет на 15 помоложе. Хорошо помню, как мы в первый раз встретились: Никита Арнольдович сказал, что сам заедет за мной в институт после работы, и потом мы поедem к нему домой.

²²⁵ товарищ (амхарск.)

Был октябрь, на улице уже было темно. Я стояла в холле института возле доски объявлений, которую успела выучить чуть ли не наизусть, когда наконец явился мой новый учитель.

- Женя Калашникова? Это Вы? - спросили у меня за спиной. Я обернулась и чуть не упала в обморок от неожиданности. Вместо средних лет занудливого, немного неряшливого переводчика, каким я себе его представляла, передо мной стоял совершенно очаровательный, немного неловкий, высокий, легко краснеющий светловолосый молодой человек с серыми как сталь теплыми глазами и такой же теплой улыбкой. Вряд ли намного старше меня. Он был таким симпатягой, что мне невольно стоило некоторого труда напомнить себе, что мне нравятся одни только африканцы...

Никита Арнольдович оказался не только симпатичным внешне, но и большой умницей. Это про таких, как он, говорят «ума палата». В первый раз в жизни мне встретился человек почти одного со мной возраста (он был старше меня только на 5 лет), который, кажется, был начитаннее меня! Очень скоро я начала втайне им восхищаться и с нетерпением ждала каждого следующего занятия, хотя амхарский язык был не сахар для изучения.

Дело не только в том, что в амхарском «алфавите» больше 200 знаков (каждый знак обозначает слог: ка, ку, ке и так далее, и алфавит, таким образом, совершенно не похож на наш не только по написанию). И не в том даже, что в нем есть звуки, которых нет в русском – «взрывные» к, п, т, ц и пр. Сама структура языка совершенно иная, чем у привычных нам европейских, и мне понадобилось некоторое время, чтобы настроиться на нужную волну для ее восприятия. Изучение амхарского казалось мне похожим на изучение математики: в построении фраз была своя строгая внутренняя система. Они строятся по кирпичику- похоже на решение математического примера по действиям,- путем присоединения к словам различных префиксов и суффиксов, и если не усвоить строго правила этого «строительства», то делать в амхарском языке просто нечего. Учебников у нас, как я уже упоминала, не было. Но Никита Арнольдович сам разрабатывал уроки, объяснял мне грамматику, приносил настоящие эфиопские газеты и

книги - к урокам он готовился, несмотря на свою занятость на работе, основательно и свои гонорары отработывал более чем честно.

Жил Никита Арнольдович на другом конце Москвы, около метро «Домодедовская», вместе с родителями и старшей сестрой. Впрочем, их я видела только краем глаз, редко. Мы занимались в его комнате - 2 часа безо всяких пауз. Я очень ждала каждый раз конца занятий - не потому, что занятия мне не нравились, а потому что перед уходом домой можно было еще минут 5-10 поговорить с ним - об Эфиопии, о книгах, обо всяких интересных вещах. Он был единственным моим знакомым со схожими с моими интересами, и вскоре уже я таскала ему пачками купленные мною новые книги: показать и поделиться прочитанным. Да ради одних этих 10-15 минут хотелось жить всю неделю!

У меня есть еще и по сей день одна дурная привычка, которую я никак в себе не изживу. Когда мне кто-то нравится - имею в виду нравится по-человечески,- я начинаю задаривать его (или ее) подарками. В основном книжками. И как всякий настоящий русский человек, я не знаю чувства меры... (Мы все такие - люди крайностей, которые не чувствуют, когда пора остановиться: или вся страна – непременно атеисты, или вдруг всем в обязательном порядке предписывается изучать закон божий и стучать лбом по полу в церкви, как стало сейчас...) И часто, увы, я человека таким образом избаловываю...

Но мне было так приятно, когда мне удавалось удивить его книгами, которые он еще не видел! Например, тем же русско-венгерским разговорником для наших солдат, который мой дедушка привез с войны. Или мемуарами об Эфиопии казачьего генерала Петра Краснова (того самого, которого повесили после войны за сотрудничество с фашистами!), которые мне случайно удалось купить в букинистической лавочке около памятника первопечатнику Ивану Федорову... Если бы ни ему, ни мне никуда не надо было спешить, мы могли бы обсуждать эти книги часами!

Один раз он вызвался довести меня до метро, потому что нам все равно было по дороге: ему тоже надо было куда-то уходить. Была зима, было скользко, и выйдя из подъезда, я поскользнулась и чуть не упала. В последнюю секунду он успел меня подхватить за локоть - и не

отпускал мой локоть уже до самого метро. И это запомнилось мне намного сильнее, чем все полтора года мытаний с Саидом...

Лида подтрунивала надо мной и моими походами к Никите Арнольдовичу два раза в неделю и советовала мне «пригладеться к нему повнимательнее»- такая выгодная партия! Но я никогда не смотрела на него такими глазами. Я слишком сильно восхищалась им для этого, не говоря уже о том, что после того, как я незадолго до этого хлебнула свою порцию «романтики», на мужчин любой национальности *как на таковых* мне даже смотреть не хотелось. Боюсь только, что Никита Арнольдович не понял меня и тоже подозревал, что за этим моим восхищением кроется большее, потому что когда я предложила как-то показать ему свой родной город - а мне действительно очень хотелось это сделать, ведь у нас было так интересно, так непохоже на Москву!- он здоров струхнул. У москвичей был своего рода комплекс: им казалось, что все провинциальные девочки непременно хотят их на себе женить...

...В один прекрасный весенний день Лида сказала мне:

- Все! Хватит! Ты мне все уши прожужжала. Хочу своими глазами посмотреть на твоего Арнольдыча.

Мне и самой хотелось услышать ее о нем мнение и, зная Лидин характер, я приготовилась к веселому приключению. Но как это сделать? Не прятаться же у него под дверью!

Вскоре я услышала во время урока, как Никита Арнольдович договаривается по телефону с каким-то другом пойти в четверг вместе в бассейн. На столе у него я разглядела абонемент в бассейн на Баумановке - и вечером сообщила Лиде о такой предстоящей возможности...

В четверг была прекрасная погода, почти летняя. Мы с Лидой ушли с последней пары и пешком от самого института через весь центр отправились на Баумановку. Никогда еще Москва не казалась мне такой красивой, как в тот вечер. Над Яузой пылал красный закат, освещая завод «Манометр». Было тихо-тихо, ни одна веточка не шевелилась на деревьях, зеленевших своими только недавно

распустившимися листочками. Времени у нас было вагон, и мы успели обойти все Лефортово, с его старинными зданиями. Я пыталась представить себе, где здесь когда-то был Кукуй.

Мы быстро нашли бассейн и устроились в засаде, как партизаны. Мы не знали, с какой стороны придет Никита Арнольдович, но предполагали, что от метро. Засев в небольшом парке перед бассейном, мы заняли стратегически важную точку, откуда просматривалась входная дверь и дорожка к ней. Лида предусмотрительно захватила с собой по газете: закрывать наши лица, если он заметит, что за ним наблюдают.

Он показался на дорожке в строго назначенный час. *«Но разведка доложила точно»*... Я поспешно закрыла лицо газетой, а Лида встала с лавочки и медленно совершила вокруг него круг. И все было бы хорошо, если бы порыв ветра, вдвойне неожиданный в такой тихий вечер, не вырвал вдруг газету из моих рук... Услышав шелест, Никита Арнольдович поднял голову и.... у него отвисла челюсть.

Я смотрела в другую сторону и делала вид, что я кого-то жду, чувствуя на себе его удивленный взгляд. И лихорадочно думала, как же себя в следующий раз с ним вести на уроке и что делать... Тем временем ко мне вернулась завершившая свой большой круг почета Лида.

- Нэджа мараглы огландыр²²⁶!- сказала она одобритительно, показывая мне большой палец. Я чуть не провалилась под лавочку.

Всю обратную дорогу до общежития мы с ней хохотали как сумасшедшие.

На следующий раз и я, и Никита Арнольдович – оба мы не подавали виду, что что-то произошло. Но я видела, как он легонько ухмылялся - не с презрением ко мне, а так словно ему льстило и было для него совершенно неожиданным такое внимание к его персоне...

Уроки продолжались. За два года Никита Арнольдович так отточил мои познания в амхарском, что когда он действительно понадобился мне на практике - в Институте Африки, святыне святых отечественной

²²⁶ Какой интересный мужчина! (азерб.)

африканистики!- я смогла переводить рукописные тексты безо всякого словаря. Тем более, что словарем он меня пользоваться так и не научил. В амхарском языке и это непросто: слово надо искать не по тому, с какой буквы оно начинается, а по его корню...

Все это время мы называли друг друга на «Вы». Через полтора года после нашего знакомства мне подумалось, что статус – длительность нашего знакомства и небольшая разница в возрасте - позволяет нам перейти на менее формальную форму обращения. И я сделала первый к этому шаг.

- Никита Арнольдович, можете называть меня на «ты». Ведь мы уже давно знаем друг друга.

Никита Арнольдович смутился, но сказал, что я тоже могу называть его на «ты», и что мы можем перейти на новую форму обращения со следующего раза. Видимо, ему требовалось время, чтобы к такой мысли привыкнуть. Но когда я пришла к нему в следующий раз, он по-прежнему обращался ко мне на «Вы»! Привычка – вторая натура...

Я обиделась. Да что же это такое? В конце концов, я не кусаюсь!

Выглядел Никита Арнольдович в тот вечер как-то странно. Что-то в нем было совершенно незнакомое, не такое, как всегда. У него было румяное лицо и чрезмерно веселый блеск в глазах.

- Кажется, мы договорились, что мы с Вами будем на «ты»... - осторожно напомнила я. И тут произошло совершенно для меня неожиданное. Он вдруг начал мне хамить.

- На «ты»? У, ты какая!...

Глаза у меня полезли на лоб, и прежде чем я успела сообразить, что происходит, из них фонтаном брызнули слезы.

Никому никогда не рассказывала это, не признавалась даже самой себе, но я всю жизнь так старательно избегала наших отечественных

мужчин именно из страха перед этим. До такой степени, что я в превентивном порядке ни с кем из них никогда не встречалась. Я не считала их лентяями, алкоголиками, избивателями жен и обладателями прочих грехов, в которых их обвиняют удравшие из страны наши женщины. Вовсе нет. Просто я до ужаса боялась услышать из их уст какое-нибудь грубое слово. Когда тебе хамят на чужом языке или даже на русском, но для человека этот язык неродной, это как-то не воспринимается мною так болезненно. И осадить такого человека проще, чем того, кто полностью осознает, что он говорит.

Увидев мои слезы, Никита Арнольдович вообще озверел, и я услышала из уст этого столичного интеллигентного мальчика:

- Что ж, побольше поплачешь, поменьше пописаешь...

Нет нужды объяснять советским людям моего поколения, каким это было хамством.

Слезы у меня от возмущения сразу высохли. Никита Арнольдович перестал быть возвышенным идеалом интеллектуала. Я даже вспомнила, как он обсуждал со своей мамой в коридоре, где достать новые кроссовки.

- Что ж, давайте продолжать наше общение на «Вы», - сказала я. - Давайте продолжим занятие. Ведь Вам, кажется, не помешают лишние 20 рублей на новые кроссовки?

Наступила немая сцена. Но видимо, 20 рублей ему действительно были нужны...

Я пригляделась еще раз к Никите Арнольдовичу и вдруг с ужасом осознала, что он нетрезв. Бедняга, видимо, хлебнул незадолго до моего прихода для храбрости, думая, что это поможет ему преодолеть свою робость и перейти-таки со мной на «ты». Но так как он никогда не пил, эффект алкоголя оказался совершенно для него самого неожиданным...

Мне стало смешно. Вот такие они непредсказуемые, наши отечественные мужчины...

На «ты» мы все-таки перешли. На следующем занятии он еле выдавливал из себя это слово и не смотрел мне в глаза. Мне было еще смешнее. А я-то считала его взрослым человеком!

Когда Лида узнавала в паспортном столе адрес *чорнобривого* комсомольца Власа, я из любопытства решила узнать там же, когда у Никиты Арнольдовича день рождения. Результат сразил меня наповал. В один и тот же день с Саидом - изо всех 365 дней в году... Мне показалось, что в жизни есть какой-то рок.

И сейчас мне это тоже частенько кажется. словно кто-то свыше превратил мою жизнь в приключенческую пьесу, подобную мыльным операм – не спрашивая, хочу я того или нет. Я даже представляю себе, как неведомые мне зрители смотрят это представление – со смехом, смешанным со слезами... *Надо же, как закручено!*

Наши с Никитой Арнольдовичем уроки продлились до середины моего четвертого курса, когда он сказал, что в общем-то, все свои знания он мне передал, и больше ему учить меня нечему. Я сочла это комплиментом. Я думала, что мне будет очень не хватать нашего интеллектуального общения, но жизнь без Никиты Арнольдовича оказалась вовсе не такой пустой, как я ее себе представляла. Тем более, что сбылась моя долгожданная мечта - я устроилась на практику в сам Институт Африки!!...

...Следы Никиты Арнольдовича затерялись после той бучи, в которую попала наша с ним страна, и я только недавно снова его обнаружила. Теперь он живет и работает.... в Южной Корее!

... В тот период моя жизнь была насыщена до предела. 6 вечеров из 6 вечеров на рабочей неделе я проводила вне общежития: 2 - с Никитой Арнольдовичем, 2 - на курсах английского и одну - на заседаниях ССОД в Доме Дружбы на Калининском проспекте. В субботу после занятий, как обычно, сразу ехала домой. Я была очень рада своему насыщенному графику: мне вздохнуть было некогда, не то что страдать из-за какого-то никчемного существа.

Сейчас я уже не помню, как я открыла для себя ССОД - Союз советских обществ дружбы с народами зарубежных стран - кажется, от власовых комсомольцев. А узнав, воспрянула духом: вот бы в одно из

таких обществ вступить! Но и это оказалось невозможно: в нем было *только коллективное членство*. Почему дружить с народами зарубежных стран можно было только коллективно, навсегда осталось для меня тайной. Может быть, комсомольчики 80-х, вроде Власа, считали, что в индивидуальном порядке не наберется достаточное количество желающих вступить в их ряды? Думаю, что они наших людей недооценивали...

Тем не менее, мне все-таки удалось прибиться к африканскому отделению ССОД, и я еженедельно ходила на его заседания - по средам. Там обсуждались различные аспекты советско-африканских отношений. С началом перестройки иностранные студенты начали спрашивать, можно ли будет и им заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. Многие ею уже и так занимались, как те же вьетнамцы; другие занимались деятельностью, но трудовой ее назвать можно было едва ли - как некоторые мои африканские знакомые, возившие чуть ли не контейнерами вещи на продажу из одной страны в другую.... Лучше бы эти «бизнесмены» учились как следует. Или хотя бы поинтересовались, разрешается ли иностранным студентам работать в их любимых «цивилизованных» странах. «Ты знаешь, что нам Советский Союз предложил?» - возмущенно говорил как-то Саид. - «Они у нас нашли месторождение золота и предложили помочь с его добычей. На основе 30 на 70. Ты представляешь себе, какой это грабеж?»

А он представляет себе, хотя бы в общих чертах, какой процент себе берут в таких случаях западные корпорации?...

Летом после 3 курса я попросила разрешения поработать в архивах ССОДа, чтобы написать курсовую о советско-эфиопских отношениях. Все сделала по правилам, с письмом из института. И отказано мне не было. Но меня поставили в такие условия, что я просто физически этим архивом воспользоваться не могла. Не знаю уж, какие там хранились секреты, но руководство архива сказала мне, что я смогу там работать только если наймусь к ним на лето курьером - развозить почту. Вернее, возить меня будет шофер, а я буду только отдавать письма и пакеты в различные учреждения. Пришлось согласиться.

Но продержалась я на этом месте недолго - потому что уже через два дня поняла, что ни в какой архив я не попаду: почты было столько, что развозить ее мы заканчивали только к концу рабочего дня!... Какие

Советика Часть 1

уж тут исследования! Это было похоже на сказку, где нанимающий работницу поп описывает ей нескончаемый список дел, которые ей предстоит сделать за день, добавляя после каждого предложения: «И спи-отдыхай!» К тому же недоволен оказался возивший меня шофер. И его можно было понять: раньше он выполнял курьерскую работу на полставки, а теперь ему сказали, что не положено... Видимо, положено в «перестраивающейся» Москве было только в индивидуальном порядке шашлыками на улице торговать. Он возил меня весь день по городу и ругался: не на меня, а на свое начальство:

- Все берегут тепленькое местечко для своих чад! На осень, на случай если кто в институт не поступит...

Тогда я побывала со ссодовской почтой и в «белом доме». В том самом, в котором спустя несколько лет «демократ» Ельцин расстреляет российский парламент. Если бы нам тогда кто-нибудь такое рассказал, мы подумали бы, что этот человек белены объелся! В то время белым домом место это еще никто не называл, разве что в насмешку. (У нас в области обком партии тоже называли «белым домом» именно с таким оттенком.) Вокруг него не было никаких оград, как после расстрела 1993-го; никакой охраны, кроме бабушки на вахте, как в нашем общежитии: заходи - не хочю. *Первый закон буржуазной демократии: количество решеток и охранников в стране прямо пропорционально степени прославляемой буржуазной прессой свободы в ней...*

Одним словом, уже через неделю я поняла, что к чему, плюнула на несбыточные планы и даже на заработанные деньги и поехала к Лиде в Житомир. Она давно меня к себе звала.

В том году по домам летом мы разъехались поздно, и пару недель после летней сессии мы с Лидой ходили загорать по утрам на местный пруд, взяв с собой нажаренные на сковородке гренки. Или в Царицыно, или в Коломенское. Москва открывалась для меня с неожиданной стороны. Я с тоскою смотрела по вечерам на светящиеся окна: живут

же люди, у себя дома, никаких тебе вахтеров, и работай где хочю....
Ведь в Москве можно было стать кем угодно!

Незадолго до этого мы отмечали Лидин день рождения. Люба решила испечь по такому случаю пирог с вареной сгущенкой, поставила на кухне банку сгущенки вариться в кипящей воде и... забыла о ней. Через час мы услышали мощный взрыв. Задрожали окна. В испуге все выбежали на кухню - посмотреть, что случилось - и увидели, как липкая, сладкая сгущенка капает там с потолка... Пришлось обойтись тортом «Прага».

Лидин день рождения убедил меня в том, что чудеса все-таки бывают. Поздно вечером она пошла к метро провожать свою одноклассницу Светку, которая отмечала ее день рождения вместе с нами. Лил проливной дождь. И - что бы вы думали? - она встретила на улице Власа, который жил неподалеку от нашего общежития. Влас был пьян и весел, расслаблен и совсем не похож на того правильного комсомольского вожака, которым он был в трезвом виде. Узнав, что у Лиды день рождения, он от души крепко расцеловал ее, забыв даже и *про Галана*. Лида была на седьмом небе от счастья. О таком подарке она даже и мечтать не смела!

Окрыленная, поехала она домой и сказала мне на прощание:

-Бросай свои здесь глупости и приезжай ко мне! У нас знаешь как здорово!

Чернобыльская катастрофа произошла за год до этого. Но ни ее, ни меня это не волновало - хотя Житомирская область была в зоне поражения. Как не волновало это и никого из ее земляков: они по-прежнему собирали в лесах грибы и ягоды и плоды из своих собственных садов. Мне с почти детской радостью рассказывали там новые местные анекдоты: *«Запорожец - не машина, киевлянин - не мужчина»*.

«Вся Европа кроет матом наш советский мирный атом.» - и тому подобное.

Западная Украина - удивительная по красоте земля. Я читала столько книг о ней, о партизанской борьбе здесь с фашистами. Об Олексе Довбыше – местном Яносике. Моим самым большим героем в

жизни был Николай Иванович Кузнецов! Мне удалось побывать на его могиле во Львове.

Нас часто предупреждали, что на Западной Украине к русским плохо относятся, не отвечают, если с ними заговорить по-русски. Но сама я с этим никогда не сталкивалась. Я бывала в Львове и в Житомире. Да, здесь гораздо чаще можно было услышать украинский язык, чем на востоке республики, но это меня не волновало. Не волновало это и Лидиных родителей, хотя, в отличие от нее самой, говорить по-украински они не могли. Со многими соседями они говорили на русском, а соседи отвечали им на украинском - и ни одну из сторон это не беспокоило. Где все это время отсиживались фашистские прихвостни из ОУН, не знаю...

Лидины родные жили в маленьком рабочем поселке под Житомиром. Местная природа, с ее лесами и пригорками очаровала меня. Ритм жизни в поселке был неспешный, геологическая экспедиция остановилась здесь надолго. Лида рассказывала, что недавно у них даже был африканский стажер - студент из Киева, который проходил практику где-то в здешнем лесу, насмерть перепугав местных стариков-собирателей грибов, отродясь не видавших чернокожих.

Лидин папа - тот самый, с которым ее мама познакомилась после того, как он пропал во время песчаной бури в туркменской пустыне Каракумы- был очень тихим и молчаливым и много курил. Ее мама была полной его противоположностью, и, поговорив с ней 5 минут, вы совершенно отчетливо понимали, в кого пошла их дочка... То же остроумие, те же толстые очки. Если кто-нибудь с унылым лицом говорил ей: «Нет в жизни счастья, Ульяна Григорьевна!», она взрывалась: «Ага, *не забуду мать родную!*» Ульяна Григорьевна терпеть не могла жаргона. Еще у Лиды был брат Саша, на 7 лет моложе ее. Такой же остроумный и внешне похожий на Диму Иосифова в роли Буратино.

Лида свозила меня в Житомир - город, который вызвал у меня почему-то ассоциации с тонким плетеным кружевом. Особое впечатление на меня произвел старый город и парк с огромными оврагами.

- Спорим, не угадаешь, как называется вот тот магазин? - проверила она мое знание украинского. Я, считавшая себя экспертом по украинскому языку (потому что я легко понимала его, а моя мама – почему-то нет), действительно не знала. На магазине было написано «Гудзики»²²⁷ «....»

Через несколько дней все Лидино семейство в полном составе поехало отдыхать на Черное море, в Туапсе. Меня просто взяли с собой.

...Украина, Украина, что с тобою случилось?... «*О поле, поле, кто тебя усеял...?*»

Помню, как расстилалась перед нами украинская земля -от Киевщины до Полтавщины и дальше - красивая, гордая, не продававшая своих детей от нищеты за границу - и больно делается на сердце... Ни по одной из наших республик не болит так моя душа, как по ней. Тем, кто говорит, что мы теперь «процветаем» – чтоб вам и вашим близким самим так процветать!

...Перед Туапсе мы остановились еще на пару дней в Краснодаре, где жила Лидина тетка по матери - совсем на нее не похожая утонченная и немного нервная красавица, мечтающая женить своего непутевого сына. Я немедленно угодила в потенциальные невестки, и тетя Наташа особенно заботливо поэтому относилась ко мне. Краснодар- жаркий, просторный, с настоящими, а не такими, как наш калужский Бортников, казаками на улицах, где трудно было в такую жару найти достаточной силы тень, - был тоже хорош. Ну, и Туапсе... Мы добирались туда на электричке через горы. Где-то здесь жила моя подруга по переписке, которая всерьез утверждала, что она ведьма, но я побоялась ее искать. Да и не до того нам было: мы поселились в пансионате «Весна» и радовались жизни. Саша плескался в море, их папа отсыпался на пляже, мама перезнакомилась со всеми соседями, а Лида отчаянно кокетничала с двумя адыгами сразу...

Я смотрела на них, и у меня было такое ощущение, словно я всех их знаю всю жизнь. Включая адыгов. Уезжать никуда не хотелось...

²²⁷ пуговицы (укр.)

На пятый день мы поехали на экскурсию на скалу Киселева.

- Вы не узнаете, в каком фильме вы видели это место?- с годростью спросила экскурсовод. Мы не узнавали.

- В «Бриллиантовой руке», - подсказала она, - Когда покойный Папанов ловит рыбу с покойным Мироновым...

Мы переглянулись. Мы подумали, что мы ослышались. Папанов умер незадолго до нашего отъезда, но Миронов?... Ему было только 40 с хвостиком!

- С *покойным* Мироновым?? Когда же это он успел умереть?

- А вы, девочки, значит, еще ничего не знаете? Пару дней тому назад, - сочувственно сказала нам она.

Мы были глубоко потрясены. Мы еще не знали тогда, что таких смертей -безвременных, нелепых смертей талантливых людей – в нашей стране скоро будет все больше и больше, а на смену старым талантам совершенно перестанут приходить новые... Их места займут нули без палочек.

В последний раз я побывала на Украине осенью на четвертом курсе.

В один холодный октябрьский день Лида проснулась в плохом настроении. То есть, она чаще всего просыпалась не в очень хорошем: Лида была одной из тех, кто страдает беспричинной сварливостью по утрам, и с ней лучше просто не разговаривать часов до 11. Мне долго было трудно к этому привыкнуть: сама я хоть и «сова», а не «жаворонок», просыпаюсь если надо сразу, и на мое настроение это никак не влияет. И я долго была склонна думать по утрам, что Лида за что-то на меня обиделась, когда из нее, обычно такой разговорчивой, нельзя было вытянуть и слова.

Но в то утро настроение у нее было хуже обычного. Она, что называется, *рвала и метала*. Правда, молча - такое тоже бывает- , но по выражению ее лица видно было, что к ней сейчас лучше не

подходить. Часам к 11, когда она обычно окончательно просыпается, Лида вдруг неожиданно бросила мне:

- Поедешь со мной?

- Куда это ты собралась?

- Как куда? В Ворошиловград, *на родину героя...*

- Ой... а когда?

- Да хоть на этой неделе. У нас в среду только две пары. Сейчас поедем в кассу, купим билеты. Ну, поедешь?

- А ночевать где будем?

- А мы на вокзале....

И я согласилась. Когда я еще туда попаду? Путешествовать «дикарем» по Советскому Союзу было не всегда комфортно, но зато всегда безопасно и интересно.

Из-за того, каким было расписание поездов (а мы не хотели спать на вокзале больше одной ночи) мы выбрали довольно сложный путь, чтобы доехать до Ворошиловграда: с Курского вокзала на тбилисском поезде до на станции Красный Лиман в Донецкой области, откуда, если судить по карте, до Ворошиловграда было совсем близко – значит, должен быть какой-нибудь местный транспорт. Потом провести остаток дня в самом городе, переночевать там на вокзале и на следующий день вечерним поездом отправиться обратно в Москву.

Билеты мы смогли купить без труда - все-таки октябрь стоял на дворе, а не разгар лета. Проблемы начались уже в дороге: таких, как Лида вообще на пушечный выстрел нельзя подпускать к тбилисскому поезду. Конечно, не успели мы еще и до Тулы доехать, а она уже познакомилась с грузинским пассажиром...

...Почему-то если я и говорю в поезде с попутчиком- грузином, он не пытается меня потом увести с собой в Тбилиси, стянув ночью с верхней полки. Можно сказать, что у Лиды на эти вещи талант. Внизу

Советика Часть 1

под нами спала пожилая женщина. Она, видимо, так набегалась в Москве, что даже не слышала, как я посреди ночи отбивала Лиду у знойного генацвале. Он тянул ее за руку вниз, а я - с соседней с ней верхней полки - за другую руку обратно наверх. Победила дружба. Генацвале извинился, но сказал, что все равно обязательно увезет Лиду с собой. И что он о такой голубке всю жизнь мечтал.

-Ну вот, а ты еще все жалуешься, что старая, и что тебя замуж не зовут!- сказала я Лиде, которая все еще пыталась перевести дух после неожиданной вспышки кавказской страсти.

- Да уж нет, Калашникова, знаешь, у него такое имя...Мамука! Меня мать засмеет.

Мамука оказался человеком слова. Утром он проснулся в 6 часов и начал готовиться ко второй попытке. Поэтому когда за окном показался долгожданный Красный Лиман, я что есть мочи завопила:

- Лида, смотри! Вон наши, видишь? Встречают! И Вася пришел...

Мы галопом выскочили из поезда и направились к группе колхозников в дальнем конце перрона, про себя молясь, чтобы поезд поскорее тронулся, и чтобы Мамука не заметил, что «Васи» не обращают на нас никакого внимания. Такой отчаянный джигит не побоялся бы и от поезда отстать, если бы думал, что у него есть надежда!

Поезд тронулся, мы развернулись и направились к билетной кассе.

-Девушка, когда у вас ближайший до Ворошиловграда отходит? -спросила Лида.

- До Ворошиловграда? А от нас никаких поездов нет до Ворошиловграда.

- Как нет?

- А вот так - нет и не было.

- А что же нам делать - у нас уже обратные билеты на завтра до Москвы оттуда?

Кассирша оглядела нас как двух сумасшедших.

- Попробуйте автостанцию. Может, автобусы туда ходят.

На автостанции нас ждало новое разочарование - до Ворошиловграда прямых автобусов оттуда тоже не было. Нам объяснили, что можно доехать с пересадкой: сначала от Красного Лимана до Горловки, а в Горловке уже пересесть на автобус до самого Ворошиловграда. При слове «Горловка» лицо у Лиды вдруг стало мечтательным.

- Ой, как здорово! Девушка, а через Артемовск автобус до Горловки пойдет?

- Пойдет, конечно.

Оказалось, что в Артемовске семья Басиных когда-то тоже жила, и Лида даже пошла там в первый класс. С тех пор она не бывала в этих местах, и маршрут автобуса всколыхнул в ней море ностальгических воспоминаний. Лида показывала мне из окна автобуса свою школу, улицу, на которой они тогда жили – я еще в жизни не видела ее такой растроганной.

Внесение изменения в наши планы таким образом не очень нас расстроило. Главное, что мы будем-таки в Ворошиловграде до завтра! А билеты на автобус стоили такие копейки, что об этом не стоит даже и упоминать. Весь день мы провели в автобусах, пересекая половину Ворошиловградской и чуть не всю Донецкую области. Мы долго любовались просторной степью, аккуратными шахтерскими городками. Никогда мы не чувствовали себя такими вольными птицами, как в те дни!

Когда мы наконец добрались до Ворошиловграда, уже стемнело. Автостанция на ночь закрывалась, и мы решили пойти уже сразу устраиваться на ночлег на железнодорожный вокзал. В городе мы никого не знали, и карты у нас тоже не было. Народ объяснил нам, как пройти до вокзала, и мы пошли. По незнакомым широким улицам. Мимо нас пролетали освещенные изнутри троллейбусы, люди в которых ехали по домам. Когда оказываешься в совершенно чужом городе, сначала тебе всегда почему-то кажется, что здесь все не так, как дома, что здесь какая-то особенная жизнь, а на самом деле, конечно, жизнь здесь мало чем отличалась от нашей. Разве что тем, что октябрь здесь был намного теплее, чем в Москве. На деревьях даже еще была листва, хотя и желтая...

И все-таки было недостаточно тепло для того, чтобы хорошо спать на вокзальной скамейке. Мы взяли с собой по одеялу и спали, конечно, во всей одежде, но постоянно откуда-то под него поддувал ветерок, и от холода мы просыпались. На вокзале мы были не одни. Он был полон местными жителями, опоздавшими на последний дизель. Узнав, откуда мы, они удивлялись: «Надо же, из Москвы! И чего это вы тут забыли?» Когда Лида говорила им про *родину героя*, они автоматически думали, что это мы о Ворошилове, и понимающе кивали.

Какой уж тут сон! Когда всем хотелось поговорить. И больше всех-старик в казацкой фуражке с соседней лавочки. Он договорился до того, что даже не заметил, как в это время вокзальная кошка вытащила у него кусок колбасы из авоськи под лавочкой.... В Москве уже всюю хозяйничали *перестройщики*, на улицу с тех самых пор, как Михаил Сергеевич и его команда «просветили» нас, темных, что «эротика - это искусство», по ночам выходить стало страшно – а здесь по-прежнему жили нормальные, спокойные, советские люди... Не город, а прямо-таки именины сердца! Таким он и остался у меня в памяти. А сейчас... да разве сейчас где-то можно ночевать на вокзале безо всяких опасений? Вот вам, бабушка и Мишкин день...

Утром мы качались на ногах от усталости. Позавтракали в какой-то рабочей столовой, немножко проснулись и пошли гулять по городу. Лида нашла пединститут, в котором учился ее герой. Весь день мы провели, бродя по широким и светлым улицам и парку, а вечером

усталые, взобрались в наш московский поезд и заснули еще до того, как поезд тронулся - крепчайшим из снов...

Когда мы вернулись, оказалось, что меня искала мама. Она даже позвонила в общежитие, что бывало крайне редко.

- Милочка, где это вы пропадаете? Я тут уже третий день развлекаю твоего друга по переписке, а тебя в Москве нет!

- Какого друга?

- А Педро из Перу, который учится в Тбилиси. Он, видишь ли, возвращался из Швеции и решил по дороге в Тбилиси к нам заехать. Вчера мы ходили с ним на базар, и он учил меня там танцевать ламбаду.... А сегодня утром он с суровым видом спросил меня, что я думаю о политике Соединенных Штатов в Латинской Америке. *Того аляди, и уронишь честь мундира*²²⁸! И мне кажется, что уезжать он не собирается Приезжай немедленно!

Я схватилась за голову и помчалась домой. Благо что наступали выходные.

С Педро мы познакомились через третью страну – через ге-де-эровский журнал «Фюр Дих» (или «Нойес лебен», сейчас уже точно не помню), где были опубликованы адреса нас обоих: мы оба хотели переписываться с восточными немцами, а начали писать друг другу.... Педро Диас был интересной личностью, в чем моя мама успела на практике убедиться раньше меня. Он учился в Тбилиси на инженера и обладал пытливым умом и откровенным языком. Это был маленький ростом, но очень серьезный и даже суровый на вид *инка*. Когда они с мамой зашли на базар в моем родном городе, все азербайджанцы сразу же приняли его за своего и радостно к нему направились. Но тут Педро повернулся к ним своим гордым индейским профилем, и азербайджанцы затормозили на ходу, поняв, что здесь что-то не то...

²²⁸ цитата из фильма «Большая перемена»

Советика Часть 1

На весь рынок вопило радио, где передавали концерт «По вашим заявкам». И тут заиграли что-то латиноамериканское. У Педро засверкали глаза.

- Надя, я сейчас научу тебя танцевать наш замечательный латиноамериканский танец ламбада! - провозгласил он.

- А если меня кто с работы увидит? - запаниковала моя мама. Но Педро был неумолим.

- Вот увидишь, тебе понравится! Это не так сложно!

Мама зажмурилась, и они закружились в танце, сопровождаемые восторженными взглядами азербайджанцев. Мама была на голову выше его.

-Так... так.. неплохо, - приговаривал Педро, кружа ее во все стороны, - Бедрами надо двигать, Надежда, бедрами, а не коленями.. Вот, вот... Молодец!

А потом они пили чай с тортом у нас дома, и Педро расспрашивал ее:

- А какого мнения ты о положении женщины при социализме, Надежда?

- Хорошего,- сказала мама. – Конечно, оно не идеально, но несравнимо лучше, чем положение женщин в других странах. Ты-то сам, Педро, как думаешь? Вот у вас в Перу много женщин-инженеров, как я?

- Я с тобой согласен, - важно кивнул Педро, - Если мы пристально посмотрим на латиноамериканский континент сегодня, то очевидно, что, за исключением Кубы, ни в одной из наших стран женщины не занимают массово таких видных позиций в социально-экономической

жизни страны. Но не трудно ли это им комбинировать с ведением хозяйства? Ты как думаешь?

И они продолжали свою дискуссию далеко за полночь....

Педро пробыл у нас почти неделю.

- Хорошо у вас, девчонки! Я к вам еще приеду! – сказал он нам с мамой на прощание. И приехал. Да не один, а с грузинской молодой женой...

Любимой фразой Педро была «*мы, латиноамериканцы...*». Он очень гордился своим континентом, и у него было сильно развито чувство латиноамериканского единства. Вопросы, которые он задавал, были способны сбить с панталыку среднестатистического преподавателя марксизма-ленинизма, но они вовсе не были каверзными из-за какого-либо антисоветизма, напротив. Педро эти вопросы искренне интересовали и волновали. Для многих наших студентов они звучали искусственно - но это потому, что сами эти студенты такие слова произносили только на собраниях. А многих преподавателей они даже рассердили бы - но это потому, что они не знали, что ответить, так как сами никогда над этим не задумывались... Нелегко, должно быть, жилось нашему латиноамериканскому товарищу. Но он не унывал – и продолжал задавать свои вопросы.

В том-то и вся трагедия, что для моего поколения марксизм был чем-то из скучной книжки. А для Педро - не был, потому что он знал капитализм не по извращенным буйным фантазиям перестройщиков. Его сама жизнь научила тому, что такое «*рыночная экономика*»... А не знающие настоящих жизненных испытаний и любящие подурачиться акселераты, которым не хватало только птичьего молока, легко и бездумно потянулись за звуками дудочки нашего *гамельнского крысолова из казачков*. Так произошел разрыв поколений.

На рубеже 80х -90х годов в нашем народе произошла мутация. Переход количественных изменений в качественные (как именно это произошло - отдельная тема для серьезного научного исследования). Вылупились на свет черепашки-ниндзя, которые свято верят, что мы все должны жить по законам их с крысами родной канализации.

Почитайте, что эти мутанты пишут о жизни при социализме, посмотрите, какие фильмы они о нем снимают. Что ни название, то самоописательный эпитет: «Сволочи», «Бандитский Петербург»... Читаешь/ смотришь и думаешь: «Господи, а где же я-то в это время жила?»

Современные мутанты не понимают, органически не способны понять, чем жили люди эпохи Брежнева - даже если они сами тогда жили, но потом мутировали. Кажется, ну, как может человек вот так просто взять и забыть, какой на самом деле - со всеми ее плюсами и минусами - была жизнь? Ан нет, плюсы он в памяти блокирует намертво и в ответ на все аргументы - о бесплатном образовании и медицине, о доступном отдыхе, об уверенности в завтрашнем дне, о низкой преступности, о льготах для матерей и детей - вопит как скипидаром ошпаренный: «Не было красной икры!», «Не было многопартийной системы!», «Совки несчастные!»

Мутация прервала преемственность поколений в России. Я это почувствовала, когда впервые столкнулась с постсоветскими людьми и поняла, что они по-русски говорят как чужие. Дело не только в лексиконе. У них другой темп течи; другая интонация, пустое выражение лица - иногда такое чувство, что они даже сами не понимают, что они несут. И дело не в том, что я - «совок», а они «освобожденные от диктатуры пролетариата». Мой дедушка - того же поколения, что Брежнев. Родился до революции, царя Николая застал в достаточно уже сознательном возрасте. Вырос таким, каким его воспитали досоветские родители, а не только и не столько советская школа (он еще в гимназию ходил). В нем органично жило прошлое, в течение всей его жизни, - и оно передалось от него его детям, а потом и мне. И поэтому я *знала*, каким оно было. *Ощущала* его. Когда я вижу семейные российские фото начала XX века, они не кажутся мне чем-то экзотическим. Я *помню* этих людей, помню эти стулья, эти стаканы и чайники. Когда я впервые увидела по ТВ старую хронику 20-х годов, она тоже не показалась мне далеким и чужим временем. У моего дедушки были те же жесты, та же прическа, та же одежда, тот же взгляд. Ну, а война - это было совсем недавно. Когда я пошла в школу, прошло только 30 лет с ее окончания. Мои родители - поколение Шурика и Нины из «Кавказской пленницы».

Для меня наше прошлое - это *часть меня*. Во многих современных россиянах же произошел полный разрыв с нашими корнями. Вспомните еще раз, какие фильмы о прошлом они снимают, какие книги пишут о нем. Это взгляд чужого, равнодушного человека, который не только ничего не понимает в том времени, а и не стремится разобраться. Посмотрите на небрежность - не только к деталям интерьера, а и к характерам людей из нашего прошлого которых они изображают. Они *подделывают эти характеры под самих себя*, как если бы из трагедии Анны Карениной сделали «мыльную оперу» о Наташе Королевой, решившей поразвлечься от семейных неурядиц со стриптизером. Многие прекрасные режиссеры советского времени успешно доказали своими новыми фильмами, что они не способен создать ни одной мало-мальски приличной картины без советской «цензуры». Потому что внутренней культуры нет у человека, один такой все советские годы, видимо, тайно мечтал показать публике свою жирную голую задницу. Мечта сбылась, а фильмов хороших не стало. Кто сказал, что смотреть невозможно только новую версию «Тихого Дона», потому что нерусские актеры не смогли вжиться в казацкую душу? Их все невозможно смотреть - ни новую «Капитанскую дочку», где Маша Миронова соблазняет Гринева на сеновале, ни «А зори здесь тихие...», где небритый Васков в одном исподнем выходит ночью из дома проводить зенитчиков на передовую.... Любовь Орлова - совершенно другое поколение, чем я. А она настолько ближе мне, роднее - *и интереснее!*- чем «менты» из «бандитского Петербурга»...

«Тем, кто за нас в ответе, давно пора понять:

Мы маленькие дети, нам хочется гулять!» –пел дурашливый герой фильма «Приключения Электроника». Это был один из самых любимых наших фильмов, когда мы достигли «подростково-хулиганского возраста». И эти строчки из прозвучавшей в нем песни, увы, отражают общее отношение к жизни моего поколения - даже тогда, когда мы уже стали взрослыми.

Мы привыкли к тому, чтобы быть «пупом земли». К многочисленным мороженым, каруселям и конфетам. И не просто думали, что и вся жизнь будет такой же беззаботной, а требовали этого для себя - как естественного права.

Мы были первым поколением в многострадальной истории нашей страны, у которого в младенчестве буквально «щеки со спины было видно» : такими сильными, бело-розовыми крепышами мы росли, на радость нашим родителям, людям первого послевоенного поколения, ещё помнящим, что такое голод. Да, нас было не сравнить с нынешними детишками - худенькими, бледными и питающимися «чем бог послал». Выросшие не только без особых забот, но и бывшие первым поколением в истории нашей страны, которому ни в чем. не было недостатка материально, мы совершенно не ценили то, чем пожертвовали ради нашего счастливого детства наши бабушки с дедушками. Мы с пеленок привыкли считать все это само собой нам причитающимся. Привыкли считать себя исключительными, даже если мы сами и не осознавали этого. « Дима, встань, уступи место бабушке.» «Я не Дима, а Димочка!» - обиженно выговаривал крепкий бутуз лет семи в трамвае. Некоторые из нас даже всерьез удивлялись тому, что на свете были и все продолжали появляться новые и новые дети: как кто-то может быть младше меня? Зачем людям нужны ещё дети, *ведь я же уже родился?*

Впрочем, как и могло быть иначе? Настрадавшиеся в своей собственной жизни, прошедшие войны, блокаду, голодовки и прочие трудности построения совершенно нового в истории человечества общества, да ещё в крайне враждебном окружении нашей страны со всех сторон, привыкшие всю свою жизнь затягивать пояса, но никогда даже не задававшиеся вопросом: «За что все это выпало на мою долю?», « почему я?», а просто принимавшие на свои плечи все, что посылала их нелегкая, но героическая судьба, наши бабушки и дедушки, а в меньшей мере – и наши родители хотели избавить нас от всех невзгод, которые им самим довелось пережить. Они думали, что этим делают нас счастливыми. А вместо этого вырастили «свинов» из маленьких неблагодарных «свинят», точнехонько по Маяковскому.

Да, мы были счастливы, но не ценили это. Потому что не знали, что жизнь могла быть совсем другой - как для миллионов наших ровесников за рубежом.

- Когда мне чего-то не разрешали родители, я с этим смирялась. Когда они не разрешали чего-то моему младшему брату, он просил:

«Мамочка, а может, все-таки можно?» Когда тебе чего-то не разрешали, ты говорила: «А мне НАДО!», - рассказывает мне моя собственная мама.

Мы были поколением, росшим со словами:» А мне надо!» на языке. И нас никто за это даже не оговаривал. На нас умилялись. Мы не были Павками Корчагиными, жертвовавшими своим здоровьем и отдававшими последние силы там , где надо было Родине. Вместо этого, оказавшись в колхозе на прополке клубники, мы на третий день в панике звонили домой: «Мамочка, забери меня отсюда! Здесь нет горячей воды и грязь по колено! И у меня руки и ноги болят...» - и мамочки забирали нас по домам. А потом из нас выросли изнеженные комсомольчики, прокрутившие и пустившие на собственный прожор все, созданное нашими родителями и их родителями: ведь мы так безапелляционно привыкли считать все это нашим, хотя пальцем о палец не ударили для того, чтобы что-то построить самим.

Конечно, не все из нас стали Абрамовичами и Ходорковскими. Только небольшое меньшинство. Но это не потому, что стать такими, как они, не хотела, к сожалению, значительная часть нашего поколения . Просто большинство «маленьких, хотящих гулять « великовозрастных детей так и не поняло, что как раз в этом и заключается капитализм: «одному- бублик, другому- дырка от бублика...» Это сердца нашего поколения «требовали перемен²²⁹» и смеялись над Ниной Андреевой. Это мы, мальчики Банананы²³⁰, тратили свои пустые жизни на бросание вызов окружающим - тем, кто работал и занимался настоящим делом. Это мы, поколение Сереж Сыроежкиных²³¹, выросли в инфантильных лентяев, внутреннему миру которых так приятна была сказка о «работающих на тебя твоих деньгах» - так, чтобы тебе самому можно было не работать, как полагали миллионы вкладчиков всяческих АО »МММ«.

Большинство из нас, даже не просто, а подавляющее большинство не поняло, что мы в своем беззаботном избалованном бунтарстве натворили даже когда впервые было объявлено о том, что наша страна

²²⁹ слова из песни Виктора Цоя

²³⁰ герой фильма «Асса»

²³¹ герой фильма «Приключения Электроника»

перестанет существовать с 1 января наступающего года. В воздухе витало только чувство веселого любопытства - а что же дальше? И самых радужных ожиданий... Как будто бы не учили нас тому, что такое **буржуазная** демократия. Как будто бы тем, кто по-настоящему знаком с основами марксизма, надо было ещё излагать, что представляет из себя на практике «рыночная экономика». Но мы слишком привыкли ни в чем не верить на слово наскучившим нам «занудливым старперам», над которыми мы так цинично насмехались. Большинство нас всерьез верило, что с провалом переворота ГКЧК и триумфом Ельцина, с отставкой Горбачева и уничтожением «авторитарного строя» в Восточной Европе мы не просто «перестанем кормить чужие рты», а и дальше все пойдет, как в сказке: и станут они «жить-поживать и добра наживать».

Как же можно при всей своей прекрасной, бесплатно полученной образованности быть такими до отвращения наивными! Неужели мы были такими только потому, что нам никогда по-настоящему никто не врезал как следует по затылку - то есть, никто до Горбачева с Ельциным? Если бы нам кто-то рассказал тогда о том, какой станет наша страна через пару лет, мы бы заплевали его как лжеца: «Нет, этого не может быть! *Академик Сахаров не допустит!*». Как заплевала мою маму в автобусе в 1986 ещё году одна молодая москвичка, когда речь зашла о Горбачеве. «Душить его надо, вздергивать, пока не поздно,»- сказала мама. «Женщина, что Вы такое говорите! Как Вам не стыдно!» - возмутилась москвичка, которую мама вспоминает и по сей день. « Вы ещё вспомните эти мои слова лет через десять», - сказала она ей тогда...

Глупо было бы винить в сегодняшнем своем положении избаловавшие нас поколения наших «предков». Они делали это с добрыми намерениями. Они делали это потому, что знали цену жизни. Они ошибались - и сегодня платят дорогой ценой за то, что вырастили нас, «демократических» лоботрясов и дармоедов от перестройки. «Не создавать, разрушать мастера...» - это о нас писал Некрасов. «Иди, бабка, отсюда!» - грубо бросают дамочки моего поколения из-за прилавка годящейся им в прабабушки маленькой сгорбленной старушке с медалями ветерана труда на облезлом пальто, пристыженно побирающейся у входа в их самозванный «супермаркет».

Не понимая, что сами окажутся такими же «бабками»- и гораздо скорее, чем они думают. И что тогда их собственные дети и внуки будут обращаться с ними по их же примеру - так, как наблюдавший за обращением своих родителей с дедушкой герой Льва Толстого, маленький мальчик, делавший деревянную мисочку, чтобы кормить из нее за печкой своих родителей, когда они состарятся...

Поколение Онегина и Печорина было в царской России «лишними людьми». Интересно, как назовут мое поколение, чьи самые лучшие, самые продуктивные годы выпали на время, которое напоминает слова Александра Блока - «мы – дети страшных лет России»? В нынешней России колониально-капиталистической практически все мы-«лишние люди». Кроме тех, кто помогает Западу её грабить, не забывая при этом и самих себя, с детства любимых. Они считают себя «героями нашего времени». Какой же жалкий это будет роман! Какие мелкие чувства, какое полное отсутствие мыслей! Тут нужен не Пушкин и не Лермонтов, а Гоголь или, ещё лучше, Салтыков-Щедрин.

Что остается нам всем - тем, кто не просто не смог, а и никогда не хотел и не захочет рваться в ряды Абрамовичей-Ходорковских? Кто имел другие цели в своей жизни? Кто и по сей день живет другими идеалами?

Только одно - вырастить новое поколение, своих детей и своих внуков - не такими, какими выросли мы сами. Посвятить этому поколению не просто свои материальные средства, а всю свою душу, всю свою энергию, ибо они - единственная наша надежда. Рассказывайте им побольше о том, какими героями были их прадедушки и прабабушки. Не стесняйтесь говорить им о том, что другая жизнь возможна. Что их школьные учебники истории, написанные на деньги Сороса, бесстыдно лгут. Показывайте детям и внукам фильмы о бесстрашном Камо, о неуловимых мстителях и о пятерых девушках-зенитчицах, погибших в 1942 году при защите Родины. Читайте им стихи Сергея Михалкова- «Мой друг, послушай мой рассказ о нашей Родине, о нас... И были не у всех детей тетрадки и букварь...». Впрочем, в отличие от вас в детстве, это они и сами теперь знают, не по поэмам...

...Перестройку мы заметили не сразу. Первые несколько лет народ просто как от осенних мух отмахивался от назойливых кампаний не в меру ретивого нового генсека, получившего кличку «минеральный

секретарь». Кто кроме узкого круга историков еще помнит сейчас, что до перестройки было *ускорение* и вырубка виноградников по всей стране? «Новая метла чисто метет!»- махали рукой в народе. Побесится и перестанет. Люди не знали еще, что в данном случае речь шла скорее о поганом помеле...

То начиналась кампания борьбы за трезвость. То - борьбы с бюрократией, с обещаниями резко сократить число бюрократов (ха!). То - мода на 20е годы («возвращение к ленинским истокам», все эти конъюнктурные пьески Шатрова «Дальше! Дальше! Дальше!», с которыми интеллигенция носилась как с писаной торбой), выражающаяся в публикациях книг Троцкого и Бухарина, которые и раньше можно было прочесть в Ленинке, если уж так было невтерпеж, и которые народ хватал с прилавков не глядя (а часто и не читая - мода ведь!) и в манекенщицах от Славы Зайцева, одетых в шинели с буденновками...

Единственная пророческая фраза в «Дальше! Дальше! Дальше!»- это «Почему я не умер маленьким?» Сейчас она частенько приходит мне на ум.... Хотя пусть бы уж лучше умерли маленькими виновники страданий миллионов людей на всех континентах. Те, кто развязал руки вору и «цивилизованным» бандитам от транснациональных корпораций.

Народ сначала заинтересовался новым генсеком, потому что после стольких лет однообразной жизни началось какое-то движение, но вскоре потерял к нему интерес, раскусив *балаболку*. Не раскусила и продолжала носить его на руках только восторженная как новорожденный теленок интеллигенция.

Когда впервые прозвучало слово «перестройка», народ издевался:

- Так сначала *ускоряться* будем, а потом *перестроимся* или наоборот?

Собственно *перестройка* началась с платных туалетов и конкурсов красоты. Что вполне логично, если задуматься: ведь отныне все, от человеческой красоты и до человеческих фекалий, превращалось в товар...

И с ошибок в энциклопедиях, которые, к моему ужасу, больше никто не исправлял...

В Советском Союзе, где была армия корректоров, и ни одна книга не выпускалась без тщательной проверки достоверности фактов и наличия опечаток (после чего в книгу вкладывался или клеивался специальный листочек с поправками опечаток), во второй половине 80-х вдруг вышел энциклопедический словарь об Африке, в котором даже такой начинающая африканистка-любитель, как я, нашла не меньше десятка ошибок. Признаюсь, я была в шоке. Ведь это даже не просто книга, а почти энциклопедия! Люди будут на нее ссылаться. Энциклопедия должна быть точной, как в аптеке! С самыми хорошими намерениями составила я список замеченных мною ляпов и послала их в издательство.

Тогда, в советское еще время, был закон о работе с письмами граждан, согласно которому на любое полученное от граждан письмо любая инстанция, включая редакции и издательства, была обязана ответить в течение определенного времени (кажется, месяца). И попробовали бы только не ответить! Ответ мне пришел по времени как полагается. Но что это был за ответ! Это было нахальное письмо, в котором меня даже не поблагодарили за помощь. Его тон сводился к «да, ошибки есть, ну и что?» Никто даже и не собирался их исправлять. Подумаешь, под картиной Афеворка Текле «Красавица» написано, что это «Воин»!

Это было предвестником того, что скоро вся страна окажется оккупированной людьми, занимающимися *не своим делом*. *Пирожниками, тачающими сапоги*. Драматическими актерами, катающимися на коньках, телеведущими, торгующими ткемалевым соусом, дочками губернаторов, ведущими телепередачи и сынками секретарей парткома вузов, заделавшимися романистами в перерывах между ведением бизнеса. (это еще самые безобидные примеры!). Дилетантами, чей лозунг по жизни – *«от поганого не треснешь, а от чистого не воскреснешь»!*

Что касается туалетов, то я была возмущена до глубины души - и не потому, что жалко было денег (хотя одно посещение данного заведения стало сразу стоить столько, сколько целая буханка хлеба! Зашел 5 раз в туалет – выложи рубль....). Что же, если у человека,

например, нет денег под рукой, ему придется писать в подворотне? И вообще, почему надо платить за отправление естественных потребностей? Может быть, еще введем плату за то, что мы дышим воздухом? Что же касается поддержания чистоты, во-первых, мы платим для этого налоги. Во-вторых, а кто сказал, что платный туалет будет чистым? И я оказалась права: чистыми они пробыли недолго... Вскоре эти туалеты по виду уже ничем не отличались от старых бесплатных, но деньги за вход продолжали драть все равно. Я объявила платным туалетам решительный бойкот и принципиально их избегала (благо я знала, где в Москве бесплатные, а в наш вуз тогда можно было зайти за этим свободно: ведь при «коммунистической диктатуре» не было нужды в вооруженных охранниках в каждом здании и террористов с бомбами, шастающих по городу...)

Что же касается красоты, то в одночасье героями нашего времени были объявлены Маши Калинины²³² и «интердевочки», продающие себя иностранцам за пару колготок, которых нам предлагалось понять и пожалеть: ведь это же «нехорошие коммунисты», вроде Сталина, Егора Кузьмича Лигачева и Нины Андреевой не обеспечили их достаточным количеством колготок! Так комсомольские мальчики проводили *артиллерийскую подготовку* к психической атаке на подрастающее поколение советских девочек, которых они уже тогда намеревались поставлять в бордели Европы (и предстоящие отечественные)... Никто уже не вспоминал, что во время войны были случаи, когда наши женщины, переспав с фашистами не за колготки - чтобы накормить голодных детей! - потом кончали жизнь самоубийством, не в силах совладать с угрызениями совести. А нас призывают жалеть этих современных *** с их нехваткой импортных колготок?? О том, что стриптиз был объявлен «неотъемлемой частью мировой культуры» и о том, как нам начали компостировать мозги, что тот, кто не испытал в постели оргазма, зря прожил жизнь, надо напоминать?...

²³² первая в СССР «мисс» - победительница конкурса «Московская красавица»

...В начале 70-х, когда моя мама как-то была в Москве в командировке, к ней на улице подошла женщина и предложила ей работу в качестве манекенщицы в Московском Доме Моделей.

- Да вы что, товарищи? - возмутилась мама, - У меня профессия есть, а вы предлагаете мне *вешалкой* стать!

И отказалась. Причем и по сей день ни разу об этом не пожалела. Другое дело- сыграть на общественных началах в рекламном ролике заводской продукции! Ведь это имело непосредственное отношение к предмету ее профессиональной гордости. У нас дома и по сей день лежат ее фотографии, на которых она, как заправская актриса, изображает вместе с коллегой из конструкторского отдела влюбленную парочку, собирающую в осеннем лесу кленовые листья на фоне выпускаемого их заводом мопеда...

В советское время была прекрасная телепередача «А ну-ка, девушки!», в которой симпатичные советские девушки соревновались в профессиональном мастерстве, а также в кулинарии, рукоделии и обязательно - в бальных танцах. Помню лица этих девушек, светившиеся умом, чувством достоинства и внутренней красотой - приятно было на них поглядеть. Теперь же девочкам-подросткам внушали, что для того, чтобы быть красавицей, не нужно ничего, кроме полувываливающегося из лифчика бюста, повиливания бедрами, словно кобылица в поле и в качестве бонуса - детского лепета на тему «общечеловеческих ценностей». Я не феминистка, но конкурс красоты похож на невольничий рынок. Так и ждешь, когда члены жюри полезут конкурсанткам в рот - смотреть зубы...

Да что конкурсы красоты... Люди на Западе – даже те, кто считает себя левым, - в подавляющем большинстве случаев не понимают, почему большинство нашего народа не любило *умную и такую модную* Раису Максимовну, объясняя это нашей врожденной дикостью. И им невозможно объяснить, что в нашей культуре мы привыкли ценить людей **по их собственным заслугам перед обществом**, а не из-за того, с кем они делят ложе и чью фамилию они носят, и что сама западная концепция Первой Леди – женщины, которая считается выдающейся только из-за того, чьей супругой она является – глубоко оскорбительна для советской современной, образованной,

независимой, умной женщины, которой в жизни были открыты все пути. Не менее оскорбительна, чем для западной публики – паранджи афганок и головные платки турчанок, потому что Первая Леди символизирует то же, что эти головные уборы символизируют для западных европейцев: зависимость женщины от мужчины и её невозможность выразить себя в обществе иным путем, кроме как будучи приложением к другому человеку.

...Сейчас, с высоты прожитого, когда глядишь на то время, оно больше всего напоминает массовое сумасшествие. Когда вспоминаешь, как писатель Юлиан Семенов (это тот самый, который еще в начале 80-х был уверен, что «МакДональдс» - это фешенебельный ресторан, где подают настоящий кофе!) всерьез уверял, что стоит только начать платить за лечение нашим медикам, как они тут же, словно по мановению волшебной палочки, станут лучше лечить больных и ухаживать за ними... Как люди стояли в ночь (!) в очереди, чтобы попасть на выставку Ильи Глазунова, чтобы увидеть одну-единственную его «неслыханно смелую» (ага, после того, как вышла разрядка свыше!) «Вечную Россию»... Как бросали работу и целыми коллективами днями сидели у телевизора, словно бандерлоги перед удавом Каа, слушая депутатов, упражнявшихся в красноречии... Как готовы были умереть за свежий номер коротичского «Огонька» (где он ныне, тот Коротич?...)

Стыдно. Ведь все мы были уже взрослые люди! А психология - как у Василия Алибабаевича: «Все побежали, и я побежал!»... Когда у нас в институте «впервые на арене» читалась лекция о «сталинских репрессиях» (сейчас я даже уже не помню, кем!), мы с Лидой тоже рванули на нее: ведь все говорили, что это будет нечто сногшибательное. На лекцию мы, правда, не попали: в аудиторию набилось только народу, что мы даже в дверь войти не смогли. Люди свисали с лестниц, чуть ли не с потолка...Ну точно как бандерлоги! А кто сейчас помнит, как мы читали в перестроечной прессе, что «Черное море вот-вот взорвется из-за наличия в нём сероводорода» и всерьез опасались этого, или какая истерия, какой психоз творилась вокруг фильма Абуладзе «Покаяние»? Когда какая-то итальянская газета написала, что Ельцин алкоголик, все дружно возмущались такой

наглой лжи. Ведь он лично пару раз доехал до работы на троллейбусе (или на метро) и даже сам зашел в 2 или в 3 магазина!...

...»Индивидуальной трудовой деятельностью» у нас в стране на моей памяти занимались всегда. Помню еще в своем детстве предшественников современных бизнесменов - алкашей, торговавших самодельными леденцами в электричках. Они обычно накидывали на себя в тамбуре не первой свежести белый халат, чтобы вызвать доверие к своей продукции - приготовленной неизвестно где, неизвестно кем и неизвестно из чего. И разносили «петушки на палочках» потом по вагонам, пропитым голосом нахваливая свой товар. Правда, ни разу не видела, чтобы его кто-то покупал. Государство и все государственное пользовалось в народе тогда таким доверием, что если был выбор между государством и частником, большинство людей предпочли бы первое. А уж в чем-в чем, а в леденцах выбор был.

Когда расплодившиеся как грибы кооперативы перестали быть дополнительной работой для многих, как предполагалось законом о кооперативах, а стали основной; когда они скупали на корню по дешевой государственной цене сырье для своей продукции, которую предлагали потом втридорога, и в магазинах из-за этого начались хронические приступы дефицита, невиданные ни при Брежнев, ни при Андропове, ни даже при Черненко; когда в великий и могучий русский язык вошло новое красивое слово – *рэкетер*, когда спортсмены-борцы все чаще и чаще становились бандитами; когда в стране ввели карточки - сначала на мыло, а потом на водку, даже слепому уже должно было стать ясно, что новоявленный *Сусанин* ведет нас куда-то не туда. Но интеллигенция вместо этого по-прежнему обвиняла во всем *Сталина и Лигачева*. А мы по-прежнему радовались жизни, танцевали на улицах на нововведенных праздниках, вроде Дня Города, пожирая непрожаренные кооперативные шашлыки, от которых запросто можно было подхватить сальмонеллез, да пели песенки Вити Цоя про алюминиевые огурцы... Что от нас и требовалось.

Перестройка в *отдельном взятом вузе* началась с назначения нового ректора- вальяжного седеющего красавца в импортном плаще. В стенах института он появлялся редко, и каждое такое появление было настолько событием, что сбегалась студентки - на него полюбоваться.

- Он так похож на молодого Рейгана!- вздыхала, еще не зная о его политических пристрастиях, Лида.

Старый ректор действительно был уже очень пожилым. По слухам, он дружил с Громыко. После «ветра перемен» я видела его в институте только один раз. Никто с ним не здоровался, все разбегались от него как от прокаженного - хотя его просто отправили на пенсию по возрасту, а не за какие-то проступки. Когда я сказала пожилому человеку: «Здравствуйте!» и открыла перед ним дверь, он чуть не прослезился. Мне было его очень жалко.

Первые несколько месяцев с назначения «молодого Рейгана» прошли тихо. Видимо, он советовался с предшественниками современных пиарщиков, как можно поднять себе популярность среди студентов – резко, «дешево и сердито». В свете того, что мы теперь знаем о тех временах и о том, на что способны те люди, не удивлюсь, если события, произошедшие накануне Нового года, были запланированной провокацией.

Первые два курса, как я уже говорила, часть из нас прожила в Сокольниках, а часть - в чужом общежитии на Речном Вокзале. Когда мы перешли на третий курс, наш вуз больше не стал снимать там этаж - заканчивалось строительство нашего собственного общежития, и не было смысла делать это только на несколько месяцев. Нас всех переселили в Сокольники, где я оказалась в другой комнате, не с Лидой и Любой, а «у 15 сестер»: так неофициально именовалась мое новое место обитания. Сестер, конечно, было не 15 - такого ни одна комната не выдержала бы!-, а только 6. Из Узбекистана, Казахстана, Литвы, Украины, России и Армении... Мне повезло: девочки это были спокойные, нормального поведения, да к тому же уже давно друг друга знающие. Ко мне они отнеслись хорошо. В комнате была свой, давно устоявшийся порядок. Она аккуратно была поделена на уголки – с помощью шкафов. Никто никому не мешал заниматься, никто не дебоширил по ночам. Единственный шум, доносившийся до нас по вечерам из коридора, исходил от группы наших чеченских студентов, которые всей этой группой человек в 10 бродили по этажу, шумно

переговариваясь. К ним не относились как-то по-другому, чем ко всем остальным студентам, но они сами держались немного особняком.

Все это даже придавало общежитию определенный колорит. Во всяком случае, потерпеть несколько месяцев очереди к плите на кухне вполне было можно. Никто толком не знал, когда будет готово новое общежитие, но естественно, что все этого момента очень ждали.

Мы с тоской вспоминали свои спокойные жилые блоки на Речном, забыв даже о тараканах в туалете и о постоянно выворачиваемых кем-то там лампочках: у нас выработалась своя технология *выживания среди них*: дверь в темной ванной надо было открывать резко, рывком и ждать, пока тараканы не попадают с потолка, а уже только потом ею пользоваться. В том, что в общежитии завелись тараканы, опять-таки были виноваты не нехорошие коммунисты, а мы сами - не поддерживали на должном уровне чистоту, забивали мусоропроводы... «Нехорошие коммунисты» как раз периодически проводили для нас бесплатную дезинфекцию, дезинсекцию и дератизацию. Спросите, например, у жителей квартир на шикарной французской Ривьере, сколько с них дерет за такие вещи управляющая зданием корпорация...

...Ах, как было весело, когда влюбленная Лида вылила на Наримана целое ведро воды с 7 этажа.... Когда мы сидели на батарее у лифта, покрыв на старый русский манер платочки и распевая народные песни! Какое самодельное подсолнечное масло – аромат на весь коридор! – привозила из дому наша запорожская соседка по блоку! Как мы ходили с Верочкой из Усть-Каменогорска на австралийский балет, с москвичкой Аней Бобровой - в театр оперетты, а с Женей из Ялты - на концерты Тото Кутуньо... Как сами заливали перед общежитием каток зимой и катались там на коньках. И как не хотелось прощаться с местом, с которым было связано все это... Но у нас не было выбора.

Зато в новом общежитии, как нам говорили, мы будем жить по трое и даже по двое в комнате. Мы даже ездили посмотреть на строящееся здание летом, и веселые строители радостно пустили нас внутрь – посмотреть на наше будущее жилье. Мы заходили внутрь по доскам – ступеней у входа еще не было. Новое общежитие оказалось разбитым на 2-комнатные квартиры - большая комната рассчитана на 3 человек, маленькая – на 2, плюс отдельные ванная и туалет. Дворец!

...Скандал разразился, когда накануне новогодних праздников мы неожиданно для себя услышали по радио, что мы, оказывается, уже

получили новогодний подарок в виде новоселья! Мы даже, оказывается, уже переселились! Было от чего вспылить.

Осталось неизвестным, кто пустил эту информацию, как она попала на радио. И кто стоял за студенческим бунтом, который разразился тем же вечером в стенах нашей старой общаги в Сокольниках. Но стихийным он явно не был: слишком уж сильно пахивало незнакомыми нам еще тогда будущими «разноцветными революциями». Странно еще, что телевизионщики не прибыли!

Но я хорошо помню, кто громче всех кричал. Может быть, стоит расспросить их поподробнее о технологии организации подобных акций?

Кто-то позвонил членам парткома, профкома и так далее, они тут же сломя голову примчались к нам - успокаивать страсти. Но народ разбушевался, что твой Фантомас. Масла в огонь подлил наш не очень тактичный декан со своим классическим «а вот когда я служил в армии, то условия у нас...». Его слова потонули в негодующем хоре голосов.

-Мы же не в армии!

- Долой!

- Даешь новую общагу!

И вот тут на первый план вышел он, наш писанный красавец-Рейган уральского производства. Для полноты имиджа рыцаря, спасающего бедных студентов ему не хватало только горячего боевого коня. Его заменял персональный автомобиль у подъезда.

За пять минут успокоил он нас всех, клятвенно заявив, положив руку на сердце, что это безобразие, что он сам лично берет это дело под контроль, что обязательно во всем разберется, что мы переедем в самое ближайшее время, и что виновные понесут наказание.

Вот для чего и была в конечном итоге затеяна эта трагикомедия: чтобы избавиться от неудобных и заменить их «своими людьми». Ну, и попутно поднять свою популярность. Происходило это примерно одновременно с легендарными поездками Ельцина на общественном транспорте и его проверками магазинов. Времена были бурные: мы, студенты, (как и большинство населения страны), словно

проснувшиеся от спячки, не успев разобраться, что к чему, верили новоявленным «перестройщикам» на слово, переживали, когда Ельцина сняли с работы, и он угодил в больницу – безоговорочно веря всем слухам и сплетням. А на нас просто внаглую ставили психологические опыты по манипуляции сознания. И, увы, «раз говорят, значит, это правда» и уже упоминаемое мною «все побежали, и я побежал» срабатывали безотказно...

...Наш декан был снят на следующий же день, хотя он лично не имел никакого отношения к радио-утке. И на стройке тоже ведь не он работал! А новоявленного героя студенты готовы были носить на руках. На него взирали с восхищением, на него возлагали самые невероятные надежды (вроде отмены гос. экзамена по иностранному языку!), его имя переходило из уст в уста... Мы стали задирать нос своим вузом перед другими. Наша скромная будущая профессия вдруг стала невероятно модной. Если раньше, когда наши студенты готовились к очередной демонстрации на Красной площади, Лида заливала перемежающим наши ряды товарищам в аккуратных с иголки костюмах, что аббревиатура нашего вуза означает «институт атомных исследований», то теперь никому ничего не надо было объяснять - наш вуз знали все...

С самонадеянностью молодого поколения мы думали, что знаем ответы на все вопросы. Это тогда с плохого качества перезаписанных до дыр магнитофонных кассет зазвучало:

*«Я забыла все, чему нас учили столько лет,
Неужели я сама не найду на все ответ?»*

И, конечно же, бессмертное цоевское:

«Перемен требуют наши сердца...»

Как мы хотим жить, мы не знали - на то у нас был Явлинский с его «500 днями» и «Манифесты перестройки». Знали только как не хотим.

Вот на какой волне стал заведующим кафедрой мой будущий дипломный руководитель, на некоторое время ставший правой рукой «Рейгана». Михаил Евсеевич был представителем экзотической малой горной народности - невысокого роста, с черной бородой, похожий внешне на равнина. У него были умные черные глаза и резкая манера разговора. Студентам он не давал спуску. Когда на одном из первых

Совьетика Часть 1

занятий он в связи с чем-то упомянул о Солженицыне (тогда это было еще в новинку!), назвав его по имени-отчеству, наш боевой калужский казак Бортников не удержался:

- Исаевич, значит?

Михаил Евсеевич строго посмотрел на него в упор:

- Да, Исаевич. А что Вы этим хотите сказать?...

И бравый Бортников смешался и *завял на корню*:

- Я? Нет, да я ничего...

Если бы это был не семинар, а хоккейный матч, его бы, ей-богу, засвистали.

У Михаила Евсеевича было хорошее чувство юмора. Помню, кто-то из нашей группы зачитывал у него на семинаре свой совершенно нудный доклад. Такой нудный, что мы все буквально клевали носами. А за первым столом Лида рассказывала Анечке Бобровой, славной, домашней девочке-москвичке о своей *глубокой, как океан* любви к Нариману:

- А он стоит у мусоропровода, смотрит на меня, а глаза - *как две мокрые сливы*...

И тут вдруг она почувствовала, что на нее смотрят еще две *мокрые сливы*: это Михаил Евсеевич с тоскующим лицом, подложив ладонь под подбородок, с большим интересом слушал ее рассказ, не обращая ни малейшего внимания на зачитываемый доклад...

Он рассказывал нам множество интересных историй. Например, что Рина Зеленая не признавала существования белорусского языка: она упорно считала его искаженным русским. Но дело было даже не в историях, а в том, что он умел интересно преподавать один из скучнейших, хотя и необходимых в нашей профессии предметов. И я,

послушав его, очень скоро решила, что я хочу писать диплом именно у него...

Перестроечная *зараза* не обошла и меня. Хотя я и быстрее других поняла подлинную цену «меченому Мишке», я тоже, как и мои однокурсники, волновалась за судьбу Ельцина, когда он лег в больницу и - о непроходимая, чудовищная глупость! - посмеивалась вместе с другими, когда он объявил о суверенитете России: «Накося, Миша, выкуси!». То есть, форма для меня на этот период оказалась важнее содержания. Настолько мне уже был отвратителен к тому времени *товарищ*, из которого за какую-то пару лет успел вылупиться *господин*. Сходить на демонстрацию на самой Красной площади мне, конечно, хотелось. Но одна только мысль о том, что он будет махать мне пухленькой ручкой с трибуны... Нет уж, спасибо! «Имею такую возможность, но не имею желания».

Моя первая встреча с *новыми русскими* произошла не на рынке, а на экзамене по марксистско-ленинской философии у нас в институте. Мне попался вопрос о новом человеке. Я ответила. Меня спросили, что я читала на эту тему дополнительно. Я назвала книгу нашего преподавателя, которого экзаменаторы только-только что выжили с кафедры. «Это *не та литература*, девушка!» - нагло ухмыльнулись мне они в лицо. Мысли их при этом были далеко - они явно с удовольствием мысленно прокручивали перед собой, как унижали и оскорбляли этого «неперестроившегося» человека.

Я почувствовала, что передо мной - что-то новое. Цинизм, который возводится в достоинство. Неважно, что сами они вообще никаких книг не написали - ни на эту тему, ни на другие. Эти люди были уверены, что владеют истиной в последней инстанции. Смесь цинизма с апломбом, очевидно, входили в список «общечеловеческих ценностей»...

Я никогда не была «новой русской». Во всем моем теле нет ни одной *новорусской* клеточки. Мое существо отторгает новорусскость как *инородное тело*. Так было тогда и так остается и по сей день. И я этим горжусь. Я не амеба, чтобы мутировать.

...В новое общежитие мы переехали в феврале. Наступила всеобщая эйфория. Страна вокруг нас тем временем сначала медленно, но вскоре все быстрее и быстрее погружалась в веселый еще пока хаос.

Советика Часть 1

- «Мама- анархия, папа- стакан портвейна!» - надрывался из окон нового общежития магнитофон голосом Вити Цоя. У нас же теперь есть свобода! ...

Глава 7. Когда падают бомбы

«Моника была хороша, но Тони – лучше!»

(из югославского черного юмора, 1999)

... Я была уверена, что Лида захочет жить в одной комнате с Любой - они были неразлучны, как в детском стихотворении Агнии Барто: «Мы с Тamarой ходим парой, санитары мы с Тamarой...» - и поэтому уже почти договорилась с Хабибой, что поселюсь с ней, но тут вдруг неожиданно Лида предложила мне стать ее соседкой. Я была удивлена, польщена и не смогла отказаться. Люба, наверно, слегка обиделась и не стала селиться даже в одной квартире с нами. Впрочем, на ее отношениях с Лидой это не отразилось. Мы поселились в маленькой комнате в квартире на 7 этаже. В одной квартире с нами, в большой комнате, жила уралочка Лариса, переведшаяся с заочного - на 6 лет старше меня - и две «мертвые души» из Подмоскoвья, которых она уговорила прописаться в общежитии, хотя жили они у себя дома. Так что Лариса устроилась с комфортом. Меня шокировало в ней курение. До Москвы я никогда в жизни не видела курящих женщин. Их и в Москве-то было раз, две и обчелся - в основном толстушки, пытающиеся похудеть или чьи-то дочки. Лариса относилась к первой категории. Когда она открывала рот, оттуда исходило такое зловоние, словно перед тобой был сказочный дракон, извергающий дым. Между нами никогда не было особой симпатии, но мы терпели друг друга из-за Лиды, которой мы обе восторгались. Ларисе очень хотелось замуж, и она целый год водила к себе старосту соседней группы - кормить обедами. Он с удовольствием ел (Лариса вкусно готовила и хорошо шила и вязала), благодарил ее и неизменно уходил... Так у нее ничего и не вышло.

Жизнь в новом общежитии текла весело, хотя загадить мы его успели на редкость быстро. Уже через полтора года тараканы появились и в нашем новом «дворце». На кухне висело расписание дежурства - какая комната и когда должна была чистить плиту и убирать там, но его быстро перестали соблюдать, несмотря даже на

Совьетика Часть 1

наличие на этаже своего старосты, который должен был следить за порядком. Времена командной экономики миновали! Нам было не до поддержания частоты- вместо «скучных» субботников мы бегали на единственную еще пока капиталистическую улицу в Москве, Арбат, где художники-самоучки за десятку (четверть нашей стипендии!) рисовали за 20 минут твой портрет. Мы с Лидой раскошелились на них к очередному ее дню рождения. Ни ее, ни мой портреты даже близко не напоминали оригиналы, но мы с гордостью вывесили их над кроватями. Юбки с «заклепками», «варенки», брюки в клетку.... Пусть люди видят, что мы шагаем в ногу со временем!

В то время вошла в моду группа с нес советским названием «Любе» - от подмосковного города Люберцы.

*«Не люблю я точные науки,
Точно сам не знаю почему
Сшей мне, мама, клетчатые брюки,
А я в них по улице пройду!*

*Сшей мне мама брюки помоднее,
Чтобы клетки были повидней, ей, ей, ей!*

*Клетки, клетки, клетки,
Как в метрополитене вагонетки,
Клетки, клетки, клетки,
Вы словно шоколадные конфетки!*

*Я шагаю очень осторожно,
И пытаюсь мир весь удивить.
На моих штанинах даже можно
Шахматные матчи проводить.*

*А когда пройдёт на клетки мода,
Я надену трубы с порохода, да, да!²³³ «*

²³³ Песня группы «Любе»

Сравните это хотя бы с моей любимой советской песней -

*«Забота у нас простая, забота наша такая,
Жила бы страна родная, и нету других забот.
И снег, и ветер, и звезд ночной полет,
Меня мое сердце в тревожную даль зовет.*

*Пускай нам с тобой обоим беда грозит за бедою,
Но дружбу мою с тобою одна только смерть возьмет.
И снег, и ветер, синих звезд ночной полет,
Меня мое сердце в тревожную даль зовет.*

*Пока я ходить умею, пока глядеть я умею,
Пока я дышать умею я буду идти вперед.
И снег, и ветер, синих звезд ночной полет,
Меня мое сердце в тревожную даль зовет.*

*И так же, как в жизни каждый, любовь ты встретишь однажды,
С тобою, как ты, отважно сквозь бури она пройдет,
И снег, и ветер, синих звезд ночной полет,
Меня мое сердце в тревожную даль зовет.*

*Не думай, что все пропели, что бури все отгаремели,
Готовься к великой цели, а слава тебя найдет.
И снег, и ветер, синих звезд ночной полет,
Меня мое сердце в тревожную даль зовет.²³⁴ .»*

Сравните интеллектуальный и особенно духовный уровень этих двух песен – и вы поймете, что в том, что случилось с нашей страной, виноваты не Сталин и не Нина Андреева. Мы всем поколением – с поощрения «перестройщиков»- вели себя как крыловская «попрыгунья-стрекоза». Забыв, чем кончается знаменитая басня:

*«Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;*

²³⁴ «Песня о тревожной молодости»

*Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
(...)*

*«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас -
Песни, резвость всякий час,
Так что голову вскружило».-
«А, так ты...» - «Я без души
Лето целое всё пела».-
«Ты всё пела? Это дело:
Так пойдн же, попляши!»²³⁵*

Для того, чтобы принципы социализма работали на практике, надо не только получать соответствующие директивы сверху. Прежде всего надо самому не быть иждивенцем по духу. Хотя бы убирать за собой свою грязь - не ссылаясь на то, что там где-то делают или не делают работники обкома партии.. Для того, чтобы жить как человек, прежде всего надо самому быть человеком. Без скидки на *погодные условия*.

...Пока мы, студенты, шагали в ногу со временем вместе с разными странными личностями вроде *металлистов* и *люберов*, получившими в перестроечных СМИ красивое название «неформалы» (это автоматически приводило к выводу, что комсомольцы и коммунисты, должно быть, всего лишь «формалы»!), плита на кухне заржавела и покрылась толстым слоем нагара из постоянно убежавшего кипяченого молока, о котором мы забывали в пылу перестроечных дискуссий. Периодически в общежитие наведывались старые занудливые *формалы* - преподаватели, пытаясь заставить нас хотя бы элементарно не забивать на кухне раковины. Когда они в гневе бегали по этажу, стуча в двери, мы все прятались и делали вид, что нас нет дома. Ишь чего захотели! Плиту им вычисти... *Сейчас не 37-й год!*

Иногда они устраивали проверки комнат. В нашу зашли как-то, когда меня не было.

²³⁵ И.А. Крылов «Стрекоза и Муравей»

- Пожалуйста, Сергей Данилович, пожалуйста!- радушно открыла им дверь Лида,- У меня тут ничего крамольного, только негры по стенам...

Над моей кроватью висела огромная политическая карта Африки с припиленными к ней портретами Мируса Ифтера и Менгисту Хайле Мариама...

Ерничать тогда входило в моду. У нас никто не умел делать это так изящно, как Лида. Михаил Евсеевич хорошо выразил как-то раз это *новое мышление* в разговоре с нашей преподавательницей истории КПСС Ниной Вячеславовной.

- Все это хорошо, Михаил Евсеевич, - сказала она ему,- И я с нашим ректором совершенно согласна, он очень правильно все говорит. Но он все время ведет речь о том, как не надо жить, а ведь, если Вы заметили, у него нет своей собственной позитивной программы- того, как жить надо. Нет такой программы у него, чтобы вот услышать и сказать себе: да, за это я готов на баррикады!...

- Да вот в том-то все и дело, Нина Вячеславовна, - ответил он ей с откровенно скучающим лицом, - что, может, *не надо уже на баррикады?* Хватит, а?

А еще отчетливо помню, как когда он корректировал мою дипломную работу, в которой, как и полагается, была методологическая основа, он неожиданно высказал мне такую «крамольную» по тем временам мысль:

- А Вы знаете, Женя, я согласен с идеалистами. Объективно история не существует - существует только то субъективное, что написано о ней разными историками.

Жалко только, что это свое открытие он не применил к оценке перестроечной историографией истории нашей, советской... А мы, дурачки, тогда еще и восторгались им за это... Надо же, какой он смелый! Какая свежая мысль!

На 4 курсе произошло наконец событие, к которому я так стремилась всю свою сознательную жизнь: я добилась того, что попала на практику в Институт Африки Академии Наук СССР!

С одной стороны, мне просто повезло: через ИСАА я узнала, что одна исследовательница в Институте Африки как раз искала себе временного помощника, который помог бы ей перевести на русский собранные ею в Эфиопии во время социологического исследования анкеты. С другой стороны, под лежащий камень вода не течет, и если бы я не стремилась так активно к своей мечте, то никогда не оказалась бы на нужном месте в нужное время.

Практика была длинная, почти на 3 месяца. Лида с Любой уезжали на это время в любимый Лидин Ленинград. За прощальным ужином перед их отъездом Люба пела свою любимую «Окрасился месяц багрянцем...», а Лида сияла от радости. Она дважды пыталась поступить в Ленинграде в театральный и обожала этот город.

Никто из нас не знал еще тогда, что эта поездка будет поворотным пунктом в ее жизни - во время практики на одной из «тусовок» (это было новое тогда модное слово) она познакомится со своим будущим мужем, сыном довольно известного актера. Их отношения развивались с космической скоростью. Сын актера был хорош собой, на 4 года старше ее, имел свою комнату в коммуналке в центре города. Когда он сделал Лиде предложение, она не задумалась ни над тем, почему он живет в комнате в коммуналке вместо того, чтобы жить, как подобает нормальному советскому молодому человеку, с родителями, ни над тем, почему он не служил в армии («по болезни, менингит»), ни над тем, почему у такого симпатичного молодого человека до сих пор нет девушки, и почему он сделал ей предложение так быстро. Она была на седьмом небе от счастья - и потому, что нашелся наконец человек, который предлагает ей, по ее мнению, такой старой, руку и сердце (ей было 24 года!), и потому, что она теперь будет жить в любимом городе. Но она не подала ему виду, что рада, а ворчливо ответила:

- Сейчас, только *шнурки поглажу!*

Он тут же подал ей на полном серьезе утюг...

Его родители были счастливы, что он наконец женится - тоже довольно необычно для нормальных советских родителей. После свадьбы – на которой я тоже имела честь присутствовать – оказалось, что у молодого супруга не в порядке с психикой. Он употреблял наркотики и таскал из дома вещи на продажу, чтобы раздобыть на это денег. Конечно, Лида и не могла подозревать такого: за все 5 лет жизни в общежитии мы ни разу не видели ни одного наркомана. Но выяснила все это она только уже по окончании института, когда переехала к мужу насовсем. А пока ей еще предстояло отучиться год в разлуке с ним...

Став замужней дамой, Лида посматривала на нас немного свысока. Люба терпела-терпела это, не выдержала и сама очень скоро вышла замуж - не скажу, что за первого встречного, но во всяком случае, не по большой любви. Лишь бы только *не засидеться в девках* до окончания института. Ее муж Алекс учился в нашем же институте, только на другом факультете. Он был из Риги и хотя и русский по национальности, но большой латышский националист (бывает и такое, во всяком случае, до латышской независимости и до превращения латышских русских в «неграждан»- было!). Такой, что хотел даже прицепить к их свадебной машине латышский флаг. Но Люба сказала, что только через ее труп:

- Попробуй только, и я тогда с другой стороны российский флаг прицеплю!

Прибалтика тогда тоже была очень желанным местом для распределения. Но распределяли туда редко: образованных нацкадров там и так хватало. Люба с мужем поехали было к нему на родину после защиты диплома, но тут начались все эти заварушки с *народными фронтами*... Она настояла на том, чтобы они уехали к ее родителям, и сегодня не жалеет об этом. Работает Люба - историк-профессионал - в детском саду, которым заведует ее мама. А бывший латышский националист Алекс (свободно, кстати, говорящий полатышски!) торгует ныне оптом косметикой в российской глубинке. И с презрением говорит о бывших соотечественниках:

- Латыши всерьез думают, что они - пуп Земли и центр Европы!

Его родители эмигрировали в Германию. Судьба играет человеком, а человек играет на трубе...

Очень многие, к слову, выходили замуж так - просто потому, что уже вышли замуж их подружки. В свое время даже моя мама совершила подобную глупость. Но для меня с самого детства не существовало то, что по-английски называется «peer pressure». Мне было некуда спешить - я хорошо помнила любимую Тamarочкину заповедь: «*Замуж выйти - не напасть, как бы после не пропасть.*» И когда рабфаковец казах Марат спросил у меня, когда же я-то замуж собираюсь, я ответила ему:

- Вот закончу институт, поступлю в аспирантуру, а там видно будет... Лет в 27, не раньше.

- В 27 ? - с ужасом произнес он, - Так ты же тогда уже будешь такая старая!...

Я только рассмеялась в ответ.

Рабфаковцы Марат из Караганды и херсонец Петя зачастили к Лиде как раз перед ее отъездом в Ленинград. Самой заветной Петинной мечтой была эмиграция в Америку.

- Вот где люди умеют жить!- повторял он с таким видом, словно уже съел с американцами не один пуд соли. Лиду это страшно раздражало.

- Петя, ну что ты несешь чушь! Ты же даже за границей ни разу не был!

- Представь себе, был, - отвечал он с такой гордостью, словно он в одиночку сумел выжить среди «акул капитализма», - Я в армии в Монголии служил.

Почему то, что хорошо было служить в армии в Монголии непременно означало, что в Америке райская жизнь? Мы так этого и не узнали. А Петя осуществил-таки через несколько лет свою мечту - уехав в Америку с другом на каникулы, он тайно скрылся от того со всеми деньгами и с документами... Через полгода Петя вернулся в Москву, порядком морально и физически потрепанный. И больше уже никогда об Америке не заикался...

Ну, а пока... Пока Лида с Любой уехали, а я осталась в комнате одна. И началась моя практика. Вообще-то она полагалась быть по архивному делу. Но мы с моей новой руководительницей сразу договорились, что она напишет мне в рекомендации все, что будет нужно, а на деле я буду заниматься вышеупомянутыми переводами.

Анкет было много - штук 500. Словаря у меня не было, но даже если бы и был, как я уже говорила, пользоваться амхарским словарем - это совсем не то, что пользоваться словарем английским или французским. И поначалу я очень волновалась: справлюсь ли я? Ведь дело было не только в словаре. Нужно было еще и разобрать разные почерки на амхарском: анкеты были заполнены вручную.

Сначала я взяла себе пару этих анкет на пробу. И, к своему удивлению, обнаружила, что практически все понимаю без словаря! Никита Арнольдович не зря ел свой хлеб - это вам не голландские профессора, обучающие студентов языкам, на которых они сами говорить не могут! Возможно, сказалось еще и то, что ответы на вопросы были в основном однотипные, но задача действительно оказалась мне вполне по силам.. Если встречались какие-то отдельные слова или выражения, которые мне были неизвестны, я выписывала их и справлялась потом об их значении у Никиты Арнольдовича. Но таких слов и выражений было немного.

Исследование Элеоноры Алексеевны было посвящено тому, как эфиопская молодежь воспринимает идеи марксизма. «Что вы знаете о Марксе? Что вы знаете об Октябрьской революции?» и т.д. Она сама ездила в Эфиопию в экспедицию (счастливица!) и раздавала эти анкеты в различных школах старшекласникам, причем не только в столице. Судя по ответам, к марксизму молодые эфиопы относились положительно. Еще бы не относиться - если бы не революция 1974 года, большинство из них вообще не умело бы ни читать, ни писать...

Очень редко встречались ответы типа: «Ничего не знаю и не хочу знать!» - видимо, это были будущие местные диссиденты. Но сам тот факт, что они встречались, опровергает те ужасники, которые нынешние проамериканские эфиопские власти рассказывают о «красном терроре» Менгисту: если бы он действительно был настолько «кроважидным диктатором», кто из этих школьников посмел бы такое написать?

Амхарского Элеонора Алексеевна не знала совершенно. Ее специализацией первоначально была Нигерия, а потом уже она переключилась на Эфиопию и Сомали. Она рассказывала много интересного об Африке - правда, не о революциях, а о деталях африканского быта, например, о том, какие в сельской Нигерии, при всей ее жаре и мухах, на удивление чистые туалеты, и как быстро липнет к тебе в Нигерии твоя юбка, если ты сидишь на кожаном диване. Очень быстро мы с ней привязались друг к другу по-человечески. В Элеоноре Алексеевне было что-то очень мягкое, материнское. Ее дочка была всего на несколько лет меня моложе, хотя сама она была постарше моей мамы.

К африканцам Элеонора Алексеевна относилась доброжелательно. Это отличало ее в лучшую сторону от многих сотрудников института. Пообщавшись с ними, я была неприятно поражена количеством «случайных людей» в его стенах, для которых работа здесь, перед которой я благоговела, была не призванием, а кормушкой. Я уже приводила вам в пример одного такого - чьего-то сыночка, переводчика с португальского, который глубоко презирал ангольцев и мозамбикцев и приглашал меня к себе на дачу на шашлыки, так же глубоко уверенный, что его московская прописка для меня неотразима. Нужно ли говорить, насколько он мне был омерзителен, и как глубоко я возненавидела подобных ему людей, занимающих чужое место. Да я бы работала на такой работе даже бесплатно!

Институт размещался в чем-то старом особняке недалеко от метро «Маяковская». Это было очень величественное здание. За углом находились воспетые модным в то время Булгаковым Патриаршьи пруды. Здесь можно было посидеть на лавочке в тени деревьев во время обеденного перерыва, но мне гораздо больше нравилось

проводить его во внутреннем дворике самого института. Более уютного места не было во всей Москве!

Я приходила в институт чуть ли не первой, а уходила чуть ли не последней, причем совершенно добровольно. Весь день я просиживала над анкетами, не разгибая спины, в институтском читальном зале - огромном, полупустом, с невероятно высокими потолками - за исключением получасового обеда в институтском буфете, в котором периодически была очередь за каким-нибудь «дефицитом». Но «дефицит» меня не интересовал. Гораздо интереснее для меня были монографии из институтской библиотеки! Если у меня оставалось время, я читала их все в том же зале. Я тогда очень интересовалась экспедицией в Эфиопию Александра Булатовича. А еще Элеонора Алексеевна позволила мне поработать на институтском компьютере, что тогда вообще было неслыханной роскошью! А увидеть своими глазами всех наших отечественных знаменитых африканистов, иметь возможность говорить с ними...

Никогда и нигде не чувствовала я себя так *на своем месте*, как там и именно в те дни.

В один из таких дней, когда я была глубоко погружена в свои переводы, меня вдруг окликнули.

- Девушка, можно с Вами познакомиться?

Я подняла голову. За соседним столом сидел высоченного роста африканец и застенчиво улыбался. У него было открытое и доброе лицо. Я немного поколебалась: мое душевное состояние после известных событий с Саидом еще не пришло в норму. Например, я не могла слышать без слез песню «Миленький ты мой, возьми меня с собой!»²³⁶ Особенно после того, как ее исполнял на одном из студенческих вечеров дуэт русской студентки и малагасийца. Всем было смешно, а мне хотелось плакать. Когда песня доходила до последнего куплета – «Милая моя, взял бы я тебя, но там, в краю далеком, чужая мне не нужна!»-, я обычно пулей выбегала из комнаты, чтобы никто не увидел моих слез...

²³⁶ Русская народная песня

- Меня зовут Квеку. Квеку Сокпор - представился он, не дожидаясь моего ответа, - Я из Ганы. Учусь в Донецке, на экономиста. На 5-м курсе. Вот, сейчас ищу здесь материалы для диплома.

Что мне оставалось делать? Я тоже представилась.

Имя «Квеку» означает, что его носитель родился в среду. Кроме того, у него еще было имя христианское - Габриэль, или просто Габи. Квеку Сокпор по национальности был эве и родился в той части Ганы, которая до первой мировой войны была немецкой колонией. Именно поэтому по религии он был протестант.

Квеку Сокпор оказался галантным кавалером. Он почти каждый день дарил мне цветы, ничего не требуя взамен. Постепенно мы разговорились - и по-человечески понравились друг другу. Мне импонировал его стиль - медлительный и спокойный. Какая-то украинская дивчина в Донецке успела разбить ему сердце, и он часто вздыхал о ней. Когда Квеку немного получше узнал меня и мои взгляды, он стал смотреть на меня как на потенциальную кандидатку в супруги - не от большой любви, а просто потому, что ему очень хотелось, как я теперь понимаю, показать родственникам, что он нашел себе европейскую жену. Увы, для части африканцев это своего рода символ статуса.

Он был высок ростом и идеально сложен, хотя красавцем его было назвать трудно. Когда через несколько месяцев я с Анечкой Бобровой пошла на американский фильм «Кинг-Конг», который у нас тогда разрешили запустить в прокат перестройщики (помню, как в середине семидесятых этот же фильм последними словами крыл наш журнал «Советский экран!»), я неожиданно для себя увидела, кого напоминал внешне мой новый знакомый... Я знаю, что это звучит по-расистски, но это действительно было так. И оттого трагическая судьба Кинг Конга меня еще больше расстроила. Он казался мне таким человечным, а эти американские мерзавцы так гнусно с беднягой обошлись!

К чести наших соотечественников, никто, даже после этого фильма, ни разу не обозвал Квеку так на улице. Максимальное, что мы

услышали даже от самых закоренелых расистов, было «Эй, ты, Майкл Джексон х***в!»

Я решила, что Квеку - серьезный и надежный человек. Такое впечатление он производил. В конце концов, не всякий студент поедет специально на целый месяц в другой город, чтобы там поработать в библиотеке. Но тут я немного ошибалась - его пребывание в Москве было связано не столько с его учебными, сколько с его деловыми интересами... Вот к бизнесу он действительно относился серьезно! Настолько серьезно, что тот затмевал для него учебу.

Когда моя практика подходила к концу, Квеку сказал, что он скоро уедет на две недели в Лондон, потом вернется, защитит диплом и будет поступать в аспирантуру. И попросил меня его ждать...

Он действительно уехал, но через назначенные две недели не вернулся... Я не знала, что и подумать и с ума сходила от беспокойства - пока он не сообщил мне через друзей, что, оказывается, вернуться пока не может, потому что потерял в Лондоне паспорт.

Я сокрушалась, переживала за него: как же он теперь будет диплом защищать? Разве могла я подумать, что вся эта комедия была частью его весьма продуманного плана: получить английскую визу студенту, у которого на носу защита диплома, легко - его меньше подозревают в желании там остаться... «Потеряв» паспорт, Квеку пробыл в Лондоне почти целый год, нелегально где-то там работая! Он был пробивным парнем и сумел убедить Донецкий университет дать ему на год академический отпуск. Все жалели его, жертву таких незадачливых обстоятельств. А следующей весной он вернулся чуть ли не с целым вагоном багажа и спешно (до диплома оставалось опять-таки мало времени!) начал все привезенное распродавать...

Но я опять забегаю вперед. Весь этот год я периодически бегала на Центральный телеграф на улице Горького - единственное место, откуда я могла позвонить ему в Лондон. Квеку жил в Лондоне у какого-то своего земляка, у которого была русская жена. Тогда еще это было в диковинку...Иногда бегала я на телеграф чуть ли не за полночь и предупреждала об этом «на вахте» в общежитии, чтобы они открыли мне, так как в половине первого двери запирались на замок. В центре Москвы тогда еще даже ночью нечего было бояться...

Моя собственная практика закончилась на «ура». Я произвела своей работой такое впечатление на Элеонору Алексеевну, что она написала мне настоящую оду вместо характеристики. И когда я спросила у нее, можно ли мне будет после окончания института попытаться счастья в их аспирантуре, она отнеслась к этой идее с большим энтузиазмом! Я как никогда была близка к осуществлению своей самой заветной цели...

Лето последних институтских каникул пролетело быстро. Так быстро, что мне даже захотелось его немного продлить. Я осознала, что это будут скорее всего последние настоящие каникулы в моей жизни, и от этого было немного грустно...

Дома за годы моей учебы в Москве произошло много перемен. Еще после моего первого курса маме дали наконец квартиру от завода. В том же доме была и квартира у Петровича, и мама все эти годы проводила у него больше времени, чем у себя. Наша с ней новая квартира была однокомнатная, окнами на юг, с балконом (еще одна мечта моего детства - пить чай на балконе!), и я почти сразу же загромодила ее книжками. После жизни в собственном доме привыкнуть к квартире не так легко, но во-первых, я мало времени там проводила, а во-вторых, каждые выходные я хоть и приезжала к маме, но обязательно навещала и бабушку с дедушкой и Шуреком.

Когда я была на 3 курсе, Шурек наконец женился. Это был, собственно говоря, классический случай из серии «захомутали»: он к тому времени перешел-таки на работу в город, в исследовательский институт, где скоро выяснилось, что одна из его новых коллег- почти наша соседка. Они стали ходить на работу вместе. Дальше- больше... И после того, как они летом съездили в колхоз, он уже чувствовал себя обязанным на ней жениться как честный человек. Но по-прежнему еще боялся сказать об этом бабушке. Шурек протянул так до самого дня свадьбы. Мы с мамой уже знали о его планах, а бабушка все еще была не в курсе. В то утро, делая вид, что он собирается, как обычно, на работу, Шурек спросил у бабушки:

- Мам, как бы Вы к этому отнеслись, если бы я женился?

Бабушка удивилась такому вопросу, но сказала ему, что он взрослый человек и уже сам может решать такие вещи. Шуреку было 38 лет - на год старше, чем наш дедушка, когда тот женился.

- Хорошо, - сказал Шурек облегченно, - Тогда я сделаю это сегодня же.

Бабушка чуть не упала без чувств...

Через 4 месяца родилась моя племянница Клава. Шурек ходил довольный и гордый своим новым положением отца и главы семейства. Но счастье его оказалось краткосрочным: оно испарялось по мере того, как его свежеиспеченная супруга проявляла свой характер. Это оказалась скандальная деревенская баба, с которой не могло быть никакого интеллектуального общения, и которая мечтала об одном: сесть мужу на шею, свесить ножки и им погонять. С рождением ребенка она бросила работать и обратно на работу не собиралась. А вскоре она перестала и готовить, и убираться по дому, так что все это пришлось делать ему. Глафира же целый день лежала на диване, смотрела сериалы и что-нибудь жевала. Причем даже не что-нибудь - ей подавай деликатесы. Особенно она любила копченую рыбку.

Даже ее собственная дочка, подрастая, начала называть свою маму «*русская недвижимость*». А Шуреков шофер Аркадий так описывал ее - с серьезным лицом:

- Глафира Ивановна, конечно, женщина из навоза, но с маникюром...

Но главная беда была даже не в ее лени и не в том, что она стремительно начала набирать вес, а в ее скандальности. Казалось, она черпает энергию для себя из затеивания скандалов. Что бы Шурек ни делал, для нее ничего никогда не было достаточно хорошо.

Семейную жизнь Шурека хорошо описывает песня все тех же «Любе»:

«Я растяну гармошечку и пальцами пройдуся, ой-ой, ой-ой-ой,

*Жизнь до чего ж хорошая, что еле я держусь, ой-ой, ой-ой-ой.
Жена как окаянная все требует ишо, ишо! Ой-ой-ой.
Работа постоянная, все вроде хара...
Все вроде хара... Все вроде хорошо. «*

Пришел конец всем его хобби. Какие уж тут рыбалки и походы за грибами! Какая диско-музыка! Даже спокойно посидеть и почитать свою любимую научную фантастику он больше не мог: Глафира сразу устраивала сцену.

- Ишь, расселся! Сходи-ка лучше за хлебом, читатель!

Единственное, что интересовало ее в жизни, были «подарки». Так в нашу счастливую и добрую жизнь ворвался первый «новый русский» - модель человека, неудовлетворенного *желудочно и материально*, подобно кадавру профессора Выбегалло²³⁷.

Я жалела Шурека. Мне казалось, что если бы я не уехала в Москву, а была бы все это время рядом, он не наделал бы таких глупостей. Ведь ему, наверно, просто было тоскливо - когда стало некому играть с ним в бадминтон, кататься на велосипеде, слушать «Бони М» и сочинять буриме. Наблюдая за его семейной жизнью, я еще раз сделала для себя вывод, что она (семейная жизнь) не только не приносит счастья, а еще и разбивает сложившиеся дружбы и разводит друзей в стороны. Точно так же было и со всеми моими подружками - как только они выходили замуж, им становилось не до подруг...

Мама, со свойственной ей ядовитостью, высмеивала его выбор

- Ну куда только смотрел? Чем только думал? Впрочем, понятно, чем... Ведь видно же, что серая, тупая баба. «Она молодая!» Может, она и молодая, но по ней этого не скажешь. Вот теперь будет ей всю жизнь борщ варить... А ведь на него хорошие девочки засматривались.. Но нет, свинья грязи всегда найдет! Стоило ходить столько лет холостым, чтобы найти такое чудо природы!

²³⁷ герой книги «Понедельник начинается в субботу» Стругацких

По большому счету я была с ней согласна, но я знала, что если говорить об этом самому Шуреку все время, он только разозлится и начнет Глафиру защищать. Он защищал *не ее, а свой выбор*. Этого мама никак не могла понять.

- Ведь он сам все то же самое о ней говорит, а стоит только мне ему на это указать, как он сразу встает на дыбы!

- Мам, - сказала я как-то, - от того, что ты это повторишь 20 раз, ничего не изменится, и легче ему не станет. Помнишь свою любимую песню? «Не сыпь мне соль на рану». Вот так и здесь. Не мучай ты человека понапрасну, ему и так несладко, и он все прекрасно понимает и не нуждается в том, чтобы его каждый раз тыкали этим в нос...

Но мама упорно продолжала свои нравоучения.

Тем летом, о котором я веду речь, они с Петровичем расстались, и она очень сильно переживала. Они были вместе почти 10 лет, когда она открыла для себя, что он изменял ей. Но когда она поставила его перед фактом, что ей это известно, Петрович, вместо того, чтобы повиниться, начал обвинять ее саму во всех смертных грехах. Глубоко возмущенная, мама в тот же вечер собрала свои вещи и вернулась в нашу с ней квартиру. Петрович не ожидал такого и даже пытался ее остановить, но безуспешно. Рубикон для мамы был перейден. Однако она страдала все лето и изводила меня вопросами, почему так получилось, и *чего ему, собаке, не хватало*²³⁸.

- Мам, ты же сама говоришь – «свинья грязи всегда найдет!» Не думай ты про него, не стоит он того...

Мама переживала, а я, если честно, была очень довольна, что его больше не будет в наших с ней жизнях. Так довольна, что мне стоило некоторого труда это скрывать. Разве не говорила я ей еще будучи школьницей, что он ей не пара?

²³⁸ Частичная цитата из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»

Совьетика Часть 1

Чтобы развеять маму, я предложила ей съездить на велотрек в Крылатское - вдвоем, как подружкам, как раньше... Я уже рассказывала, как много значил для нас в моем детстве велоспорт. Но в середине 70-х на нашем треке разбился насмерть молодой румын, и международные соревнования у нас прекратили. А вскоре и сам трек пришел в негодность, а ремонтировать его никто не спешил. В Москве построили к Олимпиаде новый, крытый, в Крылатском...

Последний раз я была в Крылатском в 9 классе. Болела вместе с бабушкой на Спартакиаде народов СССР за одного нашего земляка.

И вот теперь, спустя 5 лет, я оказалась там снова. Мы с мамой наблюдали за гонками с большим удовольствием. Она словно вернулась в юность - смеялась как заводная, перешептывалась со мной, обсуждая гонщиков, хлопала в ладоши особенно эффектным победкам... Я была довольна, что привела ее туда.

Мы сидели на трибуне перед финишной прямой. Соревнования уже заканчивались. Перед нами сидела, оживленно болтая, группа откатывших свое велогонщиков, когда одного из них вдруг кто-то окликнул:

- Володя! Зелинский!- и издевательски добавил: - На допинг-контроль!

Я не поверила своим ушам.

- Мама, мама, посмотри на этого мальчика! – зашептала я. - Он, оказывается, еще жив!

Я посмотрела на переднюю скамейку. А он совсем не изменился, только немного поправился...

Володя Зелинский, терский казак из Грозного, выступал 5 лет назад на той самой Спартакиаде, и я тогда ужасно возненавидела его - за то, что он у того моего земляка выиграл... Воспоминания детства хлынули в мою голову нескончаемым потоком. Как он, худенький, смуглый до черноты, с красивым злым лицом, к негодванию трибун, выбивал одного нашего земляка из соревнований за другим. Он был очень

талантлив - я помнила, какой он прекрасный спринтер, но с тех пор я ни разу не слышала о нем. Где он был все это время, что происходило в его жизни?

Я была глубоко взволнована – сама не зная, почему.

Прислушавшись к разговору гонщиков, я поняла, что в самом начале сентября они будут на нашем треке - каким жалким ни было его состояние в тот период, но некоторые соревнования на нем еще проводились. Вот и в сентябре там предстоял чемпионат страны для спортсменов-армейцев,- как они называли его между собой, «вооруженка» .

И мне вдруг так захотелось увидеть его снова, увидеть, как он выступает, узнать, что было с ним за все эти годы, вообще узнать его поближе - ведь он был частью моего детства!- что я сказала маме:

- Мам, пойдем с тобой в сентябре на эту «вооруженку»! Ну, опоздаю я на пару дней в институт, ничего страшного, раз в жизни можно...

Мама посмотрела на меня с удивлением - не потому, что я предложила ей пойти на какие-то, в общем, незначительные соревнования, а потому, что она почувствовала это мое волнение.

Но я никому - не то, что ей, а даже себе самой!- не созналась бы в зарождающихся у меня в тот момент чувствах. Ведь они противоречили выработанным мною для себя принципам.

Через пару недель наступил сентябрь. Дни еще были теплыми, а вечера и ночи - уже прохладными. Сентябрь - мой самый нелюбимый месяц в году, еще со школьных времен. Но в том году я этого не замечала. Нарядившись, согласно нашей местной традиции, в свои самые лучшие платья, мы с мамой в назначенный день сидели на трибуне нашего старого трека...

Здесь мы сразу бросились всем в глаза, потому что зрителей практически не было. Не только велосипедисты, но и их тренеры пытались произвести на нас впечатление. Я принесла с собой свой фотоаппарат, чтобы запечатлеть спринтера Зелинского - да не просто фотоаппарат, а с одолженным по такому случаю с маминой работы гигантским фоторужьем, что вызвало среди спортсменов веселый

переполох!. Моя мама очень понравилась его тренеру - жгучему одесситу Матвею Георгиевичу.

Весь трек скоро понял, за кого мы болели.

И тогда я увидела прежнего Зелинского, во всей его спортивной красе. Я смотрела, как лихо, как бесшабашно, как отважно побеждал он своих соперников одного за другим - и поражалась, почему же он до сих пор ни разу не стал чемпионом страны! Ведь у него такой редкий в спринте талант, такое чувство тактики, такая скорость!

...Как мы узнали позже, ларчик просто открывался - у него, оказывается, до сих пор не было подобных амбиций. Он *работал* на треке - как другие работают в офисе: зарабатывая сборной все эти годы положенные очки и довольствуясь позицией твердого «середнячка». Его больше интересовало как получить квартиру, нежели медали и чемпионские звания. Теперь он квартиру в Одессе уже себе заработал и успокоился на достигнутом. Ему уже было 24 года, и он собирался скоро повесить велосипед на гвоздь.. Если бы не встретил нас...

У него просто никогда в жизни не было собственных болельщиков. Мы оказались первыми. И это произвело на него огромное впечатление.

Вдохновение – великая вещь! Это я знаю по себе. Впервые в жизни, не считая ранней амбициозной юности, Зелинскому вдруг захотелось побеждать и блистать на треке. И он начал побеждать - да еще как!! Его товарищи по сборной не узнавали его. Даже Матвей Георгиевич тарачился на него так, словно впервые в жизни его увидел. Его выступление на скромной «вооруженке» было вполне достойно Олимпийских игр.

Разве я могла от такого оторваться и уехать в Москву, не дожидаясь финала! К своему собственному ужасу, я услышала, как говорю маме:

- Мама, я хочу с ним познакомиться!

Случай предоставился в последний день, когда мы принесли на трек отпечатанные нами фотографии.

- Привет прессе!- закричал снизу Матвей Георгиевич.- Для нас фотографии есть?

Мама кивнула, что есть. И Матвей Георгиевич махнул первому попавшемуся под руку своему гонщику - это оказался Зелинский:

- Володя, сходи, забери!

И уже через минуту новоявленный чемпион «вооруженки», сам еще не привыкший к своему новому статусу, смущаясь и краснея, сидел с нами рядом на трибуне...

...Мы говорили только минут 15. Но я долго еще с улыбкой вспоминала этот разговор, садясь в электричку и отправляясь наконец в Москву. То, как на прощание они с Матвеем Георгиевичем на пару кричали нам с полотна трека, маша руками, типично одесское:

- Берегите себя!

Шел дождь, велогонщики должны были покинуть наш город завтра. А я уже думала о том, как поеду в январе на зимний чемпионат страны в Крылатское...

В Москве, к моему удивлению, меня встретили переполохом. Я не думала, что меня вообще кто-нибудь хватится – за 4 дня!

- Где ты была? - завопила Лида с порога, - Тебя по всему институту ищут! Тебя посылают в Голландию.

Я сначала подумала, что это ее вечное и неисправимое чувство юмора. Но Лида говорила, оказывается, правду. Меня и еще 3 студентов - я самая старшая по возрасту - действительно собирались впервые в истории нашего вуза отправить на 2 месяца по обмену в кап. страну...

Я была ошарашена этой новостью. Даже не могу сказать, что я обрадовалась. На Запад я никогда не стремилась. Он меня не

интересовал. У меня не было преклонения перед джинсами и жевательной резинкой и интереса к закупке бытовой аппаратуры.

Я больше была озабочена мыслью, а почему решили послать именно меня. Ведь хотя я и отличница, мало ли у нас отличников, зато я никогда не занималась активно общественной работой, не занимала никаких комсомольских должностей и не выступала на собраниях с речами. Так почему же именно я?

Оказалось, все объяснялось намного проще: Михаил Евсеевич, который уже официально стал руководителем моей будущей дипломной работы, как я упоминала, был в очень дружеских отношениях с нашим «Рейганом». И он меня ему рекомендовал... Я еще не поняла, что критерии изменились. Что, возможно, как раз наоборот, будь я комсомольской активисткой - не формально, а искренне- никто бы меня туда не послал.

Началась ужасная суматоха. До отъезда необходимо было собрать кучу характеристик, пройти полный медосмотр и инструктаж в КГБ по тому, как себя надо вести за границей.

С характеристиками дело уладилось быстро: наш групповой комсорг посоветовала мне написать характеристику на себя самой, а она ее подпишет. Собрав необходимую кучу бумажек, я побежала к нашей институтской медсестре.

- Пошлите меня на медосмотр в нашу поликлинику. Меня тут вместе с еще 3 нашими студентами в Голландию посылают...

- Нет-нет, их посылают в другую страну!- уверенно сказала медсестра, - В Нидерланды.

Инструктаж оказался менее глупым, чем я предполагала. Если честно, даже совсем не глупым. Не было на нем никакой истерии, никакого запугивания. Совсем не так, как в знаменитой песне Высоцкого. Очень спокойный, с умным лицом мужчина средних лет вполне нормальным тоном рассказал нам, чего за границей лучше не делать и почему и с какими неприятностями можно столкнуться и как в таких случаях поступать.

- Лучше никуда не ходить по одиночке и не общаться с нашими эмигрантами.

Бывают иногда и провокации в магазинах: вам могут что-нибудь подложить в сумку, а потом устроить скандал и вызвать полицию: мол, советский гражданин украл такой-то и такой-то предметы. Не участвуйте в местных демонстрациях, не подписывайте никаких воззваний. Вот, пожалуй, и все. Руководствуйтесь собственным здравым смыслом, вы же не маленькие. Если вам что-то кажется подозрительным, держитесь от этого подальше. Если возникнут какие-то проблемы, всегда обращайтесь в наше посольство и консульство.

Не так страшен КГБ, как его малюют. Особенно когда его малюют все одни и те же лица – и именно те, в отношении которых он нас предостерегал...

Я пыталась вспомнить, что я знаю о Голландии с детства. Ну, кроме коньков, тюльпанов, художников, Петра Первого и мельниц, а также первой в мире буржуазной революции, наличия колоний и участия в работоторговле. Вспомнились советская детская книжка об осаде Лейдена - «Кеес- адмирал тюльпанов» и мемуары Арда Схенка.

Перед поездкой я постаралась прочитать как можно больше о стране, которую я должна была увидеть. Картина получалась устрашающая.

«Нидерланды - член НАТО. На голландской земле размещены американские «крылатые» ракеты», - сообщил мне справочник «Страны мира». Я чувствовала себя как перед выходом в открытый космос. Причем без скафандра. Вадим Николаевич! Михаил Евсеевич! За что же вы меня так? Разве нет на Земле приличных стран?

...Между прочим, наш справочник «Страны мира» очень правильно все описал.

Весной 1999 года член НАТО Нидерланды приняли самое активное участие в варварской агрессии против народа Югославии. И кровь забытых ныне миром югославских детей – не только на Блэре и Клинтоне...

... Когда начались бомбардировки Югославии, в Ирландии только-только наступила новая весна.

Я работала на этот раз в Блэкроке. Блэкрок - это тоже один из дублинских южных пригородов, но поближе к центру, чем Дан Лири. Мой новый офис втиснулся в узкое пространство между основной магистралью, связывающей его с городом, и веткой дублинского наземного метро ДАРТ, с его зелеными шумными поездами, которая проходит по самому берегу Ирландского моря - дугой вдоль дублинского залива. Из окна офиса были видны его серые волны. Через приоткрытое окно солено пахло водорослями, а над офисом парили крикливые чайки.

Это был один из самых милых офисов, в которых мне довелось работать. Наверно, потому, что он был таким маленьким, и мы все друг друга знали. Это была не американская фирма, и здесь не надо было с утра до вечера растягиваться всем существом как в шпагате в фальшивой улыбке. Занималась она программным обеспечением для распознавания речи компьютером. Очень интересно.

Главный менеджер появлялся редко, наездами из Англии. Единственной заботой этого покрытого круглый год загаром из солярия человека неопределенного возраста с высокомерным акцентом и в хорошем костюме было, чтобы Саймон не перерасходовал бюджет и чтобы «достаточно задниц было рассажено по местам» (так он отзывался о своей рабочей силе). Что же касается местного менеджера, Имона, то он был скорее чем-то вроде завхоза. К тому же он был *свой в доску парень*, с типичным ирландским чувством юмора.

- Имон, ты слышал, что ваш Тишах²³⁹ ушел от жены и теперь собирается везде возить с собой в официальные визиты любовницу в качестве первой леди?

- Ну, слышал. Но он же *не их обеих* собирается возить. Так что ничего страшного...

Все остальное время мы работали спокойно, а так как телефонных звонков было пока немного (новая версия обслуживаемой нами

²³⁹ Премьер-министр (ирл.)

программы только готовилась к выпуску), то у нас оставалось достаточно времени для разговоров друг с другом.

-... Мой папа был из Арабских Эмиратов, - рассказывала, постукивая клавишами компьютера, Мелина. - Я об этом узнала только уже когда пошла в школу - и рассказала своим одноклассникам. А они начали устраивать мне «темную» и обзывать «дочкой верблюда». Видите, какая я смуглая, видите? И тогда я записалась на секцию карате...

Я тихонько улыбнулась, пряча в стол книгу. К сказкам Мелины в офисе все уже привыкли. Может быть, кто-то им даже верил. Хотя какой там папа-араб мог быть у этого типично арийского с виду существа? Ничего, совершенно ничего южного не было в ее внешности: типичная девочка-немка в очечках, отличница. Может быть, поэтому она и выдумывает сказки - чтобы собственная жизнь казалось более экзотичной? В конце концов, воображала же я себя корсиканкой когда-то. Правда, мне тогда было 11 лет, а не 23.

Мелину в офисе любили. Может быть, именно за сказки - ирландцы и сами не прочь присочинить.

-*Zug хайль*, Мелина! - ласково говорил ей каждое утро менеджер Саймон, неторопливо подходя с ключом к двери, у которой мы уже его давно ждали, подпрыгивая от холода. И каждое утро надрывался от хохота, когда она начинала возмущаться по этому поводу.

-Сестренка, я же шучу, ты же это прекрасно знаешь!

Англосаксы очень любят отпускать фашистские шуточки в адрес немцев. Просто-таки хлебом их не корми. Они считают, что это – «hilarious²⁴⁰». Хотя на практике все их шутки сводятся к «хайль Гитлер!» или к «здесь вам не ваша нацистская Германия!» И хотя за всю свою колониальную историю англичане уничтожили пожалуй, куда большее количество мирных людей и даже целые народы в различных уголках мира, чем фашисты за несколько лет нацизма. Только Саймон никогда об этом не задумывался - ведь в британских школах этому не

²⁴⁰ очень смешно (англ.)

учат. Им не показывают фильмы об их собственных злодеяниях в Африке или Азии, а если и показывают, то обычно прославляют их (как, например, в фильме о борьбе с партизанами Мау-Мау в Кении). Слово там дают обычно собственным ветеранам-карателям - которым место не перед телекамерой, а в тюремной камере на нарах. За их преступления, выражаясь британским же лексиконом, «перед человечеством». Из речи же остальных вырезается все, что имперские уши не хотят слышать...

Зато Вторая Мировая война по британскому телевидению идет буквально каждый день - а не только перед Днем Победы, как было у нас в СССР. С дифирамбами, естественно, самим себе, любимым... Но это уже была слишком глубокая тема для Саймона. Над такими вещами он не задумывался. Он носил серьгу в одном ухе, в свободное время играл на бас-гитаре в рок-группе и гордился тем, что его считали «менеджером-неформалом». Мама его была родом из Северной Ирландии - откуда уехала в Англию по нерассказанным им нам причинам, - и сам он туда ехать, судя по всему, боялся. А папа был из англичан, обосновавшихся в Уэльсе. Из тех, которые требовательно и возмущенно говорят совершенно незнакомым их валлийцам, беседующим друг с другом за соседним столом в пабе: «Говорите по-английски!»...

Что касается Мелины, то она была родом из бывшей ГДР. От своих западных ровесников она ничем не отличалась, кроме этих самых своих фантазий да более ответственного отношения к работе: она еще ни разу ни одному клиенту не обещала чего-то, чего делать не собиралась, как это частенько делают в Ирландии. Она безумно обожала сериал «Друзья», при виде которого я обычно сразу выключаю телевизор - так меня тошнит от фальшивой его веселости с наложенным смехом и от глупости его героев, - и ежедневно пыталась нам рассказать, кто там с кем опять переспал, несмотря на то, что большинство этот сериал тоже смотрело, а меньшинство, которое не смотрело, значит, и не желало об этом знать. Я не перебивала ее, просто думала в это время о своем.

Фантазии заносили Мелину далеко - то у нее был папа-араб, но мама не захотела жить в гареме, то они «голодали в ГДР», и им «приходилось воровать с колхозного поля картошку» (я была в ГДР в

1989 году, когда, как она уверяет, и происходила «картофельная сага», - и хорошо помню полные, по нашим советским понятиям, берлинские магазины!). Так что когда Мелина, глядя на нас своими большими, честными глазами, начала вспоминать, как они с мамой «боялись, что за это их расстреляют», я не выдержала и фыркнула. Но ведь другие в офисе этому верили!

Кто? Ну, например, Марк. Он верил всему, что читал в бульварных газетах - и тоже очень любил зачитывать их нам громко, вслух, как будто все мы были неграмотными. Голова у него в буквальном смысле была в несколько раз меньше его огромного зада, из-за чего он напоминал мне диплодока. Он верил и в «оружие массового поражения», и в «советскую империю зла», и, наверное, в инопланетян...

-Русские опять продали ракеты Ирану!,- громогласно сообщал он из-за своего стола, поглощая жирный гамбургер во время ланча. - А еще в Британии - 400.000 нелегальных иностранцев! Живут за наш счет, понимаешь, гады!

В нашем офисе «иностранцев» было всего двое - я и Мелина. И нелегальными мы вовсе не были. Не говоря уже о том, что мы вовсе не жили за его счет. Но он неизменно при этом поглядывал на нас.

Был у нас в офисе и еще один «человек-гора» (по своим физическим размерам) - Мартин. Высокий, толстый, с маленькими глазками. Когда мы, новое пополнение в фирме, впервые вошли в офис, Мартин сразу начал знакомиться со всеми девушками. Всем им он задавал стандартный набор вопросов, принятых в такой ситуации: в каком университете Вы учились, какие у Вас планы на будущее? Когда же очередь дошла до меня, он спросил меня вовсе не насчет законченных мною университетов - хотя как раз тут-то мне было бы что ему рассказать.

-А ты, конечно, здесь замужем? - спросил он.

- Нет, я в разводе в Голландии! - ответила я, ему в тон. Он смешался, как сбитый с заданной программы робот, и больше уже не знал, что спросить...

Мартин был странный тип. На словах он говорил все, как полагается. Ничего «политически некорректного». Но проглядывало в нем что-то такое болезненное, почти патологическое. Например, когда он описывал мне, - и не я подняла эту тему!- что теперь, когда нет паритета, может Америка сделать с Россией. При этом он якобы Америке вовсе не симпатизировал и даже подчеркивал, что его любимый художник - Кандинский. Но проскальзывала в его словах какая-то животная радость прячущегося в кустах импотента, наблюдающего за изнасилованием. Сам не может, а слюнки пускает от наслаждения. Хотя ему лично от этого ничего не перепадет. Просто есть такой тип - слабых, которые чувствуют себя сильными, подтягивая из-за чужой спины... Для их оргазма достаточно наблюдать, как насилюют другие.

Он свободно разговаривал по-немецки (несколько лет проработал в Германии на заводе для языковой практики) и немного понимал поэтому голландский, но о Голландии отзывался критически. «Развратники они там все!» В нем говорило - во всяком случае, публично - католическое воспитание его строгих родителей, но как же хохотала Мелина, когда в его отсутствие она искала необходимый нам для работы документ на его столе, а наткнулась на кассету с голландской порнухой!

- Смотри, смотри, наш праведник-то, ха-ха-ха! А ты знаешь, что он говорил вчера Марку в коридоре?

- Ну что?- спросила я без особого интереса.

- Что у него дома под постелью есть тайник, в котором он прячет от родителей такие вот штучки. И что на одной из них был турок с таким огромным... А не «голубой» ли наш Мартин?

- Может быть, только он сам об этом не знает и будет из последних сил себе это отрицать, чтобы не расстроить родителей. Они у него знаешь какие!- вмешалась наша ирландская коллега Виктория.

- Какие?

- Ну, как-то раз он поехал отдыхать с девушкой, так родители настояли, чтобы он и она жили в гостинице в разных комнатах...

- Мартин? С девушкой? Не верю!- воскликнула Мелина. - Он даже в отношении своего брата-доктора уверен, что все девушки охотятся за ним только ради денег, но его брат, по его словам, «не такой дурак». А ваш Мартин - я не удивлюсь, если он еще никогда...

Тут вошел Мартин, и она оборвала себя на полуслове.

К слову говоря, судя по всему, он Мелине нравился. Судя по всему, нравилась и она ему. Частенько он заговаривал с ней по-немецки, говорил ей немецкие комплименты, а один раз даже подарил букет роз. Правда, с тех пор, как она начала рассказывать нам о своем пап-арабе, мне показалось, что Мартин смотрел на нее как-то по-другому... В офисе у нас была уборщица-африканка, приходящая обычно в последние полчаса нашего рабочего дня. Я заметила, что когда она протирает стол Мартина, он весь съеживается в своем кресле, словно боится ее.

-Чего это он? - спросила я как-то Викторию.

-Ну, ты понимаешь, он серьезно уверен, что у всех африканцев СПИД, вот и боится заразиться...

-Серьезно уверен???

-Да, он так считает, что все мужчины-африканцы - торговцы наркотиками, а женщины- проститутки, потому что чем. им еще заниматься...

-Это откуда же у него, интересно, такие взгляды? Они что, многих чернокожих знает лично?

-Да нет, просто нас в Ирландии так воспитывали, мы всегда в школах собирали через церковь деньги «для бедных черных

младенцев» в далекой Африке, а теперь, когда «черные младенцы» оказываются тут, среди нас, то не всем это нравится, и...

-А для бедных русских вы там ничего в вашей церкви не собирали, а?

-Нет, что ты, русские - это коммунисты, а коммунисты, как нас учил наш священник, - это дьяволы во плоти, и я так рада, что вы теперь свободны...

Я молча отошла от нее. Да, у нас об ирландцах все-таки знают немного больше. По крайней мере, те, кто этим интересуется, мог найти для себя достаточно информации. Как нашла ее в свои школьные годы для себя об Африке я. У нас был даже парень, больной церебральным параличом, который свободно говорил по-ирландски и прекрасно пел ирландские песни! Здесь бы его просто зататарили с детства в какой-нибудь приют, названный именем того или иного святого – и всего делов... Да чего тут за примером далеко ходить, - ведь вот они, «цивилизованные», живу, рядом со мной! «*Зиг хайль, Мелина!*», «*задницы по стульям*», « *а ты, конечно, здесь замужем?*»...

...Честно говоря, в то, что НАТО действительно начнет бомбить Югославию, я не верила до последнего дня. Не знаю, почему. Просто отказывалась поверить, что они уже до такой степени распоясались и считают себя совершенно безнаказанными - хотя если размышлять логически, все к тому шло.

Когда в Югославии шла гражданская война, я не очень следила за ее событиями - в моей собственной жизни тогда происходили свои драмы, хотя, конечно, и не такого масштаба. К тому же мои мозги в тот период были достаточно *пропесочены толерантностью*, чтобы я попыталась, на западный официальный манер, «не выбирать сторон». Но как их было не выбирать, когда стоило только выехать за пределы «цивилизованного мира», чтобы осознать, что и сам хваленый Запад в том конфликте был далеко не нейтрален и с самого начала выбрал себе сторону, которую он поддерживал, причем не только и не столько словами? Все те ужасы, которыми пугали на ночь своих обывателей

западные СМИ, рассказывая им о «кровожадности сербов», у нас дома рассказывали и о хорватах, и о мусульманах - причем их преступления против мирных жителей тоже были задокументированы. Но на «нейтральном» и «объективном» Западе о них почему-то молчали в тряпочку. Вот вам и вся объективность... Как тут было не выбрать сторону – и не из-за какой-то религиозной близости или исторических связей, а хотя бы даже из одного только чувства вопиющей несправедливости и двойных стандартов?

...Моим первым чувством, когда натовские стервятники напали на то, что еще оставалось от Югославии, стал страшный гнев. Такой страшный, что он буквально душил меня, не находя себе выхода: это дома можно было обсуждать такие вещи с коллегами на работе, а здесь попробуй только – «*пойдут клочки по закоулочкам*»...

Но гнев не остыл и не оставил попыток прорваться наружу. Смотреть телевизор стало просто физически невозможно. Мне хотелось разбить его, когда я видела на экране наглую морду Мадлен Олбрайт, которую когда-то приютила в качестве беженки гостеприимная югославская земля. Не говоря уже о сексуально озабоченном красноносом Клинтоне и о Блэре, у которого как только начинаются бомбежки, глаза разгораются бешеным огнем, словно у наркомана, получившего очередной «fix»²⁴¹.

Западный обыватель – такой, как, к примеру, Марк - склонен верить официозу так слепо, как ни одному идеологическому отделу ЦК КПСС и не снилось. Мы, советские люди, не так вопиюще наивны в этом отношении – не только и не столько потому, что с детства научились искусству чтения между строк, сколько потому что благодаря широкому базису нашего образования, в котором учили не только тому, *что может пригодиться*, а *системному подходу к* вещам, мы умеем самостоятельно рассуждать и приходиться к выводам. И поэтому забросать нас шапками, вроде утки о 100.000 исчезнувших косовских албанцах, о которых истерично вопил американский министр обороны Коэн, просто невозможно.

Официозная ложь о *бомбах, защищающих права человека* быстро стала мне поперек горла. Так же, как и американские фильмы-боевики, западные средства массовой информации – это *insult for my*

²⁴¹ дозу

intelligence. И я активно начала искать альтернативные источники информации...

Так я с новой стороны открыла для себя интернет - не как хобби для развлечения от скуки, а как место, где можно встретить единомышленников и узнать, что на самом деле происходит в мире... Югославы в интернете рассказывали нам о том, как НАТО бомбит больницы и школы, как убивает бабушек на рынках и маленьких девочек - в ванной комнате их собственного дома. Больше того, не только рассказывали... Когда я впервые увидела фотографии жертв натовских налетов - не отретушированные никакими «фотошопами», мне было физически дурно...

После этого выражение «защита прав человека» стало восприниматься мной как что-то невероятно грязное, почти ругательство. Так же, как и «демократия», и «свобода». Западом давно уже были испохаблены все эти замечательные слова.

...Зачастую только став взрослым, осознаешь всю глубину прочитанного в детстве. Глядя на натовские выходы в Югославии, слушая бредово-наглые речи Джеми Ши, невольно вспоминала я небольшую советскую детскую книжку писателя Анатолия Мошковского «Пятеро в звездолете», герои которой, школьники с Земли, оказались на планете, населенной роботами. Они сначала и не подозревали об этом; напротив, они были в восторге от необычайной организованности, эффективности, энергичности инопланетян, чистоты их улиц и прямолинейности их дорог, их подтянутости и не сходящих с их лиц неизменных жизнерадостных улыбок. Правда, на планете не было цветов, а на вопрос о них инопланетяне никак не могли понять: о чем, собственно, идет речь: а что это? Их едят? Или используют в качестве сырья? Но это нашим ребятам показалось мелочью: главное - тут такая цивилизация!

Потом, когда единственный оставшийся на планете в живых местный житель смог рассказать землянам, куда они попали, и кто их окружает, а главное - что нужен-то роботам всего-навсего их звездолет, чтобы и другие планеты превратить в подобие этой, и землянам пришлось бежать от «гостеприимных» андроидов, и происходит в книге та знаменитая сцена, которая сразу же приходит мне на ум при одном только виде Джеми Ши, Билла Клинтона, Тони

Блэра, Мадлен Олбрайт и всей этой братии. Догоняющие наших героев роботы зверски избивают одного из них - кстати, того самого, который больше всех восхищался уровнем развития их цивилизации, - и при этом не прекращают улыбаться и все твердят: «Мы вас любим!» И тогда избиваемый космонавт произносит свою знаменитую фразу: «Я ненавижу их! Они бьют меня, а сами все клянутся в любви!»

Ну точно как НАТО. Один к одному. Североатлантический альянс и его расширение, видите ли, не угрожает России. И война в Югославии ведется против президента Милошевича, а не против югославского народа, как пишут эти андроиды в своих пестрящих многочисленными ошибками листовках не сербском языке, которые они разбрасывают вместе с бомбами в качестве «объяснения в любви»!

С роботами из книжки, к счастью, справиться было просто: у них на спине была кнопка, с помощью которой они элементарно выключались. Только они сами об этом не знали. И поэтому «обезопасить» их не представляло большого труда. Эх, если бы только и с командой Клинтон и Блэра можно было так просто расправиться...

Не одну меня, к слову, посещала мысль о нечеловеческом характере натовских «героев»: один югославский мальчик тоже все спрашивал свою маму, а кто же это бросает на них бомбы? Злые роботы - как в кино «Терминатор»? «Да нет,- ответила ему мама, - к сожалению, они живые...»

А гениальное, на мой взгляд, произведение нашего детского писателя Николая Носова «Незнайка на Луне»!. Тот, кто плохо себе представляет, что такое жизнь при капитализме, а Ленина или Маркса считает трудным для понимания или скучным для чтения, - пожалуйста, возьмите и перечитайте эту книгу! Это - энциклопедия капиталистической политической, экономической и повседневной жизни, написанная простым, доступным даже детям языком. В ней есть все - от симпатичных вроде бы ребят Миги и Жулио, сбегających с собранными денежками акционеров, подобно начальству АО МММ - до внезапно разбогатевшего Пончика, который так же быстро вновь нищает, потому что не понял жестокого монополистского характера капиталистической конкуренции. От коротышек, подставляющих свое лицо под удар мячом за деньги - на потеху тем, у кого они есть - и до Козлика, арестованного за то, что он понюхал бублик в магазине (в Ирландии как раз тогда разразился скандал из-за того, что молодая

безработная девушка была посажена на 6 лет в тюрьму за кражу дамской сумочки, а в то же время процветающий архитектор, который в пьяном виде насмерть сбил машиной женщину, мать 2 детей, был отпущен на свободу всего через год - по личному ходатайству премьера Ахерна...). От «дешевой» гостиницы, в которой, оказывается, за все, вплоть до струи горячей воды надо отдельно дополнительно платить - до полиции, которая открыто признает, что известный гангстер Красавчик может купить ее всю с потрохами...

Но самая интересная глава «Незнайки на Луне» посвящена Дурацкому острову. На этот остров свозят тех бедняг, которые жили «не по нормам общества» – в том числе бедняков, не имеющих крыши над головой или ботинок. На острове с ними очень хорошо обходятся: кормят, поят, не заставляют работать, всячески развлекают (бесплатные кино, аттракционы и т.п.). В результате этого со временем коротышки, отвезенные на остров, сами того не замечая, превращаются в баранов! Которых потом и отдают местным богачам - для стрижки с них шерсти... И возврата в нормальный, человеческий мир с этого острова нет...

Я каждый день вспоминаю эти строчки, глядя вокруг себя. Глядя на то, как с детства «прочищают мозги» людям на Западе; глядя на то, как отбарабанивают тексты увиденных по телевизору реклам дети; глядя на то, как люди здесь с младенчества отучаются думать самостоятельно и начинают верить, что то, что они прочитали в газетах - это и есть их собственное мнение... Но еще более горько осознавать, что в такой вот Дурацкий остров западная пропагандистская машина стремится превратить и нашу Россию, пытается сделать из нашей молодежи «НЕЗНАЕК НА ЗЕМЛЕ» - ничего не знающих про нее, свою Землю, про родную историю; подобных тем бедняжкам, что развлекались себе бездумно на Дурацком острове, пока не превратились в баранов...

...Много лет назад я была таким же , как тот космонавт из первой книги - когда меня послали по обмену в Голландию, известную также как Нидерланды, и в эти 2 месяца я не уставала восхищаться ее организованностью и чистотой. *Я тогда еще не распознала роботов.* Потом, когда я вновь оказалась в той же стране, через очень короткий промежуток времени я открыла для себя, что то, чему нас учили в

школе, в институте, дома, в советском обществе вообще, - вовсе не пустые слова, не пропаганда, как бы скучно нам это ни бывало иногда выслушивать, - а действительно реальность этого мира.

Я долгое время не могла спокойно проходить мимо бездомных. Я долгое время не могла понять, почему это по закону можно людям, которые помоложе, за такую же работу платить в 2-3 раза меньше, и почему из-за этого те, кто старше, не имеют возможности найти ее вообще. А к тому, что многие люди мечтают стать такими как Билл Гейтс, «купаться в деньгах и ничего не делать», как они выражаются, мне не привыкнуть никогда. Ну просто совершенно не привлекает меня такой паразитический образ жизни, ни с одной стороны. И не считаю я признаком ума умение выкачивать деньги из других людей любой ценой.

Но этого уже не понять Незнайкам Нового Мирового Порядка. Как им объяснить? Как объяснить, что война в Югославии измеряется для нас не тем, что «ракета, которая стоит полтора миллиона долларов, разбивает здание, которое стоит 30.000, а это значит, что мы, натовцы, проигрываем» (как выразился один знакомый американец), а тем, что 4-летний югославский мальчик Джордже в городе Чачак ложится спать в шапке, а на вопрос мамы, почему он ее не снимает, отвечает: «Это чтобы бомба не упала мне на голову!». Измеряется слезами матери 3-летней Милицы, погибшей в пасхальное воскресенье сидя на горшке перед сном у себя дома...

В интернете я познакомилась с Радмилой- сербкой-доктором, живущей в Черногории. Черногорию бомбили тоже, но не так сильно: Запад надеялся в недалеком будущем подкупить ее на откол от союза с Сербией. В Сербии у Радмилы остались родители и сестра с семьей, да и на Подгорицу бомб упало тоже предостаточно...

Наше общение очень быстро стало для нас обоих необходимым как воздух. Я просиживала дома в интернете чуть ли не все ночи напролет - именно по ночам натовцы бомбили больше всего, и Радмиле было так страшно.... Она говорила, что мои письма помогают ей выжить. С другого конца интернета то и дело приходили короткие, полные отчаяния записочки:

«Ну вот, кажется, началось... Я слышу, как гудят в воздухе их бомбардировщики... Начинается сирена ПВО... Один взрыв, второй,

третий... В доме дрожат окна. Мама, мамочка, только не сейчас! Я не хочу умирать! Что будут делать без меня родители? Они уже совсем старенькие... Но пусть лучше сбросят бомбу сюда, чем на Чачак... У Снежаны сыночек совсем еще малыш...»

А в это время с экрана важный, как мышь, надувшаяся на крупу, Клинтон вещал, что он- друг сербского народа, и что бомбы направлены только против *бяки* президента Милошевича...

В современной войне есть что-то особенно психически ненормальное: ну разве можно себе представить корреспондента фашистской Германии, ведущего прямой репортаж из бомбардируемой немцами Москвы? Сам тот факт, что западным коррепондентам разрешили в Белграде в тот момент находиться, по-моему, служил лишь *легитимации бомбардировок*, делал их *более приемлемыми* в глазах западной публики - ведь они выбирали согласно вкусам своих хозяев, что показывать и о чем и как говорить.

Создавалось впечатление, что война - это какое-то развлекательное шоу, сродни футбольному матчу. Если бы я была югославским президентом, выгнала бы всю эту *шатью-братью* в первый же день бомбардировок из моей страны поганой метлой. Почему все как загипнотизированные боятся какого-то мифического «мирового» (читай- западного!) «общественного мнения» - насквозь проплаченного и создающегося в глубоко запудренных мозгах?

...Каждую ночь я возвращалась к компьютеру, мысленно молясь, чтобы Радмила не погибла за день и отозвалась на мое письмо. Если от нее ничего не было в течении часа, я не находила себе места.

Наверно, в те дни у меня слегка поехала крыша. У меня не укладывалось в голове, как можно продолжать спокойно жить, смотреть какие-то сериалы и ходить по вечерам по барам, напиваясь «Гиннесом», когда совсем рядом с нами, в Европе, бомбы дружественных твоему государству держав убивают детей и беременных женщин. Фото такой женщины, погибшей в разбомбленном НАТО поезде, стояло у меня перед глазами - когда я видела смеющихся как ни в чем не бывало коллег, лепечущих друг другу какие-то глупости. Даже в выходные, когда я куда-то ехала в автобусе, я так живо представляла себе, что чувствуют сейчас люди в

автобусе где-нибудь на дорогах Югославии, не знающие, в какой момент их начнут бомбить, что у меня на глазах выступали слезы...

Странное дело- ведь войны на нашей планете все это время не прекращались,и я знала об этом, и знала о страданиях людей, но ни одна война не оказала на меня такого эмоционального и политического воздействия, как эта... Неужели и в самом деле только потому, что *сербы- наши братья?* Или же потому, что помимо моей собственной воли, где-то глубоко в моем подсознании засел евроцентризм, и то, что не так удивляет и поражает, если происходит где-то на другом континенте, приводит в ужас, если это разворачивается вдруг на континенте твоём?

Нет, нет, думаю, что и не в этом было дело! А в том, что с уродливого лица «всего мирового сообщества» окончательно упала умильная, улыбочатая, украшенная «общечеловеческими ценностями» маска. Одно дело - знать о хищнической природе империализма по книжкам и другое - видеть его перед собой лицом к лицу без прикрас... Лучше один раз увидеть,чем два раза услышать или прочитать. К сожалению...

До югославских событий я относилась к Соединенным Штатам почти равнодушно. Без симпатий, конечно, но и без такой неприязни, что «кушать не могу». Это неправда, что нас воспитывали в ненависти к янкам. У меня не было иллюзий насчет того, что они из себя представляют - но мое отношение к ним раньше, в советское время, вполне вписывалось в рамки «нас не трогай- мы не тронем!»

А теперь я окончательно поняла, что они *не могут существовать без того, чтобы не трогать* - и нас, и все другие страны. Как глист - солитер. И мое отношение к ним изменилось соответственно. Я вновь почувствовала то холодное «*значит, вы вот так? Тогда мы сделаем для себя соответствующие выводы...*», что я впервые ощутила, когда мне пришлось не на жизнь, а насмерть бороться с Сонни... Именно так. Не надо истерик и топанья ногами. От них толку мало - так же, как от всех этих демонстраций. Демонстрации нужны больше для успокоения собственной совести: я сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше... Как насчет того, чтобы «глаголом жечь сердца людей»?

В эти дни я поняла две вещи- взаимосвязанные. Во-первых, что от политики никуда не убежать. Как бы она ни была тебе отвратительна, если ничего не делать, не вмешиваться, жить по принципу «моя хата с

краю», если прятать от нее голову в песок и давать все за тебя решать другим - Клинтонам, Ельциным, Блэрам и так далее, - то вот к чему это приводит...

И во-вторых, я как никогда осознала верность слов Ленина – «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Это я особенно остро ощутила в ходе антивоенных демонстраций, которые, как я надеялась, все-таки дадут какой-то выход моему гневу... Когда сталкивалась с дублинскими бабушками, которые тоже были против бомбардировок - но только потому что «теперь-то уж Милошевич всех бедных албанцев точно этнически вычистит». И волновала этих приличных с виду старушек только судьба албанских беженцев: что будет, если НАТО не разглядит сверху, кто там албанец, а кто -нет. Бомбить людей других национальностей в Югославии для них было вполне приемлемо. Бабушки не могли быть свободными от своего лицемерного общества. Видно, это тот же менталитет, что ныне вспоминает только о людях одной-единственной национальности из всех погибших в гитлеровских концлагерях...

На демонстрации я впервые встретила ирландских левых. Это были буйные головы- троцкисты. До этого я никогда с троцкистами не сталкивалась.

... Их можно увидеть вообще на каждой демонстрации. По любому поводу. У них всегда были готовы соответствующие плакаты, они - профессиональные скандирователи: с «запевалой», разученным текстом и хором. Это единственное, что они делают профессионально и с удовольствием: шумные манифестации - их специальность. Их методы вербовки в свои ряды чем-то неуловимо напоминают методы «свидетелей Иеговы»- и к этому сводится, собственно, любая демонстрация для них, к призыву «Вступайте в наши ряды!»

Они гораздо охотнее, чем.что-либо ещё критикуют других левых - за недостаточный, по их мнению, радикализм. То есть, за что, что для тех главным являются не героические крики на улицах, а мелкие, повседневные, скучные, «нереволюционные» дела по повседневной помощи местным жителям, по их организации и воспитанию в них веры в свои собственные силы решать свои собственные проблемы. Создавалось такое впечатление, что их главный враг - именно эти левые, а вовсе не мировой капитализм, который, если их послушать,

дышит на ладан и вот-вот все равно отбросит копыта, ибо не за горами всемирная революция, Грозная и Прекрасная, которая в один светлый день просто вот так возьмет себе и произойдет, как Судный День. А главное оружие в борьбе - шум, ибо победить мировой капитал можно только как следует надавив на его барабанные перепонки.

Так я познакомилась с Терезой - классическим примером такого революционера, который громко кричит в ожидании Светлого Будущего.

Тереза была абсолютно честная, глубоко убежденная в правоте своих идей и идеалистичная молодая девушка, с короткой, как у пацана, стрижкой. Сначала она ухватила за меня двумя руками: не только из-за страстного желания пополнить свои ряды, но я из-за того, откуда я родом: Тереза никогда ещё не видела живых русских. Она тут же обильно посыпала цитатами из Троцкого и попыталась заверить меня, что главная ошибка нашей страны была в том, что мы не дождались мировой революции. Этой закутанной в палестинский платок светлоглазой молодой девушке в солдатских ботинках, не испытывавшей на себе ничего из того, через что прошли наши отцы и деды ради того, чтобы мое поколение могло бесплатно учиться, лечиться, не должно было с детства бродить по помойкам и мыть машины богатеев, не было никакого дела до реальных достижений нашего далеко, конечно, не безупречного социализма: для нее он просто-напросто вовсе не существовал никогда, была только «бюрократическая диктатура», хотя большинство из тех вопросов, за которые её товарищи здесь борются с помощью собственного горла, у нас в стране были уже решены.

Может, это-то им и кажется таким негативным?

Как посмели мы разрешить эти социальные вопросы своим трудом, а не дождавшись их громких криков?

Соскучившись по марксистской терминологии (нечасто здесь услышишь от простых смертных слова о диктатуре пролетариата и об интернационализме!), я провела в их компании некоторое время – на демонстрациях. Пока меня не добила морально две вещи: первая - полная безрезультатность и бессмысленность одних только громких криков (я быстро поняла, что мне мало было только «спустить пар» в адрес Билла Клинтона и НАТО!) и почти религиозное ожидание революции, которая придет и всех спасет, без малейшего желания

Советика Часть 1

пошевелить хоть пальцем, чтобы эту революцию подготовить. Вторая - нежелание этих молодых людей знать о том, какой была в действительности жизнь в моей стране, СССР. Ибо это не вписывается в заложенные ими в их собственные головы схемы. Для них СССР - такое же, если не большее зло, чем мировой капитализм, и они готовы были заткнуть уши, услышав, что брат моей бабушки, прошедший долгие годы на лесоповале на Урале и в конце концов там и осевший, потерявший свою семью (жена бросила его, когда он стал «врагом народа»), никогда ни словом дурным не обмолвился о нашей стране, о революции или о других коммунистах. Не было в нем ни грамма антисоветизма, ни капли горечи, ненависти к «системе» и жалости к самому себе, и он, будучи уже реабилитированным, продолжал оставаться таким же убежденным большевиком-ленинцем, каким и был всю жизнь.

Это было не то, что они хотели услышать!

...Так или иначе, но я была буквально одержима происходящим на Балканах. Даже на работе я не могла думать ни о чем другом. Я ежеминутно следила через интернет за новостями. Я переводила то, что мне удалось узнать и рассылала это друзьям и знакомым. Мне было известно такое об этой войне, о чем и не подозревали вечно жующие Марки и смотрящие своих «Друзей» Мелины. И функционировать среди них мне становилось все труднее.

Я вспоминала слова Маяковского: *«Единица вздор, единица ноль, один — даже если очень важный — не подымет простое пятивершковое бревно, тем более дом пятиэтажный»*.

Если я всерьез не хочу мириться со сложившимся порядком вещей, мне необходимо найти себе единомышленников.

Обжегшись на троцкистах, я не оставила своих планов. И вот тогда-то я впервые вспомнила о единственной ирландской партии, которая была мне знакома в советское время....

Шинн Фейн!

О ней стыдливо молчали ирландские радио и телевидение. А если и вспоминали, то с таким выражением лица, словно это была какая-то постыдная ирландская заразная болезнь, которую надо ото всех скрывать.

Честно говоря, я не понимаю, как можно стыдиться того, что люди борются за независимость своей родины **от империалистической державы**. Может, партизанам во время Великой Отечественной тоже надо было сначала провести опрос общественного мнения, особенно за рубежом, стоит бороться с «фрицами» или нет? Причем борьба-то в Ирландии идет не просто за независимость, а за ее воссоединение. Вся Европа только что бурными, продолжительными аплодисментами, переходящими в овацию и салютом встретила объединение Германии. А вот объединение Ирландии почему-то - смертный грех. Может быть, разница-то в том, что Германия воссоединилась на чисто капиталистической основе, а Шинн Фейн провозглашает своей целью республику социалистическую?... Раз их так боится «эстаблишмент»-верные друзья натовских гостеррористов-, они, должно быть, стоящие люди!

Я знала, что Шинн Фейн тоже протестует против этой войны. Но разузнать о них побольше мне было не у кого. Люди в Дублине хватались за сердце при одном только названии этой партии. Подавляющее большинство их никогда не бывало на севере Ирландии и не собиралось туда даже под угрозой расстрела. Обращаться к самим шиннфейновцам напрямую мне было как-то неудобно. Дело было даже не в том, что они националисты, а я не ирландка. Просто наверняка они не доверяют посторонним - и правильно делают!

Кое-где в центре города можно было купить шиннфейновскую газету «Ан Фоблахт», но тоже чуть ли не из-под полы. В конце концов я решила, что это и есть самый легкий способ узнать хотя бы немного для себя побольше. И в том же номере увидела объявление о курсах ирландского языка...

А что, это идея... Тем более, что ирландский мне давно хотелось выучить. Лучший способ проявления уважения к народу-хозяину со стороны новоприбывшего - это освоение его языка. Даже если тебя никто не заставляет это делать и даже если на нем говорит только меньшинство населения.

Совьетика Часть 1

В назначенный день я очень волновалась - у меня было такое чувство, что я иду по меньшей мере на подпольное собрание. Кто знает, какие они люди, и как они встретят меня...

Когда я волнуюсь, я обычно прихожу туда, где мне надо быть, раньше времени. Так было и на этот раз. Я вышла из автобуса неподалеку от пивзавода «Гиннесс». Уже стемнело. Несмотря на то, что было начало апреля, оказалось холоднее, чем зимой - такое в Ирландии бывает. Я нашла нужный мне адрес - и оказалась перед закрытой дверью полуподвального помещения одного из социальных домов-многоэтажек. Социальные дома в Дублине - картина неприглядная. Непривычному человеку можно даже испугаться. Но я бояться на улице не привыкла - с советских времен, и даже 10 лет жизни при капитализме не могли этого изменить.

Я подергала дверную ручку. Нет, точно, заперто. А до 8 часов еще почти 40 минут... Я же тут закоченею! Но делать ничего не оставалось: пришлось ходить вокруг двери кругами.

Минут 10 проходила я так, когда ко мне вдруг подошел высокий толстый усатый мужчина, похожий на запорожского казака.

- Вы на занятия по ирландскому? – у него был сильный дублинский рабочий акцент.

Я только кивнула.

- Финнула звонила что запаздывает. Она всегда запаздывает. Не с кем было оставить ребят.

Я понятия не имела, кто такая Финнула, и каких ребят ей было не с кем оставить, но на всякий случай еще раз послушно кивнула.

- Раньше чем к половине девятого она не подъедет. Поэтому и послала меня предупредить народ. Вы тут замерзнете совсем. Пошли ко мне, что ли? Я тут за углом живу.

Я еще раз – не без некоторого колебания - посмотрела на него и на его руки в политических наколках.

-Ну ладно, пошли...- нерешительно сказала я.

... .. А еще через час я уже хохотала в компании своих новых знакомых - эксцентричного пожилого полу-итальянца, полу-ирландца с классическим ирландским именем Падди, который, наверно, в молодости был красавцем, розовощекого студента из Голуэя, которого звали Донал, учительницы - Финнулы, маленькой, худенькой и тархтящей со скоростью пулемета «Максим», ее дочки Оньи, девочки лет 10, которая свободно говорила по-ирландски, но и на английском за словом в карман не лезла, уже знакомого мне Коннора - ирландца казацкой наружности и не пожелавшего нам представиться черноволосого бородача, похожего на испанца. Хотя урока настоящего не получилось. Для этого Финнула была слишком хаотична. Кто-то притащил с собой гитару, и народ начал увлеченно петь. Потом выяснилось, что некоторые из нас уже немного по-ирландски знают - наверно, только я одна не знала совершенно ничего.

Сказать, что ирландский язык совершенно не похож на английский - это почти оскорбление. Он и не должен быть на него похож! Он не похож ни на один из известных мне языков - и очень красив на звук. Другое дело, что никто так никогда и не объяснил мне правила его написания, и я осваивала их как осваивает дно незнакомой реки человек, постепенно в нее заходящий – медленно нащупывая одной ногой подводные камни. Все ирландцы в какой-то степени изучают ирландский в школе - беда только в том, что его преподают там как какой-нибудь церковно-славянский. Говорить на нем не учат, читают какие-нибудь скучные куски, вроде отрывков из библии - и таким образом совершенно убивают у детей к нему интерес. Италиянец Падди когда-то хорошо говорил по-русски и, познакомившись со мной, начал усиленно вслух вспоминать русские фразы. А бородач-инкогнито достал из кармана какую-то кипу листочков, отпечатанных на машинке:

- Вот, это копии наших занятий по ирландскому в тюрьме...

Совьетика Часть 1

Какой уж тут урок! Но главная проблема оказалась в том, что Финнула, подобно моему бывшему супругу, была из тех, кто несмотря на собственные познания в предмете, не умеет передавать это другим... Кончилось тем, что каждый говорил свое, все друг друга перебивали и никто ничего нового не узнал. За исключением того, конечно, что мы все узнали друг друга. Бородач оказался сбежавшим несколько лет назад из британской тюрьмы бойцом ИРА, который находился на свободе условно: ему каждую неделю надо было ходить в полицейский участок по месту жительства - отмечаться.

Видя, что так у нас ничего не получится, Падди попытался взять уроки в свои руки, и на следующий раз он принял бразды правления.

- У меня очень неортодоксальный метод обучения, - предупредил он, - Но зато он действует безотказно. Мы будем... кричать.

- Как кричать? Что кричать? И главное- зачем кричать?

- Ирландские слова и выражения. Я вас буду им учить, и мы будем их все хором повторять. Все громче и громче и все быстрее и быстрее. Не спрашивайте, почему, но на корочку у вас прекрасно все запишется! Покричим так пару месяцев - и вы у меня заговорите по-ирландски как миленькие.

Предоставляю вашему собственному воображению нарисовать себе картину того, как прошел наш следующий урок... Но Падди был прав - слова и фразы после этого прекрасно запоминались. Плохо только, что трудно было запомнить, что именно какая именно из них означает!

Вот так я впервые оказалась в кругах, близких к Шинн Фейн...

...Дышать на работе мне становилось все труднее, особенно когда Марк начинал свое ежеутреннее *ритуальное* чтение газет вслух. Мне казалось, что я и мои коллеги существуем в каких-то параллельных друг другу мирах, единственная точка соприкосновения которых - это совместное пребывание в офисе.

Впервые в жизни я сознательно бойкотировала «МакДональдс». Когда Мелина протягивала мне очередной глянцевоый номер «Космополитена», думая, что этим делает мне приятное, я смотрела на нее так, словно она свалилась с Луны - и ничего не могла с собой поделать. Мои мысли были далеко, в Белграде, где 20 мая натовская «умная бомба» поразила родильное отделение больницы «Драгиша Мишович». В это время у 4 женщин шли родовые схватки. Одной делали кесарево сечение. Она была ранена, и ее ребенок в конце концов увидел свет в подвале, под звуки падающих бомб... *Да здравствуют права человека!*

23 апреля натовцы убили больше 20 работников белградского телевидения. 5 мая уничтожили крупнейший в Чачаке вполне мирный завод, лишив работы 5000 человек и убив при этом 74-летнюю бабушку. Я видела ее фото – с открытым ртом и удивленными мертвыми глазами.. Про 87 албанцев, погибших от руки НАТО в Корише, и так все на Западе знают... А про то, что 12 апреля в Куршумле были убиты 11-месячная Бояна Тосович и ее отец? 16 апреля - 3-летняя Милица Ракич? 26 апреля - 5-летняя Арла Луджич в Липляне²⁴²? Список можно продолжать и продолжать.

На одном из осколков бомбы, найденной в Кралево, каким-то не в меру грамотным *дуболомом Урфина Джюса*²⁴³ было написано: «Ну как, вы все еще хотите быть сербами?»

А в это время мои коллеги как курица с торбой носились по офису с идеей «ламинированного списка»²⁴⁴ ...

....Когда я уже твердо решила с этой работы уходить, Мелина вернулась после уикэнда в офис с красным носом и в слезах.

-Что с тобой, Мелина? - спросили мы.

²⁴²<http://www.counterpunch.org/dead.html>

http://www.ess.uwe.ac.uk/kosovo/Kosovo-Serb_News24.htm

²⁴³ солдаты, сделанные из бревен и оживленные героем повести А. Волкова

²⁴⁴ Laminated list—изобретение героев сериала «Друзья», список знаменитостей, с которыми любовная парочка позволила бы друг другу переспать.

Совьетика Часть 1

-Представляете, он, он...- она заплакала.

-Кто он?

-Мартин! Он пригласил меня к своим родителям на уикэнд в Майо - и только чтобы расспросить, правда ли это, что мой папа - араб...

-А ты?

-...А его родители сказали мне, совершенно искренне, доброжелательно так: «Вы такая милая девушка. Как же так получилось, что Ваша мама вышла замуж за араба?»... После этого я убежала на автобус... А они так и не поняли, что такого они сказали....

-Мелина, ну что ты так переживаешь, ты же знаешь, какой он...

-Значит, не знала! А еще он попытался меня поцеловать и при этом говорил со мной по-немецки так, словно он - нацист времен войны. Понимаете, девочки, он так вошел в эту роль... Он действительно ТАК думает! Он говорил, как Геббельс! Даже с тем же акцентом! Он психопат!

-Мелина, между нами, девочками: твой папа и правда араб?

-Вот, и вы туда же...

-Нет, мы вовсе не туда же. Но мы не думаем, что это правда...

-Неправда, конечно... Но раз он не может любить меня такой, как есть... - И она опять зарыдала. - Уеду в Австралию! Но сначала я ему отомщу!

-А почему именно в Австралию?

-Потому что там настоящие парни - не такие зависящие от родителей маменькины сынки, как ирландцы!

-Хм-м-м...

Но Мелина уже для себя все решила, и никому было ее не остановить.

Через две недели после этого Мартин подал заявление об уходе с работы. И сразу же ушел на больничный. Мелина сияла.

-Что ты с ним сделала, дорогая? - спросила Вики, - Как тебе это удалось?

-Он уезжает в Германию, хи-хи-хи! Теперь в Ирландии одним расистом станет меньше! - Мелина не скрывала своего торжества.- Я взяла все его любовные электронные письма, которые у меня были, распечатала и отправила их его маме. А он там описывает, какие у него консервативные родители, и что бы он со мной хотел сделать.... И просит меня дать ему поносить что-нибудь из моего белья...И про тайник с видео я им написала...

Мы с Викторией молча переглянулись.

- Зиг хайль, Мелина! Привет, девочки! Ну, не обижайся, сестренка!- даже не глядя на то, что на этот раз она еще не успела обидеться, Саймон метеором ворвался в дверь. - Наши задницы сегодня как сговорились. Марк тоже подал заявление...

- Марк? А Марк-то почему? - удивилась Мелина.

- Ну, понимаете, к нам в понедельник приходит новый парень, очень редкий специалист. Мы не могли упустить такого. К тому же он поляк и согласен работать за половину того, что просят наши. Вот Марк с Мартином и не выдержали. «Понабрали здесь всяких...», - прошу прощения, девочки, но так они сказали. «Понабрали здесь всяких! Скоро в офисе ни одного белого не останется!» А я сказал им, что даже еще и нигерийца на место Марка возьму, если он за полцены будет работать, вместо того, чтобы качать права, вроде них... Мне

Совьетика Часть 1

какая разница, черная там задница на стуле, или белая, лишь бы расходов у фирмы было меньше.

... Больше мы Мартина не видели. Он действительно уехал в Германию. Мелина считала это своей личной заслугой, хотя мы с Викторией не были на 100% в этом уверены. Все свободное время она занималась оформлением австралийской рабочей визы, сетуя на то, что англоязычным ее получить настолько легче.

-А интересно, какой он будет, этот поляк? - спросила Виктория, когда мы собирались на обед в пятницу.

-Какой, какой.... - Мелина презрительно поморщилась, - Я жила недалеко от польской границы. Пьяницы они ваши поляки все, и жулики. У нас столько машин погоняли. А еще они не знают, что такое дезодорант, и редко моются. И плевать на землю у них в Восточной Европе - национальный вид спорта. Кстати, вот во время войны, когда к нам пришли русские, моя бабушка тогда была подростком, так она переделалась в мужскую одежду, чтобы ее не изнасиловали...

-Хорошо, что война 60 лет назад была, а не сейчас, - сказала я спокойно.

-Почему?

-Да потому, что в наше время и мужская одежда твою бабушку не спасла бы..., - и я мило ей улыбнулась.

В дверь опять ворвался Саймон. Он не ходил, а летал.

- Девочки, кто со мной в «МақДональдс»? Мелина, хайль Гитлер...

- А знаешь, в чем единственная разница между немцами и вами, Саймон? В том, что их уже победили, а вас - пока еще нет.

С этими словами я вышла из комнаты.

...Надо будет посоветовать Мелине, чтобы она не очень-то там рассказывала австралийцам про своего арабского папу... Ведь я к ней так привыкла. Как к сестренке.

...Ближе к лету я уже смирилась с мыслью, что этим летом перевезти Лизу в Ирландию не удастся. Договор с квартирным хозяином через год после подписания первого был обновлен таким образом, что он мог теперь выставить меня в любой момент, предупредив за месяц. Я прекрасно понимала, что если я привезу Лизу в Дублин еще раз, то он так и сделает. Нужно покупать свое жилье. Но как, где? В Дублине мне даже сарай был бы не по карману. Машину я не вожу, так что далеко за городом жить и приезжать сюда на работу не смогу. Да и какой смысл везти Лизу туда, где для нее нет подходящего лечения? Но моя работа-то здесь! И найти ее в других странах не так-то легко... Что же делать? Полагаться на то, что жизнь подскажет, было нельзя - да и некогда, с каждым днем становилось все меньше шансов на успешную Лизину ревалидацию. Кто-то сказал мне на работе, что хорошие врачи - в Британии, и что все ирландцы (которые могут себе это позволить, разумеется!) когда у них какие-то серьезные проблемы со здоровьем, едут туда. Но жизнь среди англичан представлялась мне похожей на то, какой была моя жизнь в Голландии.... Из огня да в полымя? Да еще в страну, которая бомбит другие страны? А что если... Ведь Белфаст официально тоже пока еще часть Британии... А если найти работу там?

К сожалению, с работой в Белфасте, судя по газетам, было туго. Требовались только представители каких-нибудь экзотических специальностей вроде «rease facilitator» для различных НГО. Но эта мысль запала мне в голову - особенно после того, как я списалась по интернету с одной из крупных белфастских больниц и выяснила, что там есть неврологи с хорошей репутацией. Надо будет разузнать побольше про жизнь там.

«Разузнать про жизнь там» мне помогла (опять, опять, каюсь и знаю, что вы скажете!) переписка по интернету же, с одним из тамошних местных жителей по имени Джеффри Кавана.

Надо сказать, что мои познания о специфике «Ольстера», как его именовали в советских передачах новостей, были весьма

поверхностные. Например, я даже не знала, что слово «Ольстер» в отношении Северной Ирландии употребляют только протестанты-юнионисты и «насадившие» их туда англичане («насадившие» потому, что массовое переселение шотландских протестантов на север Ирландии, поощряемое англичанами, именовалось «Plantation»!). Для католиков - в зависимости от их политических взглядов - это или «север Ирландии» (не Северная Ирландия!), или даже вообще «6 графств» (подразумевается 6 графств Ольстера, в котором их всего -9, 3 остальные находятся в Ирландской республике или «на Юге»). Иногда кратко – «Север». Но если ты не знаешь, кто перед тобой и не хочешь попасть впросак (а здесь за такие вещи бывает что и убивают!), то смело говори официальное «Северная Ирландия». Иностранцам тоже прощается так ее называть.

Символы имеют в Северной Ирландии (которую я далее буду именовать просто Севером) огромное значение. Цвета, флаги, надписи на стенах, имена... Простите за сравнение, подобно тому, как собачка по запаху столбиков узнает, где чья территория, северяне узнают это у себя именно по таким вот мелочам, которые для постороннего человека ничего не значат. Но все это я узнала позже...

Не имела я понятия тогда даже о том, как определить по имени, католик человек или протестант. Сейчас я это делаю с 99%-ной точностью (с огрехом в 1%). *Это же элементарно, Ватсон* (кстати, Ватсон наверняка был не католик!)

Так вот, как раз в случае Джеффри сделать это было очень сложно. Потому что имя у него протестантское, а фамилия- католическая. Но тем не менее, он был католиком. И сам мне об этом рассказал.

Мы познакомились на одном из сайтов - кажется, Yahoo - в разделе, где целью обоих была просто переписка. То, что ирландцы - мастера не только разговора, но и эпистолярного жанра, я, увы, уже тоже познала на своей шкуре...

Письма Джеффри были полны детского энтузиазма и какой-то щенячей восторженности. Он был северянин с рождения. «An Ulsterman, I am proud to be, from Antrim's glens I come...²⁴⁵», как поется в песне. Не просто северянин, а католик. Не просто католик, а из

²⁴⁵ Строчка из песни «Henry Joy McCracken»

Антрима. Только 2 графства остались на сегодняшний день на Севере, в которых католики продолжали жить «в осаде»: северная часть Дауна и Антрим...

*Troubles*²⁴⁶ начались в тот год, когда Джо родился. Он и не знал другой жизни: постоянная война, взрывы, заголовки газет с именами очередной жертвы... Он не верил, что все это когда-нибудь кончится. Всерьез не верил.

Самым ярким воспоминанием детства был жаркий летний день, когда они с мамой возвращались домой по горной тропинке – в свою деревню, маленькую, живописную, мирную деревню на берегу моря, где католическое население было чуть-чуть многочисленнее протестантского, но рыбаки не считались с религией друг друга, и у Джеффри была закадычный приятель-протестант по имени Крейг...

Джеффри было тогда чуть больше 10 лет. Он, как настоящий мальчишка, увлекался всем военным и даже подумывал о том, чтобы пойти в армию. В британскую армию, конечно, - в ирландскую для северянина тогда было попасть гораздо сложнее, а Джо так любил все военное – форму, учения, дисциплину... Но родители прозрачно намекнули ему, что это будет не очень-то разумный шаг с его стороны... а у него были ещё два брата и сестра...

... Так вот, в тот жаркий летний день они возвращались домой, - и вдруг, со стороны сверкающего под солнцем на горизонте моря послышалась глухая автоматная очередь. Мама молниеносно толкнула Джеффри на землю и упала сверху... Так они пролежали с полчаса, боясь пошевелиться. И только потом узнали, что произошло: лоялисты застрелили в их деревне прогрессивного протестанта, который пытался сблизить обе общины. За это он поплатился жизнью, и его молодая жена-японка стала свидетельницей его гибели...

Этот день так и отпечатался на сетчатке глаз у Джеффри – и холодный ужас, связанный с ним, всплывал всякий раз, когда речь заходила о «политике». Сколько раз после этого старый «товарищ Джо», как называли их соседа, которого все считали чудачком за любовь к СССР, куда он ездил на отдых каждое лето, как другие ездят на Канары или на Кипр, говорил ему: «Джеффри, сегодня вечером the

²⁴⁶ Местное название североирландского конфликта

Boys²⁴⁷ соберутся. Приходи!» ..Но Джеффри ни разу не откликнулся на эти приглашения.

Живущий в насквозь прополитизированном уголке Зеленого острова, он, как и многие друзья, попытался изгнать политику из своей жизни, сделав вид, что её не существует. Он упрямо не хотел замечать, когда пытался устраиваться на работу, что его куда не брали, а его друга, Крэйга МакКуэйда, брали сразу и практически везде. Он продолжал уверять себя, что это просто вышло случайно. Он каждый раз аккуратно заполнял выдаваемую при поступлении на работу анкету о религии, надеясь, что то, о чем ему говорит его внутренний голос (и горластые агитаторы-шиннеры, которых периодически отстреливали лоялисты!), ему лишь померещилось...

По тому, как его звали, нельзя было на 100% быть уверенным., что он католик, но фамилия с головой выдавала его. Она была ужасно ирландская.

К 30-и годам, после нескольких лет работы на заводе в Ларне, где его протестантский коллега по цеху, стоявший за соседним станком, за 3 года ни разу не сказал ему «доброе утро!», Джеффри наконец-то нашёл цель в жизни: университетский диплом – как ключ к большой зарплате, на которую можно будет купить себе мотоцикл и всякие другие «игрушки» («the older the boys, the faster the toys²⁴⁸», любил он повторять), который позволит тебе убежать от жизни, где тебе даже не грозило повышение по службе внутри цеха – из-за того, в чьих все было руках...

В 30 лет он стал «взрослым студентом»: есть здесь такое понятие для обозначения человека, который сначала несколько лет проработал, а потом поступил на дневное отделение в университет. На кого? Конечно, на программиста! Это же кратчайший путь к £ 30.000 в год! Решиться на такой шаг, отказавшись от уже более или менее гарантированной зарплаты, могли далеко не все: пойти в университет означает здесь влезть в многотысячные долги и несколько лет прожить практически впроголодь (если, конечно, твой папа не из богатых, а папа Джеффри, школьный учитель, умер пару лет назад). Это

²⁴⁷ местное название бойцов ИРА

²⁴⁸ Чем старше мальчики, тем быстрее игрушки (англ.)

свидетельствовало об определенной твердости воли, и Джеффри в глубине души гордился собой и своим временным спартанством.

«Пусть убираются в свой Дублин!» – шептали по углам, а иногда и говорили вслух о католиках его протестантские сокурсники. Хотя Джеффри и такие, как он, родились и выросли на этой отобранной когда-то у их предков земле. (До сих пор ещё люди здесь помнят, какой семье принадлежал тот или иной участок до начала колонизации!)

Но Джеффри не собирался покидать Север. Он слишком любил свою родину для этого и даже в Дублине чувствовал себя слегка потерянным. И хотя ему хотелось увидеть объединенную Ирландию, но сделать для этого что-нибудь означало бы подвергнуть риску будущую зарплату в 30.000 фунтов стерлингов в год, а он уже так хорошо рассчитал, что он купит на эти деньги через 2 года... Ради этого он готов был потуже затянуть на себе пояс сейчас.

Сами видите, насколько мы были непохожи. Я уже говорила, что бояться я не привыкла – и потому не боялась ничего. Ведь в СССР 70-х можно было до утра гулять по улицам, не опасаясь никаких маньяков, не говоря уже о белых расистах-протестантах с плохим знанием ирландской истории и географии.

Но то, что он мне описывал, захватило мое воображение. Было очень похоже на парк Юрского периода. Неужели может быть в наши дни, в Европе такое место?

Что-то в Севере влекло меня к себе неумолимо – наверно, опять-таки теплая память о детстве, из которой проклюнулась теперь и упрямо тянулась к солнцу жажда узнать, а какие же они на самом деле, те «бесстрашные северные ветры», прославляемые в ирландской республиканской балладе-североирландские католики-республиканцы, ибо выросла я с примером хрупкого и стойкого солдата ирландской свободы Бобби Сэндса перед глазами, чья застенчивая улыбка с детства врезалась мне в память...

Вскоре я перешла в Дублине на новую работу - платили там на 2500 фунтов в год больше, к дому она была намного ближе, пешком можно было ходить, по красивой дороге вдоль канала. Но очень скоро я об этом переходе сильно пожалела.

Конечно, у меня не было иллюзий насчет того, что на новом месте меня встретит человеческий контингент с какими-то другими взглядами на жизнь и интересами. Но дело было даже не в этом.

Новая фирма - известная, американская! - напоминала мне большой инкубатор, в котором каждая курица... пардон, сотрудник! занимала свою ячейку и сидела весь день безвылазно. Общение между «курями» было сведено до минимума, каждая из них сидела за компьютером не разгибаясь и заносила в него заказы- даже не на компьютерные программы этой фирмы, а только на одни ее лицензии! Я чувствовала себя продавцом воздуха. Заказов было такое количество, что при поступлении на работу в контракте, который мы подписывали, специально оговаривалось, что в конце каждого квартала работа будет ненормированной - нас будут держать в офисе столько, сколько захотят хозяева, без какой бы то ни было оплаты сверхурочных. Могут по окончании квартала дать за него премию, но могут и не дать. А сверхурочные оплачивались *натурой*: фирма покупала сотрудникам дешевый ужин «на вынос» в какой-нибудь «Pizza Hut», который они поглощали тут же, на рабочем месте, и продолжали работать дотемна... Такое рабство – чтобы *работать за кормежку*- никому в Советском Союзе и не снилось! На маминном заводе рабочие чуть не ругались между собой из-за сверхурочных, потому что за них платили вдвое от нормальной зарплаты. Даже за поездку в колхоз, и то, не только платили обычную зарплату по месту основной работы, но и давали отгул или день к ежегодному отпуску!

Готовили нас к новой работе только 3 дня, из которых целый день ушел на захватывающе интересный тренинг под названием «*Как распознать гражданина нехороших держав* (список прилагается: Югославия, Куба, Ирак, Иран, Северная Корея, Ливия), *которые коварно попытаются приобрести нашу лицензию*». Одному господу богу известно, каких сил мне стоило ни разу вслух не расхохотаться, слушая этот бред сивой американской кобылы. Несколько раз я была очень к тому близка.

У меня невероятной силы *идиосинкразия* на американского фасона аббревиатуры: все эти *Ди- Джеи, Си-Эс-Ары, Ти-Эс-Ары* и тому подобные *Найн-Илевен*. На мой взгляд, лексикон может быть переполнен ими до такой степени только от умственной нищеты и лени. А в этом офисе только на таком языке и говорили. Как можно было за два дня запомнить, какой из формуляров каким сокращением

называется, не зная его полного значения - и самое главное, зачем это было нужно?

Это был в подавляющем большинстве своем женский коллектив. Все молодые девушки - с высшим образованием, со знанием иногда даже больше чем одного иностранного языка. Язык был нужен только для того, чтобы помочь клиентам в других странах разыскать затерянную где-то на почте лицензию. Любой полуграмотный недоучка мог бы заносить в компьютер номерочки с числом отправляемых лицензий и подшивать заказы в папочку. Уже на вторую неделю я взвыла. Для чего здесь вообще нужно высшее образование? Это было вопиющее расходование человеческого таланта и знаний!

Очень скоро я стала ходить на работу по утрам с отвращением - с таким сильным, что у меня начинал болеть живот даже не когда я к зданию подходила, а когда у меня утром звонил будильник. Моя новая начальница как чувствовала это - и относилась ко мне так, что казалось, вот-вот по-собачьи на меня зарычит. При одном ее виде мне хотелось спрятаться или сигануть вниз головой в пролет лестницы. Такого у меня в Ирландии еще не бывало.

Тем временем война в Югославии неожиданно подошла к концу. Только-только общественное мнение на самом Западе начало отворачиваться от натовской авантюры, как президент Милошевич решил, что его многострадальный народ больше не выдержит, и... Ельцинская Россия - все больше напоминающая полиция на службе у НАТО - уговорила его, предав Югославию, сыграла в этой грязной истории самую подлую роль. Запад ликовал. Мне больно было читать условия «мирного договора», по которому Косово занималось оккупантами. Так больно, что когда я впервые увидела этот текст, я проревела весь вечер и пошла гулять по городу, не зная, что делать и кому свои чувства излить. Я долго-долго рылась в записной книжке. Нет, никого нет, кто бы понял меня... Никого, кому можно бы было позвонить!

Я уже совсем было отчаялась, когда из книжки выпала бумажка с телефоном Финнулы. Давясь слезами, я позвонила ей. К моему удивлению, она поняла меня с полуслова.

Приезжай сейчас же к нам! Мы тебя около метро встретим.

... Финнула с дочкой ждали меня под мостом, прячась от дождя. Я просидела в гостях у нее до 2 часов ночи, познакомившись там с ее

сыном, вдумчивым мальчиком лет 8, который не только играл в оловянных солдатиков, разыгрывая битву в Ватерлоо, но и задавал невероятно глубокие для его возраста политические вопросы. Ответы на все эти вопросы- ответы обстоятельные, с неотразимыми аргументами- давал Финнулин муж Финтан: худенький седовласый мужчина с тихим голосом и большим, как у статуэток бабы-яги, которые здесь продают на Хэллоуин, носом. Он ни разу не сказал, что мы, коммунисты, для него «были дьяволами». И он прекрасно понимал и был осведомлен о том, что на самом деле происходит на Балканах!

Я тогда еще не представляла себе, что это за удивительный человек.

...После объявления «мира» в Югославии и оккупации Косова я была совершенно уверена в том, что югославы развернут против оккупантов партизанскую войну: ведь у них такой богатый исторический опыт по этой части, ведь из бомбежек их армия вышла практически нетронутой (тогда зачем ее было сохранять, если не для этого?), ведь Косово- это самое историческое сердце земли сербской...

К моему глубокому разочарованию, не последовало ни одной настоящей партизанской акции. Да, Россия предала югославов, да, она сыграла в этой войне позорную роль, но сидеть и ждать, что твою землю защитит кто-то другой, кроме тебя... Брали бы пример с иракцев и афганцев, которые ни на кого не ссылаются – а ведь их предала не только одна страна, а целая Организация Объединенных Наций! Конечно, говорить всегда легче, чем действовать, но если бы враг оккупировал мой родной город, я бы этого однозначно не потерпела. Но зараженные бациллой «цивилизованности» югославы вместо этого бежали из Косова под напором самых настоящих этнических чисток - о которых на Западе молчат в тряпочку! - да время от времени слезно жалуются на свою долю. Кому? Да все тому же «цивилизованному» миру, который их и бомбил в первую очередь – то есть, оккупантам- миру, который сделал все от него зависящее, чтобы нынешние этнические чистки стали возможными!

Видимо, сопротивление оккупантам (подлинное, а не распевание рок-песенок на площадях, стояние на мостах и ношение мерчандайза с символикой, вроде маек с «Я тоже мишень!») на сегодня в мире - удел «нецивилизованных» народов. «Цивилизованные» напрочь

Ирина Маленко

загипнотизированы волшебной фразой мирового империализма – « а что о нас подумает мировое сообщество?». И потому беззащитны. ...

- Надо нам будет как-нибудь пригласить тебя - выступишь перед нашими ребятами со своими воспоминаниями о повседневной жизни в Советском Союзе, а? Как ты на это смотришь? - спросил Финтан.

- Положительно! - ответила я. На душе у меня медленно светлело.

Глава 8. В краю непуганых мракобесов

*«- Ты пацак, ты пацак и он пацак. А я чатланин, и они чатлане!
Так что ты цак надень и в пепелаце сиди, ясно?»*

- Что?

*- Посмотри на меня в визатор, родной... Какая точка отвечает?
Зелёная.*

*- Теперь на него посмотри - тоже зелёная. И у тебя зелёная. А
теперь на Уэфа посмотри - какая точка? Оранжевая? Это потому,
что он чатланин! Ну, понимаешь?*

- Чего?

*- Плюк - чатланская планета. Поэтому мы, пацаки, должны цаки
носить...*

- Да-а! И перед нами, чатланами, должны делать вот так!

-Владимир Николаевич, это оголтелый расизм.»

«- Извините, а чатлане и пацаки - это национальность?»

- Нет.

- Биологический фактор?

- Нет.

- Лица с других планет?

- Нет.

- А в чём они друг от друга отличаются?

*- Ты что, дальтоник, Скрипач - зелёный цвет от оранжевого
отличить не можешь? Турист...»*

*«Общество, в котором нет цветовой дифференциации штанов,
лишено цели «*

(«Киндза-дза»)

*... Интересно, с чего мне начать свой рассказ, если говорить о
Советском Союзе? Я закрываю глаза и пытаюсь его вспомнить. Многие*

вещи трудно передать словами человеку, который их себе не представляет. Который всю свою жизнь дышал другим воздухом...

Сначала перед моим мысленным взором возникает почему-то ботанический сад и парк возле Тимирязевки, мимо которого мы с девушками ездили каждый день на трамвае, когда работали в стройотряде - бескрайний, зеленый и тихий... станция юннатов в нашем городе, где я сажала настурции утром перед школой... потом - засека у нас же под городом, в которую мы ходили раза два в год; весной собирать первые цветы: раскрывающиеся когда нет еще даже травы желтенькие «цыплятки» мать-и-мачехи, или в мае за черемухой и осенью - за кленовыми листьями...сырой и терпкий запах этих палых кленовых листьев, пылающих всеми оттенками желтого, красного и оранжевого с зелеными прожилками... то, как они шуршат под ногами... обелиск неизвестному солдату между деревьев – защитнику своей Родины, а не павшему бессмысленно где-то в заграничных окопах ради того, чтобы чьи-то кошельки стали еще толще, как британские и ирландские «герои» Первой Мировой....

Дедушка как-то раз потерял меня там, в то время как сам держал меня на руках: «Господи, а где же Женя?» Как звонко хохотала над ним бабушка... Сейчас половина этой засеки вырублена под частные гаражи. Вот-вот подберутся и к памятнику.

... Переезд Тamarочки на новую квартиру, которую ей дали, как и полагалось, бесплатно, когда сносили ее старый дом - зимой, на санях; то, как мы весело втаскивали ее вещи на 6 этаж, как она радовалась, открывая на кухне кран с водой... запах блинов на новоселье... То, как я пила дома у бабушки сладкий чай *внакладку* - со сливочными ванильными сухарями : накрашивала их с стакан, вылавливала чуть размокшие кусочки ложкой, а сам чай выливали в раковину... Бабушкины рассказы о том, как один из ребят, с которым они вместе в одной компании ходили в кино до войны, стал летчиком и дважды героем Советского Союза и героически погиб в 1942 году. Он был на год ее моложе...

...Эстафета Олимпийского огня у нас на стадионе... мой отец тоже нес факел на одном из ее этапов, и теперь этот факел висит у него дома на стенке...когда она проходила через наш город, городские власти выкрасили заборы во всех частных домах, если они были еще не покрашены: естественно, бесплатно, и частные старые кварталы зазеленели как новенькие цветом «хаки»- самой доступной в нашем городе в то время краской...Вопрос о том, что сколько стоит, просто не вставал: если надо для людей – значит, надо...И самое первое, что меня так шокировало на Западе – это вечные, бесконечные разговоры о деньгах. От этого становилось тоскливо на душе. Как же можно так жить, когда все только деньгами измеряется? Самим-то не противно?

Для нас деньги были второстепенным, а говорить о них – плохим тоном. Деньги должны быть только инструментом людей, а не наоборот. Не говорим же мы целый день напролет о диване, на котором сидим, о шапке, которую носим на голове или об унитазах! Все эти вещи существуют, и они нужны, но они не занимают целиком и полностью наше воображение – до того, что мы неспособны больше думать ни о чем, кроме них. И деньги для нас ничем по значению от этих вещей не отличались. Именно поэтому мы были неизмеримо свободнее духом и могли заниматься творчеством. Именно потому, что это изменилось, наши нынешние писатели и режиссеры и не способны сегодня ничего достойного создать: их слишком занимают мысли, где найти спонсоров и как им угодить...Это пострашнее любой цензуры!

Насколько я теперь вижу, кстати, советская цензура была направлена прежде всего на поддержание качества - фильмов, книг, песен... Ни один худсовет не пропустил бы ту белиберду, что несется сегодня с экранов наших телевизоров! Например, такую вот «патриотическую» бредятину:

*«Мой Ваня твёрдо знает что почём.
В делах как волк и ураган в постели,
К тому же всё что надо - всё при нём,
Карман при бабках и душа при теле.
К тому же Ваня домашний такой,*

*Неприхотливый, ручной.
Мама, на кой сдались нам эти Штаты,
Мама, здесь тоже можно жить богато,
Мама, не стоит плакать, я русского люблю!»²⁴⁹*

Для советского человека это – «куплеты инопланетян». Причем инопланетян умственно и душевно недоразвитых.

Перед глазами моими встает залитый солнцем склон оврага, красный от лесной земляники. Я бегу по нему, а в душе все поет как мамин переносной приемник:

*«Лучами красит солнышко стальное полотно,
А я гляжу без усталы в вагонное окно.
Леса, равнины русские, пригорки да кусты,
Платформы деревянные, железные мосты...*

*Любимая, зелёная, знакомая, широкая,
Земля моя ты, Родина, привольное житьё!
Эх, сколько мною езжено, эх, сколько мною пройдено,
Эх, сколько мною видано - и всё вокруг моё!*

*То фабрика кирпичная - высокая труба,
То хата побеленная, то в поле молотьяба...
И всё-то сердцу дорого, и нет версты такой,
Посёлка или города, чтоб был тебе чужой!*

*Любимая, зелёная, знакомая, широкая,
Земля моя ты, Родина, привольное житьё!
Эх, сколько мною езжено, эх, сколько мною пройдено,
Эх, сколько мною видано - и всё вокруг моё!*

*Уже роса за стёклами, уже видать луну,
А я стою, прикованный к вагонному окну...
Уже пора посвечивать ночному фонарю,*

²⁴⁹ «Мама, все о'кэй!»- музыка и слова С. Трофимова (1995)

А я гляжу на сумерки и тихо говорю:

*Любимая, зелёная, знакомая, широкая,
Земля моя ты, Родина, привольное житьё!
Эх, сколько мною езжено, эх, сколько мною пройдено,
Эх, сколько мною видано - и всё теперь моё!²⁵⁰»*

Вот оно – мое мироощущение в СССР!

И что мне там какие-то «карманы с бабками» того или иного кретина!

...Есть вещи, о которых я не люблю вспоминать - например, ту самую, первую поездку в Голландию, организованную «молодым Рейганом» на западные гранты - для того, чтобы запудрить нашим молодым людям мозги...

Но иногда полезно это вспомнить. На ошибках учатся.

... В конце концов мы оформили все документы и стали ждать. Но поездка все откладывалась, и было непонятно, для чего вообще пороли такую горячку и нас так торопили. Незаметно подкрался декабрь, выпал снег, мы даже досрочно сдали зимнюю сессию - на всякий случай, а никаких новостей о Голландии все еще так и не было. Лида с Любой даже начали подтрунивать надо мной - правда, беззлобно, да я и не обижалась, потому что не я ведь просилась в эту поездку. Меня решили в нее послать.

- Зато у меня теперь будут длинные зимние каникулы, а вам еще сессию сдавать! - сказала я им.

Поскольку у меня неожиданно оказалась уйма свободного времени после досрочной сдачи сессии, мне пришло в голову то, на что я обычно не отважилась бы: повторить Лидин «подвиг», поехав «на Родину героя», только теперь уже не Лидиново, а своего - и не на

²⁵⁰ «Дорожная» (1949), музыка Дунаевского, слова Васильева

Родину, а туда, где он жил. Мне очень захотелось посмотреть, где живет мой новый герой Володя Зелинский...

Его адрес я взяла в паспортном столе. Теперь я знала даже его отчество и день рождения. Он не обманул нас, что день рождения у него на Новый год - я-то было подумала, что он шутит потому, что не хочет говорить...

В Одессе, если вы помните, жила моя любимая школьная учительница – Эмилия Вениаминовна. И я попросилась к ней в гости - на три дня, не открывая ей, естественно, настоящей причины своей поездки. Эмилия Вениаминовна очень обрадовалась - мы с ней все это время переписывались и не виделись к тому времени уже почти 5 лет! Она жила теперь в Одессе вместе с мужем - тем самым моим бывшим репетитором по французскому, которого я когда-то так боялась, и с дочкой, которая, как и я, была студенткой (она была всего на год с небольшим старше меня и моя тезка!)

Морозным солнечным ноябрьским днем села я на Киевском вокзале в поезд и отправилась в Одессу. Я надеялась, что уже на месте найду план города и по нему - мою конечную цель. Боже упаси, в мои планы не входило заходить к Володе в гости, даже если бы он и был дома! Больше того, я как огня боялась попасться ему на глаза. Что бы он обо мне подумал! Я просто хотела посмотреть на дом, в котором он живет. На его окно. Наверно, это будет нелегко понять некоторым современным барышням, не говоря уже о кавалерах...

Одесса, где еще даже не все листья слетели с деревьев, показалась мне волшебным местом. Не похожим ни на один другой знакомый мне город. Было наслаждением даже просто слушать в трамвае удивительный местный говорок одесситов, не говоря уже о прогулках по Дерибасовской и по набережным, про Потемкинскую лестницу и Оперный театр... Эмилия Вениаминовна поручила меня своей дочке Жене - очень серьезной и немного грустной девушке, которая внешне больше была похожа на своего отца, чем на маму. Женья самым первым делом купила нам с ней билеты в знаменитый местный оперный театр - на украинскую оперу «Запорожец за Дунаем», из

Совьетика Часть 1

которой я знала наизусть 2 или 3 арии – ее часто передавали по радио, да и дома у нас мама иногда их пела. Украина вообще славилась среди наших республик своей музыкальностью.

... ..Как-то раз, когда мне было лет 10, жарким летним днем за нами с мамой на улице увязался тенор из Харьковского оперного театра, который у нас тогда гастролировал. Тенор ел мороженое (!) и хвастал тем, как вечером он будет петь Хозе в «Кармен», приглашая нас на спектакль. Мы еле от него отвязались.

- Вот если бы он пел Эскамильо, тогда другое дело! А Хозе не люблю с детства, он такой нытик! - воскликнула мама.

Ария Торeadора была ее любимой оперной арией с детства, когда они с Шуреком еще были дошколятами и целый день слушали дома радио. Наряду с арией хана Кончака – «Все боятся меня, все трепещет кругом...» - мамин крутой нрав проявлялся уже тогда.

Шурек был в своих запросах поскромнее: он выступал перед бабушкой и дедушкой с исполнением арии Ивана Карася из как раз той самой украинской классической оперы «Запорожец за Дунаем», в которой ему очень нравились слова: «Теперь я турок, не козак, и в турка я перевернулся!» . При этом Шурек кувырчался через голову, так как в том возрасте он воспринимал слова запорожца буквально.

Многие песни слышались детям по-своему. Например, при исполнении по радио песни «Милый друг, наконец-то мы вместе» мама в детстве начинала плакать:

- Лошадку жалко!

- Какую лошадку, Наденька?

- На которую они вдвоем взобрались: «Милый друг на коне-то мы вместе...» Ей же тяжело будет!

А в песне «Любимый город» ей чудились такие слова:

«Любимый город, синий дым Китая...»

Китай тогда был большим другом СССР. Надя даже переписывалась с китайским радио - и распевала дома «Русский с китайцем братья навек».

На самом деле в той песне, конечно, пелось не о синем дыме Китая, а «в синей дымке тает»...

...Семья Эмилии Вениаминовны жила в очень симпатичной пятиэтажке- чистой и ухоженной. Весь подъезд скидывался и платил немного одной из проживающих в нем бабушек, чтобы она следила за чистотой. И у нее даже розы цвели на лестничных площадках - и их никто не трогал.

Муж Эмилии Вениаминовны, перестав быть моим репетитором, оказался совсем не страшным. Мы ели традиционную еврейскую фаршированную рыбу, и я рассказывала им о Москве. Оперный театр в Одессе оказался замечательным, но Женя устроила мне настолько насыщенный экскурсиями день, что у меня едва-едва оставалось время для поисков Володиного дома. Мы с нею даже в синагоге побывали - правда, когда там никого не было.

Я попросила у Эмилии Вениаминовны карту города, но не нашла на ней нужной мне улицы. Скрепя сердце, я под каким-то надуманным предлогом спросила о ней. Оказалось, что это спальный район, новостройка, поэтому его и не было на карте. С трудом я выведала, как туда проехать.

- А зачем тебе туда, Женя? - простодушно спросила моя культурная тезка, - Обыкновенный «спальный» район, что там может быть интересного?

Эх, Женя, знала бы ты...

Но я молчала как партизан. На полтора часа мне удалось от нее оторваться.

... Пришлось ехать до самой конечной остановки. Я быстро нашла его дом, а вот подъезд все никак не могла найти. Потом оказалось, что он живет на самом первом этаже. Я только сунула голову во входную дверь подъезда, поглядела на темную дверь его квартиры - и тут же выбежала, пока меня никто не увидел... Обошла вокруг дома, посмотрела на его окна- и отправилась на вокзал и обратно в Москву. Я была совершенно счастлива! Никакой «оргазм» не сравнится бы с тем, что творилось у меня в душе.

... Когда потом мама рассказала ему, что я была в Одессе и рядом с его домом, Володя простодушно воскликнул:

- Ой, а что ж не зашла? Чаю бы выпили...

Он даже и не понял, чем была для меня та поездка...

Это был мой последний раз на советской Украине. От распада Союза больно, но от предательства «оранжевой» Украины больно так, как от предательства самого родного человека... «- *Так продать? продать веру? продать своих?*»...

...Той осенью у меня появился еще один хороший друг - в нашем, советском, а не в «новорусском» смысле этого слова. Мамаду, *фульбе* с плато Фута-Джаллон.

Он приехал на два года на стажировку на кафедру истории КПСС. У себя дома он был учителем истории в лицее. Я узнала о нем случайно, от Хабибы.

- А у нас в общежитии новый африканец есть!- сказала она мне. - Только он почему-то никуда из комнаты не выходит.

И я отправилась на разведку...

... Он даже не хотел сначала открывать мне дверь - боялся. Мамаду оказался уже не юным человеком, с большими, как у стрекозы, добрыми глазами и с наполовину беззубым ртом. Вставляя зубы учителям в Гвинее, видимо, было не по карману. Я не издеваюсь – просто тогда нашим учителям такое и не снилось. Это сейчас в России они его вполне бы поняли...

Мамаду совсем не говорил по-русски, и если бы не мои познания во французском, какими бы скромными они тогда ни были, то я бы ни за что не смогла с ним общаться. Услышав, что я говорю на понятном ему языке, Мамаду воспрянул духом, и через 10 минут я выяснила, в чем дело.

Та осень выдалась холодная. Советская система, обычно в таких случаях, как с Мамаду работающая как часы, благодаря «великим кормчим» от переродившейся КПСС уже начинала давать сбои, и к тому моменту, когда я с ним познакомилась, он почти неделю безвылазно просидел в общежитии потому, что ему еще до сих пор не выдали зимнюю одежду, как полагалось. И никто этого даже не заметил!

Да что же это творится! Я была вне себя от возмущения. Тут же принесла ему старую зимнюю шапку моего дяди, которая лежала у меня без дела в шкафу. И пообещала привезти ему из дома и пальто, и зимние ботинки.

- А чем Вы питаетесь? Ведь чтобы дойти до универсама, тоже шапка с пальто нужны...

Оказалось, что консервами - которые тоже уже подходят к концу. Ни хлеба, ни молока у него не было.

- Так... - сказала я решительно, - Пишите список, что Вам нужно, и я пойду в магазин.

Денег я с него, естественно, брать не стала. Еще чего не хватало! И так наша страна опозорилась перед ним....

Совьетика Часть 1

А еще через полчаса Мамаду уплетал курицу-гриль со свежим батоном и рассказывал о себе...

Его родная деревня именовалась Тунтурун. У меня это вызывало ассоциации с мультфильмом о Винни-Пухе: «Тунтурун-турун-турун-тун, рун-тун-тун... Тунтурун-турун-турун-тун, рун-тун-тун...» Но Мамаду, даже не зная нашего мультлика, на эту песню почему-то обижался, и я не стала его огорчать.

Больше всего на свете Мамаду любил свою маму: «J'adore cette femme-la²⁵¹!» Он вырос в мусульманской семье, у отца было 3 жены. Мамаду давно уже закончил университет и преподавал историю, а после этой стажировки его должны были повысить до директора лица.

- Тогда я построю себе une petite villa и куплю un cheval blanc²⁵², - мечтательно говаривал он.

- А зачем Вам белая лошадь? - недоумевала я.

- Как это зачем? У моего папы была белая лошадь, и вся деревня ему завидовала...

Несмотря на такие частнособственнические мечты, взглядов Мамаду был левых. И очень хорошо знал историю нашей КПСС - я даже удивилась. Я решила, что le cheval blanc – это просто дань традиции.

- Мне нужен коврик, - сказал мне Мамаду почти сразу после того, как мы познакомились.

- Какой коврик?

²⁵¹ Я обожаю эту женщину! (фр.)

²⁵² маленькую виллу и белую лошадь (фр.)

- Как какой? Чтобы молиться! Узнай для меня, пожалуйста, в какой стороне здесь Мекка?

Пришлось мне срочно разорить дома свою стенку над кроватью-других ковриков, кроме моего настенного, у нас не было.

Наверно, Мамаду был единственным в мире мусульманином, который молился на детском коврике с матрешками. Я быстро привыкла к тому, что он мог встать посредине нашего разговора, достать коврик и начать отвешивать поклоны в молитве.

В наших старых фильмах и книгах африканцы рисуются именно такими, как Мамаду: наивными, доверчивыми и немного беспомощными. Но я авторитетно заявляю, что он был исключением в африканских рядах. Его чистой, бесхитростной натуре поразились даже его собственные ученики, которых в Москве было несколько. Мамаду был настолько неприспособлен к становящемуся все более и более хищническим вокруг нас миру, что если бы не мы - эти его ученики, я и его племянница, работающая в посольстве его страны у нас в Москве, то и не знаю, что бы с ним было. К чести его соотечественников, они не были такими, как наши «перестроившиеся» на «господ» товарищи - будущие авторы финансовых пирамид и прочие *наперсточники*. Мамаду уважали за возраст и за то, что он был учителем - и ни один из них никогда не посмел бы воспользоваться его доверчивостью в каких-нибудь своих корыстных целях.

Прошло совсем немного времени, и я стала своего рода поводырем Мамаду в нашем быту.

Я знала, где купить *du poulet*²⁵³, книги по истории национально-освободительного движения и как приготовить вермишелевый суп на скорую руку. Несмотря на то, что у него начались интенсивные занятия по русскому языку, язык наш давался Мамаду с большим трудом, и он часто был вынужден обращаться к моим услугам переводчика. Мой французский становился все лучше и лучше - с каждым днем. То, чего не удавалось сделать никаким репетитором, стало реальностью – я заговорила по-французски свободно (ну, может быть, с легким гвинейским акцентом...)

²⁵³ курятину (фр.)

Циничная Люба нам бы никогда не поверила, но нас связывали действительно чисто дружеские отношения. Мамаду был старше меня на 15 лет. Впрочем, возраст у него в паспорте был записан приблизительно, и даже свой день рождения он знал не точно. Сначала Мамаду немножко попытался было ухаживать за мною. Но я сделала вид, что не замечаю этого, а когда ему в общежитие принесли телеграмму о том, что у него родился первенец, именно я принесла ему эту телеграмму и от души его поздравила. Мамаду немного смутился, а потом поведал, что женился незадолго до отъезда в СССР - по сватовству, на своей двоюродной сестре Фату. Судя по фотографии, она была красавицей.

- Но если хочешь, ты можешь стать моей второй женой!- заверил меня Мамаду, - У нас это можно.

Я поблагодарила его за оказанную мне честь, но вежливо отказалась. И с тех пор в нашей дружбе уже не возникало никаких недоразумений. Я относилась к нему как к своему ребенку, о котором надо заботиться. Но одновременно и знала, что Мамаду -настоящий товарищ, и если попросить его о какой-то помощи, он разобьется в лепешку, а сделает все, что может.

Мамаду рассказывал мне много об Африке- такое, что не прочитаешь ни в каких книгах. Когда он собирался на свою стажировку и давал дома прощальную вечеринку, друзья и родные на полном серьезе собирались забрать себе всю его мебель и прочие вещи.

- Тебе в Советском Союзе все бесплатно дадут! - они были совершенно уверены в этом. Наша страна пользовалась среди африканцев хорошей репутацией.

И Мамаду так бы и позволил им это и ничего бы не сказал - это противоречило бы традициям гостеприимства. Но тут вмешалась Фату, напомнив, что ей и будущему его наследнику тоже вообще-то понадобятся мебель и вещи...

Вскоре Мамаду очаровал всех общежитских бабушек-вахтерш, хотя одна из них была порядочной расисткой, уверенной, вроде Мартина,

что все африканцы больны СПИДом. Но и она не устояла перед его человеческим обаянием. Мамаду называл ее «мадам» и приносил ей из магазина пепси-колу в бутылочках. Я начинала успокаиваться: если надо, он все-таки у нас не пропадет...

Начался уже второй семестр, а о поездке в Голландию так и не было ни слуху, ни духу. Мы уже решили, что это была чья-то неумная шутка, когда нас вызвали в деканат и велели собираться. Отлет был назначен на следующий день после моего 22-го дня рождения...

... У нас с однокурсницами была традиция... Нет, не ходить в баню перед Новым годом, а всегда в одной и той же компании отмечать наши дни рождения: я, Лида, Люба, москвичка Анечка Боброва, Верочка из Усть-Каменогорска и Женя из Ялты.

На свой день рождения я, как правило, покупала торт, делала салат и эфиопский *уот*, рецепту которого я научилась от Саида. Конечно, он был далеко не таким острым, как оригинал, но оригинал, пожалуй, никто из нас и не смог бы есть. Кроме дня рождения, я еще готовила его ежегодно у себя в общежитии на День битвы при Адуа²⁵⁴ - который я обязательно отмечала, приглашая к себе на обед всю ту же девичью компанию.

После кулинарной части вечера наступала развлекательная - мы начинали хором петь протяжные народные песни, преимущественно о несчастной любви (частушки ведь хором не поешь!)

На этот раз Мамаду сказал, что хочет тоже прийти ко мне на день рождения. Я попыталась было объяснить ему, что это исключительно *девичник*, но он сказал, что если я его не приглашу, он очень обидится: мы друзья или нет? Так что я предупредила девочек о том, что в этом году нам придется сделать исключение из наших неписаных правил. Мы решили отпраздновать мой день рождения на этот раз сразу перед отъездом – мой самолет улетал часов в 8 вечера.

Мы были на последнем курсе, но никто из нас не задумывался о том, что мы скоро расстанемся, «и быть может, навсегда». Ни на секунду! Нам казалось, что и после этого мы всегда сможем увидеться в любой момент. Если бы Советский Союз продолжал существовать, без сомнения, так бы оно и было. Мы работали бы - каждая на своем

²⁵⁴ 1 марта 1896 года в битве при Адуа эфиопская армия победила итальянцев

месте, растили бы детей, ездили бы друг к другу в гости, устраивали бы раз лет в пять встречи выпускников... И в кошмарном сне мы не могли тогда представить себе, что нас разделят границы, что в разных частях нашей огромной страны начнутся гражданские войны, что мы узнаем, что такое безработица, безудержный рост цен, бандитизм... Что в нашей красавице-Москве начнут торговать людьми.

И когда после всего этого тебе встречается какой-нибудь очередной западный «доброжелатель», который с пеной у рта доказывает тебе, как ты должна быть благодарна Горбачеву за то, что он тебя «освободил».... Может, подскажите, какими цензурными словами ему ответить?

Люба только хмыкнула, когда я объявила, что Мамаду придет на мой день рождения: мол, я же вам говорила, что «это ж-ж-ж... неспроста²⁵⁵». Но я сделала вид, что ничего не заметила. К 5 курсу я уже достаточно повзрослела для того, чтобы меня не волновало, что там кто-то обо мне подумает - главное, что я сама знаю о себе правду.

Мои подружки любили острый уот. В красном соусе плавали кусочки мяса, картошка и сваренное вкрутую яйцо, разрезанное вдоль на две половинки.

- Хотя какая-то польза была от дурака!- говорила Люба, имея в виду Саида и облизывая ложку.

Мамаду сначала чувствовал себя в нашей девичьей компании скованно. Не только из-за плохого знания языка, но и потому, что он вообще по своей натуре был человек застенчивый. Но когда мы начали петь, он немножко расслабился и даже попытался подпевать нам, не зная слов. Кстати, не помню, чтобы на наших днях рождения было спиртное. Первый раз я попробовала алкоголь лет в 20. Но это было дома и шампанское на Новый год - а это совсем другое дело. Водки никто из нас не пил. Девочки могли выпить по рюмке вина, но только по особо торжественным случаям.

- Девочки, вы тут приглядывайте за ним, а? - попросила я, имея в виду Мамаду. - Если у него какие-нибудь проблемы будут. Ладно?

²⁵⁵ из мультфильма о Винни-Пухе

Да уж ладно!- махнула рукой Лида, - Эй, не грусти, черноокий, в обиду не дадим!

Мамаду не совсем понял, но улыбнулся. Если честно, то он очень нервничал, как он справится без меня эти два месяца. Поэтому я попросила заезжать к нему в моем отсутствии и свою маму.

Девчата не поехали провожать меня в аэропорт – слишком далеко. Зато мама поехала.

Действительно, добирались мы в Шереметьево целую вечность! И чем ближе мы к нему подъезжали, тем больше мне становилось не по себе. Я еще никогда не пересекала государственную границу. За ней тогда действительно начинался совершенно иной мир, а путешествие это было чем-то подобно межпланетной экспедиции.

В аэропорту я впервые как следует встретилась с остальными тремя нашими студентами, хотя мы и все учились в одном вузе. Руслан был с 4 курса, из казаков, румяный блондин, очень интеллигентный парень, любящий классическую музыку, источниковедение и подрабатывающий сторожем в Историческом музее. Девушки обе были москвичками - Таня с 4 курса, единственная из нас, кто уже был кандидатом в члены партии (почему я сразу же решила, что именно она была призвана «присматривать» за всеми остальными) - милая, улыбчивая, скромная, но в твердым характером. И Елена - самая младшая, с 3 курса, судя по лицу, избалованная папенькина дочка.

На посадку почти никто не шел - несколько иностранцев, мы да спортивный телекомментатор Сергей Ческидов, который, видно, отправлялся в Голландию на очередной чемпионат по конькам. Мы с какой-то тайной надеждой взирали на него - по крайней мере, хоть одно знакомое лицо будет в самолете!

Чувство заграницы возникло уже когда мы прошли паспортный контроль и в самолете тоже нас не покидало. Наши внутренние паспорта лежали где-то в министерстве высшего образования, а нам взамен их выдали загранпаспорта - с въездной голландской и выездной нашей, как тогда полагалось, визой. Мы отправлялись в неизвестную нам страну без гроша в кармане (не считая 5 долларов, которые Руслан вез в ботинке под пяткой) - потому что за наше пребывание платила голландская сторона, и деньги нам должны были

вручить на месте. Нас должны были встретить – а что будет, если вдруг не встретят? Мы нервничали.

Через некоторое время под крылом самолета показались огоньки. Копенгаген! С удивлением смотрели мы в иллюминаторы на первый в нашей жизни иностранный город, который мы видели не в «Клубе кинопутешественников». Когда самолет пошел на посадку, мы прильнули к иллюминаторам еще плотнее.

Внизу разворачивался *марсианский* пейзаж: огромные настенные рекламы «Кока-Колы», «Филипса» и еще всяких компаний, о которых мы знали понаслышке. При виде этого мне стало совсем не по себе. Я и по сей день, хотя прошло уже много лет, не люблю рекламу. Она вызывает у меня ассоциации с назойливой жирной летней мухой: ты от нее отмахиваешься, а она все летает над тобою кругами, пытаясь сесть тебе на коленку, и при этом мерзко жужжит. У нас в Советском Союзе рекламировалось только то, что никому было не нужно - например, услуги Госстраха, без которых в ту пору вполне можно было обойтись. Не знаю, как это реклама воздействует на западных людей: я еще ни разу за всю свою жизнь не купила ни одной вещи только потому, что ее рекламируют где-то по телевидению. Наоборот, есть такие товары, которые я теперь из принципа не покупаю - после того, как увидела их рекламу! А ведь у многих западных людей - причем на удивление, даже с прогрессивными взглядами!- настоящая нездоровая зависимость от нее. Это я заметила по тому, как блестят их глаза, когда они возвращаются к привычным им глянцевым «*биллбордам*» из той или иной страны, куда реклама еще не добралась (о благословенные уголки планеты, где можно отдохнуть душой от всей этой дряни!)

Когда мы вышли из самолета и стали ждать свой багаж, комментатор Ческидов, который был с одной только спортивной сумкой через плечо, быстро скрылся за поворотом, и нам стало совсем одиноко.

- На кого ж ты нас оставляешь, Сережа!- на полном серьезе воскликнула Таня, и нам стало смешно.

На выходе нас ждал толстенький... товарищ не товарищ, господин не господин - работник советской торговой палаты в этой стране. Именно там нам предстояло прожить первые несколько дней - в Голландию мы приехали накануне выходных, и пригласившие нас голландцы не работали.

Николай, - представился он, протягивая нам руку.

Наш визит был в то время такой редкостью, что нас рассматривали во все глаза везде, где бы мы ни появлялись - не только голландцы, а даже и наши соотечественники, здесь работающие. Что же касается голландцев, забегаая вперед, скажу, что нас носили чуть ли не на руках.

Живые русские!- представляли наши хозяева нас своим гостям, которых приглашали зачастую специально для того, чтобы нас им показать. Гости были в восторге и только что не общупывали нас, чтобы убедиться, что мы действительно живые.

Перестройка тогда была на Западе в моде, и они никак не могли взять в толк, почему вся наша четверка так не сговариваясь кривилась при одном только имени Горбачева...

По дороге из аэропорта в город меня поразило то, что вокруг совершенно нет снега - это зимой-то! Больше того, зеленела трава, кое-где распускались первые цветы. Амстердамские улицы поражали количеством велосипедистов и велосипедными дорожками, а также тем, насколько плотно друг к другу стояли дома и многонациональным городским населением. В торгпредстве нас приняли радушно, посадили пить чай, хотя было уже поздно. Все радовались, что мы догадались привезти им черного ржаного хлеба.

На следующее утро Николай повез нас на машине - показывать нам город. С первой же минуты он начал жаловаться нам на свою тяжкую жизнь: жена скоро рожает, ее отправили в Москву, чтобы не платить голландским врачам валютой. *«Здесь к зубному лишний раз не сходишь!»* Как будто бы это наши власти устанавливают здесь цены на лечение! И почему не вылечить все что надо дома бесплатно, раз есть такая возможность?

Мы ожидали, что он покажет нам музеи, театры, что-нибудь из архитектуры. Но вместо этого Николай повез нас на рынок, всю дорогу со смаком рассказывая про свой самый любимый в Амстердаме музей-музей секса...

Это был Альберт Кауп-маркт - длинный до бесконечности, раскинутый не в специально отведенном для этого месте, как у нас, а вдоль улицы с обыкновенными домами. Рыночные торговцы, зазывая покупателей, вопили так, что в домах чуть не дрожали оконные стекла. У нас такое было не принято.

У нас в городе базар работает все дни, кроме понедельника, четверг считается «базарным днем», но рынок наш продуктовый, а рынок одежды и других вещей - в народе «барахолка» - совсем в другом месте. Наш рынок был колхозным, и торговали на нем люди **плодами собственного труда**: грузины- мандаринами, украинцы - черешней, яблоками и грушами, азербайджанцы - виноградом и хурмой, корейцы в августе- арбузами и дынями, местные крестьяне - разными местными овощами и фруктами, мясом, молоком, сметаной, медом... Бывали и перекупщики, пытающиеся перепродать купленное в магазинах по гос.цене подороже - например, марокканские апельсины, но это было незаконным занятием, и за него можно было нарваться на крупные неприятности. Люди сами, если замечали, в чем дело, таких перекупщиков стыдили:

Апельсин-то откуда?

Сухумский, дэвушка, сухумский!

А он у вас в Сухуми прямо так с наклейкой «Maroc» и вырос?

На амстердамском же рынке торговали всем вперемешку - от свежей рыбы до носков и магнитофонов. Причем было совершенно очевидно, что рыбой торговали не рыбаки - она была, судя по ящикам, преимущественно импортная. И то же самое можно было сказать о большинстве остальных продуктов и товаров. Перед нами были профессиональные торгаши - интересно, по скольку они *накручивают* на цену своего товара? Тогда чем же рынок здесь отличается от магазинов? Тем более, что и то, и другое – в руках частных? Кажется, только ценами- здесь они ниже, чем в магазинах. Но зачастую ниже, чем там, и качество...

Частенько приходится слышать от бывших советских эмигрировавших «товарищей», как они чуть ли в обморок не падали, когда впервые увидели западное изобилие. На меня оно подобного сильного впечатления не произвело. Да, выбор здесь был шире, чем у нас. Но цены! А когда я попыталась себе представить, каково это - выбирать какой-то один из 30 сортов сыра... То, что я увидела здесь вокруг себя, показалось мне просто излишеством.

Но у Николая глаза горели. Он начал чуть ли не пуская слюнки рассказывать нам о своих экспедициях на другой рынок, «блошиный». Товарищи, да это же обыкновенный старьевщик!

Ребята наши как-то приуныли: видимо, они тоже ждали от него рассказов о Ван Гоге и Рембрандте, а не об уцененном тряпье. Но мы старались быть вежливыми и ничего ему не сказали.

А вот на обратном пути меня-таки прорвало. Мимо нас проезжало множество машин. Я в машинах не разбираюсь и отношусь к их внешнему виду и названию с безразличием: машина для меня - средство передвижения, а не показатель моего общественного статуса. Но у Николая авто-вопрос явно *свербел* на душе.

- Посмотрите, ребята, тут все чернож***е безработные ездят на «Мерседесах»! А нам что выдают? *За державу обидно!*

От гнева у меня внутри все заклокотало. Ладно, когда какие-то недоучки тебе хамят на улице, видя тебя в компании африканца... Но еще никогда в жизни мне не приходилось слышать подобные слова от официального советского лица. Значит, держава должна была еще и на «Мерседес» ему раскошелиться?

Я просто не могла промочать. Это было бы трусостью и предательством.

Завидовать между прочим, некрасиво! - сказала я, - Или Вас в МГИМО этому не учили?

Бычья шея Николая покраснела. Я видела только шею потому, что я сидела на заднем сиденьи его «не элитного» автомобиля. А наша троица воззрилась на меня с ужасом, в немом молчании: как это я осмелилась сказать такое официальному лицу?

У меня были двойственные чувства: с одной стороны, я гордилась собой, что не смолчала, а с другой, настроение было прочно

Советика Часть 1

испорчено этой его тирадой. После этого я не могла дожидаться понедельника: когда же нас наконец развезут по голландским семьям, как обещали?

В воскресенье я не выдержала и первой из нашей компании решила в одиночку погулять по городу. Несмотря на полученные нами в Москве инструкции. Во многом из-за Николая – мне просто не хотелось находиться с ним под одной крышей.

-Пойду навещу друга по переписке, - сказала я ребятам, - Карта города у меня есть, адрес есть. Найду.

Таня выразила по этому поводу беспокойство и предложила мне, чтобы мы пошли все вместе.

- Тань, ну ты представь себе: незнакомый даже мне лично человек.. А мы заявимся к нему всей четверкой!

Таня подумала и признала, что я права.

- Только ты нам адрес его оставь на всякий случай, чтобы мы знали где тебя искать, если что.

Я оставила ей адрес, и мы договорились, что я вернусь к определенному времени.

Хорошо тебе – небось обедом накормят!- сказал Руслан.

Идти мне пришлось почти через весь город: торгпредство было на юге, возле станции метро РАИ, а жил мой знакомый по переписке неподалеку от амстердамского зоопарка. Но расстояние меня не пугало. У меня была с собой карта, по карте я ориентируюсь хорошо, к ходьбе пешком была привычна, а вокруг было столько всего незнакомого и интересного, что я только успевала крутить головой направо и налево, чтобы все успеть рассмотреть.

Голландия ассоциируется у меня с того самого дня с запахом кур-гриль, которых жарят перед магазинами прямо на улицах. Перемешанным с запахом клейких, как расплавленная пластмасса,

сладостей, которые и на вкус- чистой воды химия. Все здесь было маленькое, улицы узкие. Высокими были только люди. Это была очень красивая страна - по-своему. Необычной для нас архитектурой, каналами. Впечатление портило только то, что улицы были усеяны собачьими экскрементами - до Голландии я ни разу, никогда не видела, чтобы они вот так запросто валялись на улице, и чтобы люди спокойно позволяли своим собакам на улицах гадить. Здесь же это было в порядке вещей, никто даже не обращал на это внимания.

До места я добралась без происшествий. Небольшая заминка возникла только в самый последний момент: я никак не могла понять, где же находится нужная мне и указанная на карте улица. Пришлось спросить какую-то девочку. Оказалось, что... на втором этаже: для того, чтобы на нее попасть, надо было взойти на второй этаж дома, числящегося по другой улице, а та, нужная мне, располагалась на внутренней стороне двух других домов. Такого я еще не видела! Дома были переделаны под жилые из старых портовых пакгаузов, да так красиво, что дух захватывало. У голландцев в силу ограниченности их ресурсов вообще ничего не пропадает даром, и первое, что удивляет их, когда они попадают к нам в страну, это что *«у вас здесь столько заброшенной земли!»*...

Хорошо, что мой друг по переписке был не этническим голландцем, а выходцем из Ганы: голландца, наверно, хватил бы инфаркт, если бы я заявила к нему без предупреждения. Но я тогда этого тоже не знала. У нас в городе такие визиты – «шел мимо, думаю, дай заиду...»- были в порядке вещей, потому что не у всех людей бы телефон. Жизнь не была настолько расписана по минутам, как у голландцев. Да и гостей мы так, как они, не пугались!

Тони только немного удивился, но встретил меня радушно. Он был намного старше меня - ровесник моей мамы, походил внешне на высушенного кузнечика, много курил и еще больше кашлял. «Независимый бизнесмен по импорту и экспорту», как он мне представился. Но типично африканского - теплого, душевного радушия, которое мне было знакомо по общению с африканскими студентами в СССР - в нем не было ни следа. В гостях у него была племянница, а Тони не подал ни ей, ни мне ничего, кроме чашечки кофе. Я краем глаза глянула в его кухню (кухня и гостиная

представляли здесь собой единое целое) и увидела, что там нет ничего, кроме заплесневелого хлеба...

Это было первое западное жилье, которое я увидела изнутри. На одного человека более, чем достаточное: двухэтажная квартира, с гостиной, совмещенной с кухней внизу и спальней с душем и туалетом наверху. Естественно, я не знала, сколько оно стоит, и какие здесь квартплаты. За окном, когда оно было раскрыто, ухали и завывали зоопарковые звери, так что даже становилось немного не по себе. Больше всего меня удивила практичность здешнего устройства: выключатель на лестнице был *и внизу, и наверху*, так чтобы можно было выключить свет за собой, поднявшись по лестнице. У нас до такого просто не додумались бы – и вовсе не потому, что не могли такого сделать, а потому что у нас *другие мысленные приоритеты*: не какие-то облегчающие жизнь мелочи, в которых Запад преуспел (причем вовсе не из-за заботы о людях – просто каждая такая мелочь создает новый рынок!), а решение проблем глобальных, размышления о смысле жизни, обо всем человечестве и т.п. Кажется, это вообще черта характера русских людей, вне зависимости от общественного строя. Просто мы другие по своей натуре, чем голландцы.

Я подарила Тони несколько сувениров - все мы приехали в Голландию с чемоданами, набитыми подарками предстоящим знакомым, а как же без этого! Мы выпили еще по чашечке кофе, и я - пешком же - отправилась домой. В животе у меня урчало от голода.

Кто там у нас завидовал темнокожим и их «Мерседсам»?...

В понедельник Николай отвез нас в музей, к которому нас прикрепили- прямо с вещами- и передал нас в голландские руки. Нас встретил симпатичный серьезный дяденька по имени Йос. Нам рассказали, в чем будет заключаться наша работа: музей готовил выставку по истории отношений двух стран, и надо было помочь в ее подготовке. Но нас ожидали еще осенью, а к тому моменту, когда мы приехали, работа над выставкой оказалась почти закончена! Нам оставалось какие-то мелочи перевести на русский, походить по музеям, архивам и тому подобным заведениям. Размещали нас в голландских семьях, которым организаторы визита выдавали деньги на то, чтобы те кормили нас завтраком. Нам же выдавали по 1000 гульденов в месяц (небольшими суммами, каждые две недели, чтобы

мы не потратили сразу все) на карманные расходы - в то время неплохие деньги, особенно если учесть, что нам не надо было платить ни за жилье, ни за электричество, ни за воду, ни даже за транспорт (все билеты на транспорт нам потом задним числом оплачивались). Получились, если честно, своего рода каникулы, оплачиваемые чужим дядей. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, гласит народная мудрость. Но в чем именно она заключалась, я поняла только спустя несколько лет...

Руслана определили в семью, увлекающуюся классической музыкой: их дочь была оперной певицей. *Пусти козла в огород...*О таком он мог только мечтать! Уже через неделю он с гордостью называл хозяев «мои ван дер Берги», а они водили его на оперные спектакли чуть ли не раз в неделю - за свой, разумеется, счет, так что о ценах на билеты Руслан не имел понятия.

Девочкам повезло несколько меньше - в том плане, что их поселили у студентки, с которой у них не сложились отношения. Дело в том, что уже в первую неделю они съели за завтраком ее месячный запас варенья и масла. Студентка пришла в ужас, но и девочки наши тоже в ужас пришли:

Видела бы ты, Жень, как она эти бутерброды намазывает! Слой масла тонюсенький, прозрачный - как будто украла у кого! Ну и жадина! А когда мы в душе моемся, она чуть не под дверью с часами стоит: воду экономит...

Хотя все мы изучали в институте по философии диалектический и исторический материализм, никто из нас не подумал о том, что бытие определяет сознание, а не наоборот. Мы просто физически не могли себе представить необходимости экономить на собственной чистоте и уж тем более - на еде. Любой самый захудалый студент у нас в стране клал по утрам масло на бутерброд толстыми кусками. О варенье я уж и не говорю: его мы съедали за чаем по полбанки за вечер, ложкой.

Бюджет голландской студентки не оправился от нанесенного ему нашими соотечественницами удара даже после возмещения стоимости съеденного ими голландской стороной, и она взмолилась к работникам музея, чтобы с нее сняли такую непосильную для нее ношу. После чего девочек переселили в роскошный особняк работника музея -

наследника семьи одной из крупнейших в Голландии сетей магазинов. Мы постоянно видели в городе его фамилию на магазинных вывесках. Его дом был настоящим дворцом, масла с вареньем здесь можно было есть сколько влезет. И мыться тоже.

Меня поселили в еврейскую семью - это я поняла сразу по фамилии хозяйки. А уж когда я ее увидела, у меня совершенно не осталось никаких в том сомнений. Ой, как интересно! После войны евреев в Амстердаме осталось мало. Хозяйка- тоже работница музея-, Мариэтта, была еврейка по отцу, а ее муж, компьютерщик и математик Ханс, -евреем на четверть. Когда-то в 50-е годы, еще будучи ребенком, Мариэтта бывала у нас в СССР: коммунистом был ее папа-журналист. Но все, что она из этих поездок запомнила - это как родители нелегально провозили обратно в Голландию излишек спиртного, засунув бутылки в ее детский ранец... Сама Мариэтта коммунисткой никогда не была, хотя считала себя левой: они с Хансом были из перебесившегося в молодости «flower-power generation²⁵⁶», которое, осев, оставило в прошлом собственное бунтарство и стало обыкновенными буржуазными *бюргерами*. Жили они на тихой улочке довольно далеко от центра, в западной части города, в трехэтажном доме: у Ханса было свое, отдельное жилье на первом этаже, Мариэтта занимала второй - с отдельной входной дверью, а в мезонине жили две их дочери, 13 и 11 лет, и была отведенная мне комната. Подвал дома тоже был жилым, и они его кому-то сдавали.

Наверх вводили узкие лестницы - закрученные в такую лихую спираль, что у меня при их виде в первый раз закружилась голова. Голландские дома были узкими, узкими были в них и двери, и лестницы, а новая мебель в случае нужды заносилась через окно: над ним специально для этого был прибит снаружи особый крюк, через который пропускали для этого толстую веревку...

Когда мне навстречу выбежала младшая из девочек, я, признаюсь, струхнула: ой, у них есть дети... Я совершенно не знала, как себя с детьми вести, и потому обычно их немного побаивалась. Но с Эстер и Марицей мы нашли общий язык на удивление быстро. Девочки говорили по-английски и немного хуже- по-французски. Сами хозяйева -

²⁵⁶ поколение хиппи 60-х.

свободно на обоих этих языках и на немецком. Марица обожала Мадонну и своего хомячка, который жил в одном большом стеклянном ящике вместе с кроликом Эстер.

Нои је mond²⁵⁷!- кричала Марица на сестру. И тут же, завидев меня, переводила: - Keep quiet²⁵⁸!

Хозяйские дочки занимались балетом и брали уроки игры на арфе. Исходя из своего советского опыта жизни, с нашими бесплатными музыкальными школами и кружками, я не видела в этом ничего необычного. И потому решила, что в Голландии *все живут так, как мои новые хозяева*: работают по 4 дня в неделю, а один им дается «для интеллектуального развития», ездят отдыхать по 2-3 раза в год, обедают в ресторане не реже раза в неделю, обсуждают новейшие литературные опусы с такими же, как они сами, интеллектуальными друзьями за бокалом хорошего вина, ходят на выставки... То есть, что жизнь здесь примерно такая же, как у нас, только с лучшими жилищными условиями и большим количеством бытовых удобств. Это была наша первая кардинальная ошибка - и именно такую мысль и хотели внушить нам наши собственные «маленькие рейганы». Чтобы мы вернувшись, рассказывали об этом всем. Чтобы «больше демократии, да здравствуют кооперативы!» в наших затуманенных мозгах означало все преимущества социализма в сочетании с западным уровнем потребления. Что в реальной жизни несочитаемо. «Или я веду ее в загс, или она меня – к прокурору²⁵⁹»... Мы забыли другую народную мудрость: *нельзя и на липку влезть, и попку не ободрать*. А вскоре нас лишили и самой возможности выбора, влезать нам на ту липку или нет...

Сейчас у нас принято смеяться над тем, что иностранцев в СССР водили посещать только «особые семьи». Ха, неужели вы думаете, что в Голландии нас поселили у первых встречных и среднестатистических людей?...

²⁵⁷ Заткнись! (голл.)

²⁵⁸ Помолчи! (англ.)

²⁵⁹ из фильма «Кавказская пленница»

У моих хозяев в доме, например, собирались снимать кино! Мариэтта была на дружеской ноге с семьей балетмейстера национального балета (югославкой). Один раз она повела меня в гости к подруге- театральному режиссеру, у которой мы засиделись допоздна. Когда уже стемнело, домой вернулся подругин муж - жизнерадостный, веселый блондин. Увидев, что дома нечего есть, он безропотно начал чистить себе на ужин на кухне картошку и, припевая и подтанцовывая, жарил ее на сковороде... Через неделю я увидела этого блондина-кулинара по телевидению. Это был известный в Голландии солист рок-группы... Кроме этого он еще был поэтом, актером и «антикапиталистом» .

Я заметила, что этим людям нравится называть себя антикапиталистами, хотя капитализм вообще-то их вполне устраивает, а для борьбы с ним, очевидно, достаточно жарить самому себе картошку. Семья Мариэтты была такая же: они гордились тем, что ездят на работу на велосипедах, а не на машине. Что ж, это прекрасно... Но до такой степени раздувать значение такой мелочи? Этим чуть ли не выражалась их солидарность с бедняками. Мариэтта гордилась и тем, что *позволяла* убираться у себя дома раз в неделю марокканской многодетной матери, платив ей за это 50 гульденов и даже сажая после уборки вместе с собой за стол выпить чашку кофе...Да, это почти подвиг!

Переводы для выставки делала свободно говорящая по-русски тихая голландка с кроличьими зубами и седой косой. Специалистом по русскому языку были и ее папа, и ее супруг, который выглядел намного моложе своей жены. Это была про-диссидентская и про-солженицынская славистская *шатья-братья*, которая всю жизнь кормилась вокруг создания ореола мучеников советским «инакомыслящим». В «свободном мире» изучать Советский Союз и получать за это приличную зарплату можно было только с определенных позиций: ведь кто платит, тот и заказывает музыку... С особыми фанфарами нас отвели на экскурсию в известный своими антисоветскими трудами Институт социальной истории, сотрудники которого тоже пытались ознакомить нас со всяческими своими исследованиями.

Естественно, наши организаторы не говорили нам о себе открытым текстом: это потом уже, спустя годы, я ознакомилась в интернете с их послужным списком. Эти люди действовали более тонко: например, они предлагали «редкие книги, которые у вас трудно найти». Так у меня оказался учебник идиша, а у наших девочек- всякая эмигрантская литература. Подарили нам бесплатно и по библии на русском языке - хотя никто из наших новых знакомых сам верующим не был. «Мы знаем, что у вас это не найдешь». Они же отвели нас в первый раз в магазин восточноевропейской литературы «Пегас», где кроме действительно хороших книг на русском языке, которые у нас было трудно купить, продавалось и огромное количество книг всяких Войновичей, Солженицыных и Амальриков. Помню, как смеялись мы, когда увидели заголовок книги последнего: «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»

- Это что, научная фантастика у вас?

Шутки шутками, а под Советский Союз уже копали вовсю получившие на то «добро» сверху всякие Николаи. Наше посольство и торгпредство имели право на значительную скидку при покупке книг в этом магазине, и Николай посодействовал, чтобы она распространилась и на нас. Я этим не воспользовалась из принципа, купив себе за полную цену только пьесы Евгения Шварца. Зато наши девочки забрали с собой томов Солженицына и прочей *чернухи* столько, сколько могли увезти... И Николай, конечно, об этом знал.

Не буду говорить про Солженицына, что «не читала, но осуждаю»: я честно попыталась его читать. Хотя бы для того, чтобы знать, чем так восторгается наша перестроечная интеллигенция, и что именно было запрещено. Прочитав с большой натугой одну главу, я поняла, что ничего не потеряю, если не буду читать все остальное... Читать что-то только потому, что «все читают»- это не для меня.

В том книжном магазине нам впервые встретились наши эмигранты - в основном евреи, которые выехали в Израиль, разочаровались в нем и сумели осесть в Европе. Все они очень тосковали по Родине и расспрашивали нас, что там и как. Все мечтали, что им разрешат ездить в СССР. К нам они отнеслись очень гостеприимно – даже предлагали у них пожить-, но мы хорошо помнили полученный

Советика Часть 1

инструктаж и особенно с ними не сближались. Хотя разговаривали нормально, конечно. Это было то время, когда эмигрировал недополучивший где-то колбасы злой «солнечный клоун» Олег Попов. Прошло уже почти два десятилетия а он все еще брызжет желчью в адрес «совка» где-то там, на задворках Европы в «разноцветных кибитках» вместо хорошего, постоянного циркового здания. Видимо, оттого, что теперь стал очень счастлив...

Мы ходили в музей каждый день - хотя и делать нам там было нечего. Все его залы мы обошли за первые два дня. Я подружилась с охранником- чернокожим суринамцем, у которого был прекрасный певческий бас. Он сидел на вахте и распевал всякие *госпелы*. Здесь же работала его польская жена-блондинка. Именно поэтому я чувствовала к ним такую симпатию. В Голландии подобные браки никого не удивляли!

Мариэтта заведовала в музее отделом Второй мировой войны: ей, как еврейке, эта тема была близка. У себя из лекций по истории мы хорошо знали о гитлеровской системе классификации рас и о том, какой была его политика в отношении евреев. Но ничем она не была лучше и в отношении наших, славянских народов. А побыв в Голландии, можно было всерьез подумать, что в концлагерях истребляли одних только евреев. Я попыталась сказать себе после посещения дома Анны Франк: это, наверно, потому, что сами-то голландцы от фашистов в таких масштабах, как мы, не пострадали, вот и чувствуют себя теперь виновными за судьбу собственных евреев...Есть в Амстердаме и особый Еврейский музей, в котором эта тема тоже всячески обыгрывается.

Обидно было слушать такое, скажем мягко, одностороннее представление истории - нам, потерявшим в той войне не 6, а больше 20 миллионов человек, всех национальностей! Это последнее дело-делить жертв фашизма на этнические группы, противопоставляя их друг другу. Вот что пишет по этому поводу советская женщина, наполовину армянка, наполовину казачка, выросшая в Грузии, партизанка и сама узница концлагеря, спасшая там жизнь женщине-еврейке: «Для нас все эти люди были нашими согражданами: служащими, врачами, учителями, рабочими, ремесленниками, дети-

пионерами, школьниками. **Это фашисты выделили их как евреев.** А для нас они были просто **нашими советскими людьми.** Такими, как гражданские люди любой другой национальности: казахи, украинцы, русские, татары и остальные.²⁶⁰«

В музей мы ходили пешком. Узнав, сколько стоит в Амстердаме общественный транспорт, мы пришли в такой ужас, что заключили пакт везде ходить пешком. Кроме того, в голландском транспорте очень сложная система билетов: карточки, состоящие из полосок, которые надо компостировать, срок действия которых зависит сразу и от времени, и от расстояния (например, 2 зоны-полоски действительны в течение часа, и т.п.) Билеты, купленные у водителя, почему-то были дороже билетов, купленных заранее в киоске. Это было слишком для нас запутанно: ведь у нас пробил себе билет - и ехай на этом трамвае хоть до самого конца. Пересел в другой - пробил билет новый. Хотя голландцы нам и возмещали транспортные расходы, но задним числом, а с такими расходами, как там, мы бы и до следующей «получки» не дотянули! Наши хозяева удивлялись на нас, что мы даже на трамвае не прокатимся, но мы никогда не признались им в подлинной причине. Сказали просто, что ходить пешком полезно для здоровья.

Я выходила из дома часа за два до начала рабочего дня и с удовольствием шла в музей через весь город. Через некоторое время хозяева одолжили мне велосипед и я, первоначально не без некоторого опасения, освоила амстердамские велодорожки. Опасалась я в основном трамвайных линий и перекрестков. Но голландские водители были достаточно осторожны.

Неделя у Мариэтты и Ханса была расписана по дням: в понедельник и вторник после школы девочки были у него, в среду Мариэтта не работала, это был день, когда она имела право - с оплатой трудодня - ходить по библиотекам, и всю остальную неделю девочки были с ней. По нашим понятиям, это была весьма неортодоксальная семья - где муж и жена жили как бы сами по себе.

Ах, мы с Хансом так успели друг другу надоесть за эти годы, что такой порядок вещей нас вполне устраивает!- говорила Мариэтта.

²⁶⁰ Т. Лисициан «Нас ломала война», с. 181

Мариэтта и Ханс быстро перешли на то, что кормили меня не только завтраками, но и обедами, тем более, что ела я немного. Произошло это после одного забавного недоразумения, подчеркивающего различия наших культур: когда они в первый раз предложили мне присоединиться к их обеду, я, как принято у нас, из вежливости отказалась, хотя есть мне очень хотелось - ожидая, что, как у нас, они предложат мне это еще раза по меньшей мере два. Но оказалось, что голландцы все воспринимают буквально: нет так нет. Тарелку убрали в шкаф...

После этого я уже никогда не говорила «нет», если мне чего-то хотелось, а соглашалась сразу! Я сама поведала им о том, что в тот раз произошло, и мы вместе посмеялись. Бывали и еще похожие случаи: например, если тебе вручают подарок, у нас принято вежливо поблагодарить и отложить его в сторону, а открыть только потом, когда никто не видит: если ты начнешь сразу подарок разворачивать, это будет выглядеть так, словно для тебя материальное важнее всего. Очень некрасиво получится. А у голландцев - наоборот, вручая подарок, люди смотрят на тебя с нетерпеливым ожиданием: его полагается развернуть сразу и похвалить, а они ждут увидеть, какое у тебя будет выражение лица. Когда мне в первый раз пришлось так делать - чтобы не обидеть хозяев - , я чуть не сгорела со стыда...

Многое удивляло нас в Голландии - сейчас всего уж и не припомнишь.. Например, то, что на один и тот же товар в разных магазинах были разные цены. Здесь нет очередей, говорили нам. Во-первых, есть - хотя и не такие длинные, как у нас, а во-вторых, какая разница, на что человек тратит время - на стояние в очереди или на поиск магазина, в котором тот или иной товар дешевле?

Или то, что у голландцев ванна почти считается предметом роскоши и есть далеко не у всех. То, что голландцы первым делом спрашивают гостей «что вы будете пить?» - и практически никогда «что вы будете есть?» . То, что они на полном серьезе подают тебе к кофе 1 печенье и быстро убирают коробку – пока ты не успел сообщить и взять еще...

Мне очень понравилось... мыть в Голландии посуду: у нас тогда не было таких моющих средств, и мытье посуды с ними показалось мне

таким легким, что я освободила Мариэттиных девочек на все два месяца от этой неприятной для них обязанности...

Телевизор в Голландии я тогда почти не смотрела - во-первых, некогда, слишком много всего интересного происходило и без него, во-вторых, из-за языка (хотя все иностранные фильмы в Голландии показывают на языке оригинала, с субтитрами). Единственное, что я посмотрела за эти два месяца - это английский фильм «Письмо к Брежневу» (к слову, симпатизирующий Советскому Союзу, но все равно очень смешной - в изображении деталей) и сатирическую программу «Kijk op de week»²⁶¹ с участием Кееса Ван Коотена и Вима Де Би, которую Мариэтта ни разу не пропустила. Передача эта была на голландском, но я пыталась по выражению лиц комиков угадать, о чем они ведут речь.

Мариэтта и Ханс стали для меня за эти два месяца почти родными. Я смотрела на них советскими глазами - и считала их друзьями тоже *на советский манер*.

Я не знала, что была для них своего рода забавной экзотической зверушкой, которую можно было продемонстрировать родным и знакомым. Им искренне нравилось развлекать меня и наблюдать за моими по-детски непосредственными реакциями: во время дня рождения Мариэтты, когда я приготовила для ее гостей неведомый им *экзотический борщ*, который гости ели из маленьких пиал, расспрашивая меня потом о рецепте. Когда Мариэтта знакомила меня со своей подругой с Арубы, которая рассказывала мне, где можно купить учебник *языка Бобби* - папиаменто. Когда Ханс возил меня на старый, разваливающийся олимпийский амстердамский велотрек - после того, как я рассказала ему о том, как у нас в городе на треке много лет назад выступал их земляк Ян Янсен²⁶². Когда Ханс показывал мне игры со своим компьютером, который отзывался логическими, по мнению самого компьютера, фразами на любые твои фразы. Когда он водил меня в гости к своей сестре, где я гладила часами ее кошку, а Ханс в отсутствие Мариэтты отпускал мне комплименты вроде «в моей следующей жизни, Женя, я хотел бы быть Вашим котом». Когда мы вместе с Хансом ездили на велосипедах и

²⁶¹ «Взгляд на неделю» (голл.)

²⁶² [http://nl.wikipedia.org/wiki/Jan_Jansen_\(wielrenner\)](http://nl.wikipedia.org/wiki/Jan_Jansen_(wielrenner))

переправлялись с ними на пароме до Заандама - посмотреть знаменитый домик Петра Первого. Когда я рассказывала им обоим, как, сама того не ведая, попала в Валлечес, *квартал красных фонарей* - в поисках по карте находящегося там неподалеку Музея Библии: подняла от карты голову и обомлела... (Через Валлечес я бежала так, словно меня прогоняли сквозь строй: стыдно было даже находиться в таком месте!) Когда Мариэтта водила меня вместе с девочками в музей мадам Тюссо, где я наотрез отказалась фотографироваться со статуей Горби... Когда ее «голубой» коллега-протестант водил меня в на службу в церковь на французском языке, где я познакомилась с беженцами из Конго. Когда я вместе со всем их семейством поехала на Пасху в Берген-на-море, навестить ее родителей, по просьбе папы-коммуниста, и мы с Эстер и Марицей искали по всему саду запрятанные там шоколадные яйца... К слову, родители- бывшие коммунисты жили в настоящем старинном мини-замке...

...В Арнеме - единственном голландском городе, где есть троллейбусы - к нам подошел пожилой человек, который ждал нас там с самого утра. Он говорил по-русски, причем хорошо.

- Моя жена русская, и она очень хочет с вами встретиться! Мы с ней познакомились, когда ее в Германию угнали на работу... и меня тоже. И вот с тех пор она здесь и живет.

Нашим ребятам оказалось не до нее, а мне стало жалко пожилого человека, и я поехала с ним. И не пожалела об этом.

Розалия Ивановна работала учительницей народных танцев. Она вовсе не была никакой антисоветчицей - наоборот, она с гордостью рассказывала о том, как еще ребенком, до войны видела у себя в родном Крыму Сталина. Ей было обидно, конечно, что ее оставшиеся в СССР родные все эти годы не хотели с ней зняться потому что она вышла замуж за голландца («мало ли, вдруг неприятности будут!»), хотя она была вхожа в советское посольство, и гражданства нашего ее никто не лишал, и в СССР она много раз ездила. Зато теперь, с началом перестройки, все эти родственники вдруг как сговорились: захотели «познакомиться с ней поближе» и приехать к ней в гости...

Перестройка вызывала в ней нехорошие подозрения. Когда я описала ей, что у нас сейчас происходит, она сказала, что эти ее опасения подтверждаются. И на прощание дала мне почитать детскую книгу сталинских времен, которая у нее чудом сохранилась.... Мама моя! Я никогда раньше не читала ничего подобного, скажем так. Нам рассказывали о том времени, но одно дело слушать рассказы, а другое - почитать самому документы той эпохи...

О перестройке нас спрашивали много, и мы не приукрашивали положение вещей.

Приукрашивали его как раз голландцы. Они верили в рождественские сказки о добром Горби и искренне не могли понять, почему у нас тогда предпочитали Ельцина. А мы так же искренне пытались им это объяснить.

Когда голландцы впервые подняли эту тему: «У вас же там перестройка, наверно, теперь стало так здорово...» и т.п., мы только на секунду переглянулись, а потом Руслан открыл рот и понесся:

- Да какое там здорово, вы даже не представляете себе!...

Подобно академику Сахарову, мы с какой-то стати вдруг решили, что перед нами - мудрые добрые «высшие» существа, искренне о нас заботящиеся, которым можно откровенно, как настоящим друзьям, пожаловаться, если что-то не дает тебе покоя... Вот что мне до сих пор стыдно вспоминать!

Голландцы более скептически, чем мы сами, относились к идее независимости прибалтийский республик.

- Они не выживут экономически, слишком малы!

- А как же ваша собственная страна, ее же тоже большой не назовешь?

Тут они глядели на нас с чувством глубокого собственного превосходства:

- У нас многовековой опыт демократии!

Напомните им про этот опыт, пожалуйста, сейчас, когда их собственное правительство боится организовать в Голландии всенародный референдум по поводу Лиссабонского соглашения!...

В Голландии я открыла для себя Боба Марли. То есть, о его существовании - и даже о его смерти- я знала и раньше, но слышала только одну его песню, а вот теперь у меня появилась возможность прослушать их все... Ханс набрал для меня целую кучу его пластинок в местной библиотеке (в голландских библиотеках их выдавали как книги – хотя, конечно, тоже не бесплатно).

Ныне в России знают немногим больше о «раста», чем в советские годы, однако знание это, как и в западных странах, весьма и весьма поверхностное. Да, сейчас нам могут показать Марли по телевидению. Однако, видимо, проблема с популяризацией его творчества в советское время заключалась не столько в том, что его бунтарская идеология была немарксистской, сколько в образе жизни самого Марли. В его употреблении «ганджи» – марихуаны Спросите у более-менее начитанного-насмотренного молодого россиянина сегодня, что он знает о музыке реггей и о растафарианцах, –и он почто наверняка ответит вам, что реггей – это эдакая веселая музыка вечно не унывающих тропических жителей, балующихся «травкой» для удовольствия, а Ямайка – нечто вроде острова из классического советского мультфильма, который Сонни, кстати, счел глубоко расистским: «Чунга-чанга, синий небосвод, чунга-чанга, лето круглый год...».... Именно **такого** увлечения нашей молодежи музыкой и не хотела «советская цензура»!

Среднему обывателю, как у нас, так и на Западе, нет дела до исторических корней растафарианского движения и его сути, нет дела до того, что ритуальное употребление марихуаны – это только часть, только внешнее и далеко не главное проявление растафарианизма (индейцы Латинской Америки тоже употребляют, например, листья коки в лечебных целях!). Им так думать удобнее – больше того, им такие мысли внушают. Если вы послушаете сегодня любую западную радиостанцию, вы не услышите на ней радикальных песен Боба Марли. Вы можете даже подумать, что у него их вообще не было. Все,

что для вас там прокручивают, – это его сладкие песни о любви или такие песни, в которых политическое содержание отступает на задний план. «One love», «No Woman No Cry», «Sun Is Shining»...

Многих песен Боба, которые горячо любимы и помнятся его поклонниками, вы никогда не услышите их по радио или телевидению, хотя они выпущены на дисках и записаны на видео. Они слишком неудобоваримы для хозяев жизни, о которых Боб пел: «*Them belly full, but we hungry, a hungry man is an angry man...*»

Я была, конечно, настоящей советской девушкой. Я заходила в магазины в поисках книг о Марли и маек с его изображением, совершенно даже не подозревая о том, что в этом магазине вообще-то продавались «легкие» наркотики и различные приспособления для их употребления. Если бы я узнала об этом, я бы, наверно, была очень сконфужена, покраснела бы, купила бы свою книжку и рванула бы оттуда подальше. Сейчас, когда я уже знаю об этом, мне кажется, что европейским наркоманам *нравится прикрываться* именем такой знаменитости, как Боб.

Я слушала его по ночам через наушники – и замирала от сладкой боли того, о чем он пел. Я плохо понимала ямайский «патуа» (диалект английского) и совершенного понятия не имела о библии, которую он в своих песнях так часто цитировал, но и того, что я понимала, было достаточно для того, чтобы этим проникнуться до глубины души.

*«This morning I woke up in a curfew,
Good God, I was a prisoner too...
Could not recognize the faces standing over me –
They were all dressed in uniforms of brutality...
How many rivers do we have to cross
Before we can talk to the boss?
All what we've got, you see, we have lost;
We must have really paid the cost...»*

*«Most people think,
Great God will come from the skies,
Take away everything
And make everybody feel high.
But if you know what life is worth,
You will look for yours on earth:*

Советика Часть 1

*And now you see the light,
You stand up for your rights.»*

Одна из его песен неизменно ассоциировалась у меня с Горби:

*«Them crazy, them crazy -
We gonna chase those crazy
Baldheads out of town;
Chase those crazy baldheads
Out of our town.*

*... Now you look me with that scorn,
Then you eat up all my corn.*

*... Here comes the conman
Coming with his con plan.
We won't take no bribe;
We've got to stay alive.»*

Гений Боба Марли в том и заключается, что поет он об общечеловеческом, его бунтарские песни универсальны – они могли бы быть песнями любого, в любой точке планеты, вне зависимости от времени...

Незадолго до того, как был установлен смертельный его диагноз, американское ЦРУ предложило Бобу сотрудничество, понимая силу его влияния в странах «третьего мира». Боб остался верен себе: он не только отказался от сотрудничества с этим гнусным заведением, на чьих руках – кровь миллионов и миллионов людей во всем мире, но и рассказал об этом в песне : «Rasta don't work for no CIA», поет он в песне «Rat Race»...

И главное в нем – не то, что он был не марксистом, а именно это!

Я буквально заболела его музыкой тогда. Нет, конечно, я не стала растой сама – незачем смешить людей, ты не можешь быть тем, кем ты быть не рожден. Но мое теоретическое, марксистское, по литературе знание растафарианцев наполнилось после этой поездки новым, живым содержанием. Ибо я не только смогла, наконец,

услышать все песни Боба и познакомиться с его биографией, но я увидеть настоящих, живых раста и даже побывать на концерте ямайского поэта Мутабаруки в Амстердаме...

...Ханс решил сопровождать меня на тот концерт в амстердамском «Мелквег»- потому что уж слишком поздно было мне одной возвращаться через весь город, даже и на велосипеде. Мое первое впечатление? Потрясение от количества белых голландцев в растафарианских беретах, притворяющихся теми, кем они не могли быть.

- Ты чувствуешь запах? – спросил Ханс.

- Какой запах? – совершенно честно спросила я, до слез растрогав его своей невинностью. В воздухе действительно был какой-то сладковатый дымок, на который я не обратила ни малейшего внимания. Оказывается, народ покуривал травку...

Мутабарука – толстый, очень темнокожий я подвижный мужчина средних лет, весьма живописной внешности (в растафарианских цветах – цветах эфиопского флага, с неизменными «дредлокс») – запел речитативом... Многие из его песен были направлены против обеих «империй зла», как СССР, так и Америки, не дающих развивающемуся миру, по его мнению, жить по-своему. Я не обиделась, но попыталась его понять. Я думаю, что одна из бед нашего прошлого – в недооценке своеобразного характера развития различных стран и в педантичных попытках навязать другим народам формы решения проблем, которые могли быть действенными в наших условиях, но не срабатывали в других. Только представьте себе нашего типичного партийного аппаратчика вроде Николая - который высокомерно считает, что лучше вас знает, что вам нужно, – и вы сможете понять немного Мутабаруку...

На том концерте я познакомилась и с Катариной - той самой, которая потом станет свидетельницей на нашей с Сонни свадьбе. Ее заметил Ханс, который ее уже немного знал: она работала в библиотеке, где он брал для меня диски. И повел меня с ней знакомить.

Катарина была голландской вариацией меня - с той только существенной разницей, что ее увлечение темнокожей частью человечества не носило политического характера.... Ей в ту пору было 29 лет. Это была вальяжная, высокая, коротко остриженная элегантная брюнетка с большими серыми глазами и томным низким голосом. У нее был друг из Суринама, по имени Венделл. И до него все ее друзья были из Суринама или из Нигерии. Одному она даже помогла остаться в Голландии, заключив с ним фиктивный брак! Катарина знала толк в «черной» музыке и в «черной» культуре: она много читала, по долгу работы, которая была у нее по призванию. Мне было очень жаль, что мы встретились с нею так поздно: до моего возвращения домой оставалась всего пара недель. Я смотрела на нее с глубоким восхищением, как младшая школьница на старшую - и изливала ей душу, рассказав историю с Саидом целиком и полностью...

Вот чем и купила меня Голландия - не прилавками с 30 сортами сыра и салями, не стереосистемами, а тем, что здесь можно было выучить любой язык, заказать в магазине учебник амхарского, поехать работать в Африку (кем и что там можно делать, поехав туда работать *отсюда*, я тогда не думала!); тем, что тебе не говорят гадости, увидев тебя на улице с чернокожим (я не думала и о том, что можно улыбаться людям в лицо и при этом продолжать их дискриминировать!), тем, что здесь есть Тропический музей (который есть здесь из-за колониального и работоргового прошлого этой страны!)...

...За два месяца мы успели обойти и объехать почти все самые интересные музеи в стране, не считая архивов и библиотек. Я накупила себе и мне надарили столько книжек, что часть из них пришлось отправить домой посылкой: иначе вышел бы перевес багажа. Мы побывали в разных городах: Роттердаме, Гааге, Лейдене, Харлеме, Утрехте, Арнеме, Неймегене...Даже заехали в соседнюю Бельгию, посетив Антверпен. Жизнь казалась захватывающе интересной и беззаботной. Это потому, что мы в общем-то не знали, чем и как по-настоящему живут здесь люди: языка мы не знали, бытовых забот, вроде ежемесячной оплаты счетов, не испытывали. Но нам казалось, что мы знаем, как они живут: ведь вот же, весь их быт у нас на виду...

Время нашего визита пролетело быстро как во сне. Грустно было расставаться с гостеприимными голландцами, еще грустнее с беззаботной жизнью без проблем, когда все тебе подается на блюбочке. Мы уже вообразили себе было, что это норма жизни!

Голландцы захотели продлить наш визит еще на месяц, хотя делать нам там уже было совершенно нечего, но остались только Таня с Еленой. Мы с Русланом были вынуждены с сожалением отказаться от такой чести: ему надо было возвращаться на работу сторожем в Исторический музей, а мне - писать диплом! До защиты оставалось только два месяца, а у меня еще не было написано ни строчки... Как ни пришлось мне тогда по душе Голландия, ни на секунду не возникла у меня в голове мысль там остаться. Зачем же я тогда училась?

Когда мы с Русланом возвращались домой, я знала, что именно Николай повезет нас в аэропорт. И я по-хрущевски решила показать ему «кузькину мать»! Боб Марли вдохновил меня на первый публичный акт протеста против наших чиновников.

В то утро я нарядилась во все свои закупленные раста-сувениры, заплела себе африканские косички и украсила голову гигантским желто-красно-зеленым беретом с изображением растафарианского варианта «звезды Давида» на макушке...

Видели бы вы лицо нашего *обиженного за державу!* Это надо было заснять на видео. И видели бы вы лицо нашего чиновника на паспортном контроле, когда я прилетела домой в Шереметьево... Меня разглядывали по меньшей мере минут десять. Потом вздохнули – *«тлетворное влияние Запада!»* – и пропустили...

... Нам с Русланом показалось, что мы прилетели в какое-то другое государство. Что-то невидимое определенно *сломалось* здесь за два месяца, пока нас не было. Мы не узнавали Москву. Вместо наших немного ворчливых, но добрых и отзывчивых по своей сути людей нас встретила *колония двуногих человекообразных*, в пустых глазах которых светилось одно: жажда денег!

Нас в аэропорту не встретили, но мы не расстроились: у нас было с собой достаточно, как мы считали, денег для того, чтобы доехать до общежития на такси (ехать с пересадками на автобусах с таким багажом было нереально). Но ни один - официальный, государственный!- таксист не соглашался везти нас меньше, чем за 100 рублей. (Почти 3 наших месячных стипендии! Таких денег у нас не

было не только с собой, но и в общежитии). При том, что по-прежнему действовали государственные тарифы и счетчики в машинах. Раньше, может быть, водитель попросил бы немного «сверху», но рублей 5, не больше. И это мы считали терпимым. Если же бы кто-то посмел заломить такую цену - явно для своего кармана, а не государственного! – то достаточно было бы припугнуть зарвавшегося «бизнесмена» милицией. Теперь же милиционеры, призванные следить за порядком, делали вид, что ничего не замечали. За все 22 года своей жизни я не видела ничего подобного. Это, значит, и есть «свобода»?

- Из вещей что есть? Можем взять вещами! – «милостиво» соглашались таксисты.

Вещами? Моими книжками про растафарианцев, моим учебником амхарского на английском языке или Руслановыми пластинками с оперными ариями? Нет, ну каково хамство, а?

Но что было делать? Я бы, наверно, из принципа никуда не поехала, дозвонилась до мамы у себя в городе по междугородке (там еще не настолько охамели, как таксисты!) и сидела бы потом полдня в аэропорту, ожидая, когда за мной приедут. Терпения у меня хватило бы. Дело было даже не столько в деньгах. Я считала, что нельзя поощрять такое поведение и принимать его как должное. Но Руслан не захотел ждать. Он договорился с одним таксистом, что тот довезет нас до общаги и подождет (со мной в качестве заложницы) пока Руслан не соберет нужные деньги со своих друзей, взяв у них в долг. А потом я ему половину этой суммы верну. Пришлось согласиться.

На душе у меня было прегадко. Я с таким удовольствием предвкушала, как вернусь домой, а тут... Я ехала по Москве в такси какой-то «акулы бизнеса», да еще и разодетая как клоун в цирке. Я смотрела в окно и заметила вдруг то, чего никогда не замечала раньше: какие же широкие в Москве улицы, какие монументально-помпезные в центре дома... В них было что-то китайское времен Мао, как показалось мне. Тот же дух. Москва вдруг показалась мне ужасно азиатской. Мне вспомнились утонченно-культурные голландцы, в кругах которых мы вращались эти два месяца. Они бы ни за что не посмели нас так грабить!

Мне казалось, что само небо давит на меня. Ощущение легкой, как воздушный шарик и захватывающе интересной жизни испарилось. «*Проклятая административно-командная система!*» - подумала я в модных тогда терминах, не осознавая, что то, с чем я столкнулась – это как раз еще только цветочки «рыночной демократии».

...Когда я ехала домой из Москвы - в привезенной с собой майке с изображением Боба Марли-, ко мне пристал какой-то подвыпивший парень, пытавшийся всю дорогу угадать, кто это. В конце концов он пришел к выводу, что это не кто иной, как Валерий Леонтьев. Я не стала его переубеждать. *Что вы все понимаете?...*

С тех пор, как я вернулась «*оттуда*», внутри у меня словно сидела какая-то червоточинка, как в червивом яблоке. Внешне ничего не изменилось. Девчонки в общежитии поахали над библией и каталогом «*Wehrkampf*», поели невиданных тогда у нас батончиков «Марс» и успокоились. А у меня на душе по прежнему было муторно. Что-то происходило вокруг – нехорошее, я чувствовала это, но что именно, было трудно определить и еще труднее выразить словами.

По радио только и делали, что зачитывали нам выдержки из западной прессы - как хвалят государственную мудрость «*господина Горбачева*» разные западные государственные деятели. Эта перемена термина не ускользнула от моего внимания. Я вспоминала все последние заключенные им договоры - и чувство нехорошего усиливалось. Разрядка и разоружение, которые прежде достигались десятилетиями трудных переговоров, «шаг вперед- два шага назад», вдруг в одночасье были достигнуты (так нас по крайнеы мере заверяли!) с легкостью гусяного перышка, парящего в воздухе.

А что если... Что если дело не в какой-то особенной государственной мудрости новоявленного «господина» из помощников комбайнера, а в том, что он просто ***безоговорочно согласился на все, чего требовали наши недруги?*** Когда эта мысль неожиданно осенила меня, мне стало страшно. Я постаралась ее отогнать. Не может такого быть! Куда же смотрело тогда все Политбюро? Все КГБ? Все военные?...

Но ощущение тревоги все не проходило. Казалось, что в стране каждый начал тянуть одеяло на себя, совершенно не думая об окружающих. Шахтеры, справедливо возмущавшиеся, что из свободной продажи исчезли мыло и стиральный порошок (такого

никогда не было за всю мою жизнь в условиях «административно-командной системы» и «застоя!»), начали требовать вдруг совершенно странных вещей:

«Множество разумных людей своими руками уничтожали тот строй, в котором они существовали как привилегированная социальная группа. И требовали установить строй, в котором они как социальная группа должны были неминуемо быть превращены в ничтожество. Шахтеры вообразили (не без помощи манипуляторов), что если шахты приватизируют, а сами они станут акционерами, то они будут продавать уголь за доллары, а все остальное - налоги, цены на энергию, машины, транспортные тарифы и т.д. - останется, как было при советском строе.»²⁶³

«Или право на труд - или право на забастовку, в этом и был фатальный выбор шахтеров..»²⁶⁴

Но как раз этого-то никто из нас не понимал! Я видела бастующих в Голландии: сначала я даже подумала, что это какой-то карнавал. Бастовали тогда, кажется, медсестры. При слове «стачка» воображение традиционно рисует нам суровых рабочих, сжавших руки в кулаки, которые скандируют свои требования и движутся по улице мощным грозным потоком. А тут была какая-то жалкая клоунада. Эти люди весело, чуть ли не с песнями шли по улице, одетые в почти карнавальные костюмы, пританцовывая на ходу и размахивая какими-то шариками. Как можно было воспринимать такое всерьез? При виде их невозможно было не подумать, что у трудящихся на Западе легкая и веселая жизнь, а бастуют они просто для развлечения, от скуки.

После возвращения из Голландии, столкнувшись с неприглядной перестроечной реальностью, которую я принимала за социализм (ведь официально его становилось у нас «все больше!»), я ходила по Москве с таким ощущением, словно я отныне посвящена в какое-то

²⁶³ http://www.kara-murza.ru/books/sc_b/sc_b122.htm

²⁶⁴ там же

тайное общество - мне известно что-то такое, что не известно простым смертным: я видела, что такое «настоящий капитализм»...

И хотя эта стадия продлилась в моей жизни всего только несколько месяцев, мне и по сей день до слез стыдно вспоминать, как я доказывала в письмах своей справедливо возмущавшейся мною бразильской подруге, что бывает «хороший», «правильный» капитализм - такой, как в Голландии. Надо только суметь его построить. Тот факт, что подобным заблуждением страдала тогда не я одна, а большая часть оболваненного «Огоньками» и «Интердевочками» нашего населения, нисколько не снимает с меня за это вины. У нас и сейчас еще остаются такие чудачки - хотя в последнее время их становится все меньше и меньше.

Мне были невдомек целых 4 вещи:

- что капитализм в Бразилии, Заире, на Филиппинах - это тоже «нормальный капитализм»;

- что «хороший» капитализм в Голландии оттого и «хорош», что может позволить себе бросать своим трудящимся подачки за счет остального мира. А всему миру невозможно такой «хороший» капитализм построить, потому что нет никаких инопланетян, за чей счет это можно бы было сделать!;

- что как только не будет нашего, каким бы он ни был неидеальным, социализма, не станет и «хорошего капитализма» - у капиталистов не будет сдерживающего фактора, чтобы не заставляя и своих собственных трудящихся затянуть потуже ремни;

- самое главное и причина всех моих заблуждений – в том, что я не знала по-настоящему как живут и работают в той же Голландии люди, но была совершенно уверена, что знаю!..

...

Вечный позор мне и нам всем за те дни!!!

Через пару недель после моего возвращения домой вернулся-таки из Лондона Квеку. Я честно дождалась его - не признаваясь даже себе самой, что чаще думала о Володе Зелинском, чем о нем. Но когда мама заводила о Володе речь: вот, мол, посмотри, какой хороший парень, я только смущалась и обрывала ее, уверяя, что я вовсе не

рассматриваю его с такой точки зрения, что он просто мой спортивный кумир...

Я по-прежнему упрямо была намерена связать свою жизнь с Квеку и уехать с ним к нему на родину - Голландия в моих мечтах в качестве будущего места жительства даже сейчас не фигурировала. Она была местом, где «живут же люди!», не больше.

Радостная, поехала я к нему на встречу в знакомый мне уже Донецк! Остановившись у Гали на этот раз не пришлось: все вахтеры у Квеку были «в кармане», и мне разрешили (неофициально, само собой!) остановиться прямо у него. У Квеку был сосед по комнате - маленький абхазец, но тот почти сразу уехал по каким-то делам домой. Если я скажу вам, что даже после этого между мною и Квеку ничего не произошло, вы, скорее всего, мне не поверите, но тем не менее, это было так. Нужно просто уметь вести себя с людьми.

Я приехала к нему всего на 3 дня и была очень рада его видеть. Он тоже был вроде рад, но был слишком занят распродажей привезенного им с собой из Лондона накупленного там за год барахла. Мне он подарил несколько платьев. Я сначала отказывалась, потому что мне это казалось неуместным, но потом вспомнила свою голландскую привычку не отказываться, когда тебе что-то предлагают.... По иронии судьбы, в одном из них я потом вышла замуж за Сонни!

Когда я выразила ему свое беспокойство по поводу его активности на черном рынке, Квеку попытался заверить меня, что он только «бедный студент, который хочет нормально жить». Но я наблюдала все эти его сделки с местными фарцовщиками, к которым я сама на километр бы не подошла, и мне становилось все больше не по себе. А тот ли это человек, что мне нужен?...

Ему, как и мне, вот-вот предстояло защищать диплом, а он себе и в ус не дул и продолжал свою торговлю:

- Не волнуйся, с дипломом все будет в порядке!

Когда же я увидела, как он радуется «троечке» за гос.экзамен по марксизму-ленинизму - и не потому, что экзамен был такой трудный, а потому, что он даже и не думал к нему как следует готовиться! - я поняла, что мне пора восвояси. Тем более, что меня ждала работа над

своим дипломом - а я относилась к учебе, в отличие от Квеку, со всей серьезностью.

Но я дала ему слово его ждать, и мне не хотелось первой нарушать его... Я решила перед отъездом прощупать почву, какие у Квеку планы на будущее. В ответ на мой вопрос, когда же он собирается после защиты домой, в Гану, тот ответил мне так расплывчато, что я поняла: здесь что-то не так...

Огорченная, села я в поезд и поехала в родной город. В пути я так отравилась шашлыком в вагоне-ресторане, что доехала туда чуть живая: вагоны-рестораны, оказывается, передали уже из государственных рук в кооперативные... Для кооператоров же кроме прибыли ничего на свете не существовало: ни профессиональной чести, ни совести. Пройдет совсем немного времени – и в их загребушие руки попадет при нашем попустительстве вся наша страна...

...В мае к нам приехали голландские студенты – «молодой Рейган» намеревался поставить обмен на широкую ногу. Радостная, поспешила я к ним навстречу - полная добрых воспоминаний об их стране... Мне хотелось показать им Москву, сделать, чтобы она им понравилась.

Увы, студенты оказались, скажем мягко, далеко не интеллектуалами. Единственное, что их забавляло - это выпить пива и сходить в наш местный универсам с видеокамерой, чтобы заснять на нее опустевшие благодаря экономическому разгильдяйству болтуна Горбачева полки. «Хо-хо, посмотрите только на это! А мы-то думали, что перед нами сверхдержава!»

Было неприятно смотреть, как они радуются чужим проблемам. В этом было что-то психически нездоровое. Я еще не знала, что голландцы- отважные чемпионы Европы по пинанию мертвых львов.

Но среди них нашелся человек, которому все это было настолько же неприятно, как и мне. Студент юрфака по имени Гус Янсен – высокий как каланча блондин с классическим голландским лицом, словно с картины - с брезгливостью смотрел на детсадовского уровня занятия своих земляков. Может быть, потому что он был немножко постарше и поумнее их - Гусу было уже 27, и он объездил чуть ли не половину земного шара. Единственным континентом, которого он толком не увидел, была Латинская Америка: после того, как его ограбили в Никарагуа, ему пришлось вернуться домой.

Мы разговорились.

- Я хочу увидеть настоящую, обыденную жизнь,- сказал мне Гус, - Понимаешь, столицы - они везде в чем-то одинаковые, а вот как живут люди там, где еще сохранились местные традиции...

И я решилась на смелый шаг - свозить его в гости в наш город. Смелый - потому что Гуса было видно за версту, что он *не наш человек*. Если бы я даже сказала, что он эстонец, мне бы просто никто не поверил. Хотя Гус немножко по-русски знал.

Поездка обошлась без приключений. Только один раз к нам подошел на улице какой-то дедушка и задал классический наш вопрос *с умыслом*:

- Вы не скажете, сколько времени?

Вы думаете, его это действительно интересовало? Он просто хотел услышать, что ответит Гус - проверить, иностранец тот или нет. Дедушке стало любопытно.

Гус понял, что его спросили - хотя и не понял, что это был *вопрос на засыпку*.

- Сейчас 13 часов 45 минут- сказал он с сильным акцентом.

- А, без четверти два!- обрадовался дедушка.

- Нет, - очень строго и все с тем же акцентом сказал Гус, - 13 часов 45 минут.

Я поспешила его увести от греха подальше.

Наш город привел его в восторг. Он бродил по улицам, фотографируя старые деревянные дома, каких не осталось в Москве,

пил воду из-под колонки, пробовал клубнику на базаре, залез вместе со мной на колокольню местной церкви... Я даже сводила его к нашему старому дому, где бабушка, дедушка и Шурек тогда еще жили. Внутри мы не стали заходить: бабушку бы инфаркт хватил, но зато посидели на огороде на травке возле моих качелей, и я угостила его щавелем прямо с грядки. А когда он увидел у колонки женщину с ведрами на коромысле, Гус пришел в такой восторг, что перепугал ее до смерти. У нас в квартале отродясь не бродили высоченные иностранцы с дорогими фотокамерами!

Вот это жизнь! - восклицал он то и дело, - Все натуральное, природное; спокойно как! А эти наши дурачки пусть копаются там в пустом супермаркете....Они не видели настоящей России!

Было приятно это слышать. Бывают же и среди голландцев думающие люди с неограниченным шорами витрин кругозором!

На прощание голландские студенты решили было оставить нам свои *недоеденные полбанки арахисового масла* - которое, к слову, у нас никто не ест и вообще не знает, что это такое. Но потом *посоветовались, передумали и забрали эти полбанки с собой*. Что ж, им оно нужнее! Голландцы развеселили нас куда больше, чем их - наши пустые прилавки. Таких крохоборов мы еще не видели. Решить *оставить свои объедки* людям, которые их совсем об этом не просили и в том не нуждались, - а потом *передумать и увезти эти объедки обратно в свою страну* - да, для этого действительно, наверно, необходим *четырёхвековой опыт демократии!*

...Диплом я написала на удивление самой себе быстро. И защита прошла гладко, как по маслу. Наверно, еще и из-за того, что ни один из преподавателей ничего толком не знал по моей теме и не знал, какие вопросы мне можно было задать: уж слишком она была экзотической... «Роль африканских архивов в сохранении устной исторической традиции».

Я была уверена, что после защиты мы в общежитии закатим все вместе большую и хорошую прощальную пирушку - ведь это было наше серьезное прощание друг с другом и с такой важной частью нашей жизни! Но, к моему удивлению, этого не произошло. Дух «перетягивания одеяла» начал передаваться уже и нашим студентам, никому не было дела до других. Все быстро собирали свои вещички и уезжали. Лида, уезжавшая к супругу в нашу «вторую столицу»,

держалась так важно, словно выиграла в лотерею. Я не узнавала ее. Я думала, что как раз она-то будет первой, кто захочет, чтобы мы вместе провели этот последний день...

Последнее, что я помню из жизни в нашем общежитии - это прощание с моими друзьями-иностранцами. Оно было грустным вдвойне, потому что шанс, что мы действительно никогда больше в жизни не увидимся, был в данном случае намного больше.

Я со слезами простилась с Хабибой, за день до этого - с Фатимой, потом еще с несколькими однокурсниками. С Мамаду я не простилась, потому что ему оставался в Москве еще год, и даже если бы я не поступила в аспирантуру, я бы все равно приезжала его навещать. Тадессе на прощание важно пообещал присылать мне открытки к 7 ноября. Ни одной открытки от него я с тех пор так и не получила...

С Саидом мы не прощались - ни я, ни он не хотели этого. Последний раз я видела его в окне общежития - его сутуловатую спину, когда он с чемоданами влезал в такси... Я с трудом сдержала желание запустить по этой спине с 7 этажа сырой картошкой поувесистее. Уверена, что он был счастлив, что наконец уезжает «от этих русских дикарей!»...

... Я возвращалась домой из Москвы в тот день с вещами, на последней электричке. Сначала вагон был переполнен, - так, что даже стоять было почти негде. Тем сильнее раздражало, что в самой середине вагона оттапывали ноги пассажирам пьяные, обросшие типы уголовного вида, крутившие громко, на весь вагон, какие-то свои, блатные записи на магнитофоне. И никто уже слова им сказать не смел. Я еще «не врубилась в перестройку» - и когда один из хамов, только что, видимо, вышедших на свободу из мест не столь отдаленных по какой-нибудь амнистии для «врагов народа», толкнул меня, я толкнула его в ответ. Он что-то зарычал, а толпа с ужасом посмотрела на меня, как будто *это я* сделала что-то из ряда вон выходящее.

Но я так ничего и не поняла. Потому что считала, что продолжаю жить в нормальном мире. Я не поняла, почему вагон начал постепенно, но быстро освобождаться и освободился к тому времени, когда мы подъезжали к моему городу, уже до такой степени, что во всем вагоне осталась только я да эти, как теперь модно выражаться, «отморозки». Я по-прежнему не боялась их. Я таких вообще раньше

никогда даже на улице не видела. Мне не могло прийти в голову, что я еду в одном вагоне с будущими «хозяевами» нашей жизни. Слишком идиотским казалось такое даже предположить - что вот **все эти нормальные люди, которых вокруг меня было настолько БОЛЬШЕ**, просто так возьмут и уступят нашу с ними жизнь без боя всяким подонкам.

Возможно, у меня были бы большие неприятности - из серии тех, которые опять же сегодня никого у нас в России уже и не удивляют, и не возмущают. Но меня, по-прежнему ничего этого не подозревавшую, спас от них единственный оставшийся в вагоне кроме меня и «блатняков» мужчина - не мужчина даже, а парнишка, лет 18-19, грузин с базара. Он подсел ко мне, сказал:

- Пусть думают, что я с Вами! - и начал учить меня грузинскому алфавиту и рассказывать мне, какой замечательный сын у него недавно родился. И мерзавцы не посмели к нам даже подойти.

... А ведь я даже и не поняла тогда, что меня надо было спасать! Я поняла это только спустя лет 5, когда вернулась в «свободную Россию»...

Распределили меня в родной город, что меня вполне устраивало: я все равно не собиралась на этом месте работы задерживаться, потому что твердо решила поступать осенью в аспирантуру. Даже в две сразу: в свой институт и в Институт Африки - хоть в одной из двух да повезет!

Это было последнее в истории нашего института распределение, но этого мы тоже не знали тогда.

У меня оставался месяц до поступления на работу - не то, чтобы каникулы, но все-таки лучше, чем ничего... И тут у нас в городе как раз начался чемпионат страны по велоспорту!

Как я волновалась в преддверии новой встречи со спринтером Володей! Наверно, не меньше, если не больше, чем он сам перед стартом. Я не спала буквально всю ночь. Еще зимой, до отъезда в Голландию, я не без замиранья в сердце взяла в справочной его домашний адрес в Одессе - естественно, он об этом и не подозревал! - а когда вернулась, послала ему по почте журнал о велоспорте, который я оттуда привезла.

Совьетика Часть 1

Гонщики остановились на этот раз в небольшой гостинице при самом треке. Мы пришли на трек чересчур рано.

Зайди, спроси получил ли он твой журнал! - посоветовала мама.

Ой, мама, я не могу, мне неудобно!

Она толкала меня к двери, а я упиралась, пока наконец эта самая дверь не хлопнула, и оттуда не вышел среднего роста курчавый, как Пушкин, темноволосый курносый паренек, совсем еще пацан.

- Вы к кому? - спросил он.

Я словно язык проглотила, а мама как ни в чем не бывало ответила:

- К Володе Зелинскому.

Паренек удивился.

- А его нет, он тренируется!

Потом помолчал немного, подумал и добавил:

А вообще-то я его брат...

Вот так мы познакомились с Алешей Зелинским. Он тоже был велогонщиком и только что закончил школу. Выпускные экзамены он сдавал на сборах в Киргизии, на озере Иссык-Куль...

Володя вроде бы даже и не удивился, когда увидел нас на трибуне. У меня заколотилось сердце: поздоровается или нет? Проезжая мимо, он помахал нам рукой...Ура!!

Контингент здесь был совсем другой, чем на скромной «вооруженке»: даже олимпийские призеры! Володю никто особенно всерьез не воспринимал, потому что он обычно ничем не блистал и был твердым «среднячком». Но не на этот раз!

Уже в первый день соревнований у всех, включая и его собственного тренера Матвея Георгиевича (который, видимо, думал, что на «вооруженке» Володя победил из-за нехватки достойных соперников), и маститых олимпийских призеров, глаза буквально

полезли на лоб. Перед ними был совершенно новый Зелинский - такой, каким он не был с 19 лет- ураган на трековом полотне!

Надо сказать, что Зелинского недолюбливали разные официальные лица от велоспорта - за занозистый, ершистый и въедливый его казацкий характер. Но он ничего не мог с собой поделывать - его язык был его врагом. Общаясь с нами, он был тише воды, ниже травы, но я быстро узнала от его напарника – веселого, легкого и жизнерадостного поляка Павла, каким тяжелым был его нрав.

Это товарищ сложный!- говорил он мне о Володе.

Вы когда-нибудь видели где-нибудь легких казаков? Тем более терских!...

Но мне наплевать было, какой у него там нрав. Он был великолепен - спринтер от бога! Неужели он сам за собой этого раньше не знал? Неужели ему понадобилось, чтобы за него кто-то стал болеть, чтобы проявить свой талант во всей его красе? Значит, для человека это действительно так важно?

Из-за того, что Володю недолюбливали, его часто пытались засудить. Он был рискованным гонщиком и часто, не нарушая правил, балансировал тем не менее на грани этого, так что если сильно захотеть, всегда можно было к чему-то придраться. Ох, и заставил он нас поволноваться тогда!...

Последовала совершенно незабываемая неделя, кульминацией которой стало то, чего не ожидали не только мы, не только никто на треке, а пожалуй, и сам Володя. Он впервые в своей спортивной карьере- которую все уже считали завершающейся!- стал чемпионом страны.

Была еще одна вещь, которой опять же никто из нас тогда не знал. Что Володя станет скоро *последним чемпионом СССР*...

Но пока... пока мы вместе с Володей, Алешей, Павлом и Матвеем Георгиевичем ликовали! И даже зазвали их к себе домой на чай – на правах старых болельщиц. Теперь мы узнали его немного получше. У смуглого до черноты Володи был тот же южный говорок, что и у моей бабушки Стенки, и темно-карие, почти черные глаза, похожие на спелые вишни (до слив, как у Лидинога Наримана, они не дотягивали размерами). Родители Володи и Алеши жили в Грозном. Мама работала на молочном комбинате, где делали мороженое, папа был

Совьетика Часть 1

сварщиком. Мама была украинка, папа- потомственный терский казак. Еще у них была средняя сестра – инженер в Свердловске.

- А я тоже студент, - сказал он мне на прощанье застенчиво. – Учусь на физкультурном...

... Доброе, счастливое время! Когда не было войны в Чечне, когда можно было доверять людям, когда было возможно простое человеческое счастье, неизмеримое никакими деньгами... Изменилась я, изменилась наша страна, изменился сам Володя, а я все равно не могу удержать светлой улыбки, вспоминая те дни...

... На работе меня встретили не очень приветливо, хотя нельзя и сказать, что враждебно. Просто здесь, как это часто бывает в преимущественно женских коллективах (во всех странах!), давно уже сложились свои «группировки», и каждая из них попыталась перетянуть «новенькую» на свою сторону. Мне же не хотелось участвовать в каких-то интригах и кознях. Не для того я ходила на работу. Я приходила туда, чтобы честно отработать свое время, сделать то, что надо было сделать, и все.

Некоторые из вышестоящих дам сначала было забеспокоились, что я могу захотеть занять их место (у них не было специального высшего образования в нашей сфере, как у меня), а потом, когда поняли, что не захочу, и что я скоро собираюсь в аспирантуру, это их тоже не устроило и вызвало у них зависть. У меня было такое впечатление, что некоторым людям просто нечего делать - и именно поэтому у них столько энергии и времени, чтобы заниматься на работе такими глупостями.

Работали мы в здании старой церкви, где периодически протекала - прямо на старинные документы!- крыша. В институте нам говорили, что мы будем заниматься по окончании учебы научной работой, а я попала в учреждение, где приходилось от руки рисовать бланки для тех или иных документов - с линейкой в руках, потому что там не работала копировальная машина... И заниматься этим приходилось целый день напролет. Очень быстро я от такой работы скисла. А еще тяжелее было от того, что рядом не было подруг... В обед я уходила в блинную рядом с цирком и сидела там до самого его конца. Я не отзывалась

даже когда начальница разрешала нам пойти в магазин, чтобы занять за чем-то очередь.

Я считала дни до октября, когда должны были начаться приемные экзамены в аспирантуру. Отпускали меня туда тоже с боем, и если бы не главный шеф- мужчина, неизвестно, чем бы все это кончилось.

Мне повезло, что ни один из вступительных экзаменов в одном институте не совпал по дню с экзаменами в другом. До сих пор не знаю, как мне удалось сдать их все.

Я уже упоминала, как прошел мой экзамен по философии в собственном институте - тот, на котором я столкнулась с *новорусскими* экзаменаторами. Результат - 4. По истории и по иностранному я получила у себя в институте «пятерки». В Институте Африки было сложнее: на моих глазах комиссия жестоко «зарезала» парня из Алма-Аты, который приехал сдавать экзамены, а его в институте никто не знал. Меня знали - видимо, моя Элеонора где-то кому-то что-то сказала, так что намеренно заваливать меня не стали. Экзамен я сдавала вместе с какой-то сильно блатной девушкой - женой чьего-то сына, которая жила на той же самой улице, где институт был расположен. Она собиралась специализироваться по Алжиру. Я бы и не узнала, что она блатная, если бы она сама не рассказала мне об этом.

- Зайдем ко мне, покажешь, что ты готовишь по философии? - предложила после экзамена она. И я пошла...

...Товарищи, дорогие, это был один из тех домов, о которых рассказывали по «Голосу Америки»! Снаружи - совершенно невидный, задрипанный, пыльный старинный особнячок, на который не обратишь, проходя по улице, ни малейшего внимания. Но как только мы открыли входную дверь, мы словно оказались в боярских палатах!

Это со мной!- бросила моя спутница вахтеру.

«Господи, у них тут вахтеры – прямо как в общежитии!» – подумала я, и завидовать ей мне не захотелось. Но что должна была почувствовать я, увидев все это, после того, как ей на экзамене поставили «5», а мне – «4»? ...

Совьетика Часть 1

Настроение у меня все ухудшалось, несмотря на то, что экзамены я сдавала успешно.

Жизнь в поздне-перестроечной Москве становилась все омерзительнее, все циничнее.

*«Расцвела буйным цветом малина,
Разухабилась разная тварь
Хлеба нет, а полно гуталина,
Да глумится горбатый главарь...»*

А дурачки все еще прыгали под песенку, сочиненную за несколько лет до этого:

*«Я буду жить теперь по-новому,
Мы будем жить теперь по-новому,
А Любе-Любе, Любе
А Любе-Любе, Любе,
А Любе-Люберцы мои-и-и!*

*На зарядку рано я встаю,
За разрядку голову сниму,
Закаляю свой я организм -
Берегись, капитализм!
А Любе-Любе, Любе
А Любе-Любе, Любе,
А Любе-Люберцы мои-и-и!*

*Ускоряюсь я в 16 лет,
Ускоряется колхоз «Рассвет»,
Ускоряется моя страна -
Вот такие, брат, дела!..
А Любе-Любе, Любе
А Любе-Любе, Любе,
А Любе-Люберцы мои-и-и!»*

Два последних экзамена сдавались не в самом Институте Африки, а в специальном центре Академии Наук, так что здесь люди были более непредвзятыми. Мне запомнились две вещи: как я сдавала философию с дикой зубной болью, и выражение лица идущего отвечать передо мной молодого человека, который поступал в аспирантуру Института Европы. Во-первых, я никогда раньше не слышала, что у нас такой институт был²⁶⁵. («Создание нового академического центра было обусловлено потребностью научного осмысления глубоких перемен в Европе, оценки их перспектив и последствий, проблем построения новой системы безопасности, европейского сотрудничества в сферах экономики, политики, информатики, человеческого измерения»- типичное горбачевское «ля-ля-ля»). Но дело было даже не в этом, а в том, с какой напыженной гордостью он об этом говорил. Того и гляди лопнет! Как будто Европа – это что-то такое на голову выше нас всех! Даже я после Голландии так не считала. Да я бы завалила его на экзамене за одно только это отношение к родной стране! Ни дать, ни взять колхозник из песни Высоцкого «Письмо с сельхозвыставки»:

*«Тут стоит культурный парк по-над речкою,
В нем гуляю и плюю только в урны я,
Но ты, конечно, не поймешь, там, за печкою,
Потому ты - темнота некультурная.»²⁶⁶*

Зато экзамен по французскому был для меня как бальзам для души. Благодаря моим многочасовым беседам с Мамаду (который, кстати, очень за меня во время этих экзаменов переживал!) он прошел на «ура»: Я получила от Академии Наук твердую, безоговорочную «пятерку». И в результате поступила в обе аспирантуры сразу!

Теперь нужно было делать выбор...

Это было сделать нелегко. Всей душой, конечно, меня тянуло выбрать Институт Африки. Ведь об этом я мечтала столько лет! Мечта эта казалась мне недостижимой. И вот, пожалуйста, я достигла своей цели... Не будучи даже и москвичкой, что было в то время достаточно

²⁶⁵ Он был создан в 1987 году.

²⁶⁶ http://www.lyrics-lib.ru/band4866_105060.html

серьезным препятствием. Но и свой институт мне не хотелось бросать. Я чувствовала себя виноватой, что подведу своего руководителя, который на меня рассчитывал и надеялся. А кроме того, где жить? В своей общаге, где я смогу помогать Мамаду, чтобы он через год вернулся домой в полном порядке, или в общаге Института Африки, где, конечно же, будет много интересных людей-специалистов своего дела, с которыми будет хорошо общаться?

Мам, а нельзя ли мне в обеих аспирантурах учиться? - спросила я дома.- Мне кажется, я смогла бы...

Ну, а как ты это себе представляешь? - сказала она, - Ведь у тебя одна трудовая книжка. И диссертации в двух местах защищать? А получать стипендию в двух местах - это вообще знаешь чем светит?

Аспирантская стипендия была около 90 рублей. Если бы я даже от одной из них отказалась, это выглядело бы по меньшей мере подозрительно.

Хорошо, что у меня еще было несколько недель подумать - насколько я поняла, занятия в аспирантурах начинались в начале ноября.... Но легче от этого не становилось.

В самый разгар экзаменов Мариэтта с Хансом прислали мне приглашение в Голландию в гости. Я просила их об этом, когда возвращалась домой, но не думала, что они это сделают так быстро. Я решила, что воспользуюсь им на Новый год, и начала оформлять документы. Тогда все еще была нужна выездная виза, и я пошла за ней в ОВИР. Сердце у меня было в пятках. Я ждала разных пристрастных вопросов - и кто знает, пустят меня туда или нет? Ведь мои родные все еще работали «в почтовом ящике», хотя я лично понятия не имела ни о каких секретах.

К моему удивлению, меня встретили почти радушно. За границу все еще почти никто не ездил. Очередей в ОВИРе не было. Женщины, работающие в этом офисе, смотрели на меня почти с завистью, что я уже побывала «там», и задавали разные вопросы о том, как я со своими хозяевами познакомилась, и какая «там» жизнь... Через некоторое время я получила от них «добро» на выезд.

Мамаду очень радовался, что я поступила в аспирантуру и надеялся, что я выберу нашу. Я не уследила во время экзаменов за его русскими соседями, которые подпаивали его пивом и отобрали как-

то у него после этого хорошенькую плюшевую игрушку, которую он купил своему ребенку. Потом им стало стыдно, и они пришли просить у него прощения:

Мамаду, давай мы тебе другую игрушку купим! Ты нам только скажи, что тебе надо, ладно?

ça va, ça va²⁶⁷!- попытался успокоить их он, - мол, мне ничего не надо, все в порядке.

А, ты сову хочешь? - обрадовались соседи. - Ладно, будем искать!..

В нашем общежитии к тому времени изо всех наших студентов оставалась только Люба: ее муж все еще учился, а она сама была беременна и решила не ехать по распределению «к фашистам», как она уже тогда называла его земляков-латышей, поближе с ними столкнувшись. Осенью у них родилась дочка.

Собравшись с духом, я решила-таки выбрать Институт Африки, хотя в своем общежитии мне уже выделили комнату - вместе с аспиранткой из Китая. И пошла в выбранную мною аспирантуру, чтобы узнать, когда и где начинаются занятия.

Совершенно для меня неожиданно там на меня грубо наорали.

- Ходят тут всякие!- вопил багрово-красномордый дяденька по имени Юрий Иванович, - Занятия уже давно начались! Элеонора Алексеевна набирает всяких приезжих, понимаешь! Она тут все уши нам прожужжала, как Вы ей нужны. Говорит, она мол, даже за москвича выйдет замуж, если надо. А Вы где-то пропадаете....

Может быть, я тогда была слишком чувствительной, но я была оскорблена до самой глубины души. Да кто он вообще такой? Какой-то завхоз, а не ученый! Что я им сделала плохого, что он так со мной разговаривает? Какое преступление совершила? Я ни с кем никогда сама не брала такой тон и никому не позволила бы на меня так повышать голос. Во-первых, мне совершенно точно сказали, что

²⁶⁷ все в порядке (фр.)

Совьетика Часть 1

занятия будут с 1 ноября. Во-вторых, мне опять напомнили, что я – «второсортный человек», не такая, как та фифа из спецдома, только из-за того, откуда я родом. Попробовал бы он на нее крикнуть! В - третьих, вот, значит, как... Элеонора Алексеевна уже даже решила за меня, за кого я выйду замуж... А что будет через 3 года, когда я эту аспирантуру закончу? Она будет мне срочно подыскивать мужа, чтобы я смогла остаться в Москве?...Почему я должна зависеть от этого?

Мечта оказалась облита помоями.

А память услужливо подсовывала воспоминания о голландцах - вежливых, интеллигентных, внимательных, предупредительных... Да там никогда бы не стали со мной в таком тоне разговаривать!

Пока я приходила в себя от этого визита, в Москву приехал Квеку. Он все еще не уехал в Гану и сейчас приехал за британской визой в посольство. О каких-либо планах в отношении нашего общего будущего он опять-таки говорил весьма расплывчато. А потом вдруг бросил:

- Я думаю, если ты поедешь в Европу, тебе там будет лучше!

Я оторопела от обиды. Еще один доброжелатель, который лучше меня знает, что мне надо! Значит, он думает, что я такая неженка, что я в Африке не выживу? Или что я ищу в жизни, как он, барахла, которое можно будет перепродать?

И тут же разозлилась до невозможности. Ах, в Европу? Ну так ладно, поедем в Европу!

Он намекал, конечно, что с ним.

Только уж как-нибудь без тебя, родной. Я и сама это смогу, если надо.

Глупо, ужасно глупо, что одна фраза какого-то африканского спекулянта так решила мою судьбу. Конечно, решила ее я сама, глупо отпираться, но если бы он не сказал мне тогда этого.... Я часто думаю, а что бы было тогда? И смогла бы ли я жить в современной Москве, которая хуже всякой Африки - своей безнадежной холодостью? Это уже совсем не та Москва, в которой я училась...

Смогла бы ли я писать научные статьи об Африке с немарксистских позиций? Ведь сегодня вчерашние исследователи того, как популярен в Африке марксизм-ленинизм, так же рьяно доказывают, как он там непопулярен... Смогла бы ли я начать писать о «красном терроре» Менгисту вместо выдающихся успехов начатой им кампании по ликвидации неграмотности, о которой теперь все эти африканисты стыдливо помалкивают? И нужна бы была мне такая работа, которая потребовала бы от меня стать перевертышем?...

На Москве свет клином не сошелся, говорила я себе, вспоминая, как летом, еще до поступления в аспирантуру, встретила у себя в городе на базаре одну свою бывшую одноклассницу - ту самую, у которой была кличка «Профессор». Она закончила наш местный пединститут и собиралась начать работать в школе учительницей физики. Узнав, что меня распределили в родной город, она ехидно сказала:

- Что ж, в Москве тебя не могли оставить? - с таким видом, словно это был мой полный провал в жизни.

Я вспылила. Сами-то - никто из них даже не осмелился в свое время в московский вуз поступать!

- А разве мало в мире хороших городов, кроме Москвы?

И сейчас именно эта мысль приходила мне в голову все чаще.

Не буду описывать все перипетии получения голландской визы на 3 месяца, того, каких усилий нам стоило купить билет (потому что тогда резко вдруг поменяли обменный курс денег для наших граждан, выезжающих за границу), того, как расстроился Мамаду, которого я посвятила в свои планы... Ему предстояло в этом году написать реферат по истории КПСС, от которого зависел результат всей его стажировки, а как он мог это сделать, если он по-прежнему едва говорил по-русски? Я пообещала ему, что не уеду, пока не напишу ему этот реферат.

Так я и сделала, и к концу ноября все, включая реферат, было готово... Я никого не стала предупреждать в институте, потому что сама не была уверена, что будет дальше.

- Мам, - сказала я дома, - Если у меня получится, я останусь там работать. В конце концов, у меня там есть друзья, я не просто в неизвестность еду. А если не получится, то вернусь. Тогда что-нибудь придумаю, чтобы уладить здесь неприятности, если они у меня будут.

Мама только всплеснула руками, но она знала, что характер у меня твердый, и если я что решила, то иду к своей цели, как танк...

Только не рискуй ничем, не надо!- сказала она. – А что я скажу Володе Зелинскому на зимнем чемпионате?

Это было мое больное место,и она это знала!

- Может, я еще вернусь до того времени! – сказала ей я.

...Но была и еще одна, главная причина того, почему я решилась на все это – причина, в которой я никому не признавалась, боясь, что меня засмеют. Я думала, что мне просто не поверят, но...

...Я не могла как следует выразить словами свое тогдашнее состояние, но на душе была смесь боли от растущего сознания собственной ненужности и тревоги от сознания каких-то все еще неведомых, но совершенно очевидно сгушавшихся над страной туч.

Дело было не только в том, что «скрипач не нужен»²⁶⁸. Я кожей чувствовала то, чего не видела еще моя мама: что грянет катастрофа. Такая, после которой осуществление моей мечты потеряет всякий смысл. Я не знала, какой именно она будет, не знала, с какой стороны ее ожидать, но в том, что она скоро грянет, я почти не сомневалась.

Конечно, было малодушием бросать страну в такое время. Все мы знаем поговорку о том,

кто именно бежит в первую очередь с тонущего корабля. Оправдываться в данном случае бессмысленно. Единственное, что можно - это попытаться объяснить, почему так произошло.

²⁶⁸ фраза из фильма «Киндза-дза!»

Я не видела, на кого можно было опереться и к кому примкнуть, чтобы эту катастрофу предотвратить. Голос Нины Андреевой, которая не может поступиться своими принципами, утонул в воплях бесчисленных «маленьких рейганов», которым вообще нечем было поступаться, потому что никаких принципов у них никогда и не было. Им были предоставлены все трибуны, и казалось, что других людей, кроме них, в стране больше не осталось. Хотя конечно же, это было не так. Просто *рыба усиленно тухла с головы*.

Я попыталась внушить себе, что мне безразлично, что будет. Что на моем веку у нас в стране уже давно не было революционеров, и что именно поэтому я так надеялась встретить их среди африканцев. Что страна, в которой люди настолько обезумели, что допускают такое с ней сотворить, что разворачивалось на моих глазах с нашей, заслуживает всего, что бы с ней ни случилось. Но все это было неправдой, все это были лишь отговорки для успокоения собственной совести.

«Хабиба же говорила мне, что для того, чтобы человек стал революционером, надо послать его учиться на Запад. Раз мне не встретились революционеры среди африканцев у нас, наверно, встретятся там!» - подумала я.

Я могла бы насочинять с три короба что-нибудь героическое, как это делают тысячи отечественных «сказочников», ищущих на Западе политического убежища, хотя на самом деле к политике они не имеют ни малейшего отношения. Но я не собираюсь этого делать. Я могла бы сказать, что не я одна чувствовала себя так в те дни (например, Никита Арнольдович тоже!), но и это не оправдание.

Я совершила малодушный, трусливый поступок, бежав от проблем своей страны - и я в этом признаюсь и винюсь. Mea culpa!

«Ну, словом, до того царевну довели, што она скидывает с пальца кольцо, бросила на пол, и говорит: «Не доставайся, собака, ни тебе ни мне!»²⁶⁹ - так и я, оставила обе аспирантуры и морозным ноябрьским вечером села в поезд и покинула Москву....

²⁶⁹ <http://feb-web.ru/feb/skazki/texts/lm1/IM1-390-.htm>

Советика Часть 1

...В последний мой день в Советском Союзе шел густой снег - как бы для того, чтобы я запомнила наши зимы. Уезжала я на поезде - самолет уже тогда стал мне не по карману.

Это даже интереснее, через пол-Европы ехать!- сказала мама.

В Берлине (ГДР) мне надо было пересаживаться на другой поезд, на другом вокзале, который находился в Западном Берлине. По-немецки я не говорила. Но у меня был в «нашем» Берлине- угадали! - друг по переписке Детлеф, который вызвался меня до того поезда проводить (восточным немцам как раз только-только разрешили посещать Западный Берлин).

До Белорусского вокзала мама провожала меня вместе с Мамаду. Все трое мы крепнулись. До отъезда зашли в кафе на 15 этаже гостиницы «Москва» - то самое, мое любимое!- на прощальный ужин. Я попросила маму не оставлять Мамаду одного и помогать ему, пока он у нас в стране будет.

Когда поезд тронулся, Мамаду не выдержал первым и разрыдался, бросившись моей маме на шею. Мама тоже не выдержала и начала вытирать слезы, и я почувствовала, как у меня резко защемило в носу.

Что я делаю? Зачем я это делаю? И что будет, если я этого не сделаю?

Все эти вопросы вихрем прокрутились у меня в голове. Но поезд уже уносил меня на Запад...

...Польша, занесенная снегом, была необыкновенно хороша. Берлин мне понравился немного меньше, но выглядел он вполне симпатично, и люди тоже казались вполне своей жизнью довольными. По сравнению с горбачевской Москвой это был, конечно, *оазис*.

Детлеф работал инженером на заводе. Я остановилась у него на пару дней, прежде чем продолжить свое путешествие - хотелось посмотреть город. Единственное, что мне не понравилось - это звукопроницаемость в его квартире: было слышно почти каждое слово

от соседей. А так ГДР даже тогда выглядела в моих глазах вполне солидно.

Через 3 дня рано утром я и Детлеф перешли через *Чекпойнт Чарли*, и он усадил меня на мой голландский поезд.

ФРГ оказалась страной контрастов - в смысле разнообразия сменяющих друг друга пейзажей. Я жестами объяснялась с какой-то немецкой семьей, оказавшейся моими соседями по купе. Когда я общаюсь с немцами, я всегда удивляюсь, как это они могли с нами воевать во время прошедшей войны. Но им, естественно, лучше об этом не говорить...

Когда поезд пересек голландскую границу и остановился в первом голландском городе - Хенгело, на душе стало легко, сердце забилося радостно. Я узнавала знакомые желтые поезда и красные почтовые ящики за окном. Жизнь впереди казалась бесконечной.

Представлялась одной сплошной чередой счастья, без проблем.

Никогда еще я так глубоко не заблуждалась!

...Что было дальше, вы в общих чертах уже знаете. Оказалось, что ратующие за свободу передвижения для советских граждан и такие толерантные голландцы вовсе не радуются, когда мы этой свободой пользуемся... Конечно, можно было бы начать врать, что меня дома преследуют по политическим мотивам и получить беженский статус, тем более, что тогда еще это вовсе не было так трудно, как сейчас (я сама потом встретилась с массой людей, которые остались в Голландии, именно так и поступив - *наврав о преследованиях!*). Но я не хотела, не могла возводить напраслину на свою страну. Если даже мне что-то было в ней не по душе, это было наше, внутреннее дело. Я уже практически собиралась домой, когда встретилась с Сонни...

... Что стало с героями той давней истории? О, с ними все в порядке... Кроме Детлефа - с объединением Германии, которого он так ждал, его завод закрыли, дипломированный инженер-химик впервые в жизни стал безработным и только спустя лет 10 нашел какую-то плохооплачиваемую работенку продавца в магазине... Из квартиры в центре его выселили, вернув ее довоенному владельцу. Элеонора Алексеевна по-прежнему работает на старом месте. Поссорился с «молодым Рейганом» и ушел из института Михаил Евсеевич. Говорят, сейчас он коренным образом пересмотрел свою перестроечную точку зрения на Сталина. Лучше поздно, чем никогда! Научивший меня тому,

Советика Часть 1

в чем заключается разница между *réfrigérateur*²⁷⁰ и *congélateur*²⁷¹ Мамаду успешно дожил свой учебный год, еще в Советском Союзе. Успешно защитил свой реферат по истории КПСС (кафедру разогнали только на следующий год). Мама ездила к нему примерно раз в месяц и привозила ему *du roulaît* и прочие вкусные мелочи. Он привязался к ней, как к родной. Домой Мамаду увез и *réfrigérateur* , и *congélateur* и еще целый контейнер всякого добра: племянница из посольства помогла с отправкой. Не знаю, купил ли он дома белую лошадь, но директором лица он стал, и кроме сына, у него растут еще две прелестные дочки. Жалко вот только, что сердце пошаливает... Квеку уехал в свой Лондон и потом один раз звонил маме оттуда на работу, чем вызвал переполох в ее *первом отделе*²⁷².

Это Квеку из Лондона говорит!- сказал он важно, как Черчилль. -
Передайте, пожалуйста, Жене, что...

Я ничего не могу передать Жене, она теперь живет в Голландии!-
ответила мама.

- О!...

Да, мне удалось произвести на него впечатление своим поступком.
Но стоили ли ради того переселяться в *террариум*?...

...Следующая остановка – Дырка в изгороди²⁷³! – на полном серьезе
объявил шофер автобуса.

Мне показалось, что я ослышалась.

Что, что?

Джеффри только засмеялся:

²⁷⁰ холодильник (фр.)

²⁷¹ морозилка (фр.)

²⁷² отдел кадров/ режимный отдел

²⁷³ Hole in the Hedge- такая остановка действительно есть в графстве Даун

- Да, она действительно так называется. Вон, видишь, дыра посреди кустарника?

Джеффри был *жизнерадостным двуногим*. Извините, но иначе я назвать его не могла. У меня не было в отношении Джеффри никаких иллюзий. До человеческого статуса он все-таки немного, но не дотягивал. Плохое настроение у него, как правило, длилось недолго. Были такие вещи, которые сразу его с Джеффри снимали. Пиво было одним из них. Другим была «food» – «еда».... Он даже произносил это слово с особым выражением, вытянув губы в трубочку. Ну, и конечно, «Стар Трек» по телевизору!

Мы находились в автобусе. На пути к его маме в маленький приморский городок в южном Дауне, где я собиралась покупать себе дом. Если найду подходящий, конечно.

...Хотя мои дублинские знакомые долго убеждали меня, каким опасным местом был Север, я решила увидеть-таки его своими глазами. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать! В самый первый раз я попала сюда через 3-дневный тур для ищущих приключений молодых американцев, австралийцев и *прочих новозеландцев*. Наш водитель, хотя и жил в Дублине, сам был родом из этих мест и потому описал нам местную жизнь в красках. *Это они умеют!* Помню, как напряглись мои шейные мышцы и позвоночник, когда наш микроавтобус впервые пересек границу около Ньюри. И было от чего: дорога находилась под прицелом британских армейских крепостей, возведенных над нею на склоне, а вдоль дороги бродили натовские солдаты с автоматами наперевес... И хотя все обошлось, я могла только посочувствовать людям, которые живут в таких условиях каждый день. Я уже к вечеру первого дня почувствовала себя почти как Зина Портнова²⁷⁴...

Наш тур проходил через южный Даун с его ослепительной красоты побережьем, Даунпатрик с его могилой святого Патрика, Белфаст, где нам показали настенную живопись как в католической, так и в протестантской части города (в католической нашему автобусу радостно махали руками, в протестантской -чуть не забросали камнями),суровое побережье Антрима и Дерри или Лондондерри, в

²⁷⁴ Зина Портнова – советская пионерка-партизанка, Герой Советского Союза

зависимости от того, с кем вы говорите. Для нашего гида это был Дерри...

Почему-то не припомню, чтобы в советское время я где-то слышала об оранжевистских парадах, которые они зачастую намеренно проводят через католические кварталы. Как-то не отложилось в памяти. А здесь наш гид подробно нам об этой особенности местной жизни поведал. Посмотрев вблизи на жителей Шанкилла²⁷⁵, которые вели себя не лучше обитателей зоопарка, я еще более прониклась сочувствием к католическому коренному меньшинству...

Я была приятно удивлена, тем, что несмотря на такое явное внешнее несходство, многие места здесь - Фоллс Роуд в Белфасте и Богсайд в Дерри²⁷⁶ - напомнили мне о моем детстве.

Это были общины, где все друг друга знали. Где все еще можно было увидеть надписи «Нет иностранному империализму!» и образ Че Гевары на стенах. Гид в Дерри пожал мне руку и сказал с гордостью, что, когда он рос, Ленин был его героем -, точно так же как Бобби Сандс в свое время был для меня....

Не так страшен черт, как его малюют! По крайней мере, у нас общие враги.

Я действительно захотела узнать поближе, чем живет этот край.

...Перед нашей первой встречей Джеффри нервничал. Собственно говоря, нервничать было не из-за чего, но он ничего не мог с собой поделать. Он никогда ещё не был в подобной ситуации: встречать на вокзале совершенно незнакомого человека, с которым встретился в интернете! Да ещё к тому же и иностранку! Да ещё русскую... Нет, конечно же, Анна Курникова – это здорово, но ему почему-то упрямо представлялась здоровенная бой-баба, вроде русских толкательниц ядра, что он в детстве видел по телевизору. А ещё где-то из глубины подсознания всплывала ехидная рожа Розы Клебб из фильма о Джеймсе Бонде, и никак от этой картинки было не отключиться, хотя у него и была моя фотография, полученная по «мылу», и на толкательницу ядра я никак не тянула...И все-таки... А вдруг?

²⁷⁵ протестантский анклав в западном Белфасте

²⁷⁶ католические районы

Его немного успокаивало, что, судя по моим письмам, я была не из тех отчаявшихся найти мужа дома россиянок, о которых столько писали в их газетах. Нет, я казалась вполне независимой, и в их переписке даже речь не заходила ни о чем. личном. Интересно было узнать о жизни в той стране, которая совсем ещё недавно была далека для него, как Марс! Все равно, что переписываться с инопланетянкой - Джеффри, как и большинство мужчин всех стран и народов, имеющих телевизор, обожал «Стар Трек»...

Я была на два года старше Джеффри. Я узнала его на вокзале сразу – по фото и по испуганной физиономии, с которой тот то и дело вытирал холодный пот. Я видела, как он облегченно вздохнул, убедившись, что я – не Фаина Мельник. Хотя до Анны Курниковой мне, конечно, и было далеко...

Джеффри был коренастым, большеголовым, с очень ирландским лицом, раньше времени поседевшим парнем (поседел он после того, как по пьянке попал в автокатастрофу).

День на улице был на редкость теплый для конца апреля, и Джеффри повел меня показывать мне город. Нет, не Белфаст Бобби Сэндса, Кирана Доэрты и Джо МакДоннелла²⁷⁷, а respectable южный Белфаст с его университетом и уютными маленькими кафе, в котором обосновались его друзья Крэйг и Пол и брат, Данни.

Мы болтали без умолку, и к концу дня нам казалось, что мы уже знакомы целую вечность. Что-то в нем действовало на меня успокаивающе и расслабляюще – такой он был простой, так легко он относился к жизни, и таким интересным показался мне тогда его рассказ о ней. А именно такое чувство мне и было сейчас нужно...

Мои нервы почти сдавали -и из-за напряженности на работе, и из-за войны в Югославии, и из-за неопределенности с воссоединением моего семейства. Я ничего не стала Джеффри о нем рассказывать. Если бы у нас были серьезные отношения, конечно, рассказала бы. Но пообщавшись с ним немного, я быстро поняла, что *«такие Джеффри нам не нужны»*. А просто по-дружески приятно общаться - это дело другое. Это меня вполне устраивало.

Очень многие ирландцы (и ирландки!), к сожалению, поверхностные люди. В этом надо отдавать себе отчет, общаясь с ними - чтобы не

²⁷⁷ товарищи Бобби Сэндса, тоже погибшие в ходе голодовки протеста

было потом «разбитых сердец». Они очень легко загораются новой идеей или увлекаются новым человеком - и так же легко теряют к ним интерес, без какого-либо видимого внешнего к тому повода и иной раз совершенно неожиданно. Это касается не только отношений между мужчинами и женщинами, но и между друзьями, коллегами, напарниками по бизнесу и т.п. Ирландский нрав переменчив как здешняя погода. Поэтому предполагать, что ваша дружба здесь будет настолько же *уходящей вглубь*, как у нас, не стоит. Конечно, есть и исключения из этого правила, но это именно исключения.

Мы расстались в тот раз по-дружески, и с тех пор я зачастила в Белфаст. Практически я проводила там чуть ли не все выходные. (Лишь бы не сидеть дома одной, тоскуя по Лизе и жалея себя!) Джеффри слушал мои жадные расспросы, что , как и почему – и мысленно гордился тем, что поможет мне полюбить свой родной край.

Джеффри открыл для меня новый мир. Он рассказывал мне то, что для него было повседневным, будничным, - а я слушала его с широко раскрытыми глазами. Я училась тому, что здесь, в отличие от России, люди не говорят друг с другом о политике, что протестанта в баре или дискотеке можно узнать не только по имени, но и по какой-то внутренней большей скованности и замкнутости – и от души хохотала над рассказываемыми мне им историями о том, как его папа, подавая документы английскому солдату на проверку, привязывал их резиночкой к собственному рукаву, так что когда солдат тянулся за паспортом, тот от него «убегал», а солдат обиженно говорил: «Very funny, Sir²⁷⁸...» Он не посмел бы, конечно, бить директора школы из антримской деревушки – это ему был не какой-нибудь безработный «тайг» из Западного Белфаста!

Оказывается, отношения между католиками и протестантами здесь – совсем не такие однозначные, как я себе представляла! Я убедилась в этом, когда совершенно невольно смутила Крэйга, чуть не до слез. Автоматически решив, что раз три новых моих знакомых были друзьями детства, а один из них был католиком, то католиками должны быть и два остальные, я вернулась в один день, вся разгоряченная, с лоялистского Шанкилла и заявила с порога:

²⁷⁸ Очень смешно, сэр! (англ.)

Какой ужас! Какие мерзкие, полные ненависти картины я там видела на стенах!

Крэйг вдруг покраснел до самых корней волос и замямлил, что он не поддерживает это, что он тоже против этого. С минуту я непонимающими глазами смотрела на него – о чем. это он, почему краснеет? И только когда Джеффри шепнул мне на ухо: «Ведь Крэйг – протестант!», я поняла и сама стала такой же красной, как помидор. Я совсем не хотела его обидеть и вовсе и не думала сравнивать его с шанкильскими дебилами!

У меня был один большой – в глазах Джеффри – недостаток. Я «слишком интересовалась политикой». Сама я списывала это на своё происхождение и пыталась объяснить ему, что мне это вовсе не приятно, просто, к сожалению, политика определяет жизни всех нас, а с несправедливостью надо бороться. Это была такая же составная часть меня, как светлые волосы – для Анны Курниковой. Но Джеффри ненавидел всех политиков, не верил никому из них (ну, кроме, может быть, такого уважаемого человек, как Джон Хьюм²⁷⁹!) и не верил, что кто-нибудь сможет или даже захочет изменить жизнь. И он так об этом мне и сказал.

Who will guard the guards²⁸⁰?- задал он мне свой любимый вопрос. -У политиков – своя жизнь, а у нас – своя. Я не позволю им отравлять моё существование.

- Но они же все равно отравляют! – горячилась я. Хотя вопрос его, конечно, был резонным. Но сам собой он же не решится!

Джеффри несколько раз приезжал ко мне в Дублин и даже, расчувствовавшись, совершил ради меня то, чего он никогда и ни для кого бы не сделал; прошёл в рядах антивоенной демонстрации по центру Дублина. Он шёл и сам себе удивлялся: чтобы он, - и вдруг шёл по О'Коннелл- стрит на политической демонстрации! Может, он заболел? Или, не дай бог, влюбился?

²⁷⁹ умеренный католический политик, Нобелевский лауреат

²⁸⁰ Кто будет охранять охрану? (англ.)

Я поняла, что Джеффри неприятна «политика», и изо всех сил старалась на эти темы с ним не говорить. Но о чем., о чем было говорить тогда – о пиве? О «Стар Треке»? Я пыталась. Я мучалась, бывая у него в гостях, от того, что он целыми днями сидел у телевизора, точно как Илья Муромец просидевший в избе 30 лет и 3 года, - не отрываясь, смотря неважно что, лишь бы его не выключать, до 3, 4, 5 часов утра. Я хотела посетить Западный Белфаст, где как раз шёл фестиваль, я хотела взойти на Черную гору, а не сидеть в прокуренной комнате. Но увы...

Мы в общем-то практически не ссорились. Но, как я уже сказала, я довольно быстро поняла, что нам в жизни не по пути. Особенно когда он повторял о своих племянниках – совершенно, между прочим, здоровых:

*- I don't like weens!*²⁸¹

Иногда меня прорывало. Как, например, когда он сам начал пересказывать мне увиденную им по телевизору программу, прославлявшую двух британцев, отправившихся в Косово воевать на албанской стороне. Он так и не понял почему я вдруг вся сжалась в комок: ведь это сербы уничтожали бедных албанцев? Разве не так? И почему я гневно выпалила ему в лицо:

Неужели ты не понимаешь, Джеффри, что албанцы – как ваши лоялисты, что сербы жили на этой земле раньше, чем. пришли они, много-много поколений? Неужели ты ничего не знаешь и не хочешь знать?

Я так расстроилась тогда, что вернулась к себе в Дублин и не писала ему почти две недели. В конце концов, он попросил у меня прощения, - хотя и сам не понял, за что. Ведь те британские brave ребята, по его мнению, и вправду были героями...

Когда он узнал, что я решила переехать на Север и искала там жилье, он обещал мне помочь выбрать правильное место - ведь он же

²⁸¹ Не люблю детей (североирл. англ.) Weens – от «wee» (маленький)

знает, какие районы хорошие, а какие - нет. Я была в здешней *политической топографии*, конечно, полным профаном. Я искала дом по сайтам в интернете, ориентируясь в основном на цену и назначала встречи с риэлтерами, чтобы эти дома посмотреть. Цены на жилье были здесь смехотворными - потому что никто не хотел их покупать...

Один раз я завела Джеффри так в такое логово, что он был рад уйти оттуда живым! Потом он объяснял мне, что самые страшные для католика места - это те, где бордюрики тротуара выкрашены в цвета британского флага. Я поняла.

Однажды он взял меня с собой в родную деревню в Антриме. Когда-то она была любимым местом отдыха «самого знаменитого британца всех времен и народов» – Черчилля, чья дача ныне превращена здесь в отель. Сам Джеффри шутил про свою деревню:

Мы окружены со всех сторон! Если что, уходить придется морем...-, намекая на то,

что с севера, юга и запада она окружена протестантскими поселениями, да и не просто протестантскими. Неподалеку от неё проходил печально знаменитый «библейский пояс» Баллимины. -- бастиона сторонников Пейсли, воинственных протестантских фундаменталистов. Так что выбраться из неё, если что, можно действительно было только морем. Да и то – за морем-то – их прародина Шотландия...

Джеффри вдохновенно рассказывал мне о своем детстве и о своей семье. Родители, школьные учителя, познакомились в Кении, где они учили масаев английскому. Мама, правда, оставила работу после рождения 4 детей – одной девочки и 3 упрямых, как быки, парней. Но на зарплату отца все-таки было прожить нелегко, и по его настоянию мама «завела своё дело» – прямо в доме они открыли магазинчик с мороженым, на главной улице, как раз там, где останавливались все автобусы с туристами-янки, разыскивающими могилы своих предков в антримских гленнах²⁸²...

²⁸² Glens of Antrim – знаменитые своей красотой ущелья и долины меж гор, спускающиеся к морю

До самой папиной смерти её жизнь протекала в его родной деревне – и, как поняла я из рассказов Джеффри, хотя он сам этого не понимал, так, как папе того хотелось. Возможно, именно поэтому после его смерти мама уже никого не стала слушать, продала опустылевший ей дом-магазин и вернулась в свой родной приморский городок в южном Дауне, тоже больше католический и ужасно красивый.

Джеффри родился не в деревне, а в Баллиimine – ближайшем к ней городе, где была больница. Городе не только Пейсли, но и Лиам Нисона²⁸³, которого, кстати, в детстве учил боксу его родной дядя.... Все здесь, казалось, знали друг друга!

Когда мы шли по деревенской улице, я вдруг схватила его за руку:

- Смотри! Смотри!

Джеффри поднял голову. На дорогу от церкви выезжала машина, за рулем которой сидел очкастый бородач.

Это же..., - задохнулась я. Джеффри расхохотался:

Все так думают! Это наш здешний протестантский пастор! Ну и хватает же у него наглости ходить с бородой при таком внешнем сходстве с Джерри Адамсом!

Я отказывалась ему поверить, что это не Адамс, как он меня ни заверял...

Был хороший, воскресный день, и по улице степенно прогуливались семьи с детьми. В конце улицы была ярмарка с аттракционами, оттуда раздавались музыка и смех. Вдруг на дороге показалась вереница «воронков» – военных броневичков, которые имели обыкновение разъезжать здесь туда и обратно. Из каждого броневичка торчала фигурка английского автоматчика с закрытым наглухо маской лицом. Проезжая мимо толпы с детьми, они беззвучно и так обыденно

²⁸³ Лиам Нисон – известный ирландский актер

нацеливали дула своих автоматов на людей.... Стояла весна 1999 года.

Вокруг нас кричали чайки, и сам воздух был, казалось, соленым от моря. Я почувствовала, как меня охватывает ярость. Югославия ударила в сердце с новой силой. А Джеффри все говорил и говорил... О том, как он любит это море и этот ветер, как он когда-нибудь выкупит папин старый дом у его новых владельцев... или нет, он лучше построит себе новый, на берегу, такой, чтобы издали был похож на скалу и естественно вписывался в природу... а ещё он купит себе мотоцикл и будет катать меня по всему северу! Не заезжая, конечно, в Ларн²⁸⁴. И закажет мне, специально для меня, мотоциклетный шлем с серпом и молотом! Ему так нравятся мои рассказы о спецназе, о котором он меня спрашивал. Вот если бы я привезла ему к Хэллоуину российскую военную форму! В прошлом году у них в университете два парня нарядились в американских солдат, и им все так завидовали... Так в этом году он заткнул бы их за пояс, с моей помощью!

Джеффри не замечал, как я мрачню, а если бы и заметил, то не понял бы, почему. Он ведь не был знаком с бессмертной сказкой Салтыкова-Щедрина о *премудром пескаре*, которую мы когда-то изучали на уроках литературы в школе! Я еще раз посмотрела на него – и вдруг спросила, неужели ему совсем наплевать на то, что здесь творится, и неужели он не хочет увидеть свою родину объединенной, без этих по-фашистски выглядящих солдат вокруг, без этих выкрашенных тротуаров, по которым он так панически боится ходить, без нужды надевать наушники, слушая исторические ирландские песни?

Конечно, хочу!- горячо возразил мне Джеффри. -Знаешь, о чем я мечтаю? Как здорово было бы взять дорожный каток – знаешь, ну такой, каким закатывают улицы, вымазать его тремя цветами ирландского флага и проехать так от Дублина и до самого Дерри! Чтобы дорогу выкрасить триколором¹ Представляешь, как разозлились бы лоялисты?

Но это не развеселило меня. По-прежнему мрачная, как туча, я вошла с ним в паб. Джеффри так и не понял, чем он меня так расстроил.

²⁸⁴ Larne – городок в Антриме, гнездо лоялистов-протестантов

В пабе было шумно и весело, играла традиционная музыка. Джеффри заказал нам по пинте пива. Я все молчала, и он попытался поправить положение.

- Не подумай ничего,- сказал Джеффри, - Меня воспитывала тетя Мельда из Ратфрайланда²⁸⁵ – помнишь, я тебе рассказывал? Так вот, у неё всю семью убили Black and Tans²⁸⁶, включая её мужа и маленького сынишку. Я лучше тебя помню, какие звери англичане! Так вот, тетя Мельда потом всю свою жизнь посвятила нам. и долго ещё носила еду в горы, для the Boys²⁸⁷. Но теперь они не те, знаешь? Они думают только о себе, зарабатывают всякими нехорошими способами, нелегальными сигаретами и горючим. Это уже не те герои, что были в 20-е годы, понимаешь?

Быть североирландским мужчиной так трудно, в отчаянии думал он, - неважно,

католик ты или протестант. Ты просто хочешь жить своей жизнью, есть по вечерам

китайский ужин из «тэйк- авэй», пить «Харп» или «Гиннесс», учиться, чтобы

купить себе мотоцикл и новое стерео, и.... Мечтать, глядя из окна на гору, как

в один прекрасный день взойдешь на нее. Никому не мешаешь. Об объединенной

Ирландии ведь тоже можно мечтать- и какие это красивые мечты! А когда тайком

выучишь и шепотом (это чтобы никого не обидеть, заверял себя он) произнесешь парочку ирландских слов, посмотришь на себя после этого в зеркало - и самому приятно! На это

ведь, между прочим, тоже нужна смелость! Но всегда находятся они - те, кто хочет изменить существующий порядок вещей, кто везде мутит воду, кто восстает против властей. Чего

²⁸⁵ Rathfriland – деревня в южном Дауне

²⁸⁶ Black & tans – парамилитаристы, нанятые британцами в 20-е годы для подавления ирландской освободительной борьбы, жестоко расправлявшиеся с мирным населением

²⁸⁷ «Парни» - так католическое население называет бойцов ИРА.

им надо? Неужели им не хочется пива и быстрой езды на мотцикле, с Анной

Курниковой на твоём сиденье за спиной, как любому нормальному человеку?

Все это было написано на его простоватом лице так явно, что не надо было быть цыганкой-гадалкой, чтобы это прочесть.

Когда мы вышли на улицу, бар уже закрывался. Джеффри сам подрабатывал вышибалой в

студенческом баре в университете (за это полагались 2 бесплатные две кружки

пива за вечер!) и знал по опыту, что пройдет не меньше полчаса, пока

вышибалы и бармен уговорят посетителей, наконец, покинуть помещение. Шумная

веселая подвыпившая толпа грозила вот-вот вылиться на главную улицу деревни

и продолжить там свое гулянье.

Я шла по направлению к бывшей даче Черчилля, думая про себя, сколько еще продлится все это. Мое терпение уменьшалось в геометрической прогрессии, как шагреновая кожа.

... После того вечера мы с Джеффри не виделись несколько недель. На его электронные

послания, полные, как и раньше, щенячей, какой-то детской радости от жизни,

я отвечала, но рассеянно. Слишком много всего в тот момент происходило. Я нашла себе в Белфасте брокера, который пообещал, что поможет мне найти банк, который выдал бы мне ипотечный кредит, и объяснил, какие они бывают. Это несмотря на то, что я работала на Юге - в другой юрисдикции. Брокер сказал мне, что он наговорил банку, что мне по долгу работы часто приходится ездить на Север! Теперь мне приходилось запастись терпением на работе - нельзя было искать новую, пока я не найду дом для покупки и не получу этот самый ипотечный кредит - ведь банк будет проверять, где я работаю и сколько получаю...

Закусив губы, шла я по утрам в офис, где каждый вечер было неизвестно, во сколько тебя отпустят домой. К тому же у меня уже были билеты домой - я хотела провести с Лизой хотя бы ее день

Совьетика Часть 1

рождения, но начальница прямо сказала мне, что никуда меня в это время не отпустит. Значит, надо было решать все эти вопросы как можно скорее! Каждые выходные осматривала я в Белфасте дома, но все они были не то.... Ребенка нельзя подвергать риску.

Я чуть- чуть было не купила дом в лоялистском районе южного Белфаста: настолько они здесь были дешевы. Дом с 3 спальнями и садом стоил не больше 26 тысяч фунтов. Меня пленило то, что до центра города оттуда можно было за 10 минут пешком дойти. В конце концов, я же не местная - разве они примут меня за своего врага?

Агент по торговле недвижимостью очень обрадовался моему интересу: его офис пустовал, бизнес не шел. Он с удовольствием показал мне все, что было в данном квартале в его портфолио. А чтобы совсем уж меня убедить, показал мне дом, где жила семья русских из Казахстана. Семья, правда, дом этот только снимала, а не купила, но агент попросил их поделиться со мной своими впечатлениями от жизни здесь.

- Ну как, вас протестанты не обижают?- пошутила я.

- Да нет, тут даже лучше, чем среди католиков: они пьют меньше!- отозвался мой бывший соотечественник.

Испортил все сам агент-риэлтор. Надо ли пояснять, что он тоже был протестант!

- Очень спокойный квартал, хороший, - сказал он, - Если бы Вы были ирландкой, я бы Вам там не посоветовал жить. Но Вы иностранка, так что пройдет...

«Позвольте, а если я захочу ирландцев в гости пригласить?» - подумала я. И вообще, зачем мне жить среди таких людей, среди которых ирландцам лучше не показываться?

Жизнь показала, что я была права: иностранцев в южном Белфасте не били только пока их было мало. А сейчас поджоги, разбивание окон и прочие местные шалости в отношении проживающих тут поляков, литовцев и португальцев происходят практически каждый день. При

этом местные жители занимают такую знакомую мне позицию: «Я не расист, но...»

А не может быть никаких «но». Если есть «но», то ты уже расист!

А что, если попробовать городок, в котором живет мама Джеффри?

Мы как-то раз побывали у нее в гостях. Это была по-молодому веселая рыжеволосая женщина, чем-то похожая на белочку. Будучи уже несколько лет вдовой, она недавно случайно встретила свою первую любовь - тоже овдовевшего; чувства охватили их обоих с новой силой, и Джеффри подшучивал, что скоро выдаст маму замуж...

Джеффри скоро предстояли экзамены, а потом - ура! - такие заслуженные летние каникулы! Можно будет провести их у брата Данни в Белфасте, благо брат устроился на такую классную работу - спасателем в гавани, где можно спать всю ночную смену, а зарплата – 800 фунтов в неделю! И Данни вовсе не приходилось для этого ломать себе голову над основами программирования, как приходится сейчас ему! Эх, и везет же некоторым...

Он уже представлял себе, как будет всю ночь, пока Данни на работе, смотреть

телевизор (у Данни - 20 каналов! Класс!), потом будет спать часов до 3-4

дня, а потом ходить с Данни, Полом и Крэйгом в бар (неужели они откажутся заплатить

за пиво бедному студенту? Да он за это готов все лето им посуду мыть!) Я

тоже смогла бы приезжать на выходные, благо места в доме много.. Одним словом,

он все продумал - и, честно говоря, гордился собой. А почему бы и не

погордиться? Может быть, к концу лета он наконец осмелится и предложит мне

поездку на мотоцикле по всему Северу - если, конечно, Данни одолжит ему свой

мотоцикл...

Я приехала к нему только в июле, когда его каникулы уже начались. Как раз

Совьетика Часть 1

накануне всех этих дурацких оранжистских парадов, когда все нормальные люди с Севера уезжают. Если бы у Джеффри были деньги, он бы тоже куда-нибудь уехал. Но устроиться на летнюю работу, как делали другие студенты, как-то пока не получалось. В конце концов, здесь тоже неплохо - а из дома на эти дни можно и не выходить. Переживем

как-нибудь, говорил он себе.

В воскресенье, когда проходил печально знаменитый парад в Драмкри²⁸⁸, Джеффри

с друзьями собрались у телевизора пораньше, запаслись пивом побольше.

Пол, сгоняй за чипсами, быстренько, а?- заканючил Джеффри, освобождая место на диване для меня. - Как раз успеешь к началу.

Мы тут каждый год собираемся у телика и смотрим на это как на спектакль, -

пояснил он мне. -Обхохочешься!

На что?

А ты посмотри, как они себя ведут и что вытворяют! Это же класс!

Как раз к пиву и к чипсам. Пол, да двигай же ты быстрее, опоздаешь!

Я молчала. Если бы Джеффри взглянул на меня, то понял бы, что мой вид ничего

хорошего не предвещал. Но он и не подумал - он был слишком занят

происходящим на экране. Там творилась потасовка - оранжисты напали на

полицейских, а полицейские, в свою очередь, как сговорившись, не обращали на это внимания и дружно лупили дубинками по головам пытавшихся сдержать

²⁸⁸ Парад в Портадауне до церкви в Драмкри, который оранжисты непременно хотят провести через католическую Гарвахи роуд, много лет подряд приводил к серьезным вспышкам насилия по всей Сев. Ирландии

разгневанных местных жителей и стоявших поэтому к полициям спиной

стюардов-католиков.

Джеффри даже облизнулся. Мммм.... Круто! Лучше любого боевика!

Он обернулся на меня, весь его вид, казалось, говорил: видишь, какая крутая у

нас страна, разве это не здорово?

- Пойду погуляю вокруг дома,- сказала я, - У меня что-то голова разболелась.

...Когда я вернулась – через полдня!-, Джеффри сидел у телевизора все в той же позе,

в какой я его оставила, и не отрываясь, смотрел, как сражается с садистом-полковником Зайцыным в далеком Афганистане мужественный Рэмбо.... Да, вот такой это был субчик.

...Теперь же мы снова ехали к его маме. Я нашла в интернете несколько подходящих по цене и виду домов и собиралась за один день их все осмотреть.

Городок раскинулся на берегу моря, у подножия темно-синих издалека по цвету гор. Когда я впервые вышла на его единственную набережную и посмотрела вокруг себя, дух у меня захватило от красоты пейзажа. Три четверти населения здесь были католиками, а сам городок был курортом, и местные протестанты вели себя спокойно. К тому же он раскинулся как бы на полпути между Белфастом и Дублином. Лучшего места в Северной Ирландии мне было не найти!

...Мне повезло. Почти сразу я нашла дом, в который влюбилась с первого взгляда. Он был в 10 минутах ходьбы от пляжа, в 5 минутах - от дома мамы Джеффри и с большим супермаркетом через дорогу. До автостанции, связывающей городок с внешним миром, было минут 15 медленного хода от силы. Из окон открывался вид на те самые великолепные горы, а перед домом была большая зеленая поляна. Дом был двухэтажный, с 3 спальнями и небольшим палисадником. Я представила себе в нем Лизу - и все было решено...

Продававшая дома пара была безумно рада, что нашелся покупатель, согласилась подождать, пока я оформлю свою ипотеку и

Совьетика Часть 1

даже пообещала мне оставить все занавески, жалюзи и паласы на полах.

Придется перебираться сюда из Дублина. Ну что же, не такое переживали... Главное - найти здесь работу, а пока придется ездить сюда только на выходные.

...Ключи от дома я получила в тот день, когда в Ирландии было солнечное затмение. Выли собаки, над городком сгушался угрожающий красноватый полумрак. Не знаю, хорошее это было предзнаменование или плохое, но здесь меня действительно ждала совершенно другая жизнь...

Через несколько дней после этого я позвонила на работу, что заболела - и отправилась в аэропорт. Лизе исполнилось 6 лет, и я должна была в этот день быть с ней вместе. Даже если меня за это уволят. *Que sera, sera*²⁸⁹. Она и так слишком много всего пережила за свою короткую жизнь...

...Лиза лежала в постели с высокой температурой и больным горлом, когда я приехала. И печально на меня поглядывала. Ей было так плохо, что она не вылезала из постели несмотря даже на неконтролируемую ею гиперактивность. Я смотрела на нее, и сердце разрывалось от жалости...

- А Сонни женился!- обрадовала меня еще с порога мама. - Он прислал открытку Лизе ко дню рождения, правда, почему-то из Суринама, подписанную им самим и его новой женой.

Я взглянула на открытку. У жены было китайское имя. И было ясно, что открытка эта больше адресована мне, чем Лизе. Сонни никогда не повзрослеет!

Но если он думал меня ею расстроить, то совершенно напрасно. Наоборот, я вздохнула с облегчением. Все это время я гнала от себя мысли о том, как тяжело должно быть для него все то, что случилось. По крайней мере, Лиза со мной или скоро со мной будет.. А он остался там, совсем один, наедине со всеми своими тяжелыми мыслями и

²⁸⁹ Что будет, то и будет

переживаниями... Когда я представляла себе, каково должно быть ему, мне становилось почти дурно. Но он не оставил мне выхода. Видит бог, я не хотела расставаться с ним *так*, и не хотела, чтобы он не виделся с Лизой...

Все эти мысли необходимо было от себя отгонять, иначе недолго было и умом тронуться...

Может быть, хоть теперь он будет счастлив. Я очень на это надеюсь.

Когда я была у бабушки в гостях, по российскому телевидению вдруг заговорили о Драмкри.

Ну-ка, ну-ка, интересно, что там скажут?...

- Господи! И ты в таком месте живешь? – ужаснулась, поглядев на экран, бабушка. Я попыталась ее успокоить, что не в таком, а сама тем временем прислушивалась к тому, что говорит об этом российский репортер (который, естественно, сам на месте событий не был). Мне захотелось ущипнуть себя, чтобы проверить, что это мне не снится, когда я услышала сказанное веселой скороговоркой, без единой мысли в голове:

- Лидер ирландских террористов Джерри Адамс заявил, что...

Я не поверила своим ушам! О Драмкри говорили в связи с другим парадом оранжистов через католический квартал - на Нижнем Ормо в Белфасте. Несколько лет назад лоялисты застрелили там пятерых человек в местной букмейкерской конторе²⁹⁰.

На экране показывали, как полицаи безжалостно избивают невооруженных мирных жителей, занятых сидячим протестом - а веселый россиянин за кадром рассказывал о том, как отважная полиция борется с этими ужасными террористами и хулиганами!

После этого я проштудировала российские газеты на данный предмет - и открыла для себя, что журналистов-международников у нас в стране больше не существует. Их место заняла армия *второсортных переводчиков с английского*, черпающих познания о мире с сайтов BBC и CNN...

²⁹⁰ В 1992 году

Советика Часть 1

У Советского Союза были собственные корреспонденты в самых далеких уголках мира - и свое собственное мнение. Тому, что осталось вместо него, такие корреспонденты не нужны - собственного мнения о положении вещей в мире здесь давно уже нет... Соответственно никакого глубокого анализа вы в российских изданиях не найдете. Это для новоявленных отечественных писак - слишком большое напряжение ума. Перевести то, что говорит BBC- со словарем - намного проще...

Но Ирландия – не «страна пива «Гиннесс» и террористов»!

Нам бы поучиться у ирландцев, как любить и уважать свою страну, как гордиться своей культурой, как не сдаваться ни при каких обстоятельствах. Как суметь оставаться сильными - и в то же время добрыми и человечными.

Многим вещам придется учиться заново – ведь мы основательно подзабыли их с советских времен...

Глава 9. Развязанный веник

«Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались.

Вот он велел принести веник и говорит:

- Сломайте!

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту.

Они легко переломали прутья поодиночке.

Отец и говорит:

- Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться да все врозь - вас всякий легко погубит.»

(Лев Николаевич Толстой «Отец и сыновья»)

«Я никогда не выступал за отделение России, я за суверенитет Союза, за равноправие всех республик, за их самостоятельность, за то, чтобы республики были сильными и этим крепили наш Союз. Только на этой позиции и стою.»

(Б.Н. Ельцин, 29 мая 1990 года)

*«Лукоморья больше нет,
От дубов простыл и след
Порубили все дубы на гробы»*

(В.Высоцкий)

«Свобода! Свобода! Бежим в страну дураков!»

(мышь из фильма о Буратино)

...И опять мне снится воркование голубей под крышей нашего дома. Его звуки успокаивали и, казалось, даже согревали меня, убаюкивая длинной зимней ночью. Мне кажется, что дедушкины голуби скребутся в потолок своими красными лапками, шелестят крыльями, гоняют друг друга по чердаку, поругавшись... где-то в глубине чердака пищат голубята. У дедушки был свой, особый звук для того, чтобы позвать их на кормежку – ни один из нас не мог его симитировать. И на письме его не передать – это было что-то вроде «г-щ-гль-гль-гль-гль-щ», но

сходство все равно получается какое-то жалкое. Как у нового российского гимна со старым советским – вроде бы музыка та же, а не звучит... Не вызывает чувств.

С моим отъездом мамин дом не опустел, а скорее совсем наоборот: он почти все время был полон моих друзей! «Веселую ты мне устроила жизнь!»- писала мне мама. – «Дома двери не закрываются; все время то один твой приятель приезжает, то другой, а то даже и несколько сразу!»

То заезжал из Тбилиси суровый перуанец Педро вместе со своей грузинской женой Вардо - по дороге в Лиму. То Володя Зелинский, то его брат Алеша. То их родители, ставшие беженцами – они радовались, что хотя бы успели продать свою квартиру чеченцам, хотя и за бесценюк. После того, как увидели по телевизору, что «федералы» начисто разбомбили их дом в Грозном...

То навевывалась Верочка из Усть-Каменогорска - ее судьба получилась самой грустной из всех нас. Восторженная девочка, ходившая вместе со мной на австралийский балет была вынуждена бежать из родного Казахстана вместе со своей мамой. Что именно там произошло, толком никто из нас не знает, но она чего-то смертельно опасалась. Верочка и ее мама решили любыми силами устроиться после этого в Москве и пару недель прожили у нас дома. Однажды моя мама вернулась с работы пораньше - дома были наглухо задернуты все занавески, а Верочка сидела, сжавшись в комок, в углу, и дрожала: у нее зуб на зуб не попадал.

- Тихо!- воскликнула она, увидев мою маму, - Они там, за окном... они за мной следят, я знаю....

Мы жили на 5 этаже, и за окном никого, естественно, не было. Кроме птиц. В доме напротив находился банк, который после 5 часов закрывался.

- Кто «они», Верочка ? Никого там нет, вот, посмотри сама...- но когда мама попыталась занавеску отодвинуть, Верочка чуть было не вцепилась ей в горло...

У бедняги всерьез поехала крыша. И у ее мамы тоже. Они уехали в Москву, устроились где-то дворничихами, получив комнату (обе с высшим образованием!), и их следы затерялись...

Перестроечные и послеперестроечные коллизии отразились на психике многих. Было страшно наблюдать, как знакомые тебе, вчера еще нормальные, веселые, жизнерадостные люди на твоих глазах постепенно сходят с ума: становятся сектантами, спиваются, кончают жизнь самоубийством...

Те, кто утверждает, что все это происходило у нас в стране в таких же масштабах и раньше, только мы об этом не знали, или честно заблуждаются под влиянием «демократической» прессы, или лгут. Пресловутая гласность здесь совсем ни при чем. У нас всегда было много знакомых - но никогда еще не было среди них столько людей, с которыми что-нибудь случилось.

Жена маминого коллеги ударилась в религию. Пока она билась лбом об пол в церкви, ее сынишка залез на крышу этой самой церкви, упал оттуда и разбился насмерть. Мой бывший одноклассник, отслуживший уже в армии - на подводной лодке!- пошел на рыбалку и не вернулся: кто-то ударил его камнем по голове и бросил в речку... Другому моему однокласснику, работающему в морге, выпало делать ему вскрытие. После чего он бросил «мирскую жизнь» и закопался где-то в землянке. Муж моей подруги Аллы повесился. Единственный сын нашей первой учительницы, которого она так обожала, не дожил и до 30 лет. Друга моего троюродного брата, которого мы знали с детства, ставшего охранником в банке, пристрелили около подъезда. То же самое произошло с сыном бывшего Томочкиного начальника. Он бежал по двору, недалеко от нашего дома, пытаясь спастись, а в него стреляли на ходу... Среди бела дня! Когда я жила в СССР, было немислимым даже представить, чтобы у кого-то просто вот так было на руках огнестрельное оружие. Оно было только у совсем уж отпетых бандитов-рецидивистов, по которым плакала «вышка», и таких бандитов на всю страну было раз-два и обчелся. Брата дядиной жены Глафиры нашли повешенным на дереве: он взял у кого-то деньги в долг и не мог отдать. Собирался «заработать» в Чечне - больше было негде!- но не успел туда доехать: кредиторы нашли его раньше... А сколько стало несчастных случаев на дорогах! Одну бабушку сбило машиной на центральной улице прямо при мне - а я была дома всего

только две недели... Мне потом долго снилось, как она взлетает в воздух от удара.

Когда я пошла навестить на кладбище могилу дедушки, я ревела в голос, увидев, сколько вокруг нее могил молодых, здоровых парней и девушек. Почти все моложе меня. Все - за последние несколько лет...

Кто там обещал лечь на рельсы²⁹¹?...

Женя из Ялты после долгих мытарств тоже осталась в Москве - но у нее хотя бы по-прежнему с головой было все в порядке! Одна из наших преподавательниц помогла ей устроиться на работу в библиотеку. Она не имела своего угла к 35 годам, закручивала романы со студентами, но крепилась и на жизнь не жаловалась. Только как-то раз написала мне: *«Знаешь, Женечка, вот выходишь утром на улицу, - и такое впечатление, что в городе все дома, ну в общем, всё осталось по-прежнему, а улицы захватили какие-то инопланетяне...»*

Виталик Резников из Ростова, другой наш однокурсник, с которым у меня были общие воспоминания, единственным из нас из всех так и не получил диплом и теперь перебивался тем, что учил молодежь играть в шахматы. Это был высокий, немного нервный еврейский мальчик - большой маменькин сынок, у которого легко шла кровь носом. Из всех наших однокурсников он единственный говорил о себе, что он еврей, когда это еще не было модно. Его папа эмигрировал в Францию на волне еврейской эмиграции из СССР начала 70-х, но жизнь там привела его в ужас, и он вернулся. Теперь над Виталиком все смеялись из-за этого... А общие воспоминания у нас были потому, что мы несколько раз сходили вместе в кино на 3 курсе, и он даже один раз

²⁹¹ В начале 1992 года Ельцин поклялся перед телекамерами «лечь на рельсы», если инициированные им либеральные экономические реформы посредством шоковой терапии приведут к повышению цен: «Если цены станут неуправляемы, превысят более чем в три-четыре раза, я сам лягу на рельсы.» Это обещание Б. Н. Ельциным выполнено не было, несмотря на то, что цены выросли в сотни раз, а уровень жизни населения резко снизился

свозил меня в гости к своей зеленоградской тете. Он был соседом по комнате Саида в новом общежитии, и я начала было тогда с ним встречаться, чтобы Саида позлить. Но как только я поняла, что со стороны Виталика это грозило перерасти во что-то большее (он попытался было меня один раз поцеловать), я ужасно перепугалась и начала от него прятаться. Я была совершенно к этому не готова. Он был умный парень и быстро все понял... А я до сих пор вспоминаю слова Антуана де Сент-Экзюпери - о том, что *мы в ответе за тех, кого мы приручаем...*

«Собачья у нас жизнь, совсем собачья, '- пишет мне с горечью уже известная вам Лида. Сама она успела в последние годы советской власти осесть в Питере, дослужилась до высокого чина в милиции. Мама и брат остались дома, на Украине. Папа умер. Бросить мужа – неработающего алкоголика и наркомана – нельзя: будет негде жить. Весь год Лида живет впроголодь, отсылая любые сэкономленные деньги не имеющим работы маме и брату. Весь год пытается накопить деньги на поездку домой. Иногда это удается, иногда – нет, и тогда они не видятся с мамой до следующего года...

Помните, как в советское время мы ездили вместе на Черное море: я, Лида, её родители и её брат? Две недели жили «как у Христа за пазухой», безо всяких забот. На Черное море эта семья ездила каждый год. Сегодня ее маме не всегда хватает на хлеб...

И что же вы думаете, Лида жаждет общественных перемен?

Она жаждет дожить до конца недели... до отпуска... до конца года... не свалиться, не заболеть, не остаться на улице.... не сорваться в плане нервов...

Ведь самое страшное – это присесть на секундочку и задуматься о том, что такая жизнь ведет в тупик. Что бандитов на улицах не станет меньше. Что страх за завтрашний день будет только расти. Что все меньше и меньше будет оставаться всего бесплатного, всего доступного каждому гражданину. Что наши девочки подрастают, чтобы пополнить российские и западные бордели. Что они уже даже не дают по мордасам, а почти гордятся, когда их на улице щиплют за попку или за коленку, особенно какой-нибудь хозяин шикарной иномарки. О том, что в нас практически истребили чувство собственного достоинства. О том, что наших мальчиков ждут все новые и новые Чечни. Что такой же жизнью, если ничего не сделать, придется жить и её нерожденным

ещё пока детям. Лучше уж помечтать перед сном, что этим будущим детям в жизни встретится принц или принцесса, которые увезут их на своей яхте на Лазурный берег или на Багамы, - и после этого станут они «жить- поживать и добра наживать.» И о ней тоже не забудут...

...Я давно уже пытаюсь понять, как может наш человек, выросший в нашем, советском обществе, которому есть с чем сравнивать, в отличие от западного, вот так легко привыкнуть ко всем этим мерзостям нашего сегодняшнего бытия. Если я - не могу, даже после почти 15 лет, проведенных в его «более цивилизованной» форме (это где хотя бы не умираешь с голоду), принять эту мерзость и гнусность как должное.

Потому что я всегда помню другую жизнь. Не роскошно-животно-тупую, но полную того, чего нет и не может быть у сегодняшних молодых людей ни на Западе, ни у нас: духовного и интеллектуального развития, уважения к другим людям, цели в жизни – не для себя, а для того, чтобы приносить пользу другим и чувствовать себя от этого человеком, - любимого дела, а не желания быть готовым на любое унижение ради «баксов», ощущения того, что перед тобой открыты в жизни все пути, что тебе не надо бояться будущего, ни своего, ни за своих детей ; того самого чувства собственного достоинства, которое так стремятся истребить в нас не имеющие его сами и подсознательно поэтому нам завидующие новорусские недочеловеки...

Так как же можно привыкнуть к мерзости и не желать страстно, всеми силами души, расправиться с ней? Как можно с ней смириться? Это по-прежнему остается для меня загадкой.

Я пыталась заставить себя это сделать. Пыталась «жить как все», думать только о сегодняшнем дне, о том, что приготовить на обед.

Но перед глазами у меня стоят таджикские ребятишки, попрошайничающие на улице вместо школы. Русские старушки в Грозном, прячущиеся в подвалах от батарейного огня собственных внуков. Старички, распродающие свои боевые ордена, чтобы не умереть с голоду. И - здоровые тупые верзилы с килограммовыми цепями на шее, которые считают оказанной тебе честью, когда они хватают тебя за коленки. Которые навязывают нам свою тюремно-бандитскую слюнявую сентиментальщину на жаргоне по радио и

телевидению (в подлинно свободном обществе кто платит, тот и заказывает музыку). И - стоящие за их спинами толстобрюхенькие бывшие комсомольские работницы – ныне «уважаемые бизнесмены», торгующие всем, что плохо лежит, тем, что не было сделано их руками, торгующие нашими людьми, готовые родную мать продать за подходящую цену («только кому она нужна, старуха?») . Они оправдали возложенное на них доверие тех «цивилизаторов», которые когда-то подсовывали им джинсы и жвачку, - так же, как подсовывали спиртное африканскому вождю Таманго, герою новеллы Проспера Мериме, продавшему под пьяную лавочку не только половину племени, но и любимую жену, а затем и самому захваченному ими в плен и проданному... Они, конечно, считают себя умнее, чем. «какие-то там чернож*...», - но закончат так же, как Таманго. В затерявшейся посреди океана лодке, которой они не смогут управлять...

...Когда-то, в конце 80-х, я увидела фильм Аллы Суриковой «Человек с бульвара Капуцинов», - последнюю роль в кино гениального Андрея Миронова. Я была уверена, что показанное там было лишь гротескной карикатурой: не может быть такого, чтобы под одним только влиянием дурацких фильмов, показанных им конкурентом доброго и благородного героя Миронова, целое население небольшого городка до такой степени резко, на глазах, отупело и одичало, начав полностью имитировать поведение, увиденное на экране.

Но увы и ах-, - гротеск оказался настолько близок к действительности, что иной раз волосы становятся дыбом: как могли такие пустые, такие жестокие, такие равнодушные дети вырасти у таких в основной своей части бывших людьми родителей? Неужели превратить людей в обезьян так просто- и возможно всего за какие-то 10-15 лет?

Общество наше сегодня «нивелируется» вниз: если раньше нас стремились развивать, тянули к развитию за уши даже тех, кому оно трудно давалось, и добивались при этом значительных результатов (правда, не всегда к удовольствию развиваемых: помните некоторых героев 'Большой перемены или верзилу Федю из «Операции «ы» ?) «Надо, Федя, надо!» - горестно вздыхал Шурик, вытягивая по нему розгами. И Федя, - что бы там ни творилось у него внутри, - по крайней

мере, после этого не мешал жить и работать другим людям. А сегодня такие вот распоясавшиеся Федь не дают жить нам всем!

Нас пытаются заставить опустить наш интеллектуальный, моральный и духовный уровень до них, до этих Федь. Нас упорно тянут за уши, но уже вниз. Мириады «Федь, засевших в наших СМИ, выставляют себя «экспертами» по различным областям, хотя у них даже с правописанием не все в порядке.

Многие пытаются этого не замечать. Думают, что закрывшись в 4 стенах, можно продолжать жить воображаемой нормальной жизнью. Лида ничего не пытается - кроме того, чтобы выжить. Ей некогда думать обо всем этом. И страшно, - даже если бы и было время...

И идет, идет привыкание к тому, с чем мириться и что терпеть нельзя. Превращение нас и наших детей в полурабов-полуобезьян, готовых за миску похлебки совершить прилюдно половой акт. Да еще и гордиться содеянным; как же, ведь заработали на миску похлебки!...

Воспоминания, воспоминания...

...- А сейчас, ребята, ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос: как вы думаете, почему египтяне так легко продавали иностранцам найденные в гробницах фараонов исторические ценности? Не знаете?- и наш профессор Михаил Евсеевич хитро посмотрел на нас.

-А все дело в том, дорогие мои коллеги,- продолжал он, - что это были могилы **не их** предков. Арабское население появилось в Египте намного позже, и, конечно, когда речь идет о могилах не твоих предков, а совершенно посторонних людей, то и отношение к ним другое... Кстати, кто из вас знает, какая группа населения в современном Египте является потомками древних египтян?

Это-то я знала! Как оказалось, одна из всей нашей группы.

- Копты, Михаил Евсеевич! - с места сказала я.

...Разговор этот имел место давно, на студенческом семинаре, а все никак мне не забывается. Нет, вовсе не потому, что я знала про коптов. Просто никто из нас тогда не думал, что пройдет всего несколько лет -

и многие из нас самих далеко затмят египтян арабского происхождения в подобной торговле. Только вот казус какой- там речь шла о вещах из могил «чужих предков», а наши отечественные «гробокopatели» вовсе не брезгают сотворенным предками их собственными...

...- Это сколько же вагонов надо было ободрать!- одновременно хором воскликнули мы с мамой, вскрыв посылку из Соединенных Штатов от одной фирмы, специализирующейся на перепродаже вывезенных из СССР вещей. Перед нами красовался вырванный «с мясом» из обшивки советского пассажирского железнодорожного вагона огромный металлический герб СССР. Вырывавшие его так усердствовали в своем желании «получить бабки», что верхний кусочек герба откололся. Хорошо представляю себе, как они при этом матерились - поврежденный товар идет по сниженной цене, и если продавался западному покупателю он за 70 долларов, то можно представить себе, как мало получили за этот герб его «добытчики»!

Интересно, почему никто никогда не задавался вопросом, куда делись все эти гербы из настоящего металла с вагонов, пионерские знамена из школ, бюсты Ленина из кабинетов? И это при том, что не перестают жаловаться на то, какая Россия «нищая страна», и что нам «никогда нечего было продавать, кроме нефти»...

Наверно, все это было «ничьим»? Страдающая ностальгией, я как-то поинтересовалась у мамы, где у них на заводе теперь все те транспаранты и знамена, под которыми мы ходили на первомайские и ноябрьские демонстрации? Неужели совсем ничего не осталось? Уничтожено из негодования «преступлениями коммунистов»? Ничегошеньки подобного: все распродано, включая огромные портреты членов Политбюро, которые мы тогда катили на колесиках, и за которыми было так удобно сидеть на металлической раме детям. Разграблен на продажу даже заводской музей. А распродав все это, новоявленные Альхены и Сашхены демократической эпохи просто-напросто закрыли производство и живут... сдачей заводских помещений под какие-то торговые склады.

Знаете, на кого они так похожи? На Скуперфильда из книги Н. Носова «Незнайка на Луне»: гадят в одной комнате за другой у себя дома, потому что убирать не хочется, а что будет когда все комнаты окажутся загаженными? «А там посмотрим!»...

...Западные интернетные аукционы забиты советскими часами, лампами, военными формами, валенками, фотоаппаратами, приборами ночного видения. Или все это тоже «ничье» и «ничего не стоило»? На «блошиных рынках» в Берлине и Париже бойкие выходцы из южных регионов бывшего Советского Союза с мягким говорком а-ля Михаил Сергеевич нахваливают потенциальным покупателям вырезанные «с мясом» из рам картины, украшавшие где-то школы и сельские клубы...

Это- самое обыкновенное мародерство. То, за которое расстреливали при «нехорошем Сталине». Такое же, каким занимаются в Ираке американские головорезы, предлагающие на Ebay «предметы быта Саддама Хуссейна» и сокровища из багдадских музеев. С той единственной разницей, что наши отечественные гробокопатели продают созданное их собственными бабушками и дедушками, их собственными родителями, торгуют в развес и навывнос их мечтами и идеалами.

И никакого зазрения совести. Это у Ильфа и Петрова воришки были застенчивыми, а современные Альхены собой и своим «предпринимательством» вполне гордятся. Вот они, нахваливают свой товар: *«Портрет советской женщины- героини! Социалистический реализм! Большая редкость! Замечательное качество!»*- зазывают они покупателей на интернетные аукционы. А захочешь сохранить картинку с изображением данного полотна у себя в компьютере на память - и оказывается, торгаш весьма неромантично отзывается о так горячо рекламируемой им героине. «Stalin_s_tetkoy.jpg» грубо озаглавил он этот свой продукт (видимо, считая что покупатели подобного все равно не знают русского, а повесят этот портрет где-нибудь на двери женского туалета в своем пабе...).

Каждый Альхен продает то, что попадетя ему под руку: кто- украденные в школах картины, кто- отчаявшихся как прокормить детей женщин, кто - советские ордена и медали, скупленные по дешевке у продающих их, чтобы не умереть с голода, копясь в помойках, стариков...

Другие торгуют собой, - как олимпийская чемпионка Ольга Корбут, за 70.000 долларов участвовавшая в драке с какой-то другой бабой или как блаженный наш Альхен всех времен и народов М.С. Горбачев,

продававший как-то с аукциона... ужин со своей собственной персоной (всего за 7000 фунтов стерлингов!).

... «Такого больше никогда не сделают!» - нахваливают свой товар мародеры сотворенного трудом их собственных дедов и отцов, бабушек и матерей. Видимо, считают они так потому, что сами ничего создавать не способны. Только распродавать созданное другими.

Не зарекайтесь! Сделают, да еще и получше того.

Но только после санитарной обработки, которая нужна будет для очистки нашей страны от паразитов и грызунов.

...Помню маленького мальчика, с которым я разговорилась как-то в вагоне поезда.

-Кто у тебя папа?

-Узбек!

- А мама?

- Украинка!

- А ты?

- Русский!

Тогда мы смеялись. А на самом-то деле ничего смешного - этот малыш просто был советским человеком. *Не чуркой, не хохлом и не кацапом...*

...Я поняла, что «русские пришли», когда впервые увидела на стене одной из дублинских новостроек многометровое русское слово из 3 букв. Но это уже были совсем не те русские...

... Сначала он отказался говорить со мной, заявляя, что я – «агент КГБ».

- А Вы откуда ? Из России? – его черные глаза округлились, и он вскочил с места, на ломаном английском заявляя своему адвокату, что

Советика Часть 1

не хочет русских переводчиков, - ибо они «могут тут же пойти и позвонить, куда надо».

Я наблюдала за этим без особых эмоций. Не хотелось даже пытаться убеждать его в том, что я покинула СССР уже много лет назад, И совсем не по политическим причинам, и что я – вовсе не Мата Хари, а он вряд ли обладает какими-то секретами, чтобы за ним охотились государственные спецслужбы.. Его отрезвил адвокат:

- Извините, мистер Н***, у нас здесь не такой большой выбор, чтобы разбрасываться переводчиками..

Он не хотел видеть очевидного : что я была нужна ему, а не наоборот.

...С Костей я познакомилась у его адвоката, в качестве переводчика. В Дублине мне приходилось довольно часто переводить для бывших соотечественников – слава богу, не во время их интервьюирования иммиграционными чиновниками, а во время их встреч с теми, кто представлял их интересы, но вот в Белфасте это был мой первый случай.

Причем Костя приехал именно в Белфаст сознательно – он был уже в Дублине, посмотрел на окружающий его « веселый хаос », и ему до ужаса захотелось « цивилизации ». Он сел в автобус – и через 3 часа оказался в « цивилизованной Великобритании », где сдался властям примерно как Иван Васильевич Бунша, - с восклицаниями : « С восторгом предаю себя в руки родной милиции, надеюсь на неё и уповаю... «

Родом Костя был с Урала. «Обычная совсем, обычная совсем история», как поется в советской песне. Обычная – для большинства беженцев из бывшего нашего Союза, оказавшихся здесь, которые так стараются убедить ирландские и британские власти в том, что бежали по политическим мотивам. На самом деле политикой там в 98% случаев не пахнет и близко: большинство этих людей – «несостоявшийся средний класс», то, что в России называется «бизнесменами». И бежали они в большинстве случаев вовсе не от

политики властей (хотя от неё порой действительно можно залезть на стенку!), а от «разборок» с такими же, как они сами...

Быть «стукачом» – не в моих традициях, да и не считаю я, что быть «экономическим беженцем» – это преступление само по себе, и поэтому я молча перевозжу все то, что они мне рассказывают, не делая к этому никаких комментариев и не высказывая сомнений по поводу зачастую совершенно неправдоподобных историй. В конце концов, в данной функции я – просто переводчик. Но я достаточно насмотрелась - на спекулянтов, бегущих от «мести чеченцев» (вполне возможно, что от мести бандитов именно этой национальности, но к политике это опять-таки не имеет ни малейшего отношения!) и на пожилых женщин родом из русской глубинки, которых на рынке «наняли азербайджанцы, чтобы им девочек молоденьких водить, потому что бабушке девочки поверят», а теперь эта «бабушка» сидит в Ирландии и ревет в три ручья, рассказывая о том, как эти азербайджанцы её изнасиловали, и мотивируя это «этнической ненавистью», - чтобы сделать для себя выводы об этой категории людей...

Выйдя из кабинета, кстати, эта бабушка на удивление быстро успокаивается – и заявляет мне по-дружески, что она «ещё себе ирландского мужа найдёт», потому что «не может быть одна». И, глядя на неё, я не сомневаюсь, - найдёт! Хотя и совершенно не говорит по-английски, И далеко не первой молодости и красоты...

Мне приходилось видеть людей, которые считали достаточной причиной для получения политического убежища то, что их 15 лет назад взяли в армию с первого курса института, хотя не должны были. Или людей, которые уверяли, что им не разрешали готовить в сельской столовой, делая вместо это уборщицами, из-за «пятой графы».... Как-то все это не очень вписывается в понятие, которое в слово «беженец» вкладывает Женевская Конвенция.

Что общее у всех этих людей, - так это то, что они могут то, чего никогда не могла сделать я. «Жаловаться» на свою страну и поливать её грязью перед чиновниками другой страны, которая по отношению к своим «диссидентам» ничем (или мало чем) лучше.

Как бы я ни была недовольна положением вещей в своей стране, она всегда оставалась моей. И мои проблемы в ней и с ней были именно моими, а не делом чужих чиновников.

Столькие из этих людей же просто вели себя так, словно наша страна была им совершенно чужой... Я так не могу!

Но большинство людей прижмает сюда не очень-то подготовленными и «подкованными в отношении процесса». Не был подкован и Костя. Он не знал, например, что по Дублинской конвенции, если он проник на территорию Великобритании через другое государство, подписавшее её, ты должен был попросить убежище там, а раз ты этого не сделал, тебя имеют полное право депортировать в ту страну, через которую ты приехал. То есть, в его случае- в такой ненавистный ему «нецивилизованный Дублин»...

Я не знаю, конечно, насколько цивилизован в данный момент в истории его родной уральский край, но «накатил» на Костю не кто иной, как представители власти - ОМОН. Как он уверяет, за то, что его мама – кавказского происхождения (мама живет в другом городе, сам он носит фамилию папы и не общается с родителями уже много лет). Как следует из его рассказа – вовсе не поэтому, а потому, что он занимался самым, пожалуй, рискованным «бизнесом» в сегодняшней России – торговлей недвижимостью... И кто-то из милиционеров захотел приобрести его дом по дешевке...

Нет, он не такой представлял себе жизнь за границей в качестве беженца.

- Я думал, что я буду жить в общежитии и работать, - объясняет он.

Здесь ему хотя бы выдадут разрешение на работу через 6 месяцев «хождения по мукам». В Ирландской республике ждать придется не меньше года – и разрешения не дадут, если он не получит статус. А в первой инстанции ему откажут почти наверняка. Придется ссылаться на старые болячки – на то, что у него язва желудка, например. Или была операция на коленной чашечке – и если его депортируют в Россию, то ему грозят ужасные физические муки из-за того, какие там «кошмарные врачи»...

Если бы Костя был женщиной, он давно бы уже забеременел и родил ребёнка. Ибо если твой ребёнок родился на ирландской земле, он – ирландский гражданин. А кто же посмеет депортировать мать, отца или даже бабушку ирландского гражданина? (Та бабуля-

поставщица секс-рабынь осталась здесь именно будучи бабушкой маленького ирландца...)

...Дублин, автовокзал. Поздний вечер. Я жду знакомого, который должен меня подвезти. Рядом со мной - с парой полиэтиленовых пакетов из дешевых супермаркетов в руках, молодая замученного вида женщина. 2 индуса пытаются выяснить у неё, куда ей надо, а она не говорит по-английски.

- На каком языке она говорит? – спрашиваю я.

- На немецком.

Уловив, что её немецкий тоже весьма и весьма проблематичен, я почему-то спрашиваю:

-Может, вы по-русски говорите?

-Говорю!- обрадованно-удивленно отзывается она.

...Аурика – молдаванка. Она на 5 месяце беременности и только что сошла с автобуса вместе с братом, который тоже по-английски не говорит. В отличие от Кости, они проделали «обратный путь» – из Лондона через Шотландию и Северную Ирландию в «нецивилизованный» Дублин, где они собираются просить убежище.

Субботний вечер, все инстанции закрыты до понедельника, а у них здесь – никого знакомых и 30 марок денег на двоих. Они не жалуются, даже не просят помощи. Аурика только спрашивает, нельзя ли ей пойти к врачу : когда они приехали на грузовике в английский Довер, их заметил пограничник, и пришлось бежать. При перелезании через забор она порезала ногу. Порез очень глубокий, надо зашивать, а он вот уже 3 дня даже без обработки антибиотиками и начал загнивать... Она посыпала его солью – это все из « лекарств », что у неё было.

Вчера ночью они спали на улице в Лондоне.... Аурика показывает мне маленький альбом с фото её 2 дочек, которые остались дома.

- Жизнь стала такая тяжелая, просто сил нет, - тихо вздыхает она. И глядя на её, в её состоянии, остается только пытаться предсатвить

себе, какой беспросветной должна быть жизнь, чтобы беременная женщина оставила дома двоих детей и отважилась на такие страдания... Она надеется родить здесь – и потом уже, бог знает, когда это будет, забрать к себе двух других дочек...

Я была рада, что смогла помочь ей устроиться на ночлег. Но не могла отделаться от мысли, как изуродовал жизни миллионов и миллионов людей во всем мире « перестройщик » Горби.

Ирландцы, которым так не по душе наплыв беженцев, не видят связи между деятельностью этого « замечательного » политика и этим наплывом. А связь эта – прямая.

Аурику жалко по-человечески. Таких, как Костя, - тех, что думали, что смогут шикарно жить за счёт нищеты других, - честно говоря, ни капельки.

...К концу сессии Костя передумал и из «агентов КГБ» записал меня в «полезных людей». Как-никак, столько лет на Западе – знает, что, как и где...

Я почувствовала, куда дует ветер, и на всякий случай сообщила ему, что я «замужем».

Знаете, что самое удивительное – и самое отталкивающее в наших соотечественниках, оказавшихся за рубежом? В том, что большинство из них хочет с тобой общаться только если от тебя «может быть какая-то польза».

Костя тоже «пробовал почву». Сообщение о моем замужестве его не надолго расстроило : он принялся выяснять, счастлива ли я в браке. И мой ответ о том, что все нормально, он толковал тоже по-своему: «Раз говорят, что все нормально, - значит, что-то не так!»

Ругаться с ним было лень. Была прекрасная погода, И не хотелось грубить малознакомому человеку.

Он вдохновенно заговорил о себе – красивыми, совершенно пустыми словами «волшебника-недоучки», которые так напомнили мне знаменитый монолог Хлестакова :» Да так как-то... так как-то все...» Речь шла о том, что человеку нужно, по его мнению, чтобы быть счастливым, И о том, с какими бандитами ему приходилось общаться в ходе его карьеры. Причем он чуть ли даже не гордился этим.

Я послушала его минут 10 – и поразились удивительной пустоте этого двуногого существа. Зачем, для чего он живет и коптит небо? Он и сам не знал на это ответа. Он не понял бы моей жизни – точно так же, как я никогда бы не смогла понять его. Ему было глубоко наплевать на всех окружающих, на то, что в одной только Москве чуть ли не полмиллиона бездомных детей, на то, что скоро начнут бомбить Афганистан и другие страны, на то, что происходит вокруг него здесь.

Единственное, что его интересовало, - это чтобы ему лично было что съесть, выпить, рядом было бы такое же, как он, существо женского пола, и чтобы никто его не беспокоил – ни ОМОН, ни конкуренты по «бизнесу».

О чем. мне было с ним говорить?

Мне стало грустно. Не оттого, что мы непохожи, - все люди разные, это естественно и закономерно, - а оттого, что таких, как он, подавляющее большинство в сегодняшней, постсоветской России, и что эти «Кости» руководят нами и пытаются заставить нас мыслить по своему подобию.

Они пытаются заставить нас смотреть российский вариант «Большого Брата», где кто-то с кем-то переспит «вживую», - и уверяют нас, что это – «культура». Они не могут даже представить себе своим ограниченным воображением, что есть люди, для которых в мире существует что-то другое, кроме как пожрать, выпить и заняться сексом.

Но если бы они хотя бы стремились к собственному развитию¹ Нет, они полагают, что это все остальные обязаны деградировать до их уровня!

Невежество Кости было просто чудовищным. Фантастическим, - таким., что я даже стала сомневаться, а ходил ли он в советскую школу, хотя он был на 2 года старше меня и уверял, что у него высшее образование. Я решила прозрачно намекнуть ему, что «his presence is no longer required²⁹²», - и рассказала маленькую историю из своей жизни. О том, как мне в трудную минуту надоедала в Нидерландах своими ежедневными визитами социальная работница - уроженка Боливии, И как я была слишком вежлива, чтобы прямо сказать ей об этом. Моя мама увидела мои страдания и спросила, почему я не

²⁹² его присутствие больше не требуется (англ.)

Совьетика Часть 1

попрошу Кончиту уйти. « Не хочу ей грубить », - сказала я. « Хочешь, чтобы она ушла ? » - предложила мама. « Тогда переводи то, что я ей скажу, - и смотри, что будет ! »

-Так, значит, Вы – из Боливии?- спросила моя мама её моими устами.

- Да, из Боливии.

- Так, значит, это вы там Че Гевару убили? – улыбаясь, спросила моя мама.

Через 5 минут Кончиту сдуло как ветром. И больше она не появлялась.

Угадайте Костину реакцию на мой рассказ?

Нет, дело даже не в том, что он не понял, к чему я клоню...

- А кто такая Че Гевара? – спросил он с такой трогательной искренностью, что у меня даже слезы выступили на глазах.

Ну, как тебе сказать, Чебурашка...

Косте нравится, что полиция в Северной Ирландии вооружена и ходит с автоматами наперевес. «Я так чувствую себя в безопасности!» – говорит он.

Как он чувствовал бы себя, если бы таким автоматом был вооружен тот капитан ОМОНа, что приходил к нему с незаконным обыском и требованиями?

Косте нравится, что здесь – «цивилизация» (в чем она выражается, кроме того, что он читал когда-то в российской прессе, что «Англия – цивилизованная страна» (а это английская самооценка!), и что ЭТО, то, где он находится, - вовсе не Англия, он не понимает). Дублин был «дикий». Костю разместили в Данмурри - южном пригороде Белфаста, и он практически ничего из здешней реальности не видел. Но нелегкая жизнь здешних людей его и не интересует.

- Ну, а что ты будешь делать, если скоро здесь будет так же, как в Дублине? – спрашиваю я. Вопрос застигает его врасплох.

-Нет, этого не может быть! – все , что он может ответить. Но по лицу видно, что он достаточно этой перспективой напуган...

Наша страна ничего не потеряла от Костиной эмиграции. Наоборот, чем. меньше таких Костей в ней останется, тем будет лучше. Вот только зачем они нужны Ирландии и другим странам?

...Арнольд, красивый бородатый мужчина средних лет, ужасно похож на Вахтанга Кикабидзе. Я узнала его издали, хотя никогда раньше не видела: просто мне сказали, что переводить сегодня я буду для «российского цыгана», а таких лиц, как у него, здесь, на улице Белфаста, где он меня поджидает, больше уж точно нет.

Он только что приехал сюда и собирается просить политическое убежище. Благо что рассказать ему есть что - как достается от современных расистов цыганам (подобное, кстати, могут поведать цыгане любой страны, включая западноевропейские и саму Британию в том числе!).

И тем не менее, цыган все-таки у нас в России считают глубоко своими (чего стоит, например, популярность театра «Ромэн», Николая Сличенко или героя «Неуловимых мстителей» Яшки!). В отличие от западноевропейских стран, где они практически полностью сегрегированы.

Да, действительно, если говорить честно, большинство из нас дома, в России, общения с цыганами в повседневной жизни избегает. Но причина этого проста - где можно с ними пообщаться просто по-человечески, кроме как на базаре, где они следуют за тобой с неизменным: «Спросить можно, девушка?» или «Позолоти ручку, дорогой?»

Иногда, правда, - ещё в советские времена - бывали и исключения. В нашей школе училось несколько цыганских детей из оседлых цыганских семей, и с ними все дружили ; Януш был местный звездой каратэ, а его сестра Альбинка - одной из первых школьных красавиц. Иногда можно было поговорить с цыганами просто о жизни - например, в электричке, по пути в Москву или из Москвы, когда они не были «на

работе». Но это было так редко, что действительно, да, мы почти не знаем друг друга.

Поэтому мне очень интересно беседовать с Арнольдом. В ожидании адвоката он рассказывает мне много интересного о цыганских традициях и обычаях и даже - узнав, откуда я родом, - о наших местных цыганах, которые, по его словам, «такие отчаянные, что подметки на ходу режут». В отличие от английских цыган, которых местные жители гоняют и в хвост, и в гриву, с тем, чтобы те не поселялись поблизости от них, «наши» цыгане, напротив, за годы демократии практически «этнически расчистили» для себя значительный район территории вокруг областного центра, вытеснив оттуда местных жителей. Никто из которых, кстати, вслух на это не жалуется...

Арнольд «зондирует почву» на беседе у адвоката: что будет, если он подаст на политическое убежище, какие у него будут права, что будет можно делать, а что - нет; какие у него шансы....Узнав, что, как только он подаст на политическое убежище, у него снимут отпечатки пальцев, занесут его данные в общенациональную компьютеризованную картотеку, а могут ещё и вообще ни за что, ни про что в тюрьму посадить (потому что в Северной Ирландии мигрантов, запросивших убежище, иногда сажают в тюрьму *превентивно!*), он глубоко задумывается. Затем громко вздыхает:

- Эх, курить как хочется!

Пачка сигарет здесь стоит около 5 фунтов, а ему на все расходы на неделю полагается только 36... Добросердечная женщина-адвокат, сама курильщица, покупает ему пачку сигарет...

- Белфаст - плохой город, - заявляет мне Арнольд, когда я снова встречаю его через пару дней. Как он определил? А очень просто: в хороших городах по выходным, после того, как люди выходят в город, пьют в барах и едят в ресторанах, они непременно теряют на улицах деньги. Хотя бы немного. В Белфасте же Арнольду во всем городском центре не удалось найти ни монетки! Я только улыбаюсь : а чего же он ожидал? Протестантская бережливость!...

На третью встречу с адвокатом - который собирается вести его, наконец, с собой для подачи заявления на политическое убежище, - Арнольд не является. Незадолго перед этим он открыл мне, что, оказывается, в одном из английских городов уже живет его сестра. Только он не хочет, чтобы здешние власти об этом знали. Видимо, он связался со своей сестрой, и она посоветовала ему перебраться к ней, - пока не сняли с него отпечатки пальцев и не бросили в местные застенки без какой бы то ни было местной вины...

О загадочные, непредсказуемые люди таинственных судеб - беженцы из бывшего СССР!

..Лица, лица, лица... Вот они встают перед мной чередой: те, с кем довелось столкнуться в Ирландии, как южной, так и северной, за эти годы; в других европейских странах... Бизнесмен из Чернигова, пытающийся доказать, какая опасность грозит его жизни дома, показывая маленькую заметку из провинциальной газеты, где рассказывается о том, как под его машину было подложено взрывное устройство (а при чем же здесь политика? - моментально и спонтанно воскликнет любой знакомый с его родом занятий россиянин или украинец) ; семья шофера-дальнебойщика из Челябинска, скрывающаяся от «мести чеченцев, потому что он воевал в Чечне» (за то ли они ему мстят? Или за какие-то свои материальные интересы по общему «бизнесу»?); молдаване, брат с сестрой, полицейский и журналистка по специальности (по крайней мере, так они говорят), выдающие себя за мужа с женой, имеющие многочисленную родню в Германии и депортированные уже раньше за какие-то проступки из Дании; уйгурская семья из Казахстана с двумя милейшими детьми, скрывающаяся от неуплаченных отцом семейства тамошней местной мафии долгов и ушедшая в глухое подполье после того, как им было отказано в убежище в первой инстанции (отказывают почти всем, автоматически, не надо было паниковать!); дагестанец-лакец из Таджикистана, который «мог остаться в Америке, но не остался, а теперь об этом жалеет» - и сорит деньгами направо и налево; и, конечно же, «торговец недвижимостью, скрывающийся от «преследований коррумпированной милиции» Костя, не знающий кто такой Че Гевара...

Костя быстро понял, что получить убежище труднее, чем жениться, нашел, видимо, соответствующую сумму, чтобы заплатить за брак

одной из местных жительниц - и сегодня радостно засоряет своим никчемным существом белфастские улицы, на которых и своей местный шпаны хватает (стал охранником в магазине и пробыл уже шесть недель на больничном с вывихнутым пальцем: трудолюбием Костя, как и все ему подобные, никогда не отличался...)...

Но больше всего мне запомнился Виталий из Ивано-Франковска. Его я встретила ещё в Голландии, много лет назад. Ему можно бы было просто становиться писателем-фантастом или автором сценариев приключенческих фильмов. Каким-то способом Виталий уломал одного своего голландского знакомого сделать ему и его другу Андрею вызов на турпоездку в Голландию. Приехав в страны тюльпанов, ребята закопали свои паспорта в землю в укромном месте, сдались властям и заявили, что оба они -... евреи из Таджикистана (в котором, кстати, ни один из них даже ни разу в жизни не был!), где им жизни не дают исламские фундаменталисты. Якобы они уже свиные головы отрезанные им к дверям начали подбрасывать, и тому подобное... Андрей внешне выглядел настолько по-славянски, что ему не поверили, что он еврей. Тогда он тут же сочинил, что вообще-то мама у него - эстонка...

«Еврейская карта» до недавних пор была верным оружием в руках восточноевропейских беженцев для того, чтобы в Голландии остаться, ибо голландцы испытывают большую историческую вину за выдачу своих евреев нацистам в годы войны, чем. в других странах. И ребята это знали. Но ждать разрешения остаться приходилось так долго, что им стало ужасно скучно. И тогда они купили подержанный автомобиль, откопали свои документы (как беженцы они уже значились под другими, выдуманнами фамилиями) и проехали обратно на Украину, через всю Европу, с одной просроченной голландской визой... Дома они этот автомобиль продали, после чего Виталий решил ехать обратно, а Андрей решил бросить эту затею, так как ему надоела неопределенность, да и ностальгия давала о себе знать...

Виталий воспользовался вторым оставшимся ещё у него бланком с вызовом от голландского знакомого, заново получил визу на турпоездку (посольство, естественно, не подозревало о том, что он в Голландии уже является «таджикским беженцем») и вернулся. Снова закопал свой паспорт и поехал обратно в лагерь для беженцев,

где выкрутился тем, что наплел, что его не было так долго потому, что у него возникла любовь с голландской девушкой, которая взяла его к себе, а через несколько недель выбросила обратно на улицу...И ему поверили.

Слушаешь рассказы наших «политических» беженцев XXI века - и поневоле начинаешь задаваться вопросом: а вдруг и беженцы и изо всех других стран – настолько же «политические», как наши? И какой же липой занимаются тогда всякие там Amnesty International! Впрочем, они всегда ею занимались: вот, например, посмотрите, кто был героями-мучениками западных правозащитников в далеком 1979 году:

«Воры, хулиганы, спекулянты, злостные клеветники, взяточники и мошенники – вот истинное лицо тех,кого антисоветская пропаганда выдает общественному мнению Запада за невинных людей, осужденных за убеждения в Советском Союзе.»

Спекулянт Левинзон. 27-28 мая 1975 года народный суд осудил к лишению свободы С. Левинзона за спекуляцию. Было установлено, что с мая 1974 года по февраль 1975 года Левинзон скупил в магазине «Платан» в Одессе 15 отрезков кримплена, 6 отрезков трикотажа, японские косынки и продал их по спекулятивной цене. Левинзон не испытывал материальной нужды, он работал и получал заработную плату, у его жены был крупный вклад в сберегательной кассе. Кроме того, Левинзон получал денежные переводы из различных западных стран...»

«Супругов **Анну и Юрия Берковских** из Новосибирска суд осудил к году лишения свободы условно. Они на свободе. Однако за рубежом их причисляют к «узникам за убеждения», их имена - в списках «диссидентов». Анна Берковская, 44 лет, преподавательница, занималась мелкой спекуляцией. Её изобличили свидетели, да и сама она не отпиралась. «Никаких материальных затруднений у нас не было,»- сказала Берковская, «- Просто хотелось побольше денег.» При обыске у Берковских обнаружили пистолет «Вальтер» No. 773211 и патроны к нему. Пистолет принадлежал Юрию Берковскому, который незаконно приобрел и хранил это огнестрельное оружие...»

«В разряд «политической оппозиции» занесен **Михаил Левиев**, бывший директор фирменного магазина «Таджикистан» в Москве.

Получаемые для продажи лучшие национальные таджикские шелковые ткани не попадали на прилавки, они распродавались тайно, по спекулятивным ценам. Всего таким образом было реализовано 220.000 метров ткани на 1,5 миллиона рублей (1975 года!- прим перев). За это время Левиев получил 77.500 руб. в виде взяток. М. Левиев скупал и перепродавал золото, занимался контрабандой и незаконными валютными операциями. (...) При аресте у Левиева было изъято около 40 кг золота в монетах и слитках, денег и других ценностей на два миллиона рублей. ...»

«Мошенник Колтунов. В июне 1974 года народный суд Первомайского района в городе Черновцы рассмотрел дело Альберта Колтунова, 53 лет, ранее уже отбывавшего наказание за мошенничество. Работая начальником зонального управления «Спортлото», Колтунов отяжывал некоторым гражданам в получении выигрыша: придирался к якобы неправильному заполнению карточки, говорил, что для оформления выигрыша нужно дать взятки должностным лицам. Отдельные легковверные счастливицы выполняли требования Колтунова и давали ему «на необходимые расходы» 100 или 200 рублей. Эти деньги Колтунов присваивал. Тем самым он компрометировал работу государственного учреждения, причинял ущерб государству и отдельным лицам. (...) Этот мошенник изображается на Западе тоже в качестве «инакомыслящего», «страдающего за веру.»

«Мошенник Пинхасов. Американские «защитники» Пети Пинхасова - «мученика за убеждения» - добились даже того, что в Нью-Йорке его именем нарекли авеню Баннет, хотя и условно, но с соответствующей церемонией. Пинхасов уже на свободе: отбыл наказание за преступление, причем далеко не первое. Ранее его уличили в краже стройматериалов на ремонтно-строительном участке, где он работал. Тогда решили не возбуждать уголовного дела, ограничились увольнением. Пинхасов устроился плотником в объединение «Дагконсервы» и вновь принялся за хищения. На этот раз его приговорили к одному году исправительных работ без лишения свободы; он работал на прежнем месте, но из его зарплаты государство вычитало в течение года 15%. Когда кончился срок наказания, Пинхасов перешел на работу в городской комбинат

бытового обслуживания, в столярную мастерскую. Там он стал похищать и перепродавать готовую продукцию комбината. Обсчитывал клиентов и государство: с заказчиков брал одну сумму денег, а в квитанциях указывал меньшую. Разницу присваивал...»²⁹³

Так что же, собственно говоря, изменилось за эти годы? Да кое - что...

Наверно, смешно сегодня читать о скромных, по современным понятиям, масштабах «частного бизнеса» спекулянта Левинсона. Зато бывший директор магазина Левиев - о, это уже другое дело! Вот это уже настоящий «новый русский», настоящий уважаемый бизнесмен... Из таких в наше время и вырастают «олигархи»!

Беда современных наших Левинсонов, Пинхасовых и Колтуновых - в том, что если во времена советской власти политическое убежище на Западе с радостью предоставлялось **и им**, благо они были Западу нужны - для доказательства «нарушений прав человека» и «отсутствия свобод» в СССР, - то с исчезновением СССР перестали Западу быть нужны и они.

Вот почему все труднее и труднее становится им на Западе остаться - как ни стараются в очернении родной страны (хотя и бояться действительно стало кого и стало чего), а что-то должного впечатления на Западе это больше не производит... Они обижаются на это даже. «Вот, ведь у меня на руках - все доказательства того, как ужасно живется в России еврею (баптисту, чеченцу, армянину, бизнесмену)», - но никто с разгоревшимся глазами выхватить у них это доказательства, как было 30 лет тому назад, не спешит...

Другое дело - люди масштаба Левиева. О, этих на Западе уважают и ценят! Для этих статус политического беженца всегда наготове. Ведь приезжают они сюда не с пустыми карманами и не с мелочишкой, подобно Костям, а со всеми своими награбленными миллионами, благо при «демократии» грабить целые народы позволено и даже приветствуется, а отбирать у современных Левиевых это

²⁹³ "Белая книга: свидетельства, факты, документы"(Москва, изд-во "Юридическая литература", 1979

награбленное -ни-ни...Вот это уже- действительно «нарушение прав человека»!

... Когда я впервые осознала, что моя ностальгия - не «по дому» вообще, а по Советскому Союзу в частности?

Когда в сентябре в эйфории вернулась в Голландию с Кюрасао...

Мысли о том, что сейчас происходит дома, я постаралась у себя заблокировать. Слишком велико было подспудное чувство вины за свой отъезд, которое постепенно поднималось в моей душе на поверхность - вины не из-за того, что Голландия оказалась не такой, как я думала: я была уверена теперь, что еще пара лет, и мы уедем навсегда на Кюрасао, и воображение уже рисовало мне, как интересно и насыщено мы будем там жить и как я буду помогать таким, как Жан...

Но червячок вины все грыз и грыз мне сердце. Я только начинала еще чувствовать себя так, словно если бы я не уехала из СССР тем холодным ноябрьским вечером, ничего из того, что происходило сейчас дома, там не случилось бы. Я знала, что это не так, понимала умом, что на фоне массового сумасшествия «один в поле не воин». Хотя именно массовость этого сумасшествия и сбила меня на какое-то время с толку- разве *народ* может ошибаться? Тем более *советский* народ - новая историческая общность людей, самые читающий и самый политически сознательный народ в мире.

Но Советского Союза больше нет. Кто знает, что там теперь будет?

Вроде бы дома все довольны? Все прыгали на одной ножке от счастья, когда провалился августовский переворот? И еще больше - когда Ельцин расправился с «плюшевым Мишкой»? Я сама с большим удовольствием наблюдала по телевизору понос на обычно такой заносчивой физиономии последнего. Значит, теперь все должно быть хорошо. Еще 500 дней, и... Ельцин же сказал, что в случае чего он ляжет на рельсы. Такими словами не бросаются!

Период с января по сентябрь того года- как раз, когда дома дул уже не просто ветер, а настоящий тайфун перемен - совершенно выпал из моей памяти: настолько усиленно я пыталась не дать ходу своим

мыслям и чувствам. Кюрасао в этом отношении мне сильно помог: новые впечатления и приключения на время отвлекли меня от другой, домашней реальности.

Итак, наступил сентябрь, начался новый учебный год в голландском университете.. Я была полна планов, записалась на самые различные курсы из тех, что предлагались студентам в свободном выборе, собиралась выучить еще несколько языков, про себя мечтая, чтобы оставшиеся мне в Голландии (как я надеялась) 2-3 года прошли как можно быстрее... Какое счастье, что мой муж не голландец! Да я бы наложила на себя руки, если бы была обречена провести здесь остаток своей жизни!...

Я была полна энергии - словно подзарядившись ею от антильского солнца. Но в тот месяц все в одночасье изменилось...

Из дома начали приходиться подавленные, грустные письма - мои родные, как и миллионы россиян потеряли в ходе ельцинско-гайдаровских «экспериментов» все свои накопленные в течение всей жизни сбережения.

Заводы начали вставать, зарплаты не выдавались, народ пытался выжить продажей привозимых тюками из Турции и Китая тряпок - новая «свобода передвижения» только еще больше подрывала отечественное производство. У нас в семье торгашей не было отродясь - и сейчас тоже, как бы ни было трудно, никто из моих родных ни на секунду даже и не помышлял о том, чтобы заняться «челночеством». «Стоять на рынке» в нашей семье имело почти такое же значение, как «стоять на панели». Мои родные продолжали работать на своих местах. Только Шурек, став на какое-то время безработным после того, как закрыли его институт («рыночной экономике» экономисты-плановики не нужны!), переквалифицировался и стал через какое-то время аудитором. Я понятия не имела, с чем это едят.

Тем, кто сейчас начнет вопить, что люди «заслужили» впасть в нищету, раз мол у них не было «настроив на то, чтобы делать бизнес»: вы хоть на секунду можете себе представить жизнь, в которой все будут заниматься тем, что с выгодой для собственного кармана станут продавать плоды чужого труда (а именно в этом и состоит тот пресловутый «бизнес»)? *А работать кто будет? Пушкин?*

Человек имеет право на выбор профессии- и при этом на то, чтобы по-человечески жить.. Мы не обязаны поголовно становиться программистами или *менеджерами по продаже гербалайфа!* « Мамы всякие нужны, мамы всякие важны» - слышали такой стишок в детстве?

Кто и на какие деньги будет что-то покупать - если все будут только продавать?

Многое из того, о чем писали мне родные, было для меня абстрактным: ваучеры, например. Моя мама была сначала даже довольна, что у нее будут акции родного завода - и на мою долю их тоже взяла. «Может, еще и денюжат немного будет по дивидендам - завод у нас хороший все-таки! Один из лидеров в отрасли...»

Наша наивность была на уровне детсадовцев, попавших в руки какого-нибудь прожженного педофила и искренне верящего, что дядя сейчас даст ему конфетку. Как будто не изучали мы все марксистской политэкономии, как будто не читали книг о буржуазном мире - вспомнили хотя бы жуликов Мигу и Жулио, продававших акции в «Незнайке на Луне»!... Симптоматично, что одной из первых реформ наших «отцов русской демократии» стала *ликвидация органов народного контроля*²⁹⁴ ...

В народ срочно и в массовом порядке внедряли идею, что не только можно жить не работая – так чтобы «на тебя работали твои деньги», - но и что такая жизнь является идеалом. С экранов телевидения днями напролет вещали об этом - пропаганда была разработана, видимо, с учетом того, что наш национальный герой - Емеля из сказки «По щучьему велению».... Сотни тысяч «емель» по всей стране размышляли о сладкой жизни в стиле «лежи на печи да ешь калачи». Заметьте, капитализм по-прежнему еще никто прямо не упоминал! «Реформаторы» все еще боялись назвать вещи своими именами.

Людям действительно казалось, что все делается справедливо-ведь каждый гражданин получил по одному ваучеру. Равноправие. К управлению страной пришли Шариковы, которым советская власть дала возможность превратиться в людей. И мы именно за людей их тогда все еще принимали. Шариковское «Взять всё, да и поделить»

²⁹⁴ подробнее о народном контроле см. <http://kprf.tele-kom.ru/35.htm>

нашло свое воплощение в ваучерной идее. Хотя замышлялась она, конечно, совсем в других головах – таких, кто мечтал в детстве спалить свою советскую школу²⁹⁵. Но именно шариковым дали воплотить ее в жизнь.

В головах у людей прочно застряла мысль о том, что им вручили бумажку, стоящую 10.000 крепких советских рублей. *«По утверждению главы Госкомимущества Чубайса, руководившего приватизацией, один ваучер соответствовал по стоимости двум автомобилям «Волга»²⁹⁶. Как обычно, люди не обратили внимание на написанное маленькими буквами: «Приватизационные чеки продаются и покупаются гражданами свободно. Цена приватизационных чеков определяется по соглашению сторон.»* Поголодав несколько месяцев из-за невыплаты зарплат, они были рады отдать ставшую бесполезнее туалетной бумаги бумажку за стоимость бутылки водки...

Знаю семью, которая все это время жила на маленькую пенсию бабушки - муж, жена и двое детей. Несмотря на то, что и муж, и жена работали. Их рацион состоял из чая и хлеба. Даже картошку они ели только по праздникам. А потом на несколько месяцев перестали платить и пенсию бабушке.. И таких семей было сколько угодно. Люди перешли *на подножный корм* - то, что сами могли вырастить у себя на огороде, на даче, на клочке земли в деревне. Осенью наберут картошки, насолят огурцов, наквасят капусты - вот и вся еда, на весь год. Но дача или огород были не у всех. А что делать остальным?... А это ваше дело, дорогие *господа соотечественники!* Вы ведь теперь свободны...

Тамарочка впервые в жизни радовалась, что у нее нет детей. И все равно стремилась поделиться пенсией с моей мамой- такая уж щедрая, бескорыстная была у нее натура:

- Мне хватит! Куда мне... на похороны я себе уже отложила. А так кашки поем, чаю попью... Этого мне больше, чем достаточно.

²⁹⁵ Имеется в виду АБ Чубайс, который в одном из своих детских писем сам признавался в таком желании

²⁹⁶ см подробнее статью о приватизации в России на <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

Все это было похоже на кошмарный сон.

Можете вы себе представить, что я должна была чувствовать, зная все это, когда жизнерадостные голландцы хлопали меня по плечу, поздравляя с «избавлением от ужасов коммунизма» и бурно приветствуя, как и весь Запад, расстрел распоясавшимся Ельциным законного парламента страны. CNN вела прямой репортаж с этого расстрела, захлебываясь от восторга. Вот вам и вся демократия!

Правда, это еще будет впереди. Многие наши дурачки тогда тоже еще ездили в Москве на троллейбусе к Белому дому - «войну посмотреть». Даже моего перуанского друга Педро угораздило попасть в их ряды.

Могу сказать одно - именно с тех дней мое отвращение к окружающим меня *жизнерадостным пьющим кофе болванчикам* стало почти патологическим...

- Не могу сказать, что мне чего-то не хватает,

У меня никакого понятия о том, каков на вкус голод...

Если я не хочу готовить, то иду на базар и покупаю жареную рыбу,

Если я не хочу работать завтра, я отложу работу на послезавтра,

А если цвета моего дома раздражают меня,

То я сегодня же попрошу своего соседа для меня его перекрасить,

– *жизнерадостно надрывается глупый голландский певец Рене Фрогер. –*

- Я не могу сказать, что мне чего-то не хватает.

У меня никакого понятия о том, что такое нехватка любви,

Сегодня я купил себе третий видеоманитофон,

Теперь я не пропущу ни одной программы!²⁹⁷

Ну, о чем с такими говорить большинству человечества?

²⁹⁷ песня «Alles kan een mens gelukkig maken».

Они даже не знают, что такое любовь. Её они всерьез измеряют количеством симулированных с помощью медицинских препаратов оргазмов.

Возмущение усиливалось тем, что Сонни не позволял мне говорить им прямо, что я о них думаю: это в «цивилизованном обществе», аплодировавшем, к слову, горбачевской *гласности*, не было принято.

А что принято? Радоваться чужому несчастью?

И на этих людей академик Сахаров надеялся как на полубогов?

«В этом отношении я верю в Западного человека, в его ум, устремленный к великим целям, его благие намерения и его решительность»²⁹⁸

Я не хочу быть частью такого «цивилизованного» с ярко-выраженными признаками олигофрении человечества. Я не хочу быть частью тех, кто самовольно именуется «всем мировым сообществом». Мне противны мелкие желудочные радости Рене, воплощение в жизнь которых требует с каждым годом все больше и больше крови «небелых мира сего».

Чем больше мне докучали «устремленные к великим целям» (не пропустить очередную распродажу!), тем сильнее мне хотелось поскорее уехать с Сонни на Кюрасао, где люди хотя бы знают подлинную цену жизни.

Но чем чаще я вслух об этом мечтала, тем мрачнее он становился, пока наконец не сказал мне, что не хочет возвращаться домой по окончании учебы.

- Почему же ты мне этого сразу не сказал? - только и вымолвила я оторопело,- И чем тебе так не нравится дома? Ведь работу ты там себе наверняка найдешь...

- Ты не понимаешь, что такое жить, когда вокруг тебя все время вся твоя родня, и всем чего-то надо!- взорвался он, - Я не хочу никому быть ничем обязанным. Я хочу быть свободным.

²⁹⁸ http://www.patriotica.ru/books/sov_civ2/s22-2.html

Я попыталась себе представить, что же такого ужасного в том, что твои родственники живут поблизости и просят тебя чем-нибудь им помочь – но так и не смогла. Да я была бы только рада этому!

Я почувствовала себя глубоко обманутой. Ну, а что же дальше? Неужели жить здесь всю жизнь? Почему бы не попытаться счастья хотя бы где-нибудь еще? Ведь мы оба молоды, здоровы, с образованием... И вот тогда-то я и услышала впервые то, что потом буду слышать по нескольку раз в день:

- Тебя сюда никто не звал! Сама приехала, вот и терпи теперь.

Это было началом конца.

Той осенью меня впервые в жизни охватила глубокая депрессия. Раньше я думала, что депрессия - это просто красивый синоним русского понятия «хандра». Что люди просто «напускают» ее на себя. И потому совершенно не знала, что мне делать с этим ощущением мучительной тоски, охватившем все мое существо. Я даже не пошла с ним к врачу. А тем временем мне становилось все тяжелее и тяжелее.

По утрам не хотелось вставать. Жизнь казалась блеклой и лишенной смысла. При виде осенних листьев хотелось плакать - потому что ты знала, что снега за ними не последует...

Я выходила из дома, чтобы поехать на занятия, садилась на поезд - и проезжала свою станцию, ехала до конечной и возвращалась обратно. Зачем я все это делаю, зачем учусь, какой во всем этом смысл?...

Ни одна из моих голландских однокурсниц не знала о моем состоянии души: мне же уже дали понять, что проблемами здесь с людьми делиться не принято. И от этого становилось еще в сто раз тяжелее.

Все разговоры с Сонни начинались одинаково и одинаково кончались. И требовали больших душевных сил. Через пару месяцев их у меня не осталось. Мне уже просто хотелось впасть в зимнюю спячку - и никогда не просыпаться.

У Сонни были свои идеи о том, что должно было меня излечить.

- Как насчет того, чтобы нам завести ребенка?

И я, с ужасом относившаяся к этой идее со времен прочтения второго тома «Войны и мира», где Толстой описывает смерть от родов маленькой княгини, сдалась. В конце концов, *будет хоть с кем поговорить!*

Но достаточная ли это причина для материнства?...

Спросить было не у кого. И в ноябре наконец это свершилось...

Скажу сразу, что лучше я себя не почувствовала. Хотя Сонни и стал заботливым, предупредительным и явно гордился своей предстоящей ролью.

Часто говорят о послеродовой депрессии, но что-то нигде мне не приходилось читать о дородовой. А именно она была налицо у меня. Все 9 месяцев настроение у меня было премирнейшее. Я размышляла о смысле жизни, думала о том, насколько это безответственно - давать новую жизнь человеку в таком кошмарном мире, и с ужасом представляла себе, что ждет моего ребенка, когда он пойдет в голландскую школу, где его чуть ли не в первом классе вместо настоящих, академических знаний будут учить, *как натягивать презервативы на огурцы*. Помогите! Я не хочу, чтобы мой ребенок рос *кааскопом неверующим!* Неверующим в людей, в человеческое благородство, в бескорыстную дружбу, в то, что возможен другой мир!

Во время беременности я еще раз увидела голландские «погмен еп ваарден»²⁹⁹ « во всей их красе: ни один *цивилизованный* голландский мужчина ни разу не уступил место мне, отдувающейся под грузом своего живота, в общественном транспорте! Даже когда я была уже на 9-м месяце, и мой живот занимал пол-автобуса или трамвая. Им это просто не приходило в голову. Единственными, кто уступал мне места, были голландские женщины (видимо, по себе знающие, что такое беременность среди подобных свинтусов) и *не цивилизовавшиеся еще аллохтоны*. Мне и так давно уже было жалко голландских женщин – они на порядок выше и умнее своих мужчин, - а после этого опыта и подавно. Те их просто не заслуживают. Среднестатистический голландский мужчина – высокомерное чванливое существо с

²⁹⁹ нормы и ценности (голл.)

психологией сутенера, сильно переоценивающее свою значимость в обществе и свои интеллектуальные способности.

Незадолго до дня «Икс» я сидела в роттердамском парке у антильского прилавка на здешнем мультикультурном фестивале «Дуня». Мимо меня проходил длинный, как коломенская верста, Ханс Дейкстал (кажется, он тогда был министром внутренних дел?) и, когда ко мне прицепилась журналистка - дать ей интервью о своих впечатлениях, я *чуть не укусила* ее, так я себя тогда чувствовала.

Я еще раз убедилась, насколько Голландия - варварская страна, в которой все вращается вокруг денег: несмотря на то, что ты ежемесячно платила медицинскую страховку, тебя даже в роддом не могли положить бесплатно, если у тебя не было медицинских осложнений. А денег на оплату родов у нас не было. Наверно, это делается, чтобы не имеющие денег не размножились. Я заметила, что мальтузианство и социальный дарвинизм у голландцев в почете: почитайте только парочку дней отзывы читателей в газете «Де Телеграаф», и вы в этом сами убедитесь.

Если голландки будут уверять вас, что с радостью рожают дома потому, что это «естественно», не верьте им. Почему бы в таком случае вообще не делать это где-то в лесу?

Все упирается в финансы. Но я даже вообразить себе такого каменного века не могла – а если что случится? А как же стерильная чистота? А часами изводить соседей своими воплями - это «естественно»? По-моему, просто верх эгоизма. Впрочем, думать о других людях и считаться с ними - этому не учат ни в одном буржуазном обществе. Голландия здесь не исключение. Если вы встретитесь там с человеком, который это все-таки делает, перед вами или коммунист, или человек, переживший войну, или *самородок*.

...Мне «повезло» - у меня начались осложнения. И мне разрешили побыть в родильном отделении бесплатно целых 24 часа. Какая неслыханная щедрость!

...Сонни заплакал, когда родилась Лиза: он так надеялся на мальчика. Мне пришлось его утешать. В первый день я чувствовала себя легко, хотелось встать с постели и бегать - я даже в душ пошла сама. С Лизой все было в порядке, хотя роды были долгие. Она была похожа на маленького китайчика, и я всерьез думала, уж не оказалось

ли на нее влияние то, что незадолго до этого мы с Сонни посмотрели в кинотеатре фильм о жизни Брюса Ли. Но оказалось, это просто все те же зомерберговские индейские глаза...

Слегла я на третий день - когда меня давно уже выбросили из больницы. Моя мама в свое время лежала со мной в родильном днѣ 10! Но такая роскошь голландскому обществу не по карману. Это ведь не государственная субсидия в 350.000 евро для того, чтобы «сделать возможным обсуждение в мигрантских кругах гомосексуализма»... Что ж, у каждого общества свои приоритеты.

...Удивительно, но после рождения Лизы депрессия у меня как раз на какое-то время прошла. Она словно вселила в меня новую надежду. А может быть, просто не до «хандры» теперь было - с новыми возникшими у меня обязанностями? Например, надо было привыкать учиться спать как Штирлиц - по 20 минут, когда выдается такая возможность, и просыпаясь без будильника.

Сейчас, конечно, забавно вспоминать, как глядя на личико спящей Лизы в первые несколько часов ее жизни, я думала, что ничего теперь в моих буднях не изменится, только одним человеком в семье будет больше.... Рождение ребенка меняет жизнь коренным образом, и никуда от этого не деться. Говоря по правде, я была не готова когда к материнству эмоционально - не потому, что не могла выполнять свои соответствующие обязанности, а потому, что в 26 лет все еще не чувствовала себя хозяйкой дома, старшей женщиной в семье, которую отныне можно было называть «мама»³⁰⁰. Меня коробило, когда Сонни меня так называл - хотя мой дедушка точно так же называл бабушку, только, естественно, на русском языке. Может быть, как раз именно поэтому - от этого слова возникало чувство: «И что, *это все?* И так теперь будет всю жизнь?» . Оно заставляло меня ощутить себя старой.

Дело еще и в том, что моя семья дома - бабушка, мама, Шурек, Тамарочка и даже умерший уже дедушка - продолжала оставаться для меня именно моей семьей, как это было принято у нас. «Атомная» семья-ячейка: я, муж и ребенок, которая автоматически если не обрезает, то значительно ограничивает твои связи со старшим поколением, как это принято на Западе (где именно муж и дети считаются твоей семьей, а не твои другие, кровные родственники)

³⁰⁰ мама (папиаменто).

Совьетика Часть 1

была мне глубоко чужда. Сонни очень ревновал меня к родным, еще даже их и не встретив:

- Я теперь твоя семья, а не они!

Советскому человеку такое казалось по меньшей мере странным. Это не укладывалось в голове. Наши семьи тем и были сильны - связью поколений и их взаимопомощью. Дело не только в бабушках, которые помогают ухаживать за внуками (что хорошо не только для их детей, но и для самих внуков в первую очередь!): не могу себе представить, чтобы моя бабушка, моя любимая Зайка вдруг сказала мне:

- Я хочу пожить для себя! - и укатила на курорт с соседской бабой Нюсей.

Если это показалось бы нам по меньшей мере странным, еще более неприемлемым было сдавать своих пожилых родителей в *богадельню* - дом престарелых. Это почти приравнивалось к фашизму. Как бы ни было трудно, но это же твои родители, они дали тебе жизнь, воспитали тебя, заботились о тебе - а ты выбрасываешь их из дому, как вышедшую из употребления вещь? Не знаю, как такие «дети» могут спать спокойно. И дело вовсе не в том, какие в том доме престарелых условия - да будь там хоть райский уголок, человек там одинок, а сознание того, что ты не нужен собственным детям и внукам, способно загнать раньше времени в могилу кого угодно.

Иногда я вообще удивляюсь, зачем западному человеку семья. Ради статуса: «у всех есть, и у меня есть»? Ведь родители не могут дожидаться, когда дети вырастут, чтобы те ушли из их дома - и не скрывают радости, когда этот день наконец настает. Бабушки с дедушками не помогают с внуками, потому что «хотят пожить для себя». И когда «поживших для себя» и чуть ли не силком вытуривших в свое время собственных детей из дома через некоторое время на склоне лет отправляют в приют, разве это не закономерный итог их собственного эгоизма?

...Я полюбила Лизу с самого начала и безоговорочно - хотя знаю, что не у всех матерей это чувство возникает сразу. Лиза была очень тихая, спокойная девочка: за весь первый год жизни она, может быть, только один раз ревела как следует больше получасу.

Но когда я смотрела на нее, мысли мне приходили в голову не очень обычные: например, о том, что *отныне я знаю уже все таинства в жизни*. Осталось только последнее неизвестное мне таинство: собственная смерть... Почему-то не приходило в голову, что есть еще многие неизведанные мною жизненные тайны: такие, например, как стать бабушкой. Или чувство победы над врагом...

Итак, через три дня после ее рождения, под влиянием известных процессов в организме, которые для меня, естественно, были совершенно внове, я слегла. У меня была температура, болело все тело, и чувствовала я себя ужасно.

Как раз в тот вечер сосед за стенкой - тот самый единственный сосед, который шумел по ночам, не марокканец и не антилец, а самый что ни на есть голландец! - устроил у себя дома вечеринку.... Не знаю, что они там творили, но звучало это так, словно кого-то периодически каждые 5 минут спускали с лестницы! Это длилось и повторялось до бесконечности. Я уже ревела в голос, умоляя Сонни, раз уж он не хочет звонить в полицию, то хотя бы позвонить в соседнюю дверь и похорошему попросить их не шуметь так, потому что за стенкой новорожденный ребенок. Но куда там!

- Никуда я не пойду. Они имеют на это право.

Ну, можно жить в такой стране или нет? У любого хама здесь есть все права. Нет их только у нормальных, обычных людей, которые сами никому не мешают.

Быть студенткой- мамой нелегко в любой стране. В детский сад в Голландии детей надо записывать еще до рождения – это не шутка, такие здесь очереди. О ценах я уже и не говорю. Правда, Сонни заверял меня, что мне будут помогать все его родные, но на практике приходилось его маму каждый раз чуть ли не уговаривать посидеть с Лизой денек, когда мне надо было на занятия...

Мама Сонни теперь тоже обосновалась в Тилбурге. От нас туда было чуть больше часа езды на поезде. Я отвозила Лизу к ней - час в

Советика Часть 1

дороге, а потом ехала в университет - еще полтора часа на дорогу и потом столько же обратно- за Лизой и еще час - чтобы доехать с ней до дома. Неудивительно, что Лиза с детства полюбила путешествовать: все младенчество она провела в вагоне поезда! И полетела первый раз на самолете в возрасте 7 месяцев....В таких условиях, естественно, пришлось быстро перейти на искусственное питание.

К слову, когда я узнала, на какой по длительности декретный отпуск имеет право по закону голландская женщина, со мной чуть не случился разрыв сердца: около 3 месяцев!! Правда, можно было продить его до 4-х месяцев – это если работать до самых родов и добавить таким образом еще и дородовый отпуск. Сравните с Советским Союзом, где в декрете можно было провести полтора года –с оплатой, а если ты могла себе позволить- то и до 3-х лет (еще полтора года без оплаты, но с сохранением за тобой рабочего места).

Сейчас какой-нибудь очередной ярый неолиберал начнет вопить, что «государство не обязано содержать чьих-то детей, а уж работодатель - и подавно». Милки мои, вас послушать, так ВАШЕ государство вообще никому ничего не обязано. В таком случае, можете мне объяснить, зачем оно людям вообще-то нужно? Или все обязаны только ему?

У буржуазного общества - психически ненормальная шкала ценностей: люди вынуждены затягивать потуже пояса ради того, чтобы создать «климат, благоприятный для инвестиций» - которые изначально призваны **улучшить жизнь не для всех**. Наша экономика существовала для людей, рабочие места создавались для них, а здесь наоборот - люди существуют для экономики. Экономика - словно какой-то прожорливый древний идол, на алтарь которому в жертву приносятся живые, разумные существа...

Для меня такое экономическое развитие лишено всякого смысла. Я не могу им восторгаться, что бы там при нем ни было изобретено, пусть хоть волшебная палочка - какой смысл в развитии если его плоды **не для всех**? Если оно не поставлено на службу всему обществу, а наоборот, человек здесь живет для прокорма монстра, именуемого «эффективность»?

Если результатом всех тех потрясений и издевательств над людьми, которые проводятся в современной России, должно стать построение такого общества как здесь, то **оно не стоит того, чтобы ради него страдать - ни одного даже дня!**

...К удивлению не только сеньора Артуро, но и Сонни, и Шантелл, приехав в Голландию, Луиза объявила сеньору Артуро, что разводится с ним. После 25-летнего брака! На сеньора Артуро было жалко смотреть. Он так ждал ее, посылал ей все время на Кюрасао скромные подарки со своего пособия, так мечтал о воссоединении семьи... И ни разу за все это время Луиза и словом не обмолвилась ему о своих планах. Оказывается, за время его вынужденного отсутствия она нашла себе молодого любовника - он как-то что-то у нее дома ремонтировал - и приехала в Голландию уж вместе с ним... Старый и больной муж, не способный ее обеспечивать, оказался ей ненужным.

Любовник Элвин был на голову ниже ее ростом, с не блестящей интеллектом физиономией и обладал особенностью все время глупо и без причины хихикать. Казалось, покажи ему пальчик - и он моментально зайдет хохотом. Было очевидно, что он из породы тех, кого моя мама именует «одноклеточными». Очевидно, Луиза ценила его не за ум, а за какие-то иные качества...

Понятно, что после этого я не очень-то тепло к ней относилась - переживала за сеньора Артуро. Но Сонни сказал мне, что я не понимаю, как его маме было трудно...

Сам он глубоко переживал разрыв родителей, хотя и делал вид, что его это не касается. Я уже давно заметила у Сонни неверие в верность женщин: по тому, с каким чувством он распевал на Кюрасао услышанную нами там песню южноафриканского певца Лаки Дюбе «It's not easy»³⁰¹:

*«I remember the day I called mama on the telephone
I told her mama I' m getting married
I could hear her voice on the other side
Of the telephone she was smiling
And she asked me a question
That I proudly answered*

³⁰¹ «Это нелегко» (песня о разводе).

Совьетика Часть 1

*She said son did you take time
To know her?
I said mama she is the best
But today it hurts me so to go back to
Mama and say
Mama I' m getting divorced oh
I' m getting divorced...*

*The choice I made didn' t work out the way
I thought it would
This choice I made it hurts me so mama
This choice I made didn' t work out the
Way I thought it would
This choice of mine oh....»*

А еще - свою, антильскую песню, которая тогда была в моде:

*«Bo por bai unda ku bo ke,
Falta lo bo hasi serka mi...»³⁰²*

Эту песню пел одноклассник Омайры. Не зная, как он выглядит, я воображала себе высокого, стройного, гордого антильца - по его голосу. На празднике фирмы, в которой Сонни проходил на Кюрасао практику, мы наконец увидели его – вживую! Владелец волшебного голоса оказался страшеньким миниатюрным плюгавчиком... По крайней мере, это объясняло откуда у него такие комплексы. Но у Сонни- симпатичного, молодого и умного парня? Я не могла этого понять. Ведь не могло же быть простым совпадением то, что ему нравятся песни именно на такие темы?

И самая-самая его любимая песня, еще с детства тоже была не лучше – «Богемская рапсодия» группы «Куин»:

*«I'm just a poor boy
Nobody loves me*

³⁰² «Можешь уходить куда захочешь» - песня антильской группы «La Perfecta» (1992).

He's just a poor boy

From a poor family...»³⁰³

Сонни тем временем перешел уже на последний курс, и ему оставалось для получения диплома только пройти еще одну практику.

И тут выяснилось, что места для практики для него нет. Обычно в таких случаях учебное заведение здесь само помогает студенту найти место - на то у них и есть контакты с различными фирмами. Но для Сонни все ничего не находилось и не находилось, а время шло...

Мы оба начали паниковать. Сонни был уверен, что его дискриминировали из-за того, что он антилец - единственный в своей группе. Зная нравы в Энсхеде, я не удивилась бы, если это так и было. До сих пор помню, как тамошняя местная жительница спрашивала у нас в автобусе, обращаясь ко мне, которая тогда совсем еще не могла говорить по-голландски, и показывая на Сонни пальцем, как будто речь шла о неживом предмете:

- Spreekt meneer Nederlands³⁰⁴?

Мы оба очень обиделись.

Чем дальше, тем сильнее становились наши негативные чувства. И тем чаще я говорила ему:

- Ну, теперь-то ты убедился, что в этой стране нам не жить?

Сонни отправлял в разные компании чуть ли не по 5 писем каждый день в поисках места - всего на 3 месяца, - но безрезультатно. Что же ему теперь делать? Неужели он зря так здорово учился все эти годы, несмотря на все сложности, и так и останется теперь без диплома?

В отчаянии я написала о сложившейся ситуации родным - благо, у нас нет привычки скрывать друг от друга истинное положение дел и

³⁰³ «Я всего лишь бедный мальчик, никто меня не любит... Он всего лишь бедный мальчик из бедной семьи».

³⁰⁴ Господин говорит по-голландски? (голл.)

Советика Часть 1

всегда делать вид, что все в порядке. И мама ответила почти немедленно: она договорилась с нашим местным заводом сельскохозяйственной техники, на котором какой-то инженер разрабатывал ветровую турбину, что Сонни сможет пройти практику там! Мы оба были вне себя от счастья, я - еще и потому, что вот уже 5 лет не была дома...

Все это время я домой поехать панически боялась. Понаслушавшись «ужастиков» от разных иностранных «Голосов» и начитавшись наших эмигрантских газет. А что, если меня после этого не выпустят из страны? Что, если бросят за решетку лет на 10?

Сейчас мне просто смешно вспоминать такие глупости. Ведь даже ни у кого из моих «режимных» родных не было из-за меня неприятностей! Возможно, если бы я запросила в Голландии политического убежища, начав клеветать на свою страну, чтобы его заработать, дело обстояло бы несколько иначе, но было совершенно очевидно, что никто не собирался преследовать меня за мое замужество.

В конце концов, я и дома давала достаточно поводов, чтобы начать меня «преследовать за инакомыслие» - если верить критериям этих самых доморощенных мигрантских кругов. Кто еще в 10 классе на уроке обществоведения, сидя под носом у учительницы - секретаря школьного парткома, вслух выражал свой цинизм, когда она рассказывала нам про слияние в будущем двух форм социалистической собственности?

- Подумаешь, объявят колхозы совхозами, и всего делов!

Но она не побежала «звонить в КГБ» и даже не осадила меня, а просто, не обращая ко мне лично, спокойно начала объяснять, почему я заблуждаюсь!

А анекдоты, которые все мы рассказывали - и никого из нас не тронули и пальцем?

А мое «несанкционированное» общение с иностранными студентами? Некоторые из них даже были уверены, что я «работаю на КГБ», - такой свободой я пользовалась, а КГБ наверняка зная об этом, и в ус не дул!

Чем дальше, тем больше я приходила к выводу, что те, кого у нас в СССР преследовали, не просто «иначе мыслили», но наверняка еще и делали что-то такое, что было направлено против государственных устоев. А это уже совсем другое дело, чем просто «инакомыслить». Попробуйте-ка сделать что-нибудь антигосударственное в любой самой «рассвободной» и «раздемократической» стране! И посмотрим, где вас после этого придется искать...

Но в любом случае, тогда я очень волновалась . Еще никогда я не была вдали от дома так долго. Еще никогда на моем веку там не происходили такие глубокие перемены. Чем встретит меня Родина? Как изменились мои близкие и друзья?

Наш отъезд выпал на День Парижской Коммуны. Сонни без проблем получил визу - в том числе и на Лизу. Уже собраны были чемоданы. С университетом не было проблем. Мне оставалось только взять отпуск в своем «МакДональдсе» - при старом менеджере меньше года назад это тоже было не проблемой.

Но с недавних пор к нам пришел новый менеджер - Эд. Он сразу невзлюбил меня, за 3 вещи:

а) за то, что я вернулась работать в ресторан после рождения ребенка, в то время как его собственная жена, родившая примерно в то же время, покорно осталась дома *на кухне*;

б) за то, что мне не только было за 23 года – что означало максимальную зарплату -, но и к тому же уже приходилось доплачивать за стаж - больше года работы в ресторане;

в) за то, что я не улыбаюсь наклеенной улыбкой все 8 часов в смену.

-Как дела? - дежурно спрашивал он у меня каждый раз при встрече, и я давала

ему совершенно естественный, человеческий ответ:

- Ничего, нормально.

Пока однажды он не выдержал:

-Почему ты говоришь : «Ничего»? Надо говорить : «Отлично!» - и изобразил, как мне надо улыбаться.

Я посмотрела на него взглядом, выражающим мое острое желание покрутить пальцем у виска. Кому там видна на кухне такая резиново-лучезарная улыбка? И почему я должна говорить, что все «отлично», если все именно нормально – не больше и не меньше?

Но тем, кто является Носителем Американской Культуры во всем остальном

непросвещенном мире, так думать не полагается. На них возложена Высокая Миссия: необходимость дать почувствовать каждому чумазому от кетчупа, провонявшему смесью лука и горчицы подростку с обожженными по локоть брызгами от кипящего жира руками (следы некоторых из этих ожогов остаются, между прочим, на всю жизнь!) свою причастность к Великой Цивилизации; что он - Миссионер, участник Крестового Похода на тот «нецивилизованный мир», который позволяет себе еще есть что-то другое, говорить на других языках и даже писать книги и снимать рассчитанные на определенное интеллектуальное развитие, собственные фильмы.!

И вновь мне вспоминается бессмертная «Киндза-дза!» : *«Пацаки, а вы что тут делаете?»*

А почему не в намордниках? Пе-Же велел всем пацакам выдать намордники.. И улыбаться. Вот так.»

У меня не было иллюзий насчёт того, что мне хотелось продолжать там работать. У меня просто не было выбора. В студенческой семье на счету был каждый гульден. Уволить меня без причины Эд тоже так просто не мог: Голландия 90-х годов – это была все-таки не Америка.

Возможность предоставилась ему, когда я попросила тот очередной отпуск. Отпускных дней у меня накопилось достаточно, а так как я работала только два дня в неделю, их вполне можно было на эти несколько месяцев растянуть (я уже делала так за год до этого, когда уезжала на Кюрасао). Но Эд твердо решил, что наконец-то ему предоставилась возможность найти кого-нибудь подешевле.

- Пиши заявление об уходе!- елейным голоском пропел он мне. – А когда вернешься, подашь опять заявление о приеме.

Он думал, что я настолько глупа, что не пойму, что назад мне дороги не будет: ведь « эти аллохтоны, они все такие темные!» Но я, конечно, это прекрасно понимала. Зачем брать обратно дорогого работника, даже и хорошего, когда можно найти дешевого?

У голландцев есть склонность считать представителей «неевропейских» народов глупее себя. Эд до глубины души оскорбил меня, когда в своем высокомерном расизме дошёл до того, что предложил мне... помочь с написанием заявления об уходе на голландском языке. К тому времени, напомним, я уже третий год училась в голландском университете (где на голландском, естественно, были все лекции и все экзамены!) , причем на филологическом отделении! И даже средние оценки у меня были выше, чем. у голландских студентов. Это уже было слишком. И я отправила ему заявление, собственноручно написанное «*на хорошем голландском языке*», как я не без сарказма не преминула упомянуть, - по факсу всего за полчаса до начала моей очередной смены. Так, чтобы они не успели никого другого на этот вечер вызвать меня заменить...

Маленький бунт в стакане воды. На душе было приятно, но, конечно же, ничто в системе от этого не поменялось.

Иногда я вспоминаю своих коллег: нет, не белых заносчивых менеджеров, вкрадчиво рассказывающих мне, какой интересной была вчерашняя телепрограмма о российских проститутках, а Карлоса и Марио с Кюрасао, Ахмеда из Пакистана, Василиса из Греции, Надию и Мохаммеда из Марокко... То, как Мохаммед показал мне как-то в нашей комнате для отдыха томик Ленина и с гордостью сообщил, что он читает его...Такие, как Эд, не читают ничего, кроме комиксов.

...На прощание, перед отъездом из Голландии, правда, произошло одно очень приятное, даже из ряда вон выходящее событие...Хотя начиналось все не так приятно.

Еще в начале февраля я неожиданно услышала по радио имя, которое все теплилось у меня в душе. Бобби Фаррелл!! У меня задрожали руки, тарелка, которую я мыла, выскользнула из них и с грохотом упала на пол.

Совьетика Часть 1

Бобби Фаррелл был приговорен к условному тюремному заключению, за то, что попытался облить бензином и поджечь свою жену!

Так вот почему его не было дома, когда его искали...

Я до того разволновалась, что не находила себе места. В моем отношении к Бобби это ничего не изменило - мне же не детей с ним крестить...

А через пару недель, на мой день рождения, мне позвонила Луиза:

- Сегодня вечером по телевизору будут показывать твоего Бобби Фаррелла с женой.

На мой день рождения, изо всех дней в году! Вот и не верь после этого в судьбу...

...Я много лет не видела своего кумира и понятия не имела, как он теперь выглядит. И когда он показался на экране - худой, с набриллионтиненными редующими спереди и длинными сзади волосами, мое сердце сжалось от жалости, но только на секунду. Подобно тому, как быстро привыкла к облику Чуда-Юда Аленушка из «Аленького цветочка», так почувствовала себя и я - через секунду он уже был для меня прежним Бобби!

Его супруга- та самая, которую он собирался поджечь,- оказалась ослепительной красавицей, весьма уверенной в себе, но не нахальной. Я любовалась ее густыми, черными как ночь длинными волосами и огромными цыганскими глазами. Нет, супротив такой мне было нечего делать даже в лучшие годы моего девичества!. Она говорила по-голландски с сильным немецким акцентом: видимо, потому что знала этот язык раньше, чем выучила голландский. А у Бобби... теперь-то мне был хорошо слышен его антильский акцент - их мягкое *в любую погоду* «ль» : «дадди куль» ...

Бобби и его красавица-жена помирились и рассказывали публике, что именно между ними произошло, и как они оба уверены, что больше такого никогда не будет. Я тоже хотела в это верить. Хорошо знать, что твой герой наконец-то счастлив! А вот голландская публика не верила – и ахала и охала, не в силах понять, как же жена его теперь не боится. Но это же *сам Бобби!!!*

Через несколько дней, под впечатлением той передачи, я написала им обоим письмо - не зная адреса. Лелистад не такой уж большой город: дойдет. Я переписывала то письмо три раза: так хотелось рассказать ему, как много значили они для меня, со всеми уже известными вам перипетиями. Кроме одной: само собой, я не призналась ему, что была столько лет в него влюблена...

Ни на что особенное не рассчитывая, я подписала в конце наш адрес и телефон. И написала, что мой муж - его земляк.

Еще через несколько дней, вечером, мы сидели у себя дома; Лиза спала, Сонни играл с компьютером, я смотрела телевизор, когда вдруг зазвонил телефон. Но говорил вовсе не слон, как у Чуковского, а молодая женщина с таким уже знакомым мне акцентом.

- Это говорит жена Бобби. Мы получили твое письмо, большое спасибо! Сейчас Бобби будет с тобой говорить...

Будете смеяться, но при этих словах я затрепетала, как трепетали, наверно, советские военачальники, когда с ними во время войны говорил Сталин (да простят все они меня за такое сравнение - я лишь описываю свои ощущения!)

Я почти не помню, что он говорил и еще хуже помню, что я отвечала. Он рассказывал что-то о поездках в Россию, о своих друзьях из Большого театра, о том, что «все мы в Голландии только для того, чтобы дать лучшее будущее своим детям!»

Тут я хотела с ним не согласиться, - насчет лучшего будущего - но не посмела. Я просто наслаждалась звуками его голоса! Казалось, я не могла выдать из себя ни единого слова, кроме: «Да... ага... ага.. угу... конечно!»

Наверно, в конце концов ему это надоело, и он спросил:

- Vo ta papia papiamento³⁰⁵?

Я так и вспыхнула:

- Un tiki³⁰⁶...

³⁰⁵ Ты говоришь на папиаменто? (папиам.)

- Передай трубочку своему мужу, а?

Я передала трубку Сонни, который по выражению моего лица уже понял, кто это, - опасаясь, что он скажет Бобби какую-нибудь гадость, но Сонни был на высоте. Они заговорили на родном языке, Сонни шутил и смеялся, а что говорил Бобби, я не слышала. Я в это время лихорадочно соображала, что у него спросить и что ему сказать - и уже набралась было храбрости, чтобы спросить, как же мне побывать на его концерте, когда Сонни вдруг сказал:

- Те авого³⁰⁷!- и повесил трубку!

- Что, что он тебе говорил? - набросилась я на Сонни.

- Что мне повезло с женой: восточноевропейские женщины намного менее меркантильны, чем наши, карибские! - ответил Сонни.

... На самодеятельно посвященной Виктору Цюю его поклонниками в моем родном городе стене гигантскими буквами выведено:

*«Витя! Помнишь, мы хотели перемен? Ну, вот они и пришли, на х**...»*

Крик души жителя средней полосы России, далекой от московского показушного «шик-блеск-красота»... Москвичи для жителей моего города – как инопланетяне. Впрочем, в Москве бедолаг еще больше, чем у нас. Просто они не так бросаются в глаза, как бандиты, жулики и проститутки различных отраслей – от «братков» до «олигархов» и от стриптизерш до телеведущих...

Чувство нереальности происходящего охватило меня, когда меня в первый раз в жизни назвали «госпожой». В Шереметьево. Я, помнится,

³⁰⁶ Немного (папиам.)

³⁰⁷ До свидания (папиам.)

даже 2 раза обернулась, ища глазами, кто это здесь госпожа. Было не приятно, -- было противно, как будто на меня вылили ведро дегтя. Или как будто заставили съесть килограм слив вместе с косточками. Какая я вам госпожа? У меня рабов или крепостных нет и отродясь не водилось!

Дома у нас, в родном моем городе, над этим обращением по-прежнему смеются. Называют друг друга на улицах как и раньше: «женщина», «мужчина», «бабушка», «дедуля», «девушка», «парень».

А улицы стали такими, словно по ним прошла война.

Рушащиеся балконы в красивых домах «эпохи культа личности» на центральной улице. Битые стекла в многоэтажках и трамваях, кое-как забитые деревянными и металлическими щитами. Пыль в воздухе. Ставшие невероятно худыми и бледными немногочисленные детишки (это когда я росла в «годы застоя», все мы были краснощеками бутузами!). Зазывающе-манящие надписи многочисленных забегаловок **«Водка! 24 часа Non-Stop!»** Стоящие заводы и – одна из моих первых учительниц, подвыпившая, торгующая каким-то старым барахлом прямо с земли... Я обхожу её стороной – чтобы не смущать.

Люди бродят днем толпами по городу (работы нет!). Автобусов и троллейбусов практически не осталось – вместо них разъезжают многочисленные частные такси с надписями «троллейбус номер 5». Под такси идет любая машина, какая попадется – от колхозных «газиков» до миниавтобусов, подержанных западных BMW. Водители, видимо, получили права «за свинину», как говорили раньше, ибо они периодически сталкиваются друг с другом, матерятся, а пассажиры при этом иногда даже вылетают из таких микроавтобусов через задние двери... Похоже на Индию. Никого это не удивляет. Как не удивляют и побирающиеся таджикские дети. За все время жизни в СССР я не видела у нас в городе ни одного таджика, даже на базаре – слишком далеко. А теперь, став независимыми, бедняги, видно, так «хорошо» зажили, что им больше ничего не остается, кроме как тащиться целыми семьями в такую даль...

В городе стало больше и «лиц кавказской национальности»; раньше были только мужчины на базаре, сегодня они привозят с собой и женщин, и детей. Местные жители относятся к ним достаточно спокойно.

Совьетика Часть 1

- Когда нас выгоняли наши подъезды от чеченцев охранять, - вспоминает соседка Галя, - Мы ходили вокруг дома всю ночь, а у нас тут под окнами- базар. Просто цирк какой-то: мы от них свой дом охраняем, а они от нас – свои арбузы!

В головах у людей – полная каша: бабушки, которым весь день капает на мозги на кухне «Радио России», договорились до того, что это мы напали на Гитлера, а не он на нас!

- Ну как же, Томочка, ты же тогда сама жила, разве не помнишь, кто на кого напал?

- И то правда... Помню! Но ведь по радио сказали...

И смех, и грех.

Иногда можно увидеть совершенно дикие сценки: например, женщин, справляющих малую нужду в городском парке, в то время, как их кавалеры заботливо стоят рядом. Или детей лет 10, деловито обсуждающих, за дело ли посадили Майка Тайсон, когда он кого-то там изнасиловал. Когда 9-летнего сынишку одной из моих знакомых попытались вывести из комнаты с телевизором, по котором среди бела дня показывали какую-то порнуху, он заметил маме:

- Это что там, секс, что ли? Мне уже скоро заниматься этим пора, а ты все боишься, что я это увижу!...

...По радио и телевидению – сущий бред; ведущие программ новостей, переведенных с западных станций (на своих журналистов не осталось денег!) напоминают мне крылатую фразу из романа, который писал для меня в детстве Шурек: «И тут зачухали чепурыслы»... Все говорят скороговоркой и с таким видом, что сами не понимают, о чем ведут речь. Не удивлюсь, если так оно и есть.

Такое чувство, что все то, что ты любил, все то, что тебе было дорого, осквернено и загажено чужаками - нет, никакими не кавказцами или другими соотечественниками различных национальностей, а нами же самими, моральными мутантами среди нас!

Вспоминается герой ямайского фильма Буша Макинтош, переживающий, что на могилу его родителей на сельском кладбище испражняются местные беспризорные козы и коровы... Точно такое же ощущение и у меня! Только эти «козы» и «коровы» называются здесь «деловыми людьми»...

Из местной газеты: «За вторник в городе произошло 4 самоубийства. Все самоубицы – мужчины в возрасте от 35 до 65 лет»...

Единственный способ выжить здесь, не впадая в депрессию - даже на то короткое время, что я здесь нахожусь! - это, кажется, закрыться в четырех стенах среди родных и близких, не выходить по возможности на улицу и особенно, боже упаси, не ездить в Москву!

Но ведь это вовсе не выход.

Все это не исчезнет от того, что мы пытаемся закрыть глаза и представить себе, что мы до сих пор живем в Советском Союзе. Именно это делают некоторые мои родные и знакомые. Например, один бывший коллега моего дяди, похудев килограмм на 20, стал вегетарианцем и толстовцем, выступая за мир без насилия. Господи ты боже мой, да нас же на глазах и безо всякого насилия уничтожают как мух!

Так для чего же мы рождены?

Неужели для того, чтобы пить 24 часа «non-stop» под заборами?

Для того, чтобы за наш счёт кутили на Лазурном Берегу березовские всех стран и народов?

Для того, чтобы повторять, как козленок из фильма «Мама», - «что мы сделать могли?»

Нет!

... Я просыпаюсь в холодном поту. В комнате мы втроем спим чуть ли не вповалку: я, Сонни и Лиза. Места у мамы, конечно, маловато, но ведь наша квартира и не рассчитывалась на столько народу.

Мама храпит на кухне: ей с утра на работу.

Мы здесь уже два месяца, Сонни начал ходить на практику на вторую неделю после приезда: до этого акклиматизировался, привыкал носить нашу зимнюю шапку и ходить по льду: хотя мы приехали домой в середине марта, Москва встретила нас густым снегом. По дороге из Шереметьева я поведала Сонни народную

мудрость насчет мартовской погоды: «Пришел марток - надевай трое порток!».

Нас встретили мама, Шурек и Шуреков шофер с работы, Аркадий, который привез их в аэропорт на казенной «Ладе».

Первое, что мне бросилось в глаза- это насколько все состарились, не только мои родные и близкие, но и, например, актеры и дикторы на телевидении. Ведь я не видела их целых 5 лет. И вторая мысль, которая пришла в голову - а ведь, наверно, так же состарилась и я!

Аркадий был ненамного меня старше. Он был коренной горожанин, что у нас в городе давно уже редкость, интеллигентный парень, глотающий книги - преимущественно об истории и о политике. Всю дорогу он обсуждал с мамой и со мной Ельцина и его политику - да так язвительно и метко, что за ушами трещало! Шурек приходился ему работодателем, и я с удивлением наблюдала за невиданными мною прежде отношениями двух людей в нашей стране - не просто начальника и подчиненного, а работника и хозяина. Эти две вещи различаются как небо и земля. Мне до сих пор кажется гнусной сама идея работать «на кого-то» (даже если это такой замечательный человек, как Шурек!). В советское время, работая на государство, мы работали не «на директора», не «на Политбюро», а сами на себя. Именно такое ощущение было у меня всегда. Никакие «привилегии номенклатуры» - жалкие и смешные по сравнению с привилегиями уважаемых на Западе людей: капиталистов!- не могли отменить тот факт, что все, что мы создавали, государство возвращало нам сторицей - в виде не только субсидированных товаров, а и многочисленных социальных благ.

Аркадий тем более вырос при советской власти, по профессии был таким же инженером, как моя мама, имел высшее образование, и чувствовалось, что для него идея хозяина оставалась такой же чуждой, как и для меня. Он потерял работу, когда закрыли его научный институт и с трудом смог найти эту. Кроме того, он иногда «калымил» на своей личной машине, тоже «Жигулях», но это было дело опасное: пассажиры попадались такие, что многие водители-частники возили с собой под сиденьем на всякий случай топор...Для меня такие вещи были, конечно, неслыханными!

Аркадий разговаривал с Шуреком уважительно, но без заискивания и подобиострастия. Мог высказать свое мнение - даже когда его не спрашивали. Он чувствовал себя равным - и я с ужасом ощутила, что Шурека это раздражает. Что он, мой любимый, мой замечательный дядя, с которым мы всю жизнь были запанибрата, чувствует себя по отношению к Аркадию своего рода барином и недоволен, что Аркадий этого не ощущает!

- Поменьше надо читать и побольше за машиной ухаживать! - недовольно бросил он Аркадию. Мне показалось, что я ослышалась. И это говорит Шурек, который сам себе испортил зрение в 17 лет, потому что читал по ночам под одеялом? В советское время, будучи главным экономистом завода, он не относился так даже к уборщицам.

Что это стало с людьми?

Аркадий даже не взглянул на него, сделал вид, что ничего не слышит и продолжал свой рассказ о прочитанном.

Подобно большинству неглупых, думающих наших мужчин, Аркадий в постсоветское время начал медленно убивать себя алкоголем. Нет, за рулем он не пил, но в выходные напивался почти каждую неделю до чертиков - чтобы хоть ненадолго не думать о том, что творится вокруг. Мысли об этом грызли его днем и ночью. Он постоянно вспоминал, как ездил в советское время в Азербайджан, как работал в Эстонии с вычислительными машинами на практике, какие и там, и там были замечательные люди, какая удивительная была жизнь, и как мы этого не ценили...

Если бы я все время думала об этом, не научившись отключаться, я бы тоже запыла!

Сонни, конечно, не подозревал, какие бурные нас обуревали чувства и почему. Вместо этого он с любопытством смотрел за окно. Трасса, на моей памяти такая красивая и пустынная, теперь была облеплена по всей ее длине какими-то киосочками, избушками, палатками, развалами. Знакомый мне по дороге коровник перепрофилировали в магазин запчастей. Куда дели коров, неизвестно. На всех избушках и коровниках гордо красовалось «супермаркет». Иногда даже латинскими буквами. Более абсурдного зрелища мне еще видеть не доводилось. Все, кому не лень, пытались

хоть что-то продать. Отовсюду, чуть ли не с деревьев в лесу, свисали какие-то идиотские рекламы. Из придорожных кафе гремела пошловатая «новорусская» попса с ее ритмом «умпа-умпа-умпа-па» вперемешку с душещипательной тюремной лирикой, которую нормальному человеку просто стыдно было слушать. Диапазон ее содержания колебался от «я сел – она обещала меня ждать- не дождалась» до «я сбежал и показал им всем, где раки зимуют!».

Сонни, судя по лицу, нравилось то, что он видел: это мало чем отличалось от того, с чем он вырос у себя на острове, не считая погоды. Другой жизни он не знал и представить себе не мог. Я могла ему только посочувствовать.

И все же многое у нас для Сонни было в новинку.

На базаре он первым делом пришел в ужас от кубанских помидоров сорта «бычье сердце» - огромных, красных и сладких. Он привык к голландским - выращенным в теплице, мелким и почти зеленым.

- Надя! Почему помидоры такие? *Чернобыль?* - воскликнул он, обращаясь к моей маме так, словно она несет личную ответственность за несоответствие кубанских помидоров принятым в Голландии стандартам.

Какие- такие? Они такие и должны быть - натуральные! Забудь уже ты о своей голландской химии!

Натуральные наши помидоры так понравились Сонни, что на голландские он с тех пор и смотреть не хотел.

За день до начала практики Сонни почему-то решил попробовать нашу водку. Для храбрости? Мамы дома не было, он прошел на кухню, достал из холодильника бутылку и налил себе полный стакан. Я тем временем занималась Лизой, но увидела краем глаза, что происходит, и посоветовала ему не пить без закуски: у нас никто так не делает.

Сонни залпом опрокинул стакан и гордо на меня посмотрел:

- А все говорят: водка, водка... Я ничего даже не чувствую!

И потянулся за вторым.

- Не говори потом, что я тебя не предупреждала, - только и сказала я. В конце концов, западный человек привык к свободе, не буду мешать ему своими коммунистическими запретами.

Я вышла с кухни. Через две минуты оттуда послышался страшный грохот. Я бросилась обратно. Сонни лежал на полу и стонал.

Перепугавшись, я кое-как волоком дотащила его до ванной. Он не мог даже приподняться. Я налила в ванну теплой воды и, ругаясь на него, что он меня не послушал, с большим трудом втащила его в ванну. Он лежал там, отмокал и стонал.

Тем временем вернулась с работы мама.

- Что это у вас тут? Как Мамай прошел! - удивилась она, заметив на полу кухни следы Сонниных подвигов.

Я начала ей объяснять, что произошло, а Сонни тем временем стонал из ванны:

- Не говорите по-русски, вы меня раздражаете...

С тех пор он у нас больше водку никогда не пил. Даже когда ему наливал муж моей тети с традиционным нашим «*Ты меня уважаеть?*»

...Когда я только что приехала домой- впервые за 5 лет,- народ к нам неожиданно повалил валом. Вплоть до работников ОВИРа, к которым пошел было регистрироваться Сонни - они... тут же прибежали к нам домой: захотелось посмотреть, в каком «богатстве» мы живем! Знакомые и незнакомые: все они считали, что я «сделала свою жизнь», и им интересно было посмотреть на человека, приехавшего с такого «свободного» Запада. А может, и пользу какую-то можно бы было из этого извлечь...

Представления о жизни на Западе у них, правда, мягко говоря, весьма своеобразные...

- Ну как они там, веруют? – спросил у меня с уважением в голосе про голландцев троюродный брат Гриша - из тех, которые вешают на шею *кресты с гимнастом*.³⁰⁸

- Во что? – не поняла я. А когда поняла, у меня глаза полезли на лоб: я вспомнила пустые голландские церкви, открывающие двери раз в неделю – для голландских стариков да иностранцев.

- Ну как же, а нам говорили...

...Сегодня они уже не приходят. Интерес пропал – когда не услышали от меня подтверждения сказок, в которые им так хочется верить (ну, надо же ведь верить хоть во что-нибудь!).

Страдают этим, впрочем, не только «новорусские» Гриши, но и многие из самых что ни на есть жертв «свободного рынка». Когда я им честно говорила, что жизнь при капитализме похожа на детскую присказку: *«вытянули хвостик – клюв прилип»* (все забастовки в рамках «свободного» общества подобны *бегу белки в колесе*: рост зарплат не поспевает - и никогда не поспеет!- за вечно растущими ценами, и продолжать бастовать людям придется до конца своей жизни), они впадали в ступор. А ведь я не возводила на жизнь эту поклепа, я просто описывала ее такой, как она есть - не с «молочными реками», текущими среди «кисельных берегов», а с приходящими по почте нескончаемыми счетами: не успеешь заплатить по одному, как уже пришел какой-нибудь еще! (у нас а СССР было только 2 счета – за квартиру и за электричество, причем это был такой мизер, что никому не приходилось опасаться, а сможет ли он погасить все счета в этом месяце!) и с церквями, которые предоставляют наркоманам наркотики³⁰⁹ Но от этого ограбленные гайдарами и чубайсами только

³⁰⁸ намек на российский анекдот, в котором «новый русский» хочет купить крест на шею «побольше» и останавливаясь на кресте для церковной колокольни, говорит продавцу: «Гимнаста снять, крест завернуть!».

³⁰⁹ Имеется в виду церковь св. Павла в Роттердаме, где это действительно делается- «чтобы они не воровали на улице». О том, чтобы этих людей лечить, речи не идет – «слишком дорого».

готовы были заткнуть уши и затопать ногами: «Замолчи! Этого не может быть!»

Ведь тогда оказывается, что впустую они все это время затягивали на себе пояса, ожидая, когда же истекут обещанные Явлинским 500 дней³¹⁰ ...

- Это просто что-то ты там не так поняла... вот у нас по телевизору показывали!...

Да у вас и по радио говорят, что вы с Гитлером первыми войну начали... и что быть проституткой - это мечта всех московских школьниц... И даже у «Аум Синрике» своя передача есть³¹¹ ...

Позднее я заметила на Западе совершенно такую же «страусиную» реакцию среди обывателей, когда рассказываешь им о том, о чем им не сообщают их собственные СМИ.

Неправда, что Цвангираи не участвовал во втором туре выборов в Зимбабве, потому что зимбабвийская ЦИК отказалась его с выборов снимать³¹²? Правда, что ельцинский лагерь запугивал и подкупал избирателей в 1996 году? И на Западе никто и словом об этом не обмолвился, признавая его переизбрание вполне законным? А-а-а-а! Заткнись! Не хочу тебя слушать! Не может этого быть!

... А перед глазами все стоит и стоит худенький солдатик, который позвонил в дверь маме в 1996 году – пришел собирать подписи за выставление Ельцина кандидатом в президенты. Его послали из части.

³¹⁰ В июле-августе 1989 года Явлинский возглавлял группу экономистов, разработавших программу "500 дней" - план трансформации советской экономики в рыночную. (<http://www.lenta.ru/lib/14160294/>)

³¹¹ Летом 1992 г...открылся Российский филиал "АУМ Синрике". ...Раз в неделю в лучшее время Асахара вещал по радиостанции "Маяк" и по телеканалу "2*2",регулярно арендовал, на двое-трое суток ,спорткомплекс" Олимпийский" и даже имел охрану, набранную из бывших сотрудников КГБ. Членами "АУМ" в России стали около 35 тысяч человек. (http://know.su/link_2152.html)

³¹² <http://www.lenta.ru/news/2008/06/29/delay/>

Совьетика Часть 1

- Извините, молодой человек, но я не буду это подписывать, потому что я не буду за Ельцина голосовать!- сказала ему с порога моя мама.

И тут вдруг солдатик заплакал, размазывая по полудетскому лицу слезы.

- Сказали, собрать сегодня 200 подписей и без них не возвращаться. Хоть кровь из носу. Без обеда и без ужина, сказали, оставят. А я с утра ничего не ел...

Мама не вынесла слез защитника Родины.

- Господи, да уж давайте сюда, подпишу... все равно ведь выдвинут *урода!*

А то, как глава районной администрации вызывал к себе всех работников, показывал им большой кулак и говорил:

- Так, чтоб вы и все ваши родные проголосовали за Ельцина! Узнаю кто не проголосовал- с работы выгоню сразу!

Как он мог узнать? Ну, например, на нашем избирательном участке все бюллетени были *пронумерованы карандашом...*

Вам про это BBC не рассказывало? А CNN? Нет? Странно-странно...

Такое никакому Мугабе и не снилось. Но Запад это совершенно не волновало. Наверно, потому что Ельцин был *политиком цвангираиновского типа...* Тоже в западном посольстве собирался прятаться в случае чего. Еще в 1991...

Сонни не волновало все это. Он ведь не болел за нашу страну душой. Он просто приехал в нее на практику.

Сонни чувствовал себя в России примерно как Гедеван Александрович из «Киндза-дзы!» на Плюке: тот тоже все не мог избавиться от мысли о том, что он «первый грузинский космонавт». Каждый день Сонни очень хотелось гулять по городу, причем его

любимым местом было как раз самое в моем понятии отвратное - местный базар, захламленный китайским и турецким барахлом сомнительного качества. А мне, если честно, не хотелось выходить на улицу совсем, и не только потому, что я уставала из-за маленького ребенка и мне все время хотелось спать. Мне еще и не хотелось видеть, во что мой город превратился.

Чувства свободы в городе не было - было чувство анархии, словно в годы гражданской войны. Причем анархии такой, в которой было *дозволено все, что угодно, но не всем*. Народ же казался ударившим в загул на последние - чтобы только не думать о страшном завтрашнем дне. Ельциновская Россия была словно наглядной иллюстрацией того, какой бы стала наша страна, если бы в ней в свое время пришел к власти народный герой Стенька Разин. Тот же говаривал: «Я пришел дать вам волю», расшвыривая княжен по речкам. «Размахнись, рука! Раззудись, плечо!» Хотя нет, это оскорбление для атамана: ведь он грабил купцов, а не стариков, детей и рабочих...

Мои чувства на Родине, по которой я так соскучилась, были двойственными. Когда я сидела дома среди родных и не включала ни телевизор, ни радио, мне казалось, что я действительно дома. Но как только я выходила из подъезда, и мне в лицо ударяла пыль уже годами неподметаемой улицы, клаксоны противоугонных устройств, напоминающие звуки аттракционов с голландской ярмарки, раздающиеся с автостоянки, под которую вырубил соседний сквер, и «умпа-па» отечественной попсы, похожей на полную «химии и жизни» карамельку «Чупа чупс»- из палаточного городка, торговавшего разного рода мусором в ярких обертках и метко именуемого в народе «Поле чудес»³¹³, мне становилось дурно. *Козлы, пасущиеся на могилах моих предков, вновь обрели зримый облик...*

Но Сонни ничего этого не понимал, да и как ему было объяснить? Он не понимал, почему мне так омерзительны многочисленные киоски, гордо именующиеся «супермаркетами» с аляповатыми вывесками «Леди Мадонна» или «Деймос» (интересно, а его владельцы знают,

³¹³ Телеигра, российский аналог американского «Колеса удачи» - и местность в сказке А. Толстого о Буратино, где на деревьях якобы растут деньги и которая находится «в стране дураков»

что в переводе на русский это означает «ужас»?) , в которых, как в послевоенных сельпо, вповалку лежат на прилавках женские трусы, селедка в консервных банках и свежие фрукты. Действительно, ужас. Но на Антилах и на Ямайке привыкли к «street vendors³¹⁴» – именно такого образца, как наши.

Сонни не понимал, что так раздражало меня в разгуливающих по улице подростках с пустыми, как у зомби, глазами, на ходу пьющих из пивных банок, и почему мне так больно было смотреть на стариков, продающих на развалах на улице свои ордена и медали и роющихся в мусорных баках - рано по утрам, чтобы никто не видел, потому что им было стыдно. Хотя стыдно должно было быть совсем не им...

Сонни просто не знал, что еще пару лет назад эти же самые старики днем отдыхали на лавочке, читая газеты и играя в шахматы и в домино, а по вечерам неспешно прогуливались по спокойному, тихому - и чистому!- городскому парку, наслаждаясь своим *заслуженным отдыхом*. Для него то, что он видел у нас сейчас, было нормальным положением вещей, если ты состарился, а денег не скопил - примером того был его собственный отец. Он не знал, что совсем недавно и на пенсию вполне можно было у нас прожить. И что у многих из этих людей были неплохие сбережения - украденные у них в одночасье, не за 500 дней «реформаторами».

- Что ты переживаешь? Ведь они же тебе не родственники!- говорил он с недоумением. У него не укладывалось в голове, что при советской жизни *мы все были друг другу не чужими*, и что я выросла воспитанная на этом. Он просто не понимал, как это так бывает. Мне же становилось все обиднее, что он такой бесчувственный. Не таким представляла я себе своего мужа...

Уже потом, когда мы развелись мне случайно попался на глаза его своего рода дневник того времени, в котором было написано: «Она не хотела в России никуда со мной ходить, потому что ей было стыдно, что я черный!»

Мне? Стыдно, что он черный? Большого абсурда трудно себе было представить. Да разве я стала бы выходить за него замуж, если бы я была человеком, стыдящимся таких вещей?

³¹⁴ уличным торговцам (англ.)

Очень грустно, что у него такой комплекс неполноценности. Если бы Сонни хоть словом намекнул мне на то, как он себя чувствует, если бы только хотя бы об этом меня спросил! Но Сонни молчал и все носил в себе.

Раз уж о том зашла речь, то если честно, я немного опасалась, как его у нас встретят.

К моему удивлению, относились люди у нас к нему прекрасно. Конечно, он вызывал на улице некоторый интерес (если вы помните, в моем городе к иностранцам не привыкли!), но никаких тебе грубостей, наоборот: люди были с ним предупредительны и вежливы, старались сделать для него все как получше. Почти как на московском Фестивале 1958 года! Только один-единственный раз к нему подошел на улице милиционер - проверить документы. С торжествующим лицом - мол, сейчас я придерусь к этому *африканцу*, что у него не в порядке регистрация, и хоть сколько-нибудь, но с него сорву! Но как только милиционер увидел в руках у Сонни голландский паспорт, лицо его вытянулось - такого он не ожидал!- и он только что не отдал под козырек, возвращая его Сонни. Ох, и смеялись же мы потом!

Как раз тогда мы услышали, что в России есть африканец, исполняющий хип-хоп на русском языке, по имени Джимми Джи. У него была ну очень подходящая к этому случаю песня: «Участковый... К вам не заходили? Тогда пойдемте со мной!», в которой создан настолько реалистичный образ пост-перестроечного «стража порядка», что, кажется, тот вот-вот выпрыгнет из магнитофона и обратится к вам:

«Где ваши документы? У вас есть Russian Visa? Покажите, пожалуйста, вашу регистрацию. Это, по-моему, не настоящая... Ага, эта уже просрочена!... Вы сами откуда? Лицо у Вас очень знакомое... Я это уже слышал... Я что, по-твоему, плохой человек? Это просто моя работа!»

Эта песня стала Сонниной любимой.

Люди пытались, конечно, угадать, кто он. Иногда принимали его за индуса, иногда- за афроамериканца. В местном парке, как только он туда со мной входил, диск-жокей сразу же врубал по парковому радио песню Леонида Агутина «Парень темнокожий». Я сначала думала, что

Советика Часть 1

это совпадение. Но нет, оно повторялось неизменно каждый раз - стоило нам только ступить на территорию парка!

*«Непохожий на тебя, непохожий на меня
Просто так прохожий - парень чернокожий
Непохожий на тебя, непохожий на меня
Просто так прохожий - парень чернокожий*

*Ты боишься всего, а тут ужасного нет ничего
Просто парень, как парень, только малость темноват
А бывает южней, один другого темней
Там, где пальмы растут и бананы, и агат*

*И ничего такого тут нет, это не сон и не бред
Ты не бойся, он хороший, хоть на нас и непохожий!»*

...Завод находился на другом конце города, и ехать туда надо было на трамвае, до самой конечной остановки. Я запомнила наши городские заводы оживленными, многолюдными; рабочие просыпались рано – успеть к началу первой смены, и уже часов в 7 улицы были полны народом, и так же полны вечером после работы. На некоторых заводах даже была трехсменка. А теперь улицы были полны народом весь день, а сам завод словно вымер. Официально он еще работал - но платили здесь теперь так мало, да и к тому же зарплату задерживали месяцами, и вся молодежь с завода ушла. Остались только доживающие свои дни до пенсии и работающие пенсионеры.

Именно из таких старых, хороших советских людей и состоял конструкторский отдел, где должен был проходить практику Сонни. Отнесли к нему там как к родному - носили чай, водили в заводскую столовую, которая тоже еще существовала как оазис советских времен на фоне уличных частных забегаловок с их «водкой нон-стоп»: здесь по-прежнему можно было заказать целый обед за смешную сумму. Готовили его из продуктов подсобного хозяйства завода, жизнь в котором еще тоже едва-едва, но теплилась...

Сонни все было в новинку, все интересно. Единственное, что его шокировало, был заводской туалет. Честно говоря, даже я, человек бывалый, при виде этого зрелища побледнела...Оказалось, на заводе теперь ради экономии сокращены все уборщицы...

Было так отрадно встретить людей, которых интересовала еще своя профессия, а не только где сорвать денег на иномарку по дешевке. Казалось, время застыло в этих стенах. После общения с пожилыми инженерами не хотелось выходить на улицу, где из обшарпанных киосков продавали поштучно сигареты детям... Они сидели себе в своем заводском помещении и тихо, не жалуясь, работали над новыми изобретениями. Не зная даже, будут ли эти изобретения востребованы. Не рассчитывая на жирные гонорары. Даже не зная иногда, заплатят ли им в этом месяце вообще. Они просто не могли жить и не работать! Для них это было бы недостойным человека.

Мне приходилось, естественно, быть при Сонни переводчиком, а я не очень была знакома со всякими электрическими терминами. Приходилось таскать с собой толстый технический словарь. Говорили мы с Сонни к тому времени уже не на чистом английском, а на странной смеси английского с голландскими словами и фразами и вкраплениями из папиаменто. Так, что мой брат Петруша даже не выдержал и спросил:

- Это на каком языке вы разговариваете?

Я впервые теперь как следует познакомилась с ними - с Петрушей и Андрюшей, моими братьями по отцу. Не знаю, кто им сказал, что я приехала, но они пришли к нам с огромным букетом роз - это весной-то! Мне даже было неудобно.

Петруша произнес уже упоминаемую мной речь о природе, государственном устройстве и истории соседней с Кюрасао Венесуэлы - чем несказанно Сонни удивил. А Андрюша говорил мало, только усмехался в себя. Петруше было 22 года, и он только что поступил в аспирантуру - в ту же, в которой учился наш отец. А Андрюше было 20, и он еще был студентом. Это были начитанные, культурные, *старорежимные* в хорошем смысле слова парни.

Сначала я чувствовала себя очень скованно - и с ними, и уж тем более, когда они повели нас к себе в гости. Ведь по сути дела, я с

Советика Часть 1

отцом даже ни разу в жизни как следует не разговаривала. Он, видимо, чувствовал себя так же и к тому же никак не мог привыкнуть, что он теперь уже дедушка. Мне стало его даже жалко. С Сонни он попытался говорить на испанском - когда-то выучил его, чтобы поехать работать в Никарагуа, да не пришлось...

Пообщавшись с отцовской женой, мамой Павлуши и Андрюши, я быстро поняла, почему они до сих пор женаты и почему он с моей мамой развелся. Моя мама – это вулкан! А Александра Семеновна была спокойной - такой спокойной, что просто невозможно было вообразить, что же такое можно сделать, чтобы вывести ее из себя. С ней я сразу почувствовала себя легко.

К тому же, они с отцом жили в разных комнатах - а вот ребят зататарили в одну. У отца еще с советских времен была большая и светлая кооперативная квартира, которую он своей семье купил, накопив денег на работе летом в стройотрядах со студентами. С застекленной лоджии на 9 этаже открывалась панорама города.

- Угощайтесь!- сказала Александра Семеновна. - Сегодня почти жарко, и я подумала, что вы, наверно, особенно не захотите есть, вот и поставила одни только фрукты.

На столе действительно были только фрукты. Как неожиданно! Как непохоже на среднюю русскую семью! У нас сказали бы, что такая хозяйка – лентяйка...

Я поинтересовалась, как поживает моя бабушка Стенка. Она жила за городом, и добраться туда было не так легко.

- Бабушка все еще работает!- с энтузиазмом откликнулся Петруша. Чувствовалось, что из них двоих именно он - бабушкин любимчик,- Мы вас обязательно свозим к ней в гости, как только чуть потеплеет и подсохнет.

Скорей бы!

Мои родственники по маме вообще в Сонни просто влюбились. Он моментально стал своим парнем, а на его цвет кожи совершенно перестали обращать внимание. Бабушку пленило то, что он, не брезгуя

и не протестуя, меняет Лизе памперсы. «У нас таких отцов поискать!» Маму - его детская непосредственность, ум и языковые способности: один раз ей какой-то из его поступков не понравился, и она бросила в сердцах, уверенная, что он все равно не понимает:

- Вот г*** о от желтой курицы!

На что Сонни вдруг совершенно неожиданно для нее ответил по-русски с приятным акцентом:

- Нет, Надя, я не г***о!

Он сумел подобрать ключик даже к сердцу Глафиры-«русской недвижимости».

- Что ж парень-то хорош! – повторяла она. Может быть, потому, что они были одного знака по гороскопу?

Мы только успевали ходить на званые вечеринки - от одних родственников к другим, и все стремились поставить на стол все самое лучшее. Несмотря на экономическое положение.

Больше всего Сонни полюбил ходить в гости к моему троюродному брату - небезызвестному уже вам Грише - и его родителям, тем самым, которые всегда приходили в гости к нам на праздники, когда я была маленькая. Теперь же *пан атаман Грициан Таврический*³¹⁵ стал «новым русским», и Сонни очень по душе было находиться в компании *такой важной персоны*. Он смотрел на Гришу немного снизу вверх. Я же все еще относилась к нему по-старому, как в детстве.

Я не сразу поняла, насколько изменился Гриша как человек. А может, и не изменился, а просто показал наконец свое настоящее лицо, как тогда многие, включая режиссеров, писателей и актеров, которыми мы совсем недавно так восторгались... Но я первоначально думала, что изменился только его материальный статус. Ведь я знала его как облупленного, с детства - и всегда его очень любила. Родного старшего брата у меня не было, и я считала таковым именно его.

³¹⁵ герой фильма «Свадьба в Малиновке».

Тетю Женю я тоже обожала с детства – недаром меня назвали в честь нее! Но она-то как раз ни капельки не изменилась, только вышла на пенсию. Тетя Женя была простая, добрая, но боевая по характеру. Чувствовалась дедушкина порода. «*Сейчас как начкаю*³¹⁶!» было в ее устах не пустой угрозой, о чем хорошо знал ее супруг. Наверно, такой же стала бы Женька Комелькова из фильма, если бы не погибла в 19 лет на войне.

Мама тети Жени, сестра моего дедушки, рано умерла, отец, донской казак (опять казак!) бросил ее с братьями и куда-то уехал. Его следы затерялись. Ребят взяла к себе строгая наша прабабушка. Потом началась война. Старший брат тети Жени ушел на фронт и пропал без вести, средний - прошел всю войну и остался жить в Белоруссии, а прабабушка умерла в 1942 году. И тетя Женя осталась сиротой в 13 лет - у вернувшегося с фронта после ранения своего дяди, моего дедушки, который вскоре привел в дом молодую жену...

Тетя Женя после школы пошла работать на дедушкин завод и проработала там всю жизнь. Была она в юности очень красивая, смуглая - то ли в отца-казака, то ли потому что родилась в Узбекистане, где ее родители до войны работали. И очень большая модница - чего наш дедушка терпеть не мог. Он даже занавешивал от нее газетами наше большое зеркало.

Но замуж она вышла только почти уже в 30 лет. Я всегда приводила в пример ее мужа в качестве причины, если меня спрашивали, почему я не хожу в парк на танцы.

- Потому что там можно только с такими, как дядя Толик, познакомиться!

Дядя Толик вовсе не был плохим человеком - просто ужасно занудливым. Он был потомственный горожанин, из (обрусевших) ногайских татар, как принц Калаф в сказке Карло Гоцци³¹⁷. Из семьи, в которой все славились умением играть на гармонии - и поэтому он изводил Гришу в детстве, заставляя его ходить в музыкалку. Гриша

³¹⁶ наподдам!

³¹⁷ «Турандот»

начинал с аккордеона, потом перешел на гитару, потом... - на бокс, а потом уже - на каратэ...

Дяде Толику не нравились увлечения сына. Он хотел, чтобы из Гриши вышел дипломированный инженер - и «пилит» его за «тройки» днем и ночью. Сам дядя Толик был рабочим на заводе сантехники. В свое время он служил в армии в Германии, но по-немецки знал только два слова: «шнапс» и «фрoляйн». Он был очень привязан к моему дедушке и всегда с нетерпением ждал следующих праздников - когда им снова будет можно вместе выпить.

Когда мы с Сонни приехали в наш город, дедушки уже не было, и дядя Толик искал себе нового подходящего партнера по выпиванию на праздники. Познакомившись с Сонни, он незамедлительно решил, что такой человек наконец-то найден! Но Сонни, уже хлебнувший один раз нашей водочки, на провокации не поддавался...

Когда дядя Толик выпьет, он становится похожим на Попандопуло из «Свадьбы в Малиновке»:

- И що это я в тэбэ такой влюбленный? - и лезет целоваться ко всем, включая лиц одного с ним пола. Все мы знаем за ним эту особенность и стараемся в такие моменты держаться от него на расстоянии. А Сонни вырос в обществе, где не то что поцелуи, а даже дружеские объятия между мужчинами истолковываются совершенно однозначно. Если бы вы видели, с какой скоростью он бежал от дяди, надеясь скрыться от поцелуев последнего в туалете!!

Я с детства чувствовала, что подспудно в дяде Толике сидит что-то нехорошее - только оно не проявляется наружу потому, что он и сам об этом не подозревает. А теперь вдруг выяснилось, что я была права: оказывается, старик теперь запирается часами в Гришиной комнате, смотрит на видео всю порнуху, которая у того только есть, и вздыхает:

- Эх, жалко, я этого всего в молодости не знал! Да я тогда тебя бы, мать...- обращаясь к тете Жене. Которая ему тут же *начкала* - тетя Женья у нас таких «эксприментов» не потерпит!

Хорошо, что он прожил свою жизнь в СССР! Глубоко уверена, что чем с меньшим количеством грязи соприкасается по жизни человек,

тем меньше грязных наклонностей открывает он и в себе, тем меньше задумывается над всякой дрянью: человеку духовно чистому по своему воспитанию просто не придут в голову многие извращения, которые «свобода» услужливо сует людям буквально в нос, под лозунгом «шире круг!» Шире круг маньяков, насильников, педофилов и прочих *отклонистов*! Шире круг тех, кто видит в других людях только предметы для удовлетворения собственных потребностей! В Британии педофилия уже, кажется, превратилась в национальный вид спорта наряду с крикетом.

Я не согласна с теми, кто говорит, что все эти «новоприбщившиеся», мол, «все равно стали бы такими». Это все равно, что говорить о наркомане, что он все равно стал бы наркоманом, даже если бы ему никто и не подсунил наркотик. Да, жизнь не идеальна, но к идеалу всегда надо стремиться. Да, на огороде всегда будут расти сорняки, но это не значит, что надо все бросить, повесить мотыгу на гвоздик и их не выпалывать - ведь «все равно вырастут», ведь это «естественное состояние огорода»...

...Когда Гриша был маленьким, они жили на соседней улице от нашего старого дома. Мама по утрам ходила в школу мимо их двора, и Гриша вылетал ей навстречу - смугленький, пухлый, заспанный, с азиатскими по форме, но большими по размеру черными глазами - и радостно кричал на всю улицу:

- Наденька! Наденька идет!

Он очень любил их с Шуреком. Искренний, добрый, отзывчивый... Кто же тогда думал, что из него вырастет «крутой мужик»? Такой, что если к тебе кто-то пристает на улице моего родного города, одного только упоминания его имени достаточно для того, чтобы пристававший побелел в лице и пролопотал, как герой Андрея Миронова в «Обыкновенном чуде»: «Был неправ... вспылит... но теперь считаю своё предложение безобразной ошибкой...», и т.п.

Я помню его уже подростком - таким же черноглазым, энергичным, который всегда говорил со мной на равных, а не как с малышкой-несмышленишем. Мы обменивались записями поп-групп, и я была в восторге от его друзей-корейцев, каратистов. Единственное, что мне в

Грише не нравилось - это то, что вкусы у него менялись слишком часто: никакого постоянства, никакого уважения к своим же вчерашним кумирам. Сейчас я думаю, что это, пожалуй, очень важная черта характера для того, чтобы стать «новым русским».

... У моей мамы – своя теория насчёт того, откуда взялись «новые русские» И прочие личности, самозванно провозгласившие себя «элитой», что нисколько не мешает им зачастую ходить в мятых штанах и вытирать нос рукавом шикарного костюма от Армани.

Она считает, что все идет из детства. С того времени, когда будущих «хозяев» жизни дразнили: кого – за неуклюжесть, кого-за тупость, кого- за рыжие волосы.

- Посмотри сама,- говорит она мне. - Среди них же нет ни одного нормального человека. Каждый страдает каким-нибудь да уродством: либо внешне, как Березовский, либо это неспортивный «мешок» при хорошеньком личике, которого наверняка звали «маменькиным сынком», как Немцов, либо это просто толпа двоечников и хулиганов, которых в школе клеймили, считая лентяями и не понимая, что им просто ОТ ПРИРОДЫ НЕ ДАНО учиться лучше. Зато если ты посмотришь на тех, кто посвятил всю свою жизнь людям, - это, как правило, те, кто не страдал никакими комплексами из-за каких-то собственных недостатков! Взгляни хотя бы на красавцев и умниц Че Гевару, Фиделя Кастро... На один только лоб Ленина взгляни!

Иногда я думаю, что, может быть, она преувеличивает, - неужели детские обиды оказались так сильны? И что обижаться, если ты сам знаешь, что тебе что-то от природы не дано? Однако чем. больше я смотрю вокруг себя, тем больше я склонна с ней согласиться...

Вот, пожалуйста, Гриша. «Крутой», так сказать, парень - с «гимнастом» на шее. Кумир моего детства – красивый, спортивный. Правда, не семи пядей во лбу, но не всем же быть профессорами!

Гриша был нормальным, славным, простым, хотя и с занозистым характером, человеком. Таким я знала его с детства (он на 8 лет старше меня). А сейчас я его не узнавала.

Передо мной сидит настоящий «шкаф». В толщину Гриша увеличился в три раза. Правда, я не стала его винить – пару лет назад его прострелили в желудок, и с тех пор у него проблемы с пищеварением. О том, **почему вообще в него стреляли**, думаю, не надо рассказывать, если я вам скажу, что у Гриши собственное казино,

что он и « его парни » является « крышей » многих « бизнесов ». Для знакомых и родственников он предоставляет скидки. Добрая душа!

Когда-то Гриша учился на инженера. Недоучился. Выперли из института за неуспеваемость (не сдал госэкзамен по английскому). И отправили в армию... Боже ты мой, какая это была драма для его мамы и для меня с Соней, его двоюродной сестрой с другой стороны – двух его сестреноч-несмышленишек! Тетя Женя, впрочем сумела уберечь его от отправки в Афганистан, и он спокойно прослужил под Москвой в стройбате. «Дедки» его не трогали – он был знаменитым каратистом. Каратэ у нас как раз тогда запретили (ещё одна драма для двух девчонок подросткового возраста, не задумывавшихся над причинами этого запрета!), но Гриша успел всему выучиться и уже становился известным тренером сам, когда его «забрили».

Его «сэнсей», кстати, позже попал в некрасивую историю – был осужден за многоженство и за издевательства над своим «гаремом», который он держал в одной квартире. И за поборы и взятки с учеников. С удивлением обнаружила я его имя... в списках политических «узников совести» в «кошмарном Советском Союзе» «Эмнести Интернешнл»... Его мама работала с одним из моих родственников, и все мы хорошо знали, какого поля была эта «ягода». После этого я потеряла всякое доверие к тому, что пишет «Эмнести» – в том числе и о других странах.

Гриша вернулся из армии домой – хотя ему предлагали пойти в Москве в милиционеры. Попробовал устроиться на завод (устроили по знакомству инженером, несмотря на недоделанный диплом!) – показалось скучно... Учиться дальше тоже не захотелось. Что же, каждому, как говорится, свое... Но Гришу продолжал «пилить » дома отец, воспитанный в старых традициях: человек без диплома – не человек!...

...Позднее Гриша получил-таки диплом о высшем образовании. Физкультурном. Ему очень «повезло» – новое общество «акул и пескарей» позволило ему «развернуться на полную катушку» и стать одним из богатейших людей (его уровня, конечно!) в нашей области. Ибо КПСС эпохи Горбачева нуждалась в бывших спортсменах для создания своих «мафиозных отрядов» и взятия поборов с только что созданных кооперативов...

Так создавался его «стартовый капитал»... К слову, многие бывшие спортсмены вовсе не хотели этим заниматься, но были вынуждены.

Все это я теоретически о Грише знала, но представляла его себе прежним славным парнем, с которым мы вместе выросли, которому я никогда не «тыкала в нос» тем, что он был троечник, а я – отличница, ибо мы о школе не говорили вообще. И я вовсе никогда не считала себя «лучше» или «умнее» него. Мне никогда не приходило в голову, что для него все это так много значит, и что его душевная травма, полученная в детстве, окажется так глубока, что он до сих пор стремится «взять реванш»: «показать, на что он способен» своим бывшим одноклассникам, сокурсникам по институту, которых он именует «жалкими инженеришками»...

...Гриша ->шкаф»первый резво примчался к нам, как только я вернулась в «родные Пенаты» после 5-летнего отсутствия. Да не один, а с другом, которого я знала чисто шапочно! Наверно, он думал, что я тоже стала «одной из них», «успешных», как именуют себя эти человекоподобные существа.

Он сразу же начала перечислять, сколько всего он приобрел за эти годы, - и сколько каждое из его приобретений стоило. Хотя я его не спрашивала – я была просто рада его видеть!

Он был удивлен, что это не произвело на меня большого впечатления – я больше хотела узнать, как он сам-то поживает, как наши общие друзья, что нового (не материального!). Он попробовал по-другому – начал перечислять страны, в которых он побывал. Я всегда любила путешествовать и радостно, без зависти, стала расспрашивать его, что интересного он видел там, в Дубаи, на карнавале в Рио, в Таиланде...

Больше, чем «мы с пацанами классно пива выпили и поехали на верблюдах кататься», мне из него выудить не удалось. Чем он занимался в Таиланде, он вообще предпочел мне не говорить, - сестренка младшая все-таки...

- Ну, а как же ты там с людьми-то, общался? У тебя теперь, наверно, английский классный, со всеми этими поездками!- не задумываясь, ляпнула я. И тут же поняла по его лицу, что «насыпала соль на рану».

- Да нет... все так же..- промямлил он.

И начал, в свою очередь, допытываться у меня, как «там», где я живу. Есть ли у меня свой дом, своя машина? Я, как вам известно, в то время была студенткой и попыталась объяснить ему, что студенты в Нидерландах дома не покупают (может быть, за исключением принцев- членов королевской семьи), и что машина мне не нужна потому, что студенты с понедельника по пятницу могут ездить по всем Нидерландам бесплатно, а в выходные - с 40% скидкой (правда, за это у них ежемесячно вычитают из стипендии), а сеть общественного транспорта там очень хорошо развита. Но он понял меня по-своему – и сразу зачислил меня в отряд «бедных». И «потерял ко мне коммерческий интерес».

Я говорю – коммерческий, а возможно, надо бы пояснить, что других интересов – чисто человеческих - у него уже не осталось. Ему неинтересно и не о чем. общаться с теми, кто не может быть «полезным для «бизнеса». Сначала он меня автоматически отнес к этой категории по моему новому месту жительства: вдруг да чем-нибудь окажусь полезной. Но вскоре понял, что ошибся, - и с каждым новым разом, когда я приезжала домой, я видела его все реже и реже.

Конечно, трудно было назвать то, как Сонни и я жили в то время, «богатством». Но мы были одно время по-настоящему счастливы и с голоду тоже не умирали. И нам трудно было бы объяснить Грише, что его «богатство» – за которое, к тому же, можно каждый день получить пулю в живот – нам, как говорится, «ни уму, ни сердцу». Да, я хотела бы тогда больше путешествовать. Но не ради же того, чтобы гонять со «своими» пьяными русскими «братками» на верблюдах по пустыне?! И не для посещения борделей с малолетними в Таиланде. Ну, а уж 2 машины, породистый пёс, сидящая дома жена и две квартиры нам были и вовсе ни к чему.

Вот только объяснить это таким, как Гриша, бесполезно. Даже и не пытайтесь. Он просто решит, что вы ему «завидуете». Я и не пыталась, когда поняла, что он все равно не поймет.

Но сколько же ненависти и фрустрации у таких, как он, по отношению к тем, кто «не такие», к тем, кого они неспособны – в силу своего уровня человеческого развития, понять!

За примерами далеко ходить не надо. Посмотрим хотя бы на страницы «новой русской прессы».

«Женщина, которой не было.

...Любовь Орлова играла молодую женщину, которая находит свою любовь и выходит замуж. Фата невесты в данном случае крайне пригодилась для чисто утилитарных целей. Еще лучше подошла бы чадра...

...Ну были же, были в те времена по-настоящему красивые и талантливые актрисы, почему единственной и неповторимой на все времена стала во всех смыслах средняя Любовь Петровна Орлова? ...У нее был честный взгляд, небольшой, но приятный голос, но абсолютно не было сексуальности... ..Казалось, что ниже талии у Орловой прямо-таки нет ничего, гладкое место. Напрягшись, ее можно было представить невестой, но первая брачная ночь не вырисовывалась ни под каким видом. Именно это и требовалось официальной звезде тридцатых Любове Орловой, так же, как и женщине с плаката «Родина-мать зовет!»³¹⁸.

Не правда ли, комментарии здесь излишни?

Я не говорю уже о том, сколько «писания кипятком» (пardon-с, но по-другому сказать трудно!) у этих Курилок до сих пор вызывает даже мертвый Владимир Ильич Ленин. Они не боятся опуститься до того, чтобы назвать его, тяжело больного после инсульта, «полным идиотом». Хотя их вовсе не смущает тот факт, что нашей страной столько лет правил и переизбирался на этот пост человек, который был именно таким вот «идиотом», да ещё по собственной вине – по пьянке... Они даже – я не сомневаюсь в этом! – голосовали за него. Потому что этот человек. – «один из них». Потому что это годы его правления дали возможность бездарностям и неучам «выйти в люди».

А вот Ленин им покоя не дает. Потому что они его не понимают – и боятся. До сих пор – до обмоченных брюк боятся.

Такие, как Гриша, даже не задумываются, что до сих пор полностью живут за счёт созданного нашими отцами и дедами. Ибо такие, как они,

³¹⁸ <http://www.kp.ru/articles/issue22731/paper14155.html>

Совьетика Часть 1

не создают ничего. От них ничего не остается в жизни, кроме роскошных гигантских памятников на кладбищах, почти не уступающих Медному Всаднику по размерам и слоникам на комодe – по мещанской безвкусице.

Один раз он все-таки «раскололся» – и сам выдал нам, в чем, собственно говоря, заключаются его фрустрации. Мы никогда не говорили с ним на тему учёбы и его плохой успеваемости в детстве. Но один раз он прямо-таки взорвался и с горячей ненавистью в голосе заговорил о «зубрилах»: тех, кто хорошо учился в школе, ибо, по его глубокому убеждению, этого невозможно достичь другим путем, кроме как зубрежкой.

- Посмотрите на них, где они теперь все, *инженеришки поганые!* И посмотрите на меня...

Я смотрела на него, глубоко пораженная. Да, мама говорила мне, что троечники нам «завидуют», но я никогда не осознавала, до какой глубины они травмированы этим своим детским школьным опытом. Ведь я никогда не делала различия между людьми по этому признаку, и моя лучшая школьная подруга Алла – далеко не отличница... Просто с большинством одноклассников мне было честно скучно – и не о чем говорить.

А они, бедняги, значит, все эти годы всерьез думали, что я с ними не общалась потому, что «задираю нос»? И теперь думают, что настало время их реванша за это?

- А что на тебя смотреть? Очень грустно. Ты и до сих пор живешь за счёт того, что создавали и пытаются продолжать создавать эти «инженеришки». В дверь скоро не будешь проходить. Ну и что? Счастлив ты от этого? , - сказала ему я.

В этот момент я окончательно призналась себе в том, на что столько времени пыталась закрывать глаза, - что от прежнего Гриши, доброго, милого и простого, готового прийти на помощь любому и в любую минуту, не осталось и следа. Передо мной сидел совершенно чужой мне человек. Эдакое Идолище Поганое. Настолько чужой, что если бы, не дай бог, началась гражданская война, и мы бы (а сомнений

у меня в этом нет!) оказались по разные стороны баррикады, а в моих руках оказалась бы винтовка, моя рука бы не дрогнула...

И мне стало грустно почти до слез. Где, в какой красивой сказке остался мой добрый, взрослый, сильный и красивый брат?... Какой монстр вселился в его оболочку? Когда, как это произошло?

Может быть будущие поколения извлекут маленький, но очень важный урок из этой моей истории? Не дразните тех, кто учится хуже вас, у кого рыжие волосы, кто страдает ещё какими-то недостатками. Трогательный, человечный Леонид Енгибаров сказал ещё очень давно «Не обижайте человека, люди! ... Вы его обидите, а вдруг это будущий Моцарт, - и он от обиды больше ничего не напишет...»

Конечно, Гриши – явно не Моцарты. Но, если бы никто не обижал их в детстве, они, возможно, и не стали бы так задираться.

Иногда, глядя на сегодняшнюю Россию, начинаешь поневоле задумываться: куда делись в нашей стране все грамотные, образованные, интеллектуальные, начитанные люди? Неужели можно за какие-то 10-15 лет так массово «отупеть»?

Все гораздо проще. Все эти люди были и пока ещё есть. Просто их места заняла *армия Григориев*, наконец-то «дорвавшаяся» до того, куда бы их при Советской власти не взяли, - нет, не по национальному признаку, а потому что они ПРОФЕССИОНАЛЬНО НЕПРИГОДНЫ к такой работе, за которую сейчас они взялись...

...Мы с Гришей продолжали и после этого общаться, ездили к нему на дачу, где Сонни очень понравилось, но делали обе стороны это, по моему, только исключительно ради последнего: я - потому что Сонни это нравилось, а Гриша - чтобы пустить «голландцу» пыль в глаза: мол, знай наших!

Тетя Женя тихо жаловалась на то, что друзья Гриши на даче прямо на улице устраивают «обмен партнершами»: «Ведь это же *унижение*-то какое для женщины!» - шепотом говорила она. Я-то ее понимала, а вот у голландок уже и слова такого нет в лексиконе...

Гриша, правда, в этих игрищах участия не принимал - у него были другие забавы: например, охота на волков на снегоходах, на которую он усиленно приглашал Сонни. У того хватило ума отказаться.

Через некоторое время, сидя дома на кухне, я услышала за окном то, чего сама не слышала у нас в стране еще никогда. Выстрелы.

Я подбежала к окну. Около здания банка напротив стоял мой *вальжный брателло* и стрелял от скуки по голубям. Дело было днем, вокруг ходили люди, бегали по улице дети. И все вели себя так, как будто все шло так, как и должно было идти. Никто не только не возмутился, как возмутилась я, а даже не удивился. Только тогда я начала наконец-то понимать, в какую же глубокую бездну рухнула моя страна, и во что на глазах превращается мой народ...

...Когда я уезжала из СССР, Гриша все еще был холостяком в свои 30 лет - помню, как все мы заранее жалели его будущую жену, о которой он уже тогда говорил:

- Мне нужна маленькая рабыня. Чтоб сидела на кухне, варила борщ и ни во что не вмешивалась!

Гриша недалеко ушел в этом плане от голландцев. С той только разницей, что он был более откровенным в выражении своих взглядов.

Когда я вернулась, он уже два или три года как был женат, и жена его, Кира, губастая блондинка из рязанской деревни, была именно такой. Она не тяготилась своей долей - ни во что не вмешиваться и сидеть дома ее вполне устраивало. Лишь бы ее содержали. Она не задавала ему вопросов и не просилась с ним ни в одну из его поездок «с пацанами» за рубеж. Она выгуливала его собаку и готовила ему обед. Грише повезло - он нашел именно то, что искал. Я бы разбила тарелку об его тупую голову на третий день после свадьбы! Детей у них, к огорчению тети Жени, все не было, но Кира успокаивала ее, что это дело наживное.

- Я у мамы тоже поздняя была.

А еще Кира рассказывала, как ей рассказывала ее деревенская бабушка, что их барин до революции был ну очень хороший. Даже разрешал в своем лесу дрова рубить.

- В своем лесу? Надо же, какой благодетель! - не выдержала я. - А он что, его сажал?

*«Старый барин все лето хворал,
А под утро велел долго жить.»*

*Старый барин зазря не орал,
Он старался народ ублажить.
Коли Пасха, так в доме кулич.
И подарок дадут дорогой.
Говорили о нем: наш Кузьмич,
А теперича барин другой.
Ой...
Ой, огурчики солены,
Ой, а жизнь пошла хреново,
Ой, налей-ка миленький,
Накатим по второй!
Помянем барина, ой,
Да спляшем барыню, ой,
Выпьем, закусим,
Да за жизнь поговорим «³¹⁹*

Наверно, Ельцина тоже вот такая бабушка с рабской психологией воспитала...

И такие же бабушки голосовали за него потом, в 1996 - как мотивировала свой «выбор сердцем» одна из них в автобусе:

- Ельцина-то американцы уже знают, значит, ему чаво-нибудь да дадут... а того, Зюганова, не знают. И не дадут ничаво.

И такие выборы лучше однопартийных? Интересно, чем?

Вот что не переставало меня поражать - ну откуда у нас взялись такие дремучие люди и, главное, где они все это время прятались? Почему я раньше с ними не сталкивалась? И как они умудрились остаться такими дремучими, когда у нас были все условия для развития? Не читали книг, не слушали радио (не радио России, конечно, а советское, с его операми и спектаклями, с его концертами классической музыки и «В рабочий полдень»)? Не смотрели «Международную панораму» с Каверзневым и Овсянниковым?

³¹⁹ песня «Любе»

«Документальный экран» с Робертом Рождественским? Чем же они все это время занимались?

Я и мои подруги ходили в те же самые школы, что и чеченские вахаббиты (почти все их лидеры были нашими ровесниками), что и Костя, не знающий, кто такой Че Гевара. *Как они умудрились стать такими, как они стали? В каком курятнике они все это время просидели?* Это было время, когда в жизни были открыты все пути к знаниям, а таких константинов мучило только, как Аллу Пугачеву, что им не разрешают произносить вслух слово «жопа»...

Дядя Толик тоже оказался из таких константинов. Советская власть дала ему **бесплатную** квартиру; работая, он получал **больше инженеров**, в которые так стремился зататарить своего сына; ему **бесплатно** несколько раз делали операцию на больных ногах; получил-таки **бесплатное** высшее образование, хоть и со второй попытки, его сын, все свое детство проходивший в **бесплатную** музыкалку... А теперь, на старости лет, дядя Толик сидел дома, посматривая западную порнушку и попивая импортное пиво с раками, купленное на деньги, полученные сыном *от рэкета* - и ругал коммунистов и советскую власть на чем свет стоит. Действительно, какие гады, а? Скрывали от него в свое время такую жизненно важную информацию, такой *пласт культуры*... И жить теперь стало настолько лучше – вы посмотрите только на его ломящийся от икры и красной рыбы стол!

Дядя Толик был уверен, что пиво, раки и икра куплены на его заслуженную пенсию - тетя Женя не стала говорить ему, что пенсию им не приносят вот уже 4 месяца, чтобы его не огорчать...

Ну не у всех же есть сыновья-*атаманы*, чтобы *прокормиться при торжестве демократии*...

В тот мой приезд домой таких дурачков у нас было еще хоть пруд пруди. Людей еще не охватило отчаяние: большинство продолжало еще верить, что они вот-вот, и выбьются в миллионеры, таская с одного угла на другой ящики с импортными «ножками Буша», и уедут загорать на Канары. «Раз-раз – и в дамки», как Яшка-артиллерист. Это таскание ящиков они гордо именовали не по-русски сконструированным словосочетанием «делать бизнес». Почти как

Санька Бровкина в книжке про Петра Первого с ее «Презанте моего младшего брата Артамошу» и «с куафер чистое наказание»:

«- Так я скучаю в Москве!.. Так бы и полетела за границу... У царицы Прасковьи Федоровны живет француз - учит политесу, он и меня учит. Он рассказывает! ... Каждую ночь вижу во сне, будто я в малиновой бостроге танцую минует, танцую лучше всех, голова кружится, кавалеры расступаются, и ко мне подходит король Людовик и подает мне розу... Так стало скушно в Москве.»³²⁰

Но и среди тех, кто работал по-настоящему, кто что-то еще производил, к моему удивлению, многие все еще не видели, куда катится жизнь. Люди жили сегодняшним днем, радовались, что удалось получить деньги со сдачи заводских помещений каким-нибудь таскателям «ножек Буша». Казалось, что все, кто мог что-то урвать для себя, урывали (хотя, конечно, это было не так) - не думая о последствиях не только для других, но в перспективе и для самих же себя. Эти люди стремились сбыть поскорее на Запад все, что можно - и по самым бросовым ценам, лишь бы успеть набить себе карманы. Но больше всех свободе – поднимать цены - радовались энергетики: «Живем - жрем от пуза!»

На удивление мне, в число не думающих о завтра попала даже моя собственная мама – видевшая насквозь, чего стоит Горбачев еще почти за 10 лет до этого и всегда хваставшая тем, что она, будучи Водолеем, предвидит будущее.

-Ничего, пока у нас Владислав Андреевич директор, завод не закроют. И меня никуда не выгонят.

- А потом? Владислав Андреевич тоже ведь уже человек немолодой...

- А он до последнего будет работать!

³²⁰ http://www.klassika.ru/read.html?proza/tolstoj_a/petr_i.txt&page=69

Владислав Андреевич был одним из так называемых «красных директоров».

...Советский Союз умирал долго, медленно, мучительно, страдая от подлости нанесенного ему в спину удара как от воспалившейся раны. И даже умирая, он продолжал излучать доброе, светлое, человеческое. Как Ева Сен-Клер, делающая перед смертью прощальные подарки тем, кто больше всего нуждался в человеческом тепле. И чем дальше от Москвы, тем дольше в нем теплилась жизнь. Еще работали колхозы, еще нельзя было торговать землей, еще можно было уцепиться за кусочек советской действительности, создать свой островок и какое-то время в ней продержаться. Кому-то это удавалось на несколько месяцев, кому-то - на несколько лет. Владислав Андреевич был личностью настолько сильной, что на нем одном его завод - и соответственно жизнь его рабочих - продержались еще почти 10 лет...

Вокруг закрывались заводы и фабрики, люди уходили в «челноки», в религию или в беспробудное пьянство - а Владислав Андреевич открывал у себя новые производства, строил для своих рабочих жилье, брал шефство над обедневшими музеями и над нашим многострадальным велотреком (он сам был большой болельщик!). У завода по-прежнему были детский клуб с 10 кружками, детский технический центр, мотоклуб, спортивные секции для работников завода, собственный заводской музей, народный театр, народный цирк, хор, два детских сада, детский оздоровительный лагерь, собственные стационар и поликлиника - и даже живой уголок в парке. В заводском клубе по-прежнему праздновались советские праздники и проводились встречи с ветеранами. Нуждающихся ветеранов завода кормили бесплатными горячими обедами в заводской столовой, ветеранам, живущим в частных домах, завод бесплатно предоставлял дрова и уголь зимой. Завод при нем взял шефство над колхозом, в котором было расположено его подсобное хозяйство. На заводские средства там были построены Дом культуры, торговый центр, новая школа, кафе, магазин. Во вновь построенных жилых домах были смонтированы водопровод и канализация, установлены газовые

плиты. Завод платил и зарплату учителя музыкальной школы, которого взяли на работу специально для сельских ребят.

Раньше все это было само собой разумеющимся - как воздух. Но сейчас, в самый разгар махрового ельцинизма, в эпоху АО МММ, Леней Голубковых и «Просто Марии», когда человек вдруг стал человеку волком, когда родители учили детей оттирать других людей локтями от прилавка в магазине, когда единственным новым, что открывалось у нас в городе, были бары, когда закрывались кинотеатры, а в оставшихся на экраны выплеснули такие помои мирового кинематографа, что оставалось лишь диву даваться - в какой это клоаке их только подобрали.... Сейчас все это именовалось «отрыжкой проклятого тоталитарного прошлого». А нам казалось, что все это волшебная сказка. А Владислав Андреевич – добрый волшебник, как Николай Владимирович Литвинов из детских радиопередач. Да, маме здорово повезло с таким директором!

Он прошел весь рабочий путь от начала и до конца - от ученика слесаря до директора завода. Директором он был целых 25 лет. Он всегда был и оставался коммунистом - и до перестройки, и после. Он никогда не принадлежал к числу болтунов -перевертышей. В перестроечные и особенно первые ельцинские годы его несколько раз пытались «выбить из седла»- обвиняя в том, что он *нереформированный коммунист*. Но его отстаивали рабочие его же завода, глубоко его уважавшие: они продолжали переизбирать его в совет директоров несмотря на все нападки власть придержащих. И он не подвел их.

Беда была в том, что его дело было некому продолжать и развивать. У людей было подспудное чувство, что стоит только немножко продержаться на плаву - а там и помощь подоспеет, что такой откровенный грабеж и маразм, который происходил вокруг нас, не могут продолжаться вечно, что народ опомнится и поднимется в защиту отбираемых у него с каждым днем прав... Но время шло, прав становилось все меньше, Владиславы Андреевичи становились все старше - а люди все не поднимались в защиту своих прав. Потому, что они перестали осознавать себя народом.... И Советский Союз тихо догорал, как угасающая свеча - вместе с жизнями Владислава Андреевича и таких, как он. Вот вам и роль личности в истории...

...На своем заводе Сонни быстро сделал все, что мог. Старые инженеры не знали, чем его еще занять, к тому же у них была своя работа, которую надо было делать. Мы договорились, что они дадут ему чертежи изобретенной ими ветряной турбины, а он уже сам обработает их и внесет в них какие-нибудь усовершенствования - для включения в свой доклад по практике. Никто, естественно, не требовал с него никакого копирайта: мы - культурные люди, а не крохоборы.

Сонни мог теперь спокойно заниматься дома - и посмотреть, наконец, Москву и другие города, о чем он очень мечтал.

Теперь практика предстояла мне - для моей учебы в университете. Мне предстояло создать макет курса русского языка для иностранцев.

Собственно говоря, у меня на курсе практика была не обязательной. Но я решила совместить приятное с полезным - и сама вызвалась ее себе устроить.

В местном пединституте, где когда-то из иностранцев учились только кубинцы да болгары, тоже многое изменилось. Открылся - не знаю, с какого боку-припеку, но открылся - медицинский факультет, и на него завезли целую группу камерунцев.

Раньше камерунцы как раз не приезжали учиться в СССР - Камерун не был страной социалистической ориентации. Но теперь обучение иностранных студентов тоже перешло на хозрасчет, а для камерунцев учиться в России было несравненно дешевле, чем во Франции. Образование к тому же все еще было качественным: получив его, подавляющая часть камерунцев не возвращалась домой, а уезжала во Францию, где сразу же находила работу во французской системе здравоохранения. Платили им, естественно, намного меньше, чем французам. Но они радовались и тому. Обучение в России стало не средством приобрести знания, чтобы помогать своему народу, а билетом на Запад...

Меня прикрепили к группе таких камерунцев: 12 парней и одна девушка. Со странным именем Дельфин. Когда мои новые ученики узнали, что мой муж - чернокожий, их восторгу не было предела! Сонни был принят ими не просто как свой - на него еще и поглядывали с уважением как на «своего человека с Запада»!

Вскоре все 12 пожаловали к нам в гости. Наш двор хотя уже и привык к моим экзотическим гостям, такого еще не видывал, старушки-

соседки поглядывали в щелки в занавесках, а дворовые дети бежали за камерунцами и вопили что-то про джунгли.

- Да... ну ты даешь!- только и сказала мне мама и побежала ставить на плиту котелок с картошкой и чайник. Тортик камерунцы принесли с собой.

Изо всех 12 особенно мы подружились с Дельфин и с ее другом Мишелем. Мишель, красивый и умный парень, метил в ординатуру, но все равно собирался потом уехать во Францию. На Сонни он смотрел с открытым от восторга ртом, даже походке его старался подражать. У них вообще было много общего: с Дельфин он обращался почти так же, как Сонни со мной – тоже постоянно внушал ей, что она «глупая», что без него она «ни на что не способна», и так далее. Дельфин ссорилась с ним, уходила от него, он ее преследовал, клялся, что изменится и что он ее любит, и все повторялось с начала... Никогда не пойму, зачем это умным и симпатичным-то людям нужно таким образом самоутверждаться – унижая и мучая других.

...Я искала следы СССР повсюду. Я радовалась, когда я их находила. Это давало мне надежду на то, что мир не сошел с ума.

Когда мы с Сонни поехали в Москву, он радовался поездке, а я - нет, потому что Москва стала чужой для меня, *оккупированной территорией*. Это был не Советский Союз, не Европа и даже не Россия - это был какой-то автономный *гламурный гадюшник со всеми удобствами*, исправить уродливое, бесчеловечное лицо которого не помог бы никакой евроремонт. Я смотрела на вроде бы знакомые улицы и вроде бы знакомых людей - и радовалась, что я не осталась в свое время здесь жить и работать. Когда с мерзостью жизни сталкиваешься в совершенно чужой стране, такой, как Голландия, например, это не ранит так, как в стране твоей собственной, которая тебе не безразлична. Люди в Москве проходили с полным безразличием мимо любого проявления человеческого несчастья. Побирались таджикские дети - школьного возраста, не ходящие в школу, неграмотные (это в стране, которая еще совсем недавно была страной всеобщей грамотности и самой читающей страной в мире!), старики застенчиво распродавали в подземных переходах все, что у них еще оставалось и на костылях просили милостыни, как во времена

какого-нибудь Бориса Годунова, какой-то *добрый молодец* зазывал публику в местный бар на «незабываемое эротическое шоу». В воздухе висело ощущение гнусности и грязи. Здесь можно было упасть на улице без чувств - и эти *молодцы и девицы* перешагнули бы через тебя и пошли бы дальше, не моргнув, как роботы.

Я вспомнила, как когда-то мы с дедушкой ходили в гости к тете Жене и дяде Толику. Мне было лет 15 - Гриша как раз был в армии, а к тете Жене приехали в гости белорусские родичи, и мы решили это у нее отметить. На обратном пути подвыпивший дедушка поскользнулся, я не удержала его под локоть, и он упал, ударившись головой о лед, и потерял сознание. Я стояла над ним, а он не подавал признаков жизни, и я не знала, что делать. Из глаз у меня брызнули слезы. Ко мне тут же подскочила полная пожилая женщина и, не спрашивая меня, что случилось, начала помогать мне приводить дедушку в чувство. Когда он наконец очнулся, она так же спокойно помогла мне довести его до трамвая и оставила нас только посадив в него и убедившись, что мы оба в полном порядке.

Эта женщина была «совок» «с рабским менталитетом». А передо мной были готовые идти по трупам за *баксами* «цивилизованные свободные личности»...

Я смотрела на вроде бы знакомый, но совсем чужой мне город - и мне вспоминалась песня из фильма «Чародеи»:

*«Только мне не нужен, слышишь, мне совсем не нужен
Мир, в котором люди друг другу не нужны.»*

И никакая яхта, никакой вертолет, никакая- будь то иностранная или отечественная- футбольная команда не заменят мне человеческое тепло наших, советских людей.

...В Москву мы с Сонни поехали еще и встретиться с его однокурсником- голландцем по имени Шак (Шак - это голландская версия французского имени Жак), который в это время проходил практику там в Баумановке. Шак должен был освободиться только к середине дня, и я пока пыталась дозвониться хоть до кого-то из своих друзей и знакомых. Анечка лежала в больнице с аппендицитом. В Москве оказался Алекс, Любин муж - тот самый, который еще недавно

был латышским националистом. Он жил у каких-то дальних родственников, но те были в это время на даче. Правда, днем Алекс работал, но нам очень обрадовался и сказал, что мы даже можем у него переночевать. На том и порешили. Других никого не было дома.

Я решила показать Сонни свою альма-матер, тем более, что Красная площадь была совсем рядом (не говоря уже о ГУМе, который Сонни должен был очень заинтересовать).

Меня шокировало, что в дверях стоял вооруженный охранник - интересно, что же и от кого здесь было охранять? Чай, не банк и не особняк дочки Ельцина. Правда, документы он у нас не спросил, но на душе стало очень неприятно. Мне никогда не нравилось жить под бдительным оком вахтерш в общежитии, но чтобы *учиться под охраной человека с ружьем* - это уж было слишком! Значит, у нас теперь есть свобода, как меня уверяют голландцы? Бедняги, они и понятия о настоящей свободе не имеют...

Внутри здания мало что изменилось, разве что снимали со стенок парткомовские стенды. Их место заняла реклама. Реклама - в стенах храма науки!

Из дверей выпорхнула стайка смеющихся молодых людей и девушек под предводительством одного нашего преподавателя, которого я знала только шапочно (он вел семинары в соседней группе). Но я все равно обрадовалась, увидев знакомое лицо - и еще больше обрадовалась, увидев в этой толпе, как мне показалось, Верочку из Усть Каменогорска.

- Верочка! - окликнула я ее.

Девушка обернулась, и я увидела ее надменное лицо.

- Вы за кого меня принимаете? - сказала она высокомерно.

- За Веру... - и я назвала Верину русскую фамилию.

Девушка окинула меня с головы до ног презрительным взглядом как королева служанку:

- Я вообще *другого происхождения!*

Ее спутники, включая нашего преподавателя, который тоже был «другого происхождения», засмеялись. Я посмотрела на всю компанию с нескрываемым удивлением. Я ведь ничего не говорила ни про чье происхождение. Никого не обижала. Просто ошиблась, потому что эта девушка была похожа на мою подругу. Зачем же хамить-то? Всего несколько лет назад эти же люди сами из кожи лезли вон, чтобы их считали русскими - хотя большинству из нас было совершенно безразлично, кто они там по паспорту. А теперь, значит, им в голову ударили расистские закидоны о мнимой собственной избранности? А я-то еще не верила, когда мне рассказывали подобные вещи...

Москва становилась мне все омерзительнее.

...Красная площадь действительно произвела на Сонни впечатление, а вот ГУМ - нет. Дело не только в том, что в Москве были астрономические по сравнению с моим городом цены, но и в том, что Сонни настроился на покупку чего-нибудь настоящего русского - и не балалайки за 200 долларов и не поддельной офицерской ушанки, которыми «деловые люди» завалили западные блошинные рынки, а просто какой-нибудь обыкновенной добротной вещи, сделанной у нас - каких было множество в том же ГУМе всего только несколько лет назад.

Но теперь в Москве невозможно было найти ничего, произведенного в России - совершенно ничего. Даже местные продукты питания были редкостью - хотя у нас в городе было полно белорусских. Причем московские продавцы этим даже гордились, как петухи- наперебой предлагая Сонни то, что ему и в Голландии-то купить не захотелось бы. Голландский *kaasschaf* ³²¹ здесь продавали как «лопаточку для переворачивания блинов». Когда мы объяснили продавщице, что это *сырорезка*, она очень удивилась:

- Ой, а покажите, как ею пользоваться, а?

Мы показали.

³²¹ сырорезка (голл.)

Но когда один торговец спиртным попытался всучить нам бутылку названного в честь Сонниного родного острова ликера, называя его «Блю Курако», с ударением на «а» - и настаивая на том, что тот именно так и называется, Сонни не выдержал:

- Кю-ра-сао! Кю-ра-сао! Я, - ткнул он себя пальцем в грудь, - Я оттуда родом, я там родился, понимаешь? А ты мне будешь говорить, как мой остров называется! Научись правильно произносить прежде чем продавать, болван!

Еле я его оттуда увела...

Тем временем уже освободился Шак. Встретил он нас не один, а в компании своего российского руководителя практики - пожилого профессора.

- Ребята, я узнал от Шака, что карибский товарищ (*да-да, он так и сказал: товарищ!*) впервые в Москве и подумал: может быть, я смогу вам ее показать? - предложил он.

Я даже растерялась. Не ожидала такого.

- Как насчет Новодевичьего монастыря?

На Новодевичьем кладбище я была всего только раз: туда не так-то просто было попасть, если там не были похоронены твои родственники. Мне запомнилась тогда заброшенная, заросшая могила южноафриканского коммуниста, умершего в Москве, за которой, судя по ее состоянию, уже давно никто не ухаживал. Я с возмущением рассказала об этом Элеоноре Алексеевне.

- Неужели Институт Африки не может навести там порядок? Я сама на субботник пойду, лишь бы меня туда пустили!

Элеонора Алексеевна поохала-поахала, согласилась со мной, что это безобразие и пообещала довести мои слова до сведения институтского начальства. Но ничего там после этого не изменилось - разве до могилы какого-то там африканского коммуниста было

захваченным батальями на Первом съезде народных депутатов и тем, что институту наконец-то выделили земельные участки под дачи?...

...Мы пошли по городу пешком, и Николай Сергеевич - так звали профессора- начал свой рассказ. Я, историк, заслушалась - столько всего знал о своем родном городе этот профессор-физик! Он так и сыпал датами, именами, интересными случаями и даже с вдохновением читал наизусть стихи. Он был знаком не только с историей, но и с архитектурой, литературой и даже с ботаникой – и причем со всем этим, казалось, в равной степени!

Николай Сергеевич словно не замечал всей *пены из Маяковского*, заполнившей московские улицы. Он рассказывал о Москве так, будто она оставалась прежней - *кипучей, могучей, никем не победимой*, а не превратилась в один гигантский рекламный стенд для чужой продукции, за которым прятались бордели, бутики и казино. Чем больше я слушала его, тем быстрее расходились у меня в душе нагнанные всем увиденным и услышанным в тот день в столице тучи.

Вот он - советский человек, настоящий, живой, интеллектуальный, пыливый, всем интересующийся, знающий то, о чем он ведет речь, досконально, а не так, как «профессионал западного типа»: лишь «от» и «до», пытаюсь тем не менее нахраписто рассуждать о сферах, в которых он ноль без палочки. Наш, советский интеллигент доперестроечного образца - настоящий энциклопедист!

Я даже боялась, что недостаточно хорошо переведу для Сонни все то, что он говорил. (Шак уже неплохо понимал по-русски.)

Мы набродились по городу так, что гудели ноги. И Николай Сергеевич позвал нас к себе на чай. Жил он в одном из знаменитых сталинских домов на набережной -я еще никогда не бывала внутри них. В этих домах жили люди, которых называли советской элитой - ученые, режиссеры, художники, дипломаты. Люди, добившиеся того, чего они достигли в жизни, своим трудом, а не ограблением других, не обманом и не с кем-нибудь переспав.

Квартира нашего нового знакомого поразила нас изумительным видом на Москву-реку и... удивительной скромностью обстановки. Все вокруг было завалено книгами. Кран на кухне подтекал, бачок в ванной работал с трудом, старенькая мебель была покрыта пылью. Раз в

неделю к профессору приходила дочь с внуком, делавшая у него уборку. А сам он просто витал в других сферах.

Мне это было знакомо по себе. Конечно, я не претендую на энциклопедические знания. Но у меня тоже вполне может подгореть на кухне картошка, потому что голова моя занята проблемами другого масштаба: кто победит на предстоящих выборах на Ямайке или каково сегодня положение с транспортом на Кубе. Сонни не понимал этого. Сеньор Артуро не понимал этого. Когда я начала писать дипломную работу и периодически забывала из-за этого вымыть кастрюлю сразу после обеда, он совершенно серьезно говорил мне: «Разве ты не могла *написать ее за выходные?*»

Сонни окинул взглядом выдавшую виды мебель и невзрачнейшие занавески - и по его взгляду я поняла, что шкаф- Гриша произвел на него гораздо большее впечатление, чем профессор. Чем дальше, тем все сильнее я чувствовала, как мало у нас с Сонни общего. А мне так хотелось, чтобы он *понял, как мы жили раньше*, понял, по чему я теперь так тоскую, понял - и оценил бы...

К капиталистическому обществу и его ценностям у меня оказался прочный иммунитет : реклама, как я уже упоминала, на меня не действовала совершенно и только вызывала у меня раздражение – да такое, что я часто *переставала* покупать именно то, что особенно сильно рекламировалось. Больше всего меня возмущала реклама женских прокладок и тому подобных вещей. Когда я ее впервые увидела, у меня горели уши: личное, интимное, о чем у нас никогда в присутствии мужчин не говорилось, нагло выплескивалось на всеобщее обозрение! И зачем? Ведь это такая вещь, которую все равно купят! Не автомобиль, не диван, не страховка от пожара. У меня было такое чувство, словно меня лично публично раздели. Я дала себе слово никогда не покупать ни один из рекламируемых по телевизору *брендов* этого предмета. И пусть аятоллы от либерализма не говорят мне «не хочешь - не смотри!». Как будто бы тебя предупреждают на экране заранее, когда врубают ее в середине хорошего фильма! К слову, я была не одинока даже в *толерантом обществе* в своем отвращении к подобного рода вторжению в личную сферу: многие мои голландские знакомые обоих полов как только на экране появляются прокладки, неважно, *с крылышками или без*, моментально переключают телевизор на другой канал. Но

толерантное общество упрямо продолжает навязывать нам свое свинство.

В отличие от Сонни, мне не хотелось стать миллионером. *Бренды* были для меня пустым звуком (помню, как он отчаивался, посылая меня в магазин с наказом купить, например, Pringles³²². «А что это?»- с недоумением переспрашивала я: надо же знать, что это такое, чтобы знать, на какой полке в магазине его искать!). И, как он ни старался, мне ну ни капельки не хотелось «начать собственное дело». *Дела начинают* в уголовном розыске, а не в своей жизни!

Сама идея просто была для меня совершенно непривлекательна. Видела я таких бизнесменов по экспорту/ импорту, вроде его приятеля Венсли: с кучей красивых визитных карточек, периодически скрывающихся от налоговой полиции, периодически меняющих название своей шарашкиной конторы, гордо именуемой как-нибудь экзотическим словом и периодически объявляемых банкротами...

Почему я непременно должна хотеть иметь собственный магазин/ресторан/топчан для чистки обуви – «добровольно, но в обязательном порядке»? С какой это стати считается чуть ли не неприличным этого не хотеть? Разве все на свете обязаны хотеть играть на скрипке? Разве всем позарез необходимо научиться вышиванию крестиком? Точно так же и с вашим «бизнесом»...

Но, как я уже сказала, ощущение того, как же мало у нас с Сонни общего, все углублялось, и я решила, что надо будет как-нибудь с ним об этом поговорить. В спокойном тоне, конечно. Что-то надо с этим делать. Чувство счастья, бывшее у меня несмотря на все перипетии и трудности в первые два года нашего брака, после возвращения с Кюрасао быстро начало тускнеть...Депрессия приходила и уходила, словно морской прилив и отлив, а вот чувство счастья однажды ушло и с тех пор так больше и не возвращалось.... Но я не знала – может быть, это нормально? Может быть, так и полагается в браке?

...От Николая Сергеевича мы поехали к Алексу. Алекс у нас был из тех, кто поддержал перестройку, поэтому я и не намеревалась

³²² марка чипсов.

делиться с ним своими чувствами по поводу того, что я думаю о происходящем в нашей стране. Какой смысл?

Алекс встретил нас радостно. Мы говорили о бывших институтских друзьях - кто сейчас где, кто чем занимается. Сам Алекс, дипломированный документовед, чем-то торговал. И с гордостью показывал нам имеющиеся у него акции АО «МММ», которые, по его словам, должны были принести ему баснословные доходы. Я только бровями повела. Но Алекс не заметил этого. Он уже ругал на чем свет стоит своих бывших соотечественников -латышей, за независимость которых он так недавно сам выступал. Несмотря на то, что он родился в Риге и свободно говорил по-латышски с детства, а в паспорте у него на латышский манер было записано «Алексейс Курбатовс», своим его они так и не сочли...

Покончив с латышами, Алекс перешел на рассказ о том, как они с Любой поучаствовали в Москве в телевизионном ток-шоу. Все началось с того, что Люба увидела в газете объявление: для участия в ток-шоу требуются семейные пары, у которых нетрадиционные представления о семейной жизни. Люба посоветовалась по телефону с Алексом (она жила у себя под Курском, он - в Москве, и виделись они 2 раза в год), и они решили подать заявку на участие. Их *нетрадиционность* заключалась в том, что они не требовали друг от друга верности и не спрашивали друг друга, кто как жил те полгода, что они друг друга не видели.

На ток-шоу на Любу стали нападать и стыдить ее. Она у нас девушка упрямая: если ей сказать, что дважды два - четыре, она непременно ответит, что восемь, и Любу понесло... «Бросая вызов толпе», она наговорила там такого! И только уже приехав домой и начав смотреть передачу, с ужасом осознала, что смотрит ее не только она сама, но и все ее родные, знакомые и коллеги по работе...

- Любка потом месяц на улицу без темных очков не выходила!- хохотал Алекс, - Мне-то проще, мои предки теперь в Германии, брат- в Израиле. Мне даже понравилось, когда меня на улице узнавали.

Мы засиделись у него допоздна. Но я все равно хорошо выспалась - потому что не надо было ночью вставать к Лизе. Хорошо, что мама взяла на два дня отгулы!...

Мы съездили потом еще в несколько окрестных городов- в нашей области. На автобусе. Так что это неправда, что я с Сонни в России

«никуда не ездила». Маленькие провинциальные городки нам обоим были намного приятнее, чем Москва, хотя и по разным причинам: мне - потому, что там мне казалось, что жизнь осталась прежней, там было намного больше остатков социализма, а Сонни - потому, что там еще можно было купить что-то сделанное в самой России. Причем чем дальше от Москвы, тем более интересные и хорошие российские вещи можно еще было найти в магазинах. (Например, наши отечественные, а не китайские игрушки для Лизы. Или фотообои с настоящим русским пейзажем, а не с пальмами.) И каждую следующую нашу поездку в Россию надо было уезжать для этого от Москвы все дальше и дальше и дальше...

Самым нашим любимым городом в России стала Калуга, с ее вздымающейся в небо серебряной ракетой у музея Циолковского на обрывистом берегу Оки, с которого открывался щемящий мне сердце такой родной, такой русский пейзаж...

А что щемило у Сонни, не знаю. И не потому, что это была моя страна, а не его. Просто он считал патриотизм и любовь к Родине пустыми словами и глупостью. Он сам мне об этом говорил. Несмотря на то, что возмущался, когда его остров называли «Курако»...

...Когда мы вернулись из Москвы, мама радостно сообщила нам, что Лиза вчера сделала свои первые шаги. В нашем городском парке.

Лизу в городе за свою принимали все цыгане.

- Это вы нашу девочку украли!- говорили они нам. И многие русские наши земляки тоже думали, что ее папа цыган - пока его не видели! -, потому что не могли себе представить никого темнее.

Владислав Андреевич же величал ее «Дружба Народов»:

- Надежда Ильинична, как там Ваша Дружба Народов поживает?

Лиза была кудрявая, толстощекая, смуглая до черноты, с миндалевидными грустными индейскими глазами. Очень серьезное ее личико время от времени неожиданно становилось настолько же озорным и лукавым. Она была ребенком очень музыкальным - и очень впечатлительным. Когда по телевизору показывали какой-то фильм с

Пьером Ришаром, где его герою угрожал злодей, Лиза, игравшая у телевизора и, казалось, его не замечавшая, вдруг издала пронзительный вопль, схватила свой водный пистолет и, размахивая им в одной руке и сжатым кулачком другой руки помчалась к телевизору - за Ришара заступаться.

В те выходные мы впервые повезли ее к прабабушке - моей бабушке Стенке, которую я сама не видела уже лет 20. Мой отец заехал за нами с утра на своих «Жигулях» вместе с братьями. Наступало лето, и уже было жарко.

- А он что, сам поведет?- схватилась за сердце мама. - Помню, как он права себе оформлял, еще в 69-м...Поставил ящик пива начальнику ГАИ. Я бы на твоём месте лучше на автобусе поехала!

Но я уже давно привыкла к тому, каким тоном она про отца говорит, и не испугалась.

- Ничего, мы как-нибудь... Тут же ехать минут сорок, не больше.

- Скажи ему, чтоб помедленнее ехал!- кричала мама нам вслед, когда мы спускались по лестнице.

Я волновалась - после всех маминих рассказов о том, какая моя бабушка лгунья и «злодейка». Я вспомнила, как не любила встречаться с ней, будучи маленькой. Как-то мы воспримем друг друга теперь?

Бабушкин дом я помнила очень смутно, но когда увидела, то сразу узнала - и палисадник, и цветы, и вишневые деревья. Бабушкиной была только половина дома, в другой половине жили ее соседи, у которых был свой, отдельный вход и сад. Жила она в небольшом поселке, откуда до города ходил трамвай-одноколейка и автобусы. В поселке был кинотеатр, несколько клубов и магазинов, школа, детские сады, санаторий с грязевыми ваннами - и большой металлургический комбинат. Когда мой украинский дедушка был жив, он работал на этом комбинате- шофером у директора, с которым они вместе прошли всю войну. Когда со стороны комбината дул ветер, воздух в поселке был непереносимо вонючий. А так поселок был очень даже симпатичный.

Совьетика Часть 1

Бабушка уже ждала нас на крыльце, и стол у нее уже был, как и полагается, накрыт. Она почти не изменилась, только поправилась немного, и поседели ее волосы. Говорила она по-прежнему с тем же сладким, певучим южным акцентом и первое, что сделала, поздоровавшись, - это расцеловала нас всех троих.

- Это моя правнучка!- с гордостью подняла она Лизу на руки, показывая ее соседям. Разве плохой человек стал бы гордиться правнучкой-мулаткой?- подумалось мне.

...Через 5 минут Сонни уже уплетал за обе щеки приготовленные бабушкой яства: вареники, вишневый компот, обжаренную целиком в сметане вареную картошку и курицу (а это точно не кролик?..). И все нахваливал. По маминим рассказам я представляла себе бабушку белоручкой- неумехой и потому была удивлена, насколько вкусно оказалось приготовленное ею. Но когда я рассказала об этом вечером маме, мама только фыркнула:

- Небось, кого-нибудь попросила за нее приготовить!

Нет, моя мама неисправима...

... Я сидела у бабушки, потихоньку пьянела от самодельного фруктового вина, и мне делалось грустно. Она только что сказала мне одну вещь - хотя я совсем ни о чем ее не спрашивала.

- Женечка, неважно, что там произошло между твоими родителями, мы-то все равно родные!

А ведь я столько лет не видела ее - и была этому чуть ли не рада... А ведь я по сути совсем не знаю ее - мамин рассказы не в счет!- а деда Петро теперь уже и никогда не узнаю...А ведь я так легко отрекалась от них – так же, как от своей страны!

На стене висел старый портрет молодого красивого советского офицера.

- А это кто? - спросила я.

- А это твой дедушка Коля Степанов. Который погиб на войне. Отец твоего отца.

И тогда я почувствовала, как по моим щекам катятся слезы. Я впервые увидела его портрет. Мама говорила мне, что мой отец - чуть ли не «сын полка», что бабушка сама толком не знает, от кого она его родила...Конечно, и теперь она скажет мне, что бабушка просто повесила на стенку первую попавшуюся красивую фотографию. Но я смотрела на незнакомого парня на фото - и видела отцовские скулы, лоб и уши. Видела, с какой любовью бабушка смотрит на него. И начинала осознавать, что я, оказывается, совсем не та, кем я себя всю свою жизнь знала. Точнее, сама-то я та, но я чувствовала себя из-за происхождения бабушки и другого дедушки чуть ли не украинкой, даже искала в себе еще что-то более экзотическое, а оказывается, я самая что ни на есть волжанка... «Энзы-брэнзы, я из Пензы»... Спокойные славянские глаза дедушки Коли с интересом смотрели на меня.

А Сонни смотрел на меня с другой стороны - и думал, что это я просто *перебрала лишку*...

На обратном пути я упросила отца завезти нас на речку- туда, куда мы с дедушкой Ильей в свое время ходили купаться. Там я не была уже лет 15, не меньше. Но мне очень хотелось убедиться, что хотя бы там-то все на месте и все в порядке...Кому из реформаторов могли помешать мостки для купальщиков на речке?!

...Мы с дедушкой обычно выходили из дома часов в десять и на трамвае ехали в центр. Там мы садились на пригородный автобус, про себя молясь, чтобы он не был забит до отказа - ведь купаться в жаркую погоду хотелось не нам одним! Вся дорога занимала не больше часа. Мы выходили за пару остановок от речки и шли пешком вдоль дороги - по узкой заасфальтированной тропинке, то вверх, то вниз по склону. Под гогот гусей и куриное кудахтанье. Дома здесь стояли вперемежку с дачами, и я белой завистью завидовала тем, кто здесь жил. Да я на их месте бы из речки так и не вылезала все лето!

Перед самым мостом через речку была булочная, где дедушка покупал мне засахаренную плюшку. А перед булочной стояла бочка с пивом, где он покупал себе кружечку. Потом мы сворачивали перед

мостом направо и шли вдоль извилистого, почти баранкой берега реки пока не доходили до «нашего» мостка. У меня было на речке свое, строго определенное любимое место, и я ни за что не стала бы купаться в другом. Мостки представляли собой длинный выступающий в реку деревянный настил на понтоне, заканчивающийся спускающимися в воду тремя лесенками. Я обожала зайти в воду по шею и так и остаться висеть на их перилах, прыгая на ступеньках. А дедушка больше сидел на берегу в своих черных «семейных» трусах - и только под конец дня делал 1-2 заплыва - не как я, вдоль берега, а на самую середину реки...

В школе нас учили плавать в бассейне, но это было совсем не то. Вода в бассейне пахла хлоркой, а потом у меня и вообще пропала всякая охота туда ходить - после того, как тренер, сняв с нас плавательные пояса, запустил нас в воду, и мы, такие гордые, в первый раз в жизни поплыли, а он начал бить каким-то багром по воде, чуть ли не по нашим головам - потому что мы поплыли *не сразу стилем*, а по-собачьи...

А река.. вода в реке была сладкая, мягкая. Купаться там можно было целых два месяца - июнь и июль. В августе тоже еще можно, но тогда вода начинала «зацветать» и становилась неприятно зеленой от водорослей. Вдоль берега плавали по воде, словно по льду на коньках водомерки. Рыбы я в этой реке никогда не видела. Зато над ней летали стрекозы, а по реке катались на взятых напрокат лодках многочисленные отдыхающие. Если по реке проходил катер или моторка, то мы, дети, все галопом бежали в воду - успеть попрыгать вместе с волнами.

- Не хочешь искупнуться? - толкнула я локтем Сонни. Он уставился на меня так, словно я сказала что-то неприличное: он совершенно не представлял себе, как это можно купаться в реке? На Кюрасао нет рек, а в Европе они в таком состоянии, что подобная мысль действительно отдавала бы склонностью к самоубийству...

Из-за поворота открылись наконец мостки, и... Я не удержалась и вслух ахнула. Перестройка докатилась и сюда. А точнее, до мостков добрались не в меру предприимчивые сборщики металла... Перила и лестницы были выдраны с мясом, да и сами мостки уже кто-то начал разбирать на дрова.

Отправляясь домой, как я уже говорила, я мечтала, как Сонни узнает, полюбит и оценит то, что было так дорого мне. Как он лучше сможет меня понять после этой поездки. Но Сонни смотрел на все это и, наверно, думал, что я рассказываю ему о прошлом сказки. Потому что очень трудно было представить себе, насколько же все было другим. Все, все, что было мне так дорого, оказалось загажено, разломано или распродано...

Когда мы вернулись домой, я чувствовала себя подавленно. На перекрестке нашей улицы с центральной Сонни неожиданно остановился: услышал английскую речь. Это оказался какой-то американский сектант-проповедник, который приехал обращать в свою веру моих земляков. При нем была с обожанием смотрящая на него переводчица.

- Американец!- шепнул мне Сонни таким тоном, словно перед ним был сам Михаил Архангел. Так их воспитывают у них на острове: голландцев они (справедливо) не любят, а перед американцами на задних лапках стоят!

- Ну и что?- я с негодованием отвернулась. Пока Сонни наслаждался беседой с заморским *вешателем на уши лапши*, я молчала: сказать ему ничего хорошего я не могла, а сказать плохое не хотела из уважения к Сонни. Но, будучи типичным представителем своей нации, американец не мог потерпеть, что на него не обращают внимания! Тем более после того, как он настолько привык к благоговейшим перед ним переводчицам...

- А Вы чего же молчите? Наверно, Вы очень стеснительная?- обратился он ко мне развязно-покровительственным тоном.

Я почувствовала, как у меня краснеет перед глазами от гнева. Этот говнюк будет еще мне в моем родном городе указывать, должна я молчать или не молчать! *«Где дорога на Москву? Я хочу арбуз.... я хочу бритвенные ножики...»*³²³ - всплыло услужливо в памяти.

³²³ фразы из русского разговорника для американских солдат, изданного в начале 80-х годов.

Советика Часть 1

- Да нет, - сказала я спокойно, - Чего мне стесняться? Я у себя дома. Я не езжу по другим странам специально чтобы облапошивать людей.

И почувствовала, как теперь уже Сонни наливается гневом. А американец - страхом, смешанным с ненавистью. Им ведь только пальчик покажи - они уже кричат «спасите, террористы!»

- Пойдем домой, Сонни, - сказала я, - А то, мне кажется, мистеру нехорошо стало...

...Через несколько дней мама начала собираться в Москву на соревнования в Крылатском. А еще через неделю Володя Зелинский должен был приехать к нам в город на его Большой приз.

Я была очень предстоящим свиданием смущена. Дело в том, что я еще не сообщала Володе о своем замужестве - вернее, просила маму ему об этом не говорить. Не могла собраться с духом - не знаю, почему. За пару месяцев до свадьбы, когда Сонни уже сделал мне предложение, и я пребывала в смятении духа, я решилась на отчаянный шаг: послала Володе письмо, в котором прямым текстом сказала ему, что он мне нравится (между нами, он был последним идиотом, если к тому времени еще сам этого не понял!), и что если я ему тоже немного не безразлична (не более того!), пусть он мне пришлет открытку. Не нужно об этом писать, просто обычную открытку-с приветом и «как живешь?»...Я же видела, что мое внимание ему приятно, и что оно помогло ему добиться выдающихся успехов в его спортивной карьере. Разве оно повлияло бы на Володю так, если бы я была неприятна ему? – так говорила я себе.

С замиранием сердца отправила я свое наивное письмо и стала ждать... Но так ничего и не дождалась. Ни строчки, за все эти годы. Что ж, кажется, теперь все было ясно, и замуж я выходила вроде бы со спокойным сердцем. А вот все равно не могла решиться на то, чтобы рассказать ему об этом.

Заметили, что во всех романтических фильмах и книгах герои или героиня всегда одиноки и свободны? Даже Шерлок Холмс. Чтобы не испортить рассказ. Так и мне - хотелось продлить ту красивую сказку в

моем воображении, хоть ненадолго... Но затянулась она на целых 5 лет. Конечно, надо было сделать это раньше...

Все это время я следила при помощи маминых писем за Володиными успехами. Я знала, что он стал последним чемпионом СССР. Что благодаря маминему директору Владиславу Андреевичу старый трек ожил, а с Володей завод недавно подписал контракт, став его спонсором. Познакомила Владислава Андреевича с Володей моя мама.

Володя подписал этот контракт в основном из-за своих родителей: они были вынуждены уехать из дудаевской Чечни, где назревала война. Продав квартиру в самом центре Грозного, где они прожили всю жизнь, оставив навсегда могилу дедушки, уже немолодые Володины родители вместе с бабушкой, Алешей и с присоединившейся к ним Володиной сестрой (из Свердловска, где она работала) приехали в наш город, о котором Володя им столько хорошего рассказывал. Ему давно нравилось у нас.

Купить квартиру у нас им было не по карману, хотя папа Володи быстро нашел работу: он был квалифицированным сварщиком (а его сестра смогла устроиться вагонновожатой в трампарк, хотя по специальности она была дипломированным инженером. Ей дали комнату в общежитии.) И вот тут-то и пришел на помощь им их старший сын: подписав с ним спонсорский контракт, завод предоставил его семье 3-комнатную квартиру в заводском доме на центральной улице...И выплачивал хорошую зарплату.

Мама очень привязалась к нему и к Алеше за эти годы, а они - к ней. А еще мама была слегка влюблена в нового Володиного тренера, который тоже когда-то был известным гонщиком. Его прежний тренер-одессит к тому времени уже эмигрировал в Америку, к своим сестрам.

Практически все лето ребята проводили у нее, а она сидела на нашем треке на всех их тренировках после работы, не говоря уже о соревнованиях, и ездила на все более-менее значительные гонки в Крылатское в Москву...

За это время мама успела узнать Володю поближе и уже не говорила мне теперь «Посмотри, какой мальчик, а?» Но это мне казалось естественным - ведь я же теперь была замужем.

Мама рассказывала не только о Володином огромном трудолюбии на тренировках, но и о том, как он, будучи у нее в гостях, целый вечер

Совьетика Часть 1

действовал ей на нервы, переключая весь вечер телевизор с одного канала на другой, без остановки. О том, каким материалистом он стал – в буржуазном, не в философском смысле слова. О том, как мечтал купить себе иномарку (еще одно новое для меня слово!) И о том, как он подружился с каким-то массажистом, который водил его в баню «с девочками»... Последнее я пропустила мимо ушей. Володя оставался в моем представлении *рыцарем в седле*...

Итак, мама уехала в Крылатское, я наказала ей рассказать Володе все как есть, хотя и с тяжелым сердцем. Но в конце концов, разве не он не ответил на мое письмо когда еще не поздно было что-то изменить?...

В тот день мы с Сонни рано легли спать, потому что оба устали. Я заснула как убитая. Мама должна была вернуться часов в 11, но у меня просто не было сил ее дожидаться.

...Когда я проснулась, мама уже стояла в дверях, в коридоре горел свет, а у нее была рассечена бровь, и на пол ручьем текла кровь...

- Не зажигай свет, - сказала она, - Посмотри в окно: куда он пойдет?

Я, ничего спросонья не соображая, механически встала и босиком подошла к окну, не спрашивая даже, кто *он*.

За окном никого не было.

- Кто он ? Да что случилось? - я все еще пыталась проснуться.

- А ты не слышала, как я кричала?

- Нет... мы так устали за день...

Сонни и Лиза мирно сопели во сне.

Оказалось, мама так заговорила с Володей и его тренером, что осталась в Москве до последней электрички. От вокзала до нашего дома было минут 20 ходьбы, не больше. И мама пошла пешком, как мы все всегда обычно ходили. За ней с самого вокзала увязался какой-то

тип, но она не придавала этому большого значения: решила, что ему просто по пути. Они даже разговорились. Он вел себя совершенно обыденно и спокойно - пока они не дошли до нашего подъезда...

Мама сказала мне шепотом, что он ей там предложил.

- А я ему и говорю: пусть тебе *Ельцин с Горбачевым пососут!* И как начала орать.. Он звезданул меня лбом с размаху, как уголовник, и убежал. Вот, видишь, бровь разбил...

Такого на моей памяти за все мои почти 23 года в СССР не случилось не только ни с кем из моих родных, но и ни с кем из моих многочисленных знакомых. Никогда!

Значит, «эротика - это искусство», господин Горбачев? «Часть мировой культуры», к которой нам необходимо приобщиться? Чтоб ваших внушек к такому искусству в какой-нибудь подворотне *приобщили!*

Мама не хотела идти в милицию:

- Какой от них толк? Ты что, не знаешь, какие они у нас теперь? Скажут, а зачем по улице вечером шла? А что, у нас улицы по ночам уже зарезервированы для бандитов? Хозяева мы в своем городе или нет? Расскажу Сашку, пусть он с ним разберется... Я видела, в какую сторону он пошел. Этот тип сказал, что недалеко здесь живет.

-А к врачу? Твою бровь зашивать надо, нельзя так оставлять, засорится, заражение будет...

- Ничего, я ее перекисью водорода...

И так к врачу и не пошла. К утру глаз ее опух и закрылся. А еще через два дня из брови начал выделяться желтый гной.

- Надави мне, пожалуйста, на бровь, выдави его,- просила мама, морщась от боли. - Сама не могу, слишком больно.

Совьетика Часть 1

И я, ругаясь на нее и говоря, что она подцепит заражение крови, морщилась и выдавливала из раны гной и мазала ее перекисью водорода. Рана не заживала еще долго. Но, к счастью, заражения не было. После этого случая в психике мамы произошел первый надлом.

Володя очень расстроился, когда узнал, что с ней случилось. Даже считал себя виноватым - ведь это к нему она в Москву ездила.

Наша первая с ним встреча прошла достаточно ровно, хотя оба мы чувствовали друг друга смущенно.

- А ты с акцентом стала говорить, с акцентом... – наделанно засмеялся он.

Господи, неужели я действительно так изменилась? Мне казалось, что сам Володя изменился гораздо больше меня.

Володя немного поправился, но главная перемена в нем была не в этом и даже не в том, что из юноши он теперь уже превратился в мужика. Просто раньше самым обаятельным в нем была его застенчивость, а теперь от нее не осталось и следа. Видимо, не прошли бесследно *постперестроечные походы в баню*. Но все равно, встреча с ним всколыхнула во мне воспоминания - о таком еще совсем недалеком времени, что, казалось, его можно было потрогать рукой. Времени, когда жизнь была настолько непохожей на окружающее меня теперь *царство соловьев-разбойников*, от каждого соприкосновения с которым возникало такое ощущение, словно тебя ударили кувалдой по голове...

Мы с Сонни сходили в гости к его родителям. Сонни знал о Володе – но, конечно, *не все это*. Как я могла признаться ему в том, в чем даже самой себе не признавалась? Да и в чем было мне признаваться, если между мной и Володей никогда ничего не было, даже поцелуя в щеку?

Володины родители оказались простыми, славными людьми - особенно мама. Я ей тоже очень понравилась. Она чуть ли не в открытую жалела, что у нас с Володей *не сложилось*. Такой же милой и простой была и Володина сестра. А вот у отца их чувствовался крутой

нрав. Алеша же вообще скоро стал мне как младший брат. Он быстро почувствовал мой душевный настрой, и с ним я могла быть откровенной – даже без слов. Принял меня как свою даже маленький и страшно вонючий пес Володи – Арнольд, напоминавший его своей приплюснутой комплекцией.

Когда Володя провожал нас домой в тот вечер, на прощание он сжал мою руку - так крепко, что я чуть не вскрикнула - и вдруг провел большим пальцем по середине моей ладони. И одновременно мягко обнял меня другой рукой на секунду за талию. Я, уже почти свыкшаяся с мыслью, что мы будем просто друзьями - какими и были всегда,- чуть не упала прямо на улице без чувств. «Где ты раньше был?...»

Было темно, Сонни был веселым, подвыпившим и ничего не заметил.

В полном смятении я рассказала обо всем маме. Но она только пожала плечами- мол, мне не стоит воспринимать его так всерьез, ничего такого страшного не случилось, и не ходить из-за этого на трек было бы просто глупо - ведь там будет так интересно.

Моя мама никогда не воспринимала всерьез чувства других людей. В данном случае не Володины, конечно (у него и не было никаких чувств, он был просто *реванист* по натуре), а мои.

...Через два дня я поняла, что лучше мне Володю больше не видеть. Даже с трибуны на треке. Но мама не слушала меня и вытащила нас с Сонни туда чуть ли не силком. Сонни было интересно - как было интересно ему все новое. А у меня кошки скребли на душе. И не зря...

...У нас с Володей со времен «вооруженки» была «наша» песня. Эту песню крутили на нашем треке на всех тренировках именно тогда, когда он выходил на полотно. «Парень с гитарой».

*«Начиналась ночь серенадой —
Это он, это он, это он.
И записочка сверху падала
Под балкон, под балкон, под балкон.*

*Кто этот, кто этот, кто этот парень с гитарой?
Чья это песня звучит, не смолкая в крови?
Кто этот, кто этот, кто этот парень с гитарой?*

«Это же я, я тебе объясняюсь в любви.»

При звуках этой песни начинало сильнее биться мое сердце.

И вот теперь - представьте себе, через 5 лет - да не просто 5 лет, а таких, что прошла целая эпоха,- все вдруг было как прежде. Снова звучала именно эта песня - словно и не было на свете никаких новых пошленьких шлягеров вроде «Два кусочка колбаски». И он снова кружил под нее по треку, и снова было лето, и трибуны были украшены красными транспарантами, как в *совсем еще не старые* добрые дни...

Это оказалось последним для меня ударом. И без того еле державшуюся эмоциональную плотину, которую мне такого труда стоило выстроить, прорвало, и неудержимая тоска по всему доброму, человеческому, хорошему, что люди вокруг меня так бездумно выбросили в мусорную корзину, поменяв настоящее свое золото на *зеркальца и бусы*, хлынула наружу, грозя затопить все вокруг. В моих мыслях понеслось – а что бы было если бы я никуда не уезжала? *А вдруг Советский Союз все по-прежнему существовал бы?* Если бы я и такие, как я, не уехали бы, предав тем его?

Но я же не знала, что я ему нужна, пыталась я оправдаться. Я не чувствовала себя ему нужной. И тут же внутренний голос говорил мне: да это не Советскому Союзу ты была не нужна, а таким, как Ельцин с Горбачевым!

...Наверно, от досады –и чтобы утереть мне нос- Володя блистал на тех соревнованиях краше обычного. Видя такое отточенное мастерство, даже выдавший виды Владислав Андреевич, тетя которого была в свое время многократной чемпионкой страны и всеобщей в нашем городе любимицей, аплодировал Володе до боли в ладонях. Хотя вокруг него крутилось множество недоброжелателей, нашептывающих ему о Володе нехорошие вещи (в основном из-за заводской квартиры, на которую они сами положили глаз), он никого из них не слушал, а после этой победы со всеми на то основаниями мог им ответить: «Ну, а я вам что говорил?» Володя честно отработывал свою зарплату. А в том году он разозлился так, что даже вошел в восьмерку на чемпионате мира!

Видя мое состояние, но не подозревая глубину его причин, мама пыталась сказать мне, что Володя «теперь уже не тот» - что его, как и многих из нашего поколения, ельцинщина в совокупности с перестройкой душевно и физически развратили. Но дело было совсем не в Володе - просто он (точнее, то, каким он был в моей памяти) был для меня символом советской эпохи. Напоминанием о тех временах, когда мужчины совсем по-другому относились к женщинам, чем Сонни и его современные собратья. Когда перед тобой не просто открывали дверь, уступали тебе место в транспорте и подавали тебе пальто, а еще и смущались тебя, если ты нравилась, а не лезли тебе с налета за пазуху и не предлагали тебе всякие мерзости. Когда на работе к тебе относились как к коллеге и нормально обсуждали с тобой производственные дела, а не бросали масляные взгляды в вырез твоего платья. Когда пели такие песни, как *«и если на свете есть все-таки бог, бог- это женщина, а не мужчина»*. Когда 8 Марта было не слащаво-слюнявым «праздником весны и любви» («Днем любви» кощунственно именовался в «новой» России фильм о массовых изнасилованиях, и это среди «перестроенных» россиян даже никого уже и не удивляло!), а праздником прежде всего Женщины-труженицы и человека. Гобачевщина и ельцинщина сумели возродить у нас в стране Домострой, соединив его с самой грязной западной похабщиной. Женщина превратилась в вещь и товар - так же как и на Западе (Энгельс был совершенно прав!), только в еще более открытых формах.

Дело не в Володе, мама, - дело в СССР!

Какой была бы наша жизнь сегодня, если бы не случилось всего этого?

Сонни было не понять моих переживаний. Все, что он видел перед собой, были полуразвалившиеся некрашенные дома и грязные, давно не асфальтированные улицы, заброшенные жестянками от пива. Да и даже если бы он увидел мой город во всей его красе, в лучшие годы моей жизни, смог ли бы он понять, чем мы жили, чем дышали, какие у нас были нормы и ценности?

У Сонни была отвратительная привычка говорить скверные слова в самые интимные моменты. Его, видите ли, это возбуждало. И сколько я

ни говорила ему о том, до какой степени мне это противно, ничего не действовало. Я попыталась внушить себе, что это особенности его темперамента. Но после соприкосновения с еще теплившимся на моей земле, *заживо похороненным* советским строем терпеть это было больше непереносимо. Как и многое другое - то, что тебе нельзя быть самой собой, нельзя открыто высказывать даже дома свое мнение, как ты это спокойно делала всю свою жизнь в «тоталитарном» обществе; что «кормилец» решает за тебя твое будущее и то, какой должна быть твоя жизнь (включая и где жить!), что все, что тебя интересует, все, что тебе дорого, все, что ты делаешь наталкивается на одну-единственную реакцию – *«заткнись, не хочу об этом знать! Вот если бы это приносило деньги...»*

И я не выдержала и сказала Сонни об этом. Мне так хотелось, чтобы он понял меня и понял, насколько все это для меня серьезно. Чтобы мы вместе нашли решение - как же жить дальше.

- I'm not happy with you³²⁴, - сказала я ему тихо. (Я сама только что это открытие сделала: до этого я все думала, что все браки, наверно, такие - и гоголевское «отчего же не жить как-нибудь?»). Но Сонни, естественно, только обиделся. В нем не было достаточной зрелости, чтобы задуматься, а в чем же дело, и что нам обоим можно изменить. Вместо этого в нем с новой силой разыграл его комплекс неполноценности... Наверно, надо было просто промолчать. Если бы я была немного поопытнее в знании человеческого характера и менее искренней, я бы, пожалуй, так и сделала.

- Вы все тут сумасшедшие! И страна у вас ненормальная! - вспыхнул Сонни.

Пожалуй, на это мне нечего было ему возразить. *Нормальной* наша страна действительно уже несколько лет как перестала быть.

Вскоре после этого Сонни засобиравшись домой в Голландию - ему надо было писать диплом, а у нас это было по техническим причинам

³²⁴ Я не чувствую себя с тобой счастливой (англ.)

невозможно. Но мне совсем не хотелось уезжать. Одна только мысль о том, что придется сидеть в Голландии все лето - самые прекрасные месяцы в году! - , когда мне в общем-то совершенно нечего там делать, приводила меня в ужас. Я еще не надышалась родным воздухом. Тогда мне на короткое время даже показалось, что если я вернусь домой, то мы заживем как раньше - и мне до боли вернуться домой захотелось. И хотелось до самых выборов 1996 года...

Я возлагала на них по наивности большую надежду. Ведь совершенно очевидно было, что «так жить нельзя». Еще когда я провожала Сонни в Москву, за 2 года до этого, вдоль Варшавского шоссе выстроились многокилометровые очереди - обманутых вкладчиков АО «МММ».... Сонни подумал, что это стоят зрители, пытающиеся попасть на какой-нибудь рок-концерт.

За два года таких людей стало только во много раз больше. Банки и всякие АО лопались как мыльные пузыри. Люди, привыкшие доверять банкам государственным, доверились так же всем этим АО, потому что «их же рекламировали по телевизору», не понимая, что государства, всегда охранявшего наших людей от обманщиков и проверявшего достоверность информации прежде, чем ее публиковать, больше не существовало. Отныне можно было публиковать любые ложные обещания – достаточно было только хорошо заплатить за это в СМИ.

На двери почтового отделения у нас в городе висела записка – «С завтрашнего дня начинается выплата детских пособий за декабрь 95 года». Летом 96-го! Какой нормальный человек в здравом уме стал бы после этого «голосовать сердцем» за Ельцина, который отдргивал на последнем дыхании *буги-вуги* с экранов телевизоров?

А я была так уверена, что нормальных людей у нас намного больше!

Я еще не знала, как «делаются» выборы в «демократическом свободном обществе», «денежными мешками» - в прямом и в переносном смысле этого слова. Я уже приводила вам выше пару примеров.

Все, кого я знала - все, как один голосовали за Зюганова. Единственным знакомым мне человеком, проголосовавшим за Ельцина, была вышедшая замуж за голландца похожая на крысу-альбиноса ленинградка Аня из Схидама, которая работала вместе с Сонни на первом в его жизни его рабочем месте. Она специально, по

ее словам, поехала домой на выборы, чтобы «не вернулось проклятое прошлое».

Я посмотрела на Анюту с ее *великолепным настоящим* - донашивающую обноски родственниц ее мужа и постоянно жаловавшуюся, что нет денег даже на то, чтобы помыться в душе от души, сколько угодно:

- Конечно, Анюта, ты проголосовала за него - *тебе-то там не жить...*

Постепенно приезжать домой мне хотелось все меньше и меньше. В каждый следующий мой приезд родной город мой выглядел все плачевнее и плачевнее - а теперь, после этих выборов, не осталось даже надежды, которая, как уверял меня Володя Зелинский, «умирает последней».... На потрескавшихся стенах многоэтажек, в которых все, кто мог себе это позволить, построили себе железные двери, а многие даже огородили свои лестничные площадки железными клетками, напоминавшими зоопарк красовались матерные ругательства в адрес «гаранта конституции», расстрелявшего российский парламент (он именовался там аббревиатурой «ЕБН» - по его инициалам) - и призывы «Ельцина - на рельсы!», напоминающие о еще одном из многочисленных его невыполненных обещаний. Надписи городские власти каждый день закрашивали - и каждую ночь на их месте появлялись свежие.

Моей первой реакцией стало сильное разочарование в людях после тех выборов. Неужели мой советский народ, мои земляки оказались такими мазохистски настроенными самоубийцами? Ибо голосовать за Ельцина и его курс - после всего, что наши люди уже натерпелись от него и его архаровцев!- для большинства избирателей означало самое натуральное хакари. Не понимать этого можно было только просидев всю жизнь в четырех стенах какого-нибудь центра советологических исследований за рубежом. Ну, им за то и деньги платят.

Это был самый что ни на есть *карт-бланш Джеку-Потрошителю*. Многие из «проголосовавших сердцем» после этого уже не смогли дожить до следующих выборов- именно из-за такого своего «выбора».

Именно тогда я с болью оставила мечту о возвращении домой, став перманентной беженкой. Что ж, господа-товарищи, если вы действительно настолько слепы, то мне с вами не по пути...

Но вспоминая, какая грозная и тяжелая атмосфера висела в те роковые дни над моим городом - типичным городом средней полосы России,- ни за что не поверю, что Ельцин на самом деле одержал победу на этих выборах. Разве только если каждый голос бандитов-бизнесменов и *Анюток-секонд хэнд* из Голландий засчитывался за 10 голосов нормальных людей.

...А тогда в 1994-м... тогда Сонни уехал, а я осталась дома еще на месяц. Я отсыпалась и отъедалась - на год вперед. И все думала, думала и думала - в каком же именно месте мы сделали неверный поворот, и как же теперь жить дальше. Когда я вернулась, Сонни даже не встретил меня в аэропорту. Разговаривал он со мной сквозь зубы.

Правда, на вручение его диплома в Энсхеде мы отправились вместе. Декан зачитывал фамилии отучившихся, они под аплодисменты родных и близких всходили на сцену и получали свой диплом. В алфавитном порядке. Сонни был в самом конце списка.

- Диплом инженера-электротехника вручается студенту Гансу Клоссу³²⁵!- неожиданно торжественно провозгласил декан. Я не удержалась и фыркнула на весь зал. А какой, скажите, советский человек на моем бы месте удержался?

Сонни с негодованием посмотрел на меня из другого угла зала.

«Я же говорил, что вы все сумасшедшие!»- было написано у него на лице.

... Есть в моем родном городе место, о котором мне до сих пор снятся самые прекрасные, самые добрые сны. Но я никогда не хожу туда, когда приезжаю домой. Слишком больно смотреть на то, что от него осталось...

Это – то место, где стоял наш старый дом. Где я выросла и провела 17 самых счастливых лет своей жизни. И еще пять летних каникул.

...Я уже была в Голландии, когда бабушке и Шуреку дали квартиру: они едва успели получить ее еще в советское время и по советским законам. Бабушка радовалась, потому что с возрастом становилось

³²⁵ Ганс Клосс – герой популярного в СССР польского сериала о войне «Ставка больше чем жизнь», польский разведчик среди фашистов.

все труднее приносить воду из колонки и выносить в ведре мусор за линию.

Раньше полагалось, переезжая, снести свой дом в течение какого-то очень короткого срока (помню, как Тамарочка, переезжая, срочно искала бульдозериста), но к тому времени, когда квартиру получили бабушка с Шуреком, уже никто не следил за соблюдением законов: девизом нового общества стало «что хочу, то и ворочу!» И ни у кого из моих родных просто не поднялась рука на наш дом. У меня бы тоже не поднялась. Он был для нас как живой, как член нашей семьи. Долго еще тетя Женя, для которой он тоже был родным, приходила каждый день (!) из далекого Заречья: по утрам чтобы открыть ставни в доме и по вечерам - чтобы их снова закрыть. Чем дольше окружающие думали, что в доме кто-то живет, тем дольше его бы никто не тронул. Но в конце концов и тетя Женя устала это делать – она тоже была немолода, - и дом просто закрыли на замок и оставили с закрытыми ставнями...

Соседями у нас в ту пору были недавно переехавшие на нашу улицу циркачи на пенсии, которые держали у себя в саду чуть ли не целый зоопарк, даже обезьян. Из сада ветер приносил нехорошее амбрэ, и циркачам очень хотелось расширить свои владения.

Несколько раз они приходили к бабушке уже на новое место жительства и предлагали деньги за наш старый дом и сад, но бабушка отказывалась - и я тоже отказалась бы. Это было все равно как продать твоего лучшего друга! Если вы видели фильм «Белые росы» - у его пожилых героев было такое же отношение к своему старому дому, который они не хотели продавать на дрова. *И даже если нет возможности родной дом сохранить, продать его все равно не поднимется рука.* Это трудно объяснить словами. Это просто очень глубокое чувство, наверно, впитанное еще с материнским молоком, запрещающее тебе такие сделки - как библейская заповедь «не убий» или «не укради».

Это *наша* заповедь – не капиталистическая, понимаете? Капиталист маму родную продаст – если сумма будет достаточная. А чтобы не мучали остатки совести, еще и уверит себя, что так для мамы будет даже лучше... Для Сонни не только мой, а даже и собственный его родной дом ничего не значит - он с радостью готов поменять его на

большой по размеру и в более «шикарном» районе. А уж если его можно продать... Единственное, что его будет беспокоить - это как бы не продешевить! Когда он увидел мой дом на фотографиях, единственное, что его заинтересовало, это как мы там впрятером помещались.

Но во всех моих снах о доме все эти годы мы возвращаемся в него - и бабушка, и Тamarочка, и дедушка, даже когда вокруг все разрушено, даже когда везде идут стройки и *перестройки*, - и остаемся там навсегда. Если бы я была верующей, я бы надеялась, что именно так и случится после моей смерти... Никакие райские яблоки не заменят мне *мельбы* из нашего сада!

Наверно, я все-таки не собралась бы с духом пойти туда, если бы не моя школьная подружка Алла Колесникова. Я не видела ее много лет. За это время она успела выйти замуж, родить сына и овдоветь; ее мама, которую я помнила веселой полной женщиной, стала похожа на живой скелет, и было видно, что ей осталось жить на этом свете недолго, хотя она была совсем еще не старая, а сама Алла была вынуждена уйти с любимой работы в детском саду и стать контролером счетчиков - от энергетической фирмы, где ее покойный муж работал когда-то электриком: только для того, чтобы ее с малышом, который был всего на несколько месяцев старше Лизы, после самоубийства Аллиного мужа не выселили из фирменного общежития...

Несмотря на все трагедии, Алла была по-прежнему размеренная и спокойная, какой я ее всегда знала. Приходила она в ярость только от одного - при имени Ельцина...

- А пойдём-ка, пройдемся, как раньше... - сказала она мне, излив душу. Это был как раз тот летний вечер, когда я чуть не подпрыгнула от того, что Алла на улице взяла меня под руку для прогулки (как мы всегда, испокон веков с нею ходили!) - из-за пагубного голландского влияния.

И мы пошли.

Чем ближе мы подходили к моему дому, тем больше мне становилось не по себе, хотя я старалась ей этого не показывать. Но когда я увидела вросшую в землю калитку, покосившийся такой дорогой мне деревянный силуэт, двухметровые заросли крапивы там, где мой дедушка высаживал картошку, запаркованные на моей

Совьетика Часть 1

любимой полянке «Камазы» нашего соседа- шофера -дальнобойщика и прыгающих по нашему саду мартышек, я покачнулась. Не знаю, что там было написано у меня на лице, но Алла здорово испугалась.

- Жень, ты что? Тебе плохо? - и подватила меня под руку еще плотнее. - Наверно, не надо мне было тебя сюда приводить. Пойдем, а?

- Нет, нет, я ничего, со мной все в порядке, - выдавила я, хотя мне хотелось разрыдаться. Около дома в полузаросшей канаве я разглядела что-то металлическое, тускло блестящее. Это была вырванная с мясом заслонка из нашей печки, которую я за всю свою жизнь никогда не могла открыть. Когда-то в детстве я буквально висела на ее металлической цепочке над лежанкой, но она была вмонтирована туда намертво. На лежанке я сама карандашом рисовала свой профиль, прижавшись к ней - и потом удивлялась, зачем это бабушка его стирает, ведь получилось так красиво... Кому и зачем понадобилось эту заслонку выламывать? Клад, что ли, искали, идиоты?

У меня потемнело в глазах. Перед мысленным взором вихрем пронеслось, как я молотком разбирала старую печку, когда дедушка решил, что нам нужна новая, поменьше. Как трудно ему было найти печника - это была вымирающая профессия. Какие вкусные пироги бабушка пекла в этой печке. Как в сильный мороз приходилось топить ее два раза в день вместо одного... А теперь там, значит, мартышки греются? И едят наши яблоки и груши? Какая ирония! И как то, что я увидела здесь, в самом дорогом мне на свете месте, похоже на все то, что произошло с моей страной, в которой отныне хозяйничают цирковые макаки...

Я бессильно опустилась на остатки украшавшего когда-то всю нашу полянку цикория.

Для меня именно этим, а не количеством иномарок и недвижимости, измеряется степень цивилизованности человека - *не брать, что «плохо лежит»*. Не ломать что-то оставленное без присмотра потому что «оно все равно ничье». У меня самой просто не возникает такого желания: ломать кнопки в лифте и писать в нем, разбивать окна в

чьем-то доме, если в нем не горит каждый вечер свет или отрывать доски от лавочек в парке потому что «в хозяйстве пригодится».

И дело не только в нашем доме и в том, во что превратили «освобожденные личности» полянку в конце квартала, называвшуюся у нас «голубыми лавочками», где гуляли бабушки с колясками и не так давно была настоящая детская площадка, с лавочками, сценой, качелями и бревном, по которому можно было ходить. Дело еще и в том, что у наших людей остались какие-то странные иллюзии насчет того, что «там»- на Западе - в этом отношении дела обстоят как-то по-другому... Когда даже ирландский премьер говорит: "In my end of Dublin, if you park things too long they usually get vandalized."³²⁶

Дела обстояли по-другому как раз только в СССР! И могли бы обстоять по-другому и сегодня: для того, чтобы «коммунизм работал» необходимо было прежде всего каждому из нас изменить себя и постараться стать *новым человеком* - не указывая пальцами на других... Не так уж это и трудно. И не надо мне тут указывать на райкомы и Политбюро! А вы сами хотя бы попробовали *жить как настоящий коммунист* - прежде чем ждать, что вам лично социализм даст?

Я бережно вытащила медную заслонку из грязи. Алла не поняла, что это, но по моему лицу догадалась, что что-то очень для меня важное.

У меня больше не было сил смотреть на *мартышек, захвативших мой дом*, и я отвернулась. В конце заросшего огорода, совсем рядом с железнодорожной линией, гордо возвышался надо всей крапивой и репейником молодой сильный дуб. Дубок, посаженный мной на огороде из найденного в лесу проросшего желудя, когда я училась в первом классе... Живое свидетельство того, что посеянное не пропадает зря! И до чего же он был хорош - особенно в контрасте с тем, что его окружало!

Вид его вернул меня к жизни. Нет, мы еще поживем, еще поборемся, еще *повыгоняем мартышек обратно в вольеры!* Если мы

³²⁶ «В моем районе Дублина если что-то оставить надолго, то это непременно разломают»

(<http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9B02EFD71F30F932A05750C0A96F958260>)

Советика Часть 1

не успеем на нашем веку это сделать, то это сделают наши дети и внуки. Главное – передать им эстафетную палочку. Рассказать им правду о том, что такое Советская власть.

...Когда-то на втором курсе, еще сама не зная, к чему привели меня мои отношения с Саидом, я возвращалась из Москвы домой под праздник. Электричка была так набита народом, что я в буквальном смысле слова стояла в тамбуре на одной ноге- для другой не было места. Меня сдавили со всех сторон. Я даже не почувствовала, что мне стало плохо, но народ вокруг меня вдруг закричал:

- Девушке дурно! Расступитесь, товарищи!

И хотя это было физически практически невозможно, люди наши действительно сразу попытались расступиться - насколько смогли.

-Милая, что с тобой?- склонилась над моим ухом чья-то голова - Воды, воды ей дайте...

Воды ни у кого не было. И тогда кто-то достал из сумки такой редкий и такой дорогой у нас в это время года свежий огурец, который он, видно, специально купил в Москве к праздникам - и с размаху отломил мне половинку....

- Ешь, тут воды 98%...

Вот что невозвратимое мы потеряли. Вот чего нет в «свободном» обществе, где даже спросить тебя, нужна ли тебе помощь, считается чуть ли не нарушением твоей свободы – падать в обмороки и умирать. Таких удивительных человеческих отношений и такой заботы друг о друге. И это не заменят никакие поездки на Багамы.

...Да, все в сравнении познается! Вы заметили, что отношение к Леониду Ильичу Брежневу сегодня совсем другое, нежели было на заре «перестройки»? Как ни вопят демократы, что мы «забыли все ужасы застоя», «очереди за хлебом» (*пardon??*), то, что «поездку за рубеж надо было согласовывать в райкоме партии», а в продаже «не

было красной икры», на народ эти когда-то действовавшие как гипноз истеричные вопли уже не действуют.

Почему же совсем недавно Леонид Ильич и другие *руководители ленинского типа* нас так возмущали, а сейчас мы им благодарны за лучшее время в нашей жизни?

Дело вовсе не в том, что мы постарели и с умилением вспоминаем свое детство и юность. Дело не в том, что мы забыли о трудностях того времени. Причина - в том, что раньше, когда мы возмущались, мы сравнивали Леонида Ильича с **коммунистическим идеалом руководителя**, а сейчас - не с идеалом, а с реальными, буржуазными политиками. И сравнение получается, сами понимаете, в чью пользу...

Когда гневные обвинения в том, что руководитель великой державы имел, бессовестный, государственную дачу и спецпаек, раздаются из уст «владельцев заводов, газет, пароходов», то хочется сардонически смеяться им в лицо.

Несколько лет назад многие люди еще побаивались сказать вслух, что они действительно думают по поводу жизни при социализме в сравнении с прелестями «рыночной экономики» - из опасения подвергнуться обстракизму Людям внушили, что это *моветон*: если тебе нравится жизнь в годы застоя: значит, ты «безынициативен», «ленив», у тебя «совковый менталитет», и т.п. и т.д.

Но сегодня нас прорвало. Скрывать свои чувства и мысли мы больше не намерены, как бы нас ни клеямили за это жующие ананасы и рябчиков. Больше всего они напоминают мне героя Ефима Копеляна из «Неуловимых...», сердито выговаривающего несознательной крестьянке, которая не хочет отдать ему свою единственную корову - под его торжественное обещание вернуть ей двадцать...

Крик души современного человека: «*Но неожиданно проявилась страшная вещь: нашей эпохе нечего противопоставить застою, кроме жевательной резинки...*»-

Да, вам нечего противопоставить той эпохе, кроме прокладок с крылышками!

И ради этого стоило уничтожить страну и так издеваться над людьми??

Советика Часть 1

О чем я думала, улетаю из Москвы? О словах пламенного друга народа Жана-Поля Марата. *«Пятьсот-шестьсот отрубленных голов принесли бы вам спокойствие, свободу и счастье. Фальшивый гуманизм удержал вашу руку от удара, но из-за этого миллионы ваших братьев заплатят жизнью»*

...О господи, господи, если есть на свете рай после смерти, и если я его заслужу, пусть он будет таким, как СССР!

Советский Союз был драгоценной жемчужиной, которую мы легкомысленно бросили в грязь перед свиньями. Думая, что у нас еще навалом будет таких жемчужин - в других раковинах. А они на поверку оказались пустыми...

Говорят, Ельцин отомстил за своего дедушку?

Тогда пора нам начинать мстить за наших!